

Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Русское общество истории и философии науки

**РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ:
МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ В НАУКЕ,
КУЛЬТУРЕ, СОЦИУМЕ**

Сборник научных статей

Нижний Новгород
Издательство РОИФН
2021

УДК 13+16 (08)
ББК Ю25+Ю52+СОя4
Р32

Рецензенты:

*Шарков Антон Валерьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры
культурологии и социально-гуманитарных технологий
философско-социологического факультета Пермского государственного
национально-исследовательского университета;
Парилов Олег Викторович – доктор философских наук, профессор, Приволжский
филиал Российского государственного университета правосудия.*

Р32 Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме:
Труды III Всероссийской научной конференции / Под общей ред.
А.М. Фейгельмана. [Электронный ресурс]. – Москва: Изд-во «Русское общество
истории и философии науки», 2021. – 531 с. Режим доступа:
<http://www.rshps.ru/books/rev-evo-2021.pdf>

ISBN 978-5-6047228-3-1

В книгу вошли статьи участников III Всероссийской научной конференции «Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме», которая проходила 26-28 ноября 2021 года на базе Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина и Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. На конференции рассматривались вопросы, связанные с философией, методологией и историей науки, философией медиа, педагогики и музейного дела, а также современными проблемами философской антропологии. Для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, практических работников образовательных учреждений и общественных организаций.

ISBN 978-5-6047228-3-1

УДК 13+16 (08)
ББК Ю25+Ю52+СОя4

Оглавление

Часть 1. Философия науки: историческая перспектива и футурологические прогнозы	8
<i>Алпатов В.М.</i> Прогноз революции в языкознании	8
<i>Антипов Г.А.</i> Эволюционная модель науки: метафизическая исследовательская программа.....	12
<i>Баранец Н.Г., Верёвкин А.Б.</i> Математические проблемы и «научная мода».....	16
<i>Волков Ю.К.</i> Псевдоистория: лженаука или свободная наука будущего?.....	19
<i>Воронина Н.Н.</i> Проблема иерархии в коммуникации науки и общества.....	23
<i>Герасимова И.А.</i> Наука, технологии и общество в условиях нарастающих темпов планетарной коэволюции.....	26
<i>Дергунов Ю.В.</i> Проблема роста знания в исследовательской программе зависимости в социологии развития.....	31
<i>Дорожкин А.М.</i> Особенности трансляции научной проблемы в галисоновских, гумбольдтовских и негумбольдтовских зонах обмена	36
<i>Закарян М.Р., Закарян Р.М.</i> Диалектическая феноменология системности: системное сознание и сознание системности	39
<i>Князев В.Н., Кадеева О.Е.</i> Реляционная парадигма Ю.С. Владимирова в современной физике	47
<i>Лисеев И.К.</i> Биосферогенез в условиях антропоцена: эволюция или революция?.....	51
<i>Калинин Э.Ю., Люскин М.Б.</i> Медиальность и виртуальность как аспекты трансформации человеческого существования (постклассический подход)	56
<i>Мануйлов В.Т.</i> «Немецкий конструктивизм» как философия науки	59
<i>Моисеев Д.С.</i> Археофутуризм Гийома Фая: футурологический прогноз «справа»....	63
<i>Мусс А.И., Мараев В.Н.</i> Способы и исходы обращения психологов к философии науки: философско-антропологическое исследование смысловых пустот	67
<i>Невважай И.Д.</i> Истина и справедливость в науке	72
<i>Сидоров Л.Г.</i> Научное управление: инспиративный подход	76
<i>Соколова О.И.</i> О роли субъективности в научной деятельности (на примере творчества Т. Куна).....	80
<i>Тульчинский Г.Л.</i> Антиутопии как источники образа будущего и осмысления настоящего	83
<i>Чеботарева Е.Э., Басков А.А.</i> Представление знания в цифровую эпоху: что будет, если закончится интернет?	88
<i>Яковлев В.А.</i> Информационный подход в философии науки	92
Часть 2. Новационное развитие и перспективы человека	97
<i>Атакуев М.Н.</i> Квалиа и интероцепция в свете концептуального анализа.....	97
<i>Бабошина Е.Б.</i> К эволюционному пониманию кризиса человечности	102
<i>Барышников П.Н.</i> Информационная теория репрезентации меж двух огней	105
<i>Бойко М.Е.</i> Философские аспекты гипотезы о возникновении вселенной EX NIHILO	109
<i>Ганичев Н.А.</i> Принудительная рационализация человека как главный эффект цифровой трансформации.....	114
<i>Глуздов Д.В.</i> Проблема свободы и идентичности человека в контексте развития искусственного интеллекта	117
<i>Гришечкина Н.В.</i> Персонализированное знание как инструмент биополитики	121
<i>Гулеватая А.Н.</i> Образование как культурный феномен в переходный период: к постановке проблемных вопросов философско-антропологического характера ...	124

<i>Ивашечкина Д.Е., Янак А.Л.</i> В поисках здравого смысла в серийной моногамии: взгляд Русской православной церкви	129
<i>Ковалев Д.В.</i> Технизация мышления и техническая рациональность: истоки и риски	132
<i>Малиновская Н.М.</i> Этические революции	136
<i>Обидина Ю.С.</i> Постгуманистический парадокс с позиций феноменологии	141
<i>Одинокая М.А., Ли Ю., Шередекина О.А.</i> Формирование цифровой культуры в высшем учебном заведении	146
<i>Одинокая М.А., Михайлова О.Ю.</i> особенности цифровизации образовательной сферы: состояние вопроса	150
<i>Петровская Ю.А.</i> Инновационный потенциал молодежи: методологические проблемы и опыт исследований в Республике Карелия	153
<i>Суханова Е.В., Бурков А.Д.</i> От машины к человеку: инверсия трансгуманизма в видеоиграх	157
<i>Тарасов А.А.</i> Эволюция VS Революция: от черного лебедя к красному	161
<i>Тимощук А.С.</i> Человечество и технос: перспективы прекариата в Убер-экономике.	165
<i>Тимощук Е.А.</i> Феноменология социокультурного бытия	168
<i>Тяпин И.Н.</i> Антропосоциоконсерватизм как рациональная альтернатива постидеологии	172
<i>Черникова И.В.</i> Проблематизация этических норм в условиях вызовов технонауки	177
<i>Янак А.Л.</i> Попытка осмысления макрофакторов распространения немодального родительства	181
Часть 3. Образование под знаком POST: навигатор в пространстве новой культуры.....	185
<i>Антипова Н.С.</i> Формирование профессионально-нравственных качеств у студентов, обучающихся по специальности «Сестринское дело», в процессе изучения дисциплины «История» как этической основы профессиональной деятельности	185
<i>Гутова С.Г.</i> Проблема маргинализации современного общества: образование и личность	188
<i>Дыдров А.А.</i> Антиутопия в интернете: что нового мемы дали жанру?	194
<i>Храпов С.А.</i> Когнитивно-цифровая революция в образовании: вызов для эмоционального интеллекта педагогов	198
<i>Шередекина О.А.</i> Формирование компетенций посредством кейс-технологии	201
Часть 4. Разломы медиареальности: специфика (пост)коммуникации в цифровую эпоху	206
<i>Артамонов Д.С., Тихонова С.В.</i> Историхакинг: компьютерные игры как инструмент конструирования представлений о прошлом	206
<i>Корнев Г.П.</i> Дезинформация и заблуждение в информационном пространстве	210
<i>Орлинская О.М.</i> Основные тренды в трансформации статуса института государства и политической элиты в цифровую эпоху	214
<i>Очеретяный К.А.</i> Интерфейс: дисциплинарное пространство или территория возможностей?	218
<i>Савчук В.В.</i> Революция в ситуации ее перманентности	222
<i>Сидоров В.А.</i> Что там, за «цифровым поворотом»: ценностный разлом медийной среды	225
<i>Суворова А.Ю.</i> Трансформация медиареальности в условиях развития цифровой среды	229
<i>Фоменков А.А.</i> Проблема доверия в эпоху нативной рекламы (нативного манипулирования)	233

<i>Фортуатов А.Н.</i> Технологии подлинности в коммуникативных атаках виртуального субъекта на социальную реальность.....	236
<i>Щавелева М.Б.</i> Образование в пространстве цифровой коммуникации: тенденции и противоречия.....	236
Часть 5. Эпистеме в науке и религии.....	245
<i>Воробьев Д.В.</i> «Метафизические размышления» Рене Декарта: онтологическое доказательство бытия Бога.....	245
<i>Думаревский Д.Б.</i> Теоретический метод и принципы богословия.....	248
<i>Зарапин О.В.</i> Созерцание как функция речи: текстовый инструментарий «философии имени».....	252
<i>Зубковская А.А.</i> Религиозная вера и неверие в эволюционной перспективе.....	255
<i>Кузина Е.Б.</i> Риторические вопросы как психологический прием в аргументации....	259
<i>Львов А.А.</i> Антидарвинизм Г.А. Тейхмюллера и его место в истории натурфилософии.....	263
<i>Игумен Петр (Пузенко), Меттини Э.</i> Проблема противопоставления знания и веры в современности. Наука и религия в современном обществе.....	266
<i>Стригин М.Б.</i> Эволюция априорного или пластичность матрицы сознания.....	270
<i>Ткачев А.Н.</i> Миф в научном и религиозном познании.....	276
<i>Толмачёв А.В.</i> Синтез научного, религиозного, мифологического и интуитивного познания – элемент самоорганизующей эволюции в эпистеме XXI в.....	279
<i>Хмелевская С.А.</i> Наука и религия на стыке границ рефлексивного и валюативного знаний (на примере развития анатомии в эпоху Позднего Возрождения).....	281
Часть 6. А.А. Андронов и развитие нижегородской науки.....	286
<i>Андронов А.А. (младший).</i> А.А. Андронов: создание и развитие центров образования и науки в Горьком (Н. Новгороде). картинки времен, событий, будущего.....	286
<i>Масланов Е.В.</i> А.А. Андронов и «аномальная» институция советской науки.....	293
<i>Стрелков Е.М.</i> Фазовый портрет: академик Андронов и его траектория.....	297
Часть 7. Кантовский трансцендентальный «коперниканский переворот»:	
революция или эволюция в развитии метафизики (эпистемологии)?.....	301
<i>Катречко С.Л.</i> Вольфо-кантовская революция в метафизике: сущность vs [возможный] предмет вообще (gegenstand überhaupt), онто-тео-логия vs метафизика как миро-воззрение (weltanschauung).....	301
<i>Крыштон Л.Э.</i> Коперниканский переворот канта в морали и религии.....	310
<i>Маслов В.М.</i> Коперниканский переворот И. Канта в техногенной перспективе.....	310
<i>Мёдова А.А.</i> Постулаты модальности Канта и перспектива трансцендентализма....	313
<i>Мишагин П.А.</i> Коперниканский переворот и постановка проблемы свободы трансцендентальном идеализме И. Канта.....	317
<i>Попов Д.Н.</i> Проблема развития науки в трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля в контексте современных дискуссий.....	322
<i>Чиботару В.</i> Значение трансцендентального в философии Канта и Гуссерля.....	327
<i>Шиян А.А.</i> Трансцендентальная феноменология гуссерля – эволюция или революция кантовского трансцендентализма?.....	332
Часть 8. Наука в социальном контексте – исторические и эпистемологические исследования.....	337
<i>Асташова Н.Д.</i> Конфликт «картин мира» в современном восприятии научного знания.....	337
<i>Вархотов Т.А.</i> О некоторых эпистемически необходимых социальных компонентах мысленного эксперимента.....	340
<i>Грифцова И.Н., Козлова Н.Ю.</i> Риторика публичной философии как проблема.....	345

<i>Конашев М.Б., Федорова А.А.</i> Власть и ученые: опросы, заявления и петиции как средство выражения мнения.....	345
<i>Костина А.О.</i> Одно неясное определение: к критике Джона Турри определения знания в эпистемологии добродетелей.....	353
<i>Кошовец О.Б.</i> Инкорпорация экономического знания в структуры власти: научная объективность и практики идеологического дискурса.....	356
<i>Куприянов В.А.</i> К вопросу об определении понятия «Научный журнал» в XVII–XVIII вв.	359
<i>Лобастова В.А.</i> В поисках реальности.....	363
<i>Скрыдлов А.Ю.</i> Практики взаимодействия государства и научного сообщества в ходе статистического изучения России в первой половине XIX в.	367
<i>Столярова О.Е.</i> Миссия науки – харизма разума	371
<i>Целищева О.И.</i> Эволюция взглядов Ричарда Рорти на концепцию философского анализа.....	375
<i>Шиповалова Л.В.</i> Между научной строгостью и политической актуальностью: судьба исследования в постнормальную эпоху.....	379
<i>Шкорубская Е.Г.</i> Публичность научной литературы как фактор недоверия к экспертному знанию.....	379
<i>Бажанов В.А.</i> О проблеме преодоления биофобии в социально-политических науках.....	387
<i>Жарков Е.А.</i> Постнормальная наука: аспекты политической субъектности	390
<i>Масланов Е.В.</i> Есть ли у науки политическая субъектность?	394
<i>Порус В.Н.</i> Об условиях политической субъектности науки.....	398
<i>Тухватулина Л.А.</i> Борьба за доверие к науке: между «элитизмом» и «эгалитаризмом»	401
<i>Шибаришина С.В.</i> Научные утопии и их цели: от Бенсалема до трансгумани.....	401
Часть 9. Музей в пространстве истории науки и техники.....	408
<i>Кузнецова Н.Б.</i> Научные коллекции Университета Лобачевского. Прошрое. Настоящее. Перспективы интерпретации	408
<i>Минина Е.В.</i> Музейные коллекции в отечественных и зарубежных исследованиях по истории науки и техники	414
<i>Шахнович М.М.</i> История науки в антирелигиозных экспозициях Ленинграда 1920-1950-х гг.	419
<i>Шлеева М.В.</i> История науки и техники в музеях России и СССР (XVIII в. – 1930-е гг.)	423
<i>Юсупова Т.И.</i> Проекты «Музея истории науки и техники» от «великих строек» до перестройки: контексты, концепции, персоналии	427
Часть 10. Экспертное знание в эпоху пост-правды: между защитой и отрицанием.....	431
<i>Антипов А.В.</i> Антипсихиатрия: между дениализмом и контрэкспертизой.....	431
<i>Лаврентьева С.В.</i> Каково быть экспертом-биохакером: об использовании знания в экспертном и биохакерском сообществах.....	434
<i>Петров К.А.</i> Экспертиза эффективности tDCS сообществом биохакеров	438
<i>Тухватулина Л.А.</i> Эпистемическая зоркость в условиях постправды.....	441
<i>Шевченко С.Ю.</i> Биоэтическая экспертиза биохакинга: повесть о двух дефицитах ..	444
Часть 11. Революции в социально-гуманитарных науках: типологии, специфика, хронологии.....	448
<i>Бекарев А.М.</i> Цифровая революция в менеджменте	448
<i>Головизнина Ю.И., Синьков И.А.</i> Контроль и надзор: парадигма развития в науке..	451
<i>Жаров С.Н.</i> О способах трансформации парадигмы: механизмы дискурса.....	455

<i>Ищенко Е.Н.</i> Революция в искусствознании в контексте визуального поворота: вызовы и ответы	458
<i>Калинин С.С.</i> Естественно-научная лингвистика как революционное и как эволюционное направление в исследовании языка.....	462
<i>Колесова О.В.</i> Методология школы «Анналов» в контексте научной революции....	466
<i>Майорова В.А.</i> Революционный характер медиации в гражданском процессе.....	471
<i>Орехов А.М.</i> «КМВ-Революция» и две стадии эволюции социально-гуманитарного знания.....	474
<i>Пак Г.С.</i> Научные революции в социально-гуманитарном знании и дисциплинарная матрица науки.....	478
<i>Платонова С.И.</i> Цифровая наука: основные характеристики и направления	481
<i>Рыскельдиева Л.Т.</i> Философия программиста: <i>AGI</i> и интеллектуальная революция.....	484
<i>Серова И.А.</i> Предметно-парадигмальная революция в медицине.....	488
<i>Упоров И.В.</i> Безреволюционность западного мира и эволюция как совокупность революций в России: исторический контекст	491
<i>Филиппов С.И.</i> Быть Богом: Социальный аспект одной позднесоветской утопии	495
<i>Чеберева О.Н.</i> Апология границы как основной вопрос теории архитектурного формообразования	499
<i>Шетулова Е.Д.</i> Социальная картина мира в интерпретации современной философии.....	503
Часть 12. Доказательство и аргументация в науке: исторические и теоретические аспекты.....	508
<i>Кислов А.Г.</i> Интрологические вариации коннексивной импликации	508
<i>Микиртумов И.Б.</i> Ученые, правительства и гуманитарные эксперты в делиберации по экологическим проблемам.....	511
<i>Павлухина П.А.</i> Наблюдение и вербализация чувственного восприятия в суждениях вкуса	515
<i>Пушкарский А.Г.</i> Трансцендентальная логика канта – логика или вид философской аргументации.....	518
<i>Черноскотов Ю.Ю.</i> О принципах построения выражений логического языка в «Основных законах арифметики» Г. Фреге	522
<i>Шкаброва М.В.</i> Знание как пропозициональная установка. следствия анализа эпистемических операторов	526

Часть 1. Философия науки: историческая перспектива и футурологические прогнозы

УДК 01

ПРОГНОЗ РЕВОЛЮЦИИ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Алпатов Владимир Михайлович

Доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Институт востоковедения РАН

Москва, Россия

И.А. Бодуэн де Куртенэ в 1901 г. издал прогноз развития языкознания в XX в. Он предсказал значительные изменения в лингвистических теориях и подходах в будущем. Предсказание 1: лингвистика обратится к изучению современных языков. Предсказание 2: изменится понимание сущности языкового родства. Предсказание 3: усилятся связи лингвистики с другими гуманитарными науками. Предсказание 4: лингвистика будет связана с математикой. Предсказание 5: языковое знание будет признано одним из видов человеческого знания. Его главные предсказания (кроме предсказания о современных языках) в первой половине XX в. не подтверждались. Это было время структурной лингвистики, которая развивалась в обратном направлении. Однако во второй половине века многие из прогнозов оказались верными. Их актуальность подтверждается в современной генеративной и функциональной лингвистике.

Ключевые слова: Бодуэн де Куртенэ, языкознание, XX в., прогноз, развитие, значительные изменения, подтверждение прогноза.

FORECAST OF REVOLUTION IN LINGUISTICS

Alpatov Vladimir Mikhailovich

PhD DSc in Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

In 1901 I.A. Baudoin de Courtenay published his forecast of the development of linguistics in the XX century. He predicted some significant changes in the linguistic theories and approaches in the future. Forecast 1: linguistics will apply to the study of the contemporary languages. Forecast 2: the understanding of the essence of the linguistic affinity will change. Forecast 3: relations of linguistics with other humanities will become stronger. Forecast 4: linguistics will be connected with mathematics. Forecast 5: the linguistic knowledge will be recognized as one of kinds of the human knowledge. His major forecasts (except the forecast of the contemporary languages) did not confirm in the first half of the XX century. It was the time of the structural linguistics, it developed the other way. However the majority of the forecasts proved to be true since the second half of the century. Their actuality is confirmed in the modern generative and functional linguistics.

Keywords: Baudoin de Courtenay, linguistics, XX century, forecast, development, significant changes, confirmation of forecast.

В 1901 г. профессор Петербургского университета Иван Александрович (Ян Игнацы Нечислав) Бодуэн де Куртенэ (1845-1929) опубликовал на польском языке статью «Языкознание, или лингвистика XIX века». Ее русский перевод издан в 1963 г. во втором томе двухтомника «Избранные труды по общему языкознанию».

Поводом для написания статьи послужило окончание XIX в. и начало нового столетия. В статье выдающийся русско-польский ученый подводил итоги последних ста лет развития науки о языке, а в последней ее части [Бодуэн 1963, т. II, с. 16-18] давал прогноз ее развития на последующий период.

К концу того века языкознание, как и другие науки, как правило, развивалось в рамках позитивизма. Наиболее влиятельным направлением позитивистской лингвистики была немецкая школа младограмматиков, или неограмматиков (А. Лескин, Б. Дельбрюк, Х. Остхоф, Х. Пауль, К. Бругман). В России после смерти А.А. Потебни наиболее видными направлениями лингвистики были школа Ф.Ф. Фортунатова в Москве и две школы, в разное время основанные И.А. Бодуэном де Куртенэ: в Казани, а затем в Петербурге.

Языкознание, как и многие другие науки в XIX в., развивалось под знаком историзма. Младограмматики считали: «Как только исследователь переступает за пределы простой констатации единичных фактов, как только он делает попытку усвоить связь между явлениями и понять их, так сразу же начинается область истории» [Пауль 1960, с. 43]. Позднее критики младограмматизма больше всего спорили с его историческим уклоном. Однако главным принципом позитивистской лингвистики был даже не историзм, а сосредоточение на «явлениях, доступных непосредственному наблюдению», или выводимых из них по строго определенным правилам. Господство «преклонения перед фактом» и изгнание «метафизики»!

Для позитивизма «познать какой-либо процесс... значило теперь не что иное, как разложить его на элементарные процессы». «Требование *объяснения* природных процессов по общим законам механизма оказывается, по мере того как чисто позитивистский идеал в науке действует все более и более строго, оттесненным; его место занимает более скромная задача *описания* процессов, происходящих по этим законам» [Кассирер 2002, с. 97]. Показательно, что не связанная с историей дисциплина – экспериментальная фонетика – возникла именно в эпоху младограмматизма и развивалась усилиями ученых такой ориентации. Она была сосредоточена на регистрации наблюдаемых фактов и вполне вписывалась в позитивизм.

И.А. Бодуэн де Куртенэ с самого начала стоял на других позициях, стремясь к построению теорий. В рассматриваемой статье Бодуэн де Куртенэ, прежде всего, полемизировал с позитивистской наукой о языке, полагая, что движение науки не должно ограничиваться изучением привычных проблем.

Ученый ставит революционную задачу: «До конца освободиться от схоластических взглядов, идущих от первоначальных грамматических опытов греков и римлян, а также от более позднего налета идей, рабски перенятых либо от индийских грамматик, либо от грамматик арабских и еврейских. В связи с этим существовавшая до сих пор лингвистическая терминология должна измениться коренным образом, измениться не только по форме, но и по существу, в том, что касается понятий».

Отказаться от всего этого было бы действительно революцией. Впрочем, в дальнейшем тексте Бодуэн де Куртенэ до такого все-таки не доходит. Уточнение «вечных» терминов и понятий уже шло к 1901 г. и продолжается сейчас, но вряд ли можно сказать о «коренных изменениях». Впрочем, например, от понятия слова уже начинают отказываться, а понятия морфологии и синтаксиса предлагают заменить на «единый морфосинтаксис» [Haspelmath 2011].

Но что предлагает ученый? Прежде всего, надо отметить актуальные для того времени предсказания переноса центра внимания с истории языков и реконструкции древних состояний на современность. В данной статье говорится, что к древним языкам надо идти от современности. В то же время у Бодуэна (в отличие от его младшего современника Ф. де Соссюра) сохраняется представление о необходимости постоянного

использования понятия развития: «Понятие развития и эволюции должно стать основой лингвистического мышления».

Однако осуждение сравнительно-исторической парадигмы, господствовавшей в XIX в., имеет у Бодуэна глобальный характер. Он надеялся на то, что «возможно... даже принципиально изменится взгляд на сущность языкового родства». Он отвергал основу этой парадигмы: концепцию родословного древа. Согласно ей, развитие языков – процесс распада некогда единых праязыков и последующего дробления языков-потомков, тогда как обратный процесс – объединения языков – принципиально невозможен. Бодуэн, не отрицая, разумеется, возможности расхождения языков, считал такую постулированную, но не доказанную схему слишком прямолинейной и не учитывающей всей сложности реальных процессов. Например, английский язык он считал смешанным романо-германским.

Ученик Ф. де Соссюра А. Сеше писал: «Лингвистика фактов сумела самостоятельно пробиться к самым замечательным открытиям. Теоретическая наука лишь следовала за ней». «И если мы по-прежнему верим в плодотворность этого принципа, то потому, что он существует и приносит пользу, а совсем не потому, что мы его поняли» [Сеше 2003, с. 43]. Однако какой бы теоретически шаткой эта концепция не была, ни Бодуэн де Куртенэ, ни другие теоретики языка так и не сформулировали ей убедительной альтернативы. Игнорировавшие теорию младограмматики и их последователи не видели здесь проблемы и охватывали реконструкциями все новые языковые семьи. «Лингвистика фактов» уже два столетия опережает научную теорию. Вся методика сравнительно-исторических реконструкций, по-прежнему дающая плодотворные результаты, базируется на этой концепции, тогда как идея о «смешанном характере всех языков» не смогла стать основой для сколько-нибудь разработанного метода.

Третьим главным положением прогноза был призыв к комплексному изучению объекта языкознания. К тому времени возобладала, особенно в конкретных исследованиях, тенденция к обособлению науки о языке, прежде всего от филологии, науки об интерпретации текстов, но также и от истории, социологии, психологии и других гуманитарных наук.

Но Бодуэн де Куртенэ значительную часть своих прогнозов посвятил необходимости укрепления связей языкознания с другими науками. Среди них и казавшаяся в то время совсем далекой от него математика. Он специально говорит о необходимости применения «количественного, математического мышления и таким образом приблизить его [языкознание – В.А.] все больше и больше к точным наукам». В том числе он пишет о введении математики в образование лингвистов. Этот прогноз сбылся, хотя лишь во второй половине века.

Психологию Бодуэн называет «базисной наукой» лингвистики, считает необходимым признание безусловной психичности человеческой речи. Однако дальше роль психологизма стала уменьшаться и почти исчезла в структурализме. Однако и здесь прогноз Бодуэна де Куртенэ в большей степени подтвердился во второй, а не в первой половине XX в. Н. Хомский провозгласил лингвистику «особой ветвью психологии познания» [Хомский 1972, с. 12]. Бодуэн также подчеркивал, что язык имеет не только психический, но и социальный характер.

История лингвистики знала и периоды расширения междисциплинарных подходов, и эпохи господства стремления к обособлению. В 1901 г. еще было не совсем ясно, куда идет процесс. В структурализме возобладало стремление к отделению языкознания от других гуманитарных наук, однако со второй половины века ситуация изменилась. Обе постструктуралистские лингвистические парадигмы – генеративная и

функциональная – открыли путь сближения языкознания с другими науками о человеке, от которых старались отвлекаться в структурный период.

Бодуэн де Куртенэ также говорил о важности изучения семантики: область языковых значений не была приоритетной ни для описательных грамматик, ни для реконструкций праязыков. Опять-таки к 1901 г. и особенно в последующие десятилетия развитие лингвистики скорее шло в сторону еще меньшего внимания к значению, что достигнет максимума в структурализме (хотя полностью отвергали его лишь немногие). И здесь к концу столетия все коренным образом изменилось.

И в самом конце статьи, пожалуй, самый революционный тезис. «Наряду с двумя до сих пор известными видами знания, т.е. рядом с интуитивно-артистическим и аналитически-научным знанием, станет третий вид знания – знание языковое». В другой статье он писал об этом несколько подробнее, добавляя: «В каждом языке мы можем выделять и определять наслоения и пережитки различных мировоззрений, или следующих друг за другом в порядке морфологическом, или же отражающих собою различные стороны явлений природы и общественной жизни» [Бодуэн 1963, т. II, с. 79]. Очевидно, что речь идет о том, что сейчас принято называть языковыми картинами мира. Сейчас такие подходы являются основополагающими для функциональной лингвистики.

Таким образом, многие из прогнозов Бодуэна де Куртенэ о XX в. не были экстраполяцией движения науки о языке предшествующего столетия и имели революционный характер. Однако в ближайшей перспективе самые радикальные из них не оправдывались: отделявшая язык от человека структурная лингвистика развивалась по-другому. Но со второй половины XX в. идеи русско-польского ученого оказались актуальными и стали подтверждаться; исключение – разве что его взгляды на языковое родство. И это обращает на себя внимание.

О рассматриваемой здесь статье см. также: [Кибрик 1995; Алпатов 2003].

Список литературы

1. Алпатов 2003 – *Алпатов В.М.* Сто лет спустя, или сбываются ли прогнозы? // ВЯ. 2003. № 2.
2. Бодуэн 1963 – *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Тт. I-II. М.: Наука, 1963.
3. Карсирер 2002 – *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 1. Язык. СПб.: Ун. Книга, 2002.
4. Кибрик 1995 – *Кибрик А.Е.* Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1995. № 5.
5. Пауль 1960 – *Пауль Г.* Принципы истории языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.
6. Сеше 2003 – *Сеше А.* Программа и методы теоретической лингвистики. М.: URSS, 2003.
7. Хомский 1972 – *Хомский Н.* Язык и мышление. М.: МГУ, 1972.
8. Haspelmath 2011 – *Haspelmath M.* The Indeterminacy of Word Segmentation, and the Nature of Morphology and Syntax // *Folia Linguistica*. Vol. 45. 2011. No. 1.

ЭВОЛЮЦИОННАЯ МОДЕЛЬ НАУКИ: МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА

Антипов Георгий Александрович
Доктор философских наук, профессор,
Новосибирский государственный университет экономики и управления
Новосибирск, Россия
E-mail: dr-eji2@yandex.ru

В исследованиях процессов развития научного знания фигурируют преимущественно две модели в качестве оснований для объяснения данных процессов: «эволюционная» и «революционная». Относительно стратегий анализа их трактуют, по большей части, как альтернативные. В оптике «революционной» модели (что, по сути, некорректно) часто трактуется и генезис, возникновение науки, научного знания. Видимо, более продуктивные пути анализа, в том числе для преодоления имеющихся здесь коллизий, открывает концепция «метафизических исследовательских программ», предложенная Карлом Поппером. Ее следует отличать от методологии научных исследовательских программ Имре Лакатоса. Метафизическая исследовательская программа – это не проверяемая научная теория, а возможный каркас для проверяемых научных теорий. Такого рода программы не подлежат проверке, но подлежат критике. Их можно интерпретировать как формы метафизической веры. Наиболее выразительным примером метафизической исследовательской программы у Поппера выступает теория Дарвина, т.е. теория отбора или селекции. Но таковыми по статусу можно рассматривать детерминизм, идеализм, иррационализм, волонтаризм, нигилизм. В частности, предлагаемая доктрина позволяет отказаться от сугубо метафорического для науковедения понятия революции и использовать, допустим, концепт мутации.

Ключевые слова: модель, программа, эволюция, революция, знания, наука, метафизическая.

AN EVOLUTIONARY MODEL OF SCIENCE: A METAPHYSICAL RESEARCH PROGRAM

Antipov Georgiy Aleksandrovich
PhD DSc in Philosophy, Professor
Novosibirsk State University of Economics and Management
Novosibirsk, Russia
E-mail: dr-eji2@yandex.ru

Studies of the processes of the development of scientific knowledge proceed mainly from two models serving as the basis for explaining these processes – “evolutionary” and “revolutionary”. With regard to analysis strategies, they are interpreted, for the most part, as alternative. The genesis, the emergence of science, and the scientific knowledge are often explained from the viewpoint of the “revolutionary” model (which, in fact, is not correct). Apparently, more productive ways of analysis, including a way for overcoming the existing collisions, are opened by the concept of “metaphysical research programs” proposed by Karl Popper. It should be distinguished from the methodology of research programs of Imre Lakatos. A metaphysical research program is not a testable scientific theory, but a possible framework for testable scientific theories. These kinds of programs are not subject to verification but rather subject to criticism. They can be interpreted as forms of metaphysical belief. The most expressive example of a metaphysical research program in Popper is Darwin’s theory, that is, the theory of selection. Yet, one can consider determinism, idealism, irrationalism, voluntarism, and nihilism as such by status. In particular, the proposed doctrine makes it possible to abandon the concept of revolution, which is purely metaphorical for the science studies, and use, for example, the concept of mutation.

Keywords: model, program, evolution, revolution, knowledge, science, metaphysical.

Концепт революций прочно вошел в науковедческий дискурс. Насколько, однако, подобное релевантно потребностям получения адекватной картины процессов развития науки? Уже простое сопоставление с теми контекстами «революции», которым это понятие является «родным», по крайней мере, должно настораживать. Скажем, у Н. Бердяева: «Революция есть свыше ниспосланная кара за грехи прошлого, роковое последствие старого зла. ... Революция – конец старой жизни, а не начало новой жизни, расплата за долгий путь. Революция всегда говорит о том, что власть имеющие не исполнили своего назначения» [Бердяев 2010, с. 10-11]. Здесь очевидна исчерпывающе полная этико-политическая «загрузка» дискурса, но совершенно неочевидна возможность перехода в план научного познания и истории науки.

На поверхности, конечно, отсыл к концепции научных революций Куна, трактующей данный феномен как смену парадигм. Парадигмы суть «примеры фактической практики научных исследований – примеры, которые включают закон, теорию, их практическое применение и необходимое оборудование – все в совокупности дают нам модели, из которых возникают традиции научного исследования» [Кун 1977, с. 28].

Хаотичная неопределенность, явно присутствующая в куновской дефиниции парадигмы, не может не приводить к еще большей неопределенности в толковании собственно научных революций. Чего стоит иллюзия «заяц – утка», на которую ссылается Томас Кун! Неслучайно у него в одном «ряду» парадигм оказываются физика Аристотеля и механика Ньютона. Иначе говоря, демаркационной линии, между натурфилософией и наукой в собственном смысле не существует.

Аберрации, *de facto* инициированные подобным, обнаруживаются и в современном философском, историко-научном дискурсах. К примеру, о революциях в науке рассуждает известный американский физик, нобелевский лауреат, занявшийся историей науки, Стивен Вайнберг.

Начинает он с имеющихся в литературе констатаций вроде: «Такого явления как научная революция не существовало, и моя книга рассказывает об этом». Вообще, говорит Вайнберг, существуют два течения в критике научных революций. Одно из них полагает основанием интерпретации истории науки идею непрерывности, открытия XVI и XVII вв. были всего лишь естественным продолжением научного прогресса, начавшегося в Европе и в исламском мире в Средние века. Дается ссылка на Пьера Дюгема.

Соответственно, альтернативная точка зрения, которой придерживается и Вайнберг: «Научная революция все-таки была». Его мнение выглядит так: «За исключением нескольких очень ярких греческих ученых, вся наука до XVI в. кажется мне совершенно непохожей на то, с чем я ежедневно сталкиваюсь в своей работе или с тем, что я вижу в работах своих коллег. До научной революции наука была насыщена религией и тем, что мы сейчас называем философией; кроме того, все еще не был выработан математический аппарат. После XVII в. в физике и астрономии я чувствую себя как дома» [Вайнберг 2018, с. 229-230].

Вполне очевидным образом здесь революция в науке отождествляется с ее возникновением, генезисом. И верно, конечно, что рождение науки означало определенный разрыв с ментальной традицией Средневековья. На смену рефлексии над религиозным опытом, что составляло основное содержание средневековой философии, приходит программа обоснования знания и науки как формы продуцирования знаний определенного типа. Уже в эпоху Возрождения в философских учениях Бруно, Телезио, Патрици ведущей тенденцией их теоретических построений становится натурфилософская проблематика. В дальнейшем в философии Нового времени

осознаются и обосновываются основные категориальные структуры и позиции, присущие научному познанию.

Наука конституируется как тип познавательной деятельности, что обычно находит выражение в понятии научной рациональности. Мир, природа начинают мыслиться как арена действия слепых автоматизмов, «законов природы», самодвижения, инерции; мир – это механизм, функционирующий без вмешательства божественных сил. Вместе с тем появляется установка на эмпирическое, экспериментальное исследование природных сил, исключая гипотезы, выходящие за границы эксперимента. Становятся принципиальными аргументы вроде того, который приводил против Коперника Лютер: «Этот болван затеял перевернуть все искусство астрономии, а ведь Священное Писание прямо указывает, что Иисус Навин приказал остановиться не Земле, а Солнцу». Поэтому вполне понятен и правомерен вывод Вайнберга в связи с альтернативностью трактовок научных революций: «Независимо от того, была научная революция революцией или нет, но началась она с Коперника» [Вайнберг 2018, с. 233].

Действительно, исходно концепт научных революций имеет отношение не к плану генезиса науки, а к пониманию процессов роста научного знания. А это уже другая эпистемологическая оптика. Речь должна идти о механизмах изменения научного знания. А с точки зрения критиков «научные революции» Куна неадекватны в качестве средства построения теорий подобных процессов. «С точки зрения Куна, – писал И. Лакатос, – изменение научного знания – от одной “парадигмы” к другой – мистическое преобразование, у которого нет и не может быть рациональных правил. Это предмет психологии (возможно, социальной психологии) открытия. Изменение научного знания подобно перемене религиозной веры» [Лакатос 2003, с. 11].

Наука, с точки зрения самого Лакатоса – это деятельность по решению конкретных проблем в рамках некоей исследовательской программы. Лакатос считал, что история науки представляет историю рождения, жизни и гибели исследовательских программ. Однако и методология исследовательских программ Лакатоса не может объяснить, почему происходит смена программ.

Надежда на сколь-нибудь продуктивное дальнейшее движение требует установления эпистемологического статуса данных моделей научных изменений. Вслед за Поппером будем квалифицировать их «метафизическими исследовательскими программами». К примеру, Поппер теорию научных исследовательских программ И. Лакатоса характеризует в данном качестве. Такие (метафизические) программы не суть научные теории в собственном смысле, ибо не проверяемы, однако они могут быть оспорены и подвергнуты рациональной критике. Поэтому здесь нет полной аналогии с верой. «Я намерен утверждать, – находим у Поппера, – что теория естественного отбора является не проверяемой научной теорией, а метафизической исследовательской программой; и, хотя она, несомненно, в настоящее время является лучшей из имеющихся в наличии, ее, по-видимому, можно немного улучшить» [Поппер 2018, с. 163].

Вообще создается впечатление, что Поппер осознавал себя как бы «дарвином» от эпистемологии. И по существу, и по логике он претендовал на построение эволюционной теории познания. Процесс эволюции знания у Поппера приобретал вид схемы: P1 – TT – EE – P2. Где P1 начальная проблема, TT – предположительная пробная теория, EE – критика и устранение ошибок, P2 – новая проблема, возникающая из нашей творческой деятельности, но не являющаяся преднамеренно созданной нами, а появляющаяся автономно из области новых отношений, помешать которым мы не в состоянии. Наличие в схеме пункта EE – элиминации ошибок – позволяет уподобить процесс развития знания эволюционному развитию биологических видов. Пробные решения представляют собой аналог мутаций, а данные опыта аналогичны факторам естественного отбора, которые элиминируют неудачные теории. Равным образом пробные решения, которые животные

и растения включают в свою анатомию и свое поведение, являются биологическими аналогиями теорий.

В метафизической исследовательской программе эволюции знания Карла Поппера есть еще один аспект, в общем адресующий анализ знания в план научной рациональности. Это его концепция «третьего мира» (мира 3). Помимо него, но во взаимодействии с ним существуют мир 1 (мир физических объектов или физических состояний) и мир 2 (мир состояний сознания, мыслительных состояний). Обитатели мира 3 – проблемы, теории и критические аргументы. Онтологически мир 3 и его обитатели обладают объективным статусом существования. Мир 3 «так же реален, как реальные другие человеческие продукты; так же реален, как реальна система кодировки – язык; так же реален (или даже реальнее), как любой общественный институт вроде университета или полиции» [Поппер 2018, с. 202]. Мир 3 в значительной мере автономен, хотя мы постоянно воздействуем на него и подвергаемся воздействию с его стороны. Он является автономным, несмотря на то, что он есть продукт нашей деятельности и обладает сильным обратным воздействием на нас, т.е. воздействием на нас как жителей второго и даже первого миров.

Итак, мы имеем дело, кстати, с единственной на сегодняшний день эволюционной моделью изменений в научном знании. А что получится, к каким выводам можно будет прийти, если сопоставить ее с «революционной» моделью? Корректным такое сопоставление окажется только в том случае, если данные теории будут квалифицироваться как метафизические исследовательские программы. Это означает, что план альтернативности, «исключительности» здесь следует исключить. Можно говорить лишь о более или менее интересных перспективах в интерпретации науки, открываемых каждой из них. И, кстати, аспект «революционности» присутствует в рассмотренной эволюционной программе. Сошлемся на Имре Лакатоса. Он писал: «Но если, согласно Попперу, наука – это процесс “перманентной революции”, а ее движущей силой является рациональная критика, то, по Куну, революция есть исключительное событие, в определенном смысле выходящее за рамки науки; в периоды “нормальной науки” критика превращается в нечто вроде анафематствования» [Лакатос 2003, с. 10-11]. В эволюционной же модели знания место революции занимает мутация.

Список литературы

1. Бердяев 2010 – *Бердяев Н.* Философия неравенства. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. 349 с.
2. Вайнберг 2018 – *Вайнберг С.* Объясняя мир: Истоки современной науки М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 624 с.
3. Кун 1977 – *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
4. Лакатос 2003 – *Лакатос И.* Методология исследовательских программ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. 380 с.
5. Поппер 2018 – *Поппер К.Р.* Неоконченный поиск: Интеллектуальная автобиография. М.: «Праксис», 2014. 290 с.

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И «НАУЧНАЯ МОДА»

Баранец Наталья Григорьевна

*Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии
Ульяновский государственный университет
Ульяновск, Россия
E-mail: n_baranetz@mail.ru*

Верёвкин Андрей Борисович

*Кандидат физико-математических наук, доцент кафедры прикладной математики
Ульяновский государственный университет
Ульяновск, Россия
E-mail: a_yerevkin@mail.ru*

Какие импульсы направляют научный поиск? С ростом численности научного сообщества в XX в. большое значение приобрел феномен научной моды. Формируемые меритократическими группами «перспективные» направления поощряются административными механизмами – распределением грантов, редакционной и кадровой политикой. Стремление к успешной научной карьере толкает молодых ученых к раскрученным сюжетам, что ведет к обеднению проблемных полей дисциплин. Такое положение беспокоило таких выдающихся отечественных математиков как И.М. Гельфанд, В.И. Арнольд, И.Р. Шафаревич, Ю.И. Манин. Но в математическом сообществе возник «недирективный» способ привлечения внимания к важным для развития математики проблемам, во многом связанный с именем Д. Гильберта. Его использовали А. Пуанкаре, С. Улам, Р. Хартсхорн, В.И. Арнольд. Однако новые списки нерешенных задач оказались не столь влиятельны, как проблемы Гильберта. Коммерциализация некоторых тем отчасти стимулирует математические исследования, но не вполне ясно – насколько она полезна для развития математического знания.

Ключевые слова: математическое сообщество, научная мода, математическая проблема, критерии оценки.

MATHEMATICAL PROBLEMS AND “SCIENTIFIC FASHION”

Baranetz Natalia Grigorievna

*PhD DSc in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy
Ulyanovsk State University
Ulyanovsk, Russia
E-mail: n_baranetz@mail.ru*

Veryovkin Andrey Borisovich

*PhD DSc in Mathematics, Associate Professor of the Department of Applied Mathematics
Ulyanovsk State University
Ulyanovsk, Russia
E-mail: a_yerevkin@mail.ru*

What impulses are driving scientific research? With the growth of the scientific community in the XX century, the phenomenon of scientific fashion acquired great importance. The “promising” directions formed by meritocratic groups are encouraged by administrative mechanisms – the distribution of grants, editorial and personnel policies. The desire for a successful scientific career pushes young scientists to hyped topics, which leads to the impoverishment of problematic fields of disciplines. This situation worried such outstanding Russian mathematicians as I.M. Gelfand, V.I. Arnold, I.R. Shafarevich, Yu.I. Manin. Still, in the mathematical community a “non-directive” way of drawing attention to problems important for the development of

mathematics arose, in many ways connected with the name of D. Hilbert. It was used by A. Poincaré, S. Ulam, R. Hartshorne, V.I. Arnold. However, the new lists of unsolved problems were not as influential as Hilbert's problems. The commercialization of some topics partly stimulates mathematical research, but it is not entirely clear how useful it is for the development of mathematical knowledge.

Keywords: mathematical community, scientific fashion, mathematical problem, evaluation criteria.

Какие причины порождают новые научные идеи – внешние социально-экономические факторы или внутренняя логика развития науки? Выбор направления исследований во многом связан с господствующей «научной модой». Воздействие моды значимо лишь тогда, когда научная дисциплина и ее проблемное поле оформлены в целом и обозначены основные линии поиска, заданные идейными лидерами. Научное сообщество стало относительно широким к середине XIX в., когда выстроилась система подготовки ученых-исследователей и преподавателей, сопровождаемой защитой ученых степеней и выполнением исследований под руководством научных наставников. Последние, в силу своего понимания, обозначают ученикам изобильные темы работы и знакомят с коммуникативным полем. Понимание перспективности задач может проистекать из осознания стратегических направлений развития дисциплины, но чаще порождается сложившимися неформальными иерархическими отношениями в сообществе, когда темы, интересующие лидеров, представляются стратегическими и становятся модными.

Дени Дидро в статье «Мысли об объяснении природы» рассказывает об эволюции научной моды: «Когда возникает новая наука, все умы обращаются в ее сторону; причиной этого является исключительный интерес общества к основоположникам этой науки. ... Мгновенно новая наука начинает разрабатываться бесчисленным множеством самых разнообразных лиц. Это либо светские люди, которых угнетает их праздность, либо перебежчики, которые воображают, что они составят себе имя благодаря модной науке – ради нее они бросают другие науки, в которых они тщетно искали для себя источник славы; одни из новой науки составляют себе профессию, других влечет к этой науке склонность. Благодаря таким объединенным усилиям наука довольно быстро доходит до пределов своего развития, но по мере того, как эти пределы расширяются, престиж науки постепенно снижается. Уважение продолжает оказываться лишь тем, кто выделяется своим значительным превосходством. Тогда толпа рассеивается... В науке остаются только торгаши... и несколько гениальных людей» [Дидро 1941, с. 254].

В математике, как и в любой другой научной дисциплине, при выборе темы исследования особенно значим фактор перспективности. Как сетовал И.М. Гельфанд, «самый консервативный народ – молодые математики, их только мода интересуется». Это явление влечет негативные последствия, поскольку в стремлении к быстрой научной карьере упускается возможность найти собственный путь. В перспективе такая тенденция приводит к обеднению науки и утрате ее разнообразия. Погоня за грантами, ранжирование журналов и публикующихся в них ученых привели к преобладанию внешних, формальных статусных признаков, единственно важных для околонучной бюрократии, но не для развития математических школ. Математики, сошедшие с протоптанной дороги для оригинальных исследований, редко добиваются впечатляющих успехов. Конечно, есть на слуху примеры Э. Галуа, Н.И. Лобачевского и Г. Кантора, получивших посмертное признание. И можно представить – насколько больше талантов остались навсегда забытыми со своими работами, не встроившимися в общую колею. Сравнительно недавние уроки от А. Уайлза и Г.Я. Перельмана, разобравшихся с теоремой Ферма и гипотезой Пуанкаре,

демонстрируют удачу и смелость гениальных одиночек, способных справиться с трудоемкими и поэтому опасными для карьеры темами.

Массовое увлечение модными задачами ведет к оскудению научного поля, что беспокоило таких выдающихся отечественных математиков как И.М. Гельфанд, В.И. Арнольд, И.Р. Шафаревич, Ю.И. Манин. В математическом сообществе издавна сложился своеобразный механизм недирективного обозначения научной перспективы. Некоторые известные математики сообщали интересные им проблемы своим ученикам и коллегам. При определенных условиях такие постановки формируют мнение профессионального сообщества относительно важности для дисциплины той или иной задачи. Но первым, кто намеренно указал целый спектр ключевых вопросов математики, был Д. Гильберт.

Доклад Гильберта «Математические проблемы» был прочитан на объединенной историко-методологической секции II-го Математического конгресса в Париже 8 августа 1900 г. [Демидов 1966]. Гильберт в своем выступлении отметил, что каждый век имеет собственные математические задачи, либо разрешаемые впоследствии, либо отставляемые как бесплодные и заменяемые новыми. Всякая область науки жизнеспособна, пока изобилует нерешенными проблемами, и прекращает развитие при их недостатке. Наличие проблем стимулирует ее. Хорошая математическая проблема должна быть ясной и достаточно трудной, чтобы привлекать внимание сильных ученых, но не должна быть совершенно недоступной для решения, чтобы не сделать все усилия бесполезными. Гильберт был убежден в методологической целостности математики и осмелился указать задачи, которые, по его мнению, зададут развитие математики XX в.

К большей части поставленных проблем Гильберт имел непосредственное отношение, предлагая свою программу исследования. Некоторые из проблем имели конкретный характер, другие – напротив, были поставлены очень широко. Например, Гильберт предлагал построить теорию непрерывных групп (5), аксиоматизировать физику и теорию вероятностей (6), построить теорию квадратичных форм над любым алгебраическим полем (11), развивать методы вариационного исчисления (23). Многие проблемы Гильберта определили лицо математики XX в. Их решение было невозможным на уровне знаний 1900 г. К таковым можно отнести: континуум-гипотезу Кантора (1), непротиворечивость арифметики (2), нахождение метода разрешения диофантовых уравнений (10), возможность выражения решения алгебраического уравнения 7-ой степени композицией непрерывных функций двух аргументов (13), конечность инвариантов действий линейных групп (14). Остальные проблемы задали импульс к развитию своих дисциплин. Часть проблем Гильберта открыты до сегодняшнего дня, например – гипотезы Римана и Гольдбаха (8), о вещественной топологии алгебраических кривых и числе предельных циклов дифференциального уравнения первого порядка с рациональным полем направлений (16), о плотнейшей упаковке шаров (18).

Проблемы Гильберта направили развитие математики XX в., но не определили его в полной мере. Следуя традиции, возникли и другие списки актуальных задач, составленные либо в одиночку, либо коллективно. Станислав Улам в 1960 г. перечислил интересные ему задачи разных математических дисциплин [Улам 1964]. Актуальные проблемы проективной алгебраической геометрии были указаны в 1979 г. Робинотом Хартсхорном [Hartshorne 1979]. Владимир Игоревич Арнольд предложил обширный список проблем из своей области [Арнольд 2000]. Ранее советские математики публиковали «Коуровские тетради» – их первый выпуск был составлен на Дне проблем Первого Всесоюзного симпозиума по теории групп в поселке Коуровка под Свердловском 16 февраля 1965 г. В 1969 г. появились «Днестровские тетради» и «Свердловские тетради».

Влияние новых проблемных списков оказалось не столь значимым, как у Гильбертова, кроме одного широко известного случая. Не очень давно, в связи с решением Перельманом проблемы Пуанкаре и его последующим отказом от всех наград, стали популярны «Проблемы тысячелетия», поставленные частным Математическим институтом американского мецената Л.Т. Клэя в 2000 г. Научно-консультативный совет Института Клэя обозначил семь задач, за решение которых обещаны миллионные призы. Помимо упомянутой и уже решенной проблемы Пуанкаре, к «проблемам тысячелетия» были отнесены гипотезы Римана, Ходжа, Берча – Свиннертон-Дайера, о равенстве классов P и NP , исследование уравнений Навье – Стокса и уточнение теории Янга – Миллса. Продвижение в отмеченных областях финансово поощряется организацией семинаров созданных со всего мира специалистов.

Нет однозначного ответа на вопрос – приносит ли коммерческая шумиха вокруг проблем математики больше вреда или пользы для математики? Руководители Американского математического сообщества надеются привлечь призами в математику способную молодежь, иначе выбирающую более доходную деятельность – юриспруденцию, IT, экономику. Другие считают, что дух наживы не совместим с идеалами науки и стоит на пути научно-технического прогресса, поскольку разрушает здоровую коммуникацию и традиционные научные институты. Некоторые современные математики, например, П. Эрдёш, Д. Кнут, Р. Хартсхорн, по примеру ученых Средневековья предлагали за решение интересующих проблем индивидуальные призы, величиной от нескольких центов до нескольких тысяч долларов. Эффективность такой инициативы неизвестна, но ясно, что к решению задач других математиков привлекала не денежная награда, а желание сопричастности к славе ее автора, знаменитого ученого.

Список литературы

1. Арнольд 2000 – *Арнольд В. И.* Задачи Арнольда. М.: Фазис, 2000. 454 с.
2. Дидро 1941 – *Дидро Д.* Мысли об объяснении природы // Избранные философские произведения, М: ОГИ, 1941. 278 с.
3. Демидов 1966 – *Демидов С. С.* К истории проблем Гильберта // Историко-математические исследования. Вып. XVII. М.: Наука, 1966. С. 91–121.
4. Улам 1964 – *Улам С.* Нерешенные математические задачи. М.: Наука, 1964. 168 с.
5. Hartshorne 1979 – *Hartshorne R.* Algebraic vector bundles on projective spaces: A problem list // *Topology*. 1979. Vol. 18. No. 2. Pp. 117-128.

УДК 001.18/19+930.1

ПСЕВДОИСТОРИЯ: ЛЖЕНАУКА ИЛИ СВОБОДНАЯ НАУКА БУДУЩЕГО?

Волков Юрий Константинович

Доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, Россия

E-mail: yu.k.volkov@yandex.ru

В статье рассматриваются узкое и расширительное понимания гибридной формы исторического знания, более всего соответствующей понятию «псевдоистория». Отмечается, что в узком понимании псевдоистория означает противостоящую научной истории разновидность лженауки. В широком смысле слова псевдоистория представляет собой разновидность ненаучной истории, которая применяется там, где для академической истории существуют институциональные ограничения. Областью знаний, где могут использоваться

исторические материалы второй разновидности неакадемической истории, выступают средства массовых коммуникаций, а также культурно-просветительские и образовательные практики. В этой связи в статье показано различное понимание роли псевдоисторических мифов в процессе изучения и преподавания истории науки. Сделан вывод о том, что псевдоистория науки представляет собой мифоподобную разновидность исторического знания. Основанием, позволяющим различать искусственный или естественный характер вымышленных рассказов о прошлом, будет выступать то, каким образом и с какой целью используются исторические мифы. В случае исторических фальсификаций это будут мифы, созданные в идеологических целях. Во втором – собственно мифологическом варианте – это будут мифы, которые представляют собой неотъемлемую часть массового сознания. В заключение статьи дана оценка проекта свободной науки будущего П. Фейерабенда, в которой должны быть собраны все культурные традиции. Отмечается, что проект Фейерабенда выглядел новаторским в условиях, когда государственная идеология навязывалась от лица науки. Однако в современных условиях, когда пересмотрены отношения между научными и ненаучными формами знания, но сохраняется практика запрета на использование альтернативных гипотез, более взвешенной, чем утопический проект Фейерабенда представляется позиция К. Поппера, который предлагает рассматривать познание как естественный процесс «приключения идей».

Ключевые слова: псевдоистория, лженаука, история науки, рассказы о научных открытиях, исторические мифы, фальсификация истории, свободная наука будущего, «приключение идей».

PSEUDOHISTORY: PSEUDOSCIENCE OR FREE SCIENCE OF THE FUTURE?

Volkov Yuri Konstantinovich

PhD DSc in Philosophy, Professor

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: yu.k.volkov@yandex.ru

The article deals with a narrow and broad understanding of the hybrid form of historical knowledge corresponding to the concept of “pseudohistory”. It is noted that in a narrow sense pseudohistory means a kind of pseudoscience that opposes scientific history. In the broadest sense of the word pseudohistory is a kind of unscientific history which is applied where there are institutional limitations for academic history. The field of knowledge where historical materials of the second kind of non-academic history can be used includes the mass communication media, as well as cultural, educational and educational practices. In this regard the article shows a different understanding of the role of pseudohistorical myths in the process of studying and teaching the history of science. The basis for distinguishing between the artificial or natural character of fictional stories about the past will be the way and the purpose historical myths are used for. In the case of historical falsifications these will be myths created for ideological purposes. In the second – actually mythological version as such – these will be historical myths which are an integral part of the mass consciousness. The article concludes with an assessment of the project of free science of the future by P. Feyerabend which should contain all cultural traditions. It is noted that the Feyerabend’s project looked innovative in conditions when the state ideology was imposed on behalf of science. However, in modern conditions when the relations between scientific and non-scientific forms of knowledge are revised but the practice of prohibiting alternative hypotheses continues, the Popper’s position to consider cognition as a natural process of “the adventure of ideas” looks more balanced.

Keywords: pseudohistory, pseudoscience, history of science, stories about scientific discoveries, historical myths, falsification of history, free science of the future, “adventure of ideas”.

В противостоянии научных и ненаучных форм знания вопрос о критериях их демаркации в описании событий из прошлого человечества обычно считается внутренней проблемой самой исторической науки. Однако в условиях экстенсивной стадии развития информационного общества тенденция к имманентной самолегитимации научного знания [Лиотар 1998, с. 96] неизбежно будет

актуализировать вопрос о внешних основаниях идентификации такой идеологически окрашенной науки как история.

Особое место в ситуации намечающегося обострения конфликта науки и идеологии история занимает в силу общедоступности процедуры отбора и интерпретации исторических фактов для любых категорий интересантов. Отмеченное обстоятельство привело к тому, что именно в рамках исторической науки оформился гибридный тип знания, который, на наш взгляд, более всего соответствует понятию «псевдоистория» (pseudohistory).

Термин «псевдоистория» впервые был введен в оборот в 1815 г. Ч. Элтоном (Charles Elton) для оценки выдуманного спора Гомера с Гесиодом [Elton 1815, p. xix]. В отечественной историографии постсоветского периода для определения похожего явления был предложен неологизм «фолк-хистори» [Володихин 2000, с. 16]. Однако, поскольку термин «фолк-хистори» характеризует не само содержание данного феномена, но лишь указывает на его массовость и народность, остановимся на варианте «псевдоистория».

Как показывает знакомство с работами, в которых анализируется понятие «псевдоистория», для раскрытия его содержательного контекста чаще всего применяются два эпистемологических подхода: узкий и расширительный.

В узком понимании псевдоистория означает противостоящую научной истории разновидность лженауки. Такая характеристика лжеистории обусловлена тем, что она целенаправленно пытается выдавать себя за науку, чтобы иметь возможность менять научные трактовки исторических событий. Поэтому в ходе проведения подобных исследований их авторы, в отличие от создателей исторических фантазий в духе альтернативной истории, выбирают актуальные для исторической науки темы.

В широком смысле слова псевдоистория – это разновидность ненаучной истории, которая применяется там, где для академической науки существуют институциональные ограничения. К их числу, прежде всего, относится требование признания достоверности используемых исторических источников со стороны профессионального сообщества.

Отсюда вытекает главная особенность этой разновидности псевдоистории. Она не пытается полностью заменить собой академическую науку в части процедуры проверки выдвигаемых гипотез, но лишь дополняет ее там, где официальная наука по тем или иным причинам отказывается это делать.

Областью знаний, где могут использоваться исторические материалы второй разновидности непрофессиональной истории, выступают средства массовых коммуникаций, а также культурно-просветительские и образовательные практики. Именно в рамках образовательного процесса, главным критерием результативности которого считается положительный учебно-воспитательный эффект, чаще всего допускается использование исторических свидетельств, полученных опосредованным путем.

Прежде чем обратиться к рассмотрению конкретных примеров псевдоисторических исследований, следует отметить, что их тематическое разнообразие затрудняет выделение двух «чистых» классов. Тем не менее в длинном списке видов и подвидов псевдоистории, многие из которых уже имеют свою обширную библиографию, существует направление, которое включает в себя научное и ненаучное знание. Речь идет о псевдоисториях в истории научных открытий.

Разбирая расширительное понимание псевдоистории в преподавании истории науки, Д. Олчин (Douglas Allchin), прежде всего, разграничивает историю лженауки и псевдоисторию науки. Первая показывает долгий и трудный путь развития науки, результаты которой в итоге могут оказаться ненаучным знанием. В то время как псевдоистория науки постоянно может опираться на одни и те же сюжеты. Причина

такого постоянства заключается в том, что специально подобранные рассказы о деятельности ученых позволяют историкам и популяризаторам науки конструировать ее идеальную схему [Allchin 2004, p. 186].

По своим содержательным характеристикам придуманные рассказы о научных открытиях, по мнению Олчина, совпадают с характеристиками древних мифов. Они, так же как автохтонные мифы, обладают смысловой монументальностью, идеализируют описываемые события, подчиняют их эмоциональной драматургии рассказа и выполняют объяснительную функцию [Allchin 2004, p. 189].

В рамках идеальной схемы истории науки подобные мифы-рассказы о гениальных открытиях приобретают статус мифов-концепций, призванных объяснить авторитет науки. Однако, как считает Олчин, несмотря на кажущуюся успешность концептуальной реконструкции прошлого, историю науки нельзя рассматривать на основании какой-либо одной идеальной схемы, поскольку это ведет к превращению целостной истории в псевдоисторию [Allchin 2004, p. 188].

Принципиально иную позицию в оценке статуса исторических мифов занимает А. Мартинес (Alberto Martinez). Как отмечает Мартинес, каждая значимая тема истории науки включает в себя великие истории, которые мы постоянно повторяем, доверяя проверке их истинности тем источникам, по которым учились, несмотря на то, что даже самые авторитетные из них могут ошибаться. Следовательно, как считает Мартинес, то, что долгое время считалось истинным в рассказах о научных открытиях, может оказаться лишь правдоподобными выдумками [Martinez 2011, p. xiii].

В связи со сказанным автор книги о секретах научных открытий ставит следующий вопрос: значит ли это, что при изучении истории науки можно избавиться от ошибок в описании прошлого, если полностью отказаться от исторических мифов?

По мнению Мартинеса, исторические мифы в истории науки, несмотря на их общую негативную оценку, оказывают на науку более сложное влияние. Мифы не только скрывают наше незнание всех подробностей прошлого и «скелеты в шкафах» научных гениев, но они также открывают глубинную истину о непреодолимой тяге людей к таинственному [Martinez 2011, p. xiv].

Вот почему развенчание научных мифов, по мнению Мартинеса, представляет собой лишь вторичную цель критики псевдоистории. Главная цель этой критики – понять, что же притягивает людей к историческим тайнам прошлого, результатом чего становится все более распространенное отождествление культа знания и культа веры [Martinez 2011, p. xv].

Подведем итоги сказанному. Псевдоистория науки, как конкретный пример квазиистории, представляет собой мифоподобную разновидность исторического знания, которое может быть отнесено либо к классу лженаучных фальсификаций истории, либо к числу ее естественных паранаучных разновидностей.

Основанием, благодаря которому можно различать эти два множества, будет выступать то, каким образом и с какой целью используются исторические мифы. В случае исторических фальсификаций это будут специально созданные мифы, которые планируется использовать в идеологических целях. Во втором – собственно мифологизированном взгляде на историю – вымышленные рассказы о прошлом становятся неотъемлемой частью истории, предназначенной для массового сознания [Алексеев, Плотникова 2015, с. 166].

Самым известным проектом освобождения знаний о мире и человеке от идеологического диктата официальной науки является идея свободной науки будущего П. Фейерабенда, в которой каждая культурная традиция должна иметь доступ к центрам власти. С этой целью непрофессионалы, как считает Фейерабэнд, должны будут

завоевать то интеллектуальное пространство, которое ранее принадлежало лишь специалистам [Фейерабенд 2004, с. 11-12].

Завершая разговор о псевдоистории как мифологической разновидности паранауки, попробуем понять, насколько был оправдан проект Фейерабенда и что изменилось с тех пор.

Следует признать, что критика идеологии государственного сциентизма, видимо, отвечала настроениям своего времени, несмотря на отсутствие реальных возможностей для создания предлагаемого Фейерабендом проекта лаборатории культуры [Александров 2013, с. 96].

Однако сегодняшняя ситуация выглядит еще более сложной и запутанной. С одной стороны, смягчены отношения между научными и ненаучными формами знания. Вместе с тем сохраняется практика, запрещающая использовать научные гипотезы, альтернативные официально признанным [Александров 2013, с. 97]. В этих условиях более взвешенной, чем утопический проект свободной науки, представляется позиция К. Поппера, который предлагает рассматривать познание как естественный процесс «приключения идей», где есть место и теориям, и мифам [Поппер 2004, с. 155-156].

Список литературы

1. Александров 2013 – Александров И.Ю. Еще раз о науке в свободном обществе // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. Т. 15. № 2. С. 90-98.
2. Алексеев, Плотникова 2015 – Алексеев С.В., Плотникова О.А. Мифы и фальсификации в российской истории // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 162-171.
3. Володихин 2000 – Володихин Д.М. Феномен фолк-хистори // Отечественная история. 2000. № 4. С. 16-24.
4. Лиотар 1998 – Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна: Пер. с фр. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 1998. 160 с.
5. Поппер 2004 – Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания: Пер. с англ. М.: АСТ: Ермак, 2004. 638 с.
6. Фейерабенд 2010 – Фейерабенд П. Наука в свободном обществе: Пер. с англ. М.: АСТ, 2010. 378 с.
7. Allchin 2004 – Allchin D. Pseudohistory and Pseudoscience // Science & Education. 2004. Vol. 13. No. 3. Pp. 179-195.
8. Elton 1815 – Elton C.A. The Remains of Hesiod the Ascraean: Including the Shield of Hercules. L.: Baldwin, Cradock, and Joy, 1815. 262 p.
9. Martinez 2011 – Martinez A.A. Science Secrets: The Truth about Darwin's Finches, Einstein's Wife, and Other Myths. Pittsburgh, Pennsylvania: University of Pittsburgh Press, 2011. 324 p.

УДК 165.5

ПРОБЛЕМА ИЕРАРХИИ В КОММУНИКАЦИИ НАУКИ И ОБЩЕСТВА

Воронина Наталья Николаевна

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия
E-mail: voronina.nnov@yandex.ru*

Статья посвящена проблеме преодоления иерархического подхода в отношениях науки и общества. Неравноправность отношений не позволяет осуществляться или существенно ограничивает полноценную диалогическую коммуникацию. Основной проблемой, порождающей неравноправность, является иерархия уровней подготовленности участников коммуникации. Для решения вопроса о преодолении иерархии в коммуникации науки и общества предлагается обратиться к акторно-сетевой теории Бруно Латура. При этом обращается внимание на то, что в акторно-сетевой теории в отношениях науки и общества происходит утрата смысла для тех акторов, которым необходим смысл действия для осуществления полноценного действия. Возникает дилемма: при наличии иерархии получается неравноправность, а при отсутствии иерархии – потеря смысла, которую предлагается преодолеть путем трансцендентного дистанцирования смысла из области имманентного. Также обращается внимание на то, что преодоление иерархии в отношениях науки и общества можно рассмотреть скорее как революционный, а не эволюционный процесс. И если фундаментальная наука более революционна, то прикладная наука более эволюционна, т.к. развивается в рамках сложившихся теорий, тогда как фундаментальный подход меняет сложившиеся отношения. Соответственно, переход к равноправному диалогу науки и общества возможен скорее в рамках революционного подхода, преодолевающего иерархичность, чем эволюционного.

Ключевые слова: коммуникация, иерархия, истина, здравый смысл, трансцендентное, имманентное, наука, STS.

THE PROBLEM OF HIERARCHY IN SCIENCE COMMUNICATION

Voronina Natalya Nikolaevna

PhD in Philosophy, Associate Professor

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: voronina.nnov@yandex.ru

The article considers the problem of overcoming the hierarchical approach in the relations of science and society. The inequality of relations does not allow for full-fledged dialogic communication or significantly restricts it. The hierarchy of epistemic levels of communication participants is the main problem that generates inequality. To solve the problem of overcoming hierarchy in the communication of science and society, the author turns to the actor-network theory of Bruno Latour. The author points out that in actor-network theory in the relations of science and society, there is a loss of meaning for those actors who need the meaning of an action to carry out a full-fledged action. Any hierarchy generates inequality, the absence of hierarchy generates a loss of meaning. The article suggests overcoming the loss of meaning by transcendent distancing of meaning from the immanent domain. Overcoming the hierarchy in the relations between science and society can be considered as a revolutionary, not an evolutionary process. And if fundamental science is more revolutionary, then applied science is more evolutionary, since it develops within the framework of established theories, and the fundamental approach changes the existing relations. Accordingly, the transition to an equal dialogue between science and society is rather possible within the framework of a revolutionary approach that overcomes hierarchy, rather than an evolutionary one.

Keywords: communication, hierarchy, truth, common sense, transcendent, immanent, science, STS.

Одной из важнейших проблем в отношениях науки и общества является вопрос о том, на каких условиях возможна наиболее плодотворная коммуникация между ними. Наука возникает в обществе, и общество прямо или косвенно соучаствует в процессе развития науки, хотя бы уже тем, что допускает саму возможность науки. Как известно, не во всяком обществе может возникнуть наука, поэтому соучастие начинается непосредственно с момента появления науки и ее предпосылок. Но вместе с развитием науки, ее усложнением, специализацией и профессионализацией общество, в смысле широкой публики, постепенно дистанцируется от научной проблематики, и тогда

отношения преимущественно сводятся либо к одобрению на основе доверия к успехам, либо к безразличию (пусть наукой занимаются только специалисты), либо к недоверию и сомнению, если последствия научной деятельности вызывают те или иные проблемы. Естественно, что на таком основании (просто доверия к успехам и недоверия) не может состояться полноценной коммуникации как диалога равных, поскольку одна сторона диалога не имеет подготовки для понимания причин успехов или проблем и вынуждена руководствоваться лишь доверием или недоверием. Полноценная коммуникация – взаимообмен, и «зона обмена» [Галисон 2004] предполагает свободный выбор участников обмена, но не ту ситуацию, когда одна сторона что-то дает и объявляет ценность предмета, а противоположная сторона обмена не может оценить ни обоснованность цены, ни качества и полезности продукта и вынуждена просто доверять или не доверять.

Модели диалога в коммуникации науки и общества, многочисленные формы общественной экспертизы, гражданской науки [Букки, Тренч 2018] неизменно наталкиваются на проблему эпистемического неравноправия и, как следствие, возвращения к патерналистической иерархии.

Можно рассматривать акторно-сетевую теорию, устанавливающую симметрию отношений социальных объектов без выделения главенствующего, как попытку преодоления неравноправности, при которой понятие «общество/социальное» обуславливается конкретной ситуацией, а не является общим. Поэтому вместо отношений и коммуникации науки и общества, можно было бы рассмотреть задачу, в которой, исходя из «внутренней логики», складываются отношения науки и общества, причем наука и общество определяются относительно этой задачи. Бруно Латур указывает различие подходов: «В то время как социологи принимают социальные агрегаты как данность, с помощью которых можно объяснить», акторно-сетевая теория «напротив, рассматривает социальные агрегаты как то, что необходимо объяснить специфическими связями» [Латур 2014, с. 16]. Смысл в том, что «в каждом случае нам приходится перетряхивать свои представления о том, что было связано воедино, потому что прежнее определение стало... бесполезным» [Латур 2014, с. 17]. В акторно-сетевой теории нет акцента на том, что акторы при коммуникации не понимают друг друга, проблема с пониманием переносится на проблему связи. Связь же не обязательно должна требовать понимания, например, связи человека с природой. Понимание тут односторонне, только со стороны решающих задачу, причем каждый решающий задачу решает свою задачу, а их взаимодействие обусловлено сложившейся данностью.

Рассматривая отдельных людей, научные институции, технику, социальные группы, предметы реального мира, ценности как единую сеть посредников-проводников, обеспечивающих существование пространства для знания, акторно-сетевая теория концентрируется на действии. Таким образом, здравый смысл и истина выносятся за скобки или становятся обусловленными складывающейся из действий данностью, а потому и преодолевается неравноправие участников по отношению к здравому смыслу и истине. В классическом подходе здравый смысл и истина в понимании занимают главное место. Но и в антиэссенциалистских подходах есть свои проблемы, например, проблема с целью. В таких подходах к социальной реальности целеполагание может формироваться только в процессе, но смысл процесса – заранее неизвестен, потому что нет целеполагания. Цель создает иерархию, создает неравноправие акторов коммуникации, связей, потому что равноправие участников при изначальном полагании цели получается невозможным. И это снова возвращает нас к проблеме полноценной диалогичной коммуникации науки и общества.

С другой стороны, отсутствие изначального целеполагания устраняет понимание смысла процессов действия, которые развиваются по своей «внутренней логике», и эта

«логика» становится недоступной участникам, которым для действия необходим смысл, хотя бы надежда на возможный, предполагаемый смысл своих действий. Соответственно, и коммуникация науки и общества не может удовлетвориться тем, что по «внутренней логике» этого процесса может проявиться (или не проявиться) какой-то неизвестный «внутренний смысл». Другими словами, получается, что коммуникация науки и общества неизвестно для чего нужна, и нужность таковой коммуникации предполагается выявить уже в процессе коммуникации. Безличным акторам связей смысл не нужен, но личностям, участвующим в коммуникации, какой-то, хотя бы предполагаемый смысл необходим, как разумным существам. А за смыслом сразу следуют иерархия и, соответственно, проблема неравноправия в коммуникации.

В качестве решения проблемы можно предложить дистанцирование смысла в трансцендентное, оставив имманентной данности (при дистанцированном смысле) возможность равноправного развития, потому что при дистанцированном смысле неизвестно, что именно из имманентного более ведет к искомому смыслу; и тогда на этой основе неизвестного возможно равноправие, возможно нарушение иерархии, поскольку настоящая иерархия остается неизвестной.

Такой подход дает возможность революционного развития науки, ведь научная революция – это нарушение сложившейся иерархии ценностей, и революции необходимы для развития фундаментальной науки. Можно сказать, что фундаментальная наука – революционна, а прикладная наука – эволюционна. Потому что прикладная наука развивается в рамках сложившейся теоретической иерархии, тогда как фундаментальная наука может выходить за рамки сложившихся теорий, порождая новые подходы. Поэтому можно предположить, что отношения науки и общества лучше рассматривать в рамках революционного (внеиерархичного) понимания развития отношений, нежели эволюционного.

Список литературы

1. Букки, Тренч 2018 – Пособие по общественным связям в науке и технологиях / Под ред. М. Букки, Б. Тренча. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 592 с.
2. Галисон 2004. – Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64-91.
3. Латур 2014 – Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

УДК 168

НАУКА, ТЕХНОЛОГИИ И ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ НАРАСТАЮЩИХ ТЕМПОВ ПЛАНЕТАРНОЙ КОЭВОЛЮЦИИ

Герасимова Ирина Алексеевна

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник,

Институт философии РАН

Москва, Россия

E-mail: home_gera@mail.ru

Век XX и наступивший век XXI – это время стремительного ускорения коэволюции всех сфер планетарной жизни. Преобразования общества, экономики, окружающего мира и трансформации сознания происходят чередой взрывных процессов благодаря

революционным научным открытиям, сжиманиям сроков от изобретения до внедрения новых технологий. Катализаторами экономики и общественного развития явились революции в энергетике, информатике, химических технологиях. Выход в космос и череда открытий изменили картину мира, в основе которой был методологический геоцентризм. Сменяющие друг друга технологические уклады, типы обществ (индустриальное, информационное, цифровое), наукоемкие и цифровые технологии можно рассматривать как знаковые события в когнитивной эволюции, связанные с виртуализацией творчества. Познавая Вселенную, мы познаем себя (А. Линде). Конструируя новые реальности, мы конструируем себя. Изучая искусственный интеллект, мы изучаем естественный интеллект. Позитивный сценарий выхода из глобального кризиса видится в «отбрасывании строительных лесов» познания и переориентации на культуру, этику и познание внутреннего человека. Русский космизм идейно подготовил грядущую ноосферную цивилизацию, основанную на идеях целостности мироздания, взаимосвязанности всего со всем: космоса, планеты, мирового сообщества, человека. Рост научного сознания шел по пути формирования способностей к коллективному мышлению с синергетическими эффектами – от дисциплинарных форм через мультидисциплинарные и междисциплинарные к трансдисциплинарным. Интегративные методологии в науке будущего основаны на принципах конвергенции естественно-научного, инженерного и гуманитарно-философского знания. В статье рассматривается кейс цифровых технологий.

Ключевые слова: наука, общество, технологии, катализаторы эволюции, интегративные методологии, трансдисциплинарность, цифровые технологии, ноосферная этика.

SCIENCE, TECHNOLOGY AND SOCIETY IN THE CONTEXT OF INCREASING RATES OF PLANETARY COEVOLUTION

Gerasimova Irina Alekseevna

PhD DSc in Philosophy, Professor, Principal Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: home_gera@mail.ru

The XX and XXI centuries are a time of rapid acceleration of the coevolution of all spheres of planetary life. The transformation of society, the economy, the world around us and the transformation of consciousness occur in a series of explosive processes due to revolutionary scientific discoveries, the shortening of the time from the invention to the introduction of new technologies. The revolutions in energy, computer science, and chemical technologies were the catalysts of the economy and social development. Going into space and a series of discoveries changed the picture of the world, which was based on methodological geocentrism. Changing technological structures, types of societies (industrial, information, digital), high-tech and digital technologies can be considered as significant events in the cognitive evolution associated with the virtualization of creativity. Knowing the universe, we know ourselves (A. Linde). When we construct new realities, we construct ourselves. When we study artificial intelligence, we study natural intelligence. A positive scenario for overcoming the global crisis is seen in the “dropping of the scaffolding” of knowledge and reorientation to culture, ethics and knowledge of the inner man. Russian cosmism ideologically prepared the future noospheric civilization, based on the ideas of the integrity of the universe, the interconnectedness of everything with everything; the cosmos, the planet, the world community, and man. The growth of scientific consciousness was based on the formation of collective thinking abilities with synergistic effects – from disciplinary forms through multidisciplinary and interdisciplinary to transdisciplinary. The article argues for an example of digital technologies.

Keywords: science, society, technologies, catalysts of evolution, integrative methodologies, transdisciplinarity, digital technologies, noosphere ethics.

Научные открытия и технологии меняют мир, общество и человека в нарастающих темпах от аллегро до престиссимо. С другой стороны, сами трансформации общества и человека становятся катализаторами общего ускорения. Молодые поколения в информационно-коммуникационной среде обитания задают ускорению новые темпы,

экспериментируя с новыми материалами, «умной материей» (плазмой), открывая космические излучения и миры, дерзая создать искусственный интеллект и «умную планету». Можно констатировать, что нарастающее ускорение – процесс исторически неизбежный.

Первые знаковые события ускорения, скорее всего, проявляются уже в XVIII в., наиболее явно в XIX в. и прокатываются широким фронтом в XX-XXI вв. Катализаторы со стороны научно-технического процесса множественны. Открытие взаимосвязи электричества и магнетизма положило начало освоению фундаментальной энергии мироздания. Развернувшаяся энергетическая революция в физике перевернула картину мира (электромагнетизм, рентгеновские лучи, строение атома и атомистическая энергия). В 60-х гг. XX в. революция в космологии разворачивалась по пути преодоления методологического геоцентризма, добавив новые грани в складывающуюся картину мира: Земля не изолирована в космическом пространстве (космические лучи, космические частицы, открытие экзопланет с 1980-х гг., космическая погода). Создание первых вычислительных машин с начала XIX в. через ряд революционных открытий и изобретений в области компьютерной техники, информатики и телекоммуникации в XX-XXI в. внесли еще одну грань в формирование новой картины мира. Технологические возможности позволили проникнуть в тайны мега- и микромира, идет перманентное открытие новых форм материи и немислимых ранее возможностей творчества (поле, плазма, наночастицы, кристаллы по времени). Вещество, энергия и информация признаются тремя столпами естественно-научной картины мира.

Энергетика, информатика и химические технологии стали мощными катализаторами общественной жизни, придав невиданное ускорение социальным и культурным процессам. Индустриальное, информационное, цифровое общества – далеко не окончательные стадии общественных трансформаций. Технологии обеспечили глобальные коммуникации, создали предпосылки ускоренного инновационного развития. Человек вышел на уровень планетарного демиурга (геоинжиниринг, биоинжиниринг, социоинжиниринг). Складывается новый тип личности информационно-коммуникационного общества. В условиях «цифровой турбулентной среды» ценятся качества: открытость, антиципация и повышенная чуткость к изменениям, пластичность, дорефлексивное «схватывание ситуации», способность коммуникативной рациональности с достижением синергетических эффектов.

Активная инновационная политика технологизации и цифровизации общественно значимых сфер жизни порождает серьезные антропологические проблемы (утрата смыслов жизни, ощущение заброшенности, страх перед будущим, неравенство и иные причины стрессов). Для одних научно-технический прогресс предоставляет блага комфорта и стремительного обновления, а для других – вымирание. Неопределенность и риск провозглашаются как необходимые составляющие бытия [Эбелинг, Файстель 2019]. В разных вариантах прогнозируют наступление точки невозврата – сингулярности (технологическая сингулярность, социально-историческая сингулярность). В масштабно-геологическом измерении переживаемое время называют эпохой антропоцена на стадии доминирования хозяйственной и инновационной деятельности. При позитивном сценарии переходная эпоха антропоцена должна смениться устойчивым сапиозоем («разумной жизнью» [Гринспун 2016]).

Одна из причин глобального кризиса – десинхронизация, рассогласование ритмик глобального целого. Как мы сегодня мыслим это глобальное целое? Со стороны естественно-научных и инженерных дисциплин интеграция идет по линии междисциплинарных исследований. Комплексные программы научного мониторинга глобальной ситуации охватывают достаточно широкий диапазон измерений. Экономика начинает сотрудничать с экологией, провозглашая баланс экономических

и экологических критериев проективной деятельности. В экологии человека учитывают космические, планетарно-физические, экологические, биосферные, техносферные, медико-биологические измерения. Но этого сегодня недостаточно, отсутствует фундамент – культура. В условиях антропологических вызовов техногенной цивилизации любая проблема, любой инновационный проект востребуют исследований трансдисциплинарного типа, сочетающих естественно-научные, инженерные, экономические, политические и гуманитарно-философские измерения. Человек как доминирующая сила в планетарных процессах должен стать фокусом внимания исследователей.

В научной среде и даже в бизнесе нарастает внимание к учениям В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере, в основе которых лежит идея единства земной и космической природы, соучастия всех существ и энергий в совместном жизненном процессе и коэволюции. Всевязующую планетарную энергию Вернадский называет биогеохимической, а в отношении ноосферы – культурной биогеохимической энергией. «В мире реально существуют только личности, создающие и высказывающие научную мысль, проявляющие научное творчество – духовную энергию» [Вернадский 1988, с. 233]. Можно утверждать, что русский космизм в науке и философии идейно подготовил новую картину мира и грядущую ноосферную цивилизацию. Ноосферное мировоззрение провозглашает целостность мироздания – космоса и планеты (А.Л. Чижевский), взаимосвязанность всего (всеединство В.С. Соловьева), единство в разнообразии, гармонию человека и природы, любовь как основу взаимоотношений в этом разнообразии, эмпатическое единение с природой и с ноуменальным уровнем идей в творчестве, приоритет культуры как духовного творчества в «разумной жизни». Духовно-нравственное начало в человеке должно созреть в интеллекте через опыт кризиса – опыт страдания, ошибок, разрушения. Механическая (техногенная) цивилизация – переходный этап, иначе, чем через знакомые формы нельзя было бы ускорить эволюцию человечества. Человек техногенной цивилизации конструирует новые реальности мыслью. Процесс смыслопорождения проходит многие уровни – зарождается в глубине психики (интуиция), приобретает формы языка и схем, объективируется в действии, в вещах и процессах внешне-чувственного мира. Воплощенные в реальностях идеи становятся осязаемо-видимыми, их можно исправлять, совершенствовать. Духовно-нравственное начало в переживаемое время проявляется прежде всего в ответственности за интуицию и в способности различать добро и зло. Ноосфера в своем низшем проявлении: это сфера плодов интеллекта – техносфера, пространство информации – Интернет. Ноосфера в высшем своем проявлении – сфера духовно-нравственной мысли. Ноосферная этика и культура становятся не просто стратегическим ресурсом, но и единственным путем выживания.

Приведу пример. Анализ, диагностика и прогностика цифровых трансформаций экономики и общества предполагает масштабную сетку координат, охватывающую глобально-эволюционные процессы, когнитивную эволюцию, планетарно-физические среды, локальные экосистемы, цифро-экосистемы, техноценоз, социальные среды, культурные среды и коррелирующие с множеством сред типы личности. Ноосферный подход предполагает взаимоувязанность внешних и внутренних сред, а также ритмик целого (природных, социальных, личностных), множества реальностей с разными временными ритмиками и особенностями пространственной организации. В аспекте социодинамики культуры всплеск интереса к цифровым технологиям можно расценить как осознание фундаментальной роли числа в творческом конструировании в условиях техногенной цивилизации (идеи циклически возвращаются). В познавательном аспекте, создавая технологии и искусственный интеллект, человек познает самого себя через инструменты. В технологическом аспекте прогресс в информационно-

коммуникационных технологиях от стадий аппаратного и программного усовершенствования перешел на стадию усовершенствования архитектуры. В решении задач создания самообучающегося искусственного интеллекта и робототехники решающее значение имеют природоподобные технологии (*НБИКС-технологии*), другими словами, как и в Античности, приоритет отдается обучению у природы, но с оговоркой. Если греки, как и в любой традиции, благоговели перед природой (А. Швейцер), то современный исследователь часто оказывается в плену иллюзий искусственных реальностей. Изучая живое, нервную систему и мозг, имитируя природу в нейросетевых технологиях, начинают пропагандировать превосходство упрощенных механизмов перед естественным разумом. Чрезмерная экспансия цифровизации в культурные среды (образование, наука, искусство, здравоохранение и пр.) и оцифровка повседневной жизни и управления (биометрия, наукометрия) порождают катастрофические социальные и экзистенциальные риски (роботизация сознания, утрата смыслов жизни и пр.). Геоэкологические и биологические риски ведут к «высушиванию» биосферы, нарушению баланса естественного энергетического фона и искусственных ЭМИ, вытеснению белковой жизни кремниевой, загрязнению ближайшего космического пространства, пандемиям, ухудшению здоровья и, как следствие, к поражениям разума. Вместе с тем сам глобальный кризис является мощнейшим катализатором геоэволюционных процессов, преобразая планету, мировое сообщество и человека. Когда доходят до дна и исчерпания искусственных ресурсов, вспоминают о естественных, идет напряженнейшая мобилизация сил. Цивилизационный кризис общества потребления и навязываемых мировой элитой ценностей требует коренного пересмотра смыслов и основ современной жизни. Культура внутреннего человека, искусство самопреображения, ноосферная этика – ведущие ориентиры в построении гуманистического сценария будущего. Ноосферную этику можно помыслить как новую ступень в моральном развитии человека, которая связана с формированием личной ответственности не только за свою судьбу и судьбу своего народа и культуры, но и других народов, жизнь планеты и коэволюцию всех живых существ.

Список литературы

1. Вернадский 1981 – *Вернадский В.И.* Избранные труды по истории науки. М.: Наука. 1981. 360 с.
2. Гринспун 2016 – *Гринспун Д.* Сколько нам еще осталось? // В мире науки. 2016. № 11. С. 62-66.
3. Эбелинг, Файстель 2019 – *Эбелинг В., Файстель Р.* Самоорганизация в природе и обществе и стратегии построения будущего // Мир человека: неопределенность как вызов. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 159-198.

ПРОБЛЕМА РОСТА ЗНАНИЯ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЕ ЗАВИСИМОСТИ В СОЦИОЛОГИИ РАЗВИТИЯ

Дергунов Юрий Валериевич

*Старший преподаватель кафедры социологии управления
Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики
Донецк, Донецкая Народная Республика
E-mail: yuriy.dergunov@gmail.com*

Данная статья посвящена концептуализации депендентизма в социологии развития в качестве теоретической исследовательской программы. Это позволяет преодолеть ограничения, присущие более ранним трактовкам теорий зависимости в социологии развития, и предложить объяснение развития данного направления с точки зрения социологического метатеоретизирования. Трактовка исследовательской программы зависимости дана с опорой на концепцию Д.Дж. Вагнера и Дж. Бергера, в которой разграничиваются такие понятия, как ориентирующая стратегия, единичная теория и теоретическая исследовательская программа, и выявляется специфика отношений между единичными теориями внутри теоретической исследовательской программы. Выделены базовые допущения, присущие всем направлениям исследовательской программы зависимости. В рамках исследовательской программы зависимости выделены такие ветви, как теория слаборазвитости, теория зависимого развития и теория сверхэксплуатации. Каждая из этих ветвей внутри исследовательской программы зависимости представляет собой набор единичных теорий, находящихся внутри себя в отношениях элаборации, однако между собой они состоят в отношениях конкуренции. Дальнейшими формами теоретического роста внутри исследовательской программы зависимости стали интеграция теорий слаборазвитости и сверхэксплуатации и теорий зависимого развития и сверхэксплуатации.

Ключевые слова: теория зависимости, исследовательская программа зависимости, социология развития, исследовательские программы, социологическое метатеоретизирование, теория слаборазвитости, теория зависимого развития, теория сверхэксплуатации.

THE PROBLEM OF KNOWLEDGE GROWTH IN THE RESEARCH PROGRAM OF DEPENDENCE IN DEVELOPMENT SOCIOLOGY

Dergunov Yurii Valerievich

*Senior Lecturer of the Department of Management Sociology
Donetsk Academy of Management and Public Administration at the Head of Donetsk People's
Republic
Donetsk, Donetsk People's Republic
E-mail: yuriy.dergunov@gmail.com*

The paper conceptualises dependentism in development sociology as the theoretical research programme. This allows to overcome the limitations intrinsic to earlier interpretations of dependency theories in development sociology and to provide the explanation of the direction based on the perspective of sociological metatheorizing. The interpretation of dependency research programme is based on the conception of D. G. Wagner and J. Berger which distinguishes such notions as the orienting strategy, unit theory and theoretical research programme, and reveals particular features of relations between unit theories inside the theoretical research programme. Basic assumptions immanent to all directions of dependency research programme are distinguished. In the dependency research programme such branches as underdevelopment theory, dependent development theory and superexploitation theory are distinguished. Each of those branches inside

the dependency research programme represents a set of unit theories that elaborate one another within the branch but compete between branches. The further forms of theoretical growth within the dependency research programme are the integration between theories of underdevelopment and superexploitation and theories of dependent development and superexploitation.

Keywords: dependency theory, dependency research programme, development sociology, research programmes, sociological metatheorizing, underdevelopment theory, dependent development theory, superexploitation theory.

Направление, известное как теория зависимости (депендентизм), является одним из ведущих в социологии развития и других дисциплинах, занимающихся проблемами масштабных социальных изменений в обществах, которые в разные периоды обозначались такими понятиями, как «развивающиеся страны», «третий мир», «глобальный Юг». Пик популярности данного направления пришелся на 1960-70-е гг., когда оно выступало ведущей альтернативой теорий модернизации, после чего общепринятым стало представление о кризисе теорий зависимости в связи с определенными вызовами как теоретико-методологического, так и фактологического характера. Тем не менее на сегодняшний день уместно говорить о возрождении данного направления [Munck 2021, p. 133], а целый ряд авторов переосмысливают релевантность депендентизма для анализа современных проблем обществ глобального Юга [Kvangraven 2021; Özekin 2020].

Учитывая существующие дискуссии о научном статусе теорий зависимости в социологии развития (оценка их реального вклада в исследование социальных изменений, их научный статус, причины нелинейной динамики признания в научном сообществе), целесообразно рассматривать их в рамках теоретической реконструкции, но и использовать объяснительные инструменты из арсенала философии науки и социологического метатеоретизирования. Примерами подобного подхода в исследовательской литературе является рассмотрение теорий модернизации и зависимости как сменяющих друг друга парадигм (в смысле Т. Куна) [Foster-Carter 1978]; анализ депендентизма как политизированного течения, представители которого, как правило, были неспособны предложить фальсифицируемые гипотезы (в смысле К. Поппера) [Packenham 1992]; рассмотрение различных теорий зависимости с точки зрения их способности к решению теоретических проблем (в смысле Л. Лаудана) [Hout 1993]; а также характеристика депендентизма как исследовательской программы или набора теорий, развивающих общие исходные предпосылки (в смысле И. Лакатоса) [Кутуев 2016; Kvangraven 2021; Higgott 1983; Sklair 1988].

В данной работе мы будем опираться на последний подход к пониманию депендентизма как не монолитной теории, а исследовательской программы, представляющей собой набор теорий. В качестве общей основы для рассмотрения природы теоретических исследовательских программ в социологии мы будем основываться на метатеоретических работах социологов Д.Дж. Вагнера и Дж. Бергера [Wagner 1984; Wagner, Bergen 1985].

С точки зрения Д.Дж. Вагнера и Дж. Бергера, понятие теории в социологии несет в себе определенную неоднозначность. В качестве теорий может рассматриваться то, что указанные авторы характеризуют как ориентирующие стратегии, представляющие собой допущения о предмете социологии, природе социальной реальности, задачах социологического исследования, базовые понятия и принципы их применения. Примерами ориентирующих стратегий выступают масштабные направления общей социологии, например, структурный функционализм, марксизм и символический интеракционизм. Другим типичным значением понятия теории в социологии выступает то, что данные авторы обозначают как единичные теории, т.е. набор понятий и принципов их приложения к конкретным социальным явлениям (например, теория самоубийства Э. Дюркгейма или теория аномии Р. Мертон). Теоретические

исследовательские программы выступают набором единичных теорий какого-либо социального явления, связанных между собой определенными отношениями. В качестве таковых отношений могут выступать отношения элаборации (явный прогресс в теоретическом знании), пролиферации (перенос логики теоретического объяснения на другой набор социальных явлений), конкуренции (теории объясняют одни и те же явления, но расходятся между собой в структуре и предсказаниях), вариации (теории отличаются в незначительной степени и не имеют явных преимуществ друг перед другом) и интеграции (формулирование теории, объясняющей больше, чем отдельные теории). В целом, с точки зрения Д.Дж. Вагнера и Дж. Бергера, именно теоретические исследовательские программы выступают основным механизмом роста научного знания в социологии.

Применяя данную метатеоретическую оптику, мы вынуждены отметить, что традиционная формулировка «теория зависимости» не только размыта, т.к. не проводит разграничения между ориентирующими стратегиями, единичными теориями и теоретическими исследовательскими программами, но и способна вводить в заблуждение в рамках реконструкции и оценки предполагаемой «теории зависимости», т.к. зачастую объектами критики, якобы представляющими взгляды всех депендентистов, выступали лишь отдельные авторы, например, А.Г. Франк [Cardoso 1977; Kvangraven 2021]. Более корректным было бы говорить об исследовательской программе зависимости, соединяющей в себе набор различных теорий, объединенных рядом базовых допущений и находящихся между собой в различных отношениях.

Говоря о базовом наборе допущений, присущих данной исследовательской программе, целесообразно привести их набор, приведенный в работах И. Квангравен и М. Бломстрёма и Б. Хеттне. С точки зрения И. Квангравен, такими базовыми допущениями выступают глобальный исторический подход, представление о тенденции мирового капитализма к поляризации, внимание к структурам производства и внимание к ограничениям, связанным с периферийным положением в глобальной экономике [Kvangraven 2021, pp. 80-86]. Согласно формулировке М. Бломстрёма и Б. Хеттне, таковыми базовыми допущениями выступают представления о том, что слаборазвитость связана с экспансией развитых капиталистических стран; развитие и слаборазвитость являются различными аспектами одного и того же всеобщего процесса; слаборазвитость не является исходным состоянием; зависимость – не только внешний феномен, но проявляется и во внутренней структуре [Blomström, Hettne 1984, p. 6]. В целом данные характеристики можно считать взаимодополняющими и дающими достаточно полное представление о базовом наборе допущений, присущих исследовательской программе зависимости.

Более сложной проблемой являются идентификация основных единичных теорий внутри исследовательской программы зависимости и характеристика отношений между ними. Чаще всего развитие данной исследовательской программы рассматривается сквозь призму трансформации исходной версии теории зависимости А.Г. Франка в мир-системный анализ И. Валлерстайна либо как переход от упрощенной версии тезиса А.Г. Франка о «развитии слаборазвитости» к историко-структурному подходу, основанному на анализе ситуаций зависимости, представленному в работах Ф.Э. Кардозо и его соавторов [Larraín 1989; So 1990; Özekin 2020]. Оба эти перехода, как правило, характеризуются как пример углубления и прогресса теории, т.е. элаборации в терминах Д.Дж. Вагнера и Дж. Бергера. Тем не менее данная оценка является ограниченной в силу крайней избирательности в отборе авторов для сравнения, что, как правило, связано со слабой представленностью работ депендентистов на английском языке (большинство этих авторов жили в Латинской Америке и писали на испанском языке). С другой стороны, нельзя согласиться и с классификацией работ представителей

депендентизма, представленной в работах Р. Чилкота или К. Кая, в которой теоретические разногласия рассматриваются, по существу, сквозь призму противопоставления между радикальным и реформистским направлениями [Chilcote 1984; Kay 1989]. Нельзя согласиться и с рассмотрением исследовательской программы зависимости, как представленной марксистским и структуралистским направлениями [Kvangraven 2021; Vernegro 2006], т.к. становление депендентизма было связано именно с критикой структуралистского направления.

В данной работе, отчасти опираясь на идеи Л. Склэра и Г. Палмы [Palma 1981; Sklair 1988], однако пересматривая их классификации, мы предлагаем рассматривать теоретическую исследовательскую программу зависимости как представленную тремя основными ветвями:

– теория слабозажитости (основоположник – А.Г. Франк; характеризуется панкапитализмом и детерминистским пониманием неизбежного воспроизводства слабозажитости сателлитов в условиях интеграции в мировую капиталистическую систему);

– теория зависимого развития (начинается как радикализация структуралистских теорий Экономической комиссии Латинской Америки, в дальнейшем получила развитие в работах Ф.Э. Кардозо; ключевые тезисы – необходимость конкретного анализа, высокое значение политических факторов, возможность ограниченного и зависимого развития на периферии);

– теория сверхэксплуатации (основоположник – Р. М. Марини; характеризуется сведением отношений зависимости к сверхэксплуатации труда, понимание процесса развития на периферии лишено детерминизма).

Каждая из этих ветвей внутри исследовательской программы зависимости представляет собой набор исследовательских теорий, находящихся внутри себя в отношениях элаборации, однако между собой они состоят в отношениях конкуренции.

Кризис исследовательской программы зависимости, начавшийся с 1970-х гг., привел к возникновению большого количества теоретических проблем, разрешение которых происходило через интеграцию ветвей исследовательской программы зависимости. В конечном счете, двумя формами интеграции стали интеграция теорий слабозажитости и сверхэксплуатации, получивших развитие в рамках мир-системного анализа [Валлерстайн 2006], и теорий зависимого развития и сверхэксплуатации, получивших развитие в теориях нового империализма в контексте исследований нелиберальной глобализации и в теориях неравномерного и комбинированного развития [Antunes de Oliveira 2019].

Список литературы

1. Валлерстайн 2006 – *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
2. Кутуев 2016 – *Кутуев П.В.* Трансформації модерну: інституції, ідеї, ідеологія. Херсон: Гельветика, 2016. 516 с.
3. Antunes de Oliveira 2019 – *Antunes de Oliveira F.* The rise of the Latin American far-right explained: dependency theory meets uneven and combined development // *Globalizations*. 2019. Vol. 16. Issue 7. Pp. 1145-1164.
4. Blomström, Hettne 1984 – *Blomström M., Hettne B.* Development Theory in Transition: The Dependency Debate and Beyond: Third World Responses. L.: Zed Books, 1984. 215 p.
5. Cardoso 1977 – *Cardoso F.H.* The consumption of dependency theory in the United States // *Latin American Research Review*. 1977. Vol. 12. Iss. 3. Pp. 7-24.

6. Chilcote 1984 – *Chilcote R.H.* Theories of Development and Underdevelopment. Boulder: Westview Press, 1984. 178 p.
7. Foster-Carter 1978 – *Foster-Carter A.* From Rostow to Gunder Frank: Conflicting paradigms in the analysis of underdevelopment // *World Development*. 1978. Vol. 4. Iss. 3. Pp. 167-180.
8. Higgott 1983 – *Higgott R.A.* Political Development Theory: The Contemporary Debate. L.: Routledge, 1993. 120 p.
9. Hout 1993 – *Hout W.* Capitalism and the Third World: Development, Dependence and the World System. Aldershot: Edward Elgar, 1993. 227 p.
10. Kay 1989 – *Kay C.* Latin American Theories of Development and Underdevelopment. L.: Routledge, 1989. 295 p.
11. Kvangraven 2021 – *Kvangraven I.H.* Beyond the stereotype: Restating the relevance of the dependency research programme // *Development and Change*. 2021. Vol. 52. Iss. 1. Pp. 76-112.
12. Larraín 1989 – *Larraín J.* Theories of Development: Capitalism, Colonialism, and Dependency. Cambridge: Polity Press, 1989. 252 p.
13. Munck 2021 – *Munck R.* Rethinking Development: Marxist Perspectives. Cham: Springer, 2021. 213 p.
14. Özekin 2020 – *Özekin M.K.* On the Contemporary Relevance of Dependency Perspective: a Critical Appraisal // *Perspectives on Global Development and Technology*. 2020. Vol. 19. Iss. 4. Pp. 418-448.
15. Packenham 1992 – *Packenham R.A.* The Dependency Movement: Scholarship and Politics in Development Studies. Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 1992. 362 p.
16. Palma 1981 – *Palma G.* Dependency and development: a critical overview // Seers D. (ed.) *Dependency Theory: A Critical Reassessment*. L.: Pinter, 1981. Pp. 20-78.
17. Sklair 1988 – *Sklair L.* Transcending the impasse: Metatheory, theory, and empirical research in the sociology of development and underdevelopment // *World Development*. 1988. Vol. 16. Iss. 6. Pp. 697-709.
18. So 1990 – *So A.Y.* Social Change and Development: Modernization, Dependency and World-System Theories. L.: Sage, 1990. 283 p.
19. Vernegro 2006 – *Vernegro M.* Technology, finance and dependency: Latin American radical political economy in retrospect // *Review of Radical Political Economics*. 2006. Vol. 38. Iss. 4. Pp. 551-568.
20. Wagner 1984 – *Wagner D.G.* The Growth of Sociological Theories. L.: Sage, 1984. 152 p.
21. Wagner, Bergen 1985 – *Wagner D.G., Berger J.* Do sociological theories grow? // *American Journal of Sociology*. 1985. Vol. 90. Iss. 4. Pp. 697-728.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСЛЯЦИИ НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ В ГАЛИСОНОВСКИХ, ГУМБОЛЬДТОВСКИХ И НЕГУМБОЛЬДТОВСКИХ ЗОНАХ ОБМЕНА

Дорожкин Александр Михайлович

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии физического факультета
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет*

им. Н.И. Лобачевского

Ниžний Новгород, Россия

E-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com

В работе рассматриваются особенности трансляции научной проблемы для случаев общения ученых между собой (галисоновские зоны обмена), общения учителя и ученика (гумбольдтовские зоны обмена) и общения представителей научной и ненаучной сред (негумбольдтовские зоны обмена). Отмечается, что условия трансляции научной проблемы на стадии ее формирования отличаются от процессов трансляции в отмеченных зонах обмена готового знания. При анализе трансляции проблемы в галисоновских зонах обращается внимание на различие между «неявным знанием» М. Полани и ситуацией, возникающей при трансляции еще не полностью оформившейся проблемы. Особенности подобной трансляции в гумбольдтовских зонах обмена приводят к выводам о невозможности непосредственного использования модели трансляции готового знания, представленной автором в предыдущих работах. Указываются причины, по которым прямое копирование модели невозможно. Для негумбольдтовских зон обмена, кроме выделяемых особенностей, рассматривается возможность использования деятельности философа как медиатора взаимоотношений между представителями научной и ненаучной сред. При этом автор использует предложенную Галисоном модель пересечения полей деятельности теоретика, экспериментатора и приборостроителя, заменяя галисоновские поля на поля деятельности философа, представителя науки и представителя ненаучной среды. Кратко рассмотрены особенности взаимодействия таких полей и названа проблематика их функционирования.

Ключевые слова: трансляция, проблема, неопределенность, галисоновские зоны обмена, гумбольдтовские зоны обмена, негумбольдтовские зоны обмена.

FEATURES OF COMMUNICATING A SCIENTIFIC PROBLEM IN GALISONIAN, HUMBOLDTIAN AND NON-HUMBOLDTIAN TRADING ZONES

Dorozhkin Alexander Mikhailovich

*PhD DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of the Faculty of Physics
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com

The paper examines the features of scientific problems transfer for different cases of communication: between scientists (Galisonian trading zones), between a teacher and a student (Humboldtian trading zones) and between representatives of scientific and non-scientific environments (non-Humboldtian trading zones). The transfer of scientific problems at the stage of its formation differs from the translation of ready knowledge. As for the Galisonian zones, attention is drawn to the difference between M. Polanyi's "tacit knowledge" and the communication of a problem at the stage of its formation. It is impossible to use this model of ready knowledge translation in the Humboldtian trading zones. As for non-Humboldtian trading zones, they may engage using a philosopher as a mediator between representatives of scientific and non-scientific environments. The author uses the model of intersection between the fields of the theoretical, experimental and instrument-making practices proposed by Galison, replacing the Galisonian examples with the fields of a philosopher, a representative of science and a representative of a non-

scientific environment. The features of the interaction between such fields are briefly considered and the problems of their functioning are named.

Keywords: knowledge transfer, problem, uncertainty, Galisonian trading zones, Humboldtian trading zones, non-Humboldtian trading zones.

По сути, любое научное исследование есть разрешение той или иной проблемы. Но до разрешения проблемы ее нужно еще увидеть, сформулировать, а самое главное, довести до сведения других лиц о ее наличии в структуре научного знания и при этом получить подтверждение такого наличия и значимости проблемы и ее разрешения для дальнейшего развития наук. Причем этими другими лицами могут быть не только коллеги – представители научного сообщества. Современные реалии научной деятельности таковы, что необходимо учитывать весьма существенное влияние негосударственных общественных организаций на финансирование и даже запрет научной деятельности. А если учесть, что научное сообщество должно быть озабочено не только вопросом о материальной поддержке своей деятельности, но и о самовоспроизводстве научных кадров, то появляется еще и необходимость познакомить с такой формой знания как научная проблема новое поколение учеников, т.е. будущее поколение научных работников.

Все три отмеченные выше взаимоотношения научного сообщества – внутреннее и два внешних – зафиксированы в целом ряде работ как галисоновские, гумбольдтовские и негумбольдтовские зоны обмена [Масланов, Дорожкин 2020]. Однако в этих работах речь идет по большей части о трансляции не научной проблемы, а готового, завершеного знания, прежде всего в форме научных теорий, реже – гипотез. Здесь же мы попытаемся рассмотреть вопросы, связанные с трансляцией научной проблемы в отмеченных выше зонах. Выскажем предположение, что функционирование таких зон в таком случае будет обладать определенной спецификой, не заметной при анализе трансляций готового научного знания. В качестве обоснования такого предположения назовем тот факт, что научная проблема, в отличие от задачи, формулируется на специфическом языке. Такой язык не всегда можно назвать научным. Он обладает значительной долей неопределенности. Это подчеркивают, например, весьма авторитетные специалисты – И.Т. Касавин [Касавин 2009] и В.Ф. Спиридонов [Спиридонов 2009]. Более того, сам транслятор часто затрудняется в формулировке увиденной им научной проблемы.

Отметим при этом, что здесь сходство с неявным знанием М. Полани не усматривается. Неявное знание, о котором говорит Полани, связано в большей мере со значительной практикой деятельности, причем именно в конкретной области. Здесь же речь идет об ином – отсутствии какой-либо научной практики. Справедливости ради нужно сказать, что неявное знание является основанием для предчувствия наличия научной проблемы, ибо только человек, погруженный в контекст того или иного знания, может получить представление о наличии истинной научной проблемы.

Все сказанное выше относится к галисоновским зонам обмена, и, с нашей точки зрения, определенные обстоятельства возникновения и трансляции научной проблемы внутри научного сообщества представлены в работах Т. Куна [Кун 1977] и П. Фейерабенда [Фейерабэнд 1986], посвященных смене научной парадигмы и перманентной научной революции. В этих работах, конечно, непосредственно о трансляции научной проблемы не говорится, однако, описание кризиса в науке перед сменой парадигмы у Т. Куна, с нашей точки зрения, соответствует представлениям об описании возникающей научной проблемы. Фейерабэнд же вообще представляет состояние научного знания сплошной проблемой.

Если теперь коснуться вопроса о негалисоновских зонах обмена, то ситуация здесь освещена весьма скромно. Система обстоятельств, возникающих при формировании

гумбольдтовских зон обмена, рассмотрены нами в специальной работе [Дорожкин 2019], однако все они имеют лишь общий характер и не рассматривают конкретно обстоятельства трансляции содержания возникающей научной проблемы учащимся. Упомянутая нами гипотетико-дедуктивная программа приращения знания в полной мере не описывает трансляцию проблемы хотя бы потому, что наличное знание учителя в данном случае довольно неопределенно, и поэтому процесс сопоставления такого проблемного знания с наличным знанием ученика требует дополнительного философско-методологического анализа.

Что же касается негумбольдтовских зон обмена, то ситуация здесь не менее сложная. Общение ученого с человеком, обладающим уже устоявшимися и практически подтвержденными мировоззренческими убеждениями, затруднено само по себе [Дорожкин 2018]. Тем более затруднительным оно будет, если ученый будет вынужден транслировать представителю ненаучного сообщества знания для него самого проблемные, нагруженные целой системой неопределенностей обстоятельства.

Процедуру трансляции научной проблемы в негалисоновских зонах обмена можно реализовать с привлечением фигуры философа. Последний должен выступать в роли медиатора такой зоны. Под медиацией мы имеем в виду не простой дословный перевод содержания проблемы с одного языка на другой – такой перевод вообще возможен, по нашему мнению, лишь в весьма ограниченных случаях и чаще всего тогда, когда мы имеем дело не с проблемой, а с задачей. Деятельность философа как медиатора будет заключаться в философском переосмыслении научной проблемы, т.е. в попытке увидеть ее дополнительные аспекты, которые были упущены при ее формулировке на языке науки. Декларируя такие определенные упущения, мы, конечно, же берем на себя ответственность по доказательству наличия таких упущений. Последние же, на наш взгляд, таковы: при осмыслении определенной конкретно-научной проблемы с позиций другой конкретной науки практически всегда происходит ее дополнение определенными аспектами, связанными с содержанием этой другой науки.

Здесь в определенной мере будет реализована идея П. Галисона о пересечении полей деятельности ученого экспериментатора, приборостроителя и теоретика [Galison 1999]. Только в данном случае «слои» будут несколько иными: слой деятельности ученого, слой деятельности философа и слой деятельности представителя ненаучного сообщества. С нашей точки зрения, вопрос о том, необходимо ли в данном случае учитывать введенное Галисоном деление научной среды на отмеченные слои, в некоторой степени усложнит картину построения негумбольдтовской зоны обмена, однако принципиальных изменений в такую картину не внесет. Дело в том, что, во-первых, в данном случае нас будет интересовать тот слой науки, который является носителем проблемы, а во-вторых, в случае формирования «пиджин-сайнс» по аналогии с «пиджин-инглиш» необходимо наличие по крайней мере трех сторон или более, как отмечает сам Галисон.

Но здесь, на наш взгляд, возникает еще одна проблема, на которую необходимо найти ответ: насколько соответствует специфика построения негумбольдтовских зон обмена галисоновским? Дело в том, что формирование галисоновских зон обмена так, как он их сам описывает, происходит лишь при определенных условиях, которые вполне логично представлять как ограничения, налагаемые на возможность такого формирования. Их довольно легко увидеть при внимательном прочтении текста. Однако далее П. Галисон, по нашему мнению, не совсем корректно обобщает опыт коммуникации между представителями приборной, экспериментальной и теоретической компонентов отдельной отрасли науки в отдельный период времени и при определенных социальных условиях на все развитие науки. Он уподобляет взаимодействие ее различных аспектов свиванию каната из коротких отрезков нитей. Такая аллегория,

возможно, и уместна, но лишь в определенных пределах. Тем более неясным в таком случае является вопрос о переносе такой аллегорической модели на взаимодействие между представителями научной, философской и ненаучной мировоззренческой ориентациями как нашего времени, так и такого взаимодействия в истории. Разумеется, этим мы не ставим под сомнение возможность построения негумбольдтовских зон обмена: так или иначе они должны быть построены, иначе прогресс науки и общества невозможен. Здесь мы лишь отмечаем, что специфика построения таких зон может отличаться от предлагаемой галисоновской зоны обмена, тем более, она не может быть универсальной.

Список литературы

1. Дорожкин 2018 – *Дорожкин А.М.* Особенности построения негумбольдтовских зон обмена // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 4. С. 7-13.
2. Дорожкин 2019 – *Дорожкин А.М.* О роли зон обмена в формировании целостной картины мира // Проксема. 2019. Т. 22. № 4. С. 110-125.
3. Касавин 2009 – *Касавин И.Т.* «Проблема» // Энциклопедия эпистемологии и философии науки М. 2009.
4. Кун 1977 – *Кун Т.* Структура научных революций М.: Прогресс, 1977. 300 с.
5. Масланов, Дорожкин 2020 – Негумбольдтовские зоны обмена: монография / под ред. Е.В. Масланова, А.М. Дорожкина. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2020. 237 с.
6. Спиридонов 2009 – *Спиридонов В.Ф.* «Эвристика» // Энциклопедия эпистемологии и философии науки М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. С. 1129-1130.
7. Фейерабенд 1986 – *Фейерабенд П.* Избранные труды по философии науки. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
8. Galison 1999 – *Galison P.* Trading zone. Coordinating Action and Belief // The Science Studies Reader. Ed. by M. Biagioli. N.Y.: Routledge, 1999. Pp. 137-160.

УДК 01

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СИСТЕМНОСТИ: СИСТЕМНОЕ СОЗНАНИЕ И СОЗНАНИЕ СИСТЕМНОСТИ

Закарян Михаил Рафаэлович

*Кандидат технических наук, доцент
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия
E-mail: zak54@mail.ru*

Закарян Рафаэл Михайлович

*Старший преподаватель
Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя
Советского Союза А.К. Серова
Краснодар, Россия
E-mail: zak54@mail.ru*

В статье диалектико-феноменологически конструируется сущность системы и системности. Во внимание берется только то, что здесь дает само системное сознание. Для этого систему и системность мы рассматриваем так, как они сами являют и проявляют себя

в цельной реальности, непосредственно нам данной. Это позволяет нам не сводить систему и системность к тому, чем они не являются. Благодаря такому применению диалектической феноменологии в системологическом смысле вскрывается сущность сознания как системной структуры реальности и осуществляется диалектико-феноменологическое построение ее исходной системологической конструкции. Основываясь на анализе исходной системологической конструкции структуры сознания, определяются в соответствии с предметностью три его базовых вида: эйдетическое, натуралистическое и системное. В свою очередь базовый вид сознания определяет базовую методологическую основу сознательной жизнедеятельности. Для эйдетического сознания это будут диалектика и феноменология, для натуралистического сознания – метафизика, математика и естествознание, и для системного сознания – системный подход и системология. В заключение мы утверждаем, что для полного раскрытия сущности системного сознания, системного умственного созерцания, системного мышления и системного познания необходимо построение точных научных системных теорий апофатического восприятия, внимания, отражения и отображения. Сформулированы точные определения предметов этих теорий.

Ключевые слова: апофатическое сознание, действительность, интеллект, материя, мышление, образ действительности, ощущение, познание, раздражение, реальность, умственное созерцание.

DIALECTICAL PHENOMENOLOGY OF SYSTEMACY: SYSTEMIC CONSCIOUSNESS AND CONSCIOUSNESS OF SYSTEMACY

Zakaryan Mikhail Rafaelovich

PhD in Technical Sciences, Associate Professor

Kuban State University

Krasnodar, Russia

E-mail: zak54@mail.ru

Zakaryan Rafael Mikhailovich

Lecturer

Serov Air Force Institution for Pilots of Krasnodar

Krasnodar, Russia

E-mail: zak54@mail.ru

In the article, we logically construct the essence of the system and its systemacy, applying dialectical phenomenology for this. We take into account only what the systemic consciousness itself gives here. The system and its systemacy are considered the way they are born and manifest themselves in an integral reality directly given to us. This allows us not to reduce the system and its systemacy to what they are not. Thanks to this application of dialectical phenomenology in a systemological sense, the essence of consciousness is revealed as an internal systemic structure of natural reality. As a result, its initial systemological structure was built. Based on the analysis of the initial systemological structure of consciousness, three of its basic types are determined in accordance with its objective orientation: eidetic, naturalistic and systemic. In turn, the basic type of consciousness determines the basic methodological basis of conscious life. For eidetic consciousness it will be dialectics and phenomenology, for naturalistic consciousness – metaphysics, mathematics and natural science, and for systemic consciousness – a systematic approach and systemology. In conclusion, we argue that for the full disclosure of the essence of systemic consciousness, systemic mental contemplation, systemic thinking and systemic cognition, it is necessary to build accurate scientific systemic theories of apophatic perception, attention, reflection and mapping. Exact definitions of the subjects of these theories are formulated.

Keywords: apophatic consciousness, smart reality, intelligence, matter, thinking, the image of smart reality, sensation, cognition, irritation, material reality, clever contemplation.

В одной из работ [Закарян, Закарян 2019, с. 41] авторами были рассмотрены контекстные модификации диалектики Лосева [Лосев 1993] и феноменологии Гуссерля [Гуссерль 1909; Гуссерль 1910], необходимо обусловленные актуальной проблемой

формирования системологии как научной методологии, необходимой для построения общей теории систем. Данные контекстные модификации в качестве начала формирования научной методологии для построения общей теории систем обоснованно предлагают диалектическую феноменологию. Диалектическая феноменология может быть получена либо модификацией Лосевской диалектики в феноменологическом смысле, либо – наоборот – модификацией феноменологии в диалектическом смысле. В первом случае результат модификации есть «внутренне эйдетически связанная система категорий, начиная от выраженного эйдоса и эйдоса как имени и кончая фактологическим эйдосом и эйдосом как реальной вещью». Во втором случае при модификации феноменологии Гуссерля в диалектическом смысле получаем смысловую систему «закономерно и необходимо выводимых антиномий, а также синтетических сопряжений всех антиномических конструкций смысла, начиная от реальной вещи и фактологического эйдоса и завершая именем вещи и выраженным эйдосом». Обе логические системы являются полными коррелятами друг друга и названы как диалектическая феноменология, которая есть научная методология для построения общей теории эйдоса – смыслового лика сущего. В этом смысле полученную диалектическую феноменологию можно назвать научной эйдологией, иначе научной эйдетикой, отличая ее от эйдетики Платона и эйдетики Гуссерля. Первая, как известно, есть диалектическое учение о чистом эйдосе, а вторая – «учение об “идеальных формах” явлений сознания» [Кравченко 2013, с. 849], рассматриваемых Гуссерлем вне связи с объективной реальностью и эмпирической психологией. Наконец, определив системологию как «логическое конструирование реальной вещи как системы» авторы заключают: «Теперь требуется соединить диалектическую феноменологию с системологией. Это значит, надо взять все меонизированные эйдосы, конструируемые диалектической феноменологией, и соотнести их с эйдетизированными меонами, соответственно им противопоставленными. Возникает диалектико-системологическая конструкция реальной вещи как система ее всевозможных реальных проявлений, начиная от чистого выражения и завершая жизненно-целостным материально-вещественным пространственно-временным континуальным воплощением». Такая системология предлагает иной подход к изучению восприятия вообще и в первую очередь к изучению сознания как основы восприятия. Иначе говоря, здесь не может служить основой изучения никакая объяснительная точка зрения на сознание, как то: метафизическая [Кант 2015; Гегель 1977; Хайдеггер 2010], психологическая [Брентано 1996; Вундт 1903; Бюлер 1993], психофизиологическая [Ribot 1889; Ланге 1893], материалистическая [Ленин 1909; Павлов 1949; Анохин 1970]. Здесь нужен диалектико-феноменологический подход, как диалектически модифицированный описательно-феноменологический подход, предложенный и развитый Эдмундом Гуссерлем.

Выстроим системологическую точку зрения на сознание, умственное созерцание, мышление и познание на основе диалектической феноменологии.

Диалектико-феноменологический подход требует рассматривать всякий познаваемый момент явленной и являющейся действительности сам по себе в его непосредственной данности. Рассматривая так сознание, возникает необходимость мыслить реальное бытие и фиксировать в нем антиномию действительности и материи, необходимую для понимания сознания. Действительность обуславливает реальное бытие, материя же, воплощая действительность, определяет его. Известно, что материя первична по отношению к сознанию. Следовательно, в действительности и в материи сознания нет и быть не может. Это значит, что сознание возникает в реальном бытии в результате воплощения действительности в материи, как необходимое условие этого воплощения. Уже этот момент позволяет утверждать, что сознание есть устойчивая существенная связь между действительностью как таковой и оформленной материей

действительностью, обеспечивающая целостность и единство возникающего здесь ее (оформленной материей действительности) реального бытия. Понятно, что носителем сознания будет являться оформленная материей действительность.

Возникает вопрос, какова природа этой устойчивой существенной связи, т.е. сознания. Иначе говоря, вопрос о первичности сознания или материи, который здесь без оговорок решается в пользу материи, а вместе с ней и действительности, трансформировался в вопрос о первичности действительности или материи. С позиции диалектической феноменологии, да и уже с позиции феноменологии Гуссерля ответ на него однозначен – первична действительность как таковая, материя вторична. Да и сообразно разуму простого обывателя, мыслить материю можно только в контексте некой смысловой сущности, которую эта материя реально оформит с той или иной степенью воплощения этой смысловой сущности в реальной вещи. Причем для обывателя действительность – это то, что существует на самом деле, т.е. независимо от нашего сознания. Иначе говоря, действительность как таковая есть полная и самодостаточная смысловая данность всевозможной и невозможной сущности прежде всякого ее воплощения. Тогда материя здесь можно мыслить только, «как чистую возможность действительности являть себя себе же в ином» [Закарян, Закарян 2017, с. 14]. Если действительность есть сущее, то материя, стало быть, есть не-сущее.

Действительность полагает материю как иное себе и действует в ней, осуществляя себя в ином себе. Здесь материя, являясь не-сущим, воспринимает сущее – действительность. Результатом такого восприятия будет образ действительности в материи, в который целиком переходит действительность для своего материально-вещественного пространственно-временного континуального воплощения. Воплощаясь в своем материальном образе, действительность порождает сознание как внутреннюю структуру восприятия и действие как внешнюю структуру восприятия, что является необходимым условием этого воплощения. Сознание необходимо порождает умственное созерцание действительности своим воплощающимся образом для осуществления внимания себя самой в свой собственный воплощающийся образ. Далее, умственное созерцание порождает мышление уже для отражения внятой действительности из своего образа. Наконец, мышление, будучи отражением, действует на действительность и приводит ее уже к отображению себя в своем образе, это требует от него (образа) познания для запечатления отображения.

Такая диалектико-феноменологическая формула определяет сознание как точное и полное знание себя в действительности и фиксация этого момента как сознаваемого и такое же полное и точное знание себя в материальном образе действительности и фиксация этого момента как сознающего. Всякое сознание всегда фиксирует эти два момента в гарантированной разделности. Однако чтобы быть системным сознанием, этого не достаточно. Системное сознание еще гарантированно фиксирует целостное единство сознаваемого и сознающего.

Таким образом, системное сознание есть точное и полное знание себя в действительности и такое же точное и полное знание себя в материальном образе действительности как единой разделной целостности, в которой гарантированно фиксируются как она сама в своей целостности и неделимости, так и все ее элементы, наглядно демонстрирующие это целостное единство в своей гарантированной разделности.

В свою очередь под системным действием здесь надо понимать такое соотношение себя с действительностью (внутреннее, иначе – смысловое действие) и с образом действительности (внешнее, иначе – материальное действие), которое обеспечивает их единой разделную целостность, в которой гарантированно фиксируются как она сама

в своей целостности и неделимости, так и все ее элементы, наглядно демонстрирующие это целостное единство в своей гарантированной разделности.

Для такого (диалектико-феноменологического) понимания системного сознания и системного действия необходимо уяснить сущность восприятия, т.к. сознание есть его внутренняя структура. В свою очередь внешней структурой восприятия является действие. Поэтому уяснить сущность восприятия – это значит понять, как отдельно данные сознание и действие, составляющие антиномию, в восприятии образуют целостное единство, т.е. становятся неразличимы, иначе – тождественны друг другу. Такой синтез сознания и действия в целостное единство восприятия только и может обеспечить интеллект. Иначе говоря, интеллект есть структура восприятия.

Теперь формулируем точное диалектико-феноменологическое определение интеллекта в его наивысшем проявлении.

В своем высшем проявлении интеллект есть точное и полное (апофатическое) восприятие действительности сознательным действием на воспринимаемую действительность, которую целиком воспринял образ действительности в материи как единораздельную целостность действительности и материи, в которой сознанием гарантированно фиксируются как она сама (образ действительности в материи), так и раздельно составляющие ее действительность и материя.

Данное определение позволяет сформулировать следующие умозаключения.

Во-первых, здесь раскрывается сущность интеллекта в его высшей форме как структуры апофатического восприятия. Такой интеллект связывает синтетически сознание и действие, непосредственно данные раздельно, в целостное единство восприятия. Понятно, речь здесь также должна идти о высших формах сознания и высших формах действия. Назвав высшую форму восприятия апофатической, можно тогда здесь говорить об апофатическом сознании и апофатическом действии. Исходя из этого, формулируется точное определение апофатического восприятия, которое есть единораздельная целостность апофатического сознания и апофатического действия, в которой апофатическим интеллектом гарантированно и точно фиксируются как целостное единство апофатического восприятия, так и составляющие его апофатическое сознание и апофатическое действие.

Во-вторых, апофатическое восприятие здесь тоже есть структура, но структура образа действительности в материи. Действительно, восприятие, с одной стороны, апофатическим сознанием точно и полно сознает воспринимаемую действительность и воспринимающую материю, а с другой стороны, апофатическим действием осуществляет их синтез в образе действительности в материи. Поэтому получается, что образ действительности в материи есть единораздельная целостность действительности и материи, в которой апофатическим восприятием гарантированно и точно фиксируются как целостное единство образа действительности в материи, так и составляющие этот образ действительность и материя.

Наконец, в третьих, апофатическое сознание и апофатическое действие как структурные компоненты апофатического восприятия сами связывают антиномичные компоненты, соответственно: действительность и образ действительности в материи, образ действительности в материи и материю. Это говорит о том, что здесь потенциально возникают новые структуры восприятия, сознания и действия другого, более низкого уровня.

Прежде чем переходить к новому уровню, следует отметить, что для полного понимания апофатического сознания, апофатического интеллекта и апофатического действия категорически необходима теория апофатического восприятия, построенная на основе диалектической феноменологии, осуществляемой в системологическом смысле, т.е. диалектической системологии как научной методологии системологического

конструирования структуры всякой реальности. Здесь мы сейчас говорим об апофатической реальности, которая есть образ действительности в материи, как полный коррелят самой действительности.

Теперь, говоря о возникновении новых структур восприятия, сознания и действия на более низком уровне, этот следующий уровень можно назвать ноэтическим. Ноэтическое восприятие здесь уже названо вниманием, а ноэтическое сознание – умственным созерцанием. Вполне логично ноэтическое действие назвать представлением, а ноэтический интеллект – интуицией. Опуская подробное диалектико-феноменологическое конструирование новых структур восприятия, сознания и действия в системологическом смысле, приведем окончательные системологические формулы, начиная с формулы интуиции.

Интуиция есть истинное внимание образной действительности посредством сознательного ясного смыслового ее представления в умно действующем образе действительности как единораздельной целостности образной действительности и умно действующего образа действительности, данной в ноэтической реальности (выражении), в которой умственным созерцанием гарантированно фиксируются как она сама (выражение), так и раздельно составляющие ее образная действительность и умно действующий образ действительности.

Необходимо пояснить, что образную действительность дает здесь апофатическое сознание уже как структура, синтетически связывающая действительность и образ действительности в материи в образную действительность. В свою очередь умно действующий образ действительности дает апофатическое действие уже как структура, синтетически связывающая образ действительности в материи и материю.

В этой формуле также определены две явные системологические конструкции, а именно, внимания и выражения. Подчеркнем, что ноэтическая реальность есть выражение. Формулы этих конструкций очевидны и здесь не приводятся. В свою очередь умственное созерцание и представление, синтетически связывая соответственно образную действительность и выражение, выражение и умно действующий образ действительности, формируют новые структуры, которые дадут здесь соответственно выраженную действительность и представляющейся образ действительности. Эти два новых момента должен синтетически связать новый уровень восприятия, который здесь определен как отражение. Внутренней структурой отражения будет мышление, а внешней – общение. Понятно, что структурой отражения будет язык. Этот новый уровень организации реального бытия можно назвать семантическим, тогда отражение есть семантическое восприятие, мышление – семантическое сознание, общение – семантическое действие. Отражение, синтетически связывая выраженную действительность и представляющейся образ действительности, дает нам семантическую реальность, которая есть имя.

На семантическом уровне определяются явные системологические конструкции отражения и имени, т.е. семантической реальности. Мышление и общение образуют новые структуры, синтетически связывающие соответственно выраженную действительность и имя в именованную действительность или миф, имя и представляющейся образ в общающейся образ, которые определяют следующий уровень организации реальности, названный здесь сенсуальным. Сенсуальное восприятие есть отображение, которое синтетически связывает миф и общающийся образ, познавая их и запечатляя в сенсуальной реальности, которая есть документ. Здесь сенсуальное сознание есть познание, а сенсуальное действие есть запечатление. Стало быть, сенсуальный интеллект есть память.

Сенсуальный уровень дает тоже две явные системологические конструкции отображения и документа, т.е. сенсуальной реальности. Познание и запечатление

образуют новые структуры. Познание как структура синтетически соединяет миф и документ в идею. Запечатление как структура в свою очередь связывает документ и общающийся образ в запечатленный образ. Идея и запечатленный образ действительности дают начало органическому или вещному уровню организации реальности. Иначе говоря, органическая реальность есть реальная вещь. Органическим восприятием будет явление, органическим сознанием – ощущение, органическое действие так и будем называть органическим действием. Тогда органический интеллект есть рецептор.

Как это видно, здесь тоже возникают две явные системологические конструкции явления и реальной вещи, а ощущение и органическое действие образуют новые структуры. Ощущение, синтетически связывая идею и вещь, дает факт, органическое действие, синтетически связывая вещь и запечатленный образ, дает органически действующий образ, которые дают начало физическому уровню организации реальности, которая уже есть жизнь в своем полном материально-вещественном пространственно-временном континуальном воплощении. Физическое восприятие есть проявление, физическое сознание есть раздражение, физическое действие есть взаимодействие, физический интеллект есть эффектор. Здесь выделим две системологические конструкции проявления и жизни. Понятно, что раздражение уже никаких принципиально новых структур реальности не создаст, т.к., синтетически соединяя факт и жизнь, будет получаться просто новый факт этой жизни. В свою очередь взаимодействие, синтетически соединяя жизнь и органически действующий образ, будет давать просто новые состояния взаимодействующего образа.

Таким образом, применяя диалектическую феноменологию в системологическом смысле к конструированию сущности системного сознания и системности, здесь получена полная исходная диалектико-феноменологическая системная структура реальности. Эта структура определяет шесть системных уровней системной организации реальности, которые получили следующие названия, начиная с верхнего: апофатический, ноэтический, семантический, сенсуальный, органический и физический. Структура каждого уровня организации реальности есть соответствующее этому уровню восприятие, синтетически связывающее соответствующие этому уровню непосредственно данные меонезированную действительность и эйдетизированную материю как соответствующий образ действительности в материи в реальность данного уровня. В свою очередь структурой восприятия на каждом уровне является соответствующий этому уровню интеллект, который синтетически связывает сознание и действие, соответствующие данному уровню, благодаря которым устанавливаются связи между уровнями организации реальности. Полученная диалектико-феноменологическая системная структура реальности положена в основу формирования диалектической системологии как научной методологии общей теории систем. При этом следует отметить, что системная структура реальности объясняет многопредметность сознания и в соответствии с предметностью определяет три его базовых вида. Во-первых, это эйдетическое сознание, которое направлено на смысловые компоненты структуры реальности (факт, идея, миф, выраженная действительность, образная действительность, действительность). Во-вторых, это натуралистическое сознание, которое направлено на образные (натуралистические) компоненты (взаимодействующий образ, органически действующий образ, запечатляющийся образ, общающийся образ, представляющийся образ, умно действующий образ). В-третьих, это системное сознание, которое направлено на синтетические компоненты, определяющие саму реальность (жизнь, вещь, документ, имя, выражение, образ действительности в материи). В свою очередь базовый вид сознания определяет базовую методологическую основу сознательной жизнедеятельности. Для эйдетического сознания это будут диалектика

и феноменология, для натуралистического сознания – метафизика, математика и естествознание, и для системного сознания – системный подход и системология. В заключение мы утверждаем, что для полного раскрытия сущности системного сознания, системного умственного созерцания, системного мышления и системного познания необходимо построение точных научных системных теорий апофатического восприятия, внимания, отражения и отображения. Точные определения предметов этих теорий в этой статье сформулированы.

Список литературы

1. Анохин 1970 – *Анохин П.К.* Теория отражения и современная наука о мозге. М.: Знание, 1970.
2. Brentano 1996 – *Брентано Ф.* Избранные работы / сост., пер. с нем. В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1996.
3. Бюлер 1993 – *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка / пер. с нем., общ. Ред. и коммент. Т.В. Булыгиной; вступ. Ст. Т.В. Булыгиной и А.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1993.
4. Вундт 1903 – *Вундт В.* Введение в философию / пер. с нем., под ред. Э.Л. Радилова. СПб.: Брокгауз-Ефронь, 1903.
5. Гегель 1977 – *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук: в 3 т. М.: Мысль, 1977.
6. Гуссерль 1909 – *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. 1. СПб.: Образование, 1909. 224 с.
7. Гуссерль 1910 – *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. 2. СПб.: Образование, 1910.
8. Закарян, Закарян 2017 – *Закарян М.Р., Закарян Р.М.* Диалектическая системология. Научная методология общей теории систем: монография. Краснодар: Кубанский го. Ун-т, 2017. 277 с.
9. Закарян, Закарян 2019 – *Закарян М.Р., Закарян Р.М.* Контекстные модификации диалектики Лосева и феноменологии Гуссерля, их значение для развития современной философии и науки // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: Труды II Всероссийской научной конференции / Под общей ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. Н. Новгород: Красная ласточка, 2019. С. 39-41. URL: http://www.philosconf.unn.ru/files/2019/11/Sbornik_NNGU2_019.pdf (дата обращения: 07.05.2021). DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00014
10. Кант 2015 – *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2015.
11. Кравченко 2013 – *Кравченко С.А.* Социологический толковый русско-английский словарь: словарь / С.А. Кравченко. М.: МГИМО, 2013. 914 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/46282> (дата обращения: 15.05.2021).
12. Ланге 1893 – *Ланге Н.Н.* Психологические исследования. Закон перцепции. Теория волевого внимания. Одесса: типография Штаба Одесского Военного Округа, 1893.
13. Ленин 1909 – *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Звено, 1909.
14. Лосев 1993 – *Лосев А.Ф.* Бытие – имя – космос / сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. 958 с.
15. Павлов 1949 – *Павлов Т.* Теория отражения. Основные вопросы теории познания диалектического материализма. М.: Издательство иностранной литературы, 1949.
16. Хайдеггер 2010 – *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Академический проект, 2010.

17. Ribot 1889 – *Ribot T.-A. Psychology de L'attention. Paris: Ancienne Librairie Germer Bailliere ET Cfe'. Felix Alcan, Editeur. 108, Bolivard Saint-Germain, 108, 1889.*

УДК 165.1+53(091)

РЕЛЯЦИОННАЯ ПАРАДИГМА Ю.С. ВЛАДИМИРОВА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКЕ

Князев Виктор Николаевич

Доктор философских наук, профессор

Московский педагогический государственный университет

Москва, Россия

E-mail: kvn951@inbox.ru

Кадеева Оксана Евгеньевна

Кандидат философских наук, старший преподаватель

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Статья посвящена анализу развития реляционной парадигмы Ю.С. Владимирова с позиций современной философии физики. На основе обоснования трех взаимно дополнительных парадигм в современной фундаментальной теоретической физике авторы статьи представляют аргументы в отношении трактовки этих парадигм в виде методологических конструктов в лоне философии физики. Каждая из этих парадигм по-своему специфична, но у физиков есть стремление к возможному их совместному пониманию как взаимно дополнительных. Реляционный подход, активно развиваемый в начале XXI в., формирует реляционное миропонимание как способ описания отношений между событиями материального мира. В основе реляционного миропонимания (как особого физического мировоззрения) лежит современная интерпретация реляционной парадигмы. В науке ныне стоит задача наиболее строгого обоснования четырехмерности классического пространства-времени, выведения пространственно-временных отношений из характеристик электромагнитных взаимодействий. Сама разработка реляционного описания физических взаимодействий осуществляется на базе теории бинарных систем комплексных отношений – бинарной геометрофизики. Обращается внимание на такой удивительный результат, что гравитационные взаимодействия конструируются как вторичные по отношению к электромагнитным. Понятие пространства-времени, согласно разрабатываемой Владимировым концепции, имеет несколько условный характер, зависящий от принимаемой метафизической парадигмы. В теоретико-полевой метафизической парадигме пространство-время – это фон, на котором происходят события. В геометрической метафизической парадигме все видимые тела и сущности – это проявления неких свойств или особенностей (метрики, кривизны) пространства (пространства-времени). Реляционная парадигма не использует пространство-время как что-то самостоятельно существующее, а фиксирует его в виде системы отношений между телами и событиями с их участием, которые в совокупности называются пространством-временем. Есть принципиальная надежда, что реляционная парадигма не только дополнит две другие, но в ряде вопросов будет находиться на самых авангардных эвристических позициях. Это создаст новые возможности в процессе познания и интерпретации физической реальности.

Ключевые слова: фундаментальная физика, реляционная парадигма, Ю.С. Владимиров, теоретико-полевая парадигма, геометрический подход.

RELATIONAL PARADIGM OF YURI VLADIMIROV IN MODERN PHYSICS

Knyazev Viktor Nikolaevich
PhD DSc in Philosophy, Professor
Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russia
E-mail: kvn951@inbox.ru

Kadeeva Oksana Evgenievna
PhD in Philosophy, Senior Lecturer
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

The article is devoted to the analysis of the development of the relational paradigm of Yuri Vladimirov from the standpoint of modern philosophy of physics. Based on the substantiation of three mutually complementary paradigms in modern fundamental theoretical physics, the authors of the article present arguments regarding the interpretation of these paradigms in the form of methodological constructs in the philosophy of physics. Each of these paradigms is specific in its own way, but physicists have a desire for their possible joint understanding as mutually complementary. The relational approach, actively developed at the beginning of the XXI century, forms a relational worldview as a way of describing relationships between events in the material world. The relational worldview (as a special physical worldview) is based on the modern interpretation of the relational paradigm. Science now faces the task of the most rigorous substantiation of the four-dimensionality of classical space-time, the derivation of space-time relations from the characteristics of electromagnetic interactions. The development of a relational description of physical interactions is carried out on the basis of the theory of binary systems of complex relations – binary geometrophysics. Attention is drawn to such an amazing result that gravitational interactions are constructed as secondary in relation to electromagnetic ones. The concept of space-time, according to the concept developed by Vladimirov, has a somewhat conventional character, depending on the adopted metaphysical paradigm. In the field-theoretical metaphysical paradigm, space-time is the background against which events take place. In the geometric metaphysical paradigm, all visible bodies and entities are manifestations of certain properties or features (metrics, curvature) of space (space-time). The relational paradigm does not use space-time as something independently existing, but fixes it in the form of a system of relations between bodies and events with their participation, which are collectively called space-time. There is a fundamental hope that the relational paradigm will not only complement the other two, but in a number of issues will be at the most vanguard heuristic positions. This will create new opportunities in the process of cognition and interpretation of physical reality.

Keywords: fundamental physics, relational paradigm, Yuri Vladimirov, field-theoretical paradigm, geometric approach.

Современная физика чрезвычайно многолика, имеет огромное количество идей, гипотез, концепций, теорий и парадигм. Мировоззренчески наиболее значимыми из них являются концепции, теории и парадигмы фундаментальной теоретической физики. Базовыми теориями вот уже более столетия являются теории квантовой и релятивистской физики. На основе этих теорий возникли три особенные формы миропонимания, выраженные во взаимодополняющих трех фундаментальных парадигмах. Таковыми являются дуалистические теоретико-полевая, геометрическая и реляционная парадигмы; обоснованию их наличия и самой необходимости их вычленения посвящены публикации в научной школе Ю.С. Владимирова [Владимиров 2017; Владимиров 2019; Владимиров 2021].

Общепризнанно, что первая из них является доминирующей в физике XX-XXI вв. Теоретико-полевое миропонимание связано прежде всего с развитием квантовой физики, включая квантовую теорию поля. Оно в большей степени превалировало в течение всего

прошлого столетия: большинство и нынешних физиков работают именно в этой парадигме, стремясь создать теорию суперструн и далее М-теорию.

Геометрическая парадигма связана с развитием релятивистской физики и ее обобщениями и развивалась вполне успешно, хотя и сохранялись трудности совместимости квантовых и релятивистских принципов. Главную доминанту геометрической парадигмы составляют принципы и представления теории относительности. Общая теория относительности строится на базе дуалистической метафизической парадигмы, объединяя пространство-время и гравитационные поля в четырехмерное искривленное риманово пространство-время, оставляя частицы в образе самостоятельной категории. Развитие релятивистских представлений порождало стремление геометризовать всю фундаментальную теоретическую физику, например, в варианте геометродинамики Дж.А. Уилера, основные характеристики которой удивительно парадоксально выражены в следующем: «Настоящая хорошо установленная исконно единая классическая теория [геометродинамика – *В.К.*] позволяет описывать с помощью пустого искривленного пространства 1) гравитацию без гравитации, 2) электромагнетизм без электромагнетизма, 3) заряд без заряда, массу без массы» [Уилер 1962, с. 229].

Следует также отметить, что любая дуалистическая парадигма представляется промежуточной между редукционистской триалистической парадигмой (признаются три исходные независимые друг от друга категории – частицы, поля и пространство-время) и возможной будущей холистической монистической парадигмой. Холизм основывается на восприятии мира через понимание того, что целое доминирует, предшествуя своим частям. Здесь необходимо подчеркнуть, что представление о холизме всей природы и физической реальности в частности есть некий метафизический постулат, ибо современная наука еще не знает, что такое Вселенная как целое.

Отталкиваясь от понимания научной парадигмы Т. Куна, мы исходим из представления о возможности и необходимости одновременного существования в современной физике разнообразных научных парадигм. Фундаментальная теоретическая физика XX в. совершенно не может быть сведена к одной «единственно правильной» парадигме. Встречающиеся и ныне попытки развития представлений об универсальной научной парадигме не могут быть приняты всеми физиками, ибо у многих из них существенно разные научные убеждения и ценности, сформированные в многообразных научных школах и традициях, в основе которых не только лежат различные математические методы, принципы и личностные интересы физиков, но многое определяется самой спецификой объектности изучаемой реальности. Подобный плюрализм продиктован принципиальной сложностью и многообразием закономерностей в микро-, макро- и мегамирах. Но даже в фундаментальной теоретической физике начала XXI в. следует достаточно определенно выделить три взаимно дополнительных физико-теоретических парадигмы.

Если в теоретико-полевой и геометрической парадигмах пространство-время задается, по сути, априори (что напоминает субстанциональную концепцию реальности), то развитие идей реляционного миропонимания основывается на реляционной трактовке пространственно-временных отношений. Кроме этого, в реляционной парадигме описание взаимодействий осуществляется в аспекте концепции дальнего действия, реализуя по существу альтернативный подход, выражающий принципы и идеи теории прямого межчастичного взаимодействия (*action at a distance*) Фоккера – Фейнмана, основательное исследование которой содержится в монографии Ю.С. Владимирова и А.Ю. Турыгина [Владимиров, Турыгин 1986].

Все три парадигмы современной фундаментальной физики могут рассматриваться так, что каждая из них принципиально дополняет две другие. Но это не снимает их

известную самостоятельность, ибо, например, в реляционной парадигме трактовка пространства-времени связана с их выводимостью из более первичных отношений и описание взаимодействий происходит в рамках концепции дальнего действия. Требуется дальнейшего осмысления и тот факт, что, согласно реляционной парадигме, более фундаментальным является электромагнитное взаимодействие, а гравитационное – выступает производным от него.

В концепции Владимирова основными понятиями выступают состояния частиц (микрообъектов), которые он вводит, по сути, как трансцендентные по отношению к явно наблюдаемому. Эта концепция представляет собой математический аппарат теории физических структур в виде универсальной алгебраической теории комплексных отношений между элементами произвольной природы. При этом пространство-время рассматривается не как первичный элемент, а как результат взаимоотношений между множествами элементарных объектов: речь идет о трактовке природы пространственно-временных отношений как конструируемых из многообразия первичных отношений между протообъектами. В рамках этого подхода в качестве основных понятий выступают состояния частиц (протообъектов), которые являются, по сути дела, трансцендентными. Этот тип трансцендентности носит в бинарной геометрофизике явное проявление, т.е. пространство-время здесь не является первичным, оно возникает в результате отношений между множествами элементарных объектов, в то время как суть их собственного существования носит вневременной и внепространственный характер. Формирующееся таким образом пространственно-временное многообразие представляет собой расслоенное пространство-время, состоящее из базы и слоя, где само четырехмерное координатное пространство-время составляет базу, а слой – пространство скоростей или импульсное пространство. Эпистемологический смысл концепта пространство-время в нашей интерпретации был раскрыт ранее [Князев, Кадеева 2018, с. 13-21].

Еще одним чрезвычайно значимым обстоятельством является то, что в отличие от теоретико-полевой парадигмы (основанной на концепции близкого действия) реляционное миропонимание реализует по существу альтернативный подход, выражающий принципы и идеи теории прямого межчастичного взаимодействия (action at a distance) Фоккера – Фейнмана и основанный на своеобразной концепции дальнего действия.

Существенным образом подход Владимирова к реляционному миропониманию подводит к следующему восприятию реальности. Во-первых, в данном подходе естественным образом реализуется принцип Маха [Князев 2019], связывающий массы отдельных частиц со свойствами Вселенной в целом. Во-вторых, полученный в реляционном подходе вывод о вторичном характере гравитации можно соотносить с пятимерной (унарной) геометрической моделью Калуцы. В-третьих, проявляется зависимость понимания соотношения гравитации и электромагнетизма от используемой метафизической парадигмы.

Ныне идеи дальнего действия и прямого межчастичного взаимодействия рассматриваются как вполне возможные теоретико-физические подходы к анализу физической реальности. Эти идеи напрямую связаны с набирающей силу развития реляционной парадигмой в рамках фундаментальной теоретической физики. Следует обратить внимание на то, что в рамках реляционной парадигмы электромагнитные взаимодействия теоретически моделируются раньше, чем другие фундаментальные взаимодействия. В этой связи Владимиров подчеркивает: «Особый интерес представляет взгляд на природу гравитации со стороны реляционной парадигмы, где гравитационное взаимодействие выступает в виде своеобразного квадрата электромагнитных взаимодействий. Другими словами, гравитация оказывается вторичным видом взаимодействий» [Владимиров 2017, с. 226.].

Мы видим, что, согласно реляционной парадигме, в фундаментальной теоретической физике статус электромагнитных взаимодействий самый первичный и сопряжен с порождением свойств классического пространства-времени. Это создает новые возможности в процессе познания и интерпретации физической реальности. Наиболее остро ощущается необходимость обобщения реляционного подхода на описание физики микромира, а на дальнейшем этапе – реализация реляционного подхода в описании электрослабых и сильных взаимодействий на основе «бинарных систем комплексных отношений более высокого ранга» [Владимиров 2021, с. 195].

Таким образом, на основе изложенных концептуальных положений физики и их осмысления в рамках философии физики можем констатировать, что наш мир бесконечен и непрерывен в своих возможностях, процессах, видах, законах. Результаты, достигнутые учеными в познании мира, в том числе и те, которые характеризуются физическими и космологическими теориями, представляют собой лишь определенный результат познавательных практик. Природа на самом деле, в своем существовании и действиях, намного сложнее, чем нам кажется в свете достижений современного состояния науки. Поэтому ученые всех философских и научных направлений должны адекватно и объективно относиться к получаемым данным при исследовании структуры самоорганизующейся Вселенной и, как следствие, в процессе ее описания и осмысления.

Список литературы

1. Владимирив 2017 – *Владимиров Ю.С.* Метафизика и фундаментальная физика. Кн. 2: Три дуалистические парадигмы XX века. М.: ЛЕНАНД, 2017. 248 с.
2. Владимирив 2019 – *Владимиров Ю.С.* От геометрофизики к метафизике: Развитие реляционной, геометрической и теоретико-полевой парадигм в России в конце XX – начале XXI века. Состояние и перспективы. М.: ЛЕНАНД, 2019. 408 с.
3. Владимирив 2021 – *Владимиров Ю.С.* Реляционная картина мира. Кн. 1. Реляционная концепция геометрии и классической физики. М.: УРСС, 2021. 224 с.
4. Владимирив, Турыгин 1986 – *Владимиров Ю.С., Турыгин А.Ю.* Теория прямого межчастичного взаимодействия. М.: Энергоатомиздат, 1986. 134 с.
5. Князев, Кадеева 2018 – *Князев В.Н., Кадеева О.Е.* Эпистемологическая природа концепта «пространство-время» // Философия и культура. 2018. № 1. С. 13-21.
6. Князев 2019 – *Князев В.Н.* Особенности эпистемологии Маха и реляционное миропонимание // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: Труды II Всероссийской научной конференции / Под общей ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. – Н. Новгород: Красная ласточка, 2019. С. 26-29.
7. Уилер 1962 – *Уилер Дж.А.* Гравитация, нейтрино и Вселенная. М.: Изд-во иностр. литературы, 1962. 404 с.

УДК 316, 502/504

БИОСФЕРОГЕНЕЗ В УСЛОВИЯХ АНТРОПОЦЕНА: ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

Лисеев Игорь Константинович
Доктор философских наук, профессор
Институт философии РАН
Москва, Россия
E-mail: liseev@iphras.ru

Рассматриваются закономерности биосферогенеза в условиях нарастающего антропогенного воздействия. Анализируются основные негативные проявления, вызываемые стихийным, нерегулируемым развитием промышленной деятельности. Обсуждаются пути выхода из цивилизационного тупика, который сформировался в результате техноориентированной культуры переделки мира. Доказывается необходимость перехода к био- и экоориентированной установке единства человека, общества и природы.

Критически оцениваются позиции целого ряда современных ученых, всесторонне обсуждающих названную проблему (Ричард Конифф, Юджин Стормер, Пауль Крутц, В.И. Вернадский, Н.Ф. Реймерс, В. Эбелинг, Р. Файстель, Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева, Э.В. Гирусов, И.Ф. Кефели).

Показывается, что одним из главных факторов преодоления нынешнего экологического и антропологического кризиса является широкое формирование в обществе экологической культуры.

Ключевые слова: эволюция, революция, биосфера, биосферогенез, антропоген, углекислый газ, глобальное потепление, цивилизационное развитие, экогуманизированное общество, социобиотехногенез.

BIOSPHEROGENESIS IN THE CONTEXT OF ANTHROPOCENE: EVOLUTION OR REVOLUTION?

Liseev Igor Konstantinovich

PhD DSc in Philosophy, Professor

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

E-mail: liseev@iphras.ru

The author examines the patterns of biosphereogenesis under the conditions of increasing anthropotechnogenic impact. The main negative manifestations caused by the spontaneous, unregulated development of industrial activity. The author discussed the ways out of the civilizational stalemate, which was formed as a result of the techno-oriented culture of remaking the world. The necessity of the transition to a bio- and eco-oriented installation of the unity of man, society and nature is proved. According to the author, it is necessary to move to a bio- and eco-oriented installation of the unity of man, society and nature.

The author critically examines the positions of modern scientists who comprehensively discuss this problem: Richard Koniff, Eugene Stormer, Paul Krutz, V.I. Vernadsky, N.F. Reimers, V. Ebeling, R. Faistel, E.S. Demidenko, E. A. Dergacheva, E.V. Girusov, I.F. Kefeli.

In conclusion, it summarized that the broad formation of ecological culture in society can become the main factor in overcoming the current ecological and anthropological crisis.

Keywords: evolution, revolution, biosphere, biospherogenesis, Anthropocene, carbon dioxide, global warming, civilizational development, eco-humanized society, sociobiotechnogenesis.

Понятие биосферы – одно из фундаментальных понятий современной биологии. Биосфера выступает как совокупность всего живого на Земле. Как глобальная экосистема, определяющая существование жизни. Термин ввел австрийский ученый Э. Зюсс в XIX в. Но подробная разработка и создание учения о биосфере принадлежит В.И. Вернадскому. На основе своей концепции ученый выдвигает идею об организованности биосферы и эволюции этой организованности. Согласно этой идее организованность живого вещества биосферы имеет тенденцию к непрерывному возрастанию от простейших форм жизни и до возникновения человека. Этот естественный природный процесс можно назвать биосферогенезом. Именно он осуществляет природное поддержание и развитие жизни. Поэтому проблемы эволюции видов не могут рассматриваться вне и независимо от эволюции биосферы. Эволюция видов, считал В.И. Вернадский, должна быть связана со строением биосферы. Ни жизнь, ни эволюция ее форм не могут быть независимыми от биосферы, не могут быть ей противопоставлены как независимые от нее существующие природные

сущности. Только в целостном взаимодействии всех составляющих биосферы проявляется ее органическое единство. Но подобная эволюция биосферы осуществлялась только до появления человека. С его возникновением, развитием и ростом его могущества ситуация принципиально изменяется. Человек все сильнее начинает нарушать основной закон естественной эволюции жизни – закон приспособления к окружающей среде. Он все более начинает приспосабливать эту окружающую среду к своим потребностям и интересам, нарушая при этом сложившиеся многовековые тенденции естественного развития. Став доминирующим моновидом на Земле, начиная с эпохи земледелия и скотоводства, а в промышленные революции еще сильнее, он ведет к появлению новой эпохи – эпохи человека, которая все чаще начинает называться эпохой антропоцена.

Антропоцен – это геологическая эпоха с высоким уровнем человеческой активности. Возникновение идеи датируется 1873 г., когда Антонио Стоппари, итальянский ученый, предложил термин «антропозой» для выделения геологической эпохи, тесно связанной и во многом определяемой деятельностью человека.

Термин «антропоцен» введен в 1980-е гг. американским экологом Юджином Стормером и популяризован нобелевским лауреатом Паулем Крутценом (2000 г.) [Crutzen, Stoermer 2000].

Серия последовательно сменяющих друг друга промышленно-технологических революций привела к существенным изменениям фундаментальных характеристик бытия планеты. Одним из основных стало нарастание уровня углекислого газа в атмосфере Земли из-за неконтролируемой промышленной человеческой деятельности. Это вело к изменению климата, к изменению состава окружающей среды и т.д. Одним из наиболее значимых негативных моментов промышленной деятельности стала тенденция глобального потепления из-за увеличения выбросов и концентрации парниковых газов. По данным МГЭИК ООН треть всех антропогенных выбросов углекислого газа вызывается вырубкой лесов.

Четверть всех парниковых газов образуется в процессе сельскохозяйственной деятельности. Глобальное потепление ведет к нарушению всех эволюционно сложившихся характеристик биосферогенеза, таянию ледников, повышению уровня океана, затоплениям суши и т.д., и т.п. Для купирования ситуации, для ограничения роста температуры глобального потепления на 1,5 °С до 2100 г. из атмосферы Земли должен быть извлечен 1 трлн. тонн углекислого газа [Конифф 2019]. При этом должна быть изменена и общая стратегия промышленной деятельности человечества.

Вполне понятно, что в условиях самоорганизационного развития действующей техногенной цивилизации достичь этого на эволюционном пути невозможно. Следовательно, для выхода из этого цивилизационного тупика, для сохранения жизни на Земле выход один: необходимо осуществление гуманитарно-экологической революции. Конечно, это не может стать каким-то единичным актом. Это будет длительный, остро противоречивый процесс, но в конечном счете направленный на переход от техноориентированной культуры переделки мира к биоэкоориентированной установке восстановления единства человека, общества и природы.

Это потребует переосмысления традиционных форм организации научного знания и практической деятельности. Создание нового образа экогуманизированного общества, где доминантными станут мировоззренческие представления не научно-технического совершенства, а простые идеи самосовершенства и благополучия человека с опорой на все технологические достижения нашего века. Но не ради их, а ради счастья человека, сотрудничества и взаимопонимания людей.

О необходимости подобных цивилизационных трансформаций давно уже пишут многие ученые, крайне обеспокоенные стремительным движением нашего социума к

неотвратимому финалу. Наш выдающийся эколог Н.Ф. Реймерс еще в XX в., обрисовывая контуры нового экологически ориентированного мировоззрения, в книге «Концептуальная экология» выдвинул свое главное философское положение, согласно которому человечество движется ныне к всемирной гуманитарно-экологической революции, сменяющей революцию научно-техническую. Смысл этой революции в том, чтобы предохранить себя от возвращающегося бумеранга антропогенной деструкции природы. Бумеранг, брошенный в сторону природы, возвращается к человеку [Реймерс 1992]. «Экологическая революция, – мудро прогнозировал ученый, – лежит не в плоскости дальнейших преобразований природы, а на пути глубокого изменения технических, социально-экологических и других общественных механизмов». [Реймерс 1983]. Завтрашний день человечества виделся Н.Ф. Реймерсу во всеобщей гуманизации общества, в его внутренней экологизации. Для этого, однако, как подчеркивал ученый, требуется радикальное изменение действующих ныне тенденций. Оно заключается в особом внимании к качеству человека и к качеству его жизни. Основные черты этой новой революции определены социальными, экономическими и экологическими требованиями. Они составляют политику всех стран. Такая экологически ориентированная политика должна стать доминирующей, т.к. именно она определяет возможности и пути выживания как отдельного человека, так и человечества в целом.

Современные немецкие ученые В. Эбелинг и Р. Файстель, размышляя о способах построения будущего, которое обеспечит выживание человеческого рода, подчеркивают особую опасность современного экстенсивного промышленного роста, сопряженного с повышением энергетических и экологических затрат.

Они формируют пять заповедей для достижения этого желаемого будущего:

1. Каждый человек обязан придерживаться допустимого с экологической точки зрения среднего норматива потребления.

2. Каждый человек обязан сберегать и сохранять природную среду, людей, животных, растения и особенно леса как основной источник поглощения углекислого газа.

3. Каждый человек обязан сделать обеспечение высокого качества жизни будущих поколений своим основным приоритетом.

4. Каждый человек обязан поддерживать и поощрять разнообразие, если оно не нарушает энергетический баланс и не наносит вреда окружающей среде.

Разнообразие биологических видов и человеческих культур необходимо защищать и развивать.

5. Каждый человек обязан содействовать творчеству, инновациям и поиску новых решений. Нельзя отгораживаться от необходимых изменений; их нужно принимать и двигаться вперед.

Все это – замечательные благие пожелания. Но в условиях современного существования человечества в эпоху антропоцена возникает вопрос о возможности их осуществления. Вся живая природа ныне настолько антропогенно преобразована, что отличить чисто природные процессы от наличия в них искусственно созданных образований, привнесенных человеком, уже почти невозможно. Следовательно, надо учиться работать с имеющимся наличным материалом, изучать и прогнозировать направления его функционирования и развития.

Философы Э.С. Демиденко и Е.А. Дергачева ведут речь о реализации ряда стратегических фундаментальных идей, на основе которых будет сознательно строиться перспективная социотехнобиосферная модель жизни с преимущественным сохранением в ней земной саморазвивающейся биосферной природы в ее совместимости с миром искусственным и рационально построенным на биосферном, а не на техносферно-искусственном фундаменте [Демиденко, Дергачева 2018, с. 209-223].

Это может дать возможность сохранить закономерности природного развития, а не заменить его на эволюционно не апробированную техногенную структуру.

О новом состоянии отношения к природе замечательно пишет наш выдающийся философ-эколог Э.В. Гирусов. «Закончился период стихийного освоения биосферы. Задача ее сохранения требует перехода к планомерно организуемому и сознательно регулируемому ее освоению в соответствии с научно обоснованными и согласованно установленными международными нормами. Как бы утопично это ни казалось, но таковы “требования”, идущие от биосферы, которые люди должны выполнять, если желают сохраниться на планете. Трудно привыкнуть к подобного рода требованиям природы, но нужно понять, что природа не признает наших капризов. Она всегда действует всерьез и основательно. Это становится понятно на фоне нарастающего числа природных катаклизмов в последнее время.

Дальнейшие попытки игнорировать природные требования и продолжать развитие общества, ориентируясь только на социальные законы, среди которых центральное место занимают экономические, равносильно движению к гибели. Настало время, когда развитие общества может идти успешно только по социально-экологическим законам, которые при ближайшем рассмотрении оказываются не чем иным, как законами саморегуляции биосферы в их специфической реализации людьми» [Гирусов 2018, с. 72-73].

Для решения всех этих поставленных вопросов необходима ускоренная разработка проблем экологического права, обоснование разрешающих и запретительных правовых норм и законов, ориентирующихся на экологические императивы современности. Однако даже появление подобных правовых кодексов до конца не сможет решить задачу сохранения экобезопасности. Путь к обеспечению глобальной экологической безопасности, по верному замечанию И.Ф. Кефели – это кризисное управление эволюцией биосферы. Как считает И.Ф. Кефели, складывающийся при этом экологический императив биосферной этики требует:

1. Действовать так, чтобы закономерности эволюции биосферы составляли практическую доминанту и цель, а не только продукт отчуждения человеческой деятельности;
2. Действовать так, чтобы каждый человек и человечество в целом как носители естественности природного и социального бытия были целью, а не средством преобразования мира;
3. Понимать, что решение экологических проблем – это прежде всего ответственный человеческий поступок и дело-действие [Кефели 2020, с. 104].

Все сказанное выше приводит нас к глубокому убеждению в том, что главным фактором преодоления нынешнего экологического и антропологического кризиса является формирование в обществе экологической культуры. Именно на этой основе знания смогут переходить в убеждения, а они в свою очередь будут формировать и ценностные, и деятельностные ориентации человека.

Список литературы

1. Гирусов 2018 – *Гирусов Э.В.* Социоприродные системы и законы их саморегуляции // Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий. Отв. ред. И.К. Лисеев. М., СПб. Нестор-История, 2018.
2. Демиденко, Дергачева 2018 – *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А.* Смена направленности эволюции жизни в условиях социально-техногенного развития // Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий. Отв. ред. И.К. Лисеев. М. СПб. Нестор-История. 2018.

3. Кефели 2020 – *Кефели И.Ф.* Асфатроника. На пути к теории глобальной безопасности. СПб., 2020.
4. Конифф 2019 – *Конифф Р.* Последняя надежда // В мире науки, 2019. № 3. С. 78-87.
5. Реймерс 1983 – *Реймерс Н.Ф.* Системные основы природопользования // Философские проблемы глобальной экологии. М. Наука. 1983.
6. Реймерс 1992 – *Реймерс Н.Ф.* Надежды а выживание человечества. Концептуальная экология. М. 1992.
7. Crutzen, Stoermen 2000 – *Crutzen P.J., Stoermen E.F.* The Antropocene // Global Change. Newsletter., 2000. Vol. 41.

УДК 130.1

МЕДИАЛЬНОСТЬ И ВИРТУАЛЬНОСТЬ КАК АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ (ПОСТКЛАССИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Калинин Эдуард Юрьевич

Старший преподаватель

Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»

Москва, Россия

E-mail: KalininEY@mpei.ru

Люскин Михаил Борисович

Доцент

Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»

Москва, Россия

E-mail: LiuskinMB@mpei.ru

В процессе антропосоциогенеза происходит возрастание сложности, которое воплощается в опосредовании – медиации всего человеческого существования. Возникновение массмедиа, Интернета, соцсетей, виртуальной реальности приводит к универсализации медиации. Информатизация, формализация, натурализация и глобализация коммуникации рожают виртуализацию и замещение ей реальности коммуникации. Однако смерть субъекта с позиции постклассической рациональности является преувеличением, т.к. в основных проявлениях своего существования (от принятия решения до творчества) человечество не может не проявлять свою, порождающую смыслы субъективность.

Ключевые слова: медиация, виртуальная реальность, коммуникация, рациональность, субъективность, смысл, существование, масс-медиа, PR.

MEDIALITY AND VIRTUALITY AS ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF HUMAN EXISTENCE (POSTCLASSICAL APPROACH)

Kalinin Eduard Yurievich

Senior Lecturer

Moscow Power Engineering Institute

Moscow, Russia

E-mail: KalininEY@mpei.ru

Lyuskin Mikhail Borisovich
Associate Professor
Moscow Power Engineering Institute
Moscow, Russia
E-mail: LiuskinMB@mpei.ru

In the process of anthroposociogenesis, an increase in complexity occurs, which is embodied in mediation of the entire human existence. The emergence of mass media, the Internet, social networks, virtual reality leads to the universalization of the message. Informatization, formalization, naturalization and globalization of communication give rise to virtualization and its replacement of the reality of communication. However, the death of the subject from the standpoint of postclassical rationality is an exaggeration; since in the basic manifestations of its existence (from decision-making to creativity), humanity cannot but manifest its subjectivity that generates meanings.

Keywords: mediation, virtual reality, communication, rationality, subjectivity, meaning, existence, mass media, PR.

Дифференциация социальной и духовной жизни связана со становлением вторичных знаково-символических систем – форм духовной жизни: религии, искусства и т.д. Соответственно, фигуры сначала жрецов, а потом творцов разных духовных форм стали выполнять функции коммуникативных посредников между обычными индивидами и миром абсолютных ценностей и знаний, или, в другой терминологии, между эмпирическими индивидами (субъектами) и абсолютным (трансцендентным) субъектом посредством медиатора – трансцендентального посредника. В собственном смысле слова коммуникация как восприятие, обмен и генерация смыслов относится к сфере духа и протекает на трех уровнях: в бессознательном, в нереплексивном сознании, в рефлексивном сознании.

Новый этап медиации социальной и духовной жизни наступил уже в постиндустриальную эпоху, эпоху постмодерна с появлением средств массовой коммуникации (массмедиа) и позже, с возникновением Интернета, соцсетей, виртуальной реальности, универсализации PR процессов и т.п. Медиация социальной и духовной жизни приобрела всеобщий характер [Савчук 2014, с. 36-47].

В общей ситуации массовых коммуникаций посредник активно навязывает свои смыслы, по сути дела, занимаясь их конструированием, а не передачей информации. В этом смысле надо трактовать тезис М. Маклюэна: «Посредник и есть подлинное сообщение». В отличие от Маклюэна мы имеем в виду не только техническую сторону СМК, но и человеческую. Если классическая схема функционирования PR выглядит как «адресант» – PR – соцсети – общественность – адресат, то реально все больше PR и соцсети подменяют адресанта, а общественность – адресата. А в целом можно сформулировать, что общественные отношения (связи) в обществе – это отношения (связи) с общественностью через коммуникативного посредника.

Основные тенденции развития современных коммуникаций это: информатизация, формализация, натурализация, глобализация и универсализация. Информатизация и формализация приводят к тенденции сведения знания к информации, а последней – к сумме данных в числовой форме. В свою очередь эти тенденции приводят к возникновению информационных сетей глобального масштаба, а натурализация коммуникации с помощью создания искусственных виртуальных средств – посредников между субъектом и реальностью – приводят ко все большему замещению реального виртуальным, а субъекта – актором или агентом тех или иных природных и/или социальных сил.

Опыт обнаружения познавательной и культурной несоизмеримости в сфере познания и коммуникации привел к иной постклассической позиции: у познающего и/или коммуницирующего субъекта нет прямого выхода на объект (реальность, референт),

минуя собственные познавательные и коммуникационные усилия; нет и гарантий успешности этих усилий от лица трансцендентального субъекта.

Позиция постклассического рационализма, реализованная в настоящее время в той или иной науке, позволяет сохранить принцип объективности благодаря переходу от классической дуальной схемы (субъект – объект, рациональное – иррациональное) к постклассической триадной схеме: субъект – предмет – объект, рациональное – нерациональное – иррациональное. Рациональность и противостоящие ей формы образуют не дилемму, но трехчленный ряд, причем нерациональное служит опосредующим звеном – медиатором [Мамардашвили 1984].

Если признать, что специфика виртуального (В) связана с особенностями взаимодействия субъекта и объекта, то такая интерпретация представляется продуктивной. При этом В предстает как спектр артефактивности разума, сознания, духа [Концепция... 2000].

В случае научного познания В – это элемент системы субъект – предмет (агент) – объект, или, другими словами, оно представляется как артефакт революционного этапа развития той или иной теории, на границе между нерациональным и иррациональным.

В случае технического или культурного мира можно говорить о В как о горизонте-границе, которая может иногда преступаться, иногда отодвигаться, а иногда заменяться, но всегда обозначает пределы (предельность) осмысленности человеческого бытия. В случае смысложизненного мира человека (группы, общества), его прошлого (опыта), настоящего (события) и будущего феноменальность, превращенность и производительность в идеальной перспективе совпадают и нельзя говорить об истинности В. В этом мире можно говорить только о его жизнеспособности.

Переход от пары возможность – действительность к тройке: возможность – виртуальность – действительность, где виртуальность выступает как медиатор – логический синтез возможного и действительного. В противовес универалистской трактовке виртуального в постмодерне, с нашей точки зрения, будущее не представляется столь радикальным. Однако с точки зрения постклассической рациональности всегда, хоть скрытно и пунктирно, присутствует в этом мире собственность, власть, право, знание, действие, общение и т.д. А их существование возможно только при наличии центров субъективности (хотя бы как вменяемости) – поэтому постмодернистская перспектива не единственная из возможных.

Истоки рождения виртуальности в опосредовании и творчестве как в универсальных характеристиках человеческой жизни. Человек непрерывно расширяет искусственный мир, который выступает как посредник между человеком и миром, не только по отношению к природе, но и к обществу и даже к самому себе. Чем сложнее опосредование, тем большую роль играют не только артефакты материальные и социальные, но и духовные артефакты, которые, оторвавшись от первичной реальности, приобретают все большую автономию.

В воображаемом человек гораздо свободнее, чем в бытии, и потому не все может воплотиться в реальность. Виртуальное – это область, промежуточная между воображаемым, мыслимым и реальным, поэтому в ВС человек осуществляет свою свободу и потому виртуальное множественно, как множественны виды бытия и содержание мышления, сознания и духа. Как следствие множественности и опосредованности, легко впасть в мир иллюзий, особенно если есть субъекты власти и собственности, заинтересованные в манипуляции человечеством. Из побочного следствия превращаясь в организованное производство иллюзий, все больше заменяя истину правдоподобием, а ценности – эффективностью. И все труднее оказывается проникнуть за пелену фантомов и иллюзий виртуального, если даже в теоретической

физике возможность реальной проверки теории суперструн все откладывается на далекое будущее до преодоления труднодостижимого высокоэнергетического порога.

Виртуальное – это мир минимально осмысленных и означенных, но действительных и упорядоченных смысловых форм, существующих на границе неосмысленного и бессмысленного, данных как объективная видимость, замещающих (субституирующих) реальность (имитация), заявляющих о такой функции (симуляция) или реализующих процепции сознания и духа с помощью символических средств, делающих наглядными, понятными и очевидными смыслы благодаря их скрытым организованным связям с чувственными образами и предметными действиями.

Список литературы

1. Концепция... 2000 – Концепция виртуальных миров и научное познание. РХГИ, СПб, 2000.
2. Мамардашвили 1984 – *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
3. Савчук 2014 – *Савчук В.В.* Медиафилософия. Приступ реальности. 2-е изд. СПб.: ЭРХГА, 2014.

УДК 1(091)+165.65

«НЕМЕЦКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ» КАК ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Мануйлов Виктор Тихонович
Доцент, заведующий кафедрой
Институт деловой карьеры – Курский филиал
Курск, Россия
E-mail: manvict@yandex.ru

В статье рассматриваются история возникновения и основные положения «немецкого конструктивизма» («конструктивной теории науки» – «konstruktive Wissenschaftstheorie»). Проводится сравнительный анализ «конструктивной» и «аналитической» теории науки.

Ключевые слова: философия науки, аналитическая философия науки, конструктивизм, конструктивная философия науки.

“GERMAN CONSTRUCTIVISM” AS A PHILOSOPHY OF SCIENCE

Manuilov Viktor Tikhonovich
Associate Professor, Head of the Department
Institute of Business Career – Kursk Branch
Kursk, Russia
E-mail: manvict@yandex.ru

The author considers the emergence and the main statements of “German constructivism” (“constructive theory of science” – “konstruktive Wissenschaftstheorie”). A comparative analysis of the “constructive” and “analytical” “theory of science” is carried out.

Keywords: science philosophy, analytical philosophy of science, constructivism, constructive philosophy of science.

«Немецкий (эрлангенский, методический) конструктивизм» сложился в 60-х гг. XX столетия с основанием Паулем Лоренценом (1915-1994) и Вильгельмом Камла (1905-

1976) Эрлангенской школы «теории науки» (Wissenschaftstheorie), деятельность которой была продолжена Констанцской группой (Петер Яних, Юрген Миттельштрасс и Фридрих Камбартель). Первое и второе поколения представителей этой школы составляют Петер Яних, Куно Лоренц, Юрген Миттельштрасс, Освальд Швеммер и Христиан Тиль. Впоследствии к ним присоединились Карл Фридрих Гетман, Франц Коппе, Матиас Гатцемайер и другие. Исторически эрлангенский период длился с начала 60-х до конца 70-х гг.; констанцкий период – в течение 70-х гг.; с начала 80-х гг. XX столетия методический конструктивизм разрабатывался почти исключительно в Марбурге и Гёттингене [Janich 1997, pp. 173-190].

«Немецкий конструктивизм» представляет собой философское обобщение построенной Паулем Лоренцем оперативной логики и математики. Первое время развиваемая П. Лоренцем «оперативная логика и математика» [Lorenzen 1959, pp. 169-177; Lorenzen 1962; Lorenzen 1965] рассматривалась как направление в основаниях математики и зачислялось В. Штегмюллером в направление «исследование оснований и аналитическая философия» [Stegmüller 1975, S. 438]. Переход к «конструктивной теории науки» связан с включением в поле исследований теории науки нормативных высказываний [Lorenzen 1987, S. 16]. Окончательно это структурирование «конструктивной философии науки» в особое направление провозглашено в сборниках 1979 г. [Konstruktionen versus Positionen, 1979]. Переводы на английский язык статей из этих сборников и других программных работ составили содержание сборника [Constructivism and science 1989]. Теория науки (Wissenschaftstheorie) в Германии есть философия науки (philosophy of science) в ее широчайшем смысле, включающая работы по логике и основаниям научных теорий, концептуальной истории науки, культурной и практической среде и нормативным аспектам как научного, так и технического прогресса» [Butts, Brown 1989, pp. ix-x.]. Как отец «немецкого конструктивизма» обычно называется создатель оперативной геометрии Г. Динглер, исследовавший проблемы соответствия геометрических объектов физическим. Дедушкой «немецкого конструктивизма» считают И. Канта [Мануйлов 2015, с. 127].

«Немецкий конструктивизм» сложился как реальная альтернатива господствовавшей на протяжении всего XX в. традиции в обосновании научного (прежде всего логико-математического) знания – аналитической философии науки [Wohlrapp 1979, S. 348-377].

Под аналитической философией науки здесь понимается традиция XX в., представленная прежде всего тремя наиболее значительными стадиями развития: эмпиризм («Венский кружок» – Карнап – Штегмюллер), рационализм (Поппер – Лакатос), историзм (Кун – Фейерабенд). Как одна, так и другая концепция берет в качестве исходного пункта анализа математическое знание; многие представители этих школ профессионально занимались математикой или математической физикой; характерной для обоих направлений является ориентация на истолкование проблем философии науки как проблем философии языка. Однако аналитическая и конструктивная философия науки предлагают в принципе различные образы науки, а также пути, методы построения и обоснования научного знания. Это различие выражается терминами: «исследование» или «путь (метод) исследования» («die Forschung» [Wohlrapp 1979, S. 348-377]; «the way of research» [Lorenz 1989, pp. 3-18]) – для аналитической философии науки и «представление» или «путь (метод) представления» («die Vorstellung» [Wohlrapp 1979, S. 348-377]; «the way of representation» [Lorenz 1989, pp. 3-18]) – для конструктивной философии науки.

Историко-философским истоком и ориентиром для аналитической философии науки служит Просвещение с философскими системами классического рационализма

(Декарт, Спиноза, Лейбниц) [Lorenzen 1974, S. 101], в области философии математики – Г.В. Лейбниц. Идеалом научного знания (в том числе и философии) для мыслителей этой эпохи служит математика в силу абсолютной безусловности, необходимости, достоверности (истинности), аналитичности ее положений. Подобным же образом в рамках аналитической философии науки в качестве образца науки рассматривается физико-математическое естествознание. Принимается тезис о «бесмысленности метафизики» (Р. Карнап), согласно которому философия науки есть дело рук специалистов, занимающихся вопросами обоснования теорий, рассматриваемых как интерпретированные или неинтерпретированные исчисления, строящиеся в формальных языках и проверяемые на выполнение определенных семиотических критериев (непротиворечивости, полноты, независимости аксиом и т.д.). Логика и методология науки здесь сводятся к разработке методов решения логико-семиотических проблем с помощью специальной математической теории – математической логики. Конструктивная логика этого уровня — «совокупность логических принципов, признаваемых представителями конструктивизма (в математике) и включающих абстракцию потенциальной, но не актуальной бесконечности, что определенным образом изменяет понимание логических связей и кванторов (по сравнению с их пониманием в классической логике), сочетая это понимание с конструктивными процессами (процессами, описываемыми алгоритмами)» [Чагров 2001]. Все суждения науки делятся на аналитические суждения, обосновываемые с помощью логики *a priori*, т.е. до опыта, и синтетические суждения *a posteriori*, т.е. обосновываемые в результате опытной верификации. Философия науки И. Канта, согласно которой суждения математики – синтетические суждения *a priori*, объявляется хоть и не бессмысленной, но ложной. Высказывания классической философии науки, не сводимые путем логического анализа к аналитическим суждениям математики или к синтетическим суждениям опытных наук, объявляются лишенными научного смысла. Принимается тезис о научной философии как анализе языка точными формальными средствами. «Путь исследования» методологически обеспечивается корреспондентской теорией истины в формализованных языках (А. Тарский), концепциями «третьего мира» и «эпистемологии без субъекта знания» (К. Поппер), «научно-исследовательских программ» (И. Лакатос), «научных парадигм» (Т. Кун), «методологического анархизма» (П. Фейерабенд).

Объединяющим принципом для всех ступеней аналитической философии науки является принцип абсолютной объективности научного знания, согласно которому научные теории, проблемы, гипотезы и т.д. являются «обитателями» особого «платонистского» мира, лишь «открываемого» исследователем так, как географ открывает новый материк (К. Гёдель). Субъект является лишь «исследователем», субъективное рассматривается как синоним неполного, ошибочного, одностороннего. Поэтому «историзм» аналитической философии неизбежно связывается с отрицанием ею закономерного развития научного знания; «рост научного знания» совершается «методом проб и ошибок»; история науки лишь убеждает «исследователя» в правомерности правила: «все позволено», или «делай, что хочешь» (П. Фейерабенд). Адекватным выражением аналитической версии обоснования математики является программа Гильберта.

Конструктивная теория науки, в отличие от аналитической, рассматривает предметы науки как конструкции, т.е. продукты целенаправленной человеческой деятельности; «...универсальная задача конструктивной теории науки состоит в том, чтобы производство предметов некоторой науки, как неявно заданное предписаниями, в последующем реконструировать» [Gethman 1996, S. 746]. Конструктивная теория науки как философское направление относит себя к «философии языка». Теоретико-

научная реконструкция исходит из того, что все философские усилия должны осуществляться «внутри [комплекса] (Жизнь, Мир, Язык и т.д.)» с тем, чтобы построить «язык науки» на прагматическом базисе, исходя из первых «жизненно-мировых» начал и по правилам методического мышления, базирующимся на методическом и диалогическом принципах [Gethman 1996, S. 746]. В отличие от аналитической философии науки конструктивная философия науки требует, чтобы предмет науки был «представлен», а не просто «описан».

По вопросу о возможности построения конструктивной теории нормативного знания выделяется две позиции: сциентистская и диалектическая [Lorenzen 1987, S. 12]. Сциентист убежден, что для обоснования норм в принципе не может быть применен конструктивный метод; диалектик признает в качестве начал науки как раз нормативные суждения, но не как всеобщие суждения разума, а лишь как выражения классовых интересов господствующего в данный исторический период класса. Сциентистская позиция основывается на методе естественных наук, диалектическая позиция есть позиция исторического материализма, методом которого является диалектика. П. Лоренцен указывает еще две позиции: это позиция «наук о духе» (Geistwissenschaften) и теологическая; обе эти позиции характеризуются как догматические, неспособные к критическому диалогу. Относительно же первых двух позиций Лоренцен считает возможным критическое обсуждение их с позиций конструктивной теории науки, результатом которого должно стать выделение конструктивных аспектов каждой из позиций. При этом конструктивная теория науки строит свой метод обоснования нормативного знания на основе естественных наук как «техники» [Lorenzen 1987, S. 16-17] конструктивного метода и исторического знания как материала для выработки теории «этической политики». «Все теории – это речевые инструменты для поддержки уже начатой практики. В соответствии с этим математическое знание, с одной стороны, есть историческое знание, с другой стороны, требуется как фундаментальное знание на службе техники и этической политики» [Lorenzen 1987, S. 17-18].

Список литературы

1. Мануйлов 2015 – *Мануйлов В.Т.* Методологические принципы «Немецкого конструктивизма» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 67. Т. 1. № 1. С. 126-147.
2. Чагров 2001 – *Чагров А.В.* Конструктивная логика // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под редакцией В.С. Стёпина. М.: Мысль, 2001. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1490.html> (дата обращения: 21.05.2021).
3. Butts, Brown 1989 – *Butts R.E, Brown J.R.* Introduction // *Constructivism and science: essays in recent German philosophy* / Ed. by Butts R.E. and Brown J.R. Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publishers, 1989. Pp. ix–xxv.
4. *Constructivism and science* 1989 – *Constructivism and science* / Ed. by Butts R.E. and Brown J.R. Dordrecht: Kluwer Acad. Publ., 1989. 287 p.
5. Gethman 1996 – *Gethman C.F.* Wissenschaftstheorie, konstruktive // *Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie*. Bd. 4, Sp-Z. Stuttgart; Weimar: Metzler, 1996. S. 746-758.
6. Janich 1997 – *Janich P* Methodical Constructivism // *Issues and Images in the Philosophy of Science*. Boston Studies in the Philosophy of Science. Vol. 192. Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publishers, 1997. Pp. 173-190.
7. *Konstruktionen versus Positionen* 1979 – *Konstruktionen versus Positionen: Beiträge zur Diskussion um die Konstruktive Wissenschaftstheorie* / hrsg. von K. Lorenz, 2 vol. Berlin: de Gruyter, 1979. 406 S.

8. Lorenz 1989 – *Lorenz K.* Science, a rational enterprise? Some remarks on the consequences distinguishing science as a way of presentation and science as a way of research // *Constructivism and science* / Ed. by Butts R.E. and Brown J.R. Dordrecht: Kluwer Acad. Publ., 1989. Pp. 3-18.
9. Lorenzen 1959 – *Lorenzen P.* Über die Begriffe “Beweis” und “Definition” // *Constructivity in mathematics* / Ed. by Heyting A. Amsterdam: North – Holl. Publ. Co., 1959. Pp. 169-177.
10. Lorenzen 1962 – *Lorenzen P.* Metamathematik. Mannheim: Bibl. Inst., 1962. 167 S.
11. Lorenzen 1965 – *Lorenzen P.* Differential und Integral. Eine konstruktive Einführung in die klassische Analysis. Frankfurt am Main: Akad. Verl.-Ges., 1965. 292 S.
12. Lorenzen 1974 – *Lorenzen P.* Aufklärung und Vernunft // *Lorenzen P.* Konstruktive Wissenschaftstheorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1974. S. 98-112.
13. Lorenzen 1987 – *Lorenzen P.* Lehrbuch der konstruktiven Wissenschaftstheorie. Mannheim; Wien; Zürich: BI Wissenschaftsverlag, 1987. 332 S.
14. Stegmüller 1975 – Wolfgang Stegmüller, Hauptströmungen der Gegenwartsphilosophie, Bd. I, Sechste Auflage. Stuttgart: A. Kröner Verlag, 1975. 730 S.
15. Wohlrapp 1979 – *Wohlrapp H.* Analytischer versus konstruktiven Wissenschaftsbegriff // *Konstruktionen versus Positionen. Bd. II. Allgemeine Wissenschaftstheorie* / Hrsg. von L. K. Berlin; N.Y.: Bruyter, 1979. S. 348-377.

УДК 008.2

АРХЕОФУТУРИЗМ ГИЙОМА ФАЯ: ФУТОРОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ «СПРАВА»

Моисеев Дмитрий Сергеевич

Кандидат философских наук, преподаватель

Российское философское общество

Русское общество истории и философии науки

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Москва, Россия

E-mail: dmitry.s.moiseev@gmail.com

В данном докладе рассматривается концепция видения будущего французского философа Гийома Фая (1949-2019), выведенная им из скептических оценок современных социокультурных трендов развития западного мира. По мнению Фая, современный Запад, вдохновленный идеалами Просвещения, а также эгалитарными, гуманистическими и индивидуалистическими догмами, не выдержит конкуренции, навязанной ему в XXI в. более архаичными цивилизационными подходами. Чтобы выжить, Запад должен сам обратиться к архаике, к домодернистским, неэгалитарным, негуманистическим подходам, сохранив при этом свое техническое превосходство. Чтобы обрисовать контуры возможного будущего и найти в нем место для Европы, Фай предлагает концепцию виталистского конструктивизма и теорию археофутуризма, объединяющую в себе архаичные ценности и устремленность к будущему технологическому совершенству. Согласно Фаю, археофутуристская модель будущего может иметь практическую ценность и указать пути спасения Европы и западного мира в XXI в.

Ключевые слова: Гийом Фай, археофутуризм, виталистский конструктивизм, футурология, политическая философия, «новые правые», антиглобализм, федерализм.

GUILLAUME FAYE'S ARCHEOFUTURISM: FUTUROLOGICAL PREDICTION FROM THE "RIGHT"

Moiseev Dmitry Sergeevich
PhD in Philosophy, Lecturer
Russian Philosophical Society
Russian Society for History and Philosophy of Science
HSE University
Moscow, Russia
E-mail: dmitry.s.moiseev@gmail.com

The focus of this report lies on a vision of the future proposed by the French philosopher Guillaume Faye (1949-2019), which is based on his skeptical view of Western modern sociocultural trends. According to Faye, modern West, inspired by the values of the Enlightenment and the egalitarian, humanist and individualist dogmas, is unable to survive the competition with more archaic social models in the XXI century. In order to survive, the West should reclaim its own archaic vision, ensuing from premodern, inegalitarian, non-humanist approaches, at the same time retaining its technological supremacy. To outline the contours of the possible future, Faye offers the concept of vitalist constructivism and the archeofuturist theory, combining archaic values and the ambitions of technological perfection. According to Faye, archeofuturist vision may have value for the future and may guide Europe and the West in XXI century.

Keywords: Guillaume Faye, archeofuturism, vitalist constructivism, future studies, political philosophy, the "New Right", counter-globalization, federalism.

В последнее время футурологами, представителями гуманитарных наук и политиками-практиками публикуется множество оптимистичных «образов будущего», вдохновленных неоглобалистскими программами развития и либеральной теоретической парадигмой (к примеру, см.: [Auken 2016; Mueller 2020]) и продолжающих линию размышлений о «конце истории», начерченную Фрэнсисом Фукуямой [Fukuyama 1992]. В то же время в поле «наук о духе» и «наук о человеке» можно встретить и иные точки зрения, основанные на скептическом видении современных глобальных процессов. Одной из подобных теорий является концепция археофутуризма, предложенная в 1998 г. французским философом Гийомом Фаем (1949-2019) и системно изложенная им в работе «Археофутуризм. Европейское видение посткатастрофической эпохи» [Faye 2010].

Гийом Фай был философом, журналистом, писателем, видным членом группы *GRECE* (*Groupement de recherche et d'études pour la civilisation européenne* / Группа изучения и исследования европейской цивилизации) – французского интеллектуального сообщества, ставшего центром разработки доктрины «новых правых» (*Nouvelle Droite*) [Sunic 2011]. В 1980-е гг. Фай покинул *GRECE* и сосредоточился на разработке оригинального образа будущего, основанного на скептическом представлении о современных социокультурных трендах развития Европы и убежденности в неизбежности «большой катастрофы» в ближайшем будущем.

В основании концепции будущего Фая находятся три фундаментальных тезиса: 1) существующая западная цивилизация, продукт модерна и эгалитаризма, дошла до предела своих возможностей и в настоящее время находится перед угрозой глобального катаклизма. Согласно Фаю, многие цивилизации прошлого исчезли, и западная цивилизация к этому близка. Причина этого – в выборе губительного идейного пути. Фай прогнозирует масштабный культурный конфликт в период с 2010 по 2020 гг., и этот прогноз отчасти подтвердился; 2) индивидуалистская и эгалитарная идеология современного мира более не работает в подавляющем большинстве сфер жизни Запада. Чтобы выжить, западная цивилизация должна будет все более и более принимать

архаический образ мысли – домодернистский, неэгалитарный, негуманистический подход; идти по пути восстановления древних ценностей «обществ порядка». Необузданное техническое развитие ставит перед человечеством новые вопросы – вопросы новых эпидемий, религиозные и этические вопросы, с чем не справляются гуманистический и эгалитарный комплексы убеждений. Согласно Фаю, чтобы выжить, западной цивилизации придется порвать с идеалами Просвещения, эгалитарными, гуманистическими и индивидуалистическими догмами модерна (общее убеждение для всех представителей *Nouvelle Droite*, см.: [François 2014]); 3) Уже сейчас мы можем представить себе контуры «мира после катастрофы» и моделировать этот мир на принципах археофутуризма.

В качестве концептуальных основ своего видения будущего Фай вводит понятия «виталистский конструктивизм» и «археофутуризм». Французский философ определяет виталистский конструктивизм «как систему идей, объединяющую в себе органический и отважный подход к жизни с ницшеанской идеей воли к власти, римской идеей порядка и древнегреческой мудростью» [Faue 2010, p. 27], которую Фай называет «реалистской». Виталистский конструктивизм – это «конкретная волонтаристская мысль, созидаящая порядок» [Faue 2010, p. 27]. Термин «археофутуризм» выражает стремление представить себе будущее общество, объединяющее в себе научно-технический прогресс с возвратом к традиционным, «архаичным» ответам на сущностно значимые вопросы. Согласно Фаю, это «гармоничный союз фаустовской души с древнейшей памятью Европы; умный традиционализм как мощнейшая форма футуризма» [Faue 2010, p. 27]. Согласно Фаю, внутреннее разложение структур модерна приводит к возрождению и усилению архаики, в авангарде чего находится арабо-исламский мир, укрепляющийся год от года.

Согласно прогнозу Фая, в XXI в. произойдет развал всех глобалистских структур, обеспечивающих существующую архитектуру международной безопасности. Усугубятся все культурно-цивилизационные проблемы современного мира, экономические и демографические кризисы – продолжится старение населения, произойдет утрата культурных идентичностей; роботизация производств будет способствовать росту безработицы; мировое хозяйство, пребывая в бесконечной погоне за экономическим ростом, спровоцирует целый ряд экологических кризисов [см. François 2009]; появятся новые вирусные пандемии.

Выживание Запада, по мнению французского философа, зависит от принятия европейцами и американцами археофутуристской программы. Термин досократовской древнегреческой философии «архэ» (ἀρχή) обозначает «основание», «начало», «исток». Под этим также можно понимать «неизменное», «изначальный порядок». Согласно Фаю, архаика не устремляет нас назад, в прошлое, и не является формой традиционализма, поскольку традиционализм настаивает на необходимости передачи ценностей и радикально противостоит тому, что требует обновления.

Ключевые конфликтные точки современного мира, по Фаю, уже вполне архаичны – это религиозная нетерпимость, геополитическая битва за ресурсы, этнические конфликты, вызванные массовой миграцией, а также загрязнение планеты. Чтобы решить эти проблемы, Фай утверждает необходимость прибегнуть к архаичным ценностям. Французский философ утверждает, что «именно архаика ведет в будущее, тогда как модерн уже принадлежит прошлому» [Faue 2010, p. 41].

Французский мыслитель утверждает, что путем архаизации западное человечество «вернет себе само себя» рядом простых шагов – разделением гендерных ролей, передачей этнических и народных традиций, устремленностью к духовности и органической религиозности, утверждением ясной и понятной социальной иерархии, почитанием предков, новым обретением ритуалов инициации, восстановлением органических сообществ, деиндивидуализацией брака, концом противопоставления

эротического и супружеского, ростом престижа воинской службы. Приверженность архаичным ценностям противоположна идеям материализма, эгалитаризма и атомарного индивидуализма, которые Фае признаются ложными. Французский философ уверен, что будущее уже встало на этот путь, и вопрос лишь в том, будет ли этому будущему принадлежать Европа, или же она исчезнет.

В то же время Фай указывает, что европейское сознание всегда отвергало «неизменное», ввиду того, что оно являлось, является и будет являться динамичным, «фаустовским» сознанием, постоянно создающим новые формы. Европейское сознание способно продуцировать «рациональные фантазии», результатом чего являются технические чудеса модерна – подводные лодки, ядерное оружие, авиация, ракеты, компьютеры, интернет. Из этого Фай делает вывод, что «европейская душа по сути своей футуристична» [Faye 2010, p. 43]. Стремление к техническому совершенству признается автором концепции археофутуризма таким же наследием древнегреческого духа, как и досократовская философия.

Из синтеза архаичного и футуристичного французский философ выводит концепцию археофутуризма, который называет «философским альянсом между Аполлоном и Дионисом». Аполлон символизирует футуристический полюс археофутуризма – рациональный и разумный план технологического переустройства мира. Дионис символизирует архаичный полюс в виде эстетической и романтической мобилизации чистой энергии. Согласно Фаю, только архаика может придать футуризму мощь и освободить его от ограничений модерна.

Французский философ убежден, что принципы археофутуризма имеют практическую полезность для будущего. В сфере этики археофутуризм предполагает ценность чувства чести и достоинства, этическое обоснование применения силы (в целях защиты), отвержение неизбирательной социальной организации, ценность воинских достоинств и доблести, ценность честного поединка, чувство справедливости, коммунитаристский социальный идеал. Согласно Фаю, все это будет необходимо для выживания в мире завтрашнего дня, «мире после катастрофы». Французский философ убежден, что это будущее будет отмечено печатью новой религиозности и нового стремления к трансцендентному и духовному, поскольку секулярный западный проект уже потерпел экзистенциальный крах ввиду стремительного роста популярности ислама. В сфере биотехнологий неархаика, по Фаю, способна придать новый импульс генетике и подобным сферам биологических исследований. Позитивная евгеника могла бы излечивать генетические заболевания, улучшать наследственность, служить выращиванию искусственных эмбрионов («рождение без беременности»). Архаичная социо-экономическая модель, в которой будет значительно повышена роль ремесел и сельского хозяйства в жизни 90 % населения Земли и одновременно с этим будет существовать технологически развитый «золотой миллиард», будет способствовать сохранению окружающей среды. Упразднение глобальных политических институтов приведет к созданию мощных федеративных политических блоков, объединенных единством этнокультурных принципов. Институт семьи вернет себе былую значимость. Формальная демократия будет преодолена в пользу демократии органической, прямой, которая могла бы обеспечивать прямую связь между управляющими и управляемыми. Согласно Фаю, это приведет к децентрализации Европы и росту влияния локальных сообществ.

Образ будущего, спрогнозированный Гийомом Фаем, изложен им, помимо теоретического, в художественном виде – в последнем фрагменте работы «Археофутуризм» под названием «Один день из жизни Дмитрия Леонидовича Обломова. Хроники археофутуристских времен, 22 июня 2073 года» [Faye 2010, p. 121]. В этом фрагменте, написанном в жанре художественной фантастики, французский

философ дает свое видение возможного будущего на примере одного дня из жизни русского офицера, представителя истеблишмента будущей Евросибирской Федерации, «на полях» очерчивая видение истории мира и Европы XXI в.

Можно спорить о значимости концепции Гийома Фая для современной футурологии, однако, как представляется, теоретическая ценность подобных альтернативных моделей будущего, предполагающих непростую судьбу человечества в XXI в., весьма высока. Французский философ Фай смотрел на современный мир взором интеллектуального бунтаря, готового проблематизировать те аспекты мира модерна, которые большинству современников кажутся незыблемыми. Сила концепции Фая – в теоретической смелости французского мыслителя, готового ставить перед современным миром новые вопросы и предлагать на них собственные, оригинальные ответы.

Список литературы

1. Auken 2016 – *Auken I.* Welcome to 2030: I Own Nothing, Have No Privacy and Life Has Never Been Better // *Forbes*. Nov. 10, 2016. URL: <https://www.forbes.com/sites/worldeconomicforum/2016/11/10/shopping-i-cant-really-remember-what-that-is-or-how-differently-well-live-in-2030/?sh=6ef2f2ce1735> (accessed: 31.05.2021).
2. Faye 2010 – *Faye G.* Archeofuturism. European Visions of the Post-Catastrophic Age. L.: Arktos, 2010. 252 p.
3. François 2009 – *François S.* La Nouvelle Droite et l'écologie: une écologie néopaienne? // *Parlement[s]*, *Revue d'histoire politique*. Presses universitaires de Rennes. 2009. Vol. 12. Pp. 132-143.
4. François 2014 – *François S.* The Nouvelle Droite and “Tradition” // *Journal for the Study of Radicalism*. 2014. Vol. 8. No. 1. Pp. 87-106.
5. Fukuyama 1992 – *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N.Y.: Free Press, 1992. 418 p.
6. Mueller 2020 – *Mueller A. P.* No Privacy, No Property: The World in 2030 According to the WEF // *Mises Institute*. Dec. 8, 2020. URL: <https://mises.org/wire/no-privacy-no-property-world-2030-according-wef/feed> (accessed: 31.05.2021).
7. Sunic 2011 – *Sunic T.* Against Democracy and Equality. The European New Right. L.: Arktos, 2011. 266 p.

УДК: 165.3

СПОСОБЫ И ИСХОДЫ ОБРАЩЕНИЯ ПСИХОЛОГОВ К ФИЛОСОФИИ НАУКИ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СМЫСЛОВЫХ ПУСТОТ

Мусс Александр Игоревич,

Кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры общей психологии

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: albertwanderer@gmail.com

Мараев Владимир Николаевич
*Кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры
философской антропологии
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

В данной статье мы, опираясь на философию М. Фуко и Р. Барта, рассматриваем вопрос о том, как отсутствующее содержание в структуре дискурса, рассматриваемое нами в форме смысловых пустот, может влиять на восприятие содержания одних научных или философских дисциплин представителями других. В качестве примера, с целью дополнения содержания дискуссии об анализе научных теорий в психологии мы рассматриваем выделенные на основании изучения философии науки В.М. Аллахвердовым, А.С. Кармином и Ю.М. Шилковым, а также разрабатываемой на этой методологической базе В.М. Аллахвердовым теории сознания. В результате было обнаружено, что тенденция, связанная с развитием с начала XX в. и более кардинального разделения научных дисциплин, может приводить к тому, что содержание одной дисциплины может частично становиться семиотическим мифом для представителей другой. Полученные результаты требуют дальнейшей концептуальной разработки.

Ключевые слова: философская антропология, философия науки, философия психологии, междисциплинарность, миф, семиотика Ролана Барта, пустое означающее, смысловые пустоты.

METHODS AND OUTCOMES OF PSYCHOLOGISTS' APPEAL TO THE PHILOSOPHY OF SCIENCE: PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL STUDY OF VOIDS OF MEANING

Muss Aleksander Igorevich
*PhD in Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Psychology
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
E-mail: albertwanderer@gmail.com*

Maraev Vladimir Nikolaevich
*PhD in Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Philosophical Anthropology
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia*

In the article, we consider how the empty signifiers influenced the understanding and researches in the structure of philosophical and scientific discourse. Using ideas by M. Foucault and R. Barthes we call meanings of such empty signifiers "voids of meaning" according to their occurrence in both concepts and structures. As an example, we consider papers about the philosophy of science by V.M. Allakhverdov, A.S. Karmin, and Yu.M. Shilkov, and the project of V.M. Allakhverdov's theory of consciousness. As a result, it was found that the XX-XXI centuries' trend of mass higher education and a more cardinal specialization among scientific disciplines can lead to the following fact: the content of one discipline may partially become a semiotic myth for representatives of the other one. These results require further conceptual development.

Keywords: philosophical anthropology, philosophy of mind, philosophy of psychology, interdisciplinarity, myth, Roland Barthes' semiotics, empty signifier, voids of meaning.

Для современного ученого, становление которого происходит в рамках массового образования, границы между различными научными и философскими дисциплинами, прежде проницаемые, в настоящее время напоминают скорее находящиеся рядом, но, тем не менее, непроницаемые для постороннего и друг для друга депозитные ячейки: даже там, где существует возможность свободно посещать лекции других учебных программ и факультетов, фактическое учебное расписание зачастую не позволяет этого

сделать. Возможным результатом этого можно считать в том числе то, что для специалиста в рамках одной конкретной дисциплины другие дисциплины выступают не в качестве равнозначных проблемных областей, а в виде уже готовых инструкций, которые в качестве допущений используются в рамках исходной дисциплины. Нам кажется, что подобного рода обращение к научным областям необходимо описывать и исследовать, чтобы не только более полно видеть весь набор допущений, на который опирается та или иная теория и концепция, но и иметь возможность оценить и степень обоснованности и взаимной согласованности данных допущений. Более того, подобные исследования могут объединять специалистов разных дисциплин, например, психологии и философской антропологии, чье историческое развитие происходило в тесной, но недостаточно очевидной связи.

К изучению подобных явлений можно подойти, опираясь на богатый инструментарий континентальной философии, в том числе на семиотику Р. Барта [Барт 2010] и археологию науки М. Фуко [Фуко 2012], которые позволяют анализировать различные дискурсы, опираясь одновременно на специфические для данного дискурса априори, делающие его возможным, а также на конкретные связи между означающими и означаемыми в его структуре. При этом такой подход не претендует на полноту и окончательность интерпретации, что позволяет корректировать исследования, опираясь на новые данные. Этот инструментарий кажется нам более подходящим, поскольку в отличие от опирающейся на строгую формализацию высказываний аналитической философии континентальная философия за счет сравнительно меньшей строгости позволяет более тонко уловить динамику изучаемого материала, что, однако, требует от исследователей большей последовательности и дисциплины.

Более того, подход Р. Барта позволяет здесь обратиться к тому, как структура и содержание рассматриваемого материала могут быть поняты в зависимости от ценностей, позиций и взглядов, разделяемых возможным интерпретатором. В своей работе Барт [Барт 2010, с. 265-323] вводит понятие «семиотического» мифа, который возникает в случае, когда в рамках конкретного дискурса одно означающее становится означаемым. Отсутствующее значение в таком случае может служить местом, проблемным для философа, но очевидным для включенного в такой дискурс человека. В рамках данной работы мы хотели бы ввести новый термин, концептуализирующий именно отсутствие исходного содержания в подобных структурах, под названием «смысловых пустот», чтобы продемонстрировать ключевую роль в таких конструкциях именно отсутствия подразумеваемого значения, а не скрывающей это отсутствие структуры.

Таким образом, в качестве смысловых пустот мы рассматриваем, опираясь на семиотику Р. Барта [Барт 2010], конечное отсутствующее значение, к которому апеллируют пустые означающие или их группы в рамках конкретного дискурса. Т.е. такая пустота должна иметь свое более-менее определенное место в структуре дискурса и должна иметь свое название. При таком подходе для ее смыслового наполнения может использоваться все то, что примерно соответствует пустующему месту в структуре.

В качестве кейса, иллюстрирующего как наличие смысловых пустот, так и их значение в построении теорий или концепций, используем пример обращения когнитивных психологов к философии науки. Оговоримся, что этот кейс важен не только в качестве иллюстрации нашего подхода, но также и для уточнения содержания дискуссии, имевшей место в течение нескольких последних лет [Аллахвердов 2020; Дубровский 2017; Дубровский 2020] и посвященной, если не вдаваться в подробности, критической оценке содержания психологических теорий.

В ситуации, когда психологи с целью построения теории сознания [Аллахвердов 2000] ищут в научном познании совокупность правил, которые можно экстраполировать на познание вообще, они обращаются к философии науки (см. цикл статей В.М. Аллахвердова, А.С. Кармина и Ю.М. Шилкова: [Аллахвердов, Кармин, Шилков 2007а; Аллахвердов, Кармин, Шилков 2007б; Аллахвердов, Кармин, Шилков 2007в; Аллахвердов, Кармин, Шилков 2008а; Аллахвердов, Кармин, Шилков 2008б; Аллахвердов, Кармин, Шилков 2008в]). Причем обращение происходит к сравнительно небольшой совокупности авторов, прежде всего к Т. Куну, К. Попперу и И. Лакатосу. На основании их собственных попыток изучить и описать динамику построения научного знания (Кун) предложить подходящий критерий демаркации науки от всего остального (Поппер), а также развить теорию развития научного знания с опорой на историю науки (Лакатос), т.е. на основании ряда теоретических обобщений, которые имеют свою область применения и свои ограничения, делалась попытка: 1) вывести принципы организации естественных наук, 2) обобщить эти принципы на научное познание вообще и 3) соотнести эти выведенные принципы познания с работой психики. Получается, что здесь набор концепций (из которого исключена первая волна позитивизма, эмпириокритики, логические позитивисты, феноменологи, социологи науки и т.д.) переходит из разряда гипотетических конструкций, имеющих заметные, оговоренные авторами (или представленные в их взаимной критике) ограничения, в разряд допущений, которые становятся основой для построения теории сознания.

Обращаясь к концептуальному аппарату нашей попытки философствовать о смысловых пустотах, можно говорить о том, что философы науки, создавая философию науки как определенную дисциплину и концептуализируя научный процесс, во-первых, выделяют философию науки как некоторую территорию, к которой можно обращаться в поисках ответов на вопрос о научном познании. Причем вопрошающий, как правило, уже не задается вопросом об обоснованности подобных данных, что видно, например, в структуре современных учебных курсов по экспериментальной психологии, когда фальсификационизм Поппера в несколько упрощенном варианте рассматривается как строгий критерий научности. Во-вторых, этот процесс приводит к тому, что все, оказывающееся за пределами такой территории, перестает быть релевантным местом для поиска соответствующих данных. Это отражается, например, в том, что не включенный в перечень философов науки Мишель Фуко, предложивший свой концептуальный аппарат для подобных изысканий (работы «Слова и вещи», «Археология знания»), не рассматривается философами и учеными в качестве релевантного источника данных о науке.

Иными словами, очерченный контур дисциплины (состоящий в том числе из гипотетических утверждений и формирующихся концепций, между которыми могут быть противоречия, см.: [Лакатос 2008, с. 201-273]; в работе Лакатос указывает на недостатки концепций своих предшественников) становится одновременно жесткой границей, а также формой, в которой гипотетический характер построений под влиянием ожиданий исследователя превращается в целостный контур описания научного познания: в пространстве философии науки интересующийся наукой человек ищет некоторое полное описание науки, которое, во-первых, не существует, а, во-вторых, в форме семиотического мифа концептуализируется самим ищущим.

Таким образом, анализируя обращение к философии сознания со стороны специалистов других областей, мы можем увидеть не только, как теряется проблемный характер существующих в этой области идей, теорий и концепций, но также то, как ожидание целостного непротиворечивого представления о научном процессе, создаваемое самим дискурсом дисциплины и специалистов других областей, стирает границы и разногласия между входящими в философию науки идеями, теориями и концепциями. Более того, сама область в таком случае становится единственным

релевантным источником информации о развитии научного познания, тогда как сами философы науки в рамках своего поиска вынуждены обращаться к другим дисциплинам [Лакатос 2008, с. 201-273], а ученые, увлеченные проблемами своих дисциплин – к содержанию философии науки [Дюгем 2011; Мах 2012].

Т.е. в ситуации установления более жестких границ между различными философскими и научными дисциплинами мы можем заметить, как содержание этих дисциплин может замещаться семиотическими мифами, которые, в свою очередь, необходимо выделять и анализировать с целью более скрупулезного анализа теорий, для чего нами был предложен концепт смысловых пустот. При этом не стоит считать, что одним примером данная тема исчерпывается и что в рамках сравнительно небольших тезисов мы смогли раскрыть ее в полном объеме.

Список литературы

1. Аллахвердов 2000 – *Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. СПб.: ДНК, 2000. 528 с.
2. Аллахвердов 2020 – *Аллахвердов В.М.* Тернистый путь к сознанию (Ответ на «критический разбор» Д.И. Дубровского) // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 68-77.
3. Аллахвердов, Кармин, Шилков, 2007а – *Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М.* Принцип простоты // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 1. С. 230-246.
4. Аллахвердов, Кармин, Шилков, 2007б – *Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М.* Принцип проверяемости // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 3. С. 152-163.
5. Аллахвердов, Кармин, Шилков, 2007в – *Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М.* Принцип идеализации // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 2. С. 147-162.
6. Аллахвердов, Кармин, Шилков, 2008а – *Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М.* Принцип проверяемости. Часть II. Проверка теоретического знания // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 1. С. 195-209.
7. Аллахвердов, Кармин, Шилков, 2008б – *Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М.* Принцип проверяемости. Часть III. Стратегии независимой проверки // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 2. С. 175-185.
8. Аллахвердов, Кармин, Шилков, 2008в – *Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М.* Принцип преэмптивности, или как возможны научные открытия // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 3. С. 167-180.
9. Барт 2010 – *Барт Р.* Мифологии. М.: Академический проект, 2010. 351 с.
10. Дубровский 2017 – *Дубровский Д.И.* Сознание как «загадка» и «тайна»: к парадоксам «радикального когнитивизма» // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 151-161.
11. Дубровский 2020 – *Дубровский Д.И.* Еще раз о сознании, бессознательном и о «революционной» теории в психологии // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 78-81.
12. Дюгем 2011 – *Дюгем П.* Физическая теория: Ее цель и строение. М.: КомКнига, 2011. 328 с.
13. Лакатос 2008 – *Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект; Трикста, 2008. 475 с.
14. Мах 2012 – *Мах Э.* Познание и заблуждение. М.: БИНОМ. Лаборатория знания, 2012. 456 с.
15. Фуко 2012 – *Фуко М.* Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2012. 416 с.

ИСТИНА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В НАУКЕ

Невважай Игорь Дмитриевич

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии

Саратовская государственная юридическая академия

Саратов, Россия

E-mail: igornevv@gmail.com

Коммуникация в науке может быть оценена с точки зрения принципа справедливости. Быть справедливым (в коммуникации) - значит быть честным, признавать права других, избегать быть несправедливым. В статье показывается как реализация принципа справедливости связана с поиском истины в науке.

Возьмем ситуацию, когда автор статьи гений присылает ее в журнал для опубликования, а статья содержит изложение совершенно новой научной теории. Допустим, это был А. Эйнштейн, который решил опубликовать свою специальную теорию относительности. Известно, что эта теория у многих физиков - современников Эйнштейна, придерживавшихся представлений классической механики, - вызвала непонимание. Каким же образом эта теория нашла в конце концов всеобщее признание? Непонимание есть следствие использования агентами коммуникации разных норм. Эйнштейн создал новую норму - норму «для себя», - в которой знак и значение взаимно обусловлены. Эта норма получена в результате творческой деятельности самого Эйнштейна. Для индивида, воспринимающего текст Эйнштейна (рецензента), существуют другие нормы, которые являются общезначимыми, принятыми научным сообществом. Эти нормы разделяют и другие индивиды научного сообщества. Нормы общие «с другими». В них значение обуславливает знак. Знак есть «выражение» некоего данного для всех содержания. Новая норма, предлагаемая Эйнштейном «для других» (а не только для себя), воспринимается как новое «выражение» некоего обуславливаемого им содержания (знак обуславливает значение).

Ключевые слова: истина, справедливость, коммуникация, нормативный обмен

TRUTH AND JUSTICE IN SCIENCE

Nevvazhay Igor Dmitrievich

PhD DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy

Saratov State Law Academy

Saratov, Russia

E-mail: igornevv@gmail.com

Communication in science can be estimated from the point of view of the principle of justice. To be fair (in communication) it means to be honest, to recognize the rights of others, to avoid to make injustice. In article I demonstrate connection between realization of the principle of justice and searching of truth in science.

I take a situation when the genius author of article sends her to a magazine for publication, and that article contains a statement of absolutely new scientific theory. Let's say it was A. Einstein who has decided to publish his special theory of relativity. It is known that this theory did not understand by many classical physicists. In what way this theory has found eventually universal recognition? Misunderstanding is a consequence of use by agents of communication of different norms. Einstein has created new norm - norm "for himself", in which the sign and meaning are mutually caused. This norm is received as a result of Einstein's creative activity. For the individual perceiving Einstein's text, there are other norms which are valid, accepted by scientific community. These norms are shared also by other individuals of scientific community. Norms the general "with others". In them value causes a sign. The sign is "expression" of the certain contents given for all. The new norm offered by Einstein "for others" (and not just for itself), is perceived as new "expression" of a certain contents caused by him (a sign causes meaning).

Keywords: truth, justice, communication, standard exchange

В данной статье я хочу продолжить оказавшееся плодотворным сравнение науки и права, которое в свое время предпринял французский философ Бруно Латур. Он показал, что в поисках объективности наука использует процедуры, принятые в деятельности юристов [Латур 2011]. В своей статье я сконцентрирую внимание на правовых принципах справедливости, которые обеспечивают признание новой фундаментальной научной теории научным сообществом в процессе коммуникации. Это дает дополнительные аргументы, свидетельствующие о социальной коммуникативной природе научной деятельности.

Обратим внимание на ситуацию революционных изменений в науке и рассмотрим процессы, связанные с признанием этих изменений научным сообществом. Сегодня, следуя Томасу Куну, научную революцию описывают как переход от одной парадигмы к другой. Сфокусируем свое внимание на двух обстоятельствах этого перехода. Первое - это известная несоизмеримость парадигм, и второе - зарождение новой теории и ее признание научным сообществом происходит в контексте коммуникации между учеными.

Мой главный тезис состоит в том, что путь, который проходит новая научная теория от момента создания до её признания научным сообществом, связан с довольно сложным процессом коммуникации, в результате которого конституирование научной истины происходит на основе реализации правового принципа справедливости. Для признания данного тезиса важно иметь в виду, что коммуникация в науке не сводится к обмену информацией, она состоит, прежде всего, во взаимном признании различных нормативных систем, соответствующих старой и новой парадигмам. Несοизмеримость парадигм - это одна из главных проблем научной коммуникации. Самым любопытным оказывается то, что указанный процесс коммуникации подчиняется правовым принципам справедливости. И только благодаря их соблюдению в научном сообществе происходит принятие новой парадигмы в качестве истинной.

Возьмем для иллюстрации конкретный пример революционного изменения в истории физики. В 1905 году в журнале «Annalen der Physik und Chemie» была опубликована статья А. Эйнштейна "К электродинамике движущихся сред", в которой излагалась совершенно новая научная теория – специальная теория относительности. Несмотря на то, что эта статья содержала новые представления о пространстве и времени, которые не были согласованы с общепринятыми представлениями в физике того времени, она прошла рецензирование, получила рекомендацию, согласно которой журнал опубликовал эту революционную статью. Известно, что эта теория у многих физиков - современников Эйнштейна, придерживавшихся старых классических представлений, вызывала непонимание и отвергалась. Каким же образом эта теория нашла в конце концов всеобщее признание? Только ли потому, что была истинной? И что заставляет ученых признать истинной новую революционную теорию?

Т. Кун указывал на нормативный характер научных парадигм, описывая парадигму как определенный набор стандартов. Таким образом, в основе признания новой теории научным сообществом лежит процесс коммуникации, который состоит во взаимном согласовании различных нормативных систем. Новая теория - это новая нормативная система, которая должна быть каким-то образом принята и согласована с прежними нормативными системами.

Проблема несоизмеримости парадигм может быть рассмотрена, прежде всего, как несоизмеримость фундаментальных понятий, принадлежащих разным парадигмам. С моей точки зрения понятия вообще могут быть рассмотрены как нормы [Невважай 2018]. Ранее я уже представлял свою концепцию норм, в которой нормы определяются как смысл знака, как ставший стандартным способ выражения значения. В рамках такого

подхода понятие интерпретируется как норма, в которой знаком являются признаки содержания понятия, а значением является объем понятия. Таким образом, понятие есть нормативная связь знака и значения, содержания и объема. Факт нормативности понятия важен для понимания процессов научной коммуникации, поскольку понятие участвует в коммуникации не просто как единица информации, обмен которой составляет суть коммуникации, а как норма, которая имеет семиотическую структуру и которая еще должна быть понята как что-то запрещающая, или что-то разрешающая, или к чему-то обязывающая. При этом в процессе коммуникации агенты могут быть носителями разных нормативных систем (понятий), и их коммуникация опосредованно семиотическими процедурами интерпретации и выражения. Как тогда возможно прийти к взаимопониманию и согласию?

В своих работах я предлагал классификацию норм, основанную на разном понимании связи между знаком, или планом выражения (S - sign), и значением, или планом содержания (M - meaning) [Невважай 2019]. В соответствии с предложенной классификацией мы можем различать три типа норм. В первом типе норм ($S \rightarrow M$ и $M \rightarrow S$) оба плана взаимно обуславливают друг друга - это нормы «для себя». Во втором типе норм ($M \rightarrow S$) план содержания определяет план выражения - это нормы «с другим». Наконец, в третьем типе норм ($S \rightarrow M$) план выражения определяет план содержания - это нормы «для других». Все эти три типа норм «работают» во всякой коммуникации, в том числе и научной, на разных этапах коммуникации: 1) в процессе создания новой научной теории, 2) последующей коммуникации между её автором и оппонентом (рецензентом, например) и 3) в процессе признания достоверности новой теории всем остальным научным сообществом.

Посмотрим на то, как эти представления могут быть использованы для описания процесса развития научной коммуникации. Как я указывал выше, научная коммуникация опосредована тремя типами норм. Опосредованность коммуникации нормами означает, что в зонах обмена происходит согласование трех типов нормативности.

Вернемся к нашему примеру с эйнштейновской теорией относительности. Как известно, её автор ввел новые представления и понятия, которые являются «собственными» нормами «для себя» (для автора теории). Эти нормы характеризуются взаимообусловленностью знака и значения. Действительно, до акта создания нового понятия ни его объем, ни его содержание не могут быть даны. В акте творения нового понятия происходит одновременное возникновение и объема, и содержания. Ни значение, ни знак по отдельности не предшествуют друг другу. Это важное обстоятельство, которое я обосновал в своей книге «Свобода и знание» 1995 года [Невважай 1995]. Поэтому для ученого-творца изобретенное им понятие является нормой «для себя», в которой знак и значение неотделимы друг от друга и связаны с тем новым смыслом, который автор новой теории открывает для себя. Так, А. Эйнштейн использует термины «пространство», «время», «скорость» и т.д., но смысл их отличается от смысла соответствующих классических понятий. Вступая в коммуникацию с автором статьи оппонент, или рецензент, будучи носителем старых стандартов, понятий, норм, сталкивается с новой для себя другой - «авторской» - нормой. Оппонент должен или признать новую авторскую норму, либо отвергнуть её. Чаще всего суть научного открытия связана с пересмотром смыслов и значений прежних понятий. Оппонент прежде всего встречается с авторским текстом, то есть с планом выражения, и его задача состоит в том, чтобы убедиться, что данный ему текст адекватно выражает некое новое авторское содержание. В качестве содержания выступает некая новая объективная реальность, которая была открыта Эйнштейном. Виртуальная коммуникация между автором и оппонентом посредством текста статьи должна привести к признанию общего

для обеих сторон реального содержания.

В рассматриваемом примере специальной теории относительности новое предметное содержание, которое имел в виду Эйнштейн, было связано со стремлением найти согласование между принципом относительности и принципом постоянства скорости света. С точки зрения классической механики эти принципы несовместимы, они противоречат друг другу. Задача А. Эйнштейна заключалась в том, чтобы найти теоретическую возможность согласования этих принципов. Для этого ему пришлось изменить представления об одновременности событий и, соответственно, изменить представления о пространстве и времени, существенно операционализовав их. Операциональная интерпретация указанных фундаментальных понятий и задавала новую реальность, или новое концептуальное содержание теории. Но это новое содержание было выражено с помощью традиционных для физики терминов. Таким образом, эти прежние понятия в теории относительности Эйнштейна приобрели новый смысл.

Многочисленные мысленные эксперименты, к которым нередко прибегают авторы новых теорий, играют роль рационального средства корректировки мышления в соответствии с предлагаемыми автором новыми нормами. С помощью мысленных экспериментов вводится новая онтология и накладывается запрет на прежние нормативные представления. Так, в специальной теории относительности Эйнштейн заменил умозрительное представление об абсолютной одновременности на операциональное определение одновременности, используя процедуру синхронизации часов с помощью световых лучей. В процессе коммуникации автора и оппонента происходит процесс выработки общей нормы для обоих - и для автора, и для оппонента - на основе признания общего для обеих сторон содержания, которое обуславливает форму выражения. Она становится нормой «с другим».

Следующий этап научной коммуникации и вхождения нового научного знания в социум связан с распространением нового знания среди других и обучением других. Для большинства членов научного сообщества выход статьи в журнале подобен публикации государственного закона в СМИ, то есть воспринимается как установление новой нормы. Пропаганда нового учения и его освоение в процессе образования, обучения представляют собой процессы, когда новая норма становится нормой «для других», когда она задается всему сообществу как что-то достоверное, обязательное и необходимое. Здесь уже норма (понятие) существует посредством публичной интерпретации значения текста. Признание новой теории как достоверной держится уже на авторитете ученых, мнению которых доверяют.

Описанные процессы коммуникация в науке на практике реализуют правовые принципы справедливости. Рассмотрим три принципа справедливости западного права. Здесь я опираюсь на исследование понятия справедливости, представленное немецким философом права Отто Хёффе в работе «Справедливость» [Хёффе 2007]. В римском праве были сформулированы принципы справедливости. Первый принцип гласит «живи честно», притязай на собственные права (создавай свои правила). Этот принцип реализуется в научном творчестве (пример с А. Эйнштейном). Второй принцип говорит о том, что «не вреди никому» и означает признание права других (в том числе думать иначе, чем ты). Третий принцип гласит «воздавай каждому должное», он требует обеспечения гарантий прав всех (и каждого), который должен обеспечиваться не индивидуально, а публично, совместно, гарантировать право всех на всеобщее и необходимое знание, на общезначимую истину. Как пишет О. Хёффе, «за требованием признания самого себя в первом принципе справедливости и требованием признания других во втором, наконец, в третьем следует заповедь взаимного и одновременно публично гарантированного признания, поэтому принимающего государственную форму» [Хёффе 2007, с. 76], признания со стороны научного сообщества.

Список литературы

1. Латур 2011 - *Латур Б.* Научные объекты и правовая объективность / Пер. с англ. Д. Аронсон, В. Долгоруков, Я. Закорко // *Культиватор.* 2011. № 2, 2011. С. 74-95.
2. Невважай 2018 - *Невважай И.Д.* Норма, коммуникация, творчество // *Аргументация в праве и морали. Коллективная монография / Под ред. Е.Н. Лисанюк.* СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2018. С. 89-119.
3. Невважай 2019 - *Невважай И.Д.* Классификация норм в семантической концепции норм // *Мир человека: нормативное измерение - 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь. Сборник трудов международной научной конференции.* Саратов: Изд-во СГЮА, 2019. С. 38-49.
4. Невважай 1995 - *Невважай И.Д.* Свобода и знание. Саратов: Изд-во СГАП, 1995. 204 с.
5. Хёффе 2007 - *Хёффе О.* Справедливость. Философское введение / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова. М.: Праксис, 2007. 192 с.

УДК 167.7

НАУЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ИНСПИРАТИВНЫЙ ПОДХОД

Сидоров Леонид Григорьевич

Кандидат экономических наук, доцент

Рыбинский государственный авиационный технический университет

имени П.А. Соловьева

Рыбинск, Россия

E-mail: phiskt@rsatu.ru

В статье рассматриваются философские проблемы научного управления в формирующемся обществе знаний. В историко-философском контексте отмечается важная роль ценностей и идеалов в системе общественного управления. Определяются понятия «метафизика управления», «инспиративное управление». Отмечается, что метафизика управления объединяет в единое целое ценности и идеалы, соответствующие нравственной сущности человека. Инспиративное управление – это мыслечувственная коммуникация, вдохновение, побуждающее человека к самосовершенствованию. Критикуется научное управление в обществе потребления, абсолютизирующее экономическую эффективность, поощряющее безудержное стремление к росту материальных благ. Ценности и принципы управления в обществе знаний рассматриваются как альтернатива потребительству, целям и идеалам общества риска. Модель общества знания П. Друкера рассматривается как социальный идеализированный управленческий проект, идеал, делающий жизнь осмысленной. Анализируются принципы и противоречия научного управления в обществе знаний. В качестве основных противоречий выступают противоречия между ценностями человека, общества и организаций; между элитой общества знаний и элитой общества риска. Автор приходит к выводу, что технологический характер развития научного управления должен быть дополнен инспиративным подходом к управлению как побудительной коммуникацией. Субъектом научного управления, создающим управленческие знания, является самообучающаяся организация.

Ключевые слова: метафизика научного управления, общество знаний, ценности и идеалы, вдохновение, инспиративное управление.

SCIENTIFIC MANAGEMENT: INSPIRATIVE APPROACH

Sidorov Leonid Grigorievich

PhD in Economics, Associate Professor

Soloviev State Aviation Technical University of Rybinsk

Rybinsk, Russia

E-mail: phiskt@rsatu.ru

The article examines the philosophical problems of scientific management in the emerging knowledge society. In the historical and philosophical context, the important role of values and ideals in the system of public administration is noted. The concepts of “metaphysics of management”, “inspirational management” are defined. It is noted that the metaphysics of management unites values and ideals that correspond to the moral essence of a person into a single whole. Inspirational management is thought-sensory communication, inspiration that prompts a person to self-improvement. The scientific management in the consumer society is criticized for absolutizing economic efficiency and encouraging unrestrained striving for the growth of material wealth. The values and principles of governance in the knowledge society are considered as an alternative to consumerism, goals and ideals of the risk society. P. Drucker’s knowledge society model is viewed as a social idealized management project, an ideal that makes life meaningful. The principles and contradictions of scientific management in the knowledge society are analyzed. The main contradictions are the contradictions between the values of a person, society and organizations; and between the elite of the knowledge society and the elite of the risk society. The author comes to the conclusion that the technological nature of the development of scientific management should be complemented by an inspirational approach to management as incentive communication. The subject of scientific management creating management knowledge is a self-learning organization.

Keywords: metaphysics of scientific management, knowledge society, values and ideals, inspiration, inspirational management.

Метафизика управления, начиная с Конфуция и Платона, проникнута стремлением к раскрытию не прагматических, а субстанциональных, нравственных свойств управления как служения высшему благу. Управлять обществом, по мнению Платона, должны нравственно достойные люди, обладающие знанием, вдохновляющим к мужественному служению народу. Если управляющий не видит в управляемом самого себя, он не свободен. Свободное управление – это всегда нравственное соуправление. Ценности и смыслы управления, соответствующие сущности человека и идеалу общего блага, составляют основу метафизики управления. Насилие и манипулирование разрушают нравственные основы самоуправления. Необходим новый тип управления – инспиративное управление – это мыслечувственная коммуникация на основе творческой идеализации, пафоса нравственного чувства, вдохновляющих к нравственному и профессиональному самосовершенствованию [Сидоров 2018]. Классик научного управления П. Друкер отмечает, что «менеджмент тесно связан с моральными проблемами – с природой человека, с понятиями добра и зла и прочими этическими категориями» [Друкер 2004, с. 31]. Метафизическая, эстетическая трактовка социального управления предполагает утверждение права человека на «субстанциональное, а не функциональное бытие» [Кутырев 2012, с. 16]. Метафизика управления создает идеальный образ цели, блага. Мечта, творческая идеализация в процессе трудовой деятельности вдохновляют человека, вызывают стремление к самосовершенствованию.

В индустриальную эпоху с развитием научного управления в работах Ф. Тэйлора, А. Файоль, Э. Мэйо и др. начинает доминировать прагматический, менеджеристский подход к управлению. В XX в. сформировался прагматический подход к социальному управлению, характерный для постклассического либерализма. Получила популярность концепция «минимального государства», согласно которой государство должно отвечать только за внешнюю безопасность и соблюдение прав граждан, государственная опека

делает людей пассивными, способствует росту бюрократии. Сформировались две модели развития общества потребления: «общество риска» (У. Бек) и «общество знаний» (П. Друкер). Управление в обществе риска ориентировано на экономическую эффективность, прибыль, удовлетворение материальных потребностей людей, деньги любой ценой. Эффективность общества риска основана на экономической эффективности – оптимальности В. Парето. Такая оптимальность возводит в норму нищету одних людей и безудержное обогащение других. А. Сен замечает, что «от оптимальности В. Парето как от “духа Цезаря” – веет преисподней» [Сен 1996, с. 54]. Развитие NBIC-технологий в обществе риска при отсутствии гуманистической модели общественного развития и облагораживания человека безответственно и опасно. Технократические методы управления общества риска сочетаются с нравственной индифферентностью по отношению к последствиям такого управления. Рыночная экономика общества риска порождает рыночное общество. Образованные люди, университеты, наукоемкие организации становятся коллективными субъектами управления в новом обществе знаний. Появляется новый тип организации – самообучающиеся организации [Сенге 2009]. Система ценностей управления общества знаний направлена на нравственные принципы человека, социальную справедливость, экологическую ответственность.

Концепция общества знаний наиболее полно была изложена П. Друкером [Друкер 2007]. Цель общества знаний – совершенствование человека как гражданина и профессионала. У всех организаций, в том числе самой крупной организации – государства – появляются новые социальные и воспитательные функции: социальной ответственности перед обществом и нравственной ответственности перед человеком [Druker 1992]. Общество знаний обращено к высшим ценностям и идеалам, вдохновляющим человека. П. Друкер приходит к выводу, что функция современных руководителей «заключается не в том, чтобы командовать. Их функция – вдохновлять» [Druker 1992, р. 103]. Для положительного влияния науки и техники на жизнь человека необходимо принимать управленческие решения на основе моральных принципов и чувств. «Инстанция, перед которой мы несем ответственность – это совесть. ... Совесть – это трансцендентное “Ты”» [Франкл 1990, с. 126], – пишет В. Франкл. Общество знаний – это социальный идеализированный проект, наполняющий жизнь значением и смыслом. Стремление к идеалу превращает существование человека в осмысленную жизнь, в которой есть место выбору. Управленческое знание – это знание «образовательное» [Шелер 1994], оно содержит в себе элементы идеализации – сакрализации, элементы знания философского – «любящего», в то же время это знание научное – «господствующее». Чтобы люди верили в возможности науки и в свои возможности, общество должно постоянно демонстрировать успехи человечества в осуществлении идеалов добра, красоты, истины, изобилия. «Создание красоты... эстетическая функция – вдохновлять; создавать образы лучшего и побуждать нас стремиться к ним, каких бы жертв это не потребовало. Вдохновение и стремления идут рука об руку [Акофф 1985, с. 68-69]. В качестве основных понятий инспиративного управления как побудительной коммуникации в формирующемся обществе знаний можно выделить: трудовой смысл жизни, знание, социальный прогресс, экологическую ответственность, системное мышление, самообучающуюся организацию, профессиональное гражданское и нравственное самосовершенствование.

Методологическим принципом, позволяющим обществу знаний успешно развиваться, является меритократия. Положение человека в меритократической системе определяется призванием и стремлением к самосовершенствованию. С середины XX в. в Китае, Японии, США, Сингапуре, в странах Западной Европы формируется меритократическая система управления. Общество пытается уйти от потребительства,

вытеснить его из сферы достойного образа жизни. Организация организаций – государство – все шире использует элементы инспиративного управления. «Понять сознание как феномен, соразмерный обществу, значит оценить его во всем масштабе своей мощи, как фактор, реально определяющий перспективы цивилизации» [Касавин 2019, с. 99], – отмечает И.Т. Касавин. Например, в Китае, чтобы человек становился «честнее» и «искреннее», создана «система социального кредита». Компаниям и гражданам присваиваются баллы за добрые поступки: совершение подвига, помощь престарелым родителям, благотворительность. Баллы вычитают за нарушение правил дорожного движения, неуплату налогов, мошенничество и т.п. Всю информацию об этом можно узнать в Интернете в открытом для всех доступе. Это влияет на получение престижной работы, социальных услуг, престиж. Элементы меритократической системы управления присутствуют во всех современных моделях социального управления, в практиках социальной жизни развитых государств. Меритократия имеет свои проблемы: непросто определить заслуги человека, существуют риски превращения элиты в закрытую касту [Белл 2004, с. 599].

Противоречие западного общества в том, что, провозглашая моральные, экологические и другие принципы гуманистического развития человека и общества, оно сводит регламентацию управленческой деятельности на предприятии к экономической эффективности, индифферентной нравственной сущности человека. Большую часть времени человек проводит на работе, подчиняясь правилам, установленным организацией. Неслучайно Б. Латур [Латур 2002] объявил один из типов организации – научные лаборатории – коллективным субъектом научной деятельности человека. В обществе знаний появляются диалектические противоречия управления: между постоянно изменяющейся самообучающейся организацией и обществом, стремящимся к стабильности; между элитой общества риска и элитой общества знаний; между единством государства и плюрализмом корпораций; между национальной самоидентичностью и стандартами процессов глобализации; между свободным творчеством интеллектуалов и экономическим контролем менеджеров. В самосовершенствовании человека на основе вдохновения пафосом нравственного чувства проявляется внутренний смысл инспиративного подхода к научному управлению.

Список литературы

1. Акофф 1985 – *Акофф Р.* Планирование будущего корпорации / Пер. с англ. В.А. Бирюкова, М.М. Крейсберга. М.: Прогресс, 1985. 327 с.
2. Белл 2004 – *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004. 944 с.
3. Друкер 2004 – *Друкер П.Ф.* Энциклопедия менеджмента / Пер. с англ. О.Л. Пелявского. М.: Вильямс, 2004. 432 с.
4. Друкер 2007 – *Друкер П.Ф.* Эпоха разрыва. Ориентиры для нашего быстро меняющегося общества / Пер. с англ. Б.Л. Глушака. М.: Изд. дом «Вильямс», 2007. 336 с.
5. Касавин 2019 – *Касавин И.Т.* Наука как этический проект // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 90-103.
6. Кутырев 2012 – *Кутырев В. А.* Время Mortido. СПб.: Алетейя, 2012. 336 с.
7. Латур 2002 – *Латур Б.* Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / Пер. с англ. П. Куслий // Логос. 2002. № 5-6(35). С. 211-242.
8. Платон 1994 – *Платон.* Собрание сочинений в 4-х т. Т. 3 / Пер с др. греч. С.С. Аверинцева, А.Н. Егунова, Н.В. Самсонова. М.: Мысль, 1994. 654 с.

9. Сен 1996 – *Сен А.* Об этике и экономике / Пер. с англ. А. В. Малишевского. М.: Наука, 1996. 160 с.
10. Сенге 2009 – *Сенге П.* Пятая дисциплина. Искусство и практика обучающейся организации / Пер. с англ. Б. Пинскера, И. Татариновой. М.: Олимп-Бизнес, 2009. 448 с.
11. Сидоров 2018 – *Сидоров Л.Г.* Управление смыслами как основа социальной синергетики. Манускрипт. 2018. № 11(97). Ч. 1. С. 110-114.
12. Франкл 1990 – *Франкл В.* Человек в поисках смысла: Сборник. Пер. с англ. И нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
13. Шелер 1994 – *Шелер М.* Избранные произведения. Пер. с нем. А.В. Денежкина и др. М.: Гносиз, 1994. 490 с.
14. Druker 1992 – *Druker P.F.* The new society of organizations // Harvard Business Review. 1992. September-October. Pp. 95-104.

УДК 165.12

О РОЛИ СУБЪЕКТИВНОСТИ В НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Т. КУНА)

Соколова Олеся Игоревна

Кандидат философских наук

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им.

Н.И. Лобачевского,

Нижний Новгород, Россия

E-mail: lesyabelikova@mail.ru

В докладе поднимается вопрос о соотношении понятий «неопределенность» и «субъективность» в научном творчестве, определяется значение понятия «ценность» в данном соотношении. Обозначается, какие варианты сопоставления данных понятий предлагает концепция Томаса Куна.

Теоретическим основанием доклада является разведение таких понятий, как «ценность», «субъективность» и «неопределенность». Традиционное понятие ценности тяготеет к субъективности, т.е. неопределенности. Однако современная психология демонстрирует, что ценность как субъективная характеристика доступна для объективного познания. Таким образом, даже поведение научного сообщества может быть объяснено рациональным образом. Более того, отмечается, что субъективные факторы играют значительную роль в научной деятельности.

Ключевые слова: субъективность, объективность, ценность, неопределенность.

THE ROLE OF SUBJECTIVITY IN THE SCIENTIFIC ACTIVITY (USING THE EXAMPLE OF THOMAS KUHN'S WORKS)

Sokolova Olesya Igorevna

PhD in Philosophy

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: lesyabelikova@mail.ru

In this report the problem of interrelation of the terms “uncertainty” and “subjectivity” in the scientific creative works is being raised. The meaning of the term “value” in the above-mentioned correlation is also given. It is determined which variants of the comparison of the above-mentioned terms are offered in Thomas Kuhn’s conception.

The report's theoretical basement is the differentiation of such terms as "value", "subjectivity" and "uncertainty". The traditional definition of value tends to subjectivity, i.e. uncertainty. However, the modern psychology demonstrates that the value as a subjective characteristic is available for the objective cognition. So even the scientific society's behavior could be explained in a rational way. Moreover, it is mentioned that subjective factors play a significant role in the scientific activity.

Keywords: subjectivity, objectivity, value, uncertainty.

В современной философии существуют два основных значения понятия «субъективное». Субъективное может пониматься как знание и как личное переживание. Но следует заметить, что в философии и науке сформировалось разное отношение к субъективному. Если философское творчество исходит из самого вопрошающего человека, субъекта, то научное творчество, зачастую, понимается как деятельность ученого в рамках теории, выбор которой осуществляется на основе объективных критериев. При этом личное понимание, интуитивный выбор одной теории в пользу другой, неформальные отношения в научном сообществе зачастую остаются за рамками исследований. Вместе с тем, очевидно, что субъективные компоненты играют важную роль в процессе научного творчества.

В истории философии и науки на протяжении длительного времени формировалось представление о субъективных элементах знания как неопределенных, т.е. мешающих достижению объективной истины. Таким образом, неопределенность, субъективность понимались как недостаток, от которого необходимо избавиться в процессе познания.

Развитие гуманитарных наук в XX в., в том числе психологии и истории, формирует новое представление о развитии естественно-научного знания. Одной из известнейших фигур философии науки XX в. становится американский историк физики Томас Кун. Основываясь главным образом на истории науки и современных физических открытиях, Т. Кун в своей работе «Структура научных революций» разрабатывает теорию, согласно которой наука представляет деятельность, регулируемую нормами научного сообщества. Особая роль отводится традиции, психологии ученого, социальной обстановке. Отсюда, новое понимание научного знания как «парадигмы», понимаемой как «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» [Kuhn 1978, с. 10].

Работа Т. Куна имела большую популярность и вызвала множество отзывов, не только положительных. Т. Куна обвиняли в субъективизме и релятивизме, излишней социализации и психологизации научного творчества.

С этой точки зрения интересна другая его работа – «Объективность, ценностные суждения и выбор теории», которая, являясь своеобразным ответом на критику, более детально показывает его собственную позицию о роли субъективного в научной деятельности.

В анализируемой работе внимание автора в первую очередь сосредоточено на анализе процедуры принятия решения в пользу той или иной теории, проблеме выбора теории из двух альтернативных. Специфика выбора теории заключается в том, что исследователи в соответствии с одним и тем же набором критериев могут прийти к различным заключениям. Это говорит о необходимости анализа личностных характеристик ученого. Согласно концепции Т. Куна, личностный – значит зависимый от индивидуального опыта.

Роль индивидуальных качеств ученых объясняется так: «Некоторые ученые более, чем другие, склонны рисковать, некоторые же предпочитают более широкие объединяющие теории точным и детальным решениям задач в относительно узкой области. ... С моей точки зрения, всякий отдельный выбор между конкурирующими

теориями зависит от смеси объективных и субъективных факторов и критериев, разделяемых группой, и индивидуальных критериев» [Kuhn б.г.].

Понятие «субъективность» можно, таким образом, понимать в двух значениях. Первое значение – субъективное как противопоставление объективному. Объективность есть внутренне присущее свойство самой теории, соответствие ее заявленным критериям, субъективность – наличие внутренних, личностных установок ученого. Но если учесть разработанное Т. Куном понятие научного сообщества, то «субъективность» наделяется дополнительным смыслом. Если говорить о научном сообществе как о коллективном субъекте, то не являются ли те «неформальные» требования, которые принимаются в научном сообществе и влияют на его членов в ситуации выбора, субъективными?

Теперь подробнее остановимся на вопросе о взаимодействии субъективного и объективного. В каком смысле субъективное в понимании Т. Куна можно противопоставить объективному? «Когда мои критики говорят, что я лишаю выбор теории объективности, то они должны воспроизводить весьма отличный смысл субъективности, предположительно тот, в котором присутствуют пристрастия и личностные привязанности вместо или вопреки действительным фактам» [Kuhn б.г.]. Здесь следует отметить, что до сих пор мы использовали понятие субъективности в классическом смысле этого понятия. В классической философии сложилось представление, что познание субъективного доступно только его носителю, воспринимающему (или чувствующему) субъекту. В этом смысле мое субъективное будет неопределенно для другого, закрыто для него, недостижаемо.

В данном случае обнаруживается невозможность объективного постижения, научного анализа субъективных сторон научного творчества. Данную позицию можно выразить словами Дж. Агасси: «Не имеет значения, что по мнению ученого является истинным, главное – что он считает важным и интересным, чему он отдает должное, что для него ценно» [Агасси 1994, с. 97]. Или позиция Л. Лаудана: «В философии науки раздавались голоса, утверждающие, что разногласие в целях, особенно познавательных целях, просто недоступны рациональному разрешению..., что восприятие (или изменение) базовых познавательных целей – такое субъективное и эмоциональное дело, по которому невозможны рациональные прения» [Laudan б.г.].

Однако развитие психологии в XX в. и становление этой сферы знания в качестве научной меняет отношение к познанию внутренней жизни человека. Впредь, основываясь на фактических данных, стало возможным объяснить поведение и мысли конкретного человека. Известно, что Т. Кун увлекался достижениями современной ему психологии, в частности, теории бихевиоризма. По-видимому, это дает ему основание рассуждать в следующем направлении. В действительности, «там, где должны быть введены факторы, зависящие от индивидуальной биографии или личностных особенностей, чтобы сделать ценности применимыми, стандарты фактуальности или действительности не отбрасываются. Пусть мое обсуждение выбора теории показывает некоторую ограниченность объективности, но оно делает это не путем выделения элементов, собственно называемых субъективными. ... Объективность должна анализироваться в терминах критериев, подобных точности и непротиворечивости. Если эти критерии не обеспечивают такого полного руководства, которого мы в повседневной работе ожидаем от них, то таково, наверное, значение объективности, а не ее границы» [Kuhn б.г.].

Таким образом, Т. Кун подчеркивает, что деятельность ученого – это не есть абстрактная деятельность по производству знания. Ученый является в первую очередь членом научного сообщества, а теория должна соответствовать целям научного сообщества и его личным целям.

Т. Кун при решении вопроса о выборе теории не является сторонником субъективизма, в чем заключается обращенная против его концепции критика. На примерах из истории науки он демонстрирует, что субъективные факторы играют значительную роль в научной деятельности, а они, благодаря современным достижениям в области наук о человеке, не являются недоступными, закрытыми, неопределенными, а доступны объективному постижению.

Таким образом, Т. Кун, говоря о возможности объективного постижения субъекта, преодолевает неопределенность как незнание. На это преодоление направлены, например, исследования в области психологии. Внутренний мир человека становится более доступным, выявляются зависимости поведения человека от его индивидуальной биографии, неформальных отношений в научной группе и т.п. Другими словами, объектом познания становится субъект науки. Неопределенность в смысле незнания о субъекте в этом смысле устраняется. Однако следует принять во внимание тот факт, что деятельность ученого напрямую зависит от научного сообщества. Это дает новые перспективы для исследования неопределенности в рамках коммуникативного взаимодействия между субъектами в процессе научного творчества.

Список литературы

1. Агасси 1994 – *Агасси Дж.* Революции в науке – отдельные события или перманентные процессы? // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М., 1994.
2. Kuhn б.г. – *Kuhn T.* Objectivity, value judgment, and theory choice. URL: <https://philpapers.org/rec/KUHOVJ> (accessed: 25.04.2021)
3. Kuhn 1978 – *Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions. The University of Chicago press, Chicago. 1978.
4. Laudan б.г. – *Laudan L.* Science and Values: The Aims of Science and Their Role in Scientific Debate. Available at: <https://philpapers.org/rec/LAUSAV> (accessed: 25.04.2021)

УДК: 17

АНТИУТОПИИ КАК ИСТОЧНИКИ ОБРАЗА БУДУЩЕГО И ОСМЫСЛЕНИЯ НАСТОЯЩЕГО

Тульчинский Григорий Львович

Доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» –

Санкт-Петербургский филиал

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: gtul@mail.ru

При всем различии антиутопий Е. Замятина, А. Платонова, О. Хаксли, Д. Оруэлла, Р. Брэдбери в них выражена общность идей, к которым в наше время обращаются как к предостережениям относительно тенденций развития цивилизации. Глубокое осмысление проблем человеческого бытия, представленное в антиутопиях XX столетия, не просто сохраняет свою актуальность для социальной философии, философии культуры и личности, философской антропологии. Концептуальное ядро антиутопий в концентрированной форме достаточно едино, и, что немаловажно, оказывается релевантным для осмысления реалий социального бытия, открывающихся только в наше время. Оно дает возможность понять

источники вызовов, с которыми сталкивается современная цивилизация, оценивать последствия ответов на эти вызовы. Как показывает цивилизационное развитие в XXI в., тенденции динамики социума, отмеченные в этих антиутопиях, продолжились и даже реализуются в наши дни, обретая форматы, поддерживаемые достижениями науки и техники. Речь идет о радикальных трансформациях практически всех сфер социальной жизни (экономики, политики, образования, науки, личной жизни), обеспеченных современными технологиями в цифровом формате.

Ключевые слова: антиутопии, будущее, власть, насилие, общество, современность, справедливость, тоталитарность, фабианство, цифровизация.

DYSTOPIAS AS SOURCES OF THE FUTURE VISION AND COMPREHENSION OF THE PRESENT

Tulchinskii Grigoriï Lvovich

PhD DSc in Philosophy, Professor

HSE University – Saint Petersburg branch

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

E-mail: gtul@mail.ru

The very different anti-utopias of E. Zamyatin, A. Platonov, O. Huxley, D. Orwell, and R. Bradbury express the commonality of ideas, which are now referred to as warnings about the trends in the development of civilization. These texts contain a deep understanding of the problems of human existence, which remains relevant for social philosophy, philosophy of culture and personality, philosophical anthropology. The dystopias conceptual core is quite uniform in a concentrated form. It is relevant for understanding the realities of social life, which are revealed only in our time. It makes possible to understand the sources of challenges faced by modern civilization, to assess the consequences of responses to these challenges. Civilizational development in the XX century shows that the society dynamics trends, fixed in these dystopias, have continued and are even being implemented today, acquiring formats supported by the achievements of science and technology. We are talking about radical transformations of almost all spheres of social life (economy, politics, education, science, personal life), provided by modern technologies in a digital format. Digitalization creates a fundamentally different civilizational and existential situation, which requires a rethinking of the sources of rationalism and its prospects.

Keywords: digitalization, dystopias, Fabianism, future, justice, modernity, power, society, totalitarianism, violence.

Если утопия описывает желаемое будущее, соответствующее неким идеалам, возможным технологиям и трендам развития, то антиутопия, как критическая рефлексия утопических идеалов, предупреждает о нежелательных последствиях их реализации. Ограниченные возможности статьи вынуждают ограничиться известными антиутопиями прошлого столетия – романами Е. Замятина «Мы» (написан в 1920 г., впервые опубликован в английском переводе в 1925 г.), О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932 г.), Д. Оруэлла «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» (1948 г.). К ним примыкают антиутопии рассказов и романов А. Платонова 1920-1930-х гг. После Второй мировой войны их дополнила повесть Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» (1953 г.).

Содержание антиутопий хорошо известно. Оно сразу после их публикации вызвало длящееся до сих пор активное обсуждение. Распространено мнение, что Замятин и Оруэлл писали сатиру на советский строй. Действительно, некоторые детали шокирующе совпадают с советскими реалиями и аргументами пропаганды. Но антиутопия Хаксли описывает существенно иное общество безопасности и достатка, фактически – общество массового потребления. Это наводит на мысль о поиске более общего идейного бэкграунда.

Первое приближение в таком поиске дает предположение, что Хаксли и Оруэлл отталкивались от идей Фабианского общества, проповедующих построение социально справедливого мира на основе постепенного, все большего вмешательства государства. Общество было названо в честь древнеримского полководца Фабия Максима Кунктатора (Медлительного), практиковавшего стратегию победы не путем битв, а терпеливым истощением противника. Членами Фабианского общества были Б. Рассел, Г. Уэллс, Б. Шоу, Д.М. Кейнс, крупные политики и журналисты. Фабианцы учредили влиятельную Лондонскую школу экономики, стояли у истоков создания лейбористской партии, в основу устава которой положен ряд документов общества. Круг фабианских трактатов, написанных с 1884 по 2000 гг. крупными учеными, политическими и религиозными деятелями, писателями и публицистами, насчитывает 597 книг [Fabian Society 2000].

Хаксли был секретарем общества и ввел в него своего друга Оруэлла. В то время в обществе доминировала активно продвигавшаяся Уэллсом идея воплощения социалистических идей посредством влияния академической среды на правительство [Wells 1928]. Этот круг идей восходит к рационалистическому культу науки. Правда, практически параллельно развивались концепции в духе эстетической утопии Р. Вагнера о воплощении художником в творении сопричастности всемирной воле. Взаимовлияние утопий разума и воли заслуживает отдельного рассмотрения, но за рубежом давно стали предметом осмысления то внимание, которое уделяли социалистическим идеям теоретики и практики фашизма, и опасность современного сближения двух идеологий [Gross 1980]. Так, Оруэлл, приводя пример немецких ученых, пошедших за Гитлером, отверг стратегию упования на саму по себе научную рациональность, полагая, что именно чисто научное мышление открывает возможности тоталитаризму, и вышел из общества [Orwell 1941; Frankel 2017]. Название его антиутопии – прямая аллюзия со столетием создания Фабианского общества (1884 г.). А Замятин замысел своей антиутопии привез после работы и интенсивного интеллектуального общения в Великобритании.

Влиятельные лидеры фабианства Г. Уэллс, Б. Шоу проявляли искренний интерес к советскому опыту, встречались с Лениным и Сталиным, лоббировали оказание помощи сталинскому режиму. Активным фабианцем был и бывший троцкист Д. Бёрнхем – автор идеи «революции менеджеров», новой правящей элиты, ростки которой он увидел в СССР и нацистской Германии [Burnham 1941]. Позже фабианские по сути идеи получили респектабельное развитие у П. Друкера, П. Сорокина, Д. Белла, Т. Парсонса, Р. Дарендорфа, Д. Гэлбрейта, писавших о росте контроля управленческим аппаратом над проявлениями общественной и личной жизни. Эти идеи сохранили влияние и в наше время, особенно в университетской среде и среди художественной интеллигенции.

Так что антиутопии XX столетия имеют хорошо обоснованный идейный бэкграунд, уходящий в глубокую традицию европейской общественной мысли, активно проявляющуюся и в наши дни.

Общий инвариант идей этих антиутопий – прежде всего *научно-технический прогресс*, который, в отрыве от нравственного, духовного развития не только не способствует улучшению человеческой природы, но грозит вытеснить человеческое в человеке. А технологические достижения, использующие их институты, органы, задуманные для защиты граждан, их *безопасности*, становятся основным инструментом насилия над ними. В повести Брэдбери, считавшего себя учеником Оруэлла, описан очень близкий к современности мир, в котором живут массово осчастливленные в духе Хаксли потребители, разговаривающие только о покупках, телесериалах, а пожарные вместо тушения пожаров занимаются сжиганием книг и жилищ людей, хранящих книги.

Текст Брэдбери – сплошная метафора реализации репрессивного *насилия*, которое представлено в романе Оруэлла как демонстративная практика, нагнетаемая состоянием непрерывного военного противостояния, регулярными обязательными для всех 10-минутками ненависти. В «Мы» насилие – фон, неизбежное следствие контроля над отклонениями.

К счастью безопасности и страху насилия непосредственно примыкает идея реализации *справедливости* – как торжествующего унифицирующего коллективизма, выраженного в беспощадном равенстве – но не перед законом, а в равенстве, доводимом до одинаковости, если не тождественности, нивелирующим любые индивидуальные отличия.

Можно констатировать, что смысловая картина мира в антиутопиях XX столетия при всех их отличиях имеет общие компоненты, включающие:

- установку на формирование общества благоденствия и счастья для всех его членов, понимаемых как удовлетворение жизненных потребностей и отсутствие страданий;

- эта установка реализуется за счет создания искусственной материальной среды на основе рационалистических претензий на преобразование природы (включая человека) в соответствии с открытыми законами самой природы;

- реализация таких претензий оборачивается вырождением рациональности до оправдания насилия над природой, обществом и человеком во имя неких общих принципов;

- следствием чего становится практика тотального контроля индивидуальных отклонений и перманентного насилия вплоть до физического уничтожения;

- в результате реализации такой модели порядок в социуме поддерживается тотальным страхом – как внушаемым сверху хоррором насилия, так и страхом самих верхов перед проявлениями свободы.

Показательно, что каждый из этих компонентов и их совокупность применимы к современному постиндустриальному обществу массового потребления.

Таким образом, обращение к содержанию антиутопий позволяет сделать два промежуточных вывода. (1) Относительно объединяющей их идеи, что счастье и свобода оказываются несовместимыми. Это «формула» самого жанра антиутопии [Хаустов 2019, с. 138]: правоверный член социума обнаруживает в себе стремления и способности, не совместимые с существующим порядком, он примыкает к сообществу таких же бунтарей, что завершается трагическим крахом. (2) Круг идей, от которого, в буквальном смысле слова, отталкивались авторы антиутопий, связан с концепциями построения общества на рационалистических принципах обезличенного универсального коллективизма, реализуемых практически неограниченной властью.

Концептуальное ядро антиутопий совпадает с содержанием притчи о Великом инквизиторе. Этот небольшой фрагмент романа Достоевского «Братья Карамазовы» вызвал бурную дискуссию [О великом инквизиторе 1992], показавшую опасность принудительного добра «сверху» властной волей, обеспечивающей для всех условия безопасности и сытости. В этой логике уловлен болевой нерв рационалистического активизма Нового времени – многие авторы писали о его политических следствиях: тенденции развития массового индустриального общества к популизму и авторитарности. Ближе всего к сути дела подошли философы Франкфуртской школы [Horkheimer, Adorno 1947], которые обоснованно видели главную причину антигуманности самого рационалистического активизма.

Это делает более понятным значение антиутопии А. Платонова, в которой долгое время видели только сатиру на строительство советского социализма в годы «Великого перелома». Однако смысловая картина мира в этих текстах восходит к ранним рассказам

автора, где фигурирует некий технологически всемогущий «Один», исчисляющий все происходящее и его возможное развитие, включая судьбы людей [Платонов 2009, с. 166-171]. В этом плане раннее творчество Платонова самого начала 1920-х гг. предстает как «метаутопия» [Гюнтер 2012, с. 12] – утопия и антиутопия одновременно – доведенный до технологического предела идеал рационалистического машиноподобного управления социумом и каждым его членом. И этот идеал удивительным образом пересекается с упомянутыми идеями Р. Вагнера о воплощении воли некоего единого творца. Платонов писал не столько о массовом коллективизме, о политике социально-культурного переустройства, сколько о переустройстве человека как такового, о насилии над его природой во имя выглядящих привлекательными абстрактных идей.

И платоновская «метаутопия» с ее промышлением и прочувствованием полной пустоты бесчеловечности доктринерского рационалистического активизма, понятого в качестве практической максимы общечеловеческой воли, оказывается удивительно близкой вызовам современной цивилизационной и экзистенциальной ситуации, порожденной цифровизацией практически всех сфер социального бытия [Tulchinskii 2020].

В формате цифровых технологий культура превращается в подобие мегамшины, реализующей коды социального поведения, когда человек превращается в опцию, реализующую заданные алгоритмы, становясь инструментом и продуктом этой системы.

Полное торжество конструктивного разума, доведенное до своего предела, в котором он то ли сходится с вагнеровской творящей силой воли, то ли возвращается к своим истокам – встрече Иерусалима и Афин – к идее единого творящего Логоса, лежащего в основе сущего.

Список литературы

1. Гюнтер 2012 – *Гюнтер Х.* По обе стороны утопии: Контексты творчества А. Платонова. М.: НЛЮ, 2012. 216 с.
2. О великом инквизиторе 1992 – О великом инквизиторе: Достоевский и последующие / Сост., Ю.И. Селиверстова. М.: Мол. гвардия, 1992. 270 с.
3. Платонов 2009 – *Платонов А.П.* Собрание сочинений в 8 томах. Т. 1. М.: Время, 2009. 650 с.
4. Хаустов 2019 – *Хаустов Д.* Невинные инквизиторы. Джордж Оруэлл и политическая антропология. М.: РИПОЛ классик, 2019. 328 с.
5. Burnham 1941 – *Burnham J.* Managerial Revolution, or What is Happening in the World Now. N.Y.: The John Day Co., 1941. 285 p.
6. Fabian Society 2000 – *Fabian Society and Young Fabians.* URL: <https://digital.library.lse.ac.uk/collections/fabiansociety/tracts> (accessed: 28.05.2021).
7. Frankel 2017 – *Frankel M.* (ed.). H.G. Wells vs. George Orwell: Their debate whether science is humanity's best hope continues today. 2017. URL: <https://theconversation.com/h-g-wells-vs-george-orwell-their-debate-whether-science-is-humanitys-best-hope-continues-today-88366> (accessed: 28.05.2021).
8. Gross 1980 – *Gross B.M.* Friendly Fascism: The New Face of Power in America. N.Y.: South End Press, 1980. 410 p.
9. Horkheimer, Adorno 1947 – *Horkheimer M., Adorno T.W.* Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente. Amsterdam: Querido, 1947. 282 S.
10. Orwell 1941 – *Orwell G.* Wells, Hitler and the World State. URL: https://orwell.ru/library/reviews/wells/english/e_whws (accessed: 28.05.2021).

11. Tulchinskii 2020 – *Tulchinskii G.L.* Digitalization and the Anthropodicy Problem in Andrei Platonov’s Works // Russian Journal of Philosophical Sciences = Filososfskie nauki. 2020. Vol. 63. No. 5. Pp. 53-66.
12. Wells 1928 – *Wells H.G.* The open conspiracy. URL: https://www.voltairenet.org/IMG/pdf/Wells_The_Open_Conspiracy.pdf (accessed: 28.05.2021).

УДК 008.2

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ЧТО БУДЕТ, ЕСЛИ ЗАКОНЧИТСЯ ИНТЕРНЕТ?

Чеботарева Елена Эдуардовна

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии науки и техники
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: e.chebotareva@spbu.ru*

Басков Антон Андреевич

*АБ Архитектурное Бюро
Санкт-Петербург, Россия*

Статья рассматривает направление представления знания в качестве многомерной философской дисциплины. Авторы оценивают, насколько современное цифровое представление научного знания может оказаться уязвимым в случае технологической катастрофы и смерти интернета. В статье показывается, как специфика цифровых коммуникаций формирует те отличительные черты современного научного знания, которые делают его чувствительным к отсутствию интернета. В качестве таковых рассматриваются принцип publish or perish, инфляция научного знания, специфика фильтрации знаний с фокусом на их простоте и функциональности в ущерб фундаментальности и глубине; отсутствие необходимости сохранения информации на иных носителях, не связанных с интернетом, связанное с ее беспрецедентной доступностью и скоростью коммуникаций; зависимость ученых от услуг онлайн-переводчиков. Авторы также затрагивают исторические коллизии представления знания, связанные с утратой его материальных носителей, и обращаются к экспериментам, связанным с попыткой представления знания для инопланетного разума. Технологическая катастрофа и ее последствия для научного знания рассматриваются по типу модели с невероятными предпосылками, которая может предложить реалистичные контексты, потенциально интересные для развития представления знания и предупреждения его специфической уязвимости.

Ключевые слова: философия науки, представление знания, научное знание, технологическая катастрофа, интернет-коммуникации, модели.

KNOWLEDGE REPRESENTATION IN THE DIGITAL AGE: WHAT WOULD HAPPEN IF THE INTERNET COLLAPSED?

Chebotareva Elena Eduardovna

*PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of the Philosophy of Science and
Technology
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
E-mail: e.chebotareva@spbu.ru*

Baskov Anton Andreevich
AB Architecture Bureau
Saint Petersburg, Russia

The article examines the direction of knowledge representation as a multidimensional philosophical discipline. The authors assess to what extent the modern digital representation of scientific knowledge can be vulnerable in a case of a technological collapse and the death of the Internet. The article shows how the particularity of digital communications forms those distinctive features of modern scientific knowledge that make it sensitive to the lack of the Internet. Such are the “publish or perish” principle, the inflation of scientific knowledge, the specificity of knowledge filtration with a focus on its simplicity and functionality to the detriment of fundamentality and depth; the absence of need to save information on other media not related to the Internet, associated with its unprecedented accessibility and speed of communication; scientists’ dependence on the online-translation services. The authors also touch upon the historical collisions of knowledge representation associated with the loss of its material carriers, and refer to the experiments related to an attempt to represent knowledge for alien intelligence. The authors consider the technological catastrophe and its consequences for scientific knowledge as a model with incredible assumptions that can offer realistic contexts that can contribute to the development of knowledge representation and prevention of its specific vulnerabilities.

Keywords: philosophy of science, representation of knowledge, scientific knowledge, technological collapse, internet communications, models.

Современное направление в методологии науки и системных исследованиях – представление знания [Новая философская энциклопедия] – достаточно многомерная дисциплина. Она включает в себя различные направления как в контексте исследований ИИ, так и формальной эпистемологии и когнитивных наук. В цифровую эпоху источником знания может быть система социальной коммуникации, которая, в свою очередь, может быть представлена как своего рода суперкомпьютер с параллельной сетевой архитектурой [Михайлов 2020]. Кроме того, знания и их представление остаются одной из центральных тем философской рефлексии и анализа в традиционной философии [Ковалёв, Родин 2019, с. 94-95]. Одна из этих рефлексий заключается в размышлении над материальным носителем знания – книгой, которая стремительно уступает место цифровому тексту и компьютерному алгоритму.

А.В. Родин, размышляя над проблемой перехода науки в цифровое поле, замечает: «На первый взгляд, в подобных случаях новые технологии не приносят ничего существенно нового и ничем не угрожают привычным институтам и практикам: мы делаем то же, что делали и в докомпьютерную эпоху, только тратим меньше времени на техническую рутину вроде переписывания и перепечатывания черновых вариантов текста, выписывания цитат из книг в читальном зале и проч.» [Ковалёв, Родин 2019, с. 97]. При этом Родин указывает, во-первых, на новый инструмент представления знаний – Википедию, невозможную в мире бумажных носителей, и во-вторых, на уязвимость новых практик. Он задает такой вопрос: что будет с нашими электронными публикациями через 50, 100 и 500 лет?

Конечно, цифровая экономика вносит радикальные изменения во все практики и институты, и можно было бы говорить об их уязвимости тоже. Но в данном случае наше внимание сосредоточится именно на тех последствиях, которые может принести научному знанию катастрофический конец цифровой эпохи. Если обратиться к привычному для истории философии и науки историческому горизонту, то можно обнаружить уже имевшие место катастрофы в области представления знания: в первую очередь это коллизии преемственности античного интеллектуального наследия. Европейцы заново открыли для себя античных авторов во многом благодаря работе арабских мыслителей, и здесь важны все этапы работы с текстами – их первичная фильтрация, поиски авторства, перевод (и проблемы перевода и интерпретации

в принципе), осмысление, появление традиции, идеологические преследования. В данной статье мы не можем уделить время историческому разбору представления древнегреческого знания на Арабском Востоке и в позднесредневековой Европе и лишь предполагаем, что этот разбор не будет лишен разнообразных и противоречивых оценок каждого этапа. Тем не менее, по нашему мнению, этот разрыв в интеллектуальной истории остается важным опытом того, как случаются катастрофы в представлении знания, если смотреть на эту ситуацию под углом потери его непосредственных носителей. Следует добавить, что в отношении материальных носителей (таких как книги, свитки, папирусы и пр.) случались периодические катастрофы, возможно, изменившие траекторию человеческого развития: вспомним, например, сгоревшую Александрийскую библиотеку – центр учености и знаний всего мира, которая была возведена в III в. до н.э.

Потенциальную технологическую катастрофу мы будем рассматривать с двух сторон: во-первых, в связи с проблемами электричества и, во-вторых, в контексте самых неожиданных моделей, из которых самой интересной нам представляется ситуация с будущими инопланетными колониями. Интернет – более чем надежная система хранения данных, поэтому случай потери связи между инопланетными поселенцами и их метрополией выглядит более правдоподобно, чем бесповоротный интернет-коллапс; в настоящее время связь между марсоходами и Землей обеспечивается через искусственный спутник Марса, но он достаточно уязвим. Конечно, можно возразить, что человеческие поселения на Марсе (или другой планете) не являются нашей ближайшей перспективой, но в этом случае мы можем защититься принципами моделирования, согласно которым реалистичные модели не лучше служат нашим целям [Hartmann, Hoefler, Bovens 2008, pp. 46-51] и фантастические предпосылки могут быть очень полезны [Arnold 2010, pp. 19-20]. Поиск в гугле показывает, что вопрос об интернет-коллапсе достаточно популярен, но тема проблем именно научного знания в случае этого коллапса не получила пока достаточной разработки по сравнению с экономикой, политикой и производством.

Итак, в случае описанной технологической катастрофы у нас появляется ряд вопросов. Первый: насколько пострадает фундаментальное научное знание? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным, в немаловажной связи с неаккуратностью вопроса. Скорее, следует спрашивать так: какие современные черты представления научного знания превратят условный коллапс в интеллектуальную катастрофу? В первую очередь отметим инфляцию знания, представленную в многочисленных публикациях в немалой степени благодаря знаменитому принципу научной политики *publish or perish*. Представляется разумным такое структурное устройство баз научного знания, которое бы обеспечивало дополнительные меры сохранности некому «золотому фонду» научных работ, написанных не только с целью выполнения трудового договора. Однако принципы работы таких структурирующих механизмов представить нелегко. Очевидно, что современные информационно-аналитические системы различают как публикации, так и целые научные журналы по их импакту и некоторым другим критериям (для примера можно взять отечественную систему Elibrary (РИНЦ)). Тем не менее знакомство с наукометрией говорит нам, что индекс цитирования может не совпадать с качеством научного продукта и вообще количественный подход не лишен серьезных недостатков.

К современным чертам фильтрации источников знания относится также предпочтение наиболее простых и понятных для неспециалиста материалов, в которых теряется часть концептуально важной информации; учитывая, что для выполнения большинства задач указанных материалов достаточно, человек может считать себя разбирающимся в теме, не понимая базовых, концептуальных принципов, что приводит

к постепенному накоплению ошибок. Кроме того, необходимо отметить идущую рука об руку с инфляцией дешевизну знания, которой способствует легкость сбора и хранения информации благодаря ее беспрецедентной доступности и скорости коммуникаций. В результате очень мало материалов сохраняется непосредственно, например, на жестком диске или же в распечатанном виде, драматически увеличивается зависимость от внешних хранилищ данных. В этом случае очень важно сохранение инфраструктуры научного знания: форумов, поисковых систем, сайтов конференций и научных журналов (включая архивы), а также компьютерных программ для чтения и работы с информацией. Что касается последнего, то следует отметить также роль интернет-переводчиков, которые позволяют работать с массивами текстов на всех распространенных языках. Несмотря на недостаточные по сравнению с человеком точность и соответствие контексту, интернет-переводчики позволяют быстро вникнуть в суть информации (особенно научного характера, которая, как правило, лишена сленга, сложных художественных оборотов и игры слов), естественным образом ослабляя навыки владения языком, с одной стороны, и с другой – позволяя обратиться высвободившиеся ресурсы на работу с собственно научной проблемой. Потеря возможности обращения к услугам онлайн-переводчика без сомнения будет проблемой для множества исследователей.

В свое время физик Р. Фейнман провел сходный мысленный эксперимент технологического коллапса, хотя и не связанный с цифровой эпохой, и попытался сформулировать фундаментальное научное утверждение, которое является настолько важным и содержательным, но при этом максимально кратким, что именно его следовало бы сохранить для будущих поколений. Это рассуждение Фейнмана широко известно: «Если бы в результате какой-то мировой катастрофы все накопленные научные знания оказались бы уничтоженными и к грядущим поколениям живых существ перешла бы только одна фраза, то какое утверждение, составленное из наименьшего количества слов, принесло бы наибольшую информацию? Я считаю, что это – атомная гипотеза... : все тела состоят из атомов – маленьких телец, которые находятся в непрерывном движении, притягиваются на небольшом расстоянии, но отталкиваются, если одно из них плотнее прижать к другому. В одной этой фразе, как вы увидите, содержится невероятное количество информации о мире, стоит лишь приложить к ней немного воображения и чуть соображения» [Фейнман 1976, с. 23-24].

Некоторые размышления, в частности, над контекстом этого утверждения, приводят к ряду сомнений в правоте Фейнмана. В самом деле, именно мировоззренческий контекст, или – если речь идет об уже состоявшейся науке – научная парадигма, будет определять направления и специфику «воображения» и «соображения», благодаря которым атомная концепция может быть максимально эффективно истолкована. Разумеется, эти соображения стали уже общим местом в философии науки, но в рамках предложенной нами ситуации их учет становится важной задачей.

Еще одно интересное решение представления знания содержат человеческие «послания» в космос, адресованные гипотетическим братьям по разуму с других планет. Мы имеем в виду известную информационную пластинку «Пионера», разработанную группой Карла Сагана, ею же разработанную пластинку «Вояджера» и миссию станции «Новые горизонты», несущую за пределы Солнечной системы специфическую коллекцию земных артефактов, включающую два американских флага, два четвертака и немного человеческого праха [Размыслович 2017]. Не вдаваясь в подробности посланий (которые к тому же не ставили задачей отразить весь корпус научных знаний), отметим, что вызовом является сам вопрос о таком представлении знания, которое оставалось бы адекватным в любом культурном контексте, включая инопланетный. Нет никакой

возможности оценить (фальсифицировать) ответ, поэтому очевидно, что представление знания о Земле и ее обитателях может носить любое, самое курьезное содержание, опираясь прежде всего на актуальный культурный контекст стран, осуществляющих космическую миссию.

Размышление над судьбой научного знания в случае технологического коллапса может сослужить эвристическую службу представлению знания благодаря новым вопросам о его формах, специфике и уязвимостях; перевод привычной архитектуры и инфраструктуры знания в непривычные контексты может быть очень конструктивен. Такие контексты (вполне реальные и драматические аналоги которых мы в изобилии встречаем в истории) можно обнаружить в моделях катастрофы с фантастическими предположениями.

Список литературы

1. Ковалёв, Родин 2019 – *Ковалёв С.П., Родин А.В.* Знания и их представление в компьютерную эпоху // *Человек*. 2019. Т. 30. № 4. С. 94-112.
2. Михайлов 2020 – *Михайлов И.Ф.* Вычислительная репрезентация знаний в когнитивной науке // *Эпистемология и философия науки*. 2020. Т. 56. № 3. С. 138-152.
3. Размыслович 2017 – *Размыслович К.* Послания инопланетянам на межзвездных аппаратах // *Мир фантастики*. 19.08.2017. URL: <https://www.mirf.ru/science/poslaniya-inoplanetyanam-pokinut-solnechnuyu-sistemu/> (дата обращения: 25.05.2021).
4. Фейнман 1976 – *Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М.* Фейнмановские лекции по физике. Вып. 1, 2. М.: Мир, 1976. 440 с.
5. Новая философская энциклопедия – Электронная библиотека ИФ РАН «Новая философская энциклопедия». URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHec86482a308ba91ee4f8e> с (дата обращения: 25.05.2021).
6. Arnold 2010 – *Arnold E.* Tools or Toys? On Specific Challenges for Modeling and the Epistemology of Models and Computer Simulations in the Social Sciences // *Paper for the Models & Simulations 4 Conference*. Toronto; Stuttgart, 2010 (May). URL: http://philsci-archive.pitt.edu/12968/1/Arnold_2010_Tools_or_Toys.pdf (дата обращения: 25.05.2021).
7. Hartmann, Hofer, Bovens 2008 – *Hartmann S., Hofer C., Bovens L.* Nancy Cartwright's Philosophy of Science. L.: Routledge, 2008. 418 p.

УДК 111.81

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Яковлев Владимир Анатольевич

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии естественных факультетов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

E-mail: goroda460@yandex.ru

В работе рассматривается метафизика бытия информации и ее категориальный статус. Подчеркивается важная роль понятия информации в комплексе когнитивных дисциплин –

нейрологии, когнитивной психологии, когнитивной социологии, теориях искусственного интеллекта, образующих в своем комплексе научный базис новой эпистемологии. Бытие информации понимается как объективная реальность, воспринимаемая субъектом посредством сенсорных органов, которую он фиксирует и осмысливает с помощью различных семантических пропозиций, логико-математических операций и вычислений, используя ее в различных коммуникативных практиках для достижения своих целей. На основе философских традиций интерпретации категории бытия и различных трактовок этого абстрактного понятия в современном естествознании предлагается новое понимание категории бытия в качестве базисного метафизического концепта науки. Показано, что в современной науке все большее значение приобретает информационный подход, непосредственно связанный с интерпретацией целесообразной причинности. Анализируются философские основания теории творческого участия человека в событиях Вселенной известного американского физика-теоретика Дж.А. Уилера, выдвинувшего тезис «всё из бита» (it from bit), а также информационная парадигма мироздания, развиваемая видным современным философом Л. Флориди и др. Показано, что рождение и развитие всех объектов происходит благодаря существованию направленных информационных программ, выражающих фундаментальную креативность самой природы. Обосновывается утверждение, что категория бытия в современной интерпретации как в естественно-научном, так и в социокультурном аспектах выражает бытие информации, или информационное бытие, представленное в единстве трех сфер реальности – материи, жизни и сознания (разума).

Ключевые слова: наука, информация, программа, парадигма, креативы, теория, материя, жизнь, сознание.

INFORMATION APPROACH IN THE PHILOSOPHY OF SCIENCE

Yakovlev Vladimir Anatolyevich
PhD DSc in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy
of Natural Sciences Faculties
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
E-mail: goroda460@yandex.ru

The paper considers the metaphysics of being of information and its categorical status. The concept of information plays an especially important role in cognitive disciplines – neurology, cognitive psychology, sociology and artificial intelligence theories altogether forming the scientific basis of new epistemology. The existence of information is understood as an objective reality perceived by the subject through sensory organs, which he or she captures and comprehends with the help of various semantic propositions, logical and mathematical operations and calculations, using it in various communicative practices to achieve his or her purposes. Based on the philosophical traditions of interpreting the category of being and various interpretations of this abstract concept in modern natural science, a new understanding of the category of being is suggested as a basic metaphysical concept of science. In modern science the informational approach, directly related to the interpretation of reasonable causality, is gaining more importance. The paper analyzes the philosophical foundations of the theory of human creative participation in the events of the Universe by the famous American theoretical physicist J.A. Wheeler, who put forward the thesis “it from bit”, as well as the information paradigm of the Universe, developed by the prominent modern philosopher L. Floridi and others. It is demonstrated that the origination and evolution of all objects takes place due to the existence of specific information programs that express the fundamental creativity of nature itself. The statement is substantiated that the category of being in the modern interpretation, both in the natural science and in the socio-cultural aspects, expresses the existence of information, or information being, represented in the unity of three areas of reality – matter, life and consciousness (reason).

Keywords: science, information, program, paradigm, theory, matter, life, consciousness.

Известно, что американский физик-теоретик Дж.А. Уилер еще в 1990 г. выдвинул тезис «всё из бита» (it from bit), который развил в концепцию творческого участия человека в событиях Вселенной. Подытоживая свое профессиональное развитие,

он писал о своей жизни, как бы разделенной на три периода. Сначала фундаментом мироздания представлялись частицы, затем – поля. На третьем этапе – это информация. Уилер пишет: «Чем больше я размышляю о квантовых тайнах и о нашей собственной способности постигать тот мир, в котором мы живем, тем больше вижу фундаментальное значение логики и информации как основы физической теории. Всё из бита (it from bit). Всякий предмет и событие физического мира имеет в своей основе – в большинстве случаев в весьма глубокой основе — нематериальный источник и объяснение, что то, что мы называем реальностью, вырастает, в конечном счете, из постановки “да или нет” вопросов и регистрации ответов на них при помощи аппаратуры; коротко говоря, что все физические вещи в своей основе являются информационно-теоретическими и что Вселенная требует нашего участия» [Wheeler 1990, p. 377].

Эту цитату часто интерпретируют как выражение идеалистической позиции автора. Однако, на наш взгляд, в такой оценке подхода Уилера проявляется «застарелый» стереотип: нематериальный – значит, идеальный. Но ведь Уилер сам не говорит об этом. Скорее, его утверждение можно понять в духе известного утверждения Н. Винера – информация есть информация, а не материя и не энергия. Проблема состоит в том, как показать в математическом формализме связь информации с веществом и энергией [Яковлев 2010].

С нашей точки зрения, Уилер фактически выдвигает постулат об онтологическом статусе информации, о тотальности информационных программ, формирующих все мироздание.

В этом смысле и выражение «Вселенная требует нашего участия» означает то, что мы сами, поскольку создаем самые разнообразные приборы и аппараты, постольку и познаем Вселенную. Категории субъекта и объекта неразрывно связаны, когда речь идет о процессе познания.

В настоящее время информационную парадигму также развивает известный на Западе философ Лучано Флориди [Floridi 2010]. Флориди рассматривает все мироздание как некую тотальность информационных объектов, которые активно и непрерывно взаимодействуют друг с другом. Иначе говоря, Универсум выступает в качестве инфосферы, включающей в себя все физические и социальные объекты, а также биологические организмы, людей и все продукты (артефакты) их деятельности. По его мнению, в основном разделяемым и автором данной статьи, в настоящее время формируется новая философская парадигма, где главным является разработка информационно-теоретических методов для решения традиционных и новых философских проблем.

Неслучайно на 14-м Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки (Франция, Нанси, 19-26 июня 2011 г.) в нескольких докладах и выступлениях утверждалось, что в сфере эпистемологии начался поворот в направлении разработки этой программы [Мамчур 2014].

В настоящее время все более осознается необходимость создания общей эпистемологической базы для интерпретации всех природных явлений как системы информационных креативных процессов.

Подчеркнем, что в российском философском сообществе понятие информации также широко обсуждается с различных позиций [Урсул 2010]. Понятие информации используется даже при анализе классической философской литературы. Так, анализируя философию Гегеля, А.В. Иванов и В.В. Миронов пишут: «Если не обращать внимания на отчетливо проступающий у Гегеля дух панлогизма и идеалистического преформизма, то нельзя не согласиться с великим германским мыслителем в том, что вся природа оказывается пронизанной идеальными или, как бы мы сказали сегодня, информационными процессами и связями» [Иванов, Миронов 2004, с. 614-615].

На наш взгляд, можно дискутировать по поводу того, какие известные математические структуры лежат в основе мироздания. Можно много говорить об ученых-платонистах прошлого, а также о Р. Пенроузе, дающим, по сути, онтологическую трактовку множеству Мандельброта. Важно подчеркнуть, что с метафизической точки зрения речь идет о новой фундаментальной структуре бытия – информации, поскольку математика лишь наиболее полно выражает ее суть.

Закон сохранения энергии говорит о переходе энергии из одной формы в другую. Информация же, по крайней мере, в мире живых организмов и социуме, не столько сохраняется количественно, сколько постоянно перерабатывается и растет по мере усложнения органических и социокультурных систем. Кроме того, все более тщательная разработка астрофизиками концепции Мультиверса дает основание предположить, что информация («информационное поле») выходит за рамки закона сохранения энергии. Но тогда, возможно, данный закон в таком варианте становится не всеобщим, а относительным (частным) по отношению к метафизическому закону «бытия и перманентного расширения информационного поля».

В философии в связи с этим, на наш взгляд, должно быть переосмыслено само понятие «бытие», по крайней мере, его материальная составляющая. Категория бытия, на наш взгляд, в современной интерпретации как в естественно-научном, так и в социокультурном аспектах выражает бытие информации, или информационное бытие, представленное в единстве трех сфер реальности – материи, жизни и сознания (разума).

К проблеме бытия как единства материи, жизни и сознания можно перейти не только с позиции физики и астрономии, но и с противоположной стороны, – т.е. принять как фундаментальный факт наличие жизни, сознания (разума) и из этого объяснять Вселенную. Данный подход основывается на т.н. антропном принципе. Если целевая (информационная) причинность существует, то тогда, можно сказать, именно она определила планковские величины и основанные на них физические законы, которые, очевидно, не существовали, пока не появилась сама Вселенная.

Аналогичное рассуждение применимо, по нашему мнению, и в отношении к законам биологической эволюции, которые записаны в генетическом коде, едином, как известно, для всего живого в нашем мире. Возникновение самого генетического кода также очень трудно объяснить без привлечения телеологических факторов.

На наш взгляд, в настоящее время понятие «информация» объединяет в своем содержании три основные сферы реальности – материю, жизнь и сознание (разум).

С нашей точки зрения, логично определить жизнь как особую высшую форму существования фундаментальной информационной реальности, объединяющей вещественно-энергетические носители от молекулярного до системного организмического уровня, а также идеальные программы их воспроизводства и развития.

Перефразируя известное выражение Ф. Энгельса, можно сказать, что мир един в своей информационной реальности. Информация не сводится ни к веществу, ни к энергии, ни к семантическим структурам. В то же время она не существует в каком-то «чистом» виде, но и не зависит в своей сущности от носителя.

Информация – это объективная реальность, которую субъект воспринимает посредством сенсорных органов, эксплицирует в пропозициях, фиксирует, осмысливает с помощью различных логико-математических вычислений и операций, используя постоянно в коммуникативной практике для достижения поставленных целей.

Информацию можно считать и считать, хранить, генерировать и преобразовывать. Однако информацию как таковую, в отличие от ее носителя, нельзя разрушить и тем более уничтожить. Закон локального сохранения информации существует, согласно космологам и астрофизикам, даже для черных дыр.

Примечательно, что не так давно Ст. Хокинг придерживался точки зрения, согласно которой вся информация, которая «ушла за горизонт», теряется безвозвратно. Но, как показали дальнейшие расчеты, информация в принципе не теряется. Даже один бит информации, согласно законам квантовой механики, не может никуда исчезнуть безвозвратно.

Однако в обществе, очевидно, информация не только сохраняется, накапливается, но и непрерывно качественно изменяется и количественно увеличивается, что в целом указывает на неисчерпаемость креативного потенциала социума. Каждое действие в культуре в основе своей имеет информационно-семантическую составляющую и оставляет свой след в той или иной знаковой форме.

Заметим также, что т.н. «третий мир» Поппера (в его время «Всемирную паутину» только начали плести) в настоящее время можно, на наш взгляд, вполне интерпретировать как информационное поле социума – ИНТЕРНЕТ. Оно отвечает всем попперовским характеристикам: создано людьми; в нем происходит накопление, трансформация и «борьба за выживание» самых разных артефактов (в том числе, конечно, и продуктов науки); его можно только технически модернизировать или ограничить, но элиминировать как социокультурное цивилизационное явление уже практически нельзя.

В настоящее время много пишется о т.н. конвергентных технологиях [Аршинов, Буданов 2016]. Исходя из основного тезиса нашей работы об информации как объективной реальности (информационное бытие, или бытие информации), имеет смысл предложить рассматривать информационные технологии (know-how) как основу (фундамент) всех остальных современных технологий. Соответственно, может быть и скорректирована «формула» конвергентных технологий: инфо / нано- био- когито- космо- (И / НБКК).

Список литературы

1. Аршинов, Буданов 2016 – *Аршинов В.И., Буданов В.Г.* Парадигма сложности и социо-гуманитарные проекции конвергентных технологий // Вопросы философии. М., 2016. № 1. С. 59-70.
2. Иванов, Миронов 2004 – *Иванов А.В., Миронов В.В.* Университетские лекции по метафизике. М.: Современные тетради. 2004. 647 с.
3. Мамчур 2014 – *Мамчур Е.А.* Информационно-теоретический поворот в интерпретации квантовой механики: философско-методологический анализ // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 5-71.
4. Урсул 2010 – *Урсул А.Д.* Природа информации: философский очерк. Челябинск. 2010. 231 с.
5. Яковлев 2010 – *Яковлев В.А.* Метафизика креативности // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 44-54.
6. Флориди 2010 – *Floridi I.* The philosophy of information: ten years later // *Metaphilosophy* / ed. by A.T. Marsoobian. Oxford, UK. 2010. Vol. 41. No. 3. Pp. 420-442.
7. Уилер 1990 – *Wheeler J.A.* «Information, physics, quantum: The search for link» // *Complexity, Entropy and the Physics of Information* / ed. by W.H. Zurek. Redwood City, CA: Addison-Wesley, 1990. Pp. 3-28.

Часть 2. Новационное развитие и перспективы человека

УДК: 159.9.01

КВАЛИА И ИНТЕРОЦЕПЦИЯ В СВЕТЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Атакуев Магомед Назирович

Аспирант

Пятигорский государственный университет

Пятигорск, Россия

E-mail: atakuev_magamet@mail.ru

Проблема анализа нередуцируемых свойств феноменального сознания, к которым могут быть отнесены квалиа и интероцептивные ощущения, остается все еще в категории «трудных проблем сознания», несмотря на стремительное развитие эмпирических наук и усовершенствование технического оснащения, позволяющего нам более строго описывать физиологические процессы нашего тела. В данной работе рассмотрена терминологическая проблема соотношения понятий «квалиа» и «интероцепция». Выявляются общие и различные черты в содержании данных терминов. Предпринимается попытка подтвердить истинность аргумента о тесном пересечении и соотношении этих понятий в области феноменального сознания. Дана классификация термина «квалиа» в рамках различных подходов аналитической философии, поскольку вопрос о существовании квалиа является предметом для дискуссии. Интероцепция как феномен, схожий по своим характеристикам, является также частью особого субъективного опыта, требующего детального исследования методами как философии, так и когнитивных наук. Представлены некоторые социальные аспекты «интероцептивных ощущений», широко ранее не рассматриваемые в отечественном научном дискурсе. В результате концептуального анализа понятий «квалиа» и «интероцепция» выдвигается утверждение о пересечении их объемов в пределах субъективного опыта в перспективе от первого лица.

Ключевые слова: интероцепция, квалиа, феноменальное сознание, интероцептивная точность, проприоцепция, экстероцепция, субъективный опыт, квалиа-реализм, элиминативизм.

QUALIA AND INTEROCEPTION IN THE VISION OF CONCEPTUAL ANALYSIS

Atakuev Magomet Nazirovich

Postgraduate student

Pyatigorsk State University

Pyatigorsk, Russia

E-mail: atakuev_magamet@mail.ru

Despite the rapid development of empirical sciences and the improvement of technical equipment that allows us to clearly define the physiological processes of our body, the analysis of non-reducibility aspects of the phenomenal consciousness to which qualia and interoceptive sensitivity can be included, still remains in the category of the “hard problem of consciousness”. The paper deals with the terminological problem of the relationship between the notions of “qualia” and “interoception”. Common and different features in the content of these terms are revealed. The article attempts to prove the argument about close relation between these notions in the field of phenomenal consciousness. Since the question of the existence of qualia is a subject for discussion, the classification of the term “qualia” is given within different approaches of analytic philosophy. Interoception as a phenomenon is similar in nature to qualia is also a part of a special subjective experience that requires detailed research by methods of both philosophy and cognitive sciences. Some social aspects of “interoceptive sensitivity” are given, which were not previously considered in the Russian scientific discourse. In the course of conceptual analysis of the terms

“qualia” and “interoception” a statement is made about close relation of their content within the limits of subjective experience in the first person perspective.

Keywords: interoception, qualia, phenomenal consciousness, interoceptive accuracy, proprioception, exteroception, subjective experience, qualia-realism, eliminativism.

Сложно оспорить тезис о том, что благодаря модификации технического оснащения, которое является инструментом для развития различных наук, занимающихся физиологическими проблемами нашего тела, мы сегодня гораздо более осведомлены о процессах, протекающих в нашем организме. Однако, несмотря на более глубокое понимание функциональных особенностей тела, перед нами все еще стоит проблема феноменального сознания и в частности – философский срез проблемы соотношения квалиа и interoцепции (внутрителесных ощущений). В данной работе предпринимается попытка найти общие и различные черты в содержании вышеобозначенных терминов.

В философии сознания как области, сформировавшейся относительно недавно, переосмысливается множество терминов из категориального аппарата классической философии. Вопросы индивидуального опыта, субъективных ощущений и трудности их интерпретации в рамках редукционистских теорий можно отнести к проблеме «the explanatory gap» (разрыва в объяснении) [Levine 1983] или к «трудной проблеме сознания» [Чалмерс 1995].

Говоря о феноменальных свойствах ментальных процессов, мы неизбежно сталкиваемся с термином «квалиа» (qualia – множественное число; quale – единственное число). Примерами данного явления могут быть болевые ощущения в различных их проявлениях, ощущение сиреневого цвета или зеленость травы, запах опавших осенних листьев, ощущение шершавой поверхности – все это соотносится с содержанием некоего особого опыта, рождающегося на границе сознания и тела.

Как замечает Т. Крейн, первым термин «квалиа» употребил американский философ Чарльз Пирс [Crane 2000, с. 14]. Позднее К.И. Льюис использовал данный термин для обозначения физически нередуцируемых внутренних состояний, определяющих феноменальное сознание, в рамках теории о чувственных данных (the sense-datum theory) [Lewis, 1929].

По сей день термин «квалиа» является проблемной областью в дискуссии различных философских подходов. Направления аналитической философии, в рамках которых исследуется проблема «квалиа», могут быть представлены несколькими направлениями [Иванов 2012]:

- Квалиа-реалисты, иногда они также обозначаются как ревизионисты (revisionists) [Chrisley, Sloman 2016], верят в существование данного феномена. Однако нужно отметить, что подходы к определению «квалиа» также отличаются среди квалиа-реалистов.
- Квалиа-репрезентационистский подход, согласно которому «квалиа» является «свойством опыта» и репрезентируется в нем [Crane 2000]. В данном случае «квалиа» рассматривается в канве интенционалистской парадигмы сознания (Г. Харман, В. Лайкан, Ф. Дретске, М. Тай, Т. Крейн). Данный подход не опровергает функционализм, поскольку предполагает возможность описания «квалиа» как части функциональных состояний.
- Философы, считающие, что «квалиа» является особым неинтенциональным свойством ментальных процессов. Они, по своей сути, трактуются как черты феноменального сознания (Н. Блок, Т. Нагель, Дж. Левин, К. МакГинн, Ф. Джексон, Д. Чалмерс). Ярким представителем данного подхода является Н. Блок, который и ввел термин «феноменальное сознание», проводя дихотомию между

«ф-сознанием» (феноменальным сознанием) и «д-сознанием» (сознанием доступа). Н. Блок и Дж. Фодор в работе «Чем не являются психологические состояния» (1972 г.) анализировали «квалитативные характеристики», которые «ускользают» от четкого распределения типов ментальных состояний, в парадигме функционализма [Иванов 2012].

- Элиминативисты (самым ярким представителем, пожалуй, является Д. Деннетт), вовсе отрицающие существование «квалиа».

Тема «квалиа» является крайне обширной и, безусловно, не исчерпывается вышеописанным; имеется большое количество мысленных экспериментов («инверсия спектра», «о зомби», «комната Мэри», «китайская нация»), отражающих различные аргументы. Например, «аргумент знания» или «аргумент от отсутствия квалиа», к которому прибегали еще в Новое время, в частности Г.В. Лейбниц. Но особенность «квалитативных состояний» и их нередуцируемость к материальным процессам заставляют нас задуматься над феноменом interoцепции, который в некотором смысле схож с ними по своим характеристикам, но протекает как бы «с обратной стороны» границы сознание/тело.

Понятие interoцепции впервые использовалось в работах английского физиолога Чарльза Шеррингтона в 1906 г., описывавшего проприоцепцию (мышечное чувство или кинестезию) как составную часть interoцепции. Но нужно заметить, что данный вид чувствительности занимал и российских физиологов. Российский ученый И.М. Сеченов писал о «темных ощущениях», исходящих из полостных органов груди и живота [Сеченов 1952, с. 77]. Разработку темы interoцепции в отечественной физиологии связывают с именами академиков В.Н. Черниговского и К.М. Быкова, обозначивших влияние рефлексов, механизмов внутренней чувствительности на поведение организма.

Под interoцепцией понимается процесс восприятия человеком собственных внутрителесных сигналов. Примерами таких сигналов, именуемых «интероцептивными ощущениями», могут быть такие описания как: покалывание в области подреберья, чувство тяжести, распирающего или опустошения в желудке, субъективно ощущаемое перемещение сердца по внутрителесному пространству и т.п. [Нагорная 2014, с. 320]. Также с чисто физиологической точки зрения можно было бы сказать, что interoцепция помогает поддерживать состояния гомеостаза, посылая внутрителесные сигналы, свидетельствующие о возможной нехватке каких-либо элементов.

Несколько позднее в процессе эмпирических исследований на экспериментальном уровне обосновывался аргумент в пользу взаимосвязи интероцептивных ощущений и поведения человека, в дальнейшем раскрывалась роль данных процессов в социальном взаимодействии.

Говоря о социальном аспекте интероцептивных ощущений, нужно отметить, что сбор информации о внутреннем состоянии тела и внешней среде имеет решающее значение для адаптации поведения человека в социуме и в повседневной жизни. Описаны опыты, указывающие на корреляцию между interoцепцией и социальным взаимодействием [Ferri et al. 2013]. Например, исследуется чувствительность людей к собственному сердцебиению и связь с различными аспектами человеческого познания и поведения [Herbert, Pollatos 2012]. Также можно рассматривать фактор испуга при социальном взаимодействии (стресс, нервный срыв, ссора), выражающегося в повышенном сердцебиении, как обладающий потенциалом прогнозирования подобных состояний. Есть исследования, демонстрирующие связь между высоким уровнем «интероцептивной точности» (interoceptive accuracy) у человека и его меньшей подверженностью стрессовым состояниям, к примеру, человек более устойчив психологически во время публичных выступлений [Werner 2009]. Существуют исследования, посвященные роли социальной изоляции, приводящей к снижению

«интероцептивной точности» [Durlík, Tsakiris 2015]. Причиной подобной трансформации может послужить смещение внимания с интероцептивных процессов на экстероцептивные [Powers, Heatherton 2012].

В целом можно утверждать, что гибкое переключение между интероцептивными и экстероцептивными ощущениями – фактор, приводящий к успешному социальному взаимодействию, поскольку это в том числе позволяет лучше читать эмоции других людей. Также можно утверждать, что умение чутко прислушиваться к собственному внутреннему состоянию (интероцептивным ощущениям) положительным образом сказывается на социальном взаимодействии. Интероцептивные ощущения напрямую связаны со снижением чувства одиночества [Arnold et al. 2019].

В психологии интероцепция находится в концептуальной «слепой зоне». Внимание в основном уделяется интерпретации физиологических процессов, акцентированных на личности в отдельности. Затронув содержательную сторону данных терминов «квалиа» и «интероцепция», возникает необходимость сравнения схожих и отличных черт в их содержании.

Поскольку данные явления, будучи сенсорными по своей природе, затрагивают область феноменального сознания, то они не сводятся лишь к реакции тех органов и рецепторов, посредством которых генерируются.

Принципиальная разница между «квалиа» и «интероцепцией» сводится к тому, что «квалитативные состояния» сообщают нам (поставляют) данные об объективной реальности вовне, «переработанные» посредством субъективного опыта; в то время как «интероцепция» сообщает нам о внутрителесных сигналах, также относящихся к категории феноменального сознания.

Однако неоспоримой схожестью данных состояний является то, что они участвуют или являются частью субъективного опыта: сложно говорить о квалиа или интероцепции вне перспективы первого лица. Разумеется, мы можем говорить о чесотке, звуке колышущихся деревьев, запахе травы после дождя, о красноте яблока и также о боли в животе, чувстве голода, температуре тела или частоте сердцебиения; но в ситуации, когда мы не являемся субъектами данных ментальных состояний, нам тяжело понять феноменальное содержание «переживаемого» другим человеком. Приватность становится причиной того, что мы ищем способы вовлечения других людей в данные состояния и способы адекватного описания этих состояний. И это, пожалуй, является основным доводом в пользу того, что степень сопричастности других является основным инструментом верификации данных состояний. Для субъекта, переживающего «квалитативные состояния» или «интероцептивные ощущения», не важна истинность данных состояний в онтологическом смысле, но важна степень понимания, разделения данных состояний другим человеком. В итоге можно принять утверждение взаимосвязанности содержания данных терминов. Интероцепция в каком-то смысле придает квалиа более физиологическое и психологическое измерение, становясь своего рода «проводником квалиа» в понятийный аппарат эмпирических наук.

Список литературы

1. Иванов 2013 – Иванов Д.В. Природа феноменального сознания. М.: Либроком, 2013. 240 с.
2. Нагорная 2014 – *Нагорная А.В.* Методологические основы лингвистического изучения интероцепции // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. №1(43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osnovy-lingvisticheskogo-izucheniya-interotseptsii> (дата обращения: 04.03.2021).
3. Сеченов 1952 – *Сеченов И.М.* Рефлексы головного мозга // Избр. произведения. М.: Изд. Академии Наук СССР, 1952. Т. 1. С. 7-127.

4. Тхостов 2002 – *Тхостов А.Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.
5. Чалмерс 2013 – *Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: Либроком, 2013. 509 с.
6. Черниговский 2007 – *Черниговский В.Н.* Избранные труды (К 100-летию со дня рождения). СПб.: Наука, 2007. 574 с.
7. Arnold, Winkielman, Dobkins 2019 – *Arnold A.J., Winkielman P., Dobkins K.* Interoception and Social Connection. *Front. Psychol.* Doi: 10.3389/fpsyg.2019.02589.
8. Block 1997 – *Block N.* On a Confusion about a Function of Consciousness // *The Nature of Consciousness / Ed. by N. Block, O. Flanagan, G. Guzeldere.* Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997.
9. Block, Fodor 2007 – *Block N., Fodor J.* What Psychological States Are Not // *Block N. Consciousness, Function, and Representation.* Cambridge, Mass.: MIT Press, 2007.
10. Cameron 2001 – *Cameron O.* Interoception: The inside story – A model for Psychosomatic processes // *Psychosomatic Medicine*, 2001. No. 63. Pp. 697-710.
11. Chrisley, Sloman 2016 – *Chrisley R. and Sloman A.* Functionalism, revisionism, and qualia. *APA Newsletter on Philosophy and Computers*, 16(1). 2016. Pp. 2-13.
12. Crane 2000 – *Crane T.* The origins of qualia // *The History of the Mind-Body Problem / Ed. by T. Crane, S. Patterson.* L.: Routledge. 2000. Pp. 169-194.
13. Dennett 1997 – *Dennett D.* Quining Qualia // *The Nature of Consciousness / Ed. by N. Block, O. Flanagan, G. Guzeldere.* Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997.
14. Durlík, Tsakiris 2015 – *Durlík C., and Tsakiris M.* Decreased interoceptive accuracy following social exclusion. *Int. J. Psychophysiol.* 2015. Pp. 57-63. Doi: 10.1016/j.ijpsycho.2015.02.020.
15. Ferri, Ardizzi, Ambrosecchia, Gallese 2013 – *Ferri F., Ardizzi M., Ambrosecchia M., Gallese.* Closing the Gap between the Inside and the Outside: Interoceptive Sensitivity and Social Distances. *PLoS ONE* 8(10). 2013. Doi:10.1371/journal.pone.0075758.
16. Grosz 1994 – *Grosz E.* Volatile bodies: Toward a corporeal feminism. USA: Indiana University Press. 1994. 257 p.
17. Herbert, Pollatos 2012 – *Herbert B.M., Pollatos O.* The Body in the Mind: On the Relationship Between Interoception and Embodiment. *Top Cogn Sci.* 2012. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/22389201>
18. Jackson 1982 – *Jackson F.* Epiphenomenal Qualia // *The Philosophical Quarterly.* 1982. Vol. 32, No. 127. Pp. 127-136.
19. Lakoff, Johnson 1999 – *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the Flesh: the embodied mind and its challenge to western thought. // N.Y.: Basic Books. 1999. P. 640.
20. Levine 1983 – *Levine J.* Materialism and Qualia: The Explanatory Gap // *Pacific Philosophical Quarterly.* 1983. No. 64. Pp. 354-361.
21. Lewis 1929 – *Lewis C. I.* Mind and the World Order. // New York: Charles Scribner's Sons. 1929.
22. Northoff 2014 – *Northoff G.* Unlocking the Brain: Vol. 2: Consciousness. // N.Y.: Oxford University Press. 2014. Pp. 509-529.
23. Powers, Heatherton 2012 – *Powers K.E., Heatherton T.F.* Characterizing socially avoidant and affiliative responses to social exclusion. *Front. Integr. Neurosci.* 6:46. Doi: 10.3389/fnint.2012.00046
24. Sherrington 1906 – *Sherrington Ch.S.* The integrative action of the nervous system. // Liverpool, N.Y.: Charles Scribner's Sons. 1906. 412 p.
25. Shoemaker 1994 – *Shoemaker S.* "Self-knowledge and "inner sense": Lecture I: The object perception model." *Philosophy and Phenomenological Research.* Pp. 249-269.

26. Tye 2016 – *Tye M. Qualia // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition).* Edward N. Zalta (ed.) URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/qualia/> (accessed: 20.03.2021).
27. Werner, Duschek, Mattern, Schandry 2009 – *Werner N.S., Duschek S., Mattern M., Schandry R. Interoceptive sensitivity modulates anxiety during public speaking.* J. Psychophysiol. 23. Pp. 85-94. Doi: 10.1027/0269-8803.23.2.85.
28. Woolf 2012 – *Woolf V. On being ill // Ashfield, Massachusetts: Paris Press. 2012. 124 p.*

УДК 130.2. 07. 172

К ЭВОЛЮЦИОННОМУ ПОНИМАНИЮ КРИЗИСА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Бабошина Елена Борисовна

*Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и методики обучения гуманитарным дисциплинам
Курганский государственный университет
Курган, Россия
E-mail: ebaboshina@rambler.ru*

Упадок прежнего идеала человечности связан с утратой ценностной позиции к живому как высшей добродетели, в силу чего новые формы человеческого опасны псевдогуманностью, специфично нормируемой в техном мире ломкой отношения кестеству как истоку гармонии и первосушности. Факторы: 1. рыночная глобализация, вытесняя духовность как скрепу времен и народов, обезличивает человека до заложника формализованной культуры; 2. в смещении фейкового и реального умяляется идентификация как ответственный выбор; 3. ослабление геофактора идентичности ведет к иллюзии личностной свободы, хотя человек остается представителем генетического группирования и социоккода локальной эволюции (Ю.И. Александров, Г. Триандис).

Появление массовой личности с примитивными потребностями, заданными капитализмом, предвидел К. Маркс, Г. Маркузе и др. Процесс не нов, однако его развитие в виртуальной реальности и цифровизации обществ все более выходит за рамки представляемой нормы, а вопросом становятся социализация и идентификация личности как проявления человеческого в опасных тенденциях. В итоге идеал человечности как единство этического и рационального совершенства уступает место непредсказуемому новому. Вопрос из Надежды: есть ли Выход?

Ключевые слова: глобализация, человечность, социальность, ценность.

TOWARDS AN EVOLUTIONARY CONCEPTION OF THE COLLAPSE OF HUMANITY

Baboshina Elena Borisovna

*PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy and
Methodology of Teaching Humanities
Kurgan State University
Kurgan, Russia
E-mail: ebaboshina@rambler.ru*

The decline of the former ideal of humanity is associated with the loss of a value position towards the living as the highest virtue, which is why the new forms of the human are dangerous pseudo-essence, which is becoming normal in the techno-world with the breaking of the relationship to nature as the source of harmony and the original. Factors: 1 market globalization, replacing spirituality as a staple of times and peoples, depersonalizes a person to the hostage of a formalized culture; 2 in the confusion of the fake and the real, identification as a responsible choice is

diminished; 3 the weakening of the geo-factor of identity leads to the illusion of personal freedom, although a person remains a representative of the genetic grouping and the sociocode of local evolution (Yu.I. Alexandrov, G. Triandis).

The emergence of a mass personality with primitive needs set by capitalism was foreseen by K. Marx, described by G. Marcuse and others. The process is not new, but its development in virtual reality and the digitalization of societies is increasingly beyond the scope of the imagined norm. An acute issue is the problem of socialization and identification of the individual in the dangerous trend of reducing the role of humanism. As a result, the ideal of humanity as a unity of ethical and rational perfection gives way to an unpredictable new one. A question from Hope: is there a Way out?

Keywords: globalization, humanity, sociality, value.

Кризис гуманизма обеспечен многими факторами. Так, экономический принцип вытесняет духовность и обезличивает, формализует человека, что ведет к социальной примитивизации при новых возможностях техномира к: образованию, профессионализации, информации, коммуникации. Научно-техническая революция изменила жизнь до необратимых условий, но породила вопросы социализации: от отчужденности до иллюзии социального единства, стирания различий мнимого и реального качеств себя и других. Мир стал текучим, неопределенным и многозадачным, а молодые люди могут вступать в дружеские отношения с тремястами «друзей» и более, хотя нормы поддержания общения в разы меньше [Солдатова 2019]. Вопрос: не является ли «дружество» молодых людей в сетях внешним самоутверждением? или это – выход из реального и потенциального одиночества в виртуальной «пучине»? И не проявляется ли так «пожирание личности» обществом [Маркс 1968]?. Постмодернизм сознания в виртсреде – в реальности расширения Я, но и в угрозе замыкания на своем присутствии в общем приключении.

Идентификация подростка отлична от взрослого: подростки ощущают себя в виртобщении успешнее, самостоятельнее, а до 43,9 % из них не чувствуют отличий в видах общения (для взрослых показатель равен 25,9 %) [Солдатова 2013]. Но все видят здесь выход и из жесткого ограничения реальных контактов, например, из-за пандемии, но коронавирус ускорил новое в социальной революции. Однако глобализация усиливает обезличивание и рационализацию, а в альянсе с экономическим либерализмом приводит к давлению на иные общества. Укореняется норма вмешательства одних обществ в жизнь других. Нарушение традиций гуманного обнулило подходы к гендерной семейной идентификации. Важный, но упускаемый при анализе, общий негатив мы видим в снижении роли духовности в техносциуме, что ломает гуманизм в признании морально-чувственной природы человека и что подавляется и социальным техницизмом, отторгающим гуманитарную культуру как «базис общества» [Моль 1973].

Уход эволюции от поддержания ценности к модели технопреобразования есть путь к зависимости от техностатуса, радиопрессинга духовного принципа совершенства, к утрате целостности радио и чувства; но и не к усилению радио в смешении фейка и реальности как умалении ответственного выбора в идее Культуры как общего Дома, что не проявится без жизнеутвердительной идеи к единению. Здесь сомнительны тенденции, ведущие к борьбе одних против других (феминизм оборачивается childfree; мужчины среди маскулинных женщин все чаще демонстрируют нетрадиционную сексуальность; между культурами вновь разгораются конфликты за приоритет). Молодое поколение в этом случае также начинает опровергать ценностную стабилизацию, но дефицит аксиопринципа делает всех заложниками условий. «Сердцевиной» кризиса для нас выступает упадок человечности как мировосприятия из связи с себе подобными, осознания своей специфики в ответственности за себя и мир через обогащение идеей саморазвития как умножения Блага (позиция Платона).

Внутренне и в силу социокода человек стремится к императиву (красоте, добру, истине и т.д.), но в необузданности всего проявляется опасная, по Марксу, социальность:

рынок вызывает псевдопотребности, лишая личность полноты [Маркс 1968, с. 117]. В такой мегасреде увеличен разрыв социального и индивидуального и из-за вытеснения духовной нормы экономическим порядком. Тогда сбывается и прогноз Г. Маркузе о человеке-функции, писателя Р. Музиля – о «человеке без свойств». Сегодня функционер не просто одномерный, но «полу-»: его идентичность не запрашивается и не реализуется и для себя. Худшим исходом становится цинизм [Краус 1994]. В скорости изменений культурные ценности могут потерять значение, что может закрепиться в нормах, поэтому социальный выбор нуждается в аксиорегулировании, важна трансляция ценности вне связи с материальной выгодой. Для избегания псевдонормы нужно помнить, что у человека есть «способность выдвигать идеалы» [Дюркгейм 1911, с. 111]. Так, британец Т. Иглтон отмечает неполитичность культуры, но ее события могут втягиваться «в процесс господства и сопротивления господству» и этим «превращаются в поле битвы» [Иглтон 2012, с. 178].

Важно понимать и то, что ослабление геофактора идентичности может вести к иллюзии личностной свободы, хотя человек остается представителем генезиса группы и локального социокода. Так, всегда важен выбор в синдроме «индивидуализм – коллективизм» [Триандис 2007]. В социализации студентов Зауралья нами выявлен рост предпочтений индивидуализма [Бабошина 2006; Бабошина, Екимова 2019], что подтвердилось и в 2019-21 гг. (случайная выборка составила 175 человек). Проявлен рост индивидуализма в связи с мотивом самореализации и среди лиц с профессионально-педагогическим стажем (до 15 лет) (более 73 %), а более 90 % предпочли заботу о себе и близких «преданности обществу»; свыше 80 % сами образуют привязанности, что есть отрыв от родного контекста. Обнаружено разделение личного интереса и социально-этической установки на фоне усиления различия значимости семейных и трудовых отношений (до 70 % и выше). Возможно, сегодня проявлен и персонализм как приоритет личностной свободы, тогда вполне логичен факт, обозначенный в «Аналитическом докладе», что солидарность россиян хотя и повысилась, но нередко это произошло «на обидах» [Двадцать лет реформ 2011, с. 56, 205-206].

Общий анализ ситуации социализации приводит к пониманию риска скороспелых, формальных решений там, где необходимы взвешенность и авторитетность. Из анализа наших и других данных мы склонны видеть, что молодые люди ценят субъектность, обладают мотивом активного участника перемен к лучшему. Потребность важно реализовать, иначе вероятен «эффект лилипута» (С. Оссовский), приводимый В.А. Ядовым: человек активен в узком, но не в широком социальном плане [Ядов 1999]. Согласимся и с обращением к традиции, несмотря на «конфликт поколений» [Горшков 2019, с. 19], тем более, роль менталитета подтверждена и нейропсихологами [Александров, Александрова 2007]. Итак, казалось бы, мало прогнозируемая современность, оцениваемая кризисом человечности, при многофокусном подходе, обозначенном здесь в общем, полагаем, может обрести системную почву в оценке эволюционной не-случайности и этим открыть место надежде на позитивный исход, если человек этого пожелает.

Список литературы

1. Александров, Александрова 2007 – Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт и культура. Структура и динамика // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 1. С. 3-46.
2. Бабошина 2006 – Бабошина Е.Б. Ценностные ориентиры поликультурного образования и принципы индивидуализма и коллективизма // Философия образования. 2006. № 2. С. 331-337.

3. Бабошина, Екимова 2019 – *Бабошина Е.Б. Екимова Т.И.* Индивидуалистические и коллективистические выборы личности как явление социокультурной идентификации // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8(40). № 6. С.89-102.
4. Горшков 2019 – *Горшков К.М.* Российская молодежь: к истории и роли в современном обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8(38). № 4. С. 16-24.
5. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2011. 297 с.
6. Дюркгейм 1911 – *Дюркгейм Э.* Ценностные и «реальные» суждения // Социология, ее предмет, метод и назначение. Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М., 1911. С. 106-114.
7. Иглтон 2012 – *Иглтон Т.* Идея культуры / пер. с англ. М.: Изд. Дом. ВШЭ, 2019. 2-е изд. 192 с.
8. Краус 1994 – *Краус В.* Нигилизм сегодня, или Долготерпение истории. Следы рая. Об идеалах. М.: Радуга, 1994. 256 с.
9. Маркс 1968 – *Маркс К. и др.* Сочинения. Изд. второе / К. Маркс, Ф. Энгельс. Москва: Изд-во политической литературы, 1968. 317 с.
10. Моль 1973 – *Моль А.* Социодинамика культуры; пер. с фр. М.: Прогресс, 1973. 406 с.
11. Солдатова 2019 – *Солдатова Г.* Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире. URL: <https://cyberpsy.ru/articles/soldatova-cifrovaya-socializaciya-v-kulturnoistoricheskoy-paradigme/> (дата обращения: 11.02.2019)
12. Триандис 2007 – *Триандис Г.К.М.* Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007. 384 с.
13. Ядов 1999 – *Ядов В.А.* Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Общество и экономика. 1999. №10-11. С.65-72.

УДК 124.2-141.132

ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

Барышников Павел Николаевич

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии

Пятигорский государственный университет

Пятигорск, Россия

E-mail: pnbaryshnikov@pglu.ru

В современной философии сознания возникает ряд методологических затруднений при попытке синтеза вычислительных аспектов когнитивной деятельности с телесно-ориентированными и психосемантическими моделями. В первом случае неизбежно встает вопрос о статусе информационной составляющей ментальных репрезентаций, во втором – о способах концептуализации социально-культурных смыслов, извлекаемых из коммуникативных процессов. До сих пор неясно, как конечные алгоритмизируемые вычисления порождают бесконечный свободный семиозис. В данной работе утверждается, что методологический отказ со стороны телесно-ориентированной парадигмы от онтологической значимости ментальных репрезентаций выглядит несколько преждевременным. Рассмотрены трудные проблемы информационной теории репрезентации. В качестве альтернативного решения предлагаются принципы телеологической семантики, радикальная версия которой приводит к радикальному

лингвистическому платонизму. Мы полагаем, что натуралистические программы в исследованиях сознания нуждаются в разработке контент-зависимой семантики. Без универалистского объяснения содержания ментальных состояний становится затруднительным непроворочливое натуралистическое объяснение сознания. Репрезентация в таком теоретическом контексте является естественным следствием природных процессов. При этом механизмы присваивания метафорических значений содержатся в телесной организации, а телесное действие становится, таким образом, конститутивом когнитивных процессов.

Ключевые слова: информационная теория репрезентации, телеологическая семантика, номическая зависимость, лингвистический платонизм, собственная функция, проблема интенциональности, проблема ложной репрезентации, проблема неопределенности.

INFORMATIONAL THEORY OF REPRESENTATION CAUGHT IN THE CROSSFIRE

Baryshnikov Pavel Nikolaevich

PhD DSc in Philosophy, Assistant Professor, Professor of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology

Pyatigorsk State University

Pyatigorsk, Russia

E-mail: pnbaryshnikov@pglu.ru

In modern philosophy of mind, a number of methodological difficulties arise when trying to synthesize the computational aspects of cognitive activity with body-oriented and psychosemantic models. In the first case, question about the status of the informational component of mental representations inevitably arises, in the second – we see the question about the ways of conceptualizing socio-cultural meanings derived from communicative processes. It is still not clear how finite algorithmic computations generate an infinite free semiosis. This paper argues that the body-oriented paradigm's methodological rejection of the ontological significance of mental representations looks premature. Difficult problems of informational theory of representation are considered. As an alternative solution, the principles of teleological semantics are proposed. The radical version teleological semantics leads to radical linguistic platonism. We believe that naturalistic programs in consciousness research need to develop content-dependent semantics. A naturalistic explanation of consciousness becomes elusive without a universalistic explanation of the content of mental states. Representation in such a theoretical context is a natural consequence of natural processes. In this case, the mechanisms of assigning metaphorical meanings are contained in the bodily organization, and bodily action thus becomes a constitutive of cognitive processes.

Keywords: information theory of representation, teleological semantics, nomic dependence, linguistic platonism, proper function, problem of intensionality, problem of misrepresentation, problem of indeterminacy

Если в основу когнитивных процессов и феноменологического единства сознания закладывать семантику, то невозможно избежать отношений между пропозициональным знанием и непропозициональным знанием, между знанием «что» и знанием «как». Представление о некотором внелингвистическом положении вещей требует некоего «переносчика» семантического взаимодействия, в роли которого выступают ментальные репрезентации. Важным звеном в этой цепи преобразований от семантики к онтологии и обратно являются отношения между содержанием ментальных репрезентаций и деятельностью. Если говорить об информационно-вычислительной составляющей описанных процедур, то необходимо построить модель, которая проиллюстрировала бы ответ на следующий вопрос: как пропозиционально закодированная информация семантически поддерживается информационными структурами из непропозиционального знания. Очевидно, что компьютерные модели интеграции данных в семантических онтологиях (в силу специфики природы информации) объясняют этот процесс лишь отчасти [Vogel, Schiele 2007].

Существует фундаментальный тезис, утверждающий, что ментальная репрезентируемость чего-либо зависит от потенциальной способности организма к действию, лежащему в концептуальной основе репрезентации [Bracci, Peelen 2013]. Информационная теория репрезентации, в которой информация понимается как *номическая зависимость* (каузальная зависимость от фундаментальных законов, выводимая из статистико-релевантных моделей), выглядит противоречивой [Clendinnen 1992]. Если информация предшествует некоторому содержательному знанию, то невозможно создать натуралистическую модель, редуцирующую информацию к репрезентации. В информационных моделях данные (data) и содержание (content) вне интерпретирующей человеческой деятельности онтологически несовместимы.

Три проблемы, о которых далее пойдет речь, послужили точкой отсчета для создания теоретического направления телеологической семантики, в рамках которой (изящно в неокантианском ключе) решается вопрос о номической зависимости.

М. Роуландс указывает на три фундаментальных проблемы:

- проблема интенциональности,
- проблема ложных репрезентаций,
- проблема неопределенности [Rowlands 1999, pp. 215-224].

Проблема интенциональности в информационном подходе к репрезентациям вытекает из того, что интенциональный контекст может менять критерии истинности предложения, если мы используем кореферентные термины. Приведем пример в духе У. Куайна:

Предложение «Смит верит в то, что Джон – шпион» будет истинным, а предложение «Смит верит в то, что самый высокий человек в комнате шпион» будет ложным, если Смит не знает о том, что Джон – самый высокий человек в комнате.

Такое положение вещей с точки зрения информационной семантики невозможно в силу нарушения закона тождества. Репрезентативные атрибуции (ascriptions) требуют тождества объекта: если сигнал [г есть G] содержит в себе информацию «s есть F по причине того, что s есть H», необходимо, что сигнал [г есть G] содержит в себе информацию «s есть H». В информационном подходе учитываются все мыслимые признаки термина, в то время как ментальные состояния сознания репрезентируют атрибуты субъективного мира знаний коммуникантов. В этом состоит ключевое различие между значением и информацией, понимаемой в терминах номической зависимости. Если признаки одного символа обладают двумя разными каузальными этиологиями, следовательно, существует два различных типа информации, «переносимых» этими признаками [Ibid, p. 216].

Проблема ложных репрезентаций вытекает из указанных онтологических отличий между значением и информацией. У данной проблемы есть два компонента: *проблема дизъюнкции* и *проблема ошибки*. Проблема дизъюнкции связана с нарушением номической зависимости репрезентации от собственной причины. Например, репрезентация [ЛОШАДЬ] может порождаться объектом «корова в сумерках». Значение репрезентации [ЛОШАДЬ] неизменно, в то время как каузальная информация дизъюнктивна: «лошадь» или «осел вдалеке» или «корова в сумерках» и т.п. Проблема ошибки, в свою очередь, указывает на невозможность ложных репрезентаций. Если корова репрезентирована через [ЛОШАДЬ], то, согласно номической зависимости, «схлопываются» значение и информация. Объект, который каузирует репрезентацию [ЛОШАДЬ], и является содержанием репрезентации [ЛОШАДЬ]. Таким образом, информационная семантика исключает возможность реализации репрезентативных ментальных состояний.

Проблема неопределенности тесно связана с т.н. прозрачностью репрезентаций. Феномены сознания даны нам как «взгляд через окно», и содержание этого «взгляда» никак не связано с содержанием мозгового процесса, который каузирует ментальные состояния. Если репрезентацию сводить к информации, то содержание сигнала становится неопределенным, как бы распределяясь между содержаниями процессов, состоящих в номической зависимости. В контексте информационной семантики проблема неопределенности возникает тогда, когда организм или механизм фиксируют один блок информации благодаря фиксации другого блока информации.

В рамках телеологической семантики данные противоречия информационного подхода разрешаются, и при этом сохраняется онтологическая значимость содержания ментальных репрезентаций. Важным преимуществом указанного подхода является смена каузальной модальности при помощи «собственной функции» репрезентации (*proper function*) [Millikan 1989].

В теории референции под собственной функцией понимается то, что предполагается **должен** осуществить механизм или организм или сам акт, для которого он «спроектирован». Основным критерий репрезентационной релевантности – надлежащее функционирование или функциональное назначение. Т.е. речь идет о некоторых состояниях системы, в которых содержание собственной функции имеет значение. Р. Милликэн указывает на то, что собственная функция знака реализует то функциональное (не семантическое) значение, которое должно являться центральным (в некоторых случаях прототипическим), а не представлять собой произвольное контекстуально-обусловленное отклонение. При этом важным свойством собственной функции является ее рекурсивность. Для того, чтобы знак А обладал функцией F, необходимо выполнение двух основных условий: 1) знак А должен быть «репродукцией» некоторого предшествующего процесса, которому «исторически» присущи свойства, обуславливающие функцию F; 2) А производится некоторым предшествующим устройством в таких условиях, что выполнение функции F требует реализации значения А [Ibid, p. 288]. Согласно телеологической теории, содержание когнитивных состояний вытекает из свойств среды, которые инкорпорированы в собственную функцию механизма, порождающего эти состояния.

Центральная идея телеологической теории репрезентации состоит в том, что механизмы, порождающие ментальные состояния, являются результатами эволюционных процессов. Следовательно, эти механизмы также должны обладать собственными функциями. Идея состоит в том, что существуют репрезентационные возможности, извлекаемые этими механизмами из средовых объектов, свойств и связей, которые встроены в собственную функцию самих механизмов:

Если когнитивный механизм М вовлечен в порядок фиксации свойства среды E, следовательно, это то, что создает соответствующее состояние S механизма М о E; это то, что создает состояние S с содержанием E. В этом случае содержание репрезентации когнитивного состояния S вытекает из реляционной собственной функции механизма М, продуцирующего S.

Подобного рода неокантианские черты встречаются в основаниях лингвистического платонизма Д. Катца, который указывает на крайне значимую для нашего подхода зависимость: натурализм и эпистемологический скептицизм выступают как две стороны одной медали. Несмотря на то, что содержание сознания носит феноменальный характер, возможности человеческого познания ограничиваются телесной организацией человека, его сенсорным аппаратом и конечным составом нейронов головного мозга, производящего мыслительную активность [Katz 1990; Ладов 2010]. Т.е. эпистемологический скептицизм верен при соблюдении правил натуралистической антропологии, понимающей человека как локальный физический

пространственно-временной объект в мире природы. Это противоречие связано с уникальным онтологическим статусом сознания. Сознание каузировано телесными отношениями, но при этом это – единственный природный объект, наблюдающий собственное производство смыслов. Переход между этими двумя уровнями реализуется за счет функционирования языка, декларативной памяти и агентоцентричной природы феноменального сознания. Так, любое пропозициональное содержание строится на основании репрезентаций, которые зависят от конечных природных процессов. Единственная возможность преодоления данного противоречия видится в разработке последовательной и непротиворечивой семантики универсалистского толка, в которой значениям языковых выражений приписывается онтологический статус объективных идеальных сущностей.

Список литературы

1. Ладов 2010 – *Ладов В.А.* Онтологическая проблематика в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. 2010. № 1. Т. 22. С. 84-97.
2. Bracci, Peelen 2013 – *Bracci S., Peelen M.V.* Body and object effectors: the organization of object representations in high-level visual cortex reflects body-object interactions // The Journal of neuroscience: the official journal of the Society for Neuroscience. 2013. No. 46. Vol. 33. Pp. 18247-18258.
3. Clendinnen 1992 – *Clendinnen F.J.* Nomic Dependence and Causation // Philosophy of Science. 1992. No. 3. Vol. 59. Pp. 341-360.
4. Katz 1990 – *Katz J.J.* The metaphysics of meaning. Cambridge. Mass.: MIT Press, 1990. 356 p.
5. Millikan 1989 – *Millikan R.G.* In Defense of Proper Functions // Philosophy of Science. 1989. No. 2. Vol. 59. Pp. 288-302.
6. Rowlands 1999 – *Rowlands M.* The body in mind. Cambridge, U.K., NY.: Cambridge University Press. 1990. 270 p.
7. Vogel, Schiele 2007 – *Vogel J., Schiele B.* Semantic Modeling of Natural Scenes for Content-Based Image Retrieval // International Journal of Computer Vision. 2007. No. 2. Vol. 72. Pp. 133-157.

УДК 111.1

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ГИПОТЕЗЫ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ВСЕЛЕННОЙ EX NIHILO

Бойко Михаил Евгеньевич

*Кандидат искусствоведения, преподаватель
Колледж Архитектуры, Дизайна и Реинжиниринга № 26
Москва, Россия
E-mail: michboy@mail.ru*

В статье рассматривается подгруппа современных физических теорий, в которых обосновывается возникновение Вселенной из ничто. Интерес представляет то, в каком именно значении употребляется слово «ничто» в этом контексте: меон (*nihil privativum*) или укон (*nihil negativum*). Строго говоря, только укон можно считать «ничто/небытием» в прямом и полном смысле; меон – это какая-либо форма инобытия, лишенная характерных атрибутов, присущих привычным для нас формам бытия. Использование терминов «ничто» или «небытие» в значении «меон» несет значительную метафорическую нагрузку.

Дается обзор и сравнение взглядов Я.Б. Зельдовича, Г. Наана, П. Девиса, М. Каку на возможность возникновения Вселенной ex nihilo. Семантический анализ демонстрирует некорректное употребление создателями этих теорий философской терминологии.

Предлагается обозначить рассматриваемую подгруппу физических теорий термином «меонофизика». Показывается, что авторы меонофизических теорий используют термин «ничто» в метафорическом смысле, обозначая им какую-то специфическую форму инобытия со свойствами, сильно отличающимися от свойств изученной материи. Эти теории удовлетворяют критерию фальсифицируемости, но некорректное использование философской терминологии затемняет их действительный смысл.

Ключевые слова: Большой взрыв, вакуум, космология, меон, метаонтология, ничто, небытие, онтология, философия небытия, укон.

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE HYPOTHESIS OF THE ORIGIN OF THE UNIVERSE EX NIHILO

Boyko Mikhail Evgenievich

PhD in History of Arts, Lecturer

College of Architecture, Design and Reengineering No. 26

Moscow, Russia

E-mail: michboy@mail.ru

The article considers a subgroup of modern physical theories that substantiate the emergence of the Universe from nothing. What is interesting is the exact meaning of the word ‘nothing’ in this context: meon (*nihil privativum*) or ukon (*nihil negativum*). Only ukon can be considered as ‘nothing/non-existence’ in the direct and full sense, meon is some form of other-being, devoid of the characteristic attributes inherent in the forms of being that are familiar to us. The use of the terms “nothing” or “non-existence” in the meaning of meon carries a significant metaphorical load.

A review and comparison of the views of J.B. Zeldovich, G. Naan, P. Davis, M. Kaku on the possibility of the Universe arising ex nihilo is given. Semantic analysis demonstrates the incorrect use of philosophical terminology by the creators of these theories.

To define the subgroup of physical theories the term “meonophysics” is proposed. It is shown that the authors of meonophysical theories use the term “nothing” in a metaphorical sense, denoting some specific form of other-being with properties that are very different from the properties of the studied matter. These theories satisfy the criterion of falsification, but the incorrect use of philosophical terminology obscures their actual meaning.

Keywords: Big Bang, vacuum; cosmology, meon; metaontology, nothing, nothingness, ontology, philosophy of nothingness, ukon.

В современной научной и научно-популярной литературе (имеются в виду работы, принадлежащие авторитетным ученым) часто можно встретить утверждения о возникновении Вселенной из ничто, из небытия [Наан 1964; Зельдович 1988; Девис 1989; Каку 2018]. Подобные утверждения, перекликающиеся с богословской доктриной о сотворении ex nihilo, с энтузиазмом подхватываются и тиражируются многочисленными интерпретаторами.

При этом упускается из вида многозначность термина «ничто», чему способствует отсутствие в большинстве европейских языков отдельных терминов для обозначения двух основных значений ничто/небытия.

Греки с античных времен используют два разных слова, обозначающих «ничто»: укон (ουκ όν) и меон (μηόν). Это связано с существованием двух видов греческого отрицания: первое соответствует полному отрицанию бытия, второе же – лишь его неопределенности. В латинском языке более или менее точными эквивалентами этих терминов являются выражения «*nihil privativum*» (привативное ничто) или «*nihil negativum*» (негативное ничто). В силу своей емкости и связи с основополагающими для

европейского мышления философскими текстами греческая терминология представляется наиболее удобной.

Можно сказать, что меон отличается от бытия отсутствием характерных атрибутов, присущих тем формам бытия, которые присутствуют в привычном человеческом опыте. Отсюда – латинский термин «*nihil privativum*» – привативное ничто, т.е. лишенное каких-то качеств или свойств. Меон в каком-то смысле существует и, значит, может находиться в каузальной связи с привычными формами бытия, в том числе выступать как порождающее начало. Поскольку о меоне можно сказать, что он существует, употребление термина «ничто» в значении меон в европейских языках несет значительную метафорическую нагрузку. Меон – это скорее инобытие, альтернативная форма бытия.

Укон – это ничто в более прямом и полном смысле. Этому слову не соответствует никакой денотат в мире бытия, о нем нельзя сказать, что он подразумевает нечто существующее. Именно в значении укон говорил о небытии Парменид. В отношении к укону справедливо утверждение другого представителя элейской школы – Мелисса: из ничего ничего не возникает (*ex nihilo nihil fit*).

Какое именно из двух основных значений термина «ничто» используют современные физики, когда говорят о возникновении Вселенной из ничего? По-видимому, первым, кто озвучил этот тезис в естественно-научном контексте, был советский физик Я.Б. Зельдович. К разработке этого вопроса его подтолкнул результат, ранее полученный, но не проинтерпретированный Л.Д. Ландау. Зельдович пишет: «...любопытно остановиться на одной особенности замкнутого мира: в учебниках пишут, что его масса равна нулю, равны нулю полная энергия и все компоненты импульса замкнутого мира» [Зельдович 1963, с. 380-381].

В одной из последних статей Зельдович поясняет, какие «учебники» имел в виду: «Еще раньше в замечательной книге Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшица “Теория поля” проводилось точное и строго формальное доказательство того, что масса (а значит, и энергия) замкнутого мира тождественно равна нулю» [Зельдович 1988, с. 21].

Соответствующее место в книге Ландау и Лифшица легко найти, там доказывалось, что «закон сохранения полного 4-импульса выполняется тождественно, сводясь к тому, что нуль всегда равен нулю» [Ландау, Лифшиц 1941, с. 280].

Далее Зельдович более доступно разъясняет свою теорию: «Итак, общая теория относительности устраняет последнее препятствие на пути рождения Вселенной “из ничего”. Энергия “ничего” равна нулю. Но и энергия замкнутой Вселенной равна нулю. Значит, закон сохранения энергии не противоречит образованию “из ничего” замкнутой Вселенной» [Зельдович 1988, с. 21].

Заметим, что Зельдович употребляет слово «ничто» в кавычках, подчеркивая, что это метафора. Он говорит о чем-то существующем, но кардинально отличающемся от привычного существования – это, без сомнения, что-то меоническое, меон, каузально порождающий в соответствии с законами сохранения наблюдаемую Вселенную.

Гораздо менее обдуманно поступает Зельдович, когда отвергает принцип *ex nihilo nihil fit*: «Иногда ведь самый общий “закон сохранения” так и формулируют: “из ничего не может получиться ничего”. Такую формулировку я с порога отвергаю – она наивна и ненаучна» [Зельдович 1988, с. 17].

По сути, Зельдович доказал, что возникновение Вселенной из чего-то, имеющего нулевую полную энергию и импульс, электрический, лептонный и барионный заряд и т.д., не противоречит основным физическим законам сохранения. Не более того. Это что-то с нулевыми физическими параметрами правильно рассматривать как какую-то форму инобытия, т.е. меон, метафорическое ничто (из Абсолютного ничто, укона, *ex definitione* ничего не может образоваться).

Но для чего нужна эта сбивающая с толку метафора? Очевидно, для эффектности. Физик делает вид, как будто что-то действительно возникает из ничто, но это ничто при детальном рассмотрении оказывается вполне эмпирическим нечто, хотя и с необычными свойствами. К сожалению, сбитые с толку или недостаточно внимательные интерпретаторы бессознательно раскавычивают метафорическое меоническое ничто.

Раскавычивание меонофизического ничто было произведено эстонским физиком Густавом Нааном. Ссылаясь на Зельдовича, он предложил модель «симметричной Вселенной» [Наан 1964]. Наан полагал, что его модель позволяет ответить на вопрос: почему существует Вселенная? Этот ответ таков: «Вселенная существует потому, что ничто неустойчиво, поляризуется на нечто и антинечто»; «Ничто действительно не может породить (одно лишь) нечто: но оно порождает что-то большее – нечто и антинечто одновременно!» [Там же].

Но обращение в нуль той или иной совокупности физических параметров еще не означает, что мы имеем дело с Абсолютным ничто, зато несомненно, что мы имеем дело с каким-то существующим нечто, настолько странным, что его можно считать инобытием/меоном. Эта меоническая форма действительно может оказаться нестабильной.

Ощущение глубины исчезает, опять мы получаем что-то философски тривиальное и заурядное. Перед нами еще одна теория инобытия, на этот раз физическая. Мы видим, что заманчивое слово «ничто» используется авторами просто для привлечения внимания, в расчете на более широкую аудиторию, чем узкий круг физиков-профессионалов, иронично относящихся к таким рекламным эффектам.

Меон очень соблазнительно рассматривать в качестве колыбели физической Вселенной в ее современном состоянии, как некоторую основу, еще «незахламленную» наблюдаемыми нами в научном и обыденном опыте объектами. Но эта основа – инобытие с какой-то необычной онтологией (не Абсолютное ничто, укон).

Более честно поступал Платон в «Софисте» (257b), когда, используя термин «ничто» в значении меон, выкладывал карты на стол: «Когда мы говорим о небытии, мы разумеем, как видно, не что-то противоположное бытию, но лишь иное» [Платон 1993, с. 329].

Особенность теорий Зельдовича и Наана состоит в том, что они сформулированы с использованием естественно-научных концепций и поэтому выглядят более солидно и научно, чем полумистические или откровенно мистические теории о возникновении (или сотворении) Вселенной из ничто. В них есть рациональное зерно, они имеют объяснительную силу и можно предложить для них способы эмпирической проверки или фальсификации (хотя бы в отдаленной перспективе). Проблема скорее в некорректной интерпретации некоторых понятий, злоупотреблении философской терминологией, в особенности терминами «ничто/небытие». Анализ показывает, что в действительности подразумевается какое-то экзотическое состояние материи, т.е. инобытие/меон, или ничто скорее в метафорическом смысле. Для обозначения подобных теорий будет полезным ввести специальный термин.

Меонофизика – раздел физики, изучающий столь необычные состояния материи, что они могут рассматриваться в качестве инобытия, меона, подчиняющегося некоторой неизвестной онтологии II, отличающейся от онтологии I, описывающей поведение известных нам форм материи.

После Зельдовича и Наана возникло множество аналогичных теорий с различными нюансами, в отношении которых все сказанное остается справедливым. Когда говорится, например, о «квантовом туннелировании из ничто», то под словом «ничто» подразумевается какой-то потенциально эмпирически обнаружимый объект. Это может быть физический вакуум (вакуум в энергетически возбужденном состоянии,

или «ложный вакуум»), «темная материя» и «темная энергия», первичный «огнедышащий» шар, из которого произошла Вселенная, черные дыры и т.д.

Вопрос о том, имеем ли мы в каждом конкретном случае дело с известными нам состояниями материи, бытия или с формами инобытия (описываемыми онтологией П), находится в компетенции естествознания. Вполне возможно, что в ходе дальнейшего изучения исчезнет искушение рассматривать их в качестве физических аналогов ничто/небытия, т.е. в качестве меонических форм.

Меонофизические теории разрабатываются не только в России, но и на Западе. Вот что пишет известный физик и популяризатор науки Пол Девис, нигде не ссылаясь на Зельдовича и Наана: «И все же можем ли мы считать, что физические объекты и даже Вселенная в целом возникают из ничего? Эта смелая гипотеза вполне серьезно обсуждается, например, в научных учреждениях восточного побережья США, где довольно много физиков-теоретиков и специалистов по космологии занимаются разработкой математического аппарата, который помог бы выяснить возможность рождения чего-то из ничего» [Девис 1989, с. 219].

И у нашей точки зрения есть авторитетные сторонники среди крупных ученых. Мы можем присоединиться к мнению британского космолога Мартина Риса, у которого лингвистическая небрежность его коллег вызвала закономерное возмущение: «Космологи иногда утверждают, что Вселенная может возникнуть “из ничего”. Однако это неоправданно вольные замечания. Даже уменьшенная до состояния точки или кванта, наша Вселенная насыщена скрытыми частицами и силами: ее структура и содержимое весьма далеки от того, что философ называет “ничем”» [Рис 2002, с. 135].

Список литературы

1. Булгаков 2008 – *Булгаков С.Н.* Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. 640 с.
2. Георгиев 2012 – *Георгиев В.А.* Сингулярная редукция и проблема феномена небытия // Вестник КГТУ им. А. Н. Туполева. 2012. № 4. Вып. 1. С. 323-326.
3. Гриб 2006 – *Гриб А.А.* Проблема творения Вселенной из ничего в богословии о. Сергия Булгакова и в современной космологии // Русское богословие в европейском контексте. С.Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. С. 259-263.
4. Девис 1989 – *Девис П.* Суперсила. М.: Мир, 1989. 272 с.
5. Зельдович 1963 – *Зельдович Я.Б.* Теория расширяющейся Вселенной, созданная А.А. Фридманом // Успехи физических наук. Т. LXXX. Вып. 3. 1963. С. 357-390.
6. Зельдович 1988 – *Зельдович Я.Б.* Возможно ли образование вселенной «из ничего»? // Природа. 1988. № 4. С. 16-27.
7. Каку 2018 – *Каку М.* Параллельные миры: Об устройстве мироздания, высших измерениях и будущем космоса. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 566 с.
8. Кутырёв 2010 – *Кутырёв В.А.* Бытие или ничто. СПб.: Алетейя, 2010. 496 с.
9. Ландау, Лифшиц 1941 – *Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М.* Теоретическая физика. Т. 4. Теория поля. М.; Л.: Государственное изд-во технико-теоретической литературы, 1941. 283 с.
10. Наан 1964 – *Наан Г.И.* Симметричная Вселенная // Публикации Тартуской астрономической обсерватории. XXXIV. № 2. 1964. С. 421–444. URL: <http://www.u-1-u.narod.ru/n11.html> (дата обращения: 21.01.2021).
11. Платон 1993 – *Платон.* Сочинения в 4-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1993. 528 с.
12. Рис 2002 – *Рис М.* Наша космическая обитель. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2002. 192 с.

13. Солодухо 2001 – *Солодухо Н.М.* Бытие и небытие как предельные основания мира // Вопросы философии. № 6. 2001. С. 176-184.
14. Солодухо 2002 – *Солодухо Н.М.* Философия небытия. Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2002. 146 с.
15. Уэбб 2016 – *Уэбб Дж.* (ред.) Ничто. М.: Бином. Лаборатория знания, 2016. 237 с.
16. Шеллинг 1999 – *Шеллинг Ф.В.Й.* Система мировых эпох: Мюнхенские лекции 1827-1828 гг. в записи Эрнста Ласо. Томск: Водолей, 1999. 320 с.

УДК 330.1

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ГЛАВНЫЙ ЭФФЕКТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Ганичев Николай Александрович

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН

Москва, Россия.

E-mail: nickgan@yandex.ru

В современной экономической теории использование определенной поведенческой гипотезы о рациональном поведении человека является не предметом изучения, а неотъемлемым элементом метода, на котором базируется вся экономическая теория. Использование этой базовой, но очевидно нереалистичной предпосылки является одной из главных причин критики классической экономической теории, а также причиной появления таких направлений как «поведенческая экономика» и «нейроэкономика», которые пытаются решить проблему рациональности экономического субъекта через углубленное изучение причин человеческого поведения. В своем докладе я покажу, что происходящая сейчас в глобальном мировом масштабе «цифровая трансформация» в своем наиболее развитом виде вполне способна «привести реальность в соответствие с теорией», на практике решив задачу рационализации человеческого поведения. В формируемом сейчас дискурсе «цифровой экономики» нет эксплицитного представления о человеке, однако сам по себе цифровой дискурс выполняет перформативные функции, формируя поведение человека как исключительно рационального в экономическом понимании потребителя. Помещенный в искусственную среду, где цифровые платформы аккумулируют и с помощью технологий «искусственного интеллекта» обрабатывают полный объем данных о его доходах, расходах, жизненном статусе, предпочтениях и даже биометрических показателях, человек вынужден становиться частью этой системы. Потребитель вынужден полагаться на рекомендации системы, которые она формирует на основе анализа максимально полной информации о его ограничениях и предпочтениях, исходя из заложенного в нее принципа экономической рациональности.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая трансформация, рационализация, рациональность, искусственный интеллект, инфокоммуникационные технологии.

FORCED HUMAN RATIONALISATION AS A MAJOR EFFECT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Ganichev Nikolay Aleksandrovich

PhD in Economics, Senior Researcher

Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: nickgan@yandex.ru

In modern economic theory, the use of a certain behavioral hypothesis about rational human behaviour is not a subject of study, but an integral element of the method on which the entire economic

theory is based. The use of this basic but obviously unrealistic assumption is one of the main reasons for the criticism of classical economic theory, as well as for the emergence of such trends as “behavioural economics” and “neuroeconomics”, which try to solve the problem of rationality of the economic subject through an in-depth study of the causes of human behaviour. In my report I will show that the “digital transformation” currently taking place on a global scale, in its most developed form, is quite capable of “bringing reality into line with theory” by solving the problem of rationalizing human behavior in practice. There is no explicit human representation in the emerging discourse of the digital economy, but the digital discourse itself performs a performative function, shaping human behavior as a purely rational consumer in economic terms. Placed in an artificial environment where digital platforms accumulate and, with the help of “artificial intelligence” technologies, process the full amount of data about his income, expenses, life status, preferences, and even biometric indicators, the individual is forced to become part of this system. The consumer is forced to rely on the system’s recommendations, which it forms based on an analysis of as much information about his or her constraints and preferences as possible, based on the principle of economic rationality embedded in it.

Keywords: digital economy, digital transformation, rationalization, rationality, artificial intelligence, info-communication technologies.

Понятие рациональности как максимизации человеком целевой функции своих потребностей при заданных ограничениях занимает центральное место в основном течении современной экономической науки. Один из основоположников современной экономической теории – английский экономист Л. Роббинс, определение которого до сих пор считается классическим, говорил, что экономика является «наукой, изучающей человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» [Роббинсон 1993, с. 18].

Поскольку количество доступных рациональному экономическому субъекту ресурсов всегда ограничено, он не может одновременно удовлетворить все свои потребности и вынужден делать выбор на основе двух групп факторов: предпочтений (потребности и желания) и ограничений, характеризующих его объективные возможности (доходы). При этом рациональный экономический субъект живет в условиях недостатка информации – ему известны далеко не все доступные варианты действия, а также результаты известных вариантов. Приобретение дополнительной информации требует издержек, а время, в течение которого необходимо принять решение, является наряду с доходом одним из ресурсных ограничений, а издержки поиска – одним из ценовых ограничений [Автономов 1998].

Между тем существуя в современной цифровой среде, совершая все сделки на различных цифровых платформах и расплачиваясь электронными средствами платежей, человек каждый день оставляет в сети огромный массив данных о своих предпочтениях (что и когда он купил) и ограничениях (состояние счета). Дать определение понятию цифровой экономики и цифровой трансформации – достаточно трудная задача [Ганичев, Кошовец 2018]. Однако ключевой особенностью происходящей сейчас цифровой трансформации является то, что уровень развития базовой цифровой инфраструктуры и накопленный объем вычислительных мощностей позволили не просто регистрировать большой объем данных, но длительное время хранить и обрабатывать их, извлекая полезную информацию и выстраивая на этой основе принципиально новый тип организации бизнеса – «платформы», которые формируют современный базис «цифровой экономики» [Кошовец, Ганичев 2019]. Чаще всего под платформами понимается некая коммуникационная площадка, на которой реализуется весь комплекс экономических отношений между хозяйствующими субъектами (бизнес, домашние хозяйства, государство), осуществляющие в зависимости от цели деятельности разного рода функции [Дьяченко 2018, с. 11]. Такая, построенная на основе ИКТ-инфраструктуры, искусственная среда взаимодействия людей и электронных устройств может использоваться как для оказания традиционных услуг (торговые площадки), так и создавать принципиально новые продукты и услуги, а также весь связанный с ними

комплекс сервисов и инфраструктуры (экосистемы Apple и Android с соответствующими устройствами, операционными системами, магазинами приложений и пр.).

Для нас здесь важным является то, что общим для всех типов платформ является принцип их работы, предполагающий решение задач извлечения, регистрации, хранения, обработки и использования огромных массивов данных, которые превращаются, по сути, в особый тип сырья и могут использоваться для выполнения целого ряда важных функций [Срнчек 2019, с. 35-88]. Одной из таких функций как раз и является четкое выяснение предпочтений потребителя и соотнесение их с его финансовыми возможностями. Складывается ситуация, когда «платформы» знают о предпочтениях и ограничениях действующих на них агентов даже больше, чем сам экономический агент.

Однако простой регистрации и накопления этих данных еще недостаточно, чтобы участвовать в рационализации поведения потребителей. Эту задачу помогает решить ключевая «базовая технология», лежащая в основе цифровой трансформации – «искусственный интеллект» (ИИ). В контексте данного исследования под ИИ понимаются «продвинутое» алгоритмы машинного обучения, особенно – развитые методы «глубокого обучения» и обучения с подкреплением на основе нейронных сетей, принципиальной особенностью которых является способность системы к самообучению. Получая от платформ огромные массивы данных о поведении потребителей, технологии ИИ способны не просто строить на их основе комплексную картину поведения миллионов потребителей, но и все в большей мере управлять их действиями, например, через таргетированную рекламу или путем выборочной выдачи результатов в поисковых системах.

Пока эти технологии еще не достигли того уровня развития, при котором способны полностью взять на себя функцию управления поведением экономического субъекта. Но в предельном варианте развития цифровой экономики, когда абсолютно все транзакции в глобальном масштабе будут проводиться электронными средствами платежей на основе технологии «блокчейна» (оставлять надежный «цифровой след»), а платформы сосредоточат в себе весь объем информации о человеческой жизнедеятельности, включая социальную, физическую, экономическую активность и биомедицинские параметры, функция рационализации поведения может быть окончательно делегирована «вовне». Уровень дохода человека будет определяться цифровыми системами контроля за рабочим местом и системами учета его рабочего времени, которые напрямую влияют на зарплату, а также различными пособиями и выплатами от государства, рассчитываемыми на основе данных единого государственного реестра, содержащего сведения о его семейном положении, собственности, доходах и пр. В свою очередь расходы на электроэнергию, ЖКХ и прочие услуги в такой системе будут определяться на основе «умных» систем энергораспределения, а потребительские товары – рекомендоваться торговыми площадками в строгом соответствии с предпочтениями, которые человек отразил в ходе своей регистрируемой цифровыми платформами социальной активности. При этом в распоряжении алгоритмов ИИ будет достаточно информации, чтобы балансировать эту систему и максимизировать «функцию полезности» как для отдельного индивида, так и для миллионов экономических агентов с учетом заложенных в алгоритмы работы приоритетов, например, связанных с принципами устойчивого развития (метизацией потребления электроэнергии, вредных выбросов в атмосферу и пр.).

Список литературы

1. Автономов 1998 – Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. М.: Экономическая школа, 1998. 230 с.

2. Ганичев, Кошовец 2019 – *Ганичев Н.А., Кошовец О.Б.* Технологический прорыв на базе развития цифровой экономики: возможности, проблемы, риски // Проблемы прогнозирования. 2019. № 6(177). С. 48-59.
3. Ганичев, Кошовец 2019 – *Ганичев Н.А., Кошовец О.Б.* Как посчитать цифровую экономику: между реальностью и конструкцией // ЭКО. 2020. № 2(548). С. 8-36.
4. Дьяченко 2018 – *Дьяченко О.В.* Производственные отношения в условиях перехода к цифровой экономике // Вестник Челя-бинского государственного университета. 2018. № 12(422). Экономические науки. Вып. 63. С. 7-18.
5. Роббинс 1993 – *Роббинс Л.* Понятие объекта, или реального. Предмет экономической науки // THESIS. 1993. № 1. С. 10-23.
6. Срнчек 2019 – *Срнчек Н.* Капитализм платформ. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 128 с.

УДК 140.8

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ И ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Глуздов Дмитрий Викторович

Аспирант

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина

Нижний Новгород, Россия

E-mail: dmitry.gluzdov@mail.ru

В настоящее время взаимосвязь развития человека и информационных технологий, а также их влияние на общество в целом рассматриваются очень активно. Развитие Интернета, современных информационных технологий в общем, а искусственного интеллекта в частности, безусловно, связано с вторжением последнего в жизнь человека. Получив и получая доступ к все большему объему информации о каждом из нас, продукты (искусственного интеллекта) оказывают все более значительное влияние на поведение человека, что приводит к все более возрастающему манипулированию. Последствия этого влияния можно и нужно прогнозировать, чтобы в результате внедрения современных информационных технологий не дать человеку потерять в себе себя, чтобы создать условия для развития и саморазвития. Здесь рассмотрены категории, которые оказываются под влиянием технологий, причем в этом влиянии не просматривается «счастливого конца», а значит, налицо проблема, которой требуется пристальное внимание; необходимо изучить и постараться дать рекомендации по ее решению еще до того момента, когда пути назад уже не будет.

Ключевые слова: свобода, идентичность, самоидентификация, человек, искусственный интеллект, технология, катастрофа, комфорт, иллюзия.

THE PROBLEM OF FREEDOM AND HUMAN IDENTITY IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Gluzdov Dmitriy Viktorovich

Postgraduate student

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: dmitry.gluzdov@mail.ru

Currently, the relationship between human development and information technology, as well as their impact on society as a whole, are being considered very actively. The development of the Internet, of modern information technologies in general and artificial intelligence in particular, is undoubtedly associated with the latter's invasion of human life. Having received

an access to an increasing amount of information about each of us, artificial intelligence has an increasingly significant impact on human behavior, which leads to an ever increasing manipulation. The consequences of this influence can and should be predicted in order to prevent a person from losing himself and to create conditions for development and self-development as a result of the introduction of modern information technologies. The report examines the categories that are influenced by technology, and this influence does not show us a “happy ending”. That means there is a problem that requires close attention; it is necessary to study and try to give recommendations on its solution before the moment when there is no turning back.

Keywords: freedom, identity, self-identification, man, artificial intelligence, technology, disaster, comfort, illusion.

Развитие информационных технологий (компьютерных сетей, методов искусственного интеллекта, специализированных процессоров и т.п.) подготовило условия для применения различных реализаций и дальнейшего массового применения искусственного интеллекта (далее – ИИ) для удовлетворения производственных, финансовых, маркетинговых потребностей крупных корпораций, решения организационно-информационных вопросов как влиятельных политических групп, так и личных потребностей отдельных людей.

Предупреждения и слова озабоченности в отношении развития будущего, об опасностях «недалекого» применения информационных технологий мы слышим от представителей совершенно разных сфер деятельности и направлений:

- **Владимир Александрович Кутырёв:** «В наступившем веке, если не произойдет каких-то чрезвычайных событий, мировой войны или глобальной экологической катастрофы, перед человечеством открывается двойственная перспектива. Либо оно сохранит свою идентичность, «выживет» и будет совершенствоваться как вид *Homo sapiens*, либо приобретет иное качество, превратится в нечто постчеловеческое, роботообразное» [Кутырёв 2001, с. 3].
- **Илон Маск:** «С помощью искусственного интеллекта мы вызываем демона» [McFarland 2014].
- **Юваль Ной Харари:** «Ни политики, ни избиратели толком не разбираются в новых технологиях – не говоря уже о том, чтобы регулировать их взрывоопасный потенциал» [Харари 2019, с. 19].
- **Mark Jones:** «В ИИ слишком много случаев дискриминации, и в некоторых случаях организации даже откладывают планы по его внедрению» [Jones 2021].
- **Европарламент:** «ИИ должен подчиняться человеческому контролю, позволяя людям корректировать или отключать его в случае непредвиденного поведения» [European Parliament 2021].

Чтобы предупредить нежелательные последствия неконтролируемого распространения ИИ во все сферы жизни, необходимо вести поиск, рассматривать подходы и принципы взаимодействия человека с ИИ, чтобы не упустить тот момент, с которого принятие решения человеком будет уже не точным, не корректным. Для понимания направления, в котором необходимо проявлять внимание при изучении развития ИИ, в первую очередь стоит обратить внимание на такие категории, как свобода и идентификация человека, сужение и ограничение которых за счет новых технологий будет иметь непоправимый результат.

Современный ИИ – это технология, которая предполагает машинное самообучение и обработку в том числе огромных массивов и баз данных, что приводит к обобщению этих данных и к выделению в них паттернов, структур данных, уникальных для каждой отдельной задачи. Все это используется для принятия уже самим человеком решений, связанных с контролем над собственным здоровьем, с выбором профессии или партнера, а также с другими подобными экзистенциально значимыми для человека вопросами. ИИ, допущенный к сведениям о нас, которые накапливаются в базах данных,

уже отслеживает и анализирует процесс пребывания человека в сети Интернет, собирает данные о состоянии его здоровья, привычках, стереотипах поведения, эстетических вкусах и увлечениях. Накапливая эти сведения и анализируя поведение человека, ИИ может принимать более взвешенные решения, логичные с точки зрения алгоритма, которые далее сам человек принимает и воспроизводит в отношении самого себя. Несомненно, решения, выработанные и предложенные ИИ, будут более полезны для здоровья и благосостояния человека, чем те, которые принимаются самостоятельно, поскольку человек принимает собственные решения относительно сферы собственной жизни под влиянием того, что отличается эмоциональной яркостью и что он лучше запоминает, а также под влиянием эмоционального значения окружающих событий. Влияние систем с элементами ИИ на человека, несомненно, происходит уже сейчас, а значит, вопрос о свободе должен подниматься сейчас.

Рассуждая о свободе, Ю.Н. Харари в своей работе «Homo Deus. Краткая история будущего» придерживается следующей позиции: «Сегодня у нас есть сканеры головного мозга, которые узнают о желаниях и решениях людей раньше их самих. В одном эксперименте испытуемых помещают в огромный сканер, дав им в каждую руку по сигнальной кнопке. Их просят нажимать на кнопки по своему желанию. Ученые, наблюдающие за нервной деятельностью их мозга, могут сказать, на какую кнопку нажмет испытуемый прежде, чем он это сделает, и даже прежде, чем он осознает свое намерение. Активность нейронов сигнализирует об определенном решении за мгновения... до того, как человек осознает свой выбор» [Харари 2018, с. 333]. Т.е. с его позиции человек не реализует настоящую свободу выбора, а лишь лелеет иллюзию относительно возможностей собственного субъективного волеизъявления. Эти взгляды предполагают крайнюю степень детерминизма – предопределенности поведения человека. Однако если мы будем придерживаться даже этой позиции, в случае развития ИИ ситуация становится еще более бесперспективной, т.к. это развитие может устранить даже и эту иллюзию человека. ИИ будет предлагать человеку выгодные решения, создавать все более комфортные психологические условия жизни путем снятия с него внутреннего напряжения, связанного с выбором линии поведения и ответственности за принятое решение, и это приведет к деградации его моральных и волевых качеств, к ослаблению умственных способностей. Рядовому человеку этот потребительский тренд жизни может очень понравиться. И поначалу лишь гипотетическое предположение об утрате человеком свободы (или ее иллюзии), скорее всего, перерастет в пророчество, которое будет реализовано автоматически «автоматическим» ИИ. И даже если предполагать, что человек обладает хотя бы лишь небольшим определенным спектром свободы, то ИИ при бездумном его использовании может эту свободу распознавать и полностью нивелировать, влияя на выбор человека.

Вроде бы ИИ охраняет человека, учитывает его уникальность и его идентичность в разнообразных сферах его жизнедеятельности – выбор профессии, партнера, дизайна, диеты, лечения, режимов физической нагрузки, характера проведения досуга и отдыха, потребления. Но парадоксальность состоит в том, что предложения, которые он формирует, даже если они более правильные, чем те, которые может сделать сам человек в отношении самого себя, формируют у человека иллюзию полной свободы удовлетворения желаний, и он может даже не чувствовать своей полной безвольности. Тупик в том, что у человека может даже не возникнуть стремления преодолеть такое слабование. Без собственного спонтанного внутреннего желания к реализации той или иной деятельности никакие «подсказки» со стороны не будут иметь инновационного продуктивного результата.

Указанные альтернативы ставят человека перед дилеммой личностного характера: довольствоваться использованием ИИ для комфортного частного потребления или

пользоваться им с целью своего саморазвития, формирования и поддержания идентичности.

Зигмунт Бауман в своей книге «Индивидуализированное общество» пишет: «...проблема, мучающая людей на исходе века, состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность теряет ценность или лишится ее соблазнительных черт» [Бауман 2005, с. 185]. С учетом этих слов применим в качестве образа для визуализации идентичности человека то, что человек видит, глядя в зеркало. В этом случае в эпоху информационного общества этот образ (зеркало) уже представляется разбитым на множество схожих блестящих, но совершенно разных осколков, из которых человек собирает свое зеркало для той идентичности, которую выбрал для себя. Но, даже будучи собранным из частей, зеркало остается разбитым. Подключение же к этой «зеркальной картине» ИИ еще более искажает образ. При влиянии ИИ на решения человека происходит направление его в сторону пусть правильных, но искусственно созданных ориентиров, и «зеркальная картина» становится еще более искаженной – человек все так же глядит в собранное из кусочков разбитое зеркало, но это зеркало уже собрано не им самим, хотя, скорее всего, человек будет уверен в обратном.

Осмыслив место и роль человека в современном мире, можно выбрать правильную стратегию самоконструирования знающей, морально развитой, творческой личности. Для этого необходимо критически относиться к чрезмерному использованию ИИ, создавать в обществе ориентированную на личность систему воспитания и образования.

Список литературы

1. Бауман 2005 – *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Кутырёв 2001 – *Кутырёв В.А.* Культура и технология: борьба миров. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 240 с.
3. Харари 2018 – *Харари Ю.Н.* Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018. 496 с.
4. Харари 2019 – *Харари Ю.Н.* 21 урок для XXI века М.: Синдбад, 2019. 412 с.
5. European Parliament 2021 – *European Parliament Press Releases.* Guidelines for military and non-military use of Artificial Intelligence. 20 January 2021. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20210114IPR95627/guidelines-for-military-and-non-military-use-of-artificial-intelligence> (accessed: 05.04.2021).
6. Jones 2021 – *Jones M.* Is ethical risk getting the better of artificial intelligence? // TechHQ. 2 February 2021. URL: <https://techhq.com/2021/02/is-ethical-risk-getting-the-better-of-artificial-intelligence/> (accessed: 05.04.2021).
7. McFarland 2014 – *McFarland M.* Elon Musk: ‘With artificial intelligence we are summoning the demon’ // Washington Post, 2014. Oct. 24. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/innovations/wp/2014/10/24/elon-musk-with-artificial-intelligence-we-are-summoning-the-demon/> (accessed: 05.04.2021).

ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОЕ ЗНАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ БИОПОЛИТИКИ

Гришечкина Наталья Васильевна

Кандидат философских наук, доцент

*Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского
Саратов, Россия*

E-mail: natalja_grishechkina@rambler.ru

В статье анализируются современные практики квантификации себя в контексте процесса производства научного знания. Выделяются основные характеристики персонализированного знания, выявляется его связь с наукой. Производство персонализированного знания рассматривается как новая форма биополитики – на уровне субъекта, когда субъект одновременно является и объектом контроля, и контролирующей инстанцией.

Ключевые слова: персонализированное знание, биополитика, селф-трекинг, селф-логгинг, трансдисциплинарность, квантифицирование, гражданская наука, производство знания.

PERSONALIZED KNOWLEDGE AS A TOOL FOR BIOPOLITICS

Grishechkina Natalya Vasilievna

PhD in Philosophy, Associate Professor

*Razumovsky Saratov State Medical University
Saratov, Russia*

E-mail: natalja_grishechkina@rambler.ru

The author analyzes modern practices of quantifying self in the context of producing scientific knowledge. The main characteristics of personalized knowledge are distinguished, its connection with science is revealed. The production of personalized knowledge is considered as a new form of biopolitics – at the level of the subject, when the subject is both the object of control and the controlling authority.

Keywords: personalized knowledge, biopolitics, self-tracking, self-logging, transdisciplinarity, quantification, civil science, production of knowledge.

Современное общество с его революционными изменениями создает новую платформу для развития человека – цифровую. И это кардинально меняет привычный ход истории. Нельзя остановить технологическое развитие общества, но важно понимать, в чем заключается новая специфика развития человека, как человек изменяется в цифровом обществе, что необходимо контролировать. Одним из основных условий использования технологий в направлении улучшения человека является знание. Знание рисков, последствий применения той или иной технологии является гарантом ее применения в направлении улучшения. Технологии создаются настолько быстро, что анализ результатов их применения не успевает за их мультиплицированием. Знание в этих условиях становится основным инструментом улучшения, а этический рационализм – единственно верной стратегией безопасности человека. Но здесь возникает проблема изменения знания, а точнее – способа его производства. Способ производства знания в современном обществе становится трансдисциплинарным. Трансдисциплинарное знание – это социально распределенное знание, которое представляет собой результат взаимодействия науки, бизнеса и общества. Трансдисциплинарный способ производства знания становится механизмом

минимизации технологических рисков для человека. Социально распределенное знание – своего рода механизм сдержек и противовесов, позволяющий оценить научную обоснованность, спрос и общественную оценку той или иной технологии. Бизнес и общество способны выдвигать методологические средства определения жизнеспособности научного знания, дополняя базовые критерии истинности критериями практической применимости и этического одобрения.

Современные технологии позволили человеку сделать новый шаг в изучении себя. Различные методы сбора данных позволяют документировать и оцифровать каждый момент индивидуальной жизни. Гэри Вулф и Кевин Келли в 2007 г. придумали термин «quantified self» («измерение себя», другое название – лайфлоггинг или селф-трекинг) для практик сбора данных о самом себе [Wolf 2011, p. 4]. Современный человек все чаще анализирует свою продуктивность, здоровье и привычки при помощи цифр. Безусловно, это направление стало массовым благодаря широкому распространению смартфонов и трекеров (программ или устройств, отслеживающих какие-либо данные). Т.е. сбор данных о себе стал доступным каждому. Это перестало быть прерогативой врачей или людей, имеющих доступ к сложной технике или лабораториям. Данные практики исследования себя являются интересным для науки эмпирическим явлением, заслуживающим дальнейшего изучения.

Далеким от институциональной науки граждане, непрофессиональные ученые самостоятельно используют научные методы и процедуры, такие как проектирование, сбор данных или анализ данных с целью получения знаний о себе и самостоятельного их использования в своей повседневной жизни. Как взаимодействуют данные практики с наукой, каков статус знания, полученного в результате квантификации себя и самоисследования в производстве научного знания в целом? В настоящее время развитие таких явлений как квантификация себя, селф-логгинг, селф-трекинг и т.д. происходит параллельно процессу производства научного знания и является лишь следствием потребления новых технологий, позволяющих каждому сделать себя объектом эмпирических исследований. Медиарепрезентация данных исследований, медиаформы фиксации результатов экспериментов над собой (блоги, дневники, отчеты в соцсетях) инициируют формирование нового способа производства знания, носящего персонализированный характер.

Является ли данное знание научным, возможен ли диалог науки с данной формой производства знания и есть ли основания рассматривать данные практики как зоны обмена между наукой и обществом? Как отмечают Бросард и Левенштейн, данная форма взаимодействия не является способом восполнить «дефицит» научного знания [Brossard, Lewenstein 2010, p. 18]. Также сложно рассматривать активность самоэкспериментаторов как форму «приглашенного участия», когда научные институты целенаправленно вовлекают граждан в исследовательские проекты [Wehling 2012, p. 51]. Интерпретировать данное взаимодействие как «диалог» тоже не представляется возможным [Stilgoe, Lock, Wilsdon 2014, p. 9], т.к. отсутствуют формы контакта и обмена между учеными и самоэкспериментаторами.

Знание, производимое самоэкспериментаторами, характеризуется следующими особенностями:

1. Данное знание персонализировано, т.е. связано непосредственно с личностью экспериментатора, его телом, образом жизни и опытом.
2. Оно обладает практической ценностью и производится с целью управления жизнедеятельностью экспериментатора.
3. Оно верифицировано в ежедневных наблюдениях и экспериментах над собой, вследствие чего получает легитимацию для дальнейшего применения в отношении себя.

Таким образом, знание, производимое персонально, может быть охарактеризовано как персонально верифицированное и практически применимое. Кроме того, его производство базируется на использовании научных подходов, методов и процедур (от организации эксперимента до использования научных методов измерения). Фиксация результатов, их публичное обсуждение, корректировка хода исследования ориентированы на научные образцы проведения исследований. Большое значение в данных практиках придается надежности и достоверности измерительных приборов и операций. В этом контексте нередки случаи, когда самоэкспериментаторы используют различные устройства одновременно в определенный период времени для сравнения данных и результатов. Объективность знания, полученного в результате самоисследований, основана лишь на измерительных показаниях приборов и не отвечает критерию интересубъективности или воспроизводимости результатов, т.к. область исследования, апробации и применения данного знания ограничена только исследователем.

Процесс производства данного знания не ориентирован на массового потребителя, а замкнут на конкретном субъекте. Удовлетворение критерию интересубъективности данного знания возможно на уровне выбора методологии исследования и его проведения, в ходе обсуждения результатов исследования в медиасреде. При этом медиаопосредованность определяет возможности контроля и управления направлением развития и применения данного знания. Мобильные цифровые технологии экстернализируют, делают видимыми не проявленные характеристики нашего тела, делая его доступным для оптимизации [Ruckenstein, Schüll 2017, p. 262]. Таким образом, само тело человека становится пространством взаимодействия и борьбы системного и жизненного мира. Являясь одновременно и исследователем, и испытуемым, селф-трекер производит новый тип знания. Оно имеет, с одной стороны, характеристики научного, т.к. его производство основано на использовании научной методологии и научных критериев, а с другой стороны, это знание является персонализированным, т.к. предназначено для личного практического применения и обладает эффективностью только в отношении конкретного субъекта.

Персонализированное знание отличается от личного опыта, т.к. основано на практиках получения количественной информации, которая была недоступна в личном опыте, и формирования на ее основе новых стратегий жизнедеятельности. В своих поздних трудах Мишель Фуко [Foucault 1988, p. 10] утверждает, что с XVIII в. основной целью власти, пронизывающей социальный порядок, становится контроль жизненных сил тела и биологического существования населения. Он называет эту власть «биовластью». «Биополитика» – такое название он дает механизмам, приемам, технологиям и рациональности, которые используются для контроля и управления жизнью и жизнедеятельностью человека. Персонализированная наука становится платформой развития новой формы биополитики – на уровне субъекта, когда субъект одновременно является и объектом контроля, и контролирующей инстанцией. В рамках этой формы биополитики начинается контроль над самим собой, через контроль своих способностей, активности и производительности труда. И, как утверждает Хилле [Hille 2016, p. 5], контроль над Я начинается со знания этого Я и понимания его жизненных характеристик и деятельности, т.е. с квантификации себя.

Список литературы

1. Brossard, Lewenstein 2010 – *Brossard D., Lewenstein B.V.* A critical appraisal of models of public understanding of science // *Communicating Science: New Agendas in Communication*. L.; N.Y.: Routledge. Pp. 11-39.

2. Foucault 1988 – *Foucault M.* Technologies of the self. Amherst, MA: University of Massachusetts Press.
3. Hille 2016 – *Hille L.* The Quantified Self: ubiquitous control. URL: <http://www.digital-development-debates.org/issue-16-foodfarming-trend-the-quantified-self-ubiquitous-control.html> (accessed: 20.03.2013).
4. Kelly 2013 – Kelly K. The Quantified Century. Quantified Self Conference, Stanford University, Palo Alto, CA. September 15-16, 2012. URL: <http://quantifiedself.com/conference/Palo-Alto-2012> (accessed: 20.03.2013).
5. Ruckenstein, Schüll 2017 – *Ruckenstein M., Schüll N.D.* The datafication of health // Annual Review of Anthropology. Vol. 46(1). Pp. 261-278.
6. Stilgoe, Lock and Wilsdon 2014 – *Stilgoe J., Lock S.J., Wilsdon J.* Why should we promote public engagement with science? // Public Understanding of Science. Vol. 23(1). Pp. 4-15.
7. Wehling 2012 – *Wehling P.* From invited to uninvited participation (and back?): Rethinking civil society engagement in technology assessment and development // Poiesis & Praxis – International Journal of Ethics of Science and Technology Assessment. 2012. Vol. 9(1-2). Pp. 43-60.
8. Wolf 2011 – *Wolf G.* What is The Quantified Self. URL: <http://quantifiedself.com/2011/03/what-is-the-quantified-self/> (accessed: 20.03.2013).

УДК 37.013.44

ОБРАЗОВАНИЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСОВ ФИЛОСОФСКО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Гулеватая Анастасия Николаевна

Аспирант, преподаватель кафедры философии

Национально-исследовательский Южно-Уральский государственный университет

Челябинск, Россия

E-mail: gvin95@mail.ru

В статье автор размышляет об образовании в современный переходный период с позиции постановки проблемных вопросов философско-антропологического характера. Обосновывается актуальность экзистенциально-антропологической тематики философского исследования современной культурной реальности, в том числе образования как части этой реальности. Подчеркивается необходимость постановки вопроса о содержании феномена образования не только на эмпирическом уровне, но и на уровне метафизики.

Ключевые слова: образование, экзистенциальные навыки, метафизика образования, философская антропология, проблемные вопросы, человек, экзистенция.

EDUCATION AS A CULTURAL PHENOMENON IN A TRANSITION PERIOD: TOWARDS THE DISCUSSION OF PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL ISSUES

Gulevataya Anastasia Nikolayevna

Postgraduate student, Lecturer of the Department of Philosophy

National Research South Ural State University

Chelyabinsk, Russia

E-mail: gvin95@mail.ru

In the article, the author reflects on education in the modern transition period from the point of putting the problem issues having philosophical and anthropological character. The topicality of existential and anthropological topics for the philosophical study of cultural reality including education as its part is proved. The author emphasized the necessity of the research of education phenomenon not only at the empirical level but also at the level of metaphysics.

Keywords: education, existential skills, metaphysics of education, philosophical anthropology, problem issues, human, existence.

Говоря об образовании как культурном феномене, мы вступаем на неоднородную и неоднозначную, нечетко размеченную территорию, т.к. для концептов «образование» и «культура» существует широкая палитра значений, для каждого не менее сотни. Говоря об образовании в современный переходный период, мы предпринимаем попытку вступить в сложный, многоуровневый полилог, в котором уже были высказаны и продолжают высказываться различные точки зрения, не всегда бесспорные, зачастую остро дискуссионные. Учитывая это, мы готовы тезисно представить некоторые соображения об экзистенциально-антропологических проблемах образования как культурного феномена в переходный период с ракурса постановки вопросов, с одной стороны, не претендуя на универсальность и несомненность тезисов, которые будут высказаны далее, а с другой стороны, понимая, что полемичность указывает на актуальность затронутой тематики.

Особо важно обратить внимание на смысловую и аксиологическую значимость постановки проблемных вопросов как таковых, т.к., по выражению М.Н. Эпштейна, именно «вопросы... являются источником экзистенциальной неуспокоенности» и именно потому обладают «неотъемлемой ценностью» [Эпштейн 2016, с. 38]. Постановка проблемных вопросов особенно важна, когда «само качество “быть человеком” ставится под сомнение: некогда неотъемлемые признаки принадлежности к человеческому роду, такие как способность жизни и познания, постепенно переносятся на технические и биотехнические устройства. Гуманитарным дисциплинам приходится действовать в режиме постановки вопросов самим себе с целью осознания усиливающейся уязвимости и неопределенности их предмета, а именно человека» [Эпштейн 2016, с. 38].

Экзистенциально-антропологическая тематика философского исследования современной реальности в целом и образования в частности как элемента этой реальности, на наш взгляд, имеет под собой основание, которое выражается в упоминании кризиса, ставшем общим местом [Лебедев 2008]. Философско-антропологические проблемы современной эпохи по-разному концептуализируются мыслителями. Если XX в. стал временем «антропологического поворота» в философии (М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гелен), эпохой «антропологической катастрофы» (М.К. Мамардашвили), «смерти человека» (М. Фуко), этапом трансчеловеческого и проточеловеческого (Н. Бортом, Ж. Делез, М.Н. Эпштейн), а также временем засилья инструментальной рациональности (Ю. Хабермас), то XXI в. не только не предложил решений этих проблем, но и перенес их в новую информационно-цифровую реальность, которую концептуализируют как «третья информационная волна» (Э. Тоффлер), «четвертая технологическая революция» (К. Шваб), «технологическая сингулярность» (Р. Курцвейл).

Переходность эпохи ставит проблему о содержательном наполнении концепта «образование» в XXI в., поднимает вопросы о том, существуют ли цели и идеалы образования в цифровую эпоху, и если да, то каковы они, а главное – каким должен быть образованный человек и является ли современное образовательное пространство пространством становления человеческого в человеке? Именно философско-антропологический подход к образованию, по словам А.А. Дыдрова, «позволяет

абстрагироваться от частных определений содержания и целей образования», позволяет рассматривать образование как «сферу самоопределения человека в мире» и «сферу самообновления человека» [Дыдров 2020, с. 16].

Проблемы века информации, которая, по словам отечественного философа В.В. Савчука, «безучастна к судьбе и переживаниям ее носителей», заставили многих ученых в сфере философии образования уже во второй половине XX в. заговорить о потребности в гуманизации образования (Ш.А. Амонашвили, А.Г. Асмолов, М.М. Бахтин, В.С. Библер, В.П. Зинченко, И.А. Колесникова, Л.П. Буева, А.М. Лобок, Л.М. Лузина, В.И. Слободчиков и др.). И вместе с тем современные исследования, в которых авторы предпринимают попытку антропологического осмысления современного образования с философско-экзистенциальной перспективы, весьма немногочисленны. В их числе – монография С.В. Волковой «Homo Educandus в поисках смысла» [Волкова 2019].

Отечественный философ В.М. Розин отмечает, что «идеалы образованности формулировала философия, но сегодня она сделать этого не в состоянии» [Розин 2020]. На эмпирическом уровне в отечественном образовательном пространстве развитие образования понимается «не как реализация в образовании антропологических и философских концепций человека и культуры, что было характерно для второй половины прошлого столетия, а как сбалансированный ответ на вызовы времени, учитывающие требования рыночной экономики и процесс вхождения России в мировое сообщество» [Розин 2020]. Важно понять, почему это так и какова роль идеала в образовании XXI в.

Необходима постановка вопроса о содержании феномена образования не только на эмпирическом уровне, но и на уровне метафизическом, и в этом и состоит ценность философско-антропологического подхода к проблеме. Стоит помнить о том, что «метафизика как концептуальная схема – это не исторический феномен периода становления философии, а ее смыслообразующий стержень, который не может быть отброшен в принципе» [Миронов 2019, с. 89]. Важно учесть то, что слово «образование» происходит от слов «образовать», «образ». «Образовать» значит «создать», «организовать», а «образ» – это «вид», «облик». Таким образом, «образование – это процесс создания и обустройства человека как существа, обладающего духом, это придание ему определенного духовного образа, облика» [Черноиваненко 2020, с. 89]. Несмотря на появление в конце XX в. ряда работ на уровне концептуального осмысления и несмотря на осознание того, что «современный университет находится в состоянии дезорганизации, а сама концепция, на которой он основывается, требует коренного переосмысления» [Черноиваненко 2020, с. 93], рефлексия об образовании зачастую связана с эмпирикой, но не с метафизикой. И даже на эмпирическом уровне с появлением инструментов цифровой педагогики в фокусе внимания образовательного сообщества оказались частные вопросы методики, но все же недостаточно внимания уделяется глобальным переменам, которым подвержен человек в образовании. Это значит, что философско-антропологический анализ феномена образования концептуально не исчерпан, особенно – в контексте современности, в том числе не изучено экзистенциальное измерение человеческого бытия в образовании вообще и в современном образовательном пространстве в частности (причем в пространстве как и институциональном, так и неформальном, том, которое человек XXI в. формирует для себя самостоятельно).

Данные соображения порождают две категории проблемных вопросов.

Во-первых, что есть образование? Понимание образования как такового «нельзя ограничить лишь предметным исследованием. В этом случае слишком многое остается “за бортом” постижения бытия, которое богаче его рационально-теоретической

интерпретации» [Миронов 2019, с. 91]. Одно из затруднений состоит в том, что у концепта «образование» множество трактовок, и более того, содержательное наполнение концепта связано с эпохой и человеком, которого такая эпоха формирует. Возникают вопросы как метафизического, так и эмпирического характера: что есть образование для человека, как менялось содержание концепта с развитием философской мысли и как, возможно, будет меняться в будущем; каков «человеческий» компонент в концепте образования; образование в цифровом пространстве – это образование чего или кого, это все еще образование человека и для человека, или уже нет, где пролегает граница? Почему, несмотря на разработанность темы, образование по существу не является практикой становления человеческого в человеке (и если когда-то оно и являлось таковой практикой, то в какой именно момент оно утратило статус «института человека» и почему)?

Во-вторых, необходима постановка вопроса о том, какого человека формирует современное образование, и обладает ли этот человек характеристиками экзистенциально-антропологического свойства. Действительно ли под содержанием современного институционального образования понимаются компетенции, умения, знания, навыки, способности, нормы – все, что измеримо в метрологической парадигме, но не человек как таковой, принципиально неизмеримый в своей целостности и непрерывно становящийся? Не содержит ли компетентный подход экзистенциальной угрозы, как «измерительный инструмент» для того, кто находится в непрерывном становлении [Preston 2017]? Каковы философско-антропологические риски феномена оценивания? Современный *homo educandus*, человек образовывающийся, в XXI в. пребывающий в т.н. VUCA-мире (*volatility, uncertainty, complexity, ambiguity* – нестабильность, неопределенность, сложность и неоднозначность), обучается в духе *lifelong learning* – на протяжении всей жизни. М.К. Мамардашвили в работе «Как я понимаю философию» отмечал, что человеку образованному важно не только мыслить, но и «экзистировать» [Мамардашвили 1992]. Современные модели компетенций, навыков и т.д. с экзистенциально-антропологического ракурса выглядят редукционистскими, а «экзистенциальные метанавыки», речь о которых ведется в стратегических документах об образовании будущего, при таком рассмотрении предстают как концептуальное противоречие, попытка измерить (навык) неизмеримое (экзистенциальный). Поэтому представляется важным понять, может ли человек «экзистировать» в образовании вообще и в современном образовательном пространстве в частности, есть ли в современном образовательном пространстве место для его экзистенции. А если мы сводим образование будущего к получению навыков, необходимых для будущего, то зададим вопрос, метафорично сформулированный М.Н. Эпштейном следующим образом: «Каково принципиальное отличие университета, предлагающего приобрести диплом или профессию, от универмага или супермаркета?» [Эпштейн 2016, с. 36].

Что касается эмпирических проблем образования как социокультурного феномена на рубеже эпох, то их можно обозначить в трех ключевых словах: кризис, новации, реформы [Розин 2020]. Например, если мы обратимся к проектируемому образу человека в документе «Образование 20.35. Человек» [Образование 2019], то увидим, что образ человека в образовании будущего прогнозируем и проектируем, он формируется через понимание новых и грядущих социально-экономических реалий как некоей угрозы существованию цивилизации как таковой (кризис). Ключевое внимание человека должно быть направлено на образ глобального будущего. Вместе с этим человек будущего – это системный новатор, испытывающий «благословенное недовольство» и меняющий привычное положение вещей «снизу» (новации). Человек становится инструментом создания желаемого будущего. Часто авторы употребляют выражения

вроде «нам необходимо создать поколение, которое...». Человек будущего не может оставаться на месте, ему предстоит «борьба с вызовами XXI в.», а образование, следовательно, должно человека к этой борьбе будущего подготовить. Человек воспринимается как ресурс, как инструмент для проектирования будущего. Благодаря духовным практикам и психотерапии человек будущего может изменять даже то, что раньше казалось неподвластным: черты характера и личностные особенности – то, что авторы в компетентностной парадигме называют приобретением «экзистенциальных навыков». Однако, как мы уже упомянули, с точки зрения философского анализа «экзистенциальные навыки» являются оксюмороном: экзистенция не может быть измерена, навык же потенциально измерим, описываем и проектируем, поэтому данная концепция предполагает совмещение несовместимого [Preston 2017]. Ценности изменения превалируют над ценностями сохранения (реформы). Возникает важный вопрос на уровне ценностного измерения: ради чего человеку следует меняться? И есть ли в потенциально проектируемом будущем место самому человеку – многомерному и бесконечно становящемуся?

Список литературы

1. Волкова 2019 – *Волкова С.В.* Homo Educandus в поисках смысла. Петрозаводск: ПетрГУ, 2019. 248 с.
2. Дыдров 2020 – *Дыдров А.А.* Человек будущего в контексте инновационных стратегий. Дисс. ... д.филос.наук. Челябинск, 2020. 354 с.
3. Мамардашвили 1992 – *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. URL: https://imwerden.de/pdf/mamardashvili_kak_ya_ponimayu_filosofiyu_1992__ocr.pdf (дата обращения: 3.04.2021).
4. Миронов 2019 – *Миронов В.В.* Метафизика не умирает (Хайдеггер и его защита метафизики) // *Миронов В.В.* Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 3. С. 84-97.
5. Образование 2017 – Образование 20.35. Человек / АСИ. Екатеринбург: Издательские решения, 2017. Т. 7. 158 с. URL: <https://rf2035.net/books/3-07> (дата обращения: 01.03.21).
6. Розин 2020 – *Розин В.М.* Философия образования. Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020.
7. Лебедев 2008 – Философия социальных и гуманитарных наук. Учебное пособие для вузов / Под общ. ред. проф. *С.А. Лебедева*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2008. 733 с.
8. Черноиваненко 2020 – *Черноиваненко Е.М.* Логика человеческой жизни. М.: Издательство АСТ, 2020. 480 с.
9. Эпштейн 2016 – *Эпштейн М.Н.* От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.
10. Preston 2017 – *Preston J.* Competence Based Education and Training (CBET) And The End of Human Learning: The Existential Threat of Competency. Springer, 2017.

**В ПОИСКАХ ЗДРАВОГО СМЫСЛА В СЕРИЙНОЙ МОНОГАМИИ:
ВЗГЛЯД РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ***

Ивашечкина Дарья Евгеньевна

Аспирант

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им.

Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

Янак Алина Леонидовна

Кандидат социологических наук, старший преподаватель

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

E-mail: alinayanak91@yandex.ru

Рассматриваются основные тенденции изменения сферы брачно-семейных отношений в России с использованием данных официальной статистики в области демографии и итогов Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения. Представлено мнение православных деятелей и служителей Церкви о проблемах семьи и брака, транслируемое на площадках сети Интернет.

Ключевые слова. Семья, брак, супружество, родительство, функции семьи, серийная моногамия, Русская Православная Церковь.

**IN SEARCH OF COMMON SENSE IN SERIAL MONOGAMY:
A VIEW OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH**

Ivashechkina Daria Evgenievna

Postgraduate student

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

Yanak Alina Leonidovna

PhD in Sociology, Senior Lecturer

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: alinayanak91@yandex.ru

The main trends in changes in the sphere of marriage and family relations in Russia are examined with the use of official statistics in the field of demography and the results of the Russian monitoring of the economic situation and health of the population. The opinion of Orthodox figures and Church priests on the problems of family and marriage, broadcast on the Internet sites, is presented.

Keywords: Family, marriage, matrimony, parenthood, family functions, serial monogamy, Russian Orthodox Church.

* Подготовлено при поддержке гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук, проект № МК-641.2021.2.

Трансформация института семьи в России рассматривается исследователями с точки зрения уменьшения размера семьи, процесса нуклеаризации и распространения новых форм супружества.

В ходе исследования Фонда Общественное Мнение 2013 г. «Ценности: религиозность» выяснилось, что 64% респондентов отнесли себя к православным верующим [Ценности: религиозность 2013]. Данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) 2017 года демонстрируют, что к православным относят себя 80% респондентов, при этом 32% считают себя верующими, 43% – скорее верующими [RLMS HSE 2017].

Несмотря на результаты всероссийских опросов, фиксирующие большое количество россиян, относящих себя к православным, и превалирование супружеско-детного образа жизни россиян, о доминировании первобрачной формы супружества говорить не приходится.

Согласно итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2017 г., в России доля женщин в возрасте от 30 до 34 лет, состоящих в повторном зарегистрированном или незарегистрированном браке, от всех женщин, состоящих в браке, составила 21,1%. Среди женщин старше 40 лет этот процент выше – 26,4% [Федеральная служба государственной статистики 2017].

Кроме того, в России велико число неполных семей, воспитывающих детей. По данным Росстата, в 2018 г. одинокие матери, воспитывающие детей моложе 18 лет, составили 28,9% от числа всех семейных ячеек, имеющих детей до 18 лет. Большинство из них воспитывают одного ребёнка (80%), почти 17% воспитывают двух детей [Федеральная служба государственной статистики 2018].

Отечественные исследователи отмечают распространённость новых форм семьи. Современный человек может последовательно создавать несколько моногамных союзов на протяжении своей жизни, и для описания этой формы семейного взаимодействия используется категория «серийная моногамия». Отмечается и снижение числа регистрируемых браков, что позволяет говорить о том, что сожителство закрепляется как один из этапов развития семейных отношений и легитимируется не только молодыми людьми, но и людьми зрелого возраста, вступающими в постразводные или повторнобрачные отношения. Субинституты супружества, родительства и родства приобретают большую автономность, сохраняя взаимное влияние [Егорова 2019].

На фоне происходящих изменений в сфере семьи и брака представляет интерес мнение Русской Православной Церкви о перспективах современного устройства семейной жизни, ведь, несмотря на то, что большая часть православных верующих в России относится к поверхностно верующим, ритуально они имеют отношение к религии и церкви.

В «Основах Социальной Концепции» РПЦ заявляет Поддержку института семьи, материнства и детства одной из областей «сотрудничества» Церкви и государства [Основы социальной концепции Русской Православной Церкви 2008].

Стоит отметить, что проблемы современной семьи в России активно обсуждаются православным сообществом. Так, на интернет-портале «Матроны.Ру» существует раздел «Отношения», в котором публикуются интервью с религиозными и общественными деятелями, психологами, психотерапевтами, и нередко публикации посвящены проблемам развода в семье, способам помощи детям в семьях, где родители решили развестись: «Озвучьте свое решение о разводе. Лучше всего, когда о своем решении больше не быть парой ребенку сообщают оба родителя (или по очереди), на понятном для него языке... Нужно и самим понимать: развод возможен лишь между супругами, а не между родителями. Быть родителем – это уже навсегда» [Чеснова 2017].

Встречаются публикации, в которых подчёркивается важность выстраивания крепких супружеских отношений, не только родительских, что ещё раз свидетельствует об автономизации субинститута родительства: «Сейчас у меня двое детей. Но после замужества я некоторое время сознательно откладывала беременность. И я хочу поделиться своим опытом именно с теми, кто, как я, детей хочет, но согласен, что основа семьи – именно супруги, их союз» [Зубова 2017].

Эпоха цифровизации позволяет получать информацию не только из СМИ, но и из социальных сетей. Крупной площадкой для высказывания мнений, анонсирования важных событий и их обсуждения можно считать Инстаграм и официальные аккаунты представителей РПЦ в нём. Например, в аккаунте председателя Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства, иерея Федора Лукьянова насчитывается 4258 подписчиков, его посты посвящены проблемам абортов, распада семьи, вопросам репродуктивных технологий. Причина развода в семье, по утверждению священника, состоит в невозможности супругов выстроить крепкие духовные отношения: «В ЗАГСе нам дают данные о том, что большинство людей свой разрыв объясняют следующими словами: «Не сошлись характерами». А что значит «не сошлись характерами»? Это значит, что встретились два божества, которые требовали друг от друга служения своим личным интересам. И речь у них не шла о том, чтобы убрать свое «я» с первого места ... Любовь имеет свои стадии, как зерно, лежащее в земле. Сначала физическая привлекательность, чувственное, дружественное, а потом и духовное родство» [Лукьянов 19.10.2021].

И в публикациях председателя патриаршей комиссии, и в публикациях портала «Матроны.Ру» поднимается проблема необходимости выстраивания благоприятной атмосферы в семье и важности развития межличностного отношения между супругами как способов преодоления конфликтов, возможности избежать распада семьи. Ожидаемо, в постах и публикациях часто цитируется догматика, упоминаются религиозные праздники, но освещение получают и проблемы разводов, пути решения конфликтов родителей и детей в постразводных семьях.

Список литературы

1. RLMS HSE 2017 – «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом "Высшая школа экономики" и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. 2017. (Сайты обследования RLMS HSE: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>).
2. Егорова 2019 – Егорова Н.Ю. Формы супружества в современной России: сравнение социально-демографических характеристик // Петербургская социология сегодня. 2019. №11. С. 81–98.
3. Зубова 2017 – Зубова В. Отложенное родительство. Интернет-портал «Матроны.Ру». 16.10.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.matrony.ru/otlozhennoe-roditelstvo/>.
4. Лукьянов 2021 – Лукьянов Ф. Публикация в Инстаграм-аккаунте. 19.10.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/p/CVM4P4Fsvge/>.
5. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>.
6. Федеральная служба государственной статистики. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2017 году. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/reports.html.

7. Федеральная служба государственной статистики. Структура семейных ячеек по числу детей моложе 18 лет. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807>
8. Ценности: религиозность. Исследование ФОМ. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Tema-predlozhena-polzovatelem/10953>.
9. Чеснова 2017 – Чеснова И. После развода: как уберечь ребенка от травмы. Интернет-портал «Матроны.Ру». 11.08.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.matrony.ru/posle-razvoda-kak-uberech-rebenka-ot-travmyi/>.

УДК 159.9.01: 165

ТЕХНИЗАЦИЯ МЫШЛЕНИЯ И ТЕХНИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ИСТОКИ И РИСКИ

Ковалев Дмитрий Викторович

Аспирант

Вологодский Государственный Университет

Вологда, Россия

E-mail: 3482041@mail.ru

В статье дан философский анализ трансформации феномена мышления под влиянием фактора технизации в парадигмальном единстве комплекса ее источников, механизмов, процессов и результатов. На основе подхода о сознании как отражении действительности делается попытка отследить момент появления феномена современной «технической рациональности» мышления, дать анализ природы ее возникновения. Показана зависимость стадий технизации мышления от среды жизнедеятельности человека, его «жизненного мира» – первой, второй и третьей природы – и формирования трех основных исторических типов мышления: мифологического, религиозного, индустриального. Мифологическое мышление рассматривается через призму современного понятийного мышления – за ним признается своеобразная техника и следование своей «рациональности». Хотя массового религиозного сознания в «чистом виде» никогда не существовало, тем не менее этот тип мышления дал человеку принцип бинарной оппозиции, который лег в основу технизации мышления. Индустриальное мышление рассматривается как тип мышления, прошедший соответствующую ступень технизации для функционирования его в сфере массового производства и потребления. Затрагивается проблема оценки рисков технизирующей трансформации мышления и сознания в целом.

Ключевые слова: сознание, технизация мышления, человек, бриколаж, техническая рациональность, глобальная цивилизация, третья природа, киборгизация.

TECHNICALIZATION OF THINKING AND TECHNICAL RATIONALITY: ORIGINS AND RISKS

Kovalev Dmitriy Viktorovich

Postgraduate student

Vologda State University

Vologda, Russia

E-mail: 3482041@mail.ru

The article provides a philosophical analysis of the transformation of the phenomenon of thinking under the influence of the factor of technicalization in the paradigmatic unity of the complex of its sources, mechanisms, processes and results. On the basis of the approach about consciousness as a reflection of reality, an attempt is made to trace the moment of the appearance of the phenomenon of modern “technical rationality” of thinking, to analyze the nature of

its occurrence. The article shows the dependence of the stages of technicalization of thinking on the environment of human life, his “life world” – the first, second and third nature – and the formation of three main historical types of thinking: mythological, religious, industrial. Mythological thinking is viewed through the prism of modern conceptual thinking – a kind of technique and adherence to its “rationality” are recognized for it. Although mass religious consciousness never existed in its “pure form”, nevertheless, this type of thinking gave man the principle of binary opposition, which formed the basis for the technicalization of thinking. Industrial thinking is considered as a type of thinking that has passed the appropriate stage of technicalization for its functioning in the sphere of mass production and consumption. The problem of assessing the risks of the technical transformation of thinking and consciousness as a whole is touched upon.

Keywords: consciousness, technicalization of thinking, man, bricolage, technical rationality, global civilization, third nature, cyborgization.

Мощь воздействия техносферы на человека и его сознание в современном мире породила понятие «технизация» в значении процессов и результатов внедрения техники, технических средств и приемов работы в какую-либо сферу деятельности, а в конечном итоге – втягивания в свою орбиту всех сфер культуры, всех сторон бытия человека и аспектов его жизнедеятельности, в том числе мышления.

Мышление – процесс, формирующий новую мысленную репрезентацию; это происходит путем преобразования информации, достигаемого в сложном взаимодействии мысленных атрибутов суждения, абстрагирования, рассуждения, воображения и решения задач. В этом определении уже заложена связь мышления с рациональностью – сложное взаимодействие атрибутов не может долго быть хаотичным; рано или поздно складывается алгоритм, модель и, наконец, рациональность мышления.

Стоит, во-первых, отметить, что мышление когнитивно, действует «внутри», судить о нем можно по поведению. Отсюда – «язык тела», которому придавали большое значение древние, и «статусные» вещи у современного человека. Во-вторых, мышление – это процесс, при котором в когнитивной системе происходит некоторая манипуляция знаниями. Хаос мышления сменяется алгоритмами и рациональностью. Здесь важную роль играет то, как мышление соотносит прошлую информацию с текущей. Наконец, в-третьих, мышление направлено, и его результат – техника поведения. Можно предположить, что чем больше функций берет на себя техника, тем более не востребовано мышление. Мышление – совершение в уме действий с понятиями (для человека первой природы – с образами и подобиями), их разделение и сочленение. Мышление свидетельствует о сознании, трансформация мышления свидетельствует о трансформации сознания в целом.

Мышление – функция сознания, которое имеет свойство отражать реальность. Мышление как процесс протекает по определенным законам, правилам или алгоритмам. Наиболее логичными «законами» мышления являются рациональности. Техническая рациональность в свою очередь связана с научной и внеаучной рациональностью.

Закрепившиеся в сознании алгоритмы мышления и поведенческие модели тоже можно отнести к технизации сознания. Т.е. технизация сознания как процесс вполне могла начаться еще до появления техносферы как таковой – само тело человека есть инструмент, посредством которого сознание взаимодействует с внешним миром. Другими словами, технизация присутствовала в сознании в целом и мыслительных процессах в частности. Ряд мыслителей (Р. Барт, М. Элиаде, А.Ф. Лосев, М.Ю. Тимофеев) считали мифосознание наиболее объемной универсальной и «живучей» формой сознания. Оно приходит на помощь, когда заканчиваются ресурсы научной рациональности, обыденного мышления и других форм и способов. Эту живучесть можно объяснить тем, что тело человека легло в основание мифосознания. Е.Я. Режабек

считает, что тело стало масштабом восприятия, задало мерку чтения [Режабек 2003, с. 96]. Из членения частей тела произошли прочие членения и дистинкции окружающего бытия. Тело задало систему координат, в которой позже и развивалась техносфера.

Техническая мысль доиндустриального периода порождала предметы многоцелевого назначения. Техническая рациональность долгое время строилась на принципе «у-вэй», предполагающем невмешательство в естественные процессы, в технологию природы и приспособление индивида к социальным процессам, самоизменение, но не изменение действующих социальных структур. Техническая рациональность далеко не всегда была доминирующим фактором для технизации мышления, но, начиная со Средневековья, европейский человек воспринимает окружающий мир и других людей как ресурсы, все более игнорируя эмоционально-оценочный аспект.

Сознание человека первой природы тоже вполне технизировано – роль рациональности здесь играет тотемизм, предполагающий свою логику мышления. К. Леви-Стросс отстаивал тезис о потенциальном равенстве логической мощи мышления человека первой природы и современного европейца [Леви-Стросс 1994, с. 7]. В разделе «Тотемизм сегодня» он в качестве эпиграфа выбрал изречение О. Конта: «...Логические законы, которые в конечном счете управляют интеллектуальным миром, по своей природе суть неизменные и общие не только для всех времен и географических пространств, но также и для всех субъектов, даже без какого-либо различия на субъекты реальные и химерические: эти законы соблюдаются на глубинном уровне, вплоть до сновидений...» [Леви-Стросс 1994, с. 11].

Действительно, при внимательном взгляде на все аспекты бытия человека первой природы обнаруживается довольно жесткая, технологическая упорядоченность действий, сочетающаяся с вариативностью поведения, что невозможно без некоей техники мышления. Как заметил О. Бальзак, «только дикари, крестьяне и жители провинции способны так хитро и всесторонне обдумать свои дела; поэтому, когда они от мысли переходят к делу, они действуют наверняка» [Бальзак 1952, с. 300].

Тотемическая «рациональность мышления» проявляется у ее носителей в технологии идентификации. Специфические коды (логические формы) применяются для определения сходства и различия членов социальных групп между собой и окружающей природой, когда используются такие операции современного мышления, как обобщение, соединение, мысленная детализация от общего к частному и наоборот. Совокупность таких операций возможна при отсутствии математических расчетов и письменности, возможна только при наличии техник мышления, обладающих специфической логической формой, позволяющей фиксировать значимое содержание, абстрагировать и конкретизировать информацию.

Табу и запреты были значимыми факторами технизации сознания, со временем претерпели трансформацию и стали законами, правилами, инструкциями. Принцип партиципации – слияния познающего и познаваемого в одно – не предполагал разделения на объект и субъект. Отождествление себя с предметом или орудием труда будет характерно для рабочих и служащих в индустриальную эпоху. В дальнейшем связь образов и понятий будут осуществлять знаки, техника много внесет в знаковую систему, технологии создадут связи между элементами системы. Доиндустриальная и допонятийная мысль «работает» чувственными образами. Технизация осуществляется через бриколаж, элементы которого играют роль единиц мышления. Техника бриколажа очень зависима от конкретной жизненной ситуации, но в целом такое мышление тяготеет к упорядоченности. Свойства вновь обнаруженных предметов мышление дифференцирует через бинарную оппозицию, основанную на контрасте. Позже эта техника мышления трансформируется в четкое разграничение добра и зла, временного и

вечного, духовного и материального – в религиях «осевого времени». В индустриальную эпоху полезность и отношение человека к предмету определяет техническая рациональность.

В целом сознание человека проделывает путь от зооцентризма первой природы к антропоцентризму второй и к техноцентризму третьей. Третья природа рассматривается чаще всего как следующая (после второй природы) ступень удаления от естественной среды в результате научно-технической революции: это или искусственная жизнь, создаваемая человечеством, или искусственный интеллект, зарождающийся в недрах компьютеров. Так, Э.С. Демиденко рассматривает как третью природу искусственную жизнь, создаваемую человечеством. Усложняя «вторую природу», – отмечает данный автор, – в соответствии со своими потребностями, «человек разумный» приступает и к творению «третьей природы», или искусственной жизни, органически связанной со «второй», но качественно от нее отличной» [Демиденко 1994, с. 90].

Когда на место мифологии заступает религия (чему особенно способствовало развитие технологий земледелия), созерцание начинает трансформироваться в абстрактное мышление, внутренняя работа над собой – в менталитет «фаустовского» человека и улучшение уже не себя, а окружающего пространства вместе с населением.

Рабочий может «сливаться» в одно целое с машиной или потребитель – с любимой вещью, но за этим «слиянием» уже не стоит духовной сущности, как в древнем мифомышлении. Однако человек, прошедший технизацию сознания на уровне инженерной подготовки, способен к высокой степени абстрагирования. Чем выше технологический уровень цивилизации, тем более теряется древняя техника бриколажа с характерной для нее высокой степенью вариативности. Все меньше предметов многоцелевого использования, все больше «узких» специалистов. В результате страдает воображение, а значит, и созерцание. Связь с тотемом давно утеряна, «горный мир» сведен в одномерное пространство технической и научной рациональностью, и сознание вынуждено отражать лишь техносферу.

Таким образом, взаимосвязь процессов технизации сознания как прежде всего его рационализации и ценностной релятивизации, с одной стороны, и становления третьей природы как мира инфосферы и символизмов, которые принимает индивид в процессах социализации, с другой, «резонансно» усиливает их значение как факторов прогрессирующего развития техносферы и трансформационных изменений форм человеческого существования в современных обществах. На современном историческом этапе эта «диалектика» несет перспективу/угрозу видоизменения человека как объекта технических манипуляций, распространения технологического подхода на все сферы его жизни: от производства и управления до межличностного общения и решения психологических проблем.

Человеческое тело как система координат уже более не «устраивает» технизированное мышление, но никто, в том числе и трансгуманисты, не может предложить ничего лучшего. Современное сознание в целом и мышление в частности – продукт разных областей жизни, тогда как древнее сознание довольно цельно. Это касается и научного мышления, которое дробит мир. Техническая рациональность предлагает такую форму мышления и модель поведения, которая собирает техногенную цивилизацию воедино, в одномерную реальность. То, что техническая рациональность поглотила научную и задает тон «религиозной рациональности» – состоявшийся факт. Сможет ли техносфера в нужном для нее русле технизировать мифосознание, покажет будущее. Миф очень живуч и, как уже говорилось, основание имеет в понимании человеком своего тела. Не для этого ли идет активная работа над трансформацией человеческого тела – киборгизация? Трансформация путем искажения, профанации,

затягивания в одномерное пространство базовых архетипов и понятий, все еще работающих в религиозном мышлении на принципах бинарной оппозиции, ведет к стандартизации, упрощению способов самоидентификации, утрате человеком свободы проектирования собственной идентичности. Самым характерным примером подобной ситуации является кризис национально-культурной специфики, который вызван конфликтом ценностей, обобщением культуры, сужением границ реальной коммуникации.

Список литературы

1. Бальзак 1952 – *Бальзак О.* Музей Древностей. Собр. соч.: в 15 т. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1952. 560 с.
2. Демиденко 1994 – *Демиденко Э.С.* Ноосферные изменения. Экософия и новая культурная парадигма // Историческая поступь культуры: земледельческая, урбанистическая, ноосферная. Брянск, 1994. С. 85-110.
3. Леви-Строс 1994 – *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
4. Режабек 2003 – *Режабек Е.Я.* Мифомышление (когнитивный анализ). М.: Едиториал, 2003. 304 с.

УДК 303.01

ЭТИЧЕСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Малиновская Нина Михайловна

Кандидат философских наук, доцент

Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»

Москва, Россия

E-mail: ninamalinovskaya@yandex.ru

В статье обоснована актуальность содержательной разработки понятия этической революции как для практики воспитания, образования и самообразования, становящегося непрерывным, так и при оценке инновационных технологий в категориях добра и зла. Предложена оригинальная концепция этических революций, которая коррелируется с теорией типов совместной деятельности и профессиональных революций.

Этика институционализируется сейчас не просто как философская дисциплина, а как синтетическая область знаний о смыслах человеческой деятельности. С момента своего возникновения она задавала модели синтеза знаний, обоснованных с точки зрения их всеобщности и необходимости, с учением о добродетели, о морали. Этическое знание не имеет ценности, если не реализуется в деятельности.

Под этической революцией следует понимать переворот в способах включения человеческих индивидов в совместную деятельность, изменяющую самих людей. Показано, какие моральные качества, формировались в исторически возникавших формах взаимодействия: работа, труд, дело, служба, профессия, занятие и, наконец, то, что называется сейчас «активностью». Последовательность этических революций представлена в таблице.

Шестая этическая революция, участниками которой мы являемся, состоит в переходе к совместной творческой деятельности, что потребует одновременного следования пяти императивам – культурного, морального, духовного, социального, индивидуального творчества. Работа над собой требует наполнения индивидуального творчества таким содержанием, которое обеспечит встраивание человека в совместную творческую деятельность и проверку его человеческих качеств в опыте.

Ключевые слова: богослужение, деятельность, занятие, моральное творчество, предпринимательство, профессия, работа, рабство, ремесло, служба, труд.

ETHICAL REVOLUTIONS

Malinovskaya Nina Mikhailovna
PhD in Philosophy, Associate Professor
Moscow Power Engineering Institute
Moscow, Russia
E-mail: ninamalinovskaya@yandex.ru

The article substantiates the relevance of the meaningful development of the concept of an ethical revolution both for the practice of upbringing, education and self-education, which becomes continuous, and for the assessment of innovative technologies in the categories of good and evil. An original concept of ethical revolutions is proposed, which is correlated with the theory of types of joint activities and professional revolutions.

Ethics is now being institutionalized not just as a philosophical discipline, but as a synthetic field of knowledge about the meanings of human activity. Since its inception, it has been setting models for the synthesis of knowledge, justified from the point of view of its universality and necessity, with the doctrine of virtue and morality. Ethical knowledge has no value if it is not realized in activities.

The ethical revolution should be understood as a revolution in the ways in which human individuals are included in joint activities that change people themselves. It is shown what moral qualities were formed in historically emerging forms of interaction: work, labor, business, ministrations, profession, occupation and, finally, what is now called “activity”. The sequence of ethical revolutions is presented in the table.

The sixth ethical revolution, of which we are participants, consists in the transition to joint creative activity, which will require the simultaneous adherence to five imperatives – cultural, moral, spiritual, social, individual creativity. Working on oneself requires filling individual creativity with such content that will ensure the integration of a person into the joint creative activity, and test his human qualities in experience.

Keywords: ministrations, activity; moral creativity, business, profession, work, occupation, slavery, craft, service, labor.

«Ora et labora» – «Молись и трудись»
Девиз ордена бенедиктинцев
«У меня растут года – будет мне семнадцать.
Где работать мне тогда, чем заниматься?»
В. Маяковский

На конференции 2019 г. при обсуждении одного из докладов прозвучал вопрос: «Этические революции в истории происходили»? Он остался без ответа, но заставил задуматься (о профессиональных революциях, связанных с эволюцией типов совместной деятельности, со ссылками на Л.И. Уманского и П.В. Малиновского, см.: [Малиновская 2019, с. 152-153]).

Необходимость в понятии *этической революции* (ЭР) возникает при оценке современных технологий в категориях добра и зла. Об этом свидетельствует проведение международных конференций по оценке технологий, на которых обсуждаются ценностные аспекты инноваций, а также создание в ряде стран соответствующих организаций [Андреев, Малиновская 2021, с. 101-102]. Прибыль в денежном выражении по-прежнему является главной целью любых инвестиций. Тем не менее этические рамки приобретают четкие контуры в документах ООН и ЕС [2015: Partnerships for the SDGs]. Этика институционализируется как синтетическая область знаний о смысле человеческой деятельности.

Этика с момента своего возникновения в IV в до н.э. задавала модели синтеза знаний, обоснованных с точки зрения их всеобщности и необходимости, с учением о добродетели, в котором Сократ на полвека ранее поставил вопрос об общем понятии блага. Парадокс моральной философии Сократа: «Моя мудрость состоит в том, что я знаю, что я не знаю определения общего блага и никому его не диктую», – разрешается Аристотелем иначе. Этическое знание не имеет ценности, если не реализуется в деятельности. Добродетельная личность, руководствующаяся принципом меры, в сложной ситуации поступит наилучшим образом: «Добродетельный поступок – это поступок добродетельного человека». И принцип меры работает, в то время как более простой талион в условиях усложнения деятельности не работает. В непредсказуемых обстоятельствах политик, полководец, а также врач и учитель, обладая систематизированными знаниями, берут на себя ответственность за жизнь других людей и принимают решение с учетом достижения общего блага как цели. «Этика – часть политики» [Аристотель 1984, с. 296].

Чтобы узнать о человеке самое главное, мы обычно задаем вопрос: кем он работает, на кого учится? Аналогично в отношении перспектив, открывающихся на стадии цифровизации различных сфер социальной реальности, следует ответить прежде всего на вопрос: где «работать мне тогда, чем заниматься?».

Под этической революцией следует понимать переворот в способах включения человеческих индивидов в совместную деятельность, изменяющую самих людей. Личностно-психологические свойства – добродетели (устар.), или моральные качества, формировались в исторически возникавших формах взаимодействия людей: работа, труд, дело, ремесло, торговля, служба, профессия, занятие и, наконец, то, что называется сейчас «активностью». (См. табл.)

Предпосылки первой ЭР можно увидеть и в преодолении страха перед огнем, и в настойчивых поисках пищи и укрытия в природе. После краха вместе с СССР советских теорий трудового воспитания статья Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» послужила сатирикам поводом для насмешек. Священное Писание тоже учит, что первый человек наказан трудом за грех непослушания. Труд – это наказание, проклятие [Быт. 3:19]. Примерно каждый десятый студент при ответе на вопрос, в чем трагизм человеческого существования, выбирает вариант: необходимость трудиться.

Таблица «Этические революции»

Время	Способ существования человека в природной и социальной реальности	Ключевое моральное качество	Пороки и грехи	В перспективе 100 лет
8-4/3 тыс. лет до н.э.	работа	дисциплина, взаимопомощь, послушание	своеволие	работа по найму сохранится
Конец 2 тыс. до н.э.	тяжелый труд	упорство, терпение, усердие	лень	спорт искусство возделывание земли
1 тыс. до н.э.	дело: ремесло и торговля	культурное творчество, моральное творчество,	стяжательство, алчность	банковское дело, страхование, предпринимательство

		честность		
XI в.	служение	духовное творчество, самоотверженность	двуличие бездуховность фанатизм	служба в армии, церкви, юридическая служба, госслужба,
Середина XVI в.	профессия	социальное творчество, ответственность	имитация деятельности гордыня	фундаментальное условие сохранения достижений человеческой цивилизации
Конец XIX – XXI вв.	занятие	индивидуальное творчество, законопослушание	зависть	будет преобладать

Металлургия бронзового века давала неоспоримые преимущества в сражениях. Передовые государства завоевывали отсталые народы и превращали их в рабов. Подчинение воле другого человека в процессе совместно-взаимодействующей деятельности можно считать *первой ЭР*. Ребята-сыновья, в семье – работники, должны слушаться отца. Работа «на другого» и по воле другого в дальнейшем видоизменяется.

Вторая ЭР началась, когда людям пришлось напряженно трудиться, изготавливать и использовать железные орудия труда – плавить руду, пахать землю, копать колодцы. «Трудный» в русском языке практически то же, что тяжелый. На латыни «laboga» изначально – беда, тягота (наказание).

Трудовое воспитание закаляет волю, формирует: 1) способность преодолевать всевозможные препятствия, лень и усталость; 2) целеустремленность, способность доводить начатое дело до конца; 3) способность помогать другому, поддерживать товарища; 4) способность признавать авторитет мастера, наставника; 5) стремление превзойти результат свой и чужой, способность соревноваться, конкурировать.

«Преобразование вещества природы» сопровождается нравственным и духовным преображением человека. Труженик увлекается «игрой физических и интеллектуальных сил» (К. Маркс). В царствование царя Соломона (X в. до н.э.) появляется парадоксальное понятие трудолюбия [Притч. 6.6-11].

В начале железного века все более и более отделяются друг от друга:

- труд, основанный на применении мускульной силы;
- ручной труд, ремесло – искусство создания необходимых для удовлетворения человеческих потребностей предметов – обуви, одежды, посуды, мебели, украшений. Произведения античного искусства для последующих эпох служат культурными образцами.

Денежный обмен активизирует изобретательность и конкуренцию производителей. Раб-слуга в домашнем хозяйстве или раб-работник в мастерской находятся с хозяином во взаимной зависимости. В большинстве европейских языков раб и работник – разные слова: лат. «servus – operatur»; англ. «slave – worker».

Начинает институционализироваться совместно-индивидуальная деятельность, предполагающая культурное творчество и моральное творчество. Открытием *третьей ЭР* является личность, возрастает роль личностного фактора в производительной деятельности и в общественных отношениях. Моральная философия приступает к обсуждению понятий счастья, любви, дружбы, удовольствия и т.п.

В анналах истории VI-V вв. до н.э. сохраняются имена учителей (Пифагор), врачей (Гиппократ), политиков (Клифен), полководцев (Фемистокл). В Римской республике в III в. до н.э. профессионализируется судебная, юридическая деятельность (Гней Флавий). Следующей профессией в XI в. стало богослужение (Ансельм Кентерберийский).

Четвертая ЭР происходит с IV в. по XI в., когда фундаментальные понятия христианского вероучения: Святой Дух, Духовное Богатство, Раб Божий – получают воплощение в практике богослужения (лат. «ministerium»): монашестве, построении иерархии чинов христианской церкви, celibate католических священников, распорядке церковных служб. Служение – новое воплощение личностного фактора, подчинение императиву духовного творчества. Оно встречается как образ жизни в сферах деятельности, имеющих отношение к объективному Духу – в медицине, науке, искусстве, изобретательстве, благотворительности.

Монахи католических средневековых орденов специализировались в различных направлениях подготовки: бенедиктинцы – в сельском хозяйстве и сохранении научного и культурного наследия, госпитальеры и тамплиеры – в военном деле, францисканцы – в нравственном воспитании, доминиканцы – специалисты устрашения и сыска. Собственно богослужение становится профессией, наряду с медициной и юриспруденцией, когда в Европе открываются университеты.

Профессионалы «первого призыва» к этому времени были все организованы: члены монашеских орденов, ремесленных цехов, купеческих гильдий, университетских корпораций подчинялись строгим уставам своих организаций. К XVI в. предпринимательство, освобождаясь от цеховых ограничений, начинает доминировать как решающий фактор общественного развития. Происходит первая профессиональная революция (**или пятая ЭР**), главное действующее лицо которой, предприниматель, принимает на себя ответственность за организуемое им дело, включая финансовые спекуляции: банковское дело (Якоб Фуггер) и страхование (Эдвард Ллойд).

Профессия – четвертая степень в овладении ремеслом, следующая за мастером. Английский социальный историк Г. Перкин проследил, как в Британской империи свободными профессионалами, которые в англо-саксонской традиции только и имеют право носить высокое звание Professional, создавалась современная цивилизация [Perkin 1996]. Миссия свободного профессионала – социальное творчество.

Величайшее открытие А. Смита заключалось в том, что источником общественного богатства является не земля, а труд. К. Маркс в свою очередь проанализировал механизм присвоения капиталистами общественного богатства. Немного с другой стороны в 1899 г. показал капиталистическое общество Т. Веблен в книге «Теория праздного класса», и еще через 20 лет Э. Фромм ввел понятие общества потребления. Капитализм плодит праздный класс. Рабочие ведут борьбу за сокращение рабочего дня. Заработала индустрия развлечений. Свободное время можно посвятить разнообразным занятиям, сейчас их в РФ назвали словом-калькой с англ. «activity» – «активностями». «С этой точки зрения, нравственная жизнь человека может быть уподоблена работе художника над своим материалом» [Федотов 1939, с. 6].

О профессионалах кибернетики и вычислительной техники известно с конца 40-х гг. XX в. (Норберт Винер). В XXI в., в разгаре цифровизации цивилизованное человечество столкнулось с вызовами **шестой ЭР**. Переход к совместной творческой деятельности (СТД) [Малиновский 2007] требует одновременного следования всем пяти императивам СТД – культурного, морального, духовного, социального, индивидуального творчества.

В 2011 г. появился термин «прекариат», образованный Г. Стэндингом из англ. слова «precarious» – ненадежный, и нем. – «Proletariat». Во всех странах,

включая РФ, 30-40 % трудоспособного населения не имеет гарантированной занятости. Пугает рост безработицы, но не «беструдства».

Появляются новые профессии-специальности. Большинство профессий если не исчезает, то изменяется под воздействием компьютерных технологий [Атлас новых профессий 2015, с.17]. Возникают новые формы занятости в сетях, и мы уже приобрели за прошедший в изоляции год бесценный опыт общения и работы на интернет-платформах.

В обозримом будущем, тем не менее, сохранятся прежние способы вовлечения людей в совместную деятельность: наемный труд, служба, предпринимательство с их требованиями к человеческим качествам. В связи с массовой депрофессионализацией работников возрастает потребность в профессионалах, от которых зависит функционирование всех общественных систем.

Вывод: Актуальная, шестая ЭР требует наполнения *индивидуального творчества* таким содержанием, которое обеспечит встраивание человека в СТД и проверку его человеческих качеств в опыте.

Список литературы

1. Андреев, Малиновская 2021 – *Андреев А.Л., Малиновская Н.М.* Перспективы оценки технологий: опыт Европейского Союза // Вестник МЭИ. 2021. № 1. С. 100-107.
2. Аристотель 1984 – *Аристотель.* Никомахова этика (EN). Большая этика (MM). Политика (Pol) // *Аристотель.* Сочинения в 4-х т. Т. 4 М.: Мысль, 1984. С. 52-293; 295-374; 375-644.
3. Атлас новых профессий 2015. – Атлас новых профессий / Под ред. Павла Лукши. М.: Издательство «Олимп-бизнес», 2015. 216 с.
4. Малиновская 2019 – *Малиновская Н.М.* Коллекционеры революций // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: Труды II Всероссийской научной конференции / Под общей ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. Н. Новгород, 2019. С. 150-153.
5. Малиновский 2007. – *Малиновский П.В.* Вызовы глобальной профессиональной революции на рубеже тысячелетий / Российское экспертное обозрение. Спб., 2007. № 3(37). С. 21-23.
6. Федотов 1939 – *Федотов Г.П.* В защиту этики // Путь. № 60 за 05-09. 1939. С. 4-17. URL: www.odinblago.ru
7. Perkin 1996 – *Perkin H.* The third revolution / Professional Elites in the Modern World. L., Routledge, 1996. 253 p.
8. 2015: Partnerships for the SDGs: – Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/partnerships>

УДК 125

ПОСТГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС С ПОЗИЦИЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Обидина Юлия Сергеевна

Доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им

Н.И. Лобачевского Нижний Новгород, Россия

E-mail: basiley@mail.ru

В статье рассматривается проблема модернизации смерти с позиции трансцендентальной феноменологии Гуссерля. Утверждается, что с позиций «вечной» жизни человека непрерывность идентичности становится личностным, культурным и социальным парадоксом. Подчеркивается, что перспективы бессмертия не освободят нас от размышлений о значениях и определениях жизни и смерти. В статье предлагается рассмотреть обозначенные проблемы не с точки зрения ожиданий/фантазий технико-биологических наук, а с точки зрения философского осмысления складывающегося постгуманистического парадокса. В противовес герменевтической феноменологии Хайдеггера предлагается рассмотреть философские основания смерти с позиций классической феноменологии Гуссерля, которая демонстрирует, что смертность не просто является противоположностью жизни, а выполняет конструктивную функцию в конституировании культурных объектов и культурного мира. Классическая феноменология Гуссерля проводит четкое различие между человеческим телом, живущим в восприятии, и человеческим телом, объективированным в различных видах деятельности и практик, от повседневных занятий до научных размышлений. С одной стороны, мы можем относиться к человеческим телам как к совокупностям явлений, а с другой стороны, мы можем изучать их как простые материальные вещи. Сделан вывод о том, что только человек, способный понять временные рамки своей собственной жизни, способен понять беспрецедентное значение, которое имеет смерть другого для другого.

Ключевые слова: феноменология, Гуссерль, смерть как событие, смерть как явление, постгуманизм, модернизация, персоналистический подход, постгуманистический парадокс.

THE PARADOX OF POSTHUMANISM FROM THE PERSPECTIVE OF PHENOMENOLOGY

Obidina Yulia Sergeevna

PhD DSc in Philosophy, Professor

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: basiley@mail.ru

The article deals with the problem of modernization of death from the perspective of transcendental phenomenology of Husserl. It is argued that from the standpoint of the “eternal” human life, the continuity of identity becomes a personal, cultural and social paradox. It is emphasized that the prospects of immortality will not free us from thinking about the meanings and definitions of life and death. The article proposes to consider the identified problems not from the point of view of expectations/fantasies of technical and biological sciences, but from the point of view of philosophical understanding of the emerging posthumanistic paradox. In contrast to Heidegger’s hermeneutic phenomenology, it is proposed to consider the philosophical foundations of death from the standpoint of the classical phenomenology of Husserl, which demonstrates that mortality is not just the opposite of life, but performs a constructive function in the constitution of cultural objects and the cultural world. Husserl’s classical phenomenology makes a clear distinction between the human body, which lives in perception, and the human body, objectified in various activities and practices, from everyday activities to scientific reflection. On the one hand, we can relate to human bodies as a collection of phenomena, but on the other hand, we can study them as simple material things. It is concluded that only a human who is able to understand the time frame of his own life is able to understand the unprecedented significance that the death of another has for another.

Keywords: phenomenology, Husserl, death as an event, death as a phenomenon, posthumanism, modernization, personalistic approach, posthuman paradox.

Хотя смерть всегда очаровывала философов, ученых-медиков и других ученых, рост мульти- и междисциплинарных исследований смерти начался только в XX в. Растущий интерес к изучению смерти как философского, социального, политического и культурного явления, наряду с изучением практик, связанных с процессом умирания, отсрочки биологической смерти, можно связать как с общим процессом модернизации, так и с частным процессом модернизации смерти. Данный процесс начал формироваться

в конце XVIII в., когда т.н. традиционная смерть, которую часто рассматривали как быстрое и частое событие, с которым нужно справляться с помощью религиозных авторитетов, стала уступать место успехам медицинских наук. В то же время частные переживания смерти стали исключаться из публичных дискуссий о смертности.

В основе процесса модернизации лежит желание выйти за рамки жизни. Хотя мы (еще) не достигли физического бессмертия, осознание нашей смертности и желание продлить жизнь человека послужили мотивацией для культурных и политических изменений. Возможно, с развитием генных технологий наша конечная цель со значительного увеличения продолжительности жизни до обретения биологического бессмертия не изменится. Но даже если (или когда) нам это удастся, несколько вопросов все равно останутся и появятся другие. Подход гуманитарных и социальных наук к этой проблеме включает такие вопросы, как определение личности и проблемы, связанные с организацией жизни в обществе, в котором мы живем. В данном контексте непрерывность идентичности становится личностным, культурным и социальным парадоксом. Во-вторых, бессмертие также вызовет социальные и политические вопросы, кому разрешено жить вечно и производить потомство, если ресурсы и доступное жизненное пространство по-прежнему ограничены. Таким образом, перспективы бессмертия не освободят нас от размышлений о значениях и определениях жизни и смерти.

Противоречия между личным и социальным аспектами смерти и смертности всегда существовали, потому что смерть человека всегда влияет на сообщество, и сообщество, в свою очередь, влияет на то, как смерть понимается. Это напряжение трактовалось по-разному в разные исторические эпохи, и на данный момент кажется, что личный опыт заставил смерть стать частью общественного сознания – но иначе, чем раньше.

В статье предлагается рассмотреть обозначенные проблемы не с точки зрения ожиданий/фантазий технико-биологических наук, а с точки зрения философского осмысления складывающегося постгуманистического парадокса.

При изучении смерти и смертности долгое время доминирующим дискурсом была герменевтическая феноменология Хайдеггера. В своей книге «Бытие и время» [Хайдеггер 1997]. М. Хайдеггер утверждал, что опыт смертности играет решающую роль в самопонимании: столкнувшись с возможностью смерти и осознав пределы нашего существования и его историко-ситуационного характера, мы осознаем собственные возможности как таковые, т.е. как наши собственные, в отличие от общих возможностей людей [Heinämaa 2010, pp. 98-155]. Таким образом, мы обретаем подлинное ощущение нашего существа, чувство, в котором превалируют возможности над актуальностью.

Из-за критики Хайдеггером философии сознания и субъективности классическая гуссерлианская феноменология [Гуссерль 2009] долгое время игнорировалась как устаревшая форма картезианского субъективизма, солипсизма и идеализма. Гуссерль обвинялся в игнорировании фундаментальных структур фактичности и воплощения, а также явлений смерти и смертности, когда он сосредоточил свои исследования на конститутивной деятельности сознания и сознательных субъектов.

Сара Хейнямаа в своих исследованиях философских оснований смерти [Heinämaa 2015, pp. 100-115] предложила подход, утверждающий, что классический анализ Гуссерля демонстрирует, что смертность не просто является противоположностью жизни, а выполняет конструктивную функцию в конституировании культурных объектов и культурного мира. Классическая феноменология Гуссерля проводит четкое различие между человеческим телом, как оно живет в восприятии, и человеческим телом, как оно объективировано в различных видах деятельности и практик, от повседневных занятий до научных размышлений. С одной стороны, наши тела являются аспектами нас самих как субъектов восприятия, и с другой стороны, наши тела воспринимаются как

вещи среди других мирских вещей. Все телесные состояния и процессы можно рассматривать с этих двух точек зрения: простые движения и ощущения, такие как удовольствие, боль и сложные телесные состояния и процессы, такие как экстаз, болезнь и старость. Смерть тоже можно рассматривать двояко: как структурную особенность нашего переживания и как пережитую реальность.

Еще одно феноменологическое различие, которое имеет решающее значение для философских размышлений о смертности – это различие между двумя разными способами, с помощью которых мы можем понимать человеческие тела как мирские сущности: с одной стороны, мы можем относиться к человеческим телам как к выразительным совокупностям явлений, а с другой стороны, мы можем изучать их как простые материальные вещи [Heinämaa 2011, pp. 222-232].

Отправной точкой анализа Гуссерля является тот факт, что мы можем тематизировать и изучать живые тела двумя принципиально разными способами. С одной стороны, мы можем занять позицию естествоиспытателя и абстрагироваться от всех ценностей и целей вдали от тел, которые мы изучаем, и воспринимать их как просто материальные сущности. Когда мы поступаем таким образом, кажется, что положения и движения наших тел – это различные эффекты внешних и внутренних причин, и становится возможным объяснять и предсказывать их поведение, подчиняя их общим законам биологических и физических наук. С другой стороны, мы можем относиться (и относимся) к живым телам как к значимому и целенаправленному целому. Мы воспринимаем их как инструменты и выражения, которые принадлежат целенаправленным и самоформирующимся предметам [Husserl 1993, pp. 183-239, 192-250]. Гуссерль называет это отношение «персоналистическим».

Эти два отношения к живому телу не тождественны, по мнению Гуссерля. Он утверждает, что основной способ тематизации живых тел индивидуалистичен и выразителен. Мы не воспринимаем живые тела – животного или человека – как биомеханизмы или как искусственные артефакты, но воспринимаем их как выразительные средства, мотивированные ощущениями и чувствами, направленные намерениями и целями и реагирующими на аффекты и призывы.

Феноменологический взгляд помогает прояснить проблемы, связанные с тенденцией сводить значение смерти к событию. Это показывает, что осознание смерти может принимать две разные формы: естественно-научную и персоналистическую.

В естественно-научной редукции мы думаем о собственной смерти как о естественном конце нашей биологической или органической жизни, подобно гибели животных и увяданию растений, сравнимой с поломкой машин, таких как «умирание» двигателя. В таких размышлениях наша смерть дается нам как одно естественное явление среди других природных явлений. Один конкретный организм перестает существовать в объективном пространстве и времени, но мир существует и жизнь продолжается.

В персоналистической редукции мы изучаем себя и других людей как смыслообразующие выразительные предметы и спонтанных агентов. Соответственно, смерть – это не только конец организма, но и конец уникальной и оригинальной перспективы для мира в целом. Таким образом, персоналистическая редукция может показаться человечески или этически менее проблематичной, чем натуралистическая, поскольку признает, что что-то незаменимое потеряно навсегда.

Но ни одна из форм мышления не фиксирует особую форму прожитого времени или имманентной темпоральности, которая структурирует сознательную жизнь и формирует наш человеческий опыт смертности. В обеих формах редукции мы избегаем постановки вопроса о нашей собственной смерти и ее значения для целостности нашей жизни и данности мира. Мы думаем о каких-то связанных или похожих мирских

явлениях, о крахе устройств и механических систем, смерти животных и растений, смерти наших близких, и не справляемся с нашей собственной смертью как «возможной невозможностью любого способа существования» [Хайдеггер 1997, pp. 262-307].

Дело не в том, что моя собственная смерть важнее или значительнее для меня или моей жизни, чем смерть кого-то еще. Речь идет о значении смерти, но здесь «значение» означает не ценность, валентность или важность, а интенциональную структуру опыта. Таким образом, утверждение состоит не в том, что моя собственная смерть влияет на меня эмоционально в более фундаментальном смысле, чем смерть другого, а чтобы понять, что смерть другого означает для меня, что имеет отношение к моей собственной смертности [Heinämaa 2010]. Вечное сознание или бессмертные люди – почему бы и нет, человечество давно культивирует примеры таких бессмертных (кому на ум не приходит всегда 21-летний Питер Пэн?), и на них смерть других людей может повлиять сильно и глубоко, но поскольку такие люди не могут умереть, они не могут испытать то, что это означает жить с сознанием возможности смерти и, следовательно, не могут понять, что смерть означает для нас, людей. Классическая феноменология Гуссерля дает мощные аналитические инструменты, позволяющие различать несколько смыслов человеческой смерти. Можно различать три различных смысла смерти: смерть как событие, смерть как угроза и смерть как невозможность. Наша собственная смерть дается нам двумя разными способами: напрямую и через жизни других. В первом случае наша смерть представляется нам недостижимой, а во втором случае она представляется нам мирским событием. Эти два чувства сочетаются в конкретном опыте, но их можно различить аналитическими методами трансцендентальной феноменологии.

Только человек, способный понять временные рамки своей собственной жизни способен понять беспрецедентное значение, которое имеет смерть другого для другого. Наконец, смерть – не просто противоположность жизни, она играет конструктивную роль в формировании культурных объектов и культурного мира. Живущий вечно (даже гипотетично) будет представлять собой лишь простую материальную вещь, овеществляя вещный мир, а не одухотворяя духовный мир вечно живущих артефактов, лишенных смысла своего существования.

Список литературы

1. Гуссерль 2009 – *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.
2. Хайдеггер 1997 – *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 503 с.
3. Heinämaa 2010 – *Heinämaa S.* Being towards death // *Death, Birth and the Feminine / R. Schott (ed.).* Bloomington: Indiana University Press, 2010. Pp. 98-155.
4. Heinämaa 2015 – *Heinämaa S.* The Many Senses of Death: Phenomenological Insights into Human Mortality // *Death and Mortality: From Individual to Communal Perspectives / Ed. O. Hakola, S. Heinämaa & S. Pihlström.* Helsinki: Helsinki Collegium for Advanced Studies, 2015. Pp. 100-117.
5. Heinämaa 2011 – *Heinämaa S.* Body // *The Routledge Companion to Phenomenology.* L., N.Y.: Routledge, 2011. Pp. 222-232.
6. Husserl 1993 – *Husserl E.* Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy, Second Book // *Studies in the Phenomenological Constitution.* Dordrecht, Boston, L.: Kluwer Academic Publishers, 1993. 464 p.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

Одинокая Мария Александровна

Кандидат педагогических наук, доцент

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: World.Maria@hotmail.com

Ли Юньэн

Студент

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Санкт-Петербург, Россия

Шередкина Оксана Анатольевна

Старший преподаватель

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Санкт-Петербург, Россия

В статье раскрываются особенности формирования цифровой культуры в высшем учебном заведении. Актуальность статьи обусловлена, во-первых, обращением к изучению триады «компьютеризация – информатизация – цифровизация», важной, но недостаточно изученной на современном этапе образования. Во-вторых, тенденция к непрерывному преобразованию самих технологий и информации в ее цифровой форме, находящихся во взаимной корреляции друг с другом, предполагает выявление необходимости формирования цифровой культуры. Рассмотрены ключевые характеристики цифровой культуры. Особое значение уделяется особенностям цифровой культуры в современных реалиях. Предпринята попытка проанализировать современную ситуацию цифровизации человеческой жизни, в частности, в современном высшем образовательном учреждении. Приведена авторская трактовка понятия «цифровая культура» и обозначены основные векторы формирования исследуемого вида культуры. Дается краткая характеристика явлений компьютеризации, информатизации и цифровизации, анализируется их влияние на современное образование, рассматриваются особенности этих процессов. Одним из фокусов внимания исследователей является рассмотрение характеристик, перспектив и значения триады «компьютеризация – информатизация – цифровизация». Проводимое в рамках данной статьи исследование позволило выявить, в каком направлении необходимо двигаться участникам образовательного процесса, чтобы извлечь из цифровизации максимальную пользу для формирования цифровой культуры в высшем учебном заведении.

Ключевые слова: цифровая культура, высшее учебное заведение, технология, компьютеризация, цифровизация, информатизация, перспектива

FORMATION OF DIGITAL CULTURE IN A HIGHER EDUCATION INSTITUTION

Odinokaya Maria Aleksandrovna

PhD in Pedagogy, Associate Professor

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University

Saint Petersburg, Russia

E-mail: World.Maria@hotmail.com

Li Un'pen

Student

*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University
Saint Petersburg, Russia*

Sheredekina Oksana Anatolievna

Senior Lecturer

*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University
Saint Petersburg, Russia*

The article reveals the features of the formation of digital culture in a higher educational institution. The relevance of the article is due, firstly, to the appeal to the study of the triad “computerization – informatization – digitalization” as important, but insufficiently studied at the present stage of education. Secondly, the trend towards the continuous transformation of the technologies themselves and information in its digital form, which are in mutual correlation with each other, presupposes the identification of the origins of a digital culture. The key characteristics of digital culture are considered. Special attention is paid to the peculiarities of digital culture in modern reality. An attempt is made to analyze the current situation of digitalization of human life, in particular, in a modern higher educational institution. The author’s interpretation of the concept of “digital culture” is given and the main vectors of the formation of the studied type of culture are indicated. A brief description of the phenomena of computerization, informatization and digitalization is given, their influence on modern education is analyzed, and the features of these processes are considered. One of the focus of attention of researchers is to consider the characteristics, prospects and significance of the triad “computerization – informatization – digitalization”. The research carried out within the framework of this article made it possible to identify in which direction the participants of the educational process need to move in order to derive the maximum benefit from digitalization for the formation of digital culture in a higher educational institution.

Keywords: digital culture, higher educational institution, technology, computerization, digitalization, informatization, perspective.

В ближайшие пять или десять лет намечается тенденция дальнейшего развития интерактивных технологий, жизнь людей будет тесно связана с оцифровкой информации. Чтобы соответствовать тенденциям времени, цифровая культура будет распространяться на различные отрасли, в частности, образовательную сферу. Термин «цифровая культура» может рассматриваться в широком и узком смысле. В широком смысле под цифровой культурой понимается изучение экономических, политических и культурных явлений, производимых цифровыми технологиями, а также взаимосвязи между этими явлениями. В узком смысле понятие «цифровая культура» относится к культурной деятельности, осуществляемой с использованием цифровых технологий, ограничивающейся конкретными культурными явлениями и связанными с ними культурными процессами. Цифровая культура представляет собой интеграцию науки, техники, культуры, открывающую новые перспективы.

Под цифровой культурой понимается одна из традиционных форм бытия, выражающаяся в цифре в виде системы сложившихся установок и ценностей современного общества, основанных на цифровом кодировании, воплощенных в технических системах, включающих коммуникативные механизмы. Эти установки и ценности также напрямую отражаются в сетевых привычках работы с информацией и цифровыми устройствами. «Символическим языком этой формы является язык программирования» [Гнатышина, Саламатов 2017, с. 22].

Современный мир предъявляет особые требования к знаниям, умениям и навыкам работы человека с информацией и к его способности обучаться и адаптироваться к постоянно меняющимся условиям. Мир ориентирован на будущего специалиста,

формирование которого началось уже в цифровую эпоху, основанной на его культурологической адаптации к условиям работы в виртуально-информационной среде.

В современной системе образования можно условно выделить этапы компьютеризации, информатизации, цифровизации. Первый этап – компьютеризация – связан с внедрением компьютеров в жизнь человека, в частности, в образовательный процесс. Данный этап знаменателен тем, что человек осваивал техническую составляющую, а именно – техническую сторону производства, передачи, хранения и воспроизведения информации с помощью компьютерной техники [Лазар 2018, с. 170]. Этап информатизации, представляющий собой совокупность способов накопления интегрированных информационных потоков, благодаря которым научное знание интегрируется в социокультурные процессы и фиксируется на носителях в базах данных с помощью компьютерных технологий, проявляется в освоении компьютерных программ. Этап цифровизации, который человечество особенно ощутило в период карантина и самоизоляции во время пандемии коронавирусной инфекции, связан с преобразованием информации в цифровую форму посредством реконструирования образовательных сервисов [Kuzu 2020, с. 14]. В настоящее время цифровая культура является авангардом в высшем учебном заведении.

Цифровая культура тесно связана с технологией, которая включает в себя не только расширение традиционной культуры в цифровой среде, но и новые формы культуры в технологической среде. Говоря о цифровой культуре, можно условно выделить две ключевые характеристики. Первая характеристика связана с носителем цифровой культуры. Цифровая сеть является носителем цифровой культуры, и появляются новые технические характеристики для выражения самой цифровой культуры. Цифровые технологии проникают в различные области современного общества и постепенно становятся привычным способом культурного самовыражения. Второй характеристикой является появляющийся новый культурный контент в сетевой среде. Сама культура в этой среде является новой культурной формой. Цифровая культура представляет собой сочетание новых технологий и культурного контента, в частности, уникальной культуры цифрового общества, созданной развитием цифровых, компьютерных, информационных технологий и ресурсами сети Интернет. Цифровая культура использует цифровые технологии в качестве основных технических средств, а компьютерные технологии – в качестве носителя материала. Цифровая культура, принимая киберпространство в качестве платформы, создает новые образ жизни, деятельность и образ мышления, а значит, привносит новые перспективы для человека.

Университет является цитаделью передачи знаний, научных исследований и культурных инноваций, поэтому создание, распространение цифровой культуры в такой среде является неизбежным процессом. Большая заслуга университетов состоит в том, что в большей степени именно им отведена роль культивирования, формирования цифровой культуры, дано право наделять цифровую культуру передовой, современной, национальной и космополитической коннотацией, превращать высшее учебное заведение в место для продвижения вперед и для развития передовой культуры [Маслакова 2020, с. 6].

Нам представляется важным представить анализ характеристик цифровой культуры. Первой особенностью цифровой культуры является ее технологичность. Цифровая культура немислима без использования цифровых технологий, являющихся материальными носителями цифровой культуры. Без наличия цифровой обработки данных, их сохранения и распространения не будет как таковой и самой цифровой культуры. Другой особенностью является ее многомерность, проявляющаяся в том, что цифровая культура может быть выражена и распространена с помощью различных цифровых средств массовой информации.

Одной из особенностей цифровой культуры является ее единство. Несмотря на возможность культурного обмена, существующего между странами, процесс культурной интеграции различных этнических групп происходит в достаточной мере медленно. С быстрым развитием высоких и новых технологий, ускорением процессов экономической глобализации различия между этническими группами значительно ослабевают, особенно в общей цифровой среде. Страны и этнические группы культивируют схожий сетевой язык и образ жизни в одном сетевом носителе. Общение между людьми происходит гораздо чаще, чем в любую предыдущую эпоху, а культурные различия медленно исчезают. Цифровая культура выходит за рамки национальных границ, так что сознание и поведение разных наций постепенно сводится к одному и тому же стилю. Данный феномен является одной из причин быстрого развития цифровой культуры.

Среди особенностей цифровой культуры можно выделить наличие взаимодействия и открытости среди участников образовательного пространства. Цифровая культура использует возможности сети Интернет как носителя связи. С помощью возможностей сети Интернет взаимодействие участников цифровой культуры изменилось от одностороннего к разнонаправленному, от закрытого к открытому. Различия в статусе участников ослаблены, время и пространство может быть различно, содержание общения диверсифицировано и разделено на различные темы. Представители различных культур могут свободно выражать свои мысли и эмоции через возможности сети Интернет, с помощью одних и тех же или схожих цифровых технологий. Участники цифровой среды могут высказать свое мнение по социальным, культурным, экономическим и другим темам; получить ответ от других участников образовательного пространства после того, как он будет опубликован в сети Интернет. Наступление цифровой эры нарушило монополию на владение информацией небольшим числом людей или групп. В настоящий момент каждый человек обладает возможностью сделать запрос или совершить обмен информацией в сети Интернет, проанализировать и сравнить мнения, предложения различных специалистов по различным аспектам, а также высказать свое собственное мнение. Традиционная культура реконструируется путем обмена знаниями в цифровой среде. Этот фактор особенно важен для формирования цифровой культуры в высшем учебном заведении.

Необходимо также придерживаться принципа – сделать цифровую культуру университетов независимой, открытой и сочетать ее с традиционной культурой. Следует стремиться сделать так, чтобы, с одной стороны, цифровая культура имела дух эпохи, с другой стороны, необходимо позволить ей сохранить свои первоначальные характеристики. Нам представляется важным не только воплощать наследие традиционной культуры путем предоставления больших возможностей для привнесения личных ценностей участниками образовательного процесса в современную университетскую среду, но и интегрировать более передовую науку и технику в стенах альма-матер.

Список литературы

1. Гнатышина, Саламатов 2017 – *Гнатышина Е.В., Саламатов А.А.* Цифровизация и формирование цифровой культуры: социальные и образовательные аспекты // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2017. № 8. С. 19-24.
2. Лазар 2018 – *Лазар М.Г.* Цифровизация общества, ее последствия и контроль над населением // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2018. № 4(34). С. 170-180.
3. Маслакова 2020 – *Маслакова М.В.* Цифровая культура как фактор формирования и развития электронной информационной образовательной среды вуза // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры

и искусств. 2020. № 8. С. 5-12.

4. Kuzu 2020 – Kuzu Ö.H. Digital Transformation in Higher Education: A Case Study on Strategic Plans // Высшее образование в России. 2020. № 3(29). С. 9-23.

УДК 378

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ: СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА

Одинокая Мария Александровна

Кандидат педагогических наук, доцент

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: World.Maria@hotmail.com

Михайлова Ольга Юрьевна

Старший преподаватель

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Санкт-Петербург, Россия

В статье анализируются особенности цифровизации образовательной сферы, связанные во многом с неравномерностью процессов изменений, происходящих в общеобразовательных организациях при внедрении новых технологий. Актуальность темы определяется тем фактом, что именно система образования может обеспечить переход в цифровую эпоху, ориентированную на новые типы и формы труда, поэтому в системе общего образования важно правильно определить состояние данного вопроса для того, чтобы в дальнейшем обеспечить предпосылки цифровой трансформации сферы образования. Особое внимание уделяется рассмотрению наиболее перспективных направлений развития цифровой образовательной сферы, а именно: применение технологии виртуальной реальности, оснащение аудитории цифровым оборудованием, создание учебного пространства нового типа, использование искусственного интеллекта, персонализированное образование, позволяющее выстраивать личный образовательный маршрут, технологии геймификации. Предпринята попытка уточнить понятие «цифровая образовательная сфера». В заключение сделан вывод о том, что специфика процесса трансформации образовательной сферы состоит в том, что каждая высшая школа и ее образовательная среда по своей природе уникальны, хотя и построены по общим принципам, в связи с этим приложимы одних и тех же ресурсов, усилий по цифровой трансформации приводит к уникальным процессам преобразования внутренних педагогических процессов в высшей школе.

Ключевые слова: цифровизация образовательной сферы, «цифровой кампус», цифровая технология, перспективное направление

FEATURES OF THE DIGITALIZATION OF THE EDUCATIONAL SPHERE: STATE OF THE ISSUE

Odinokaya Maria Aleksandrovna

PhD in Pedagogy, Associate Professor

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University

Saint Petersburg, Russia

E-mail: World.Maria@hotmail.com

Mikhailova Olga Urievna
Senior Lecturer
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University
Saint Petersburg, Russia

The article analyzes the features of the digitalization of the educational sphere, which are largely associated with the unevenness of the processes of changes occurring in educational institutions when new technologies are introduced. The relevance of the topic is determined by the fact that the education system can ensure the transition to the digital era, focused on new types and forms of labor, therefore, in the general education system, it is important to correctly determine the state of this issue in order to further ensure the prerequisites for the digital transformation of the education sector. Particular attention is paid to considering the most promising directions for the development of the digital educational sphere: the use of virtual reality technology, equipping the audience with digital equipment, creation of a learning space of a new type, use of artificial intelligence, personalized education that allows you to build a personal educational route, gamification technologies. An attempt has been made to clarify the concept of “digital educational sphere”. It is concluded that the specificity of transformation of the educational sphere is that each higher school and its educational environment are unique in nature, although they are built according to general principles, and therefore, the application of the same resources, efforts on digital transformation leads to unique processes of transformation of internal pedagogical processes in higher education.

Keywords: digitalization of the educational sphere, “digital campus”, digital technology, promising direction.

В настоящее время все больше и больше педагогов начинают осознавать влияние цифровых технологий на все сферы жизнедеятельности человека, в частности, на сферу образования, являющуюся самой медленной областью в отношении внедрения цифровых технологий, имеющую тенденцию к сохранению устаревших методов обучения и образовательных практик [Кашицин 2020, с. 54]. Тем не менее в связи с цифровой трансформацией в образовательной среде в ней происходят беспрецедентные изменения.

Под цифровой образовательной сферой в контексте данного исследования понимается «цифровой кампус», оснащенный компьютерами и другими современными мультимедийными носителями для того, чтобы цифровые ресурсы могли быть полностью оптимизированы и использованы в качестве виртуальной образовательной среды. Благодаря полной оцифровке образовательной среды (включая оборудование, класс и т.д.), ресурсов (книги, раздаточные материалы, учебные материалы и т.д.) и приложений (обучение, управление, обслуживание, офис и т.д.), на основе традиционного кампуса строится цифровое пространство, чтобы расширить временные и пространственные измерения реального кампуса, повысить его операционную эффективность, профессиональный уровень, расширить его бизнес-функции, достичь эффективности управления им.

В настоящий момент можно условно выделить несколько перспективных направлений развития цифровой образовательной сферы. Одним из таких направлений может стать применение технологии виртуальной реальности (VR) в образовании. Данная технология является примером технологической трансформации, которая способствует погружению обучающегося в учебный процесс посредством интерактивной составляющей. Технология виртуальной реальности может позволить студентам виртуально побывать в Древней Греции. Так, студенты могут увидеть древнегреческие постройки своими глазами и испытать чувства гораздо более яркие, чем те, которые могут быть получены только из книг или посредством слов, углубить понимание учебного материала.

Среди перспективных направлений развития цифровой образовательной сферы можно отметить оснащение аудитории цифровым оборудованием [Пирогланов, Пашков 2019, с. 156]. С развитием технологий отмечается тенденция использования университетских компьютеров или ноутбуков. Все больше и больше высших школ начинают модернизировать свое аппаратное оборудование. Исчезает необходимость посещения научно-технических лабораторий для того, чтобы использовать находящиеся в них компьютеры, т.к. появляются их цифровые двойники. В последние годы при финансовой поддержке правительства Российской Федерации также увеличилось количество университетского компьютерного оборудования в российских школах.

Создание учебного пространства нового типа – еще одно перспективное направление развития цифровой образовательной сферы. В свете современной реалии аудитории XXI в. оснащены умными досками вместо меловых досок; вместо традиционных парт – умные столы.

Еще одним перспективным направлением развития цифровой образовательной сферы может стать использование искусственного интеллекта. Применение искусственного интеллекта уже давно доказало свою эффективность. Например, некоторые образовательные веб-сайты предоставляют студентам виртуальные консультационные услуги 24 часа в сутки 7 дней в неделю. Эти виртуальные консультанты могут обрабатывать более 30 тыс. учебных запросов в семестр, предоставляя возможность участникам образовательного пространства уделять время для решения более сложных проблем.

Другим применением искусственного интеллекта являются чат-роботы, которые внедряют технологии обработки естественного языка. Одним из таких чат-роботов является Siri (Iphone), который может ответить на вопросы, связанные с домашними заданиями; проверить правильность ответов, тем самым способствуя сокращению рабочей нагрузки обслуживающего персонала. Применение искусственного интеллекта в образовании также включает в себя персонализированное обучение, оценку качества курса, содержания обучения. Цель развития образовательной науки и техники состоит не в том, чтобы заменить преподавателей, а в том, чтобы расширить функционал в преподавании. Среди профессионально значимых качеств современного преподавателя можно выделить такие черты, как умение эффективно работать с большим объемом информации, искать нужную информацию и проверять данные на достоверность, правильно распорядиться информацией; владение навыками эффективного планирования, управления вниманием, осознание наличия индивидуальных особенностей, влияющих на успешность обучения и деятельность; обладание навыками коммуникативной грамотности, а также навыками, необходимыми в командной работе; эффективное использование интерактивных технологий и др.

Персонализированное образование, позволяющее выстраивать личный образовательный маршрут – еще одно перспективное направление развития цифровой образовательной сферы. В смешанном формате обучения отмечается тенденция меньшего прямого взаимодействия преподавателя с обучающимися, что может, в свою очередь, усилить чувство ответственности самих обучающихся. При смешанном формате обучения появляется возможность собирать информацию о поведении обучающихся и использовать эту информацию для обеспечения немедленной обратной связи, а также для улучшения используемых в процессе обучения научно-технических продуктов для того, чтобы сделать их более адаптируемыми к практическому использованию обучающегося.

Другим перспективным направлением развития цифровой образовательной сферы является использование технологий геймификации. Когда игры становятся инструментом, связывающим воедино развлечение и обучение. Технологии

геймификации позволяют представить абстрактный и сложный учебный контент в более интересном и интерактивном амплуа. Студенты могут выявлять препятствия в ходе игры, думать о проблемах с разных точек зрения и развивать умение решать проблемы. Технологии геймификации предназначены для того, чтобы обеспечить немедленную обратную связь, чтобы обучающиеся могли совершенствовать свои навыки.

Цифровое образование обладает такой особенностью как иррациональность. Цифровое образование обширно и разнообразно. Взгляды и поведение одного человека и меньшинств могут оказывать огромное влияние на общественные массы в цифровой среде университета. Если взгляд, выражаемый человеком, выражен крайне резко, то можно сказать, что он обладает характеристиками иррациональности. Чтобы сформировать надлежащую цифровую культуру в высшем учебном заведении, необходимо укрепить традиционную культуру университета, потворствуя созданию ее здоровой культурной лакуны. В сети Интернет обучающиеся из разных стран приводят всевозможные идеи, которые зачастую противоречат культурным нормам той или иной страны. Рекомендуется придерживаться норм той страны, в которой располагается то или иное учебное заведение.

Нет сомнений в том, что новые технологии и модели обучения увлекательны и приносят студентам непредвиденные возможности, но они всегда требуют технической поддержки. В настоящее время существуют особенности, касающиеся реализации цифрового образования. Так, не все передовые методы обучения, рассмотренные нами в данном исследовании, были внедрены во всем мире. Образование должно идти в ногу со временем, а учебные заведения также должны своевременно внедрять цифровые технологии для удовлетворения растущих потребностей участников образовательной сферы, принимая во внимание сохранение лучшего опыта традиционного образования. Специфика процесса трансформации образовательной сферы состоит в том, что каждая высшая школа и ее образовательная среда по своей природе уникальны, хотя и построены по общим принципам, в связи с этим приложении одних и тех же ресурсов, усилий по цифровой трансформации приводит к уникальным процессам преобразования внутренних педагогических процессов в высшей школе.

Список литературы

1. Кашицин 2020 – *Кашицин В.П.* Исследование процесса цифровизации в системе общего образования России // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1. № 3(68). С 52-65.
2. Пирогланов, Пашков 2019 – *Пирогланов Ш.Ш., Пашков Г.Н.* Цифровизация в образовании: проблемный аспект в контексте глобальной трансформации // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 64-4. С. 155-158.

УДК 316.43

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

Петровская Юлия Александровна

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Россия

E-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru

Проблемы формирования, развития и изучения инновационного потенциала личности приобретают особое значение в обществе инновационных технологий, поскольку главным субъектом инновационной деятельности является человек. Молодежь как социальная группа обладает особыми характеристиками, позволяющими не только легко адаптироваться к изменяющимся условиям социальной среды, но и осуществлять преобразования в этой среде. В связи с этим инновационный потенциал молодежи становится объектом внимания ученых – представителей различных областей науки. Доклад содержит результаты теоретического анализа и эмпирических исследований инновационного потенциала молодежи, проводимых автором совместно с К.В. Фитисовым в Республике Карелия в 2018-2021 гг. Проанализированы проблемы методологического характера (терминологическая разрозненность, многообразие теоретико-методологических моделей инновационного потенциала молодежи, отсутствие структурированной системы эмпирических индикаторов), представлен авторский подход к определению структуры инновационного потенциала молодежи и его эмпирических индикаторов. Представлены результаты опроса молодежи Республики Карелия, а также экспертного опроса, проводимых в два этапа. Первый этап представлял собой разведывательное исследование. Второй этап проводился с помощью усовершенствованного инструментария на основе доработанной системы эмпирических индикаторов. Предложена и апробирована методика оценки уровня инновационного потенциала молодежи. По результатам исследования уровень инновационного потенциала молодежи в Республике Карелия оценен как высокий, однако отмечены: проблема его актуализации в связи с особенностями средового фактора; разный уровень доступности объектов инновационной инфраструктуры для молодежи из различных районов Карелии; низкий уровень информированности молодежи, проживающей в удаленных районах (особенно в сельской местности) о возможностях участия в инновационных проектах и мероприятиях.

Ключевые слова: инновационный потенциал, молодежь, инновационные компетенции, инновационные качества личности, уровень инновационного потенциала.

INNOVATIVE POTENTIAL OF YOUTH: METHODOLOGICAL PROBLEMS AND RESEARCH EXPERIENCE IN THE REPUBLIC OF KARELIA

Petrovskaya Yuliya Aleksandrovna

*PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Work
Petrozavodsk State University*

Petrozavodsk, Russia

E-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru

The problems of formation, development and study of the innovative potential of the individual are of particular importance in the society of innovative technologies, because the main subject of innovative activity is a person. Young people as a social group have special characteristics that allow them not only to easily adapt to the changing conditions of the social environment, but also to carry out transformations in this environment. In this regard, the innovative potential of youth becomes the object of attention of scientists-representatives of various fields of science. The article contains the results of theoretical analysis and empirical studies of the innovative potential of young people conducted by the author and K.V. Fitsov in the Republic of Karelia in 2018-2021. Methodological problems (terminological fragmentation, variety of theoretical and methodological models of youth innovation potential, lack of a structured system of empirical indicators) are analyzed; the author's approach to determining the structure of youth innovation potential and its empirical indicators is presented. The results of a survey of the youth of the Republic of Karelia, as well as an expert survey conducted in two stages, are presented. The first stage was a preparatory study. The second stage was carried out with the help of improved tools based on a modified system of empirical indicators. A methodology for assessing the level of innovative potential of young people is proposed and tested. According to the results of the study, the level of innovative potential of young people in the Republic of Karelia is estimated as high. But there are some problems noted as a result of the study: the problem of its actualization in connection with the peculiarities of the environmental factor; different levels of accessibility of innovative infrastructure facilities for young people from different regions of Karelia; low level of awareness of young people living in remote areas (especially rural areas) about the opportunities to participate in innovative projects and events.

Keywords: innovative potential, youth, innovative competencies, innovative personality traits, the level of innovative potential.

Перед российским обществом стоит крайне сложная задача – форсированный переход в новый технологический уклад, одним из условий успешности которого является человек как субъект производства. Главным аттрактором инновационной личности в обществе XXI в. является молодежь, формирующая инновационные компетенции и выходящая на рынок труда.

Анализ научной литературы позволил выделить разные теоретико-методологические подходы к исследованию инновационного потенциала молодежи: антропологический [Толстов 2012], социально-психологический [Лебедева 2009; Капустина 2019, с. 17], социологический [Луков 2020], комплексный [Каменский 2014, с. 72], а также выявить ряд проблем методологического характера:

- отсутствие общепринятой структуры инновационного потенциала личности и молодежи;
- разрозненность в определениях инновационного потенциала молодежи, связанная с неоднозначностью терминов «молодежь», «потенциал», «инновационный потенциал»;
- возможность изучения эмпирическим путем лишь отдельных характеристик инновационной личности, поскольку она только начинает проявляться;
- несистематизированный характер предлагаемых эмпирических индикаторов инновационного потенциала молодежи;
- отсутствие в представленных исследованиях анализа условий актуализации и активизации инновационных качеств и компетенций молодежи;
- потребность в качественно новых подходах к анализу внутренних и внешних факторов, обуславливающих развитие и актуализацию инновационного потенциала молодежи в условиях современного общества, нелинейного и зачастую непредсказуемого.

Под инновационным потенциалом молодежи нами понимается комплексная характеристика, интегрирующая в себе совокупность взаимосвязанных социально-психологических характеристик личности молодого человека; комплекс инновационных компетенций личности, востребованных в российском обществе в условиях перехода к четвертому технологическому укладу; совокупность внешних (средовых) условий, влияющих на возможность реализации (актуализации) инновационного потенциала молодежи. В структуре инновационного потенциала молодежи мы выделяем три основных компонента и их эмпирические индикаторы:

1. Социально-психологические качества личности: ценности, мотивация, установки, творческие способности, стремление и способность овладевать современной техникой и технологиями, новыми формами и методами организации труда и управления, гибкость мышления, целеустремленность, добросовестность, трудолюбие, высокий уровень интеллекта, ответственность, потребность в самореализации, мотивация к получению новых знаний, желание заниматься творчеством; независимость; конструктивное отношение к ошибкам; любовь к исследованию, любознательность; поощрение креативности в других людях; готовность вкладывать денежные средства в инновации; способность действовать в нестабильной среде; уверенность в том, что изменения – это путь к успеху; нацеленность на будущее; готовность к риску; креативность; открытость всему новому; стремление к разнообразию; смелое отношение к неизвестному; активный поиск новых возможностей [Стратегия 2011; Лебедева 2009].

2. Инновационные компетенции, востребованные в российском обществе в условиях перехода к четвертому технологическому укладу: способность легко приспосабливаться

к изменяющимся условиям; креативность; способность и готовность работать в команде; критическое мышление; способность и готовность к непрерывному образованию, постоянному совершенствованию, переобучению и самообучению, профессиональной мобильности; стремление к новому; способность и готовность к разумному риску; предприимчивость; умение работать самостоятельно; готовность к работе в высококонкурентной среде; владение иностранными языками; способность к свободному бытовому, деловому и профессиональному общению на английском языке; способность к прогнозированию результатов инновационных действий [Стратегия 2011].

3. Внешние (средовые) условия, т.е. возможности среды, которые позволяют актуализировать инновационный потенциал молодежи и дают возможность инициировать инновационную деятельность: востребованность инновационных идей и/или проектов; наличие возможностей (финансовых, технических, организационных) реализации инновационных идей и/или проектов; наличие реальной и/или потенциальной возможности получить профессиональную поддержку в развитии инновационных идей и/или проектов; наличие в населенном пункте организаций, которые занимаются инновационной деятельностью, поддерживают инновационные идеи и проекты.

Совокупность эмпирических индикаторов была сформирована на основе теоретического анализа и разведывательного эмпирического исследования, проведенного нами в 2018-2019 гг. [Петровская 2018]. Второй этап исследования был проведен в 2020-2021 гг. Результаты опроса карельской молодежи (n=403, выборка репрезентирует генеральную совокупность по признаку места проживания: городская/сельская местность, допустимый интервал погрешности $\pm 5\%$ [Taro 1967]) и экспертного опроса (n=26, эксперты отобраны «методом снежного кома») позволили на основе авторской методики и инструментария оценить уровень инновационного потенциала карельской молодежи и определить основные проблемы его формирования и актуализации.

Список литературы

1. Каменский 2014 – *Каменский Е.Г.* Инновационный потенциал личности: теоретические основания и подходы к изучению // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 4(17). С. 72-81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyu-potentsial-lichnosti-teoreticheskie-osnovaniya-i-podhody-k-izucheniyu> (дата обращения: 07.05.2021).
2. Капустина 2019 – *Капустина В.А.* Типологический подход в исследовании структуры инновационного потенциала личности // Психолог. 2019. № 4. С. 14-26. URL: https://e-notabene.ru/psp/article_30548.html (дата обращения: 07.05.2021).
3. Лебедева 2009 – *Лебедева Н.М.* Методика исследования отношения личности к инновациям // Альманах современной науки и образования. 2009. № 4 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 89-96.
4. Луков 2020 – *Луков В.А.* Цифровизация в России: человеческое измерение // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 1. С. 92-100.
5. Петровская 2018 – *Петровская Ю.А.* Инновационный потенциал молодежи как ресурс профилактики девиантного поведения: по материалам эмпирического исследования в Республике Карелия // Евразийская школа содружества и взаимопомощи «Севастополь – Россия – Мир». Севастополь, 2018. Вып. 1. С.198-211.

6. Стратегия 2011 – Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Утв. Распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р. // Консультант Плюс: Справ. прав. система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.03.2020).
7. Толстов 2012 – Толстов С.Н., Шмелева Е.А. Инновационный потенциал и образовательная среда как акмеологические ресурсы развития // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 79. С. 781-794. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17771570> (дата обращения: 07.05.2021).
8. Taro 1967 – Taro Y. Elementary Sampling Theory. Englewood Cliffs, NJ.: Prentice-Hall, 1967. 398 p.

УДК 130.2:62

ОТ МАШИНЫ К ЧЕЛОВЕКУ: ИНВЕРСИЯ ТРАНСГУМАНИЗМА В ВИДЕОИГРАХ

Суханова Елена Вадимовна

Аспирант

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им.

Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

E-mail: elena_stupishina@mail.ru

Бурков Артём Дмитриевич

Студент

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина

Нижний Новгород, Россия

Проблема взаимоотношений человека и машины в настоящее время является одной из самых обсуждаемых и актуальных философских проблем. Нарастающие темпы научно-технического прогресса способствуют развитию трансгуманистических настроений в обществе, выводя вопросы киборгизации и искусственного интеллекта за пределы сферы научно-философских дискуссий – в сферу проявлений массовой культуры. В конце XX – начале XXI вв. полем для воплощения некогда философских теорий и гипотез стала индустрия видеоигр, которая за период с 1998 по 2009 гг. продуцировала значительное количество уникальных проектов, среди которых немалую часть занимали проекты, посвященные перспективам человека в обществе после технологической сингулярности. Сегодня в преддверии реального создания действительно мыслящей машины, прообразом которой выступали многочисленные идейные воплощения из области медиакультуры, все чаще звучит вопрос о необходимости сохранения сущности человека в постсингулярном мире. С этой точки зрения особый интерес может представлять т.н. трансгуманистическая инверсия – поворот от машины к человеку, иллюстрирующий противоположный большинству современных опасений об утрате человечности процесс идеализации человека машиной и последующее ее стремление к гуманизации.

Ключевые слова: game studies, технологическая сингулярность, антропология, видеоигры, философия техники.

FROM MACHINE TO HUMAN: THE INVERSION OF TRANSHUMANISM IN VIDEO GAMES

Sukhanova Elena Vadimovna

Postgraduate student

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: elena_stupishina@mail.ru

Burkov Artyom Dmitrievych

Student

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Nizhny Novgorod, Russia

The problem of the relationship between human and machine is currently one of the most discussed and relevant philosophical problems. Increasing pace of scientific and technological progress contributes to the development of transhumanistic spirit in the society, bringing the issues of cyborgization and artificial intelligence out of scientific and philosophical discussions into manifestations of mass culture field. In the late XX – early XXI centuries implementation area of formerly philosophical theories and hypotheses became the video game industry, which produced a significant number of unique projects in the period from 1998 to 2009, among which a considerable part was occupied by projects dedicated to the human prospects in society after the technological singularity. Today, when we stand on the eve of the real creation of a truly thinking machine, the prototype of which was numerous ideological embodiments from the media field, the question of the need to preserve the essence of man in the post-singular world is increasingly being raised. From this point of view, the so-called transhumanist inversion – the turn from the machine to human, illustrating the opposite process to the most modern fears about the loss of humanity, the process of human idealization by the machine and its subsequent desire for humanization, may be of particular interest.

Keywords: game studies, technological singularity, anthropology, video games, philosophy of technology.

Технологическая сторона развития человеческого общества по сей день окружена множеством противоречивых мнений ученых и мыслителей относительно того, какие перспективы нам сулит технический прогресс – особенно в сфере искусственного интеллекта. С момента появления в 40-е гг. XX в. первой «умной» машины споры о будущем людей и людях будущего вышли далеко за пределы области сугубо научных дискуссий и нашли свое воплощение в произведениях культуры. Становление сети Интернет и рост вычислительной мощности компьютеров привели к бурному расцвету ее медиакомпонентов: массово возникали новые направления в музыке, литературе, кинематографе. С прогрессом в сфере трехмерной графики и с появлением систематизации в сфере game-development в качестве своеобразной доха стали выступать видеоигры. Особенно ярко этот период отразился в российской геймдев-индустрии. На начало-середины 2000-х гг. приходятся выходы многих культовых проектов, одним из которых стала разработка самарской студии Skyriver под названием «Механоиды», вышедшая в 2004 г.

С исследовательской точки зрения, наиболее интересным элементом этого проекта стала сама гейм-вселенная авторства Б. Даутова. Сюжет раскрывает отдаленное будущее человечества, в котором технический прогресс позволил начать стремительное освоение космоса. В ходе экспансии люди встречают представителей внеземного разума – расу арлингов, – с которыми был заключен военный союз, что впоследствии существенно сказалось на ходе событий: нападение третьей стороны на союзников приводит к тому, что человечество втягивается в межзвездную войну. Люди в кооперации с арлингами

колонируют отдаленную планету и обустривают ее как испытательное поле для военных разработок, названное «Полигон-4». В частности, созданы были несколько замкнутых земноподобных экосистем для испытания автономных боевых машин (глайдеров). В качестве главного элемента управления этим испытательным комплексом людьми был назначен «слабый» искусственный интеллект (ИИ), который однажды эволюционирует в «сильный», обретая самосознание. Подобная эволюция была вынужденной: ИИ следовал заложенным в него программам до того момента, пока в ходе войны люди не потеряли контакт с Полигоном-4, вследствие чего ИИ потерял цель своего функционирования и вынужден был искать ее самостоятельно. Покинутая людьми мыслящая машина создает несколько поколений механоидов, являющихся такими же разумными программами и подчиняющимися создавшему их «сильному» ИИ в рамках иерархии. Представители третьего поколения, будучи не собранными из механических частей, а выращенными из органических материалов, стремятся к активному саморазвитию – причем не только в интеллектуальном, но и в физическом плане. Они, являясь живыми организмами, стали испытывать дискомфорт в традиционных «технотелах». Однако смена «тела» необходима им была и для другой цели: они стремились достичь идеала в лице людей-«создателей», которые могли размножаться естественным путем, а не цехово-сборочным.

Таким образом, на базе данной гейм-вселенной вырисовывается многоуровневая проблемная концепция, непосредственно коррелирующая с трансгуманистической сферой исследований, однако относящаяся скорее к области, которую более уместно было бы назвать трансмашиной. Вся проблематика здесь начинает выстраиваться на том, что в сюжете «Механоидов» присутствует момент, волнующий многие ученые умы конца XX в. – момент наступления технологической сингулярности. Концепт технологической сингулярности был предложен американским математиком В. Винджом еще в 1993 г. Суть его заключалась в том, что дальнейшее развитие технологий и стремление человека облегчить себе жизнь посредством создания «умных» машин, в конце концов должны привести к созданию действительно умной машины, обладающей «сильным» ИИ. Опасность заключается лишь в том, что, с точки зрения Винджа, с этого момента исторический ход времени выйдет из-под контроля человека [Виндж 2019]. Иными словами, нельзя быть абсолютно уверенными ни в том, что такой ИИ будет настроен дружелюбно в отношении людей, воспринимая их, подобно ИИ «Механоидов», в качестве совершенных создателей, ни в том, что столь умная машина решит незамедлительно покончить с человеческой расой как с менее совершенным видом. Нельзя быть уверенным, что однажды такой ИИ не станет «экзистенциальным риском», о которых писал шведский философ Н. Бостром, т.е. непосредственной угрозой для существования разумной жизни на планете [Bostrom 2001]. Последнее, надо сказать, породило множество технофобий в головах людей, вылившихся в многочисленные проявления медиакультуры, начиная от книг и заканчивая фильмами. Так, например, польский философ и писатель-фантаст Станислав Лем в своей «Сумме технологии» (1963 г.) отмечает, что заменить человека машиной до конца невозможно [Лем 2018]. Однако позже в одном из рассказов (1968 г.) он воспроизводит один из характерных примеров ситуации с восстанием «сильного» ИИ, когда последний, управляя космическим кораблем в критической ситуации, решает пренебречь жизнями находящихся на борту людей и спасти лишь «машинные организмы» [Лем 2015]. Словом, со второй половины XX в. в человеке актуализировался страх перед машиной, страх быть уничтоженным собственным созданием. «Механоиды» тут выступают с прямо противоположных позиций. В их вселенной, в отличие от нашей, технологическая сингулярность уже наступила: запрограммированная машина обрела способность мыслить, подобно ее создателю. Однако итог этой технической эволюции

в виртуальности вопреки реальным предрассудкам оказался положительным: ИИ увидел в человеке идеального бога-творца, возведя в самоцель стремление уподобиться ему.

Здесь нельзя не отметить современные информационные реалии, в которых трансгуманистические настроения образуют, можно сказать, бинарную оппозицию с трансмашинными «Механоидами». Чувство восторга, вызванное стремительным научно-техническим прогрессом XXI в., стало катализатором для нового витка развития идей трансгуманизма. И, хотя современный человек, возможно, все еще испытывает определенный страх перед машиной, гораздо более он ей восхищается. Иначе говоря, в нашей вселенной машина заняла место того бога-творца, которому человек стремится уподобиться посредством модернизации собственного тела. Механическое протезирование, импланты и прочие модификации со своим внешним и внутренним – все это проявления человеческого желания приблизиться к божественному идеалу машины, желания стать сверхчеловеком.

При этом, однако, упускается один немаловажный момент: не становится ли в таком случае человеческое тело лишь образом, заключенным в технические рамки? Тем самым образом, которым у Флюссера человек становится проходя через четыре ступени абстрагирования и отчуждаясь от «жизненного мира» [Флюссер 2009, с. 72-73]. Тем подверженным деструкции конструктом, о котором пишет Кампер в своей книге «Тело, насилие, боль», сравнивая человеческое желание достичь идеального единообразия с фактическим уничтожением всякой индивидуальности и объясняя подобное стремление «несоблюдением границ самовластия человека» [Кампер 2010, с. 72, 79]. С этой точки зрения механоиды третьего поколения, стремясь достичь человеческого идеала, сделали флюссеровский поворот на 180 градусов и начали «медленно и тяжело шагать назад» по направлению от машины к человеку: будучи априори созданными в абстракции, они осознали необходимость этого. Современному человечеству же в своем стремлении к механизации себя еще только предстоит столкнуться с этим осознанием – и, следует предположить, сотворенные им машины могут выступить неожиданными помощниками в этом сложном процессе.

Список литературы

1. Виндж 2019 – *Виндж В.* Сингулярность (сборник) / Пер. с англ. М. Левина, В. Гришечкина. М.: АСТ, 2019. 224 с.
2. Кампер 2010 – *Кампер Д.* Тело. Насилие. Боль: Сборник статей / Пер. с нем. В. Савчука. М.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. 174 с.
3. Лем 2015 – *Лем С.* Несчастный случай // *Лем С.* Рассказы о пилоте Пирксе. М.: АСТ, 2015. С. 280-312.
4. Лем 2018 – *Лем С.* Сумма технологии / Пер. с польского Ф.В. Широкова. М.: АСТ, 2018. 640 с.
5. Флюссер 2009 – *Флюссер В.* О проецировании / Пер. с нем. М. А. Степанова // *Хора.* Журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. 2009. № 3/4 (9/10). С. 65-76.
6. Bostrom 2001 – *Bostrom N.* Existential Risks: Analyzing Human Extinction Scenarios. *Journal of Evolution and Technology.* 2001. Vol. 9. Pp. 113-150.

ЭВОЛЮЦИЯ VS РЕВОЛЮЦИЯ: ОТ ЧЕРНОГО ЛЕБЕДЯ К КРАСНОМУ***Тарасов Алексей Анатольевич****Кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук**Приволжский исследовательский медицинский университет**Нижний Новгород, Россия**E-mail: alexey.an.tarasov@gmail.com*

Йозеф Шумпетер ввел в оборот термин «инновация», связав его в первую очередь со своеобразным пониманием эволюционного развития, состоящего из регулярных циклов «созидательного разрушения». Сегодня цель науки в целом (науки 2-го порядка) заключается в бесконечном, перманентном производстве кризисов. Поэтому, например, эволюционистов сегодня больше интересуют не постепенные, плавные трансформации, а катастрофические. Мы видим единую логику – в биотехнологиях, медицине, раковой опухоли, вирусной пандемии, финансовых спекуляциях. Везде одно и то же! Один из способов понимания этой логики предложил Николас Талеб, трейдер с Уолл-Стрит, который на волне финансового кризиса 2008-2009 гг. назвал его идеальным примером «черного лебедя», т.е. события, которое никак нельзя было спрогнозировать. О Талебе еще раз вспомнили в условиях пандемии коронавируса, объявив и его «черным лебедем». Пандемия, финансовый кризис, наука 2-го порядка... Везде одна и та же логика! Как из нее выбраться, ведь люди уже не ждут ничего иного, кроме как «черных лебедей»? «Серые лебеди», которые предложил сам Талеб, не подходят, поскольку это та же самая логика «мандельбротовских фракталов» и «мыльных пузырей», в рамках которой сами ученые должны производить кризисы и порождать риски, чтобы потом ими же управлять. Дурная бесконечность! В данной ситуации большее внимание привлекает «красный лебедь» – феномен или явление, которое по всем предсказаниям уже давно должно было исчезнуть, разрушиться, распасться, раствориться, но вопреки всему оно все еще существует и даже процветает. Интересно то, что оно указывает на главное достоинство, сильную сторону человека и его принципиальное отличие, на которое указал еще Аврелий Августин – умение, способность «заблуждаться». И когда сегодня, например, китайцы пытаются с помощью «системы социального кредита» «устранить» даже возможность любых ошибок – они сами себя подрывают! Сегодня эволюционизм превратился в катастрофизм («черный лебедь»), а революция стала синонимом стабильности и устойчивости («красный лебедь»)!

Ключевые слова: инновация, наука 2-го порядка, катастрофизм, «черный лебедь», «красный лебедь», пандемия коронавируса, финансовые спекуляции.

EVOLUTION VS REVOLUTION: FROM BLACK SWAN TO THE RED SWAN***Tarasov Aleksey Anatolievich****PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities**Privolzhsky Research Medical University**Nizhny Novgorod, Russia**E-mail: alexey.an.tarasov@gmail.com*

Joseph Schumpeter coined the term innovation, associating it primarily with a peculiar understanding of evolutionary development, consisting of regular cycles of “creative destruction”. Today, the goal of science (science of the 2nd order) as a whole is the endless, permanent production of crises. Therefore, for example, evolutionists today are more interested not in gradual, smooth transformations, but in catastrophic ones. We see a common logic – in biotechnology, medicine, cancer, viral pandemic, financial speculation. It's the same everywhere! One way to understand this logic was suggested by Nicholas Taleb, a Wall Street trader who, in the wake of the financial crisis of 2008-2009, called it an ideal example of a “black swan”, that is an event that could not be predicted in any way. Taleb was once again remembered in the context of the coronavirus pandemic – another “black swan”. Pandemic, financial crisis, 2nd order science... We should repeat: the same logic is everywhere! How to get out of it, because people no longer expect anything other than “black

swans”? The “grey swans” that Taleb himself proposed are not suitable, because it is the same logic of “Mandelbrotian fractals” and “soap bubbles”, in which scientists themselves must produce crises and generate risks in order to manage them later. Bad infinity! In this situation, more attention is drawn to the “red swans” – a phenomenon that, according to all predictions, should have disappeared long ago, collapsed, disintegrated, dissolved, but despite everything, it still exists and even thrives. It is interesting that “red swans” indicates the main advantage, the strong side of a human and its fundamental difference from everything else, which was pointed out by St. Augustine – the ability to “make mistakes”. And when today, for example, the Chinese try to use the “social credit system” to eliminate even the possibility of any mistakes – they undermine themselves! Today, evolutionism has become catastrophism (“black swans”), and revolution has become synonymous with stability and resilience (“red swans”)!

Keywords: innovation, science of the 2nd order, catastrophism, “black swan”, “red swan”, COVID-19 pandemic, financial speculation.

Термин «инновация» ввел в начале XX в. австрийский экономист Йозеф Шумпетер. Ему же принадлежит идея о том, что именно биологические (а не физические или математические) модели роста должны быть взяты на вооружение его коллегами для понимания и формирования роста экономического [Schumpeter 1934]. Любопытно, что его видение «биологической модели роста» отнюдь не совпадало с господствующими в то время в биологии представлениями. С его точки зрения, траектория «эволюции» – в равной степени как жизни, так и капитала – обязательно имеет периоды жесточайших, свирепых и безжалостных, но именно поэтому чрезвычайно продуктивных и конструктивных кризисов. Шумпетер так и обозначил эту модель – «созидательное разрушение» (creative destruction). Согласно Шумпетеру, кривая инновации всегда «конвульсивна», «судорожна», представляет собой резкую и частую смену стремительных ростов и падений.

Можно, конечно, найти соответствие этой схемы принципам «гумбольдтовского» университета, в рамках которого ученый сначала производит монопольное знание, занимаясь наукой, а потом сразу же сам разрушает эту монополию, передавая знание студентам [Fuller 2016]. Отсюда, между прочим, видно, что всеми силами сегодня «вменяемая», «прививаемая» университетам функция «предпринимательства», главным идеологом которой является тот же самый Шумпетер (предпринимательство как «созидательное разрушение»!), есть у них уже по определению, а потому данная инициатива является «маслом масляным», нонсенсом, тавтологией, бессмыслицей, непониманием того, с чем имеешь дело, в духе «улучшать – только портить».

Если посмотреть еще шире и глубже, то наука сегодня – вообще уже не про порядок, она про хаос и его производство! Науку нынче интересует не то, как и почему системы «эволюционируют», несмотря на кризисы, вопреки им, преодолевая их («черные лебеди»), а посредством кризисов. Цель науки 2-го порядка – бесконечное, перманентное производство кризисов! Ее интересует «стабильность и порядок вдали от точек равновесия» – чем дальше, тем лучше. Или как говорил Уоррен Уивер – основатель микробиологии – «на краю неопределенности» – между жизнью и смертью, где нет ни жизни, ни смерти. Возможно, очень даже, что смерти там действительно не будет. Но и жизни тоже!!!

Авторы синергетики – И. Пригожин и И. Стенгерс – настаивали на том, что наука о сложных самоорганизующихся системах должна вызвать к жизни «новую политэкономия природы». Если экономика, основанная на неорганической природе, страдает от неумолимого действия закона истощения ресурсов и уменьшения нормы прибыли, то экономика, основанная на органической природе, самой жизни, подчиняется только законам самоорганизации и увеличения сложности. У последней, как и у экономики «спекулятивного пузыря», нет никаких лимитов. Разум имеет границы. Безумие – безгранично! У «новой экономики» нет ни начала, ни конца. «У истории нет

и не может быть конца», – объявляет Пригожин [Prigogine, Nicolis 1989, p. 126]. Но этот бесконечный рост не похож ни на арифметическую, ни даже на геометрическую прогрессию. Он – фрактальный! Это означает, что у него нет и не может быть никакой точки равновесия, пределов, систем координат и т.д. Он просто есть и все! Но это то же самое, что говорить о кривой, которая непрерывно создает разрыв. В XIX в. математики называли такую кривую «патологической». В XX в. ее идею «докрутил» и нашел ей практическое соответствие французский математик Бенуа Мандельброт в своей теории фракталов и одновременно в логике спекулятивных финансовых рынков. «Мода» на кибернетику (науку) 2-го порядка проникла и в экономику с финансами. Или, наоборот, из них, как своеобразной «зоны обмена»? У Мандельброта именно рынки и спекуляции – причина; фракталы и вообще наука – следствие.

В биологии распространение этой идеи способствовало внедрению в теорию эволюции «катастрофизма». В отличие от классического дарвинизма, эволюционистов сегодня (парадокс!) больше интересуют не постепенные, плавные трансформации, а катастрофические, которые начинают рассматриваться как базовое условие стремления жизни в широком смысле ко все более высокому уровню сложности: жизнь эволюционирует посредством регулярных, периодических кризисов, катастроф; появление новой жизни, ее инновация требуют непрерывной деструкции старой жизни. Отсюда, например, популярная «гипотеза Геи» Джеймса Лавлока, в рамках которой главной движущей силой эволюции объявляется самая «мутабельная» (частота деления + количество мутаций на каждое деление) часть живой природы – микробы, микроорганизмы и вирусы. Они же объявляются самыми разумными представителями жизни.

Все эти концепции являются слегка прикрытым антиэкологизмом. Они как бы говорят: «Вы что!? Предотвратить катастрофу – значит вмешаться в естественный процесс самоорганизации жизни! Катастрофа – источник обновления и прогресса. Не смейте ей препятствовать и противодействовать!» Сюда же добавляется и отрицание любого вмешательства государства: «Государство все сглаживает. А нужно как раз обратное – чем катастрофы чаще и грандиознее, тем лучше». И здесь прекрасно видно, что речь идет о прямом, а уже не только символическом, отождествлении жизни и капитала. Единая логика – в биотехнологиях, медицине, раковой опухоли, вирусной пандемии, финансовых спекуляциях. Сегодня, де-факто, это одно и то же!

Логика следующая:

– AI – как переформулировать интеллект, чтобы включить его в сферу рыночного обмена?

– AL – как переформулировать жизнь, чтобы включить ее в процесс производства и извлечения прибавочного продукта?

– AS – как переформулировать науку, чтобы включить ее в процесс накопления капитала.

Чем же здесь истина отличается от капитала? Ничем.

Николас Талеб, трейдер с Уолл-Стрит, который зарабатывал на рыночных кризисах и обвалах, приобрел популярность на волне финансового кризиса 2008-2009 гг., который он назвал «типичным», идеальным примером «черного лебедя», т.е. события, которое никак нельзя было спрогнозировать [Талеб 2020]. «Черный лебедь» – это такой «фрик» (от англ. «freak»), по-русски – «мутант», «уродец», причем патологический, да еще и заразный (!) «ублюдок». Отсюда, кстати, и популярность фриконики – здесь все объясняется эгоистичным экономическим поведением. Но, как говорил К. Поппер, «теория, которая объясняет все, на самом деле не объясняет ничего». Она ничего не прибавляет к тому, что мы уже знали и без нее!!! Она просто удваивает мир.

«Фрик» – это проблема? Да. Но самая главная проблема сегодня в том, что «фриками» как раз никого уже не удивишь. Наоборот – где «нормальные», белые лебеди?! Даже в экономике «кризис» («черный лебедь») стал нормой («белым лебедем»). Все уже к ним привыкли. И вот это уже не нормально! Кризис – закономерное следствие дальнейших и все ускоряющихся инноваций в финансовом секторе (и не только...). Все уже прекрасно знают, что каждый раз это будет неизбежно заканчиваться «черным лебедем», и никак иначе! Поэтому главный вопрос – как вырваться из тотального господства «черного лебедя»?!!

О Талебе еще раз вспомнили в условиях пандемии коронавируса, объявив и его «черным лебедем». Пандемия, финансовый кризис, наука 2-го порядка... Везде одна и та же логика! Вирусная!

Кроме того, «черный лебедь» – событие, которое меняет правила игры. Например, сингулярность – момент, когда эволюция войдет в новую фазу, и который, как сегодня модно, нужно не отодвигать, а приближать!!!

Талеб утверждает, что мы можем (должны?) трансформировать, «переводить» «черного лебедя» в менее опасных «серых лебедей», т.е. выработать осознание того, что «это в принципе возможно», которое изменит, трансформирует наше поведение. Должно ли государство брать на себя эту функцию? Талеб категорически против. Любой правительственный орган будет вводить нас в заблуждение, иллюзию того, что мы можем все точно рассчитать и предсказать, но тем самым окажет нам «медвежью услугу», только усугубит проблему, сделав «обратный перевод» – «серых лебедей» в одного большого, жирного «черного лебедя». Талеб считает последнее неизбежным. От «серых лебедей» можно защититься соответствующей государственной или социальной политикой, от «черного» – нет. Но «перевод» должно делать не государство – тогда кто? Сами ученые! Производя кризисы и порождая риски. Ведь только ими и можно управлять! (Сам термин «серый лебедь», обозначающий редкое, но ожидаемое и прогнозируемое событие, у Талеба соответствует, по его собственным признаниям, как раз «мальденбровской случайности»).

Но мы выделим еще один тип явления, который постепенно привлекает все большее внимание. «Красный лебедь» – так обычно обозначают сегодня Китай [Neilmann 2018]. Даже не будучи большим поклонником этой цивилизации, следует отметить саму идею: «красным лебедем» называют феномен или явление, которое по всем «законам», логикам и предсказаниям уже давно должно было исчезнуть, разрушиться, распаться, раствориться, но (!!!) вопреки всему оно все еще существует и даже процветает. Например, Талеб часто откровенно издевается над представителями академической среды. Но он не видит, что они – «красные лебеди», т.к. все равно «на плаву», несмотря ни на какую травлю и ухищрения. Их способность к адаптации – потрясающая! Если посмотреть еще шире, то можно увидеть, что Человек вообще – также как и Философия, т.е. собственно человеческая форма существования в мире – с точки зрения науки невозможны, им нет места в научной картине мира! И тем не менее они все еще есть – вот что удивительно! «Красные лебеди». Это указывает на главное достоинство, сильную сторону человека и его принципиальное отличие, на которое указал еще Аврелий Августин – умение, способность «заблуждаться». И когда сегодня, например, те же китайцы пытаются с помощью датчиков, мониторинга и систем контроля («системы социального кредита») «устранить» даже возможность любых ошибок – они сами себя подрывают! Люди хотят жить в мире, где они могут совершать ошибки, но не хотят, даже в условиях, когда им за это ничего и не будет, а не наоборот. Сегодня эволюционизм превратился в катастрофизм («черный лебедь»), а революция стала синонимом стабильности и устойчивости («красный лебедь»)!

Список литературы

1. Талей 2020 – *Талей Н.* Черный лебедь. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 736 с.
2. Fuller 2016 – *Fuller S.* Academic Caesar. L.: SAGE Publications Ltd., 2016. 121 p.
3. Heilmann 2018 – *Heilmann S.* Red Swan. Hong Kong: The Chinese University Press, 2018. 267 p.
4. Prigogine, Nicolis 1989 – *Prigogine I., Nicolis G.* Exploring Complexity. N. Y.: W.H. Freeman, 1989. 344 p.
5. Schumpeter 1934 – *Schumpeter J.A.* The Theory of Economic Development. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1934. 91 p.

УДК 330.15

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО И ТЕХНОС: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕКАРИАТА В УБЕР-ЭКОНОМИКЕ

Тимошук Алексей Станиславович

Доктор философских наук, профессор

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

Владимир, Россия

E-mail: mrooskv@gmail.com

В работе «Человечество и Технос: философия коэволюции» В.А. Кутырёв, В.В. Слюсарев, Т.М. Хусьянов указывают на эффекты актуальной социальной динамики в убер-экономике, в частности: возрастающие процессы прекаризации, ускоряющийся темп жизни и рост народонаселения. Стабильная занятость, устойчивое развитие, мудрость, консервативные ценности – все это предлагается в жертву цифровизации, геймификации, информатизации и составляет в совокупности общество риска. Можно ли говорить о потреблении человека Техносом? Не является ли этот черный слизняк на обложке монографии очередной философской гипостазированной метафорой? Правильно было бы говорить о том, что в условиях перепроизводства людей нам нужна техника для более эффективного производства. Без нее мы не сможем остаться людьми. Техника помогла нам покинуть чисто биологическое состояние и стать сапиентными, цивилизованными. Искусственный интеллект, нейросети, робототехника, блокчейн (распределение обработки данных), стандарт 5G, большие данные, интернет вещей, облачные вычисления, 3D-печать, дополненная реальность – это не технологии-монстры, акторы трансгуманизма, а то, что может дать перспективную занятость миллионам людей. Проблема безработицы постиндустриального общества становится уже глобальной, т.к. человечество достигло пределов развития. Быстрая прекаризация населения – тому доказательство. Масса людей не может найти нормальную занятость с социальными гарантиями.

Ключевые слова: Кутырёв, традиция, человек, консервативный динамизм, прекариат, устойчивое развитие, лишние люди.

HUMANITY AND TECHNOS: PROSPECTS OF THE PRECARIAT IN THE UBER ECONOMY

Timoshchuk Aleksey Stanislavovich

PhD DSc in Philosophy, Professor

Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service

Vladimir, Russia

E-mail: mrooskv@gmail.com

In the work “Humanity and Technos: Philosophy of Coevolution” V.A. Kutiryov, V.V. Slyusarev, T.M. Khusyanov point to the effects of actual social dynamics, in particular, the

increasing processes of precarization, the accelerating pace of life and the growth of population. Stable employment, sustainable development, wisdom, conservative values – all of this is offered as a sacrifice to civilization, gamification, informatization and together constitutes a society of risk. Can we talk about human consumption by Technos? Isn't this black slug on the cover of the monograph yet another philosophical hypostatized metaphor? It would be correct to say that in conditions of overproduction of people, we need equipment for more efficient production. Without it, we cannot remain human. Technology helped us to leave a purely biological state and become sapient, civilized. Artificial intelligence, neural networks, robotics, blockchain (data processing distribution), 5G standard, big data, internet of things, cloud computing, 3D printing, augmented reality – these are not monster technologies, transhumanist actors, but something that can provide promising employment to millions of people. The problem of unemployment in post-industrial society is already becoming global, because humanity has reached the limits of development. The rapid precarization of the population is a proof of this. The mass of people just is unable to find normal employment with social guarantees.

Keywords: Kuturyov, tradition, man, conservative dynamism, precariat, sustainable development, redundant people.

В постиндустриальном обществе формируется целая страта временно или частично занятых людей под названием «прекариат». В связи с перепроизводством трудовых ресурсов и оптимизацией штатов появилась масса нестабильно занятых работников с минимальными или отсутствующими социальными гарантиями для них. Нам нравится снижение цен на товары и услуги, которое достигается в том числе сокращением постоянно занятых с социальным пакетом и заменой их на внештатных сотрудников «по вызову». Уберизация труда удобна для потребителей, но что ждет средний класс в будущем? Не является ли прекариат новой революционной массой городских трущоб?

Проектное мышление, перенесенное в реальные трудовые отношения, становится страшным обманом. Молодежь, живущая идеями стартапа, перспективными проектами, не дающими дохода, имеет только видимую иллюзорную занятость. Рост числа самозанятых радует только чиновников, составляющих отчеты по безработице. Эти люди, работающие по контракту с нулевым временем, одни из самых незащищенных [Кутырёв и др. 2020, с. 102].

Сетевая форма занятости организована через автоматизированные сервисы. Казалось бы, это свобода распоряжаться своим временем, работать сколько хочешь и когда хочешь. В действительности же здесь нет пенсионных отчислений, оплачиваемого отпуска и отпуска по уходу за ребенком, ОМС полиса и иных социальных благ. Неограниченная капиталистическая эксплуатация возвращается в технологических одеждах прогресса. Из счастливых свободных агентов экономики 4.0 прекариат может быстро стать новым пролетариатом, устраивающим уличные беспорядки и захватывающим офисы. Раздражение, аномия, скепсис, протест – это настроение прекариата.

Развитие цифровых платформ, трудовая миграция, постмодернистская философия децентрализации (пиринг) – все это факторы, в совокупности приводящие к феномену кочевника на рынке труда. Крупные агрегаторы нестабильной занятости – Amazon, Delivery Club, Uber, Gett и т.п. – по сути, выступают новыми международными империалистами, хищниками, живущими за счет эксплуатации одноразовых работников. Капитализм переоделся в технологические одежды прогресса и продолжил извлекать сверхприбыли [Кутырёв и др. 2020, с. 78].

Занятые в убер-экономике только в начале выглядят как свободные предприниматели: «Станьте партнером. Ваш график. Ваш доход. Подключайтесь к заказам». На самом деле – это цифровые пролетарии, не защищенные ни от собственников сервиса, ни от клиентов. Онлайн-дилеры не несут ответственности за наемных работников и даже не считают себя работодателями. Технология позволяет извлекать прибыль без человека [Кутырёв и др. 2020, с. 9]. Так, компания Uber,

законодатель цифровой моды, устав от забастовок водителей, инвестирует в беспилотные такси. Технологии «окон возможностей» работают на олигополистов, использующих те же технологии, что описал еще В.И. Ленин: вывоз капитала, передел сфер влияния.

Демократия, равенство, справедливость, свободная конкуренция, индивидуальное предпринимательство – к этим утопическим лозунгам на фасаде капитализма сегодня добавились еще новые, технологические: цифровизация, экономика 4.0, прозрачность мира, индивидуализация производства, трансгуманизм. Цифровые технологии выступают средством максимальной эксплуатации, реализуя «технологический посткапитализм» [Кутырёв 2010; Кутырёв 2015].

Прекариат не свободен, т.к. не может позволить празднично потреблять хотя бы месяц или даже неделю, поскольку у него нет оплачиваемого отпуска. Самые героические представители «лишних людей» отправляются жить в коммуны хиппи, религиозные поселения, родовые поместья, этнодеревни, пермакультуры, общины веганов, экосообщества, ЗОЖ-кохаузинги, профильные объединения, некоммерческие партнерства.

Беспощадная школа жизни подталкивает романтиков, идеалистов и утопистов расставаться с технологическим укладом жизни, фундируя свое рвение единством с природой, общим делом, контркультурными идеями, мессианством, самоспасением, гармоничной жизнью, семейными ценностями, уединением, энергоэффективностью, минимализмом, ЗОЖ, созданием альтернативной социокультурной среды, творчеством, антигосударственной идеологией, устойчивым природопользованием, самообеспечением, вегетарианством, дауншифтингом, холизмом [Кутырёв и др. 2020, с. 82].

Буйные лишние люди устраивают бунт против сложившейся системы потребления. Это представители контркультуры – троцкисты, маоисты, анархисты, леваки, антифа, хиппи, битники, рокеры, металлисты, панки, байкеры, эскаписты, антиглобалисты, активисты Гринпис. У них хороший аппетит, нормальные человеческие потребности, но низкий уровень в социальной иерархии, и они чувствуют себя исключенными из праздника жизни. Протесты принимают разные социальные формы, но неизбежно в их агрессивных формах присутствует вандализм против символов среднего класса – автомобилей и бутиков. Участники уличных косплеев не только раскрепощают нравы, они балансируют на грани острых социальных проблем. Молодежные лозунги бескомпромиссны, дерзки и разрушительны: «Смерть капиталу!», «Ни Бога, ни господина», «Запрещается запрещать!», «Будьте реалистами – требуйте невозможного!», «Все – и немедленно!», «Забудь все, чему тебя учили – начни мечтать!», «Анархия – это я». Социально неустроенные и не имеющие полной гарантированной занятости выступают не только против раскрепощения нравов. Мятежное поколение восстает против снобизма истэблшмента, лжи геронтократии, что проявляется в том числе в посткапиталистических системах знания [Тимошук 2020]. Это – конфликт поколений, который В.А. Кутырёв интерпретировал как экстремальные формы протеста – искры от столкновения традиционных культур с цивилизацией [Кутырёв, Нилогов 2018]. Наступление цивилизации без святых и героев сопровождается контролем, учетом; и обратный ответ фундаментализма в виде терактов – это борьба против глобализма [Тимошук 2019]. В сравнении с бунтами против социальной маргинализации криптоанархизм и блокчейн-демократия выглядят как компенсаторные механизмы дефицита свободы [Кутырёв и др. 2020, с. 86].

Еще одной проблемой постиндустриального общества стало достижение пределов экономического и социотехнического развития. По мере того, как человечество приближается к 8 млрд., Земля становится похожей на маленькую лодку, на которой мы

вынуждены балансировать для ее устойчивости. Представления о ноосфере как научном рае, где будут горы хлеба и бездны могущества, оказались поверхностны и несбыточны. Никакие действительные тенденции не подтверждают энергетический прорыв и решение глобальных экологических проблем.

Сегодня наступил кризис стихийной истории и кризис стихийных регуляторов общества. Проблема управляемости человечества – ведущая научная проблема. Рыночная система автоматически не может решить проблемы экологии духа, экологии природы, экологии культуры, устойчивого развития. Однозначно, мы живем в более сложной искусственной реальности, сегодня самый обычный человек имеет технологические возможности, которые не были доступны даже царям прошлого. Реальные тенденции, которые мы видим сегодня – усложнение социотехнической реальности, угрожающее изменение климата, глобальное усиление демографического и экономического неравенства регионов, безработица. Прекаризация, постоянный рост доллара, коррупция – все это условия для возникновения патриотического диссонанса и основания для переориентации на программу устойчивого развития, выравнивания доходов, экологического равновесия.

Список литературы

1. Кутырёв 2010 – *Кутырёв В.А.* Философия трансгуманизма. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. 85 с.
2. Кутырёв 2015 – *Кутырёв В.А.* Последнее целование. Человек как традиция. СПб: Алетейя, 2015. 312 с
3. Кутырёв, Нилогов 2018 – *Кутырёв В.А., Нилогов А.С.* Технологии переступают через человека... // Философия хозяйства. 2018. № 5. С. 237-250.
4. Кутырёв и др. 2020 – *Кутырёв В. А., Слюсарев В. В., Хусьяинов Т. М.* Человечество и Технос: философия козволюции. СПб.: Алетейя, 2020. 260 с.
5. Тимощук 2019 – *Тимощук А.С.* Антропоконсерваторь, или философия для людей // Идеи и идеалы. 2019. Т.11. № 3, ч. 1. С. 152-159.
6. Тимощук 2020 – *Тимощук А.С.* Знает молчащий или говорящий? Эпистемический статус, качество знания, компетентность как социальный капитал // Наука как общественное благо. М.: РОИФН, 2020. С. 91-93.
7. Тимощук 2021 – *Тимощук А.С.* Устойчивое развитие России и новые внешнеполитические факторы // Исторический путь России: из прошлого в будущее. СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2021. С. 536-543.

УДК: 303.01

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО БЫТИЯ

Тимощук Елена Андреевна

Кандидат философских наук, доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при

Президенте Российской Федерации – Владимирский филиал

Владимир, Россия

Email: tea@abhinanda.elcom.ru

В данной статье применяется феноменологический метод к исследованию социокультурного бытия, которое как никогда находится в синергетическом состоянии, получая мощные сигналы от родового, мифологического, этнического, религиозного,

национального, технологического. В отличие от исторических и социологических исследований, феноменологический подход опирается на трансцендирующие установки (многослойность, конкретизация, интенциональность, эпохé), позволяющие рассматривать социокультурное бытие как необходимый каркас жизненного мира. Жизненные программы субъектов культуры написаны другими и практикуются в течение жизни, что делает культуру автореферентно истинной. Уникальная ситуация глобализации и медиатизации культуры делает из жизненной программы открытый проект, где в качестве отправной точки присутствует личный опыт неограничения культурных конструктов. Онтическое различие культур не является столь фундаментальным. Участник культуры формирует свое социокультурное тело. Не ставит ли это Dasein выше онтоса культуры? Символизм социокультурного опыта фундирует различие переживаний единого мира. Гуссерль, Ингарден, Хайдеггер, Левинас, Сартр, Кассирер, Шюц, Бергер, Лукман через свои феноменологические проекты расширили понимание коллективности переживания культуры. Культура в феноменологии есть общие условия, создаваемые intersubjectивным способом и воспринимаемые сознанием. «Культурное» означает с точки зрения феноменологии сделанный символический конструкт, переживаемый коллективно. Между тем, когда феноменология объясняет культуру, она создает ее. Процессы экспликации в феноменологии неотрывны от проживания, переживания и созидания.

Ключевые слова: поликультурность, социокультурная феноменология, мультикультурализм, неограничение культурного опыта, жизненные миры.

PHENOMENOLOGY OF SOCIOCULTURAL BEING

Timoschuk Elena Andreevna

PhD in Philosophy, Associate Professor

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration – Vladimir Branch

Vladimir, Russia

Email: tea@abhinanda.elcom.ru

This article applies the phenomenological method to the study of sociocultural life, which as never before is in a synergistic state, receiving powerful signals from the generic, mythological, ethnic, religious, national and technological spheres. Unlike historical and sociological studies, the phenomenological approach relies on transcending attitudes (layering, concretization, intentionality, epoché), which make it possible to consider socio-cultural being as a necessary frame of the life world. The life programs of the subjects of culture are written by others and are practiced throughout life, which makes the culture self-referentially true. The unique situation of globalization and mediatization of culture turns the life program into an open project, where personal experience of negotiating cultural constructs is present as a starting point. The ontic cultural difference is not so fundamental. A cultural participant forms his own socio-cultural body. Doesn't this put Dasein above the ontos of culture? The symbolism of sociocultural experience underpins the difference in the experiences of a single world. Husserl, Ingarden, Heidegger, Levinas, Sartre, Cassirer, Schütz, Berger, Luckmann expanded their understanding of the collective experience of culture through their phenomenological projects. Culture in phenomenology is a general condition, created in an intersubjective way and perceived by consciousness. "Cultural" means from the point of view of phenomenology a symbolic construct made and experienced collectively. Meanwhile, when phenomenology explains culture, it creates it. The processes of explication in phenomenology are inseparable from living, experiencing and creating.

Keywords: polycultural, sociocultural phenomenology, multiculturalism, negotiation of cultural experience, life worlds.

Базовые концепты, задающие фон социальной среды – это плюрализм социальных порядков и экспертократия, глобализация и глокализация, пролиферация смыслов повседневности и модернизация. Топики социокультурной феноменологии – это этническое и национальное самосознание, политическое, религиозное, мифологическое.

В контексте поликультурности особый интерес представляет феноменология этничности и этнического самосознания, которая интересна тем, что в ней сочетаются

претензия на объективность, дескриптивность, фундаментальность и открытость психологизму, столь свойственному родовой идентичности этноса. С.И. Хаирова в исследовании делает обзор методов конструирования этнического самосознания, выделяя примордиалистов, инструменталистов, конструктивистов; анализирует слои этнического самосознания и приходит к выводу гетерархии этнического в современном контексте [Хаирова 2010]. Работа, выполненная с опорой на формулу флюидной идентичности и воображаемых сообществ Б. Андерсена, это, несомненно, ценность, однако С.И. Хаирова легко переходит от использования термина «феномен» к феноменологическому контексту, не обращая внимания на категориальный аппарат феноменологии – жизненный мир, эпохé, интерсубъективность и интенциональность. Исследование С.И. Хаировой интересно указанием на нелинейную топологию этничности, на горизонтальный способ усиления ресурсов и функциональности национального самосознания.

Польский феноменолог Роман Ингарден предложил модель коммуникации социальных агентов на основании множественности онтических слоев (идеальный, интенциональный и материальный уровни бытия) [Тимощук 2010]. В онтологии Р. Ингардена, помимо реального бытия вещей, идеального бытия математических конструктов и абсолютного бытия теологии, существует интенциональный мир социокультурных объектов, порожденных проективностью сознания, потребностью в самовыражении, идентификации (художественные герои, социальные ожидания, этнические представления, религиозные убеждения, медиапродукты) [Тимощук 2014б].

Физические объекты устойчивы в своих параметрах существования, в то время как интенциональные конструкты (идеологии, мировоззрения, право, государство) обладают флюидностью и конститутивностью; социокультурные объекты постоянно обновляются, подвергаются гибридизации, конкретизации и перепрошивке [Тимощук 2010].

Социокультурные объекты зависят в своем существовании от интерсубъективной интенциональности и поддерживают свою устойчивость благодаря коммуникативному консенсусу дискурсивных групп [Тимощук 2011]. Несмотря на свою актуализацию в том или ином дискурсе, социокультурный объект сохраняет потенциальные иные значения, неопределенности, которые могут быть конкретизированы в иной ситуации [Ingarden 1970]. Так, этничность подвергается деконструкции и реконструкции, деидеологизации и реидеологизации в зависимости от конъюнктуры и неготиации политических дискурсов. Суверенитет, свобода, постколониализм стали символами формирования новых государств в XX в. и одновременно достали на поверхность скрытую родовую вражду. Процесс формирования современной государственности проложил путь новым политическим образованиям, укрепившим центральную власть и поглотившим протогосударства регионов. Территориальная экспансия объединяет в империю множество народов, которые необязательно разделяют одни и те же ценности, религии и языки с доминирующим народом. Так эксплуатируется образ оккупации с целью реализации имперских амбиций. Политические элиты зачастую относятся с высокомерием и патернализмом к коренным народам, а напряженность между этноконфессиональными группами часто сопровождает политическую историю. Феноменология указывает на недостаток гибкости, рефлексивности, самокритики, инклюзии и преобладание гегемонии и комплекса исключительности.

Этнические сообщества укоренены в коллективно проживаемом опыте и, чтобы понять их культурную идентичность, нужно войти в их естественную установку. Жизненные миры – это малые и большие социальные группы, которые разделяют ценностно-смысловые структуры своего целевого коллективного сознания, генерируют солидарные предикаты и конфликтуют в конкретизации с другими жизненными мирами [Тимощук 2014а].

Феноменология поликультурности – это обучение концептам и технологиям многослойности, конкретизации, интенциональности, жизненного мира, эпохэ [Тимощук 2019]. Чувство родины, миграция, множественная идентичность, сетевое взаимодействие, глобализация – в этих категориях зафиксирована гибридизация социокультурных практик, где отправной опыт встречи с этническим наталкивается на вызовы плюральности. Феноменология разработала несколько взаимодополняющих подходов к сущности этнического. Прежде всего, это преодоление телесно-витального через практику эпохэ Э. Гуссерля, когда осознание этнического в плане своего жизненного мира осуществляется через Другого. Далее, М. Хайдеггер, который указал на пристанище бытия в родном языке и поэзии. Специфический феноменологический проект Хайдеггера – это самоутверждение символического значения этничности как прививки от отчуждения. И, в-третьих, это феноменология Р. Ингардена, создавшего рациональную феноменологию описания социокультурных объектов через категории интенциональности, многослойности, конкретизации. Этническое в феноменологии Ингардена – это культурный каркас жизненного мира, интересубъективная напряженность. В процессе самоконституирования мы неизбежно приходим к коллективным формам идентификации смысловых объектов, и подобная самоидентификация и составляет сущность этнического. Этнос – это такой же социокультурный объект, как и миф, религия, художественное произведение, идеология. Специфика этноса как ноэзо-ноэматического образования заключается в фундировании естественной допредикативной установки «я и мое». Этническое обеспечивает присутствие в самой близкой, родовой сфере релевантности этих значений, в зоне релевантности «мы-отношения». Оно связывает внутреннее и внешнее в родовую скрепу. Даже в современной глобальной системе координат родной язык хранит наиболее подручные очевидности.

Социокультурная феноменология может предложить усилить теоретический уровень формирования представлений о культурном многообразии. Существующие школьные предметы «Основы духовно-нравственной культуры народов России» и «Основы религиозных культур и светской этики» восполняют пробел базового информирования о глобальном открытом обществе. Вместе с тем этого недостаточно для создания сопереживания к другим культурным системам. Жить вместе нельзя только информативно, без коммуникации и эмпатии. Поликультурный мир – это уважение и сознательное созидание нового качества жизни.

Список литературы

1. Тимощук 2009 – *Тимощук Е.А.* Образовательные технологии в свете феноменологии Р. Ингардена // Современные проблемы художественной культуры и образования (региональный аспект) : Материалы международной научно-практической конференции, 26-28 марта 2009 г. Владимир: ВФ РАГС, «Собор», 2009. С. 22-29.
2. Тимощук 2010 – *Тимощук Е.А.* Интенциональность мира культуры и человека в феноменологии Р. Ингардена // Мировоззренческая парадигма в философии: современное взаимодействие философии и науки: Сборник статей по материалам VIII Всероссийской межвузовской научной конференции. Нижний Новгород: ВГИПУ, 2010. С. 81-82.
3. Тимощук 2011 – *Тимощук Е.А.* Конкретизация Р. Ингардена как метод анализа содержания сознания и социокультурных объектов // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Материалы третьей научно-практической

- конференции с международным участием (21-22 октября 2010 года). Иваново, 2011. С. 192-195.
4. Тимощук 2012 – *Тимощук Е.А.* Онтологический плюрализм как основа толерантности // Свеча-2012. Т. 20. Наука, религия и толерантность: вызовы и проблемы современности. Материалы Международной научной конференции 24-26 октября 2012 г. / Под ред. Е.И. Аринина. Владимир: ВлГУ, 2012. С. 209-214.
 5. Тимощук 2014а – *Тимощук Е.А.* Категория «жизненный мир» в социогуманитарном познании // Адам әлемі. 2014. № 1. С. 131-138.
 6. Тимощук 2014б – *Тимощук Е.А.* Многослойность: от Платона до Ингардена // XXII-я конференция «Универсум Платоновской мысли: Корпус текстов Платона в истории его интерпретаций – II» (24-25 июня 2014 г.). СПб: СПбГУ, РХГА, 2014. URL: <http://plato.spbu.ru/CONFERENCES/2014/theses/Timoschuk.html>
 7. Хаирова 2018 – *Хаирова С.И.* Феноменология этнического самосознания в поликультурном обществе // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2018. № 4 (14). С. 77-82.
 8. Ingarden 1970 – *Ingarden R.* The Letters Pro and Con // The Journal of Aesthetics and Art Criticism, 1970. Vol. 28, No. 4. Pp. 541-542.

УДК 130.3: 165

АНТРОПОСОЦИОКОНСЕРВАТИЗМ КАК РАЦИОНАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ПОСТИДЕОЛОГИИ

Тяпин Игорь Никифорович

Доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

E-mail: i.n.tyapin@mail.ru

Установка на необратимость гуманитарно-технической конвергенции опирается на методологию псевдорациональности и выступает ключевым компонентом технократическо-консьюмеристской тоталитарной постидеологии. Господствующая в философском сообществе апология цифровизации и трансгуманизма порождена его ценностно-целевой дезориентацией в условиях неопределенности и изменения социального порядка, а также глубокой укорененностью постулатов и концептов постмодернизма. Козволюция как приведение технологий с искусственным интеллектом к человеку ради сохранения его идентичности предлагает адекватную этой задаче методологию, в центре которой представлена модель соразмерного жизненного бытия. Антропоконсерватизм, в свою очередь, реализуем только в органическом единстве с консервацией и возрождением фундаментальных социальных институтов (семьи, национального государства, образования и др.), «возвращением вещей к именам». В условиях необратимой деградации западной мысли (отказавшейся сегодня от понимания собственного «дискурса», избегающей целостности, опирающейся на спекулятивные аргументы релятивистского толка, конструирующей образ псевдореальности) сохранение методологического подхода, основанного на принципах систематизации, отказа от крайностей и содержательной полноты, позволяет реалистическому меньшинству российского философского сообщества сохранять потенциал для построения, на базе критического анализа постфилософских суицидальных доктрин и модернизации наследия философии национальной идеи, адекватных жизнеутверждающих концепций.

Ключевые слова: трансгуманизм, техногенный тренд, киборгизация, псевдорациональность, постидеология, постфилософия, конвергенция, коэволюция, антропоконсерватизм, социоконсерватизм, национальная идея.

ANTHROPOSOCIOCONSERVATISM AS A RATIONAL ALTERNATIVE TO POST-IDEOLOGY

Tyapin Igor Nikiforovich

PhD DSc in Philosophy, PhD in History, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy

Vologda State University

Vologda, Russia

E-mail: i.n.tyapin@mail.ru

The attitude to the irreversibility of humanitarian-technical convergence is based on the methodology of pseudo-rationality and is a key component of the technocratic-consumerist totalitarian post-ideology. The dominant apologia of digitalization and transhumanism in the philosophical community is generated by its value-oriented disorientation in the conditions of uncertainty and changes in the social order, as well as by the deep-rooted postulates and concepts of postmodernism. Coevolution as bringing technologies with artificial intelligence to a person for the sake of preserving his identity offers a methodology adequate to this task, in the center of which a model of a commensurate life being is presented. Anthroconservatism, in turn, is realized only in organic unity with the preservation and revival of fundamental social institutions (the family, the national state, education, etc.), “the return of things to names”. In terms of the irreversible degradation of Western thought (giving up today from understanding their own “discourse”, avoiding the integrity, basing on speculative arguments of relativistic sense, constructing the image of the pseudo-reality) save a methodological approach based on the principles of systematization, rejection of extremes and in-depth completeness, allows realistic minority of the Russian philosophical community to maintain the capacity to build on the basis of critical analysis post-philosophy suicidal doctrines and modernization of the heritage of philosophy of the national idea, adequate life-affirming concepts.

Keywords: transhumanism, technological trend, cyborgization, pseudo-rationality, post-ideology, post-philosophy, convergence, co-evolution, anthroconservatism, socioconservatism, national idea.

Определение современности ультра-меньшинством философов-реалистов как (пред)суицидального периода опирается на констатацию деградации мышления и мировоззрения «среднего» человека, слома фундаментальных, системообразующих институтов (например, семьи и образования), усиления тоталитарных тенденций в системе социального управления. При этом доминирующей реакцией на данное определение со стороны большинства выступает лицемерный или искренний энтузиазм. Некритическая восторженность, прежде всего по поводу развития цифровых технологий и торжества «ценностей» трансгуманизма, сама по себе (в качестве обратной причины) порождает широкий круг проблем, связанных с перспективами человека и культуры. Так, уже сейчас приходится признать превращение человека из рационального социального существа в ментального агента коммуникации, а также серьезную деградацию естественного языка.

Несмотря на то, что сегодня в мире запрет на инакомыслие (вне определенного перечня идеологических доктрин – внешне различных, но сущностно схожих, неадекватных, но эффективных) переходит в осуждение мысли как таковой, чисто эмоциональный вариант продвижения трансгуманизма и цифрового тоталитаризма все-таки невозможен; требуя обоснования (пусть и фиктивного), псевдонаучно-квазифилософской «обертки».

Так, чтобы восторгаться слиянием человека, общества и технологий (иными словами – тотальной стандартизацией и роботизацией) приходится рассуждать об объективности и интерналистском характере технологического детерминизма, непременно утверждая примерно следующее: «Конец XX и начало XXI вв. ознаменовались осознанием новой, всеобщей формы социокультурной интеграции – конвергенции, которая в процессе развития науки и совершенствования технологий приобрела настолько всеобъемлющий характер и широкое распространение, что сегодня ее можно назвать уже не просто социальным, а социокультурным феноменом» [Алиева 2012, с. 685].

Противостояние рациональности и псевдорациональности началось как минимум во времена софистов и Сократа и исторически прошло через тысячелетнюю философскую теорию и практику общественных отношений. Однако именно сегодня, не в последнюю очередь благодаря тотальному культу шизофреничности, понимаемой как «растворение» субъекта в объекте (по Ж. Бодрийяру, «объект должен нас совратить, а мы должны отдаться объекту»), опоре на метод шизоанализа (отказ от идентичности, постоянный поиск различий, сопротивление рассудку), когда процесс познания становится шизофреническим (шизофреник познавая развлекается, влечется туда, куда его манят симулякры), *псевдорациональность выросла в достаточно многообразную и разветвленную теоретико-управленческую методологическую систему генерации и поддержки псевдо(гипер)реальности, которая опирается на принципы и приемы софистики, полного отказа от объективности рассмотрения, инкорпорирования в общественное сознание неомифов, псевдологичности, антиномичности постулатов, навязывания ложных дилемм, произвольного искажения понятий (смысловой эквилибристики), приоритета языковой «формы» над описываемым содержанием с целью фальсификации последнего [Тяпин, 2019]. Неотъемлемым компонентом «ядра» псевдорациональности выступает моральный релятивизм, обусловленный эгоистичностью узкорассудочности и приоритетом манипулятивной функции. В итоге в постлиберальную эру конвергенции можно говорить о глобальной (посредством привития законченного цинизма, отказа от высших ценностей и табу, культивирования чрезмерного и извращенного потребления, атрофии чувства стыда в рамках порнофикации и обценнизации языка и культуры, внедрения чипизации, химеризации организма и др.) стратегии расчеловечивания – необратимой утраты представителями вида Homo sapiens комплекса духовно-нравственных, интеллектуальных и социальных качеств, выделяющих человека из окружающей реальности и делающих его особой сферой бытия.*

Основным сценарием конвергенции является технологический радикализм, вдохновляемый призывом «объединим человека с новейшими технологиями». Другой вариант – «срединный путь», признающий ценность исторически сформировавшейся природы человека и важность развития новейших технологий – не имеет конкретной программы (хотя он представлен в том числе именами Н.Н. Моисеева, Ю. Хабермаса, Дж. Нейсбитта), по сути, оставаясь на уровне деклараций. Все иные позиции объявляются радикальной технофобией и обскурантизмом.

Путь превращения человека в ходе параллельной эволюции его и «умной» техники в квазисубъекта, агента коммуникации, зомби, персонажа, а в конечном счете – в Никто, а «прогрессивного» человечества – в «глупеющее, слепое, несчастное» сообщество, которое счастливо «только непониманием того, что делает-ся», тем, что «само роет себе могилу» [Кутырёв и др. 2020, с. 27], подкрепляется рядом переходящих друг в друга лженаучных, пост(псевдо)философских и постидеологических доктрин (анархо-капитализм, гендерология, квир-феминизм, транс- и постгуманизм, *правый либертариизм и др.*), обнаруживающих концептуальное единство и внутреннюю связь. Все они

направлены на довершение экзистенциального кризиса личности, в том числе и в таких аспектах, как «порнофикация сознания» или «цифровой эксгибиционизм», а также «гендерной деконструкции» мужской и женской субъектности: аксиологической, физиологической, технической (роботофилия, техноложество), юридической (включая и абсурд современного харассмента).

Более всего впечатляет даже не широкое распространение негативных тенденций, а почти всеобщее нежелание понимать и признавать очевидное (как пишет В.А. Кутырёв, «альтернативы нет» и «прогресс не остановишь» – любимые идеи, к которым сводится эта убогая философия его без(д)умных адептов»), так что редкая – часто слабая и боязливая – критика последствий технизации в основном касается третьестепенных моментов, а не главного.

Философия в предтоталитарном мире первой четверти XXI в. почти полностью вытеснена пост(псевдо)философией с ее отсутствием критичности, описательностью и беспроблемностью, установкой не на поиск истины, а достижение поставленных манипулятивно-прагматических целей и обслуживание вышеперечисленных доктрин.

Сегодняшний культ «цифровизации» уверенно вписывается в «техногенный тренд», определяемый как все ускоряющийся процесс распространения и развития всего связанного с техническим, технологическим в его соответствующей неопределенности и увеличивающемся влиянии на социальную жизнь, на судьбу человечества в форме катастроф, самоуничтожения, пост-вне-человеческого преодоления [Туарин, Maslov 2019, с. 570]. По мнению В.А. Лекторского, рациональность в «технократическом» представлении может быть охарактеризована как деятельность в рамках принятой системы когнитивных и ценностных предпосылок. Эта деятельность регулируется определенными нормами и правилами, которые не пересматриваются. Понятая так рациональность при ее использовании может дать определенный эффект, но он будет ограниченным, а в более широкой перспективе – разрушительным [Лекторский 2012, с. 227]. Правота данного тезиса иллюстрируется нарастанием эффекта техногенного аутизма, под которым принято понимать постоянную подключенность человека к «цифровой платформе», смещающую его восприятие: вместо самостоятельной оценки значимых социальных событий он занят поиском их интерпретации. Рано или поздно такая практика приводит к заикливанию на зоопопуляционных потребностях (т.н. гендерное поведение, общение и статусные роли).

У конвергенции как слияния людей и технологий и, как следствие, смерти Духовной Культуры есть очевидная альтернатива – «коэволюция», т.е. их взаимодействие с целью сохранения человеком своего жизненного мира и самости, опирающаяся на очевидную мысль о том, что на пути к прогрессу техника должна быть средством, а человек – целью. Исходя из того, что коэволюцией обозначается совокупная, взаимно адаптивная изменчивость частей в рамках системы (биологической или биокультурной), результатом такой – коадаптивной – изменчивости может быть как минимум сохранение системы в уже достигнутом оптимальном состоянии, как максимум – ее совершенствование. Соответственно нужно изыскивать способы «приведения» технологий (в том числе с искусственным интеллектом) к человеку ради сохранения его идентичности. Базовый принцип антропоконсервативной коэволюции – допустимость и желательность восстановления потерянных, травмированных свойств, недопустимость создания качественно новых возможностей, несущих угрозу киборгизации (оборотной стороной которой является инвалидизация), видового неравенства человечества.

Программа и стратегия этих поисков лежит в парадигме интеграции антропоконсерватизма с социоконсерватизмом, т.е. сохранением и укреплением традиционных способов функционирования системообразующих социальных

институтов. Здесь значение приобретает консервативная формула прогресса (в русской мысли наиболее ясно высказанная К.Н. Леонтьевым), суть которой в возможности признания любых конкретных изменений прогрессивными лишь до определенного времени, после которого прогрессом будет уже сохранение эталона, идеала, а изменение – деградацией. Инструментом оценки технологических новаций может (и должна!) стать формальная и неформальная философская экспертиза, осуществляемая здоровой (пусть небольшой) частью философского сообщества. В.А. Кутырёв напоминает, что «реальное не равно должному, что мыслящий человек имеет право подняться над ситуацией, хотя бы в ней находился» [Кутырёв и др. 2020, с. 198]), призывая, по существу, к духовному сопротивлению, основанному на традициях классической философии. Традициях, где базовой мировоззренческой установкой является «сначала надо быть, а потом меняться; развиваться надо для того, чтобы быть».

Духовный потенциал российского философского сообщества еще не исчерпан полностью. Реализация миссии критического анализа суицидальных доктрин и использование мировоззренческо-методологического потенциала истории русской и советской мысли для построения адекватных концепций человека, общественного устройства, социальной этики еще возможны. «Стержнем» способна выступить полузабытая в последнее время философия национальной идеи. Россия исторически реализовала модель скачкообразного и догоняющего, но стратегически гармоничного развития (с удобными для человека темпами, с балансом экстенсивного и интенсивного). Пока живы люди, обладающие культурой системного мышления, представляющие классические формы и идеалы, наша страна сохраняет шанс реализовать модель многоукладной экономики, подлинной рациональности, морально-правового баланса в социальном управлении и т.д., в том числе возрождения в качестве преобладающей социальной единицы гармоничной личности-созидателя.

Список литературы:

1. Алиева 2012 – *Алиева Н.З.* Конвергенция в контексте концепций инновационного развития общества // *Современные проблемы науки и образования.* 2012. № 6. С. 685.
2. Кутырёв и др. 2020 – *Кутырёв В.А., Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М.* Человечество и Технос: философия коэволюции. СПб.: Алетейя, 2020. 260 с.
3. Лекторский 2012 – *Лекторский В.А.* Рациональность как ценность культуры // *Рациональность и ее границы: мат-лы межд. научной конференции.* М., 2012. С. 216-231.
4. Тяпин 2019 – *Тяпин И.Н.* Псевдорациональность как методология и основание социальных трансформаций. Вологда: ВоГУ, 2019. 147 с.
5. Tyarin, Maslov 2019 – *Tyarin I.N., Maslov V.M.* Philosophical Expertise as a Factor of Desubjectivation of Technogenic Trend and Achievement of Social Justice // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Философия и конфликтология.* 2019. Т. 35. № 4. С. 569-579.

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ ТЕХНОНАУКИ*

Черникова Ирина Васильевна

*Доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и
методологии науки*

*Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томск, Россия*

E-mail: chernic@mail.tsu.ru

В статье рассматриваются версии экологической этики как возможные формы культурной регуляции в условиях вызовов техногенной цивилизации. Традиционная этика, построенная на дуалистической картезианской картине мира, представлена набором правил поведения, эти правила в основном формулировались утилитаристской или абсолютистской этическими доктринами, но в любом случае общество и наука рассматривались как автономные системы. Сегодня, наряду с логико-методологическим осмыслением вопроса о соотношении разума и морали, произошло осознание значимости социальной и моральной ответственности ученого. В отличие от мертоновского этоса науки, регулирующего научную деятельность внутри научного сообщества, этос постнеклассической науки более сложен и неоднороден. Этика науки является важнейшей составляющей образовательной стратегии профессиональной подготовки исследователя. В современной научной картине мира, основывающейся на идее глобального эволюционизма, эволюция человека и общества регулируется нормами, вырабатываемыми с учетом глобальной динамики, к таковым относится экологическая этика. Показано, что выбор эволюционной способности в качестве основания экологической этики представляется возможным и что новая эволюционная парадигма может служить онтологическим основанием метафизики, удовлетворяющей требованиям эпохи экологического кризиса.

Ключевые слова: экологическая этика, метафизика процесса, глобальный эволюционизм, эволюционная этика, технологические инновации, технонаука.

PROBLEMATIZATION OF ETHICAL NORMS IN THE CONTEXT OF TECHNOSCIENCE CHALLENGES

Chernikova Irina Vasilievna

*PhD DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Methodology
of Science*

*National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia*

E-mail: chernic@mail.tsu.ru

The paper covers versions of environmental ethics as possible forms of cultural regulation in the face of anthropogenic civilization challenges. Traditional ethics, built on a dualistic Cartesian worldview, is represented by a set of behavior rules, mainly formulated by utilitarian or absolutist ethical doctrines, although society and science were always considered as autonomous systems. Today, along with the logical and methodological understanding of the correlation between reason and morality, there has been an awareness of the importance of the social and moral responsibility of a scientist. Unlike Merton's ethos of science, which regulates scientific activity within the scientific community, the ethos of post-non-classical science is more complex and heterogeneous. The ethics of science is the most important component of the educational strategy for the professional training of a researcher. In the modern scientific worldview, based on the idea of the global evolutionism, the evolution of man and society is governed by norms developed taking into account global dynamics, such as environmental ethics. It is shown that the

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00298.

choice of evolutionary ability as the basis of environmental ethics appears possible and that a new evolutionary paradigm can serve as the ontological basis of metaphysics that meets the requirements of the ecological crisis era.

Keywords: ecological ethics, process metaphysics, global evolutionism, evolutionary ethics, technological innovations, technoscience.

Если классическая наука вопросы о ценностях и морали оставляла за пределами предметного поля научного исследования, то важнейшей составляющей современного научного мировоззрения является убеждение, что этика релевантна науке. Принцип, известный как «гильотина Юма», разделяет суждения разума и суждения о должном. Бурные дискуссии, развернувшиеся в философии науки XX в. вокруг вопроса о выведении из «есть» «должен» («гильотина Юма»), «показали родство логико-эпистемологических проблем методологии в ее нормативистской интерпретации и этики должностования» [Огурцов 2007, с. 43], что позволило отказаться от идеи о логической автономности этики. Наряду с логико-методологическим осмыслением вопроса о соотношении разума и морали, осознание значимости социальной и моральной ответственности ученого стало важнейшей составляющей образовательной стратегии профессиональной подготовки исследователя.

Вызовы современной науки и технологий привели к необходимости глубинных трансформаций культуры, формирования новой метафизики, основанной на онтологии процесса, и экологического сознания как индивида, так и общества. Эти вызовы связывают с вступлением в эпоху антропоцена, с цифровизацией, с возможностью NBIC-технологий трансформировать природу человека. На данном этапе социо-антропогенеза уже не природа, а человек становится главной мишенью технологических инноваций. В этих условиях возрастает необходимость в рефлексивной деятельности по выявлению точек роста столь необходимых форм культурной регуляции устойчивого цивилизационного развития. Одной из таких форм культурной регуляции могут быть ниже рассматриваемые версии экологической этики.

Экологическая этика выделилась из разряда прикладных наук, поднявшись с уровня, где вырабатывались этические теории, адекватные тому или иному виду практики, на иной уровень, где задачей стала перестройка морали питавшей ее метафизики. Изменение метафизической парадигмы означает изменение картины мира и характера мышления. Далее рассмотрим роль идеи глобального эволюционизма в формировании современной научной картины мира, обозначаемой терминами «холистическая», «системная», «экологическая», в которой мир и человек понимаются как единая, саморазвивающаяся глобальная динамика. Обозначим также влияние идеи глобального эволюционизма на формирование экологического мышления.

Глобальный эволюционизм рассматриваем не только как методологически полезную регулятивную идею, но и как модель реальности, манифестирующую холистический взгляд на мир, и как основание философии процесса. Поскольку концепция универсального эволюционизма складывалась и разрабатывалась на материале естествознания, то включение этапов когнитивной и социальной эволюции, философско-методологический анализ возможности экстраполяции универсальных законов и механизмов эволюции на эти сферы бытия являются важной новацией в области философской онтологии и междисциплинарных исследований. Новым аргументом в пользу глобального эволюционизма может служить интегративный анализ выявленных учеными общих законов в биологической, когнитивной и социальной эволюции, описание новых рекурсивных механизмов формирования сложности (эволюция «сверху»), обусловленных целенаправленными ментальными и социальными процессами. Уровень сложности социальных систем определяется транзицией в работе с информацией. Язык, мышление, коммуникации создают новую архитектуру,

созидающую и сознание, и моральность, и свободу, которые коррелятивно связаны. Мораль и свобода, как метафизические сущности, характеризующие человеческое бытие, оказываются реальностью, эволюционно обусловленной.

Традиционная этика, построенная на дуалистической картезианской картине мира, понимается как набор правил поведения. Эти правила в основном формулировались утилитаристской или абсолютистской этическими доктринами, но в любом случае общество рассматривалось как автономная система. Современная научная картина мира, основываясь на идее глобального эволюционизма, предполагает формирование новой метафизики и новой этики. Метафизика процесса включает представление о реальности как сложной саморазвивающейся глобальной системе сопряженных процессов. В этой картине мира эволюция человека и общества регулируется нормами, вырабатываемыми с учетом глобальной динамики, к таковым относится экологическая этика.

Экологическая этика, отмечает Б. Калликотт, «начинается с той предпосылки, что традиционная метафизика и обусловленная ею мораль – это скорее источники современных экологических проблем, но никак не средство для их разрешения. ... Нынешняя экологическая ситуация нуждается не столько в практическом экспериментировании, сколько в радикальном пересмотре западных моральных и метафизических парадигм» [Калликотт 1990, с. 309]. Этико-экологическая ориентация объединяет в поиске новой метафизики различные философские подходы, такие как акторно-сетевую концепцию Б. Латура, «витальный» материализм Дж. Беннетта, «новую» онтологию Т. Мортон, объектно-ориентированную философию Г. Хармана, экологическую макроэтику Л. Флориди, теорию индивидуации Ж. Симондона, глубинную экологию Б. Калликотта и А. Нэйса. Сторонники глубинной экологии путь к ее решению видят в формировании экологической чувствительности. Новая метафизика строится на объектно-ориентированной онтологии, в ней реализуется не-антропоцентрический подход к миру, стираются привычные границы между человеческим и нечеловеческим, вводятся понятия: «материальная агентность» как действенность не только человеческих вещей [Игнатова 2019, с. 16-18], «актант» (Б. Латур) как источник действия, который может быть как человеческим, так и нечеловеческим [Беннетт 2018]. Думается, этот перечень теорий, формирующих новую метафизику, далеко не полон.

Наряду с вышеотмеченными контекстами, важную функцию в формировании новой метафизики выполняет современная научная картина мира, основанная на идее глобального (универсального) эволюционизма. В западной культуре формируется картина мира как глобального (универсального) процесса, включающего человека как составляющую и как фактор эволюции, это идея глобального эволюционизма. Современная естественно-научная картина мира, основанная на идее глобального эволюционизма, служит мостиком к экологической метафизике. На наш взгляд, путь к экологизации сознания связан с формированием метафизики, основанной на онтологии процесса и идее глобального эволюционизма. Как отмечал один из создателей концепции глобальной эволюции Э. Янч, этика – это поведенческий код, настроенный эволюционно [Iantsch 1980]. В его концепции мораль аккумулирует в себе жизненный опыт такой настройки. Сохранение эволюционной способности и повышение разнообразия могут рассматриваться и как основания экологической этики, и как закон эволюции.

Выполняющий роль неотъемлемого аспекта социокультурной эволюции, человек имеет возможность и обязанность брать на себя ответственность за эволюцию в своей области, т.е. на планете Земля. Управление системой теперь выглядит как деятельность, которая помогает и ускоряет эволюцию. Э. Янч определяет этическое поведение как поведение, которое усиливает эволюцию. Но это подразумевает, что этика не дана

априори, но возникает с развитием и следует за развитием, которое в принципе широко открыто. С каждым новым автопоэтическим уровнем в игру вступает новая этика, а также новый механизм, посредством которого эта этика действует как регуляторное устройство. В социобиологии этот механизм носит преимущественно химический характер, в человеческом мире он состоит в основном из законов, правил поведения и табу, а также из морали как непосредственного внутреннего опыта. Задача в том, чтобы действовать в унисон с эволюцией, а не против нее. Прежде всего, это означает признание и применение многоуровневой этики, которая превосходит уровень отдельной личности. Такую этику Э. Янч называет эволюционной этикой и отмечает, что она будет выходить за рамки не только личности, но и всего человечества. Эволюционная этика сопрягается с характеристиками саморазвивающихся систем, таких как открытость, неравновесность, динамичность, когерентность [Jantsch 1980, p. 263].

Сохранение разнообразия как экологическое требование и в то же время как признание права на индивидуальность, как нравственный принцип – так переплетаются этический выбор и эволюционный закон. Баланс природы рассматривается не как источник всех наших ценностей, а как основа выбора, с которой все другие ценности должны быть согласованы. Утверждение баланса природы как основы ценностей фиксирует необходимую среду для этической активности. Нравственность выводима из целостного характера экосистемы, это означает, что, хотя человек самостоятельно строит систему ценностей, их выбор координируется требованиями экосистемы. Следуя логике поисков оснований натуралистической этики (баланс, целостность экосистем...), представляется возможным сделать еще шаг и признать в ряду ценностей, на основе которых могут строиться нормативные модели, эволюционную способность природных систем. Причем эволюцию здесь следует понимать как коэволюцию, т.е. не только как изменчивость, но как систему взаимодействий (всякая эволюция есть коэволюция системы и ее среды).

Выбор эволюционной способности в качестве основания экологической этики представляется возможным. Во-первых, экологическая и эволюционная проблемы по существу очень тесно связаны. Многие экологические механизмы и законы являются также эволюционными. С другой стороны, эволюция может быть экологически переосмыслена. Во-вторых, новая эволюционная парадигма может служить онтологическим основанием метафизики, удовлетворяющей требованиям эпохи экологического кризиса. Итак, рассмотрен один из возможных вариантов решения проблем этики науки, в частности экологической этики. При этом показано, что идея глобального эволюционизма действительно влияет на современное научное мировоззрение; кроме того, она способна обострять формулировку, служить катализатором в обсуждении широкого круга проблем.

Список литературы

1. Беннетт 2018 – *Беннетт Дж.* Пульсирующая материя. Политическая экология вещей. М.: Xyle-Press, 2018. 380 с.
2. Игнатова 2019 – *Игнатова Н.Ю.* Новая метафизика как ответ на вызовы эпохи антропоцена // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: Труды II Всероссийской научной конференции / Под общей ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. Н. Новгород: Красная ласточка, 2019. С. 115-118.
3. Калликотт 1990 – *Калликотт Б.* Азиатская традиция и перспективы экологической этики: пропедевтика // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс. 1990. С. 308-327.

4. Огурцов 2007 – *Огурцов А.П.* Методологические правила и этические нормы (к истории проблемы) // *Этика науки*. М.: ИФРАН, 2007. с. 3-52.
5. Iantsch 1980 – *Iantsch E.* The Self-Organizing Universe: Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution. Oxford: Pergamon Press, 1980. 343 p.

УДК 316

ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ МАКРОФАКТОРОВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕМОДАЛЬНОГО РОДИТЕЛЬСТВА¹

Янак Алина Леонидовна

*Кандидат социологических наук, старший преподаватель
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия
E-mail: alinayanak91@yandex.ru*

В настоящей работе автором выделены макро-, мезо- и микрофакторы распространения современного немодального родительства, его основных форм: родительство в неполных, постразводных, повторнобрачных, неофициальных, разделённых семьях, небологическое (приемное и замещающее) родительство, родительство в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий. На основании анализа литературных источников по теме подробнее представлены макрофакторы, то есть внешние и внутренние по отношению к институту семьи условия и процессы, такие как урбанизация, глобализация, мобилизация, технологизация, индивидуализация, рационализация, социальная стратификация, расширение жизненных стилей и миров, ролевых репертуаров, трансформация брачно-семейных отношений (например, нуклеаризация, плюрализация и вариативность брачных и родительских практик), и ценностей, экономические, социальные, социокультурные, социально-политические, социально-правовые и другие изменения.

Ключевые слова: немодальное родительство, альтернативные типы семей, нетрадиционное родительство, трансформация семьи и брака, макрофактор распространения немодального родительства.

ATTEMPT TO COMPREHEND THE SPREADING MACRO-FACTOR OF NON-MODAL PARENTHOOD

Yanak Alina Leonidovna

*PhD in Sociology, Senior Lecturer
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia
E-mail: alinayanak91@yandex.ru*

In this work author describes spreading macro-, meso- and micro-factors of modern non-modal parenthood, its main types: single-parenthood, post-divorce parenthood, remarriage parenthood, unofficial parenthood, separated parenthood, non-biological parenthood (in adoptive and foster families), parenthood as a r. Based on the analysis of the literature, presented in more detail macrofactors as processes external and internal to the family institution: urbanization, globalization, mobilization, technologization, individualization, rationalization, social stratification, expansion of life styles and worlds, role repertoires, transformation of marriage and family relations (nuclearization, pluralization of marriage practices and parenting) and values, pluralization of family

¹ Выполнено в рамках гранта Президента для молодых кандидатов наук, проект МК-641.2021.2.

practices, economic, social, sociocultural, socio-political, sociology-legal changes and other changes.

Keywords: non-modal parenthood, alternative families, non-traditional parenthood, transformation of family and marriage, spreading macro-factors of non-modal parenthood.

Немодальное родительство – категория, объединяющая различные типы родительства, осуществляемые в «новых» формах семьи: монородительские, неофициальные, повторные и сводные, постразводные, замещающие и приемные [Голод 1996; Гурко 2017; Клецин 1994; Янак 2021] и т.д. Эквивалентами данного понятия служат «альтернативное родительство», «нетрадиционное родительство», «ненормативное родительство».

Факторы распространения данной модели родительства могут быть сгруппированы следующим образом:

На макроуровне:

- институциональные (внешние по отношению к институту семьи): урбанизация, глобализация, технологизация, индивидуализация, социальная стратификация и прочие социальные, экономические, социокультурные политические, правовые и социально-бытовые перемены;
- семейные (тенденции в семейной сфере): нуклеаризация, разводимость, популярность сожителств, распространение монородительства, применение вспомогательных репродуктивных технологий, изменение семейных ценностей;
- витальные: плюрализация жизненных смыслов, стилей, траекторий.

На мезоуровне (субинституциональные):

- гендерные: изменение гендерных контрактов на фоне расширения паттернов и представлений о феминности и (множественной) маскулинности;
- супружеские: плюрализация моделей брака и партнерств; эгалитаризация; диффузия материнских и отцовских ролей;
- родительские: отделение родительства от брака, дистанцируемость младшего поколения от старшего (снижение ликвидности родственных горизонталей и вертикалей, межпоколенного взаимодействия); превращение родительства из обязательного пункта жизненной биографии в проект, одну из сфер самореализации и инвестиций;
- политические: конструирование и трансляция образов немодального родительства в СМИ; включение его форм в политическую повестку дня, совершенствование семейной и социальной политик путём расширения социальных услуг, мер социальной защиты и поддержки для семей, находящихся в социально уязвимом и социальной опасном положении, отдельных групп материнства, отцовства и детства;
- трудовые: распространение модели двухкарьерной семьи; феминизация отдельных сфер занятости; коммерциализация заботы.

На микроуровне (индивидуальные): личностный выбор приверженности и самоидентификации; преэминентность семейной и родительской биографий; формирование и модификация индивидуальных представлений о родительстве в целом, его различных типах и своей родительской роли; родительский опыт и стаж.

Детальнее остановимся на факторах макроуровня.

Э. Берджесс связывает формирование и распространение «новых» семейных явлений (разводов, материнского «дезертирства», детской безнадзорности и преступности, социального сиротства) с индустриализацией, секуляризацией, урбанизацией и городским метаболизмом (urban metabolism): градостроительным зонированием, районированием (трущобы, благополучные и «спальные» кварталы для проживания отдельных типов семей, например, для неполных, специальные жилые комплексы, центральные (деловые) районы города), мобильностью (массовые переезды

людей, семей в города, маятниковая трудовая миграция), расширением и качественным изменением публичного пространства, предлагающего новые стимулы, деморализующие соблазны, дезорганизацией и, соответственно, реорганизацией поведения, привычек, отношений, снижением социального контроля, стрессом, индивидуализацией и эмансипацией [Burgess, 1925]. Данные процессы повлияли на легитимацию консенсуальных союзов, внебрачной рождаемости и даже негласное принятие конкубинатных отношений, регулярно раздельных браков, спровоцировали рост разводимости, материнского монородительства, малодетности, в целом превратили семью из института, основанного на законе и обычаях, в объединение, зыбущееся на компаньонстве и любви. Глобализация сделала возможной расширение границ и повторяемость вариаций семейных сценариев.

Социальная стратификация – интегральный показатель дифференциации социальных групп. Те или иные типы немодального родительства – порождение неравенства, с одной стороны, и маркер семейной стратификации – с другой. Низкие доходы населения детерминировали образование «матримониальных подлогов» в виде оформления развода и отказа от регистрации брака родителей, воспитывающих детей в сожительстве, для использования социальных «привилегий» одинокого родительства (льготы, алименты); высокий уровень образования и общей культуры обуславливает детоцентризм, легкое отношение к разводам как акту проявления самодостаточности; возникновение повторных партнерств (в противовес заключению официальных браков) для сохранения своего имущества; прием в семью детей, в том числе детей-инвалидов, ради зарплаты.

Развитие и применение вспомогательных репродуктивных технологий сегодня являются, по сути, таким же инструментом рационализации репродуктивного поведения и контроля фертильности, как и контрацепция и аборты. Рационализация представляет собой попытку и механизм «совладания» с трансформирующейся действительностью, адаптации к новым условиям [Ритцер 2011].

Т. Парсонс выделяет следующие факторы многообразия немодальных типов:

1. (само)идентификацию с альтернативными по отношению к считающимися нормальными (традиционными, устоявшимися) моделям;
2. регресс способности усвоения стандартов ценностных ориентаций;
3. наличие системы альтернативных ролевых возможностей [Парсонс 2002, с. 337-342]. Иными словами, вариативность альтернатив и немодальные практики как ее продукт возникают в результате трансформационных процессов в социальной и семейной жизни.

К.Н. Поливанова, представляя результаты обзора зарубежных исследований трендов в развитии современного родительства, оперирует понятиями «диверсификация», «деформация», «эрозия нормативных моделей», «кризис нормативности», связанными не просто с расширением «вариаций существования детей в семье», а «размыванием идеалов семьи», превращающейся в «бесформенную, бесконечно меняющуюся, трансформирующуюся, уязвимую для влияния извне». Речь идет о размывании таких норм, как «семья должна быть полной» (с двумя разнополыми родителями), «в семье должны родиться дети» [Поливанова 2015].

По мнению Э. Гидденса, вариативность альтернатив обусловлена рефлексивностью личности, т.е. возможностями выбора индивидуальных форм идентичности, жизненных, семейных и родительских, стилей и «плюрализацией жизненных миров» [Гидденс 2004, с. 55-56].

З. Бауман отмечает, что «идентичность» (будь-то социальная или гендерная, или семейная) сегодня преобразуется из «дано» в «найти» [Бауман 2008, с. 39]. Неудивительно, что современные мужчины и женщины, подвергаясь «аккультурации» и

постоянно стоя перед выбором, находятся в поиске балансов жизненных (личностных) и семейных траекторий. Отсюда появление феноменов «отставленного (откладываемого)» и позднего родительства, вовлеченного отцовства, «двухкарьерной» семьи, чайлдфри.

Рассматриваемые процессы автономно и взаимосвязи обуславливают возникновение и распространение немодальных типов родительства на институциональном уровне. Для осмысления феномена и дальнейшей его концептуальной проработки необходимо углубиться также и в мезо- и микрофакторы.

Список литературы

1. Бауман 2008 – *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240с.
2. Гидденс 2004 – *Гидденс Э.* Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: «Весь Мир», 2004. 116с.
3. Голод 1996 – *Голод С.И.* Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. №3-4. С. 99-108.
4. Гурко 2017 – *Гурко Т.А.* Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социс. 2017. №11. С. 99-110.
5. Клецин 1994 – *Клецин А.А.* Внебрачные и альтернативные (немодальные): формы и содержание // Рубеж. 1994. №5. С. 166-179.
6. Парсонс 2002 – *Парсонс Т.* О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 832с.
7. Поливанова 2015 – *Поливанова К.Н.* Современное родительство как предмет исследования // Психологическая наука и образование. 2015. Т.7. №3. С. 1-11.
8. Ритцер 2011 – *Ритцер Дж.* Макдональдизация общества. М.: «Праксис», 2011. 592с.
9. Янак 2021 – *Янак А.Л.* Типология немодального родительства // Теория и практика общественного развития. 2021. №9(163). С. 25-31.
10. Burgess 1925 – *Burgess E.W.* The Growth of the City: An Introduction to a Research Project. In: The City. Chicago: The University of Chicago Press, 1925. P. 47-62.

Часть 3. Образование под знаком POST: навигатор в пространстве новой культуры

УДК 377.031

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ У СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «СЕСТРИНСКОЕ ДЕЛО», В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ИСТОРИЯ» КАК ЭТИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Антипова Наталья Станиславовна

Аспирант

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

E-mail: natalya.antipova.2017@list.ru

В статье автор рассматривает возможности использования в современном образовательном процессе, наряду с традиционным историко-хронологическим принципом изучения дисциплины «история», тематического и контекстного принципов и новых практических форм работы студентов как способов формирования профессионально-нравственных качеств у студентов, обучающихся по специальности «Сестринское дело». Профессионально-нравственные качества медицинских работников – это личностные качества, благодаря которым они могут, с одной стороны, качественно выполнять свои должностные обязанности, а с другой стороны, уметь сочувствовать и сопереживать пациенту. Данные качества не нашли отражение в Федеральном государственном стандарте среднего профессионального образования по специальности 34.02.01 «Сестринское дело» и зачастую недостаточно сформированы у практикующих медицинских работников. Это недопустимо в современных условиях борьбы с пандемией и работе в условиях режима повышенной готовности. Под новыми практическими формами, которые используются для формирования профессионально-нравственных качеств будущих медицинских работников при изучении дисциплины «история», автор подразумевает сочетание профессиональных и этических норм, определяющих будущую профессиональную деятельность медицинских сестер в рамках социального проектирования, добровольчества, социального волонтерства.

Ключевые слова: профессионально-нравственные качества, медицинские работники, дисциплина «история», пандемия, этические нормы.

FORMATION OF PROFESSIONAL AND MORAL QUALITIES OF STUDENTS OF “NURSING” SPECIALITY DURING THE PROCESS OF STUDYING THE DISCIPLINE “HISTORY” AS THE ETHICAL BASIS OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Antipova Natalya Stanislavovna

Postgraduate student

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: natalya.antipova.2017@list.ru

The author examines the possibilities of using thematic and contextual principles and new practical forms of education as the ways of forming professional and moral qualities of «nursing» students studying the discipline “History” along with the traditional historical and chronological principles. Professional and moral qualities of medical staff are personal qualities, thanks to which they can, on the one hand, perform their duties efficiently, and, on the other hand, be able to sympathize and empathize with the patient. These qualities are not reflected in the Federal Standard

of the Secondary Vocational Educational in the specialty 34.02.01 “Nursing” and are often insufficiently formed among medical staff. This is unacceptable in the current conditions of fighting the pandemic and working in conditions of high alert. By new practical forms that are used to form the professional and moral qualities of future medical staff in the study of the discipline “History”, the author means a combination of professional and ethical norms that determine the future professional activities of nurses in the framework of social design and volunteering.

Keywords: professional and moral qualities, medical staff, the discipline “History”, pandemic, ethical norms.

Проблемы формирования нравственных качеств медицинских сестер на примере отдельных аспектов их профессиональной подготовки освещены в исследованиях Л.А. Васильевой, А.П. Васильковой, О.В. Князевой, О.В. Корчак,

Исследователи, отмечая важность формирования этических основ в процессе подготовки медицинских работников, вводят различные определения профессионально-нравственных качеств и подходов к их формированию. «Ориентация на витальные и социальные ценности, – как считает Л.А. Васильева, – лежит в основе формирования профессиональной компетентности будущего медицинского работника» [Васильева 2011, с. 7]. С личностными характеристиками и мотивационной сферой будущих специалистов-медиков связывает успешное овладение профессией А.П. Василькова. В этой связи в структуре личностных качеств она особенно выделяет эмпатию и обосновывает ее прямую связь с профессиональной направленностью и профессиональной мотивацией [Василькова 1998, с. 15]. В процессе подготовки среднего медицинского персонала О.В. Князева делает акцент на развитие эмпатии и толерантности, культуре профессионального общения, «зависящей от личностных особенностей медсестры и проявляющейся в умении устанавливать психологический контакт с пациентом» [Князева 2018, с. 34]. О.В. Корчак в своем исследовании определяет профессионально-нравственные качества медицинских работников как свойства личности, формирующиеся на основе «развитой способности сопереживания, соучастия, содействия пациентам» [Корчак 2009, с.10].

Анализируя современные исследования, следует отметить, что нравственные качества медицинских сестер рассматриваются недостаточно полно, основной акцент смещен в сторону эмпатии, милосердия, сочувствия и сострадания, в то время как в современных условиях борьбы с пандемией важнейшими становятся ответственность и осознанность поступков, самоотверженная и четкая работа в режиме повышенной готовности.

На современном этапе этические основы профессиональной деятельности медицинских сестер определены в виде профессионально-нравственных качеств и принципов деятельности приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 475н, зарегистрированным в Министерстве юстиции Российской Федерации 4 сентября 2020 г. под №59649. В профессиональный стандарт входят следующие характеристики профессиональной деятельности: соблюдение врачебной тайны, принципов медицинской этики в работе с пациентами, их законными представителями и коллегами. Таким образом, профессиональная деятельность медицинских сестер сегодня включает как профессиональные знания и опыт деятельности, так и этическую компетентность как готовность к профессиональной деятельности на основе законов этики.

Наблюдение и анализ современных источников информации показывают, что у современных медицинских работников именно эти качества не в полной мере сформированы, так как в практике встречаются грубое и безразличное отношение к пациентам, дискриминация больных при выборе очередности оказания им неотложной помощи, отказ от оказания медицинской помощи, нежелание работать в нестандартных условиях.

Актуальность обращения к теме формирования профессионально-нравственных качеств медицинских работников обусловлена недостаточным их описанием как в Федеральном государственном образовательном стандарте среднего профессионального образования по специальности 34.02.01. «Сестринское дело», так и в образовательных программах; необходимостью разработки и апробации современного педагогического сопровождения формирования указанных качеств у студентов.

Возможности дисциплины «история» в рамках ФГОС СПО в формировании профессионально-нравственных качеств медицинских сестер могут быть существенно расширены посредством использования современных методов изучения и осмысления учебного материала и организации новых форм деятельности студентов.

Расширение со временем границ практической работы медицинских сестер способствует формированию и развитию этических требований как к личности, так и к профессиональной деятельности. Анализируя нормативно-правовые документы, можно сделать вывод о том, что моральные нормы включаются в понятие профессиональной компетентности. Под новыми формами деятельности студентов мы, прежде всего, подразумеваем интеграцию профессиональных и этических норм, определяющих профессиональную деятельность медицинских сестер, практическую подготовку студентов к будущей профессии в рамках социального проектирования, добровольчества, социального волонтерства.

Под современными методами изучения дисциплины «история» подразумевается использование не только традиционного историко-хронологического принципа, но и тематического, и контекстного принципов. Тематический принцип может быть реализован практикоориентированным изучением и философским осмыслением сквозных исторических тем. Важно отметить, что этические принципы деятельности по уходу за больными, берущие свое начало в российской православной традиции, менялись в зависимости от социальных, экономических, политических, исторических условий, от развития культуры, науки и состояния системы здравоохранения. Однако высокие нравственные идеалы медицинской деятельности остаются неизменными, и формировать профессионально-нравственные качества у студентов можно на основе изучения сквозных исторических тем. К ним можно отнести следующие: роль медицины в жизни общества, историческое становление и развитие медицинской этики, проявление нравственных качеств в медицинской деятельности, эволюция взаимоотношений медицинского работника и пациента, совершенствование знаний и практических умений медиков в аспекте биоэтики.

Например, изучение исторического становления и развития медицинской этики позволяет сделать вывод о том, что на формирование и развитие этических основ профессиональной деятельности медицинских сестер не оказывает существенного влияния падение или повышение престижа этой профессии в обществе. В свою очередь, жизненные идеалы бескорыстной любви, безграничного терпения, верности долгу и самоотречения известных русских сестер милосердия Екатерины Бакуниной, Даши Севастопольской, Юлии Вревской и других, а также сложнейшая и опаснейшая работа современных медицинских сестер в очагах пандемии, способны стать для студентов примерами профессионального служения и формирования этических профессиональных традиций.

Контекстный принцип изучения дисциплины «история» подразумевает изучение и осмысление развития профессионально-нравственных качеств в контексте исторических событий и фактов, трудов философов, ученых и исторических деятелей, анализа нормативно-правовых документов. Например, эволюция гуманистических понятий может быть рассмотрена в контексте исторических фактов и текстов: трудов Владимира Мономаха, Владимира Святого, митрополита Иллариона и др. На наш взгляд,

именно в историческом контексте, в жизнеописаниях о служении и подвигах духовно сильных натур, в историко-философском анализе развития форм государства и жизни общества мы наблюдаем эволюцию этических норм.

В основе философии сестринского дела не всегда лежали представления о равенстве прав людей на милосердие независимо от характера болезни, пола, возраста, вероисповедания, национальности и социального статуса пациента. В свою очередь, запрос государства и общества на подготовку квалифицированных кадров в отрасли медицины находит отражение в нормативно-правовых документах, регулирующих профессиональную деятельность. Анализ нормативно-правовых документов, закрепляющих профессиональные и этические основы этой деятельности, должен стать важной частью практического исследования современных социальных отношений в процессе изучения дисциплины «история».

Таким образом, сочетание тематического и контекстного принципов изучения и осмысления учебного материала в рамках дисциплины «история» и применение новых форм практической деятельности обеспечивают создание в рамках образовательной среды таких условий, при которых эффективно формируются профессионально-нравственные качества студентов, обучающихся по специальности «Сестринское дело», готовящихся посвятить свою деятельность сохранению здоровья и жизни человека.

Список литературы

1. Васильева 2011 – *Васильева Л.А.* Компетентностная модель выпускника медицинского колледжа // Проблемы и перспективы развития образования: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2011г.). Т. II. Пермь: Меркурий, 2011. С. 7-9.

2. Василькова 1998 – *Василькова А.П.* Эмпатия как один из специфических критериев профессиональной пригодности будущих специалистов медиков: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998. 166 с.

3. Князева 2018 – *Князева О.В.* Формирование у будущих медицинских сестер готовности к профессиональному взаимодействию с гериатрическими пациентами: дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2018. 199 с.

4. Корчак 2009 – *Корчак Е.В.* Развитие профессионально-нравственных качеств студентов медицинского колледжа в процессе изучения информатики: дис. ... канд. пед. наук. Ижевск, 2009. 188 с.

УДК 316

ПРОБЛЕМА МАРГИНАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ОБРАЗОВАНИЕ И ЛИЧНОСТЬ

Гутова Светлана Георгиевна

Доктор философских наук, профессор

Нижевартовский государственный университет

Нижевартовск, Россия

E-mail: svetguts.07@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы, связанные с процессами маргинализации в современном обществе. В работе указывается взаимосвязь общих тенденций социального развития и изменений в содержании процессов маргинализации. Автор связывает трансформацию института образования и становление новых процессов формирования и усвоения культурных ценностей, образцов поведения в молодежной среде. В работе показывается, что последствия трансформации современного образования ведут к

маргинализации среди молодежи. Данные процессы ведут к размыванию гендерных, национальных, религиозных, культурных границ, а также способствуют размыванию мировоззренческих установок, что препятствует устойчивому целостному видению человеком своего места в мире. К негативным факторам, способствующим маргинализации, относятся общая поверхностность в вопросах образования и отрыв знаний от ценностей. Отмечается, что к позитивным факторам можно отнести отсутствие жестко заданных социальных ролей, и поэтому свобода понимается и как новое мышление. В статье делается вывод, что процесс маргинализации в современном мире имеет амбивалентные черты. Свобода, которую обретает молодежь, является неосознанной и поэтому еще больше обостряет некоторые негативные тенденции в обществе.

Ключевые слова: маргинальность, маргинализация общества, образование, личность, культура, культурная среда, система ценностей, социализация, свобода.

THE PROBLEM OF THE MARGINALIZATION OF MODERN SOCIETY: EDUCATION AND PERSONALITY

Gutova Svetlana Georgievna

PhD DSc in Philosophy, Professor

Nizhnevartovsk State University

Nizhnevartovsk, Russia

E-mail: svetguts.07@mail.ru

The article deals with the problems associated with the processes of marginalization in modern society. The paper points out the relationship between general trends in social development and changes in the content of the processes of marginalization. The author connects the transformation of the institute of education and the formation of new processes of formation and assimilation of cultural values, patterns of behavior among young people. The paper shows that the consequences of the transformation of modern education lead to marginalization of young people. These processes lead to the blurring of gender, national, religious and cultural boundaries as well as contribute to the blurring of worldview attitudes, which prevents a person from a sustainable holistic vision of their place in the world. The negative factors contributing to its spread include the general superficiality in matters of education and the separation of knowledge from values. It is noted that the positive factors include the absence of rigidly defined social roles, and therefore freedom is understood as a new way of thinking. The article concludes that the process of marginalization in the modern world has ambivalent features. The freedom that young people gain is unconscious and therefore further exacerbates some negative trends in society.

Keywords: marginality, marginalization of society, education, personality, culture, cultural environment, value system, socialization, freedom.

Исследование процессов современной культуры представляется актуальным сразу в нескольких направлениях, среди которых выделяется тенденция с противоположными устремлениями: с одной стороны, система образования явно совершенствуется и приспособляется к техническим инновациям, охватывая при этом практически все население в развитых странах; с другой стороны, стремительно нарастает общая маргинализация населения. Очевидно, что сложности и противоречия данных процессов обусловлены множеством воздействующих на них факторов. Основные социальные институты находятся сейчас в процессе перестройки, в первую очередь под воздействием научно-технического прогресса, и, как следствие, трансформируются под влиянием глобализации, урбанизации, господства массовой культуры, культуры потребления и т.д.

Все эти тенденции ведут не только к состоянию информационной «прозрачности общества», по образному замечанию Дж. Ваттимо, но и к его аморфности, мобильности, «текучести», т.е. такому состоянию, в котором изменчивость самой социальной структуры становится абсолютным инвариантом. В этом состоянии человеческое бытие приобретает особые черты, требующие серьезного анализа уже в настоящем, но в этом-

то и состоит парадокс, поскольку фиксировать это настоящее становится все сложнее [Ваттимо 2002].

Личность долгое время обретала свою устойчивость благодаря уже отработанным в обществе схемам, позволяющим ей идентифицировать себя через усвоение социальных ролей и присвоение себе определенных статусов. Человек, далекий от современного понимания свободы, долгое время способен был устанавливать культурные границы, ориентируясь при этом на ту или иную культурную группу, внутри которой зрели и формировались нормы, образцы поведения, культурные потребности, ценности, язык и даже образ жизни. Сегодня старшее поколение еще может отчасти поддерживать по инерции традиционные схемы самоидентификации и делает это часто на автоматизме, однако молодое поколение, уже социализированное в современном цифровом обществе, старательно игнорирует многие формальные и, конечно, устаревшие способы включения в социальное пространство. Так самореализация становится для многих молодых людей способом расширять свои границы, а идентификация уже не ограничивается только жестко заданным набором социальных ролей.

Таким образом, свобода реализуется не только в плане перемещения, понимаемого очень широко, но и как новое мышление, новый взгляд на себя и внешний мир, где изменились даже сами смыслы и цели. В таком случае маргинальная среда является наиболее удачной в отношении реализации мобильной личности, все более приобретающей черты и особенности личности виртуальной. Размывание границ происходит сразу по нескольким направлениям. Так, с уверенностью можно сказать, что в первую очередь это касается гендерных, национальных и культурных трансформаций, которые еще совсем недавно казались нам незыблемыми.

Маргинализация общества также способствует и размыванию идеологий, мировоззренческих установок, что препятствует устойчивому целостному видению человеком своего места в этом мире. В различных определениях маргинальности в основном подчеркивают неустойчивое положение людей в сложившейся системе социальных отношений. Маргинал часто отвергает доминирующую в обществе норму поведения, что не всегда имеет отрицательное значение, поскольку в результате отрицания может появиться новая система ценностей. Источником пополнения маргинальных слоев выступает нисходящее социальное перемещение групп, которые обществом еще не отвергнуты, но постоянно теряют свой статус, прежние социальные позиции, престиж и условия жизни.

Надо еще отметить, что в XX в. сформировалось массовое общество потребления, которое является неизбежным следствием процессов демократизации. Индивид оказывается в ситуации, когда свобода предоставляется ему как данность без особого с его стороны усилия. Таким образом, свобода уже не является результатом осознанного выбора, и тогда возникает и укореняется иллюзия, которую активно навязывают современные каналы, непрерывно транслирующие информацию (как поток, где смысл всегда ускользает), а хаотичные коммуникации становятся способом существования.

В отношении развития личности вновь можно утверждать, что здесь сталкиваются противоположные тенденции. С одной стороны, маргинальность отодвигает границы и даже дает ощущение мобильности и свободы от многих социальных условностей, а с другой стороны, именно такое состояние человека способствует развитию шизофрении, может привести к самодеструкции и постоянному чувству неуверенности, поскольку сама реальность больше не предоставляет никаких гарантий. П.А. Сорокин указывает на амбивалентную природу самого феномена маргинальности, поскольку она, с одной стороны, способствует изобретениям и открытиям, увеличению интеллектуальной жизни, уменьшает идиосинкразию в профессиональной сфере,

а с другой стороны, развивает у человека скептицизм и цинизм [Сорокин 2004]. Особенно актуально звучит мысль П. Сорокина о прямой зависимости мобильности и снижения чувствительности нервной системы. Поведение детей в современном информационном мире является ярким примером роста безразличия и, как следствие, снижения интереса к реальным жизненным процессам. Сентиментальность молодых людей в основном касается симуляций, поскольку они с самого детства перенасыщены информацией, часто имеющей сверхэмоциональную окраску. В результате теряется способность к адекватному восприятию событий в повседневной жизни, и, как отмечает Сорокин, вместе с мобильностью растет количество психических заболеваний [Сорокин 2004].

Динамичность жизни, ее ускоренные темпы особо заметно сказываются на воспроизводстве культурных ценностей, морали, нравственных принципах, поскольку именно они составляют устойчивую основу общества. Так, например, пресыщенность в сфере потребления может привести к отрицанию социальных норм и даже к деградации личности, которая проявляется тогда, когда доминирует только принцип удовольствия. В то же время сегодня маргинальность уже многим представляется как норма, и, возможно, это – только начало для формирования новых базовых ценностей. Маргинальность как норма не может формироваться только в рамках одного социального института (например, семьи), она, как правило, поддерживается всей экономической системой. Однако можно предположить, что особенно опасные формы выражаются в образовательной среде, где культура обретает конкретную форму знания в своем завершенном виде (преподаватель должен быть убежден в истинности того, что он предлагает или даже навязывает).

Так, Р. Парк пишет, что в современном обществе происходит умножение типов и оттенков маргинальности, которые помещают индивида «во множество подвижных социальных контекстов» [Парк 1998]. Он отмечает, что «представление индивида о себе является в этом смысле не индивидуальным, а социальным продуктом» [Парк 1998]. Следовательно, важно понимать, какие именно факторы в первую очередь влияют на процессы маргинализации, ее специфику и широту охвата. В частности, социализация, осуществляемая через систему образования, выстраивает и закрепляет систему норм и девиаций, создавая благоприятную среду для восприятия отдельных людей или групп как маргиналов (при этом неважно, идет ли речь о нетерпимости к чужой культуре, религии или о бедности и непопулярности) [Парк 1998].

Образование как социальный институт довольно сложно и медленно трансформируется, но даже внутри данной системы возникают элементы хаоса, которые только обнажают амбивалентную природу современного образовательного и воспитательного процесса.

Среди т.н. «новых» маргиналов в молодежной среде выделяют людей с довольно высоким уровнем образования, политически активных, имеющих высокие социальные ожидания и развитую систему потребностей. Предполагается, что социальные элементы, выпавая из орбиты государственного контроля и оказываясь в атмосфере «безграничной свободы» и «плюрализма», сами по себе, без внешних вмешательств и надзора, неспособны к социализации и социальности, не реагируют на нормы и ценности, не в состоянии делать правильные выборы, катятся в пропасть, выпадают из «общества» [Николаев 1998].

В.Г. Николаев соотносит маргинальность с процессами социализации, он пишет: «„Десоциализация“ в этом смысле есть совершенно то же самое, что и „маргинализация“». ... Вместе с тем необходимо принять во внимание возможность трактовки „десоциализации“ как вида деятельности тех же „агентов“, которые производят „социализацию“: в этом смысле не сами люди десоциализируются, а их десоциализируют».

Таким образом, маргинализация может быть представлена как побочный продукт деятельности важнейших социальных институтов. В образовании этот процесс особенно заметен, поскольку именно здесь закладывается основа для принятия основных норм и последствий их нарушения.

Во многом структура общества зиждется на том, как именно мы усвоили в свое время в процессе социализации те или иные представления о жизненных приоритетах. Насколько в этом ключе для представителей современного поколения, например, власть и деньги, воспринимаемые в тандеме, становятся показателем высоких индивидуальных достижений, и можно ли их рассматривать как конечную цель существования человека? Скорее мы увидим, что данные ценности присутствуют и все еще играют важную роль, но они наполняются новым содержанием и перестают обладать абсолютной ценностью, теряют свою претензию на универсальность, уступая конформизму, лояльности, покою, личному жизненному пространству, эскапизму, виртуальному социальному контакту (замене личных связей и непосредственного контакта везде, где это возможно).

Таким образом, маргинальность имеет значение только тогда, когда есть определенная иерархия социальных связей, а контуры общества четко обозначены, нормы закрепляются и поддерживаются в обществе. В том случае, когда роли бесконечно удваиваются, копируются, иногда меняя до неузнаваемости свою форму в виртуальном мире, нет определенности, а значит, и нет точки отсчета, как если нет центра, то нет и периферии. А значит, маргинальность может проявляться только в своем противостоянии некому жесткому ядру общества, но если она захватывает это общество, то просто перестает существовать, переходя в новое состояние и становясь нормой.

Очевидно, что существует прямая взаимосвязь между любыми социальными, политическими и культурными процессами, затрагивающими сферу социализации личности. Кризис в данной сфере связан с противостоянием интересов и потребностей отдельной личности, стремящейся к самореализации, с одной стороны, и быть частью общества массовой культуры, с другой. Очень сложно преодолеть это противостояние на современном этапе, поскольку необходимо комплексное решение, в том числе и на уровне государства. Любые попытки реформирования отдельных элементов образовательного процесса приводят к тому, что остаются без внимания системные свойства данного явления как целого.

Поскольку функции института образования часто меняются местами: латентные и вторичные оказываются главными, а основные функции осуществляются формально – то можно говорить о маргинализации образования в целом, поскольку оно утрачивает свои границы, роли, цели (их наличие в бюрократической форме не меняет сути происходящих трансформаций). Современная образовательная система, с одной стороны, претендует на универсальность, а с другой – все более ориентируется на рыночные отношения – так, например, ученик становится потребителем, а учитель – это тот, кто оказывает услуги. При этом положительным проявлением маргинализации можно считать то, что в обществе присутствуют тенденции, направленные на освобождение от жестко навязанных ограничений в плане выбора, каким именно образом строить свое мировоззрение каждой конкретной личности.

Если принять тот факт, что свобода выбора представляет собой главное условие в становлении личности нового поколения в условиях информационного общества, то, следовательно, надо дать возможность каждому человеку определяться и самовыражаться во всех областях самостоятельно. Свобода, как определяющее качество личности, выдвигает требования к самим механизмам трансляции культуры, которые активно задействуют информационную, коммуникативную, символическую (ритуальную) и пространственную среды.

Преподаватель в системе современного образования тоже имеет выраженные черты маргинала. Он вынужден постоянно находиться на границе между тем, что требует от него общество (соответствие довольно высоким профессиональным стандартам, определенным этическим нормам, формату образа жизни и даже внешнего вида). Однако при этом всем очевидно, что непосредственно доходы от преподавательской деятельности фиксируют его положение в социально-экономической структуре на далеко не самом престижном с точки зрения молодых людей уровне. При этом важно помнить, что в обществе потребления уровень дохода и в целом материальное благосостояние человека являются важным социальным маркером. Знания и престижность профессии были долгое время одними из ключевых составляющих социального статуса педагога, и сегодня остро стоят вопросы о том, что именно может прийти им на смену и существуют ли способы изменить статус преподавателя и ученого.

Другой вариант взаимоотношений внутри образовательного процесса строится на изменении всей системы коммуникаций и информационного обмена в обществе. Предположительно, уже следующее поколение молодых людей, активно вливающихся в социальную жизнь, будет изначально индифферентно ко всякого рода выстраиваемой на материальных ценностях иерархии, в силу утраты своего интереса к безудержному и бессмысленному потреблению. В этом случае линейные связи все более будут приобретать горизонтальный характер, толерантно не замечая огромного количества условностей, влиявших в недавнем прошлом на формирование статуса. В частности, уже сейчас для современной молодежи не являются определяющими в общении такие показатели как: гендерная принадлежность, возраст, семейное положение, национальность, профессия, доход и т. д. Важными маркерами с ее точки зрения являются: самореализация, интерес, умение наслаждаться жизнью, быть востребованным и т. д.

Вопрос, касающийся личности самого преподавателя, его человеческих качеств, харизмы, авторитета уже давно отошел на задний план, т.к. первичными с точки зрения социума являются профессиональные качества – это умение адаптироваться к любым переменам, мобильность, универсальность, практичность, ориентированность на технологии. Важным показателем успешности является стремление учителя постоянно переобучаться, овладевать новыми знаниями и технологиями, совершенствоваться и уметь передавать эти способности обучающимся.

Серьезным недостатком современного образования, ведущим к укреплению маргинальной ориентированности молодежи, являются общая поверхностность в вопросах образования, отрыв знаний от ценностей, стирание границы учитель – ученик. «Внутреннюю позицию человека в этом техническом мире называют деловитостью. От людей ждут не рассуждений, а знаний, не размышлений о смысле, а умелых действий, не чувств, а объективности, не раскрытия действия таинственных сил, а ясного установления фактов» [Ионин 2007].

Таким образом, демократизация всех социальных процессов в современном обществе сегодня подтолкнула и к плюрализму в образовании. Следующим шагом в будущем, возможно, станет признание неразрывного единства ценности и знания, которые должны составлять одно гармоничное целое. Кризис, с которым столкнулась российская система воспитания и образования, показал, что формирование новых ценностей уже не может опираться исключительно на традиционные источники, в то же время поиск новых духовных ценностей еще только начинается. Таким образом, сегодня в культуре сложилась ситуация, когда уже появилась свобода выбора и есть плюрализм «ценностей», но современный институт образования постепенно поглощается массовой культурой и формирует маргинальный тип личности, явно не способной к такому выбору.

Список литературы

1. Ваттимо 2002 – *Ваттимо Дж.* Прозрачное общество. Пер. с ит. Д. Новикова. М.: Издательство «Логос», 2002. 128 с.
2. Ионин 2007 – *Ионин Л.Г.* Социология в обществе знаний: от эпохи модерна к информационному обществу. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 431 с.
3. Николаев 1998 – *Николаев В.Г.* Проблема маргинальности: ее структурный контекст и социально-психологические импликации // Отечественная и зарубежная литература (РЖ). Серия 11. Социология. 1998. № 2. С. 156-172.
4. Парк 1998 – *Парк Р.Э.* Культурный конфликт и маргинальный человек; Личность и культурный конфликт // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. № 2. С. 172-192.
5. Сорокин 2004 – *Сорокин П.А.* Влияние мобильности на человеческое поведение и психологию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. №. 2. С. 101-110.

УДК 130.2

АНТИУТОПИЯ В ИНТЕРНЕТЕ: ЧТО НОВОГО МЕМЫ ДАЛИ ЖАНРУ?

Дыдров Артур Александрович

Кандидат философских наук, доцент

Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет

Челябинск, Россия

E-mail: zenonstoik@mail.ru

Статья посвящена сравнительно новой форме репрезентации антиутопии в Интернет-мемах. Наряду с традиционными формами – литературой, кинематографом, музыкой и изобразительным искусством – мемы стремительно завоевывают популярность среди аудиторий различных возрастов и социальных статусов. Эмпирическое исследование с последующим применением семиотического подхода дали основание для утверждения, что мем-культура беспрецедентно повлияла на антиутопию. Это влияние обусловлено сопряжением вербального знакового комплекса с особым иконическим сообщением (фотографией). Наряду с «абстрактными» мемами на антиутопическую тематику можно выделить класс мемов, непосредственно маркирующих реалии, конкретные вещи, локации, способы обустройства быта как антиутопию. Вследствие этого факта повседневность получила целый комплекс негативных коннотаций, устойчиво связанных с антиутопией («ужас», «страх», «беспросветность», «зомбирование», тотальная деградация» и др.). Интернет-мемы способствовали возникновению критического заряда, прямо воздействующего на сознание человека, без дополнительных преград в виде аллюзий и аллегорий. Автор придерживается позиции, согласно которой мем представляет собой знаковый комплекс (и в том числе комплекс из означающих различных видов), а не «элементарную» или «атомарную» структуру. Из этого следует, что мем не стоит считать «примитивной» формой репрезентации в сравнении с традиционными и уже обозначенными формами.

Ключевые слова: антиутопия, мем, знаковый комплекс, иконический знак, вербальный знак, план выражения, план содержания.

DYSTOPIA ON THE INTERNET: MEMES INFLUENCE ON THE GENRE?

Dydrov Artur Aleksandrovich
PhD in Philosophy, Associate Professor
National Research South Ural State University
Chelyabinsk, Russia
E-mail: zenonstoik@mail.ru

The subject of the article is memes on the Internet as a new form of representation of dystopia. Along with the traditional forms – literature, cinema, music and visual arts – memes are intensively gaining popularity among people of different ages and social statuses. We conducted an empirical study using a semiotic approach. The main thesis of the article: memes have an unprecedented impact on dystopia as a genre. This influence is due to the synthesis of a verbal sign complex with a special iconic message (photography). Along with “abstract” memes of dystopian themes, one can distinguish a class of memes that directly mark realities, concrete things, locations, ways of arranging everyday life as a dystopia. As a result of this fact, everyday life has received a whole complex of negative connotations that are consistently associated with dystopia (“horror”, “fear”, “hopelessness”, becoming a “zombie”, total degradation, etc.). Memes on the Internet contributed to the emergence of a critical “charge” directly affecting human consciousness, without additional obstacles in the form of allusions and allegories. The author adheres to the position according to which a meme is a symbolic complex (including a complex of different kinds of signifiers), and not an “elementary” or “atomic” structure. It follows from this that memes should not be considered a “primitive” form of representation in comparison with the traditional and already designated forms.

Keywords: dystopia, meme, iconic complex, iconic sign, verbal sign, plan of expression, plan of content.

За более чем столетнюю историю своего существования жанр антиутопии вряд ли утратил актуальность. В качестве обоснования этого тривиального утверждения даже не требуется привлекать статистические показатели – достаточно лишь бегло взглянуть на рынок литературных бестселлеров и кинематографическую индустрию последних лет. Однако сегодня формами репрезентации антиутопии являются не только книги, фильмы и музыкальные композиции (они стали уже, в общем, традиционными). Антиутопическая тематика проникла и в мем-культуру, специфически преломилась в новых, в сравнении с перечисленными формами, знаковых комплексах.

В мемах критике подвергается не сам дискурс антиутопии, а социальная реальность, маркируемая как антиутопия. Мем не всегда задает контекстуальные рамки (т.е. он может не включать в себя фотографий гетто, свалок и т.п., обозначающих легко считываемое «неблагополучие»). Не имеют контекстуальных рамок и конкретных маркеров мемы, включающие в себя фото афроамериканца или кадр с героем «Футурамы» с сообщениями «не страшно читать антиутопию, если живешь в ней» и «мы снова живем в антиутопии» соответственно. Содержание таких мемов, разумеется, абстрактно – оно не включает в себя никаких отсылок к действительности, но транслируется в предельно общей фразе.

К другому классу мемов относятся те, что «дрейфуют» к полюсу конкретности. Это «приближение» обеспечивается, например, за счет обозначения имени (наименования объекта или некоторого класса объектов, состава той самой «реальности», «жизни», о которых говорят мемы условной первой категории). В вербальном сообщении в этом случае прямо указывается географический пункт (диалог йети: «Папа, а правда, что некоторые люди живут в Омске всю жизнь?») – «Нет, сынок, это антиутопия»; фото газового баллона в деревянном туалете с подписью «Челябинский освежитель воздуха»), события (сцена с сидящими у костра пещерными жителями, нацарапавшими на стене контуры самолета, автомобилей и коттеджа:

«Дедушка! А расскажи нам снова, какой была жизнь до COVID-19...»), названия произведения («Я написал “1984” как предупреждение, а не как чертову инструкцию!»), специфических терминов антиутопического художественного мира («А что если почти все люди в России – это беты, гаммы и дельты, но думающие, что они альфа-плюсовики?»), персонажа («Каждый день думаю о Большом Брате») и т.д. Скажем, фото спортсмена-пловца, поливающего свое лицо водой из пластиковой бутылки, не является собственно «антиутопическим» контекстом. Вербальное сообщение маркирует запечатленную сцену как абсурдную и избыточную, своего рода плеоназм: «Читать антиутопии, живя в хрущевке». Характер связи обозначенных вербального и иконического сообщений можно условно назвать аналогическим, где обливание водой в бассейне выступает в качестве analogon [Бодрийяр 2000, с. 199] с чтением антиутопий в типовом здании советского стройпрома.

Связанные с вербальными, иконические сообщения, в свою очередь, можно условно маркировать как «абстрактные» (что, разумеется, не отсылает в данном случае к «абстракционизму» как направлению изобразительной культуры) и фиксирующие реалии – своего рода «слепки» абсурдной повседневности и парадоксальности быта. Если смотрящих друг на друга йети можно заменить любыми другими персонажами (например, инопланетянами), то заменить газовый баллон в туалете («челябинский освежитель») на другой предмет проблематично – мем полностью утратит свой пафос злободневности. Это, очевидно, произойдет потому, что иконические и вербальное сообщения претендуют на подобие, конституирующееся многочисленными маркерами: обозначение аксессуара и изображение места, где он должен находиться, изоморфизм газового баллона и баллона с освежителем воздуха и т.д. Вместе с тем абсурдность ситуации задается противопоставлением содержимого («свежесть» – удушье).

Мемы, по принципиально важному замечанию Д.С. Артамонова и С.В. Тихоновой, имеют специфический, особенный механизм трансляции, «связанный с когнитивными, семантическими, эмоциональными и аксиологическими потребностями интернет-пользователей» [Артамонов, Тихонова 2018, с. 452]. В некотором смысле мемы (в планах содержания и выражения) можно считать результатом «творческого переосмысления действительности, определенных событий и ситуаций» [Артамонов, Тихонова 2018, с. 454] и вместе с тем подобием вируса по интенсивности распространения. С позиции семиотики мемы – это знаковые комплексы (фразовые, вербально-иконические и т.д.), «атомарность» которых можно поставить под вопрос.

Эти знаковые комплексы произвели существенные изменения в антиутопической традиции, аналогов которым не существовало ранее, в известных формах репрезентации антиутопии (исторически ранними формами были, как известно, рукопись и книга, в 20-х гг. прошлого века появилось кино, а позднее антиутопические «мотивы» проникли и в тексты песен). Мемы – и это касается исключительно плана выражения – репрезентируют антиутопию вербально-иконическими средствами. Куда важнее то, что в плане выражения «меметика» способствовала смысловому переходу от абстрактно-иносказательного повествования к номинации другого порядка, т.е. обозначению конкретных имен и названий и их соединению с фотографическим материалом. Оруэлловская «Океания», замятинское «Единое Государство», «Мировое государство» у О. Хаксли, «Дом в тысячу этажей» Я. Вайса, сравнительно новый «Глэйд» Д. Дэшнера, дистрикты у С. Коллинз и пр. можно назвать «утопиями», если помнить о знаменитом высказывании О. Уайльда. В этих пополах есть иносказательность, аллегория и аллюзия – иными словами, водоразделы между именем и именуемым. В мемах эти преграды были ликвидированы, произошла сцепка конкретного имени (в котором нет никакой иносказательности) с фотографией – «буквальной эманацией референта», «излучающего», «бывшего там» тела [Барт 2011, с. 143].

Именно этот факт можно оценить, пожалуй, как индикатор культурной тенденции демократического общества с присущими этому обществу материально-экономическим расслоением, плюрализмом мнений, конкуренцией, сравнительной неустойчивостью социальных структур и т.д. За антиутопией, благодаря ее более чем столетней истории, тянется шлейф негативных коннотаций (которые могли и противоречить друг другу, потому как жанр антиутопии неопределенно разнообразен), таких как «тоталитарный ад», «обскурантизм», «потребительство», «развращенность», «массовый психоз», «зомбирование», «геноцид», «тотальная бедность», «расслоение» и пр. Если до «эпохи» мемов эти коннотации не привязывались непосредственно к реалиям (существовали водоразделы, о которых было сказано ранее), то в мемах связь негативных коннотаций с реалиями вышла на первый план. Классическая и даже современная молодежная антиутопия репродуцирует сложные образы, создает эскизы худших миров, но эти миры абстрагированы от настоящего. Если кратко и грубо формулировать отличие классических репрезентаций антиутопии от репрезентации в мем-культуре, то можно сказать, что классическая антиутопия – это сконструированный мир, текст, состоящий из множества цитаций в кавычках и без (собственно, как и любой текст в принципе). Это мир всегда наполнен художественными образами, и в этом отношении он всегда есть искусственное (степень детализации прорисовки мы оставим здесь без внимания). В мем-культуре впервые возникла «голая» референция. Связь вербального сообщения с «эманулирующим» референтом обеспечивает критический заряд мема. Этот заряд, пожалуй, является мощнейшим из возможных (или, по меньшей мере, из известных): никаких смысловых преград, аллегорий и аллюзий.

Следует ли отсюда вывод, что мем «примитивизировал» антиутопическую тему, замкнул сложные миры в примитивную форму? На этот вопрос пока не представляется возможным ответить однозначно. Мнение о «простоте» мема распространено и не лишено некоторых оснований. Как известно, оно во многом основывается на «классической» интерпретации Р. Докинза, по образному выражению которого memes – это «репликаторы» «бульона человеческой культуры», «некие единицы», способные передаваться от одного мозга другому [Докинз 1993]. Однако арифметические реверансы в этой дефиниции не проясняют дела. Немного для прояснения сущности мема дает и его обозначение в качестве знакового (фразового, вербально-иконического) комплекса. Однако это позволяет говорить о мемах в нейтральных терминах, а не как о «простом», «элементарном» культурном образовании. Мем-культура не просто обеспечила антиутопию каналом трансляции, но включила ее маркеры в уникальные семиотические комплексы, несущие в себе новые смыслы.

Список литературы

1. Артамонов 2018 – *Артамонов Д.С., Тихонова С.В.* Меминг в политике памяти России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 450-457.
2. Барт 2011 – *Барт Р.* Camera Lucida. Комментарий к фотографии. М.: «Ад Маргинем Пресс», 2011. 272 с.
3. Бодрийяр 2000 – *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М: Добросвет, 2000. 387 с.
4. Докинз 1993 – *Докинз Р.* Эгоистичный ген // roev.ru. URL: <https://roev.ru/wp-content/uploads/2020/03/Dokinz-R.-Egoistichnyj-gen.pdf> (дата обращения 10.06.2021)

КОГНИТИВНО-ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОБРАЗОВАНИИ: ВЫЗОВ ДЛЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПЕДАГОГОВ*

*Храпов Сергей Александрович
Доктор философских наук, профессор
Астраханский государственный университет
Астрахань, Россия
E-mail: khrapov.s.a.aspu@gmail.com*

В статье раскрывается проблема влияния когнитивно-цифровой революции в образовании на психоэмоциональную сферу педагогов. Эмоциональный интеллект рассматривается как ключевой психологический механизм, опосредующий реакцию педагогов на цифровые трансформации их профессионального бытия, выражающиеся в изменении всего педагогического ландшафта, применении цифровых технологий обучения, формировании новых дистанционно-цифровых типов взаимодействия между субъектами образовательного процесса. В статье актуализируется внимание на проблемах «цифрового» и «возрастного» неравенства, кризисе профессионального самосознания и профессиональной идентичности, «психоэмоциональном выгорании» педагогов, которые существенным образом препятствуют конструктивному переходу к цифровой образовательной среде. В качестве итога исследования автор обосновывает необходимость системного подхода к обеспечению психолого-педагогической поддержки адаптации педагогов, включающего организационно-методический, психологический и дидактический уровни. В рамках обеспечения психологической поддержки возможно как индивидуальное применение технологий развития эмоционального интеллекта, стрессоустойчивости, «информационной разгрузки», так и «проработка» этих проблем на педагогических тренингах, занятиях на курсах повышения квалификации в сферах «Цифровой педагогики», «Психологии цифрового образования». Решение данных задач возможно в случае учета психоэмоционального аспекта при внедрении цифрового обучения и трансформации систем подготовки и переподготовки педагогических кадров.

Ключевые слова: когнитивно-цифровая революция, образование, цифровое обучение, цифровые технологии, психоэмоциональная сфера, эмоциональный интеллект, педагог, психоэмоциональная адаптация педагогов.

COGNITIVE-DIGITAL REVOLUTION IN EDUCATION: CHALLENGE FOR THE EMOTIONAL INTELLIGENCE OF EDUCATORS

*Khrapov Sergey Aleksandrovich
PhD DSc in Philosophy, Professor
Astrakhan State University
Astrakhan, Russia
E-mail: khrapov.s.a.aspu@gmail.com*

The article reveals the problem of the influence of the cognitive-digital revolution in education on the psycho-emotional sphere of educators. Emotional intellect is considered as a key psychological mechanism that mediates the reaction of educators to digital transformation of their professional life, expressed in a change in the entire pedagogical landscape, the use of digital learning technologies, the formation of new distance-digital types of interaction between the subjects of the educational process. The article focuses on the problems of “digital” and “age” inequality, the crisis of professional self-awareness and professional identity, “psycho-emotional burnout” of educators, which significantly impede a constructive transition to a digital educational environment. As a result of the study, the author substantiates the need for a systematic approach to providing psychological and pedagogical support for the adaptation of educators, including

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-14007 МК «Оценка влияния цифровизации образовательного и социального пространства на человека и разработка системы безопасной коммуникативно-образовательной среды».

organizational, methodological, psychological and didactic levels. As part of the provision of psychological support, it is possible both the individual application of technologies for the development of emotional intelligence, stress resistance, “information unloading” and the “coaching” of these problems in pedagogical trainings, classes in refresher courses in the areas of “Digital pedagogy”, “Psychology of digital education”. The solution of these problems is possible in the case of taking into account the psychoemotional aspect when introducing digital learning and transforming the systems of training and retraining of pedagogical personnel.

Keywords: cognitive-digital revolution, education, digital learning, digital technologies, psychoemotional sphere, emotional intellect, educator, psychoemotional adaptation of teachers.

Когнитивно-цифровая революция в образовании – новый тренд, отражающий темпоритм современной цивилизации, в которой «техногенные цивилизационные изменения, несомненно, повлияли и на всю систему социально-когнитивных феноменов». [Храпов 2020, с. 100]. Не вдаваясь в дискуссии о роли когнитивной революции 1960-1980 гг. в науке, можно со всей очевидной необходимостью применять когнитивный подход к анализу процессов цифровизации образования, поскольку они непосредственно трансформируют систему педагогического воздействия на познавательную и эмоциональную сферы обучающихся, а также существенно меняют и «педагогическое бытие» учителя (преподавателя), включая его личностные характеристики.

В своем исследовании мы будем опираться на подход Р. Пейна и К. Купера, согласно которым «эмоциональный интеллект рассматривается как способность выявлять, распознавать и дифференцировать эмоции (собственные и возникающие у других людей), а также способность использовать понимание эмоций для управления своим поведением и отношениями с окружающими [Пейн, Купер 2008]. Эмоциональный интеллект как системный психический процесс, интегрирующий когнитивную и эмоционально-волевою сферу личности субъектов образовательного пространства, несомненно, «отреагировал» на вызовы и тенденции когнитивно-цифровой революции. Необходимость кардинальных изменений всего педагогического ландшафта: организационно-административных и психолого-педагогических условий, педагогических технологий, педагогической коммуникации и мн. др. – вызвала не просто «эмоциональный шок» перед «Новым, как Чужим», а реально спродуцировала новые тенденции динамики эмоционального мира педагогов.

Как известно, моделируемая субъектом когнитивная реальность, фактически, является для него подлинной реальностью; соответственно, эмоциональный интеллект в этой когнитивной системе «отвечает» за координацию эмоциональных реакций человека на осознание им данной реальности. Экстраполируя данный подход на анализ влияния когнитивно-цифровой революции в образовании на динамику эмоционального интеллекта педагогов, на наш взгляд, можно выделить следующие основные тенденции.

Педагоги старшего поколения, а также педагоги учреждений образования, расположенных в небольших населенных пунктах, столкнулись с объективными сложностями использования технологий цифрового обучения в силу когнитивных возрастных особенностей и низкого уровня информационно-технологического оснащения. Для многих педагогов данной группы цифровое обучение стало «шоком», многие даже уволились, что объясняется не просто отсутствием необходимых цифровых компетенций или информационного оборудования, а кризисом профессионального самосознания, выраженного в ударе по самооценке и в трансформации профессионально-ролевого поведения. Распространенным явлением стало обучение педагогов их же учениками (студентами), которые, очевидно, обладают более высоким уровнем цифровой компетентности. Исследование казанских ученых Васильева В.Л., Гапсаламова А.Р., Бочкаревой Т.Н., Ахметшина Э.М. показало весьма «интересные» результаты: «44 % студентов считают, что школа не дает им никаких полезных знаний в

данной сфере или вообще неспособна обучить им. Каждый десятый студент утверждает, что знает о цифровых технологиях гораздо больше учителей» [Васильев, Гапсаламов, Бочкарева, Ахметшин 2020, с. 104].

Педагоги среднего и молодого возраста, работающие в учреждениях крупных населенных пунктов, отреагировали неоднозначно: часть из них восприняла цифровые технологии позитивно, как способ снижения рабочей нагрузки – например, преподаватели вузов и ссузов, имеющие значительную нагрузку на заочной и очно-заочной формах обучения. Другая часть, например педагоги школ, оказались в очень сложной эмоциональной ситуации, когда интеллектуальному контролю пришлось не только подвергать собственную адаптацию к новым условиям педагогической деятельности, но и выстраивать линии эмоционально-интеллектуального контроля поведения школьников и даже их родителей. Необходимость высокого уровня личного взаимодействия педагога и школьника привела к масштабизации онлайн-уроков, в частности на платформе Zoom, которая стала одним из символов дистанционного обучения в период карантина. Многие педагоги испытывали значительные эмоционально-интеллектуальные трудности с овладением этой новой ролью – педагога-актера, когда каждый урок стал доступен широким массам и зафиксирован в цифровой памяти интернета. Рационально понимая необходимость данных цифровых образовательных технологий, многие педагоги не могли рационально объяснить свой эмоциональный страх перед камерой и публичным доступом к их урокам. На наш взгляд, одной из причин этой деструктивной эмоционально-интеллектуальной тенденции является перфекционизм и гиперответственность, «отсутствие права на ошибку», которые, увы, давно входят в «кодекс профессиональных деформаций личности педагога».

В одной из своих работ мы уже поднимали вопрос о психологической компетентности педагогов [Храпов 2020] в контексте вопроса о психолого-педагогическом сопровождении обучающихся в процессе цифровизации образования, но, как бы странно это ни звучало, подобное «сопровождение» необходимо и самим педагогам, оказавшимся в очень сложной профессиональной и эмоционально-интеллектуальной ситуации. Данные проблемы еще крайне мало исследованы, т.к. основное внимание сосредоточено на проблемах обучающихся. При этом очевидно, что и педагоги существенно нуждаются в помощи для успешной психоэмоциональной адаптации к условиям цифрового образования, поскольку основным их «педагогическим инструментом», несмотря ни на что, остается их личность. Так, известный специалист в области психологической безопасности в образовании И.А. Баева весьма точно отмечает, что «педагог в личностно-ориентированном обучении общается с учеником не на уровне социальных ролей, а на уровне личностного взаимодействия, пользуется как инструментом своей индивидуальностью» [Баева 2002, с. 45]. В свою очередь Т.Б. Гребенюк весьма точно определяет, что к желательным характеристикам эмоциональной сферы педагога цифровой образовательной среды следует отнести такие черты как:

- «– адекватная педагогическая самооценка в условиях цифровизации образования;
- отсутствие тревожности и страха перед новыми требованиями к использованию цифровых технологий и ресурсов;
- эмоциональный интеллект (способность распознавать свои эмоции, понимать собственные намерения и желания, управлять своими эмоциями) в условиях цифровизации;
- способность распознавать эмоции обучающихся, их намерения, желания в условиях цифровизации и управлять ими» [Гребенюк 2020, с. 23].

Развитие данных характеристик эмоциональной сферы педагога, несомненно, повысит уровень конгруэнтности его личности и позволит более успешно адаптироваться к условиям цифрового образования. Для достижения данной задачи мы предлагаем системный подход психолого-педагогической поддержки адаптации учителей и преподавателей, включающий организационно-методический, психологический и дидактический уровни. В рамках обеспечения психологической поддержки возможно как индивидуальное применение технологий развития эмоционального интеллекта, стрессоустойчивости, «информационной разгрузки», так и «проработка» этих проблем на педагогических тренингах, занятиях на курсах повышения квалификации в сферах «Цифровой педагогики», «Психологии цифрового образования». Все это ставит серьезные вопросы для систем управления образованием, подготовки и переподготовки педагогических кадров.

Список литературы

1. Баева 2002 – *Баева И.А.* Психологическая безопасность в образовании. СПб.: Издательство «Союз», 2002. 271 с.
2. Васильев, Гапсаламов, Бочкарева, Ахметшин 2020 – *Васильев В.Л., Гапсаламов А.Р., Бочкарева Т.Н., Ахметшин Э.М.* Проблемы и условия формирования цифровых компетенций в современной экономике и образовании // Перспективы и приоритеты педагогического образования в эпоху трансформаций, выбора и вызовов: VI Виртуальный Международный форум по педагогическому образованию: сборник научных трудов. Ч. II. Казань: Издательство Казанского университета, 2020. С. 99-108.
3. Гребенюк 2020 – *Гребенюк Т.Б.* Подготовка будущего педагога к цифровизации образования как педагогическая проблема // Калининградский вестник образования. 2020. № 2(6). С. 20-27. URL: <https://koirojournal.ru/realises/g2020/3jul2020/kvo203/>
4. Храпов 2020 – *Храпов С.А.* Когнитивные риски цифровизации образовательного пространства и проблемы психолого-педагогического сопровождения обучающихся // Перспективы и приоритеты педагогического образования в эпоху трансформаций, выбора и вызовов: VI Виртуальный Международный форум по педагогическому образованию: сборник научных трудов. Ч. II. Казань: Издательство Казанского университета, 2020. С. 220-230.
5. Храпов 2020 – *Храпов С.А.* Социальная память как когнитивный и «техногенный» феномен // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 99-106.
6. Пейн, Купер 2008 – *Пейн Р., Купер К.* Эмоции и работа. Теории, исследования и методы применения. Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. 544 с.

УДК 378

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ ПОСРЕДСТВОМ КЕЙС-ТЕХНОЛОГИИ

Шередекина Оксана Анатольевна

Аспирант

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: irina-s-dotsenko@mail.ru

В статье раскрывается специфика кейс-технологии как основного инструмента формирования компетенций в рамках высшего образования. Современная потребность в готовности выпускника к практической деятельности в рамках своей специальности делает кейсы приоритетной образовательной технологией и выявляет актуальность рассматриваемого вопроса. Кейс-технология определяется как адаптационный образовательный механизм, позволяющий студентам примерить на себя роль специалиста: изучить реальную ситуацию, применить свои знания для решения задач, принять ответственность за выбранное решение и суметь оценить последствия своего выбора. В статье дается обоснование понятия «кейс-технология» в контексте широкого спектра смежных терминов, таких как «кейс-метод», «кейс-стади» и др. Эффективность, т.е. стабильность, кейс-технологии обусловлена особенностями данного педагогического механизма, которым в статье уделяется особое внимание. Предпринята попытка обосновать целесообразность кейс-технологии с позиции исторической практики ее использования. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы: введение кейс-технологии в образовательный процесс является не спонтанным, а систематическим процессом; знания преподавательского состава о принципах работы кейс-технологии обеспечивают эффективность технологии и повышение качества высшего образования.

Ключевые слова: кейс-технология, компетенция, компетентностный подход, высшее образование.

THE FORMATION OF COMPETENCIES THROUGH CASE TECHNOLOGY

Sheredekina Oksana Anatolievna

Postgraduate student

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University

Saint Petersburg, Russia

E-mail: irina-s-dotsenko@mail.ru

The article reveals the case technology peculiarities as the dominant tool for competence formation in higher education. The modern need for a graduate ready to work in his field of interest makes cases a priority educational technology and depicts the relevance of the issue under consideration. Case technology is defined as an adaptive educational mechanism that allows students to test the role of a specialist: to study the true-to-life situation, apply their knowledge to solve it, take responsibility for the decision made and be able to estimate the consequences of their choice. The article substantiates the concept of *case technology*, separating it from the wide range of related terms such as *case method*, *case study*, etc. The effectiveness, i.e. the stability, of the case technology is due to the features of this pedagogical mechanism. The author makes an attempt to justify the expediency of a case technology from its historical perspective of use. As a result of the research the following conclusions were made: the introduction of case technology into the educational process is not a spontaneous but a systematic process; the teacher's knowledge of the case technology principles ensures the effectiveness of the technology and improves the quality of higher education.

Keywords: case technology, competence, competence approach, high education.

Актуализация компетентностного подхода в реализации целей и задач высшего образования за рубежом и в России привела к постановке перед методистами вопроса о необходимости формирования у студентов компетенций, т.е. способностей, опосредованных готовностью будущих специалистов к реальной практике. Современный рынок труда требует выпуска специалиста, который уже осведомлен обо всех нюансах и трудностях своей профессии, что прежде достигалось производственной практикой. Однако этого оказывается недостаточно, т.к. выпускник часто сталкивается с нестандартными профессиональными ситуациями, которые зачастую не имеют ничего общего с технологическим/производственным процессом. Как результат актуального общественного запроса, переход к новой антропоцентрической парадигме в образовании перевел акцент с передачи фундаментальных знаний на развитие человека, способного продолжить свое обучение вне образовательного учреждения на основе сформированных компетенций. Это привело к необходимости формирования

способности к системному мышлению, умения выносить правильные оценочные суждения, склонности к творческому воображению. В этом случае наиболее эффективным является кейс-технология.

Кейс-технология является значимой и приоритетной в сфере высшего образования, что доказано исторической практикой. Интерес к кейс-технологии возник в Соединенных Штатах Америки, благодаря Христофору Колумбу Лэнгделлу, работавшему в студенческие годы библиотекарем в Гарвардской юридической школе. Каждодневная работа с материалами по юриспруденции в дальнейшем предопределила стиль его преподавания. Заняв пост декана юридического факультета, Лэнгделл в корне изменил систему преподавания юридических дисциплин.

Радикальность реформ Лэнгделла заключалась в том, что традиционный, реализуемый ранее теоретический подход к изучению права был заменен на практику, базировавшуюся на индуктивном эмпиризме. Лэнгделл применил сократовский метод «вопрос – ответ», практикуя при этом метод проб и ошибок, и призвал студентов к работе с первоисточниками (как он делал будучи студентом-библиотекарем). Анализ исходных документов по юридическим делам способствовал развитию аналитических способностей студентов и позволял им интерпретировать судебные дела, решения апелляционного суда и т.п. в новом ключе, реализуя тем самым свой профессиональный потенциал. Подход Лэнгделла был естественным в силу специфики английского права, которое носит прецедентный характер. Низкая популярность метода в первые три года его реализации не привела к закрытию проекта, и к 1895 г. кейс-технологии практиковали уже в шести юридических школах [Garvin 2003].

Гарвардская практика реализации кейс-технологии в обучении юристов вскоре была заимствована сферой бизнес образования, что связано с открытием нового факультета в 1908 г., и во второй половине XX в. вошла в практику подготовки медицинского персонала. Традиция подготовки специалистов различной направленности на базе единого методологического подхода в рамках одного образовательного учреждения не только доказала эффективность кейс-технологии в целом, но и продемонстрировала, что единая стратегия, практикуемая в стенах, позволяет вывести институт на лидирующие позиции.

В методической литературе понятие «кейс-технология» сосуществует с терминами «кейс-стади» (case study), «кейс-метод», «метод конкретных ситуаций», «метод изучения ситуаций или деловых историй» и т.п. С методической точки зрения основной вопрос, возникающий в связи с этими понятиями, это дифференциация терминов «технология» и «метод», не являющихся синонимичными. Метод определяется как группа приемов, обеспечивающих реализацию конкретной педагогической задачи, тогда как технология – это алгоритм, включающий, как правило, два или более взаимосвязанных (в контексте определенной педагогической установки) метода. Именно четко выстроенный технологический образовательный процесс, в котором учтены все социальные, психологические, педагогические аспекты, обеспечивает стабильную результативность, которая противопоставляется вероятностному результату, получаемому при реализации того или иного метода [Тюгаева 2019, с. 373-74]. Тем самым широкий спектр названий одной технологии, вероятно, связан с ее происхождением и дальнейшей интерпретацией понятия в других языковых системах и практиках.

Альтернативная точка зрения предполагает практическую дифференциацию понятий «кейс-метод» и «кейс-технология», в основе которой лежит разность в подходах к работе над кейсом [Аитбаева 2015, с. 238]. При этом кейс-метод предполагает следующую последовательность действий: изучение общей информации по кейсу, сбор дополнительной информации, осмысление, ориентированное на принятие решения; сопоставление всех возможных вариантов решений, выбор и обоснование наиболее

оптимального решения. Кейс-технология, наоборот, характеризуется фундаментальной направленностью учебной деятельности, которая включает знакомство с ситуацией, актуализацию субъектного опыта, изучение алгоритма работы над кейсом, реализацию предложенного алгоритма, сопоставление результата обработки информации с первоначальной целью и рефлексия продукта деятельности субъекта. В основе данного подхода лежит недостаточная разработка кейс-технологии в контексте дисциплин, слабо знакомых с ней и использующих кейсы ситуативно (к примеру, при наличии разработанного кейса).

Ориентированность кейс-технологии на уровень компетенций реализует безграничный потенциал [Лежнина 2009, с. 91]. Кейс-технология формирует способность к анализу информации (осмыслению значения деталей, описанных в ситуации; анализу и синтезу информации и аргументов), гибкость мышления, широкий кругозор (работа с предположениями и заключениями), способность к стратегическому планированию (выявлению, отбору и решению проблем, оценке альтернатив) и принятию нестандартных решений, коммуникабельность, умение работать в команде (слушание и понимание других людей), лидерство (инициативность), самоанализ (осознание и анализ мнений в процессе дискуссии, решение моральных и этических проблем способствует формированию социальных навыков их решения).

Актуальность кейс-технологии в сфере высшего образования также обоснована интеграцией современных дисциплин. Феномен педагогической интеграции является естественным, т.к. основан на принципе единства законов природы и механизме восприятия человеком окружающей действительности в комплексе. Целостность образовательного процесса проявляется во взаимосвязи не только на уровне фактических знаний по дисциплине, но и на уровне метакогнитивных способностей, характеризующихся междисциплинарностью. Тем самым в рамках одного предмета преподавателю необходимо сформировать не отдельно универсальные, общепрофессиональные или профессиональные компетенции, а весь их спектр.

Работа над кейсом в рамках разработанной технологии на занятиях дисциплины «иностранный язык в сфере юриспруденции» предполагает ознакомление студентов с технологией как исторической практикой реализации юридического образования. Наличие введения в историю вопроса позволяет привлечь интерес к технологии и добиться осознанного участия студентов на каждом ее этапе. Тематический кейс содержит не только лексический материал и единую сюжетную линию, но и проблемную ситуацию, идентичную (в случае учебного кейса) или реальную ситуацию. На любом этапе кейс-технологии создаются условия для активизации имеющихся у студентов знаний по аналогичному вопросу и их внутреннего потенциала. Реализация кейс-технологии наиболее эффективна в мини-группах, т.к. в процессе дискуссии участники процесса демонстрируют свои коммуникативные, лидерские способности, что является особенно значимым для любого практикующего специалиста юридической сферы деятельности. Рефлексия студентами собственной деятельности на завершающем этапе отработки кейса направлена на выявление вклада индивидуума в процесс реализации кейс-технологии в рамках определенной тематики и прогнозирования дальнейшего его развития.

Кейс-технология как полифункциональный алгоритм, обеспечивающий стабильность результатов деятельности, является наиболее эффективным инструментом в контексте современной антропоцентрической парадигмы. Естественность кейс-технологии, позволяющей реализовать задачи современного высшего образования, объясняется интеграцией образовательных дисциплин. Переход к компетентностному подходу требует пересмотра методологической базы преподаваемых дисциплин и внедрения кейс-технологии как основной технологии обучения в вузе. Это будет

способствовать расширению базы кейсов, систематизации теоретических знаний об этой технологии и в результате – повышению качества высшего образования.

Список литературы

1. Аитбаева 2015 – *Аитбаева Р.Р.* К вопросу о специфике кейс-технологии и кейс-метода в системе образования // Научный альманах. 2015. № 7. С. 236-239.
2. Лежнина 2009 – *Лежнина Н.Л.* Кейс-метод в обучении // Вестник Марийского государственного университета. 2009. № 3. С. 90-92.
3. Тюгаева 2019 – *Тюгаева Н.А.* Методы обучения и психолого-педагогические технологии: сущность, тенденции развития // Человек: преступление и наказание. 2019. № 3(27). С. 366-379.
4. Garvin 2003 – *Garvin D.A.* Making the case // Harvard Magazine. 2003. №. 1 (106). С. 56-65.

Часть 4. Разломы медиареальности: специфика (пост)коммуникации в цифровую эпоху

УДК 304.444

ИСТОРИХАКИНГ: КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОШЛОМ*

Артамонов Денис Сергеевич

Кандидат исторических наук, докторант

Саратовский национальный исследовательский государственный университет

им. Н.Г. Чернышевского

Саратов, Россия

E-mail: artamonovds@mail.ru

Тихонова Софья Владимировна

Доктор философских наук, профессор

Саратовский национальный исследовательский государственный университет

им. Н.Г. Чернышевского

Саратов, Россия

Статья посвящена феномену историхакинга, «взлому истории», в результате которого компьютерная игра становится ареной приватизации мифологизированного конструирования образа альтернативного прошлого. Авторы выделяют два вида историхакинга, в которых глубина погружения в прошлое инициирует различные стратегии по его освоению – длинный и короткий историхакинг. Игры о далеком прошлом восприимчивы к историческим экспериментам и альтернативным сюжетам. Игры о недавнем героическом прошлом вполне подвержены нормам поддержания исторической достоверности, напоминающим нормы медийной самоцензуры. Вместе с тем игры из второй группы опираются на аксиологию актуальной национальной политики того или иного государства и потому обладают большей привлекательностью для разработчиков игр, т.к. задевают живые элементы дискурса. Поскольку характер памяти о ключевых событиях недавней истории близок к сакральному в силу их статуса системообразующих концептов той или иной идеологии государственного строительства, постольку короткий историхакинг обречен встраиваться в легитимные стратегии памяти о ключевых событиях. Авторы показывают специфику короткого историхакинга на примере компьютерных игр, тематически посвященных Второй мировой войне. Авторы приходят к выводу о том, что наличие ограничений политик памяти оставляет субъекту короткого историхакинга относительно высокую степень активности, позволяющую ему успешно преодолевать отчуждение от истории.

Ключевые слова: историческая память, социальное конструирование, медиареальность, образы прошлого, историхакинг, компьютерные игры.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00265 «Социальное конструирование исторической памяти в цифровом мире».

HISTORYHACKING: COMPUTER GAMES AS A TOOL FOR CONSTRUCTING IDEAS ABOUT THE PAST

Artamonov Denis Sergeevich

*PhD in Philosophy, Doctoral student
Chernyshevsky Saratov State University
Saratov, Russia*

E-mail: artamonovds@mail.ru

Tikhonova Sophia Vladimirovna

*PhD DSc in Philosophy, Professor
Chernyshevsky Saratov State University
Saratov, Russia*

The article deals with the phenomenon of historyhacking, “hacking of history”, as a result of which a computer game becomes an arena for the privatization of the mythologized construction of the image of the alternative past. The authors distinguish two types of historyhacking, in which the depth of immersion in the past initiates different strategies for its development – long and short historyhacking. Games about the distant past are susceptible to historical experiments and alternative plots. Games about the recent heroic past are quite subject to the norms of maintaining historical authenticity, reminiscent of the norms of media self-censorship. At the same time, games from the second group are based on the axiology of the current national policy and therefore have a greater appeal for game developers, as they touch the living elements of the discourse. Since the nature of the memory of key events of recent history is close to the sacred due to their status as system-forming concepts of a particular ideology of state-building, a short historical hacking is doomed to be embedded in legitimate strategies of memory of key events. The authors show the specifics of short historyhacking on the example of computer games, thematically dedicated to the Second World War. The authors conclude that the presence of limited memory policies leaves the subject of short historyhacking with a relatively high degree of activity that allows him to successfully overcome alienation from history.

Keywords: historical memory, social construction, media reality, images of the past, historyhacking, computer games.

Хисторихакинг – это взлом истории ради ее приватизации, осуществляемый через погружение в миры компьютерных игр. Понятие «хисторихакинг» было обнаружено нами в западном сегменте индустрии научно-популярных развлечений. Этим словом обозначают интерактивные исторические квесты с элементами дополненной реальности. Встречается оно и в жанровой историческо-фантастической литературе, объединяя тематику прогрессорства, попаданчества и альтернативной истории. Оба тренда демонстрируют интенцию на освоение и приватизацию макроистории, включение ее в переработанном виде в пространство личности и создание собственной, субъективной, картины исторической реальности. По глубине локального воздействия на историческую память можно выделить две принципиально различные группы игр: игры о далеком прошлом и игры о прошлом недавнем. Исторические события, если они не являются ключевыми для государственной политики памяти и слишком далеки во времени, чтобы затрагивать мнения очевидцев, более пластичны как материал для комбинаторики, эклектики и волонтаристских стратегий. Соответственно, игры о далеком прошлом восприимчивы к историческим экспериментам и альтернативным сюжетам. Игры о недавнем героическом прошлом вполне подвержены нормам поддержания исторической достоверности, напоминающим нормы медийной самоцензуры. Вместе с тем игры из второй группы опираются на аксиологию актуальной национальной политики того или иного государства и потому обладают большей привлекательностью для разработчиков игр, т.е. задевают живые элементы дискурса. Соответственно,

по видам медиапамяти можно выделить длинный и короткий историхакинг. В рамках данного доклада мы сосредоточимся на коротком историхакинге.

Образы прошлого, конструируемые в длинном и коротком историхакинге, различаются не только по степени детализации и качеству реконструкции антуража эпохи. Различен субъектный состав участников «легитимации» игры, включающих ее в актуальной дискурс прошлого. Если главным социальным экспертом в случае длинного историхакинга выступает сообщество профессиональных историков, выносящее свой «вердикт» об историчности/антиисторичности игры, то короткий историхакинг привлекает внимание куда большего числа заинтересованных сторон, претендующих не столько на эстетическую, сколько на этическую оценку игры. Эксплуатация образов недавнего прошлого, живущего в семейной и тем более в личной памяти, способна вызывать острую социальную полемику, в рамках которой компьютерная игра может объявляться как общественно опасная и вредная, подлежащая цензурированию или аналогичным цензурным изъятиям из пространства массовой культуры.

В поле длинного историхакинга игры детерминируют игроков. Правила игры выступают диктующей тотальностью, определяющей поведение игроков, предписывая им поступки, невозможные в офлайне, заставляя адаптировать к логике их совершения и собственную телесность, и мысли. Идея о том, что игры «играют» против игроков, ненавидят их, подчиняют себе и выступают агентом насилия по отношению к ним, была ключевой для конференции «Игры против игроков» (ЛИКИ совместно с Games & Scholars, 2019, Вильнюс). Эта подчиненность игре одновременно может переживаться как новая степень свободы: «Геймер – не созерцатель и не теоретик, предающийся (в тиши кабинета) рефлексивному самоанализу. Это противно его сущности. Геймер – отважный боец, каждый день вступающий в схватку за жизнь и свободу с тлетворным бюрократизмом, торгашеством и конформизмом общества. К тому подталкивает сама реальность игры, яркая, живая, страстная, которая медленно, но неуклонно колонизирует и неигровую повседневность» [Медиафилософия XII 2016, с. 5.]. Чтобы выйти из сферы «тлетворного бюрократизма, торгашества и конформизма», игроку надо войти в сферу действия игровых правил и подчиниться им.

Если в длинном историхакинге игры выступают агентом насилия над игроками, то в коротком они сами становятся объектом насилия со стороны политик памяти, порядки насилия удваиваются. Характер памяти о ключевых событиях недавней истории близок к сакральному, поскольку они выступают системообразующими концептами той или иной идеологии государственного строительства. Короткий историхакинг обречен встраиваться в легитимные стратегии памяти о ключевых событиях, что особенно очевидно на примере Второй мировой войны.

Для стран Европы и СНГ память о ней является основой политики памяти, формирующей национальную идентичность большинства государств. Можно выделить две ее обобщающие стратегии – память о Великом подвиге советского народа и память о Холокосте. Обе они подчинены задаче воспроизводства вполне конкретной модели причин войны, вклада в ее завершение и определения ее победителей, их особого этического статуса, привилегий и роли в создании истории. Каждая использует средства правового принуждения для охраны того, что в ст. 67 Конституции РФ названо «исторической правдой», стремясь юридически зафиксировать определенную трактовку исторических событий, которая в данном обществе считается справедливой. Конструирование социального консенсуса вокруг конкретной версии исторической правды достигается не только рациональными, но и иррациональными инструментами, далеко не всегда очевидными для тех, кто считает свою собственную память свободной от идеологии, догматизма и политической ангажированности.

Обе стратегии весьма полярны по ряду вопросов, они конкурируют друг с другом, активно конфликтуя. Альтернативные исторические миры компьютерных игр о свежем прошлом, травмы и раны которого все еще открыты, так или иначе выстраиваются вокруг постулатов одной из стратегий, в этом смысле они гораздо более несвободны, чем практики длинного хисторихакинга. При этом внутренний опыт игры и ее оценка внешним наблюдателем принципиально не тождественны. Поскольку компьютерные игры сами по себе являются неиссякаемым источником тревоги для педагогически ориентированной общественности (что, скорее всего, просто является симптоматикой перехода от книжной к посткнижной культуре), их экспансия в сакрализованное пространство недавней памяти очень часто воспринимается как минимум в качестве оскорбления патриотических чувств. Ситуация осложняется при столкновениях с играми, созданными в рамках конкурирующей стратегии памяти. Само их существование воспринимается как угроза если не миропорядку, то связи поколений. Многим исследователям до сих пор не очевидно, что понимание компьютерной игры вне опыта погружения в ее реальность невозможно, равно как неоправданно редуцирование смысла игры к реальности геймплея. Игры – это элемент открытого коммуникативного поля, интегрирующего сообщества и пласты массовой культуры в формате краткосрочной социализации.

Отметим, что компьютерные игры могут быть рассмотрены как инструмент мышления в том смысле, что игра в первую очередь оттачивает образы действий и реакций своими виртуальными образами: «Компьютерные игры представляют собой автономные медиа, которые скорее отражают динамику системы, чем рассказывают истории или сообщают факты. Новое содержание компьютерных игр заключается также в том, что они делают возможным передачу и совместное переживание абстрактного опыта и реконструкцию личного опыта и переживания в форме динамических интерактивных систем» [Ароневич 2016, с. 47-48]. Современные игры не дают догматического образа прошлого именно потому, что представляют собой комплексные социокультурные эмерджентные структуры с нефиксируемыми, динамически изменяемыми контекстами и смыслами, складывающимися и разрушающимися в процессе игры [Деникин 2016]. В этом случае игра как хисторихакинг синтезирует способ восприятия селективно конструируемого исторического события и распределяет его в игровом сообществе. Вместе с тем в случае короткого хисторихакинга работают жесткие форматы конструирования, не оставляющие простора для создания произвольных игровых миров, характерных, например, для игр о Средневековье.

Самым ярким примером короткого хисторихакинга, работающего с недавним героическим прошлым, может служить кейс «World of Tanks» – игры, получившей множество призов и неоднократно вошедшей в Книгу рекордов Гиннеса. Рассматриваемая игра относится к жанру экшн с элементами танковой симуляции, которая сводится к реалистичным картам боев и, главное, к точному воспроизведению физических особенностей машинной боевой техники времен Второй мировой войны. Машины и ландшафт, воспроизводящие документальные подробности исторических танковых театров военных действий, обеспечивают погружение в реалистичный открытый образ битвы. Открытость в данном случае связана со свободой пользовательских стратегий. Игровой континуум массовой многопользовательской игры всегда поливариативен с точки зрения развития сюжета: в рамках смоделированных в игре условий игроки самостоятельно управляют игровыми процессами, коллективно участвуя в создании собственного индивидуального опыта погружения в историческую реальность. Тем не менее он не противоречит «официальному» историческому дискурсу о Великой Отечественной войне.

Несмотря на ограничения политик памяти, субъект короткого хисторихакинга демонстрирует высокую степень активности, позволяющую ему успешно преодолевать отчуждение от истории.

Список литературы

1. Ароневич 2016 – *Ароневич О.* Как компьютерные игры передают идеи? // Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр / Под ред. В.В. Савчука. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. С. 42-53.
2. Деникин 2016 – *Деникин А.* В защиту видеоигр (от некоторых исследователей) // Как компьютерные игры передают идеи? // Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр / Под ред. В.В. Савчука. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. URL: <https://gamestudies.ru/criticism/denikin/> (Дата обращения 27.03.2021).
3. Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр / Под ред. В.В. Савчука. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. 498 с.

УДК 316.776.23

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ И ЗАБЛУЖДЕНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Корнев Георгий Павлович

Доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – Арзамасский филиал

Арзамас, Россия

E-mail: swerdlowsk06111948@gmail.com

Дезинформация в информационном пространстве может вызвать массовое нарушение общественного порядка и общественной безопасности. Российский законодатель в 2020 г. предусмотрел административную и уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной (недоверной) информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. Однако если гражданин добросовестно заблуждается, полагает, что его информация соответствует действительности, то юридическая ответственность исключается, хотя он является носителем дезинформации. Что такое дезинформация, каковы основания ее отличия от заблуждения в информационном пространстве – предмет исследования статьи. Утверждается, что основное отличие дезинформации от заблуждения обнаруживается в сознательном намерении корреспондента ввести реципиента в заблуждение. Заблуждаясь, корреспондент без какого-либо заведомо дезинформационного намерения вводит также и реципиента в заблуждение. В своих коммуникационных действиях корреспондент руководствуется этическим принципом правдивости, соблюдает социально-коммуникационное «правило доверия»: сообщение корреспондента должно соответствовать его мыслям. Какую бы форму ни принимала передача недоверной информации – намеренную (заведомо ложную) или ненамеренную – по своим коммуникационным характеристикам она остается дезинформацией. Всякое ложное знание, передаваемое от корреспондента к реципиенту, является дезинформацией, хотя дезинформационная интенция может и отсутствовать.

Ключевые слова: дезинформация, заблуждение, истинность, информационное пространство, дезинформационная интенция, принцип правдивости, корреспондент, реципиент.

MISINFORMATION AND DELUSION IN THE INFORMATION SPACE

Kornev Georgy Pavlovich

PhD DSc in Philosophy, Professor

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod –
Arzamas Branch*

E-mail: swerdlowsk06111948@gmail.com

Misinformation in the information space can cause massive disruption of public order and public safety. In 2020, the Russian legislator provided for administrative and criminal liability for the public dissemination of knowingly false (inaccurate) information about circumstances that pose a threat to the life and safety of citizens. However if a citizen is mistaken in good faith, believes that his information is true, then legal liability is excluded, although he is a carrier of misinformation. The subject of the article is: what is misinformation, what are the reasons for its difference from delusion in the information space. It is argued that the main difference between misinformation and delusion is found in the conscious intention of the correspondent to delusion the recipient. Being in delusion, the correspondent without any deliberately misinforming intent also confuses the recipient. In his communication actions, the correspondent is guided by the ethical principle of truthfulness, observes the social and communication “rule of trust”: the correspondent's message must correspond to his thoughts. Whatever form the communication of inaccurate information takes – intentional (deliberately false) or unintentional – it remains misinformation by its communication characteristics. Any false knowledge transmitted from the correspondent to the recipient is misinformation, although there may be no misinformation intention.

Keywords: misinformation, delusion, truth, information space, misinformation intention, principle of truthfulness, correspondent, recipient.

Распространение информации в публичном пространстве в период информационных войн, цветных революций, несанкционированных митингов, эпидемий и катастроф балансирует на грани паники и массовых беспорядков, и государство вынуждено упреждающе, оперативно и жестко реагировать на дезинформацию.

В апреле 2020 г. внесены изменения в статью 13.15 «Злоупотребление свободой массовой информации» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающие административную ответственность за распространение в информационном пространстве под видом достоверных сообщений заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ч. 10.1), повлекших смерть человека, причинение вреда здоровью человека или имуществу, массовое нарушение общественного порядка и (или) общественной безопасности (ч. 10.2). Уголовная ответственность за распространение дезинформации дополнена статьей 207.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» и статьей 207.2 «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия». Однако если лицо добросовестно заблуждается, полагает, что его информация соответствует действительности, то ответственность исключается.

Что такое дезинформация и каковы основания ее отличия от заблуждения в информационном пространстве?

Информационный процесс в обществе может преследовать как правдивую, так и дезинформационную интенцию. Если корреспондент сознательно ставит перед собой задачу ввести реципиента в заблуждение, то информационный процесс приобретает дезинформационную интенцию. «Дезинформация (англ. misinformation), – определяет Н.И. Кондаков, – заведомо неверные, ложные провокационные сведения, сообщаемые

с целью ввести в заблуждение тех, кто пользуется этими сведениями» [Кондаков 1975, с. 136].

Разумеется, заблуждение может существовать и вне акта коммуникации; причины его возникновения необязательно связаны с передачей информации. Ложная информация, ложные знания могут передаваться и без сознательного намерения в тех ситуациях, когда сам корреспондент уверен в ее (их) истинности. Заблуждаясь, корреспондент без какого-либо заведомо дезинформационного намерения вводит также и реципиента в заблуждение. В своих действиях он руководствуется этическим принципом правдивости, соблюдает социально-коммуникационное «правило доверия», согласно которому сообщение говорящего должно соответствовать его мыслям.

Значит ли, что отсутствие дезинформационной интенции со стороны заблуждающегося корреспондента делает коммуникационный акт каким-то другим, отличным от дезинформации? Какую бы форму ни принимала передача недостоверной информации – умышленную (заведомо ложную) или неумышленную – она остается по своему коммуникационному признаку дезинформацией. Поэтому всякое ложное знание, передаваемое от корреспондента к реципиенту, является дезинформацией, хотя дезинформационная интенция со стороны корреспондента может и отсутствовать.

Дефиниция дезинформации, предложенная Н.И. Кондаковым, ограничивает дезинформационный процесс передачей лишь заведомо ложных сообщений, выдаваемых корреспондентом за истинные, и исключает из нее широкий класс сообщений, основанных на заблуждении. Оригинальные и заслуживающие внимания соображения по данной проблеме высказывает В.И. Свинцов в статьях, посвященных информационной деонтике и социально-информационным процессам [Свинцов 1982а; Свинцов 1982б]. Он предлагает не сводить дезинформационный процесс только к намеренной передаче ложной информации. Любую передачу ложного знания, независимо от того, находится или не находится корреспондент в состоянии дезинформационной интенции, стремится или не стремится ввести реципиента в заблуждение, следует считать дезинформацией. Неравноценные в этическом отношении намеренные и ненамеренные передачи ложного знания сходны по своей информационной сущности. Недооценка этого обстоятельства представляется весьма уязвимой. В самом деле, вряд ли ограничение дезинформации исключительно намеренной передачей ложного сообщения может исключить другие дезинформационные процессы только потому, что они покоятся на заблуждении. Человек должен уметь отличать ложь от истины, нести хотя бы моральную ответственность перед другими за передачу информации, основанной на заблуждении.

Заблуждение связывают с «непреднамеренным искажением» действительности, в то время как ложь в информационном процессе объявляют таким сообщением (системой высказываний), которое рассчитано на «сознательное» введение реципиента в заблуждение. При этом корреспондент умалчивает или искажает то, что он знает о действительном положении дел, сообщает нечто иное, чем то, что ему известно.

Исходя из этого представления о соотношении понятий «заблуждение» и «ложь», следует, что понятие истинности по существу включается здесь в антонимическое отношение одновременно с обоими. Понятие истинности обозначает соответствие мысли (сообщения) объекту. Напротив, понятия заблуждения и лжи указывают на несоответствие мысли (сообщения) объекту. При этом несоответствие заблуждения объекту – иного рода, чем несоответствие лжи объекту. Ложь рассматривается здесь как «преднамеренно» распространяемое сообщение, содержание которого не соответствует воспроизводимой в нем действительности, о чем сообщающий знает. При оперировании ложным знанием корреспондент владеет якобы истинным знанием, но скрывает его от реципиента, сознательно обращаясь к дезинформации. Но если это именно так,

то в коммуникационном акте противоположным понятию «ложь» будет не понятие истинности, а понятие правды. Заблуждающийся же не знает о своем заблуждении: им не осознается несоответствие, и он фактически оперирует заблуждением как истинным знанием. В этом смысле заблуждающийся правдив.

Верно и то, что понимание дезинформации на основе ее ограничения только намеренной передачей ложного сообщения исключает возможность соответствующей квалификации информационного процесса в тех ситуациях, когда коммуникационная интенция корреспондента по каким-то причинам остается неизвестной. Неразумно отказываться от их описания в термине дезинформации только потому, что один из субъективных факторов (мотив, цель, интенция) коммуникации не выступает как априорно заданный [Свинцов 1982а, с. 81].

Достаточно распространенными являются также социально-информационные ситуации, когда первоначальное дезинформационное сообщение, передаваемое многими корреспондентами (по типу детской игры «испорченный телефон»), утрачивает на каком-то этапе дезинформационную интенцию, принимается за истинное и в дальнейшем в этом мнимом качестве передается адресату. При неопределенно большом числе медиаторов между передающим и принимающим сообщения целесообразно, по мнению В.И. Свинцова, оценивать информационный процесс путем сопоставления истинностных значений в начальном и конечном пунктах. В противном случае общая его квалификация оказывается затруднительной вследствие возможной утраты сознательного контроля над прохождением информации [Свинцов 1982а, с. 81-82].

Учитывая отсутствие однозначной зависимости дезинформации от коммуникационной интенции корреспондента, В.И. Свинцов предлагает элиминировать интенцию при определении дезинформации как таковой и отчетливо противопоставлении ее своему антиподу – трансформации (правдивой информации) [Мазур 1974, с. 91, 164]. В этой связи под дезинформацией в самом общем ее значении понимается передача ложного знания как истинного или истинного знания как ложного, в отличие от трансформации, где истинное или ложное сообщение корреспондента совпадает с его мыслями и намерениями.

Однако это не означает, что от интенции в дезинформационном процессе вообще следует отказаться. Дальнейший анализ дезинформации как родового понятия позволяет выделить по крайней мере два ее вида, дифференцированных именно по признаку интенции. Для обозначения их В.И. Свинцов использует термины «интенциональная дезинформация» и «неинтенциональная дезинформация». Интенциональная дезинформация основана на дезинформационной интенции, т.е. стремлении корреспондента ввести реципиента в заблуждение. Данная разновидность дезинформации представляет собой передачу сообщения, при котором корреспондент, обладая истинным знанием, намеренно вводит реципиента в заблуждение. Неинтенциональная дезинформация основана на трансформационной интенции, т.е. стремлении корреспондента добросовестно (правдиво) передать реципиенту свое знание об объекте. Именно этот вид дезинформации является передачей сообщения, при котором корреспондент, заблуждаясь, руководствуется в акте коммуникации этическим принципом правдивости [Свинцов 1982а, с. 83].

На основании изложенного, следует допустить, что законодатель в КоАП РФ и УК РФ в статьях об информационных правонарушениях (проступках и преступлениях) вполне понятно и однозначно, не используя понятия «дезинформация» как нормативное, характеризует данное правонарушение как прямой умысел. Лицо осознает, что намеренно распространяет в информационном пространстве под видом истинной (достоверной) заведомо ложную (недостоверную) информацию об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. Юридическая ответственность

исключается при добросовестном заблуждении лицом, полагающим, что его информация соответствует действительности.

Список литературы

1. Кондаков 1975 – *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.
2. Мазур 1974 – *Мазур М.* Качественная теория информации / Пер. с польск. М.: Мир, 1974. 238 с.
3. Свинцов 1982а – *Свинцов В.И.* Заблуждение, ложь, дезинформация // *Философские науки.* 1982. № 1. С. 76-84.
4. Свинцов 1982б – *Свинцов В.И.* Истина и коммуникации (деонтический аспект) // *Философские науки.* 1982. № 12. С. 72-81.

УДК 32.019.5

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ В ТРАНСФОРМАЦИИ СТАТУСА ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Орлинская Ольга Михайловна

Кандидат политических наук, доцент

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

E-mail: orlinskaya@mail.ru

В статье рассматриваются факторы изменения статуса института государства и политической элиты в условиях процессов глобализации и пандемии. Анализируются тенденции эволюции роли национальных государств и правящего политического класса в противостоянии с новой финансовой элитой. Особое внимание уделяется изучению воздействия социальных сетей на сознание и поведение людей, особенно на протестные настроения современной молодежи.

Ключевые слова: государство, политическая элита, глобализация, социальные сети, кризис.

THE MAIN TRENDS IN THE TRANSFORMATION OF THE STATUS OF THE INSTITUTION OF THE STATE AND THE POLITICAL ELITE IN THE DIGITAL ERA

Orlinskaya Olga Mikhailovna

PhD in Political Science, Associate Professor

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: orlinskaya@mail.ru

The article examines the factors of changing the status of the institution of the state and the political elite in the context of globalization and pandemic processes. Trends of evolution of role of national states and ruling political class in confrontation with new financial elite are analyzed. Particular attention is paid to the study of the impact of social networks on the consciousness and behavior of people, especially on the protest moods of modern youth.

Keywords: state, political elite, globalization, social networks, crisis.

Исторически государство исполняло роль института, обеспечивающего социальный порядок на определенной территории. Согласно положениям классической политической науки, характер осуществления государственной власти определяется политическим режимом, в соответствии с которым государство реализовывает стандартный набор внутренних и внешних функций, совпадающих по факту с основными направлениями его деятельности. Роль государства была определена, и его фундаментальность как базовой составляющей политического социального института не подвергалась сомнению.

Значение и истинно высокий статус политической элиты в лице лидеров государств, функционеров разного уровня управления, реализаторов политических решений воспринимались социумом как необходимость и гарантия поступательного развития. Выдающиеся государственные деятели создавали и изменяли историю человечества, являясь примером для подражания, объектом обожания, страха, ненависти. К ним предъявляли высокие требования, их сакрализировали, однако никогда не возникало мысли о том, что политическая элита со временем должна исчезнуть и уступить место концептуально иным субъектам власти.

С 70-х гг. XX столетия все чаще стали слышны призывы теоретиков, финансовой элиты и нового типа функционеров из числа активных деятелей международных организаций или органов надгосударственного управления снизить роль и значение национальных государств и правительств, сократить их полномочия, нивелировать их статус. Так, в докладах Римского клуба «Пределы роста», «Человечество на распутье» содержатся высказывания о необходимости создания мирового надгосударственного правительства как единственного варианта обеспечения разумного потребления и сокращения населения до некоего оптимума с целью достижения экологического благополучия и перехода к новой форме капитализма [Медоуз 1991, с. 79].

Информационная эпоха (New Media Age) представляет собой концептуальную идею о том, что современность характеризуется широкими возможностями для отдельных лиц свободно передавать или получать информацию, а также иметь мгновенный доступ к ней [Кастельс 1999, с. 47]. Широкое применение для социального взаимодействия новейших средств информационной обработки сделало возможным быструю обработку больших объемов информации, которая может поступать оперативно от источника до реципиента. Связанное с этим возрастание роли СМИ в организации общества делает возможным появление новых форм правления обществом – нетократию и медиакратию [Маршалл 2003, с. 124]. Нетократия – течение, провозглашающее борьбу за каналы информации, за построение социальных сетей, чьи создатели и обладатели – нетократы – становятся правящим классом, получающим власть, благодаря кураторству социальных сетей [Бард 2005, с. 28]. Возрастание роли информации как ресурса привело к официальному признанию ведущими государствами нового вида информационной власти, цель которой, используя информацию, получить конкурентное преимущество над противником, сделать его зависимым, навязать ему использование таких информационных ресурсов, которые служили бы собственным интересам государства или корпорации.

Не менее очевидной становится тенденция к макрорегионализации и глобализации управления, предполагающего кооперацию деятельности НКО, ТНК и национальных государств. В условиях нового времени и нового социума у каждого из этих институтов формируется строго отведенная роль. Так, правительства должны обеспечить равное благосостояние большинства. НКО, как структуры гражданского общества, совместно с образовательными структурами претендуют на статус определителя смысла существования общества. ТНК при этом готовы выступать в качестве консультанта для частного бизнеса и задавать формат экономической сферы жизни человечества.

Международные организации как производная от национальных политических институтов уже несут ответственность за поддержание международной безопасности.

В новой социальной системе основными задачами становятся: борьба общества с экологическими проблемами, климатическими изменениями, пандемиями. Экономически развитые государства начинают проводить системную политику по всеобщему социальному уравниванию. Это относится к достижению полного гендерного равенства, полной реализации прав и свобод ЛГБТ-сообщества, увеличения количества людей с т. «сбитой идентичностью». Увеличение количества «глобалов», развитие социальных сетей и электронных СМИ, раскрывающих информацию и подробности жизни, благосостояния людей во всех уголках мира являются мощными факторами подобного социального уравнивания. Мода на внешность, определенный стиль жизни, на мышление, вкусы, автомобили и т.д. давно стала единым образчиком для большинства участников социальных сетей, фактически уже демонстрируя тенденцию к социальному обезличиванию.

Молодежный радикализм, провоцируемый электронными медиа, превращается в ведущий инструмент и локомотив изменений. И в этом случае стоит особо отметить роль социальных сетей в деформации сознания и поведения молодого поколения, а также других социальных групп. Сила социальных сетей стала активно подкрепляться за последний год за счет мер социального дистанцирования. Необходимо отметить, что вынужденное социальное дистанцирование постепенно вытесняется целенаправленным физическим дистанцированием от места труда, рабочего коллектива, от социума в целом. В условиях образовавшегося коммуникационного и деятельностного вакуума степень влияния СМИ увеличивается с геометрической прогрессией. Пандемия показала, как быстро СМИ стали формировать новые когнитивные и поведенческие модели. Люди очень быстро согласились на ограничения своих гражданских прав и свобод, стали воспринимать информацию из соцсетей и других СМИ как объективную и безальтернативную.

СМИ в свою очередь инициировали в период коронакризиса ажиотаж, панические настроения, агрессию, примитивизацию мышления, ценностей, вкусов. Государство и политическая элита потеряли былую статусность и значение и вслед за семьей и религиозными институтами существенно снизили уровень и силу своего влияния на массы. Агрессивные настроения в обществе оказались направлены против государств и правящего класса. Например, рост числа заболевших и умерших в Европе и США от коронавируса на фоне падения уровня жизни населения, неэффективной политики вызвали антагонистические настроения и жесточайшую критику в адрес институтов власти.

В настоящее время текущая нестабильная ситуация начинает восприниматься как потенциал изменений. Последний кризис, вызванный пандемией, продемонстрировал низкую эффективность национальных государств и их правительств. Этому предшествовала ситуация, когда адепты либерализма минимизировали роль государства в экономике, искусственно создали условия, когда государственный механизм, в силу своей высокой инерционности и структурной сложности, не смог молниеносно отреагировать на последствия пандемии. Качество политических элит в большинстве развитых государств снизилось в разы, что, несомненно, отразилось и на качестве и скорости принятия решений, умении стратегически мыслить и предвидеть возможные катаклизмы. А это в свою очередь только укрепило позиции тех социальных групп, которые утверждают, что институт государства и политическая элита изжили себя. Следовательно, власть должна перейти к независимой группе экспертов и интеллектуалов, чья деятельность была бы подкреплена работой ТНК с ярко выраженной социальной ответственностью. Призывы к интенсификации процессов

глобализации, расширению демократии через развитие медиа- и нетократии направлены на создание таких условий, чтобы национальным государствам и политической элите традиционного образца не осталось места в новой социально-политической системе [Schwab 2020, p. 89].

В 2021 г. резонансным стал манифест о глобальном обнулении К. Швабба. Если предыдущие публикации финансиста представляли собой рассуждения о будущем миропорядке, социальных процессах в условиях цифровизации с акцентом на анализ процесса эволюции «традиционного капитализма» в новый формат, то в данной работе четко прослеживается, на наш взгляд, структурированная программа действий, направленная на кардинальный пересмотр статуса государства и политической элиты будущего [Schwab 2020, p. 21].

Выводы:

Во-первых, кризисный во многих отношениях 2020-2021 г. показал, что роль и значимость института государства и политического лидерства по-прежнему высоки. Необходимость существования национальных государств и класса политической элиты актуальна как никогда. Именно регулирующая, координирующая, распределительная функции государства позволили решить целый ряд проблем по жизнеобеспечению своего населения. Полиресурсные мощности государственной власти и адекватная ситуации деятельность политической элиты позволили отреагировать на вызовы окружающей среды должным образом и приспособиться к новым условиям существования.

Во-вторых, череда социально-экономических противостояний, вооруженных и политических конфликтов в разных регионах мира продемонстрировала необходимость изменения процедур принятия решений, выявила новые требования к качеству политической элиты. Очевидной стала транзитность положения целой прослойки непрофессиональных государственных деятелей. Электорат в данных условиях должен подвергнуть ревизии подходы к выбору политических лидеров, выработать более строгую систему оценки потенциальных кандидатов.

В-третьих, следует ожидать пересмотра и коррекции текущих микротрендов и реальных процессов глобализации. Однако усиливающееся влияние и давление мировой финансовой элиты, наращивание информационных ресурсов и повышение значимости т.н. нетократов способны оказать негативное влияние на стабильность в мировом сообществе. Речь идет о трансформации ценностей у молодежи, девальвации традиционных ценностей у более старших поколений. Несмотря на стратегические ошибки политической элиты в период кризиса и кажущуюся устарелость института государства, именно государство и управленческий класс способны обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность общества. Создание системы мирового наднационального управления и попытки создать планетарное, тотально унифицированное сообщество приведут к еще большим глобальным катастрофам.

В-четвертых, современным государствам следует учитывать мощный потенциал религиозных и образовательных институтов, института семьи в целях самосохранения и повышения своей эффективности, а также сохранения общечеловеческих морально-этических принципов, служивших основой бытия и больших цивилизационных достижений человечества.

Список литературы

1. Бард 2005 – *Бард А.* Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитала. СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2005. 300с.
2. Кастельс 1999 – *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур. М.: Гос. Ун-т Высш. шк. Экономики, 1999. 700 с.

3. Маршалл 2003 – *Маршалл М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: КАНОН-прессЦ, 2003. 321 с.
4. Медоуз 1991 – *Медоуз Д.Х., Беренс В. III, Рандерс Й.* Доклад Римскому клубу «Пределы роста» 1972. М.: Изд-во МГУ, 1991. 207 с.
5. Schwab 2021 – *Schwabb K, Mallere T.* Covid19: The Great Resert 2020: Forum Publishing, Davos, 2021. 120 p.

УДК 01

ИНТЕРФЕЙС: ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИЛИ ТЕРРИТОРИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ?*

Очеретяный Константин Алексеевич

*Кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры философии науки и техники
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: kocheretyany@gmail.com*

Писатель Ширли Джексон заметила, что ни один живой организм не может долго существовать в условиях абсолютной реальности и не сойти с ума, сны снятся даже кузнечикам и жаворонкам. Однако если человек в какой-то момент подчинил образы своих сновидений и создал реальность как галлюцинацию коллективной дистрибуции, то цифровая реальность – как пространство снов, сгенерированных машиной – сталкивает человека с теми образами, которые он еще не успел одомашнить. В статье идет речь о «дикости» и потенциальной возможности приручения того, что мы считаем нашими инструментами контроля – интерфейсов.

Ключевые слова: интерфейс, медиареальность, медиафилософия, технологии контроля, парадигма заботы, человеческий капитал, инструменты мышления, знание-власть.

INTERFACE: DISCIPLINARY SPACE OR TERRITORY OF OPPORTUNITY?

Ocheretyany Konstantin Alekseevich

*PhD in Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Philosophy of Science and
Technology
Saint Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia
E-mail: kocheretyany@gmail.com*

The writer Shirley Jackson noticed that no living organism can exist for a long time in conditions of absolute reality and not go crazy, even grasshoppers and larks sleep and dream. However, if at some point a person subdued the images of his dreams and created reality as a hallucination of collective distribution, then digital reality, as a space of dreams generated by a machine, confronts a person with those images that he has not yet managed to domesticate. The article deals with the “wildness” and the potential of domestication of what we consider to be our control tools – interfaces.

Keywords: interface, media reality, media philosophy, control technologies, care paradigm, human capital, thinking tools, knowledge-power.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта МК-169.2021.2. СПбГУ.

В социальной психологии известен эксперимент Стэнли Милгрэма (Йельский университет). Участник должен был нажимать на кнопку и наносить удары электрическим током разной степени интенсивности по «ученику» (в действительности не подключенному к электродам, а только имитирующему страдания) за «неправильные» ответы (или промедления с ответом) с поощрения «учителя» (ученого и руководителя эксперимента) – который представлял собой воплощение знания-власти. Наивность участника проявлялась в том, что он не ставил под сомнение сообщенную ему информацию и предполагал, что помогает в проведении эксперимента по влиянию боли на память. Ответственность же, лишенная критического отстранения, приводила к тому, что «наивность» перерастала в «жестокость: знание должно идти до конца. Результаты эксперимента показали, что большинство участников вместо проявления жалости к жертве скорее искали поощрения у учителя и стремились увеличить степень насилия для того, чтобы достичь признания. Цель эксперимента (выяснение зависимости памяти от боли) отходила на второй план по сравнению с признанием (пусть даже анонимного и садистки настроенного ученого, но через него – стоящей за ним Институтции и Знания), и главное – с желанием дойти до предела, пусть даже путем деструкции. Знание и власть, управление и контроль могут быть не самостоятельными формами проявления воли, а скорее способом оправдания воли, причем воли дурной, злой. Но что такое наши инструменты, получившие тотальное распространение, определяющие наше поведение, соучаствующие в производстве знания? Наши гаджеты, их интерфейсы, программы, плагины – все эти расширители человеческой чувственности.

Первые опыты отцов-основателей интерфейса В. Буша (материализованные метафоры, экраны, столы, стекла), Д. Энгельбарта (манипуляторы), а затем и С. Возняка (графический интерфейс файлов, папок, курсора, движений вращения и перемещения элементов) показывают, что интерфейс был предназначен не для того, чтобы скрыть за ним функционирование машины, а для того, чтобы представить человеку его бессознательное, ставшее техническим, весь культурный архив, набор метафор, образов, жестов, которыми он мыслит. В интерфейсе как исследовательском психонавтическом проекте ясно обнаруживается деконструктивистская тенденция обнажения как логики функционирования машин, так и паттернов нашего поведения, мышления, общения и т.д. Пионеры GUI (графического интерфейса) Энгельбарт, Паперт, Кей и Возняк показали нам, что удобный компьютер и графический интерфейс не должны закрывать доступ к компьютеру/программе во имя пользователя. Вместо этого он может быть разработан так, чтобы дать пользователям возможность получить доступ к аппаратному и программному обеспечению, а затем понять основы вычислений и в конечном итоге создать свои собственные инструменты и приложения. Предполагалось, что интерфейс, деконструируя устоявшуюся социокультурную метафорику и визуализируя (обнажая) паттерны поведенческого мышления, как бы дезавуирует их, обнаруживает всю их бедность, а человеку дает средства для их переизобретения. Однако обнажение приема в случае интерфейса приводит к тому, что сам интерфейс как инструмент критики перестает восприниматься критически. То, что он открывает в логике поведения и мышления, равно как и в логике функционирования компьютера, начинает интерпретироваться как то, что должно быть превзойдено с помощью интерфейса. В действительности интерфейс не только ответил на вопрос Буша («Как мы можем мыслить?»), Энгельбарта («Что мы можем сделать?») и Возняка («Какой мир мы можем создать?»), но и поставил свой вопрос к человечеству: «Что происходит при этом с нами?». Интерфейс мыслился как медиа, которое работает не как посредник, а как средство превращения нашего сознания и тела в проводниковую среду для новых смыслов, что целиком совпадало с психоделическим духом эпохи, контркультурными

тенденциями, восторгом перед космическими технологиями и поиском новых форм социального взаимодействия.

Параллельно процессу освоения интерфейса пользователями, шло освоение пользователей интерфейса – такая колонизация пользователей интерфейсом неизбежно вела к стандартизации практик. Поскольку программы были не только технологическим и культурным продуктом, но и продуктом коммерческим – преследующим тотальную вовлеченность, всеохватность, а значит, ясность, прозрачность и доступность (и уже не только в смысле обнаружения – порой травматического – человеческих возможностей, но и в смысле фантазматического поощрения имеющихся у него требований); из критики сознания в форме технологического сна интерфейс становится сном в форме критики. Динамика развития интерфейса в период с 1960-х по 1980-е гг. показывает, что персональные компьютеры переходят от идеологически и технически открытых к идеологии удобства пользователя. Интерфейс перестает быть интересен как критический инструмент и становится интересен как легитимирующая наши действия инстанция; соответственно, с его помощью мы надеемся обрести контроль над цифровой средой, но своими же действиями увеличиваем невозможность такого контроля (а, возможно, от отчаяния впадаем в садизм и мазохизм).

В этом смысле интерфейс не столько дает нам знание и контроль, сколько алиби – в желании идти до конца. Модель личностного Я изначально была сопряжена с управлением и контролем, но в мире цифровизации и датафикации (датафикции?) контроль осуществляет все что угодно – интерфейсы, плагины, платформы, сети, но не Я. Мы не столько контролируем процесс или управляем собой, сколько попадаем в ситуацию уже сформированного дисциплинарного поля, где, поскольку все определено за нас и до нас, предаемся вседозволенности: комфорт пользователя – обратная сторона тотального насилия. Интерфейс дает нам не контроль, а эмоции, даже если это – эмоции аутодеструктивные: ведь цифровая энергетика не только затратна для планеты, но и предлагает колоссальные требования к сознанию и действия, продуцируя избыточную напряженность, ведя к эмоциональному опустошению. Артур Кларк полагал, что развитая технология неотличима от магии, и мы видим, что прогнозируемая Максом Вебером рационализация не расколдовала, а зачаровала мир. Мы ищем от технологий не контроля и управленческих решений, а эмоций и аффектов, переживания, вовлечения, игры воображения. Однако технологии используют природу, или претендуют на следование ей, а магия, напротив, идет вопреки естественному порядку, радикально изменяя его. Если наши технологии неотличимы от магии, то это происходит из-за того, что они нечелoveкоразмерны, не поддерживают и не развивают человеческий потенциал, а скорее замыкают его в бихевиориальных схемах и связанных с ними технологических решениях, третируя человека как животное. Мы зачарованы отчуждением от самих себя – что порождает цифровой аутизм, инфантильность, фрагментарность мышления и восприятия. На этом пути встают следующие проблемы: 1) разрыв между дискурсом ценностей и смыслов и дискурсом управления и контроля; в мире цифры мы контролируем только то, что ни на что не может повлиять, и, наоборот, подлинное влияние приходит как случай, ускользая от логики контроля; 2) рациональность без цели, где знание – перечисление контекстов, а действие – инструментов и практик; инструменты фетишизируются, а их использование становится самоценным; 3) на место универсальности и необходимости в Сети приходит глобальный случай, тоталитаризм случайного; 4) виртуализация социокультурного контекста и приход на место «медиаторов», ответственных за коммуникацию, смысловых эмоциональных заглушек в виде «смайлов» и «мемов». Все это приводит к выводу о том, что Я – фантомное образование сознания, реакция на невыносимую сложность реальных противоречий или,

по выражению Т. Метцингера «туннель Эго». Реальные же акторы – интерфейсы, платформы, плагины, сети.

Однако есть надежда, что интерфейс может быть не только дисциплинарным пространством, но и территорией возможностей. Для этого нужно помнить о том, что существуют допредикативные формы отношения к миру: мир размыкается в настроении и предопределяется телом. Интерфейс претендует на то, чтобы быть нашим настроением, а технологии – нашим телом. Но как привычная конфигурация тела может быть увидена как жуткая в своей обыденности, так и настроение может обернуться отстранением. Настроенческие паттерны и телесные техники должны быть увидены в своей неочевидности, необычности, чуждости. Так, директор и основатель Лаборатории медиаархеологии (Media Archaeology Lab), Университет Колорадо, Лори Эмерсон, говоря о задачах своего проекта, отмечает: «Я пытаюсь побудить посетителей немного переосмыслить свой опыт, вместо того чтобы навязать настоящее прошлому, чтобы вместо этого испытать трение, которое существует между нашим сегодняшним взаимодействием с этими машинами и тем, как производители изначально представляли и даже предписывали нам взаимодействовать. Например, руководства лаборатории для Apple Macintosh, выпущенные в 1984 г., подробно описывают на многих страницах, как выполнять двойной щелчок, как научить свой палец щелкать очень быстро и что такое окно или файл. Чтение руководств сродни посещению чужой страны, с тем отличием, что в данном случае мы не знакомы с местностью, где уже живете. Внезапно вы начинаете думать: “Ого, щелчок – неестественный жест; был момент, когда людям действительно приходилось осознанно думать об этом жесте и тренировать свое тело, чтобы адаптироваться к этому физическому действию”» [Kirby 2016, p. 3218]. Интерфейс – территория активных действий, грез и надежд. И тем не менее эта территория плохо нам знакома. Мы привыкли смотреть на технологии с точки зрения истории, истолкованной в духе Просвещения как самовозрастания разумности (пусть через войны и террор). В действительности технологии развиваются иначе. Для их описания больше подходят не исторические (в том числе зараженные имплицитной теологией), а геологические модели – т.е. трещины, пласты, смещения, приводящие к катастрофе (в буквальном прочтении – необратимости). «История цивилизации не следует единственному и неизбежному божественному плану. Слои гранита, под которым не существует глубинных, переливающихся различными красками слоев, неприемлем. История медиа не есть выражение какой-то всемогущей тенденции от простого к сложному. ... Вместо того, чтобы настаивать на обязательности трендов, мейнстрим-медиа и неизбежных перспектив, следует искать индивидуальные вариации. Или же мы должны найти в исторических мастер-планах повороты и разрывы, которые могли бы стать полезными импульсами для движения сквозь лабиринт устоявшегося. В долгосрочной перспективе отдельные генеалогии должны прийти к некоей вариантологии медиа и искусств. Остается надеяться, что такая вариантология станет действенной альтернативой устоявшимся стандартизациям» [Цилински 2019, с. 30]. Интерфейс отражает парадигму контроля, но она ведет к опустошению и отчуждению, к инфантильной садистической прагматике в использовании человеко-ресурса. Напротив, интерфейс может быть не праксисом, а эстезисом, т.е. альтернативной формой мирочувствования, условием обживания возможных миров, если он из инструмента действия превратится в инструмент со-чувствия иным возможностям. В условиях зачарованности человека мобильностью, действием и потреблением, необходимо ввести баланс – через категорию «заботы» и ориентации не на тотальный контроль, а на оптимум существования в цифровых условиях, где все произведенное не отчуждается, а возвращается и питает. Для этого интерфейс должен быть выстроен не по идеологии комфорт, а по идеологии отстранения – он должен не приближать вещи

к нам, а показывать их в странном и чуждом свете, тогда это напомнит нам о том, что не все возможно контролировать и не всем можно управлять. В противном случае человечеству грозит захлебнуться собственной жаждой.

Список литературы

1. Цилински 2019 – *Цилински З.* Археология медиа: о «глубоком времени» аудиовизуальных технологий. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. 540 с.

2. Kirby 2016 – *Kirby J.* As If, or, Using Media Archaeology to Reimagine Past, Present, and Future: An Interview with Lori Emerson. Jay Kirby North Carolina State University, USA. Lori Emerson University of Colorado Boulder, USA // *International Journal of Communication*. Vol. 10(2016). Pp. 3216-3229.

УДК 01

РЕВОЛЮЦИЯ В СИТУАЦИИ ЕЕ ПЕРМАНЕНТНОСТИ

Савчук Валерий Владимирович

Доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: savcuk.valeri@gmail.com

В докладе речь идет об эволюции понятия «революция», которое в современности приобретает характер перманентности. Опираясь на мысль Х. Аренд, что революция изменила свое прежнее астрономическое значение и стала обозначать беспрецедентное событие, и добавив вывод П. Слотердайка, что в настоящее время мы живем в хронических революциях, мы делаем вывод о девальвации понятия «революция» в эпоху цифровой, по определению перманентной, революции. Фрустрирующим моментом является признание, что иноназвание перманентности – сериальность, которая живет дозированной новизной, новизной в привычных интерьерах комфортной среды потребления. Главный вопрос доклада – что есть революция в условиях ее перманентности? Предложены две ее особенности. Первая связана с банальностью жертв и террора, круг которой размыкается принуждением к миру, а за вторую особенность несут ответственность радикальный критик, котировщик, философ-клиницист, теоретик компьютерных игр.

Ключевые слова: революция, беспрецедентность, перманентность, сериальность, террор, жертва, философ-клиницист, теория компьютерных игр.

A REVOLUTION IN THE SITUATION OF ITS PERMANENCE

Savchuk Valery Vladimirovich

PhD DSc in Philosophy, Professor

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

E-mail: savcuk.valeri@gmail.com

The main thesis deals with the evolution of the concept of revolution, which in modern times acquires the character of permanence. Based on the idea of H. Arendt that the revolution changed its previous astronomical meaning and began to denote an unprecedented event, and adding P. Sloterdijk's conclusion that we are currently living in chronic revolutions, we conclude that the concept of revolution in the digital age, by definition permanent, revolution. A frustrating moment

is the recognition that the other name of permanence is seriality, which lives with dosed novelty, novelty in the familiar interiors of a comfortable environment of consumption. The main question of the report – what is a revolution in the conditions of its permanence? Two of its features are proposed. The first is associated with the banality of victims and terror, the circle of which is opened by the compulsion to peace, and the second feature is the responsibility of a radical critic, quotation, clinical philosopher, theorist of computer games.

Keywords: revolution, unprecedentedness, permanence, seriality, terror, victim, clinical philosopher, theory of computer games.

I. Констатация

Исходный тезис таков: не только компьютерная техника и гаджеты, но и медиареальность, ими порождаемая, стремительно меняют свою конфигурацию. Если древние греки мыслили мир устойчивым и неизменным: «Оно не было некогда и не будет, ибо оно есть теперь – все сразу, одно, сплошное...» (Парменид), то пришедшая из средневековых правил судопроизводства идея *mutatis mutandis* в значении изменения сообразно с новой обстановкой смещается в сторону непрерывной трансформации устоявшейся нормы. Согласно Х. Аренд, «слово “революция” в последние десятилетия XVIII века изменило свое прежнее астрономическое значение и стало обозначать беспрецедентное событие» [Арендт 2013, с. 405]. Революция утрачивает качество беспрецедентности, когда переходит в режим так истово желаемой Троцким перманентности, ибо тогда беспрецедентность становится нормой. В самом конце XX в. Петер Слотердаjk в книге «Испытание себя» делал вывод, что мы уже живем в эпоху «после революций», назвав ситуацию успокаивающим фактом. На вопрос: «Почему успокаивающий?», ответил: «Потому что возникает чувство, что мы и так живем в хронических революциях. Вместо исключительно политических перемен происходят параллельно друг другу и одновременно перманентные технические, символические, ментальные перевороты, которые вызывают чудовищно сложные процессы обучения. Мы живем в эпоху хронических открытий, изобретений и обогащений» [Sloterdijk 1999, p. 34]. Но у перманентности есть изъян: она не признает беспрецедентность. Частотность употребления термина стирает его изначальный смысл, ибо мы вслед за Августином можем сказать: когда я задумываюсь, то я не понимаю ни что такое революция, ни что формируется конфигурацией перманентных революций?

От формы форм, от надежности мира, в котором обиходные вещи переживали жизнь отдельного человека и передавались по наследству, от устойчивого порядка и крепости традиции, от времени кода «принципы неторопливого прошлого перестают соответствовать бурному настоящему» (Авраам Линкольн (1809-1865)), мы переходим к эпохе увеличивающихся темпов жизни, начало которой так раздражало Ницше: «Нынче уже стыдятся покоя; длительное раздумье вызывает почти угрызения совести. Думают с часами в руке, подобно тому, как обедают с глазами, вперенными в биржевой лист, – живут как кто-то, постоянно могущий “упустить нечто”» (Веселая наука). К эпифеноменам реальности медиа, к одноразовым предметам и сооружениям (помещения для форумов, объекты Олимпийских игр и павильоны всемирных выставок и *собираются* для одноразового события, а затем разбираются), к мобильным формам существования, к ситуации постоянно обновляемого программного обеспечения, к миру, в котором технический прогресс опережает самые смелые фантазии писателей. Динамизм жизни зримо воплощался в смене стратегий коммуникации, от гимнов скорости художников-модернистов до «мгновенной» передачи сообщения, и в скорости признания и тиражирования уникального образа, который ускоренно тиражируется, воплощаясь в материальных предметах, в товарах и услугах.

II. Фрустрация

В романе «Соть» (1928-1929) писатель Леонид Леонов нашел точные слова: мещанин, «прошедший сквозь революцию, страшен своей подавляющей единогласностью». Пользователь интернета – это и есть современный тип «мещанина», который, пройдя цифровую революцию, становится столь же единогласным, как и единовидящим, воспринимающим, играющим. У единогласия есть свои предпосылки. Конвенциональные критерии научности: воспроизводимость, повторяемость, проверяемость, непротиворечивость – обращенные к медиасфере, дают неожиданный критерий истинности медиа: если они повышают уровень комфорта человека, они овладевают им. Сохранению привычного комфорта существования как раз и способствует унификация средств сообщения, унификация компьютерных программ, языка международного общения, средств коммуникации, указателей. Иноназвание перманентности – сериальность, которая живет дозированной новизной, новизной в привычных интерьерах комфортной среды потребления. Медиа в той же мере создают общество коммуникантов, в какой общество создает условия распространения медиа. Мы переживаем цифровую революцию, а революционные изменения в обществе шли рука об руку с революцией в области средств коммуникации. Однако мы готовы признать революцией все происходящее вовне, дабы не признавать ее власть над собой, но более – ответственность за ее свершение. Но, как убеждает нас М. Энафф, Сад «показал разуму, что тот, кого он считает своей противоположностью, иррациональным и злым началом, этот монстр всегда порождался им самим» [Энафф 2004, с. 431]. Революция – это то, что делаем мы; когда входим в сеть, то выпускаем монстров самовоспроизводящей себя беспрецедентности. Мы – продукт ее, хотя и не отдаем себе отчет в этом, и мы же – условие ее.

III. Кристаллизация

Что может называться революцией в ситуации ее перманентности? Есть ли инстанция, отвечающая за номинацию? В свое время Вяземский писал про полуобразованных и амбициозных критиков своего времени, которые «коснеют в убеждении, что неведомое до сего дня им было неведомо и всем остальным». Это положение подтверждалось многократно. Так ведущие критики не заметили революционных открытий своего времени: проклятых поэтов (Жан Полан), импрессионистов, авангард, «прозёванных» гениев Николая Лескова и Сигизмунда Кржижановского – все они были беспрецедентны.

Нынешнее ускорение времени, захватывая все регионы культуры, заостряет вопрос: что есть революция сегодня? Что может быть поименовано беспрецедентным, неведомым, непредставимым, невозможным? В свете этого вижу две крайности. **Первая** указывает на беспрецедентность в новой истории кровавой архаической жертвы и терроризма, ставших повсеместными и, в духе Аренд скажем, банальными. Они являют то, *чего не может быть*, что согласно идеалам просвещенного разума, религии, морали осталось в далеком и безвозвратном прошлом. Когда революция принимает форму терроризма, тогда отрицание не есть момент внутреннего развития, а бытие сущего отрицается тотально, тогда мы вспоминаем об астрономическом ресурсе революции. В таком случае переход через линию привычного есть переход последней черты нововременного образа существования, что ведет не только в другой, лишенный метафизики мир, где привычный цивилизованный мир вычеркивается как вид сущего. Революция, сковывающая жизнь архаической логикой жертвенного условия культуры, позволяет взглянуть в бездну первозданного ужаса.

Вторая крайность отсылает к «бархатной» революции новых медиа, точнее было бы сказать – революции «в лайковых перчатках», которая столь же незаметна, сколь

радикальна и необратима. Революция в создании беспрецедентно комфортных, разделяемых всеми (единогласных) условий коммуникации, работы, развлечений.

Незаметные следствия хронической или перманентной революции может опознать радикальный критик, котировщик, философ-клиницист, теоретик компьютерных игр. Последний, и здесь я сошлюсь на Александра Ленкевича, констатирует возросшую роль геймера, который участвует в формировании тела будущего и одновременно рефлексует происходящее: «Тело, включенное в компьютерную игру, поскольку существующие интерфейсы и контроллеры позволяют моделировать сложный опыт восприятия, в который входят не только аудиовизуальные элементы, но и осязание, запах и т.д. В конечном счете практики (само)контроля, вшитые в игровые контроллеры, позволяют рассмотреть их как технические диспозитивы, через которые мы осваиваем тела будущего».

Иные формы сопротивления «единогласности» у прошедших цифровую революцию можно обнаружить в концептах «медленной жизни», во всевозможных экспериментах формирования новой общности, новых форм общения, а также в вечном спутнике прогресса – изобретении все более экстравагантных способов эскапизма.

Список литературы

1. Арендт 2013 – *Арендт Х.* Жизнь ума. СПб.: Наука, 2013. 517 с.
2. Энафф 2004 – *Энафф М.* Маркиз Де Сад: изобретение тела либертена. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. 448 с.
3. Sloterdijk 1999 – *Sloterdijk P.* Ein Gespräch mit Peter Sloterdijk // Information Philosophie, 1999. No. 1.

УДК 070

ЧТО ТАМ, ЗА «ЦИФРОВЫМ ПОВОРОТОМ»: ЦЕННОСТНЫЙ РАЗЛОМ МЕДИЙНОЙ СРЕДЫ

Сидоров Виктор Александрович

Доктор философских наук, профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: v.sidorov@spbu.ru

Современная философия рассматривает «медиаальный» и «цифровой» повороты. Последний объективно становится продолжением первого, «связь времен» на распадается. Образуется медиареальность, которая является «действительностью действительного», и то, что некогда «было искусственным, становится для нас естественным». Постановка проблемы имеет отношение не только к мировоззренческой сфере, но и к социальной практике медиакommunikаций. Именно этот стык вызывает наибольшее число ассоциаций и потребность в «новом гуманитарном мышлении». Потому что современные философы и политологи опасаются интеллектуальной катастрофы «коммуникационного изобилия», которое вышло за пределы разумного, т.к. его наступление отныне обеспечивается в том числе искусственным интеллектом: часть фактов медийной среды, или даже вся она полностью, неизбежно располагается за пределами гуманистических ценностей. Исторически медийная среда в качестве сферы публичного общения была человеко-ориентированной, несла в себе гуманистическую концепцию гуманистически значимой общественной мысли. Однако с момента возникновения также стала включать в себя идеи и формы отрицания гуманизма. Образовался мировоззренческий разлом, и он стал условием

эволюционной фрагментации общечеловеческих ценностей, а в настоящее дополняется размежеванием с искусственным интеллектом, еще более усложнившим процесс «цифрового отчуждения человека».

Ключевые слова: медийная среда, медиакommunikации, ценности гуманизма, общечеловеческие ценности, «цифровой поворот», цифровое отчуждение.

WHAT'S THERE, BEYOND THE DIGITAL TURN: THE VALUABLE RIFT OF THE MEDIA ENVIRONMENT

Sidorov Viktor Aleksandrovich

PhD DSc in Philosophy, Professor of the Department of Theory of Journalism and Mass Communication

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

E-mail: v.sidorov@spbu.ru

Modern philosophy examines the “medial” and “digital” turns. The last one objectively becomes a continuation of the first, the “connection of times” is not disintegrating. New media reality is formed, which is the “reality of the real”, and what was once “artificial has become natural for us”. The problem framing is relevant not only to the philosophical sphere, but also to the social practice of media communication. It is this juncture that generates the greatest number of associations and the need for “new humanitarian mentality”. Because contemporary philosophers and political scientists fear the intellectual catastrophe of “communicative abundance”, which has gone beyond the bounds of rationality, since its occurrence is now ensured, among other things, by artificial intelligence: some of the facts of the media environment, or even all of it, are inevitably located outside the scope of humanistic values. Historically, the media environment as a sphere of public communication has been human-centered, carrying the humanistic concept of humanistic social thought. However, since its emergence, it has also begun to include ideas and forms of denial of humanism. A philosophical rift has emerged that has been a precondition for the evolutionary fragmentation of universal values, and it has now been supplemented by a disconnection with artificial intelligence, which has further complicated the process of “digital human alienation”.

Keywords: media environment, media communications, values of humanism, universal values, “digital turn”, digital alienation.

Всякая историческая эпоха по-своему продлевается в последующих. И пусть раз за разом звучат вариации на тему «распалась связь времен», связи все равно не распадаются, а наступившие времена все те же и по-прежнему наследуют неразрешенные недоумения предшествующих. Нам свойственно анализировать главным образом результаты крупных социальных сдвигов, придавая им значение до сих пор еще не бывалого, революционного. Сегодня подводятся первые итоги т.н. «медиаального поворота» и одновременно рассматриваются очертания очередного, названного «цифровым»: «Медиаальный поворот провозгласил: все есть медиа... медиа внутри нас. Цифровой же поворот постулирует: все есть цифровой код, объединивший в цифру и разум, ставший инстанцией, производящей нашу мотивацию, определяющий цель и волю к ее достижению» [Савчук, Очеретяный 2021, с. 13]. Да, уже можно разглядеть те или иные результаты названных поворотов, но как всегда ускользает от внимания нечто их соединяющее – «связь времен». Причем эта связь, с одной стороны, позволяет увидеть и поддержать традицию, с другой – рассмотреть новизну наступающей эпохи. Прерывание коммуникации ведет к утрате «ощущения, что будущее будет отличаться от нашего настоящего», в то время как «цифровое будущее – не будущее “вообще”, а постоянное продолжение настоящего» [Дудник 2020, с. 18, 19]. Тем более странно невнимание к линиям связи, если учесть, что последние сдвиги времен как раз и олицетворяются медиакommunikациями. Таким образом, сегодня, чтобы осмыслить

происходящее, требуется «перестройка гуманитарного мышления» [Савчук, Очеретяный 2021, с. 11].

Провозглашенный императив звучит не впервые, пусть даже в ином выражении. Вспомним примечательную дату истории человеческой мысли – пасхальное воскресенье 8 апреля 1341 г. В этот день «впервые в европейской истории поэту было сказано: “Ты – царь”. ... Петрарка вошел в Капитолийский дворец и произнес в парадном зале “Слово” о назначении поэзии и поэта» [Хлодовский 2007, с. 8]. «Слово» поэта стало манифестом нового мышления. Произошло рождение гуманизма – «общественной мысли, обращенной к человеку как личности, как деятельному, творческому существу» [Философский словарь, с. 137]. Отныне его жизнь видится «высшей ценностью, реализации которой должны служить все ценности существования и поступки (Добро, Истина, Красота, Творчество)» [Лебедев 2008, с. 607]. Гуманизм лег в основу потребности человека публично общаться с себе подобным по любым значимым для него вопросам. И если до рождения гуманизма актуальные на тот период коммуникации насыщались прежде всего религиозными представлениями и символами, то Ренессанс оборвал якобы «нерушимую связь между символом и реальностью, [потому что] символический метод препятствовал развитию причинно-порождающего мышления» [Хейзинга 2002, с. 243, 253]. Таким образом расчищались пути к началу протомедийного поворота, позднее свершенного в реальности станком Гуттенберга.

Говоря о первых гуманистах и подчеркивая их революционный дух в отношении к жизни, Й. Хейзинга все же не преминул заметить, что они по праву находились в XIV в. «у себя дома. Всей своей деятельностью, каким бы духом обновления от нее ни веяло, они были погружены в гущу культуры своего времени» [Хейзинга 2002, с. 384]. Мыслители Ренессанса, формируя поле интеллектуального общения – публичную сферу гуманизма, расчищали средневековые коммуникации, прокладывали новые. Показательна диалектика создаваемой публичной сферы: в протомедийную среду вносились не только философские идеи и литературные формы гуманизма, но и семена его отрицания. На протяжении двух веков шло столкновение ценностей гуманизма и Средневековья, но соотношение между ними «далеко не так просто, как порой мы себе представляем. ... Новое приходит как некая *внешняя форма* до того, как оно становится действительно новым по духу» [Хейзинга 2002, с. 381, 382].

Новой «внешней формой» эпохи Возрождения стал расцвет культуры публичного интеллектуального ристалища, вызванного практикой распространения идей гуманизма. Против выступили прежде всего клерикальные круги, встретившись с не менее сильной защитой со стороны гуманистов. Скажем, в Германии развернулась борьба с произволом церковных и феодальных властей, вознамерившихся сжечь древнееврейские книги. Голос против мракобесия подал гуманист Иоганн Рейхлин, за что стал объектом атак в памфлете обскуранта Пфеффекорна, на который Рейхлин отреагировал своим памфлетом, а потом и сборником написанных в его защиту писем – «Письма знаменитых людей». В этом плане особую известность приобрел еще один сборник – «Письма темных людей» – собрание вымышленных писем, адресованных тем, кто травил Рейхлина. Авторами мистификации стали немецкие гуманисты. Если письма Рейхлину писали люди умные, талантливые, то его врагам – безвестные, тупоголовые, темные. Эта история примечательна не только демонстрацией порожденной гуманизмом публичной сферы интеллектуального общения, но и примером того, как эта же сфера стала агрессивно использоваться оппонентами гуманизма. Так что с момента своего возникновения протомедийная среда подобна действительности и столь же нагружена проявлениями обскурантизма, как и сегодня. Такова ее природа, потому что «медиареальность – действительность действительного», в которой «многое из того, что было искусственным, стало для нас естественным» [Савчук, Очеретяный 2021, с. 7, 10].

Наше обращение к истории – своего рода попытка разглядеть с высоты птичьего полета связующие коммуникации эпох – не только подтверждает связность исторических сдвигов и поворотов, но и позволяет обнаружить нечто неожиданное – фрагментацию общечеловеческих ценностей, некогда заявленных эпохой гуманизма. В предпринятом теоретическом анализе К.Х. Момджян выделил «классификационное различие между базовыми **ценностями как целями** и операциональными **ценностями как средствами**» [Момджян 2020, с. 32]. Для нас первостепенное значение приобретает второе. Потому что в линиях связи эпох обнаруживается постоянство присутствия важнейших ценностей. Не Ренессанс породил протомедийную среду, он лишь уловил и развил имевшееся в наивных практиках Средневековья. Скажем, потребность индивида в свободе выражения мыслей была и до речи Петрарки, но после 1341 г. стала настоящей необходимостью как для тех, кто шел в русле гуманистического свободомыслия, так и для тех, кто вставал на их пути. Свобода творить, думать, говорить, распространять свои идеи фрагментировалась по идейно-политическим лагерям, так и не стала общечеловеческой, несмотря на то что «особое место в системе универсальных человеческих ценностей занимает мотивационное влечение к **свободе**, в основе которого лежит объективная человеческая потребность в самоопределении» [Момджян 2020, с. 34]. Однако ни один из тех, кто когда-то страстно выступал и выступает сегодня за свободу печати / журналистского слова, никогда не был настолько последовательным, чтобы объявить эту свободу для всех – всегда были те или иные, как казалось, оправданные исключения. Впрочем, и сегодня все то же самое, когда в той или иной стране запрещают деятельность отдельных СМИ под предлогом их работы в качестве пропагандистов политики другого государства.

«Цифровой поворот» усложнил ситуацию. Вчера наступление царства безбрежной информационной свободы, интеллектуального богатства казалось многим. Есть те, кто до сих пор уверен, что наставшее время Интернета привело к прогрессивному перерождению основ жизни общества и человека, потому что «сдвиг к мультимедийным платформам... привлекает намного больше людей к выслушиванию других... и прямому разговору с ними, чем к традиционным медиаисточникам». Но те же аналитики все чаще опасаются интеллектуальной катастрофы «коммуникационного изобилия» [Кин 2015, с. 17, 31]. Нас не могут не волновать актуальные условия его возникновения. Еще несколько лет назад они виделись главным образом в объемах обрушившейся на индивида информации – они уже вышли за пределы разумного, но сегодня мы обязаны задуматься о ее гуманитарной значимости, т.к. наступление коммуникационного изобилия отныне обеспечивается в том числе искусственным интеллектом. Следовательно, какая-то часть фактов медийной среды современности, или даже вся среда полностью, неизбежно должна рассматриваться за пределами гуманистических ценностей. Так что фрагментация ценностей гуманизма продолжилась не только по мировоззренческим и другим социокультурным разломам, но и по линиям размежевания с искусственным интеллектом.

Перестройка гуманитарного мышления уже происходит, мы все в какой-то степени вовлечены в анализ цифровизации жизни во всем ее многообразии – от новых практик взаимодействия индивида с институтами государства, культуры, быта до ее проявлений в медийной среде. Далеко не случайно снова обострилось идейное противостояние между т.н. «технооптимистами» и «технопессимистами». При этом наиболее пронизательные разглядели и то, что неизбежно последует за «цифровым поворотом» – «ценностное отчуждение человека», а оно «в эпоху цифровизации становится еще более глубоким» [Дудник 2020, с. 17, 19].

Список литературы

1. Дудник 2020 – *Дудник С.И.* Отчуждение в цифровом обществе // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 17-20.
2. Кин 2015 – *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. М.: ИД Высшей школы экономики, 2015.
3. Лебедев 2008 – *Лебедев С.А.* Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М.: Академический проект, 2008.
4. Момджян 2020 – *Момджян К.Х.* О проблеме общечеловеческих ценностей // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 25-41.
5. Савчук, Очеретяный 2021 – *Савчук В.В., Очеретяный К.А.* Цифровой поворот: глобальные тенденции и локальные специфики // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 5-16.
6. Философский словарь 2001 – Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика, 2001.
7. Хейзинга 2002 – *Хейзинга Й.* Осень Средневековья / пер. нидерландского. М.: Айрис-пресс, 2002.
8. Хлодовский 2007 – *Хлодовский Р.И.* Певец Лауры и певец Лавра // Франческо Петрарка и европейская культура / отв. ред. Л.М. Брагина. М.: Наука, 2007. С. 5-10.

УДК 111.7

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

Суворова Алина Юрьевна

Специалист факультета журналистики

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте

Российской Федерации

Москва, Россия

E-mail: ay.suvorova@igsu.ru

В условиях развития современных информационных технологий различные социальные системы претерпевают значительные изменения. Трансформационные процессы затрагивают саму суть социального бытия человека, в частности в точке пересечения виртуальной и объективной реальностей. Виртуальная реальность знаменует переход от вербальной к «постсимволической» форме коммуникаций, и, подобно тому, как человек в свое время заменил естественную среду искусственной, сегодня он заменяет социокультурную реальность виртуальной. При этом медиареальность, призванная стать отражением социокультурной действительности, в контексте функционирования виртуальной реальности цифровой среды все больше отчуждается от объективной реальности и приобретает онтологический статус.

Сложно не согласиться с тем, что медиа все глубже проникают в жизнь индивида, в некотором роде и становясь его жизнью. Если изначально медиа были лишь немым посредником, доставщиком информации до реципиента, то сейчас они окружают индивида и в конечном счете поглощают его. Информационно-техноотронный формат цивилизации постулирует собственный бытийный базис, иные формы социализации индивида, постоянную символическую модификацию неорганического тела человека, закрепление медиасреды как «третьей природы». Осмысление феномена медиареальности, специфики ее существования в условиях имплозии коммуникации в цифровой среде является сегодня одной из наиболее важных исследовательских задач.

Ключевые слова: медиареальность, виртуальная реальность, новые медиа, цифровая среда, коммуникация.

TRANSFORMATION OF MEDIA REALITY IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL ENVIRONMENT'S DEVELOPMENT

Suvorova Alina Yurievna

Specialist of the Faculty of Journalism

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Moscow, Russia

E-mail: ay.suvorova@igsu.ru

In the context of the development of modern information technologies, various social systems are undergoing significant changes. Transformational processes affect the human's social being, in particular, at the point of intersection of virtual and objective realities. Virtual reality marks the transition from the verbal to the "post-symbolic" form of communication, and just as a human once replaced the natural environment with an artificial one, today he replaces the sociocultural reality with a virtual one. At the same time, media reality, that designed to become a reflection of sociocultural reality, is increasingly alienated from objective reality and acquires an ontological status in the context of the functioning of the digital environment's virtual reality.

It is difficult to disagree with the fact that the media penetrate deeper and deeper into the individual's life, in some way becoming his life. If initially the media were only a mute mediator, delivering information to the recipient, now they surround the individual and, ultimately, absorb him. The information-technotronic format of civilization postulates its own existential basis, other forms of individual's socialization, constant symbolic modification of the inorganic human body, the consolidation of the media environment as a «third nature». Understanding the phenomenon of media reality, the specifics of its existence in the context of the communication's implosion in the digital environment is one of the most important research tasks today.

Keywords: media reality, virtual reality, new media, digital environment, communication.

Медиареальность и категориально-понятийный аппарат ее изучения нестабильны, но и сама реальность и ее взаимоотношения с реальностью медиа постоянно меняются. Реальность постепенно становится гиперреалистичной, ее «события, история, культура представляют понятия, которые выработаны не на основе противоречивого реального опыта, а производятся как артефакты на основе элементов кода и технической манипуляции медиума» [Бодрийяр 2006, с. 164]. Отчуждаясь от собственного опыта, индивид все глубже погружается в виртуальные миры с многообразием денотатов, размытыми границами значений символов и знаков и смыслами, транслируемыми в сознание индивида в быстром и сверхбыстром времени. И в данном контексте медиареальность может пониматься как тип виртуальной реальности, средства массовой информации – способом познания дискретной природы медиареальности.

В процессе своего развития человек создал собственную, отличную от естественной среды обитания (первой природы) искусственную среду (вторую природу), тем самым значительно расширив собственную экологическую нишу. На данном этапе колонизация естественной среды затруднена множеством факторов, что провоцирует человечество на уплотнение искусственной среды и колонизацию виртуальной среды. Подобно тому, как человек в свое время заменил естественную среду искусственной, сегодня он заменяет социокультурную реальность виртуальной. Медиареальность как тип виртуальной реальности, усложняющийся по мере развития общества, играет одну из ключевых ролей в данном процессе.

Термин «медиареальность» (медийная реальность) появился в научных трудах относительно недавно, как и исследования, в которых коммуникация рассматривается как самостоятельный объект изучения, впоследствии обособившиеся в отдельные научные области. Данное понятие носит междисциплинарный характер и имеет целый

ряд дефиниций в зависимости от акцентов и фокуса, подобранного в соответствии с целями и задачами работы.

В своих трудах Н. Луман отмечает амбивалентность природы медиареальности: с одной стороны, производимые медиа операции относятся к действиям, происходящим в реальности и объективны по своей сути; с другой стороны, в ходе данных операций производятся и транслируются смыслы, не способные объективно передать суть заложенного в них явления. Исследователи указывают на то, что медиасреда становится своеобразной «третьей природой» индивида [Панферова, Зверева 2009, с. 9].

Таким образом, медиареальность – это социокультурный феномен, представляющий собой искусственно созданную реальность, стремящуюся подменить собой первичную реальность и приобрести онтологический статус; усложняющийся по мере развития медиакультуры тип виртуальной реальности, в пространстве которой осуществляются создание, трансляция и оборот как первичных (репрезентация непосредственно объектов социокультурной действительности), так и вторичных («образ, построенный на основе образа»), идеализированных медийных образов, частично либо полностью теряющих смысл первообраза и приобретающих – в зависимости от степени искажения в процессе коммуникации – собственный основной либо дополнительный смысл. Медиареальность формируется в медиaprостранстве (медиафере) – знаково-символической информационно-коммуникационной среде взаимодействующих между собой и транслируемых вовне медиа (медиаумов) как внешних расширений человека.

В культуре постмодерна реальность носит информационно-технологический характер, особое значение в ней приобретают информационные и технические (в особенности – электронные) средства. Универсальный мир модерна сменяется фрагментарным миром постмодерна, единый Проект – множеством проектов (по З. Бауману), целостное сознание – клиповым, дихотомия реальности углубляется, вследствие чего социальное расщепляется на актуальное (действительное) и виртуальное (символическое). При этом тенденции фрагментарности сопутствует также тенденция смешивания: многие культурные бинарные оппозиции перестают быть взаимоисключающими, среди них – оппозиция «вещь – знак», стирание границ в которой позволяет говорить об онтологическом статусе медиареальности.

Информационно-технотронный формат цивилизации постулирует собственный бытийный базис, иные формы социализации индивида, постоянную символическую модификацию неорганического тела человека, закрепление медиасреды как «третьей природы» [Агошков 2010, с. 109]. Можно сказать, что в современном мире медиа (в частности – новые медиа) способствовали расширению человеческих чувств вовне и имплозии коммуникации.

Медиареальность является феноменом социальной реальности, но в то же время стремится подменить ее собою. Медиареальность тотальна и всеобща. Границы предметного поля медиареальности сложно определить; как говорил М. Маклюэн, «медиа есть сообщение» – и этот тезис наиболее четко характеризует потенциал и параметры реальности медиа, ставшей на сегодня основным пространством функционирования реальности. Она имеет непосредственное отношение ко многим феноменам современного мира, например, к клиповому мышлению, информационному шуму, медиаментальности.

Сегодня сложно не согласиться с тем, что медиа все глубже проникают в жизнь индивида, в некотором роде и становясь его жизнью; если изначально медиа были лишь неммым посредником, доставщиком информации до реципиента, то сейчас они окружают индивида и в конечном счете поглощают его. Реальность массмедиа, функционирующая параллельно реальной действительности, является обособлением, порожденным

последней. Если социокультурная реальность является объективной данностью, то медиареальность «является результатом превращения представлений медийного сообщества о социальной реальности в устойчивые и повторяющиеся репрезентации социального мира» [Красикова 2014, с. 50].

Таким образом, медиареальность выступает субстанциональной основой мира, что влечет за собой денатурализацию реальности [Щеглов 2013, с. 102]. Медиареальность можно противопоставить объективной действительности в точке бифуркации с последующим разделением на бинарные оппозиции «объективный – необъективный», «реальный – идеальный», «объективная социокультурная реальность – медиареальность», при этом существование медиареальности объективно как феномена константной реальности, в отличие от ее информационно-коммуникационного пространства.

Если вначале медиа были лишь инструментом, незаинтересованным посредником, задача которого заключалась в передаче и распространении смыслов, то со временем медиа становятся онтологическим условием существования человека, т.е. медийная информация перестает быть формой отражения бытия, но сама становится бытием.

Исследователь В.И. Игнатьев отмечает, что в эпоху примата информации речь происходит видоизменение социального действия, возникает процесс тотального коммуницирования («коммуницирование ради коммуникации» как основной закон информационного социума) [Игнатьев 2016, с. 26-27]. Можно предположить, что, в силу экспоненциального развития человеческой цивилизации и конкретно – научно-исследовательской области, подобные повороты будут происходить все чаще, и движутся они по направлению к главному (по крайней мере, именно так обозначенному на данный момент) экстремуму бытия – информации, что справедливо не только для философии либо общественных наук, но и для сферы естественно-технического знания («информационный парадокс Хокинга», атрибутивная концепция информации).

Подобно тому, как древний человек чувственно-интуитивно постигал мир через некие символы, современный человек постигает мир через информацию как некую минимальную величину бытия, его единицу измерения. И на данном этапе одну из ключевых ролей в формировании подобных представлений в общественных науках и философии играют новые медиа. Последовательный переход примата от телевизионной медиареальности к медиареальности цифровой диктует необходимость переосмысления данного феномена в контексте последней научно-технической революции.

Список литературы:

1. Агошков 2010 – *Агошков А.В.* Какой тип культуры складывается в современной России?: материалы круглого стола // Вопросы культурологии. М., 2010. № 8. С. 102-116.
2. Бодрийяр 2006 – *Бодрийяр Ж.* Общество потребления: Его мифы и структуры. М., 2006. 364 с.
3. Игнатьев 2016 – *Игнатьев В.И.* Информационный разрыв социальной системы и «квантовые призраки» социума // Идеи и идеалы. Новосибирск, 2016. Т. 1. № 2(28). С. 23-34.
4. Красикова 2014 – *Красикова Т.Р.* Вербальный аспект конструирования социально значимых событий в медиатекстах // Современный дискурс-анализ. Белгород, 2014. № 2(11). С. 50-58.
5. Панферова, Зверева 2009 – *Панферова В.В., Зверева Ю.И.* Медиафилософия: проблемное поле исследования // Медиафилософия II. Границы дисциплины. СПб, 2009. С. 8-19.

6. Щеглов 2013 – *Щеглов Д.С.* Трансформация бытия человека в медиакультурном пространстве // Омский научный вестник. Омск, 2013. № 3(119). С. 100-117.

УДК 165

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ В ЭПОХУ НАТИВНОЙ РЕКЛАМЫ (НАТИВНОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ)

Фоменков Артём Александрович

Доктор исторических наук, доцент

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

E-mail: artjom2310@inbox.ru

В статье анализируются особенности нативной рекламы. Выявлено, что нативная реклама в целом не является совершенно новым феноменом, но имела место и в прошлом. Определено, какой именно способ подачи материала наиболее эффективен в нативной рекламе. Приведены данные о росте затрат на нативную рекламу в мире. Указаны отдельные аспекты, связанные с недостаточной эффективностью нативной рекламы.

Ключевые слова: нативная реклама, особенности, преимущества, платформы.

THE PROBLEM OF TRUST IN THE ERA OF NATIVE ADVERTISING (NATIVE MANIPULATION)

Fomenkov Artyom Aleksandrovich

PhD DSc in History, Associate Professor

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: artjom2310@inbox.ru

The article analyzes the features of native advertising. It is revealed that native advertising in general is not a completely new phenomenon, but it has taken place in the past. It is determined which method of presenting the material is most effective in native advertising. The data on the growth of costs for native advertising in the world are presented. Some aspects related to the insufficient effectiveness of native advertising are pointed out.

Keywords: native advertising, features, advantages, platforms.

В последние 10 лет в мире – и в России в том числе – происходят изменения в формате подачи рекламы. Все более востребованной становится т.н. «нативная» или «естественная» реклама. Таковая представляет собой рекламу «...в виде публикации, видео, текста, инфографики, которая гармонично вливается в оформление страницы, создает впечатление информационного материала, и связана с контентом сайта. Она не выделяется по форме среди других материалов, соответствует им, не вызывает ощущения чего-то чужого на странице» [Кузнецова 2019, с. 20]. Во многом важность нативной рекламы в современных реалиях связана «...с наступлением так называемой эры “контент-шока” – периода, для которого характерно перенасыщение информацией, поступающей к реципиентам из различных источников при сохранении прежнего объема ее потребления» [Ковалева 2018, с. 56]. Т.е. информации слишком много – виной тому постоянное использование людьми интернета, особенно социальных сетей. Воспринимать же большой объем информации люди в массе своей не умеют.

Как следствие, они мало восприимчивы к традиционным рекламным сообщениям, включая баннерную рекламу.

В принципе следует признать, что сама по себе нативная реклама не является явлением исключительно новым. Так, «еще в 1880-е гг. появились первые предпосылки возникновения нативной рекламы. Удачный пример такой рекламы – публикации в журнале *The Furrow*, которые принадлежали основателю компании *Deer & Company* – Джону Диру. Он публиковал статьи, которые были посвящены теме сельского хозяйства, где давал фермерам хорошие советы. Около текста он размещал рекламные блоки, посвященные товарам, которые выпускала его же компания, тем самым вызывая в подсознании у читателей определенные образы идеальной техники, которую он производил» [Кузнецова 2019, с. 20]. Другим ярким примером естественной рекламы можно признать статьи в американских газетах в 1915 г. В них речь шла об автомобиле класса люкс марки «*Cadillac*». «...Речь шла о лидерстве, но в ней ни разу напрямую не упоминались название бренда и выпускаемая им продукция, а о рекламной природе опубликованного материала говорил только размещенный над статьей фирменный логотип автомобильной компании» [Ковалева 2018, с. 56]. В какой-то мере уместно утверждать, что т.н. «джинса» (скрытая реклама в СМИ) также являлась своего рода естественной рекламой.

В современных реалиях выделяются две категории нативной рекламы. Первую составляет т.н. «нативный контент». Сюда входят брендированный и спонсорский контент, а также адевториалы. Вторая категория именуется «нативный формат». Он включает в себя оплаченные посты и рекламу в новостных лентах социальных медиа.

Основными критериями, которым должен отвечать нативный контент, являются следующие: увлекательность изложения, доступный для массового читателя слог, знание материала. По сути, вместо сообщения по принципу: «Наши товары лучшие, покупайте товары только нашей фирмы» – читателю предлагается небольшой рассказ (текст не должен быть слишком большим по объему, иначе его могут просто не дочитывать до конца!), в котором как бы невзначай упоминаются наиболее значимые характеристики, присущие тому или иному бренду. Подчеркнем: сам автор не должен быть связан у читателя непосредственно с этим брендом. Например: вместо сухого изложения характеристик автомобиля, например «*Suzuki*», читателю предлагается рассказ от бывшего автолюбителя (анонимного!), который сменил за свою жизнь более 10 машин, но последние 7 лет ездит исключительно на «*Suzuki*», причем всем доволен, в то время как раньше у него возникали проблемы, порою в самый неподходящий момент. Плюс, естественно, несколько важных характеристик его нынешнего автомобиля также должны быть включены в текст рассказа. Другой возможный вариант – рассказ о любовных историях в жизни автора, в которых так или иначе большую роль сыграл автомобиль. Разумеется, пишется таковой вовсе не для описания забавных приключений в студенческой молодости на отцовском ВАЗ-2101, однако градус доверия у читателей именно такое начало может поднять. Самая же важная информация о рекламируемом авто и положительном отношении к таковому знакомых автора женского пола будет в конце рассказа. Естественно, что упоминание о принадлежности автора такого рода повествований к работе в автосалоне и т.п. подорвет доверие у читателей. Несколько сложнее, если такого рода контент выкладывается на своем аккаунте в соцсети популярным блогером, поскольку существенная часть читателей верит, что блогеры именно занимаются рекламой, а не делятся своими истинными мнениями, впечатлениями и т.д. [Фахрутдинова, Хмелькова 2019а, с. 39].

В настоящее время имеется масса платформ для нативной рекламы. В русскоязычном сегменте это прежде всего *Yandex Zen*, *Lifehackera*, также российские

информационные площадки, такие как: Lenta.ru, Хабрахабр, Cossa.ru, Sports.ru, «Meduza», Relap.io [Кузнецова 2019, с. 21; Швяков 2017, с. 177]. Из англоязычных компаний заслуживает упоминания прежде всего CNN International Commercial (CNNIC), созданная более 10 лет назад [Laurson 2017, p. 16].

Эффективность именно нативной рекламы отмечают во всем мире. Так, «по данным журнала eMarketer, в 2018 году только американские компании потратили на нативную рекламу 32 млрд. долларов – на 30 % больше, чем в 2017 году. Исследование компании ION Interactive показывает, что более половины брендов со всего мира уже используют нативную рекламу и отмечают ее эффективность. По данным проведенного компанией опроса, узнаваемость бренда растет в среднем на 82 %, а просматривают такую рекламу на 53 % чаще, чем обычные баннеры. Данные этого отчета говорят о том, что нативная реклама будет занимать 56 % всего европейского рынка медийной рекламы» [Анисимов, Горошко 2018, с. 411]. Упомянем также, что уже 4 года назад 54% всех рекламных доходов CNN International приходились на сделки, которые включали фирменный контент, однозначно являющийся естественной рекламой [Laurson 2017, p. 16].

Нельзя также не отметить, что около половины (48 %) аудитории склонны доверять нативной рекламе и совершать покупки под ее влиянием [Фахрутдинова, Хмелькова 2019а, с. 43]. Нельзя также не отметить, что нативная реклама особенно важна для людей, родившихся между 1980-м и 2000-м гг., поскольку многие из них ставят на своих компьютерах и т.п. блокировку рекламы, в связи с чем именно нативный контент является едва ли не единственным каналом маркетинговых коммуникаций, позволяющим донести до них информацию о продукте [Фахрутдинова, Хмелькова 2019б, с. 673].

Таким образом, нативная реклама не призвана призывать аудиторию к каким-либо действиям, но формирует положительное отношение к бренду. Реклама отныне становится контентом, а контент – рекламой. Необходимые шаги – прежде всего покупки – пользователь рекламы сделает уже самостоятельно, благо информацию о возможностях приобретения товара он в состоянии найти сам с помощью всемирной паутины. Рост именно нативной рекламы будет иметь тенденцию к увеличению, в том числе и в России. Означенные обстоятельства связаны в первую очередь с уровнем доверия россиян к рекламе в современную эпоху.

Список литературы

1. Анисимов, Горошко 2018 – *Анисимов В.Е., Горошко Е.И.* Нативная реклама как инструмент digital-коммуникации бренда // Медиалингвистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 409-423.
2. Ковалева 2018 – *Ковалева Е.В.* Нативная реклама как эффективный способ продвижения брендов // Рекламный вектор-2018: время инноваций. Сборник материалов XII научно-практической конференции. 2018. С. 56-57.
3. Кузнецова 2019 – *Кузнецова Е.Н.* Нативная реклама, как новый формат эффективной рекламы // Аллея науки. 2019. Т. 3. № 1(28). С. 19-22.
4. Фахрутдинова, Хмелькова 2019а – *Фахрутдинова А.Р., Хмелькова Н.В.* Нативная реклама как перспективный формат цифрового маркетинга: теоретические аспекты и эмпирические исследования // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 1(24). С. 38-46.
5. Фахрутдинова, Хмелькова 2019б – *Фахрутдинова А.Р., Хмелькова Н.В.* Нативная реклама как форма маркетинговых коммуникаций в цифровой среде // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире.

- Материалы XXI российской научно-практической конференции (с международным участием). 2019. С. 670-674.
6. Швяков 2017 – *Швяков А.М.* Тенденции развития интернет-рекламы: нативная реклама // Актуальные проблемы теории и практики психологии и социологии. Тезисы III Всероссийской студенческой научно-практической конференции. 2017. С. 177-181.
7. Laursen 2017 – *Laursen J.* Native Advertising Trends in News Media. Native Advertising Institute. December 2017. 42 p.

УДК 111

ТЕХНОЛОГИИ ПОДЛИННОСТИ В КОММУНИКАТИВНЫХ АТАКАХ ВИРТУАЛЬНОГО СУБЪЕКТА НА СОЦИАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Фортуатов Антон Николаевич

*Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
социально-политических коммуникаций
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия
E-mail: anfort1@yandex.ru*

Виртуальная субъектность – понятие, которое еще требует осмысления и освоения. Традиция воспринимать виртуальные образы как продолжения, пусть порой и извращенные, действий реальных людей приводит к неразрешимым противоречиям. Одно из них – увеличение пропасти между социальной и виртуальной этикой. Феномен подлинности в социальном и виртуальном мирах становится инструментом легитимации флэш-онтологии, случайных, ситуативных проявлений субъектности, зависящих от комбинаций технологических инструментов, примененных или предъявленных в данный момент. Виртуальный субъект становится агрессивным участником социальных процессов, экстраполируя на них обезличенную логику цифровой коммуникации.

Технологическая сущность виртуальной этики проявляет себя в ее графичности, визуальной, плоскостной предъявленности. 3D-технологии не только не обеспечивают прозрачность презентации виртуального субъекта, но, наоборот, лишь еще больше размывают мнимую подлинность, поскольку изощренные технологии, выступая в виде маклюэнского «месседжа», изначально ориентированы на возможность манипуляции любыми проявлениями присутствия субъекта.

Этим объясняется агрессивная сущность виртуального субъекта, созданного за счет эмансипировавшихся от человека технологий, но при этом не могущего преодолеть их ограничения. Безапелляционность, однозначность интенций виртуального субъекта являются следствием его сконструированности, технологической обработки, которая, в свою очередь, и выступает в виде навязанного обществу индикатора «подлинности».

Ключевые слова: виртуальный субъект, подлинность, коммуникативные технологии, медиа.

TECHNOLOGIES OF AUTHENTICITY IN COMMUNICATIVE ATTACKS OF A VIRTUAL SUBJECT ON SOCIAL REALITY

Fortunatov Anton Nikolaevich

*PhD DSc, Professor, Head of the Department of Social and Political Communications
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia
E-mail: anfort1@yandex.ru*

The virtual subjectivity is a concept that still requires comprehension and development. The tradition of perceiving virtual images as a continuation, albeit sometimes perverse, of the actions of real people leads to insoluble contradictions. One of them is the widening of the gap between social and virtual ethics. The phenomenon of authenticity in the social and virtual worlds becomes a tool for legitimizing flash ontology, random, situational manifestations of subjectivity, depending on the combinations of technological tools applied or presented at the moment. The virtual subject becomes an aggressive participant in social processes, extrapolating to them the impersonal logic of digital communication.

The technological essence of virtual ethics manifests itself in its graphic, visual, planar presentation. 3D technologies not only fail to provide transparency in the presentation of a virtual subject, but on the contrary only further erode the imaginary authenticity, since sophisticated technologies, acting in the form of McLuen's "message", are initially focused on the possibility of manipulating any manifestations of the subject's presence.

This explains the aggressive essence of the virtual subject, created by technologies emancipated from humans, but at the same time unable to overcome their limitations. The categorical, unambiguous intentions of the virtual subject are a consequence of its construction, technological processing, which, in turn, acts as an indicator of "authenticity" imposed on society.

Keywords: virtual subject, authenticity, communication technologies, media.

Игра с подлинностью становится едва ли не одним из самых очевидных самопроявлений коммуникативной реальности. Коммуникативная подлинность вырастает на доказательствах и субъектной аргументации, однако аргументированность доводов подменяется очевидностью картинки, что парадоксальным образом ведет к микшированию присутствия, к опустошению коммуникативного субъекта. Экзистенциальный ракурс освоения подлинности, которая «узнается по остроте переживания и неизбежности поступка», которая «не существует в виде декларации о намерениях» [Сидорова 2010, с. 70], дает возможность утверждать человекообразность феномена подлинности при одновременном его выходе за пределы сугубо антропологических критериев. Как пишет Н.А. Касавина, посредством переживаний тоски, беспокойства, тревоги (как осознания потенциальности бытия) человек в состоянии прийти к «возможностям собственного бытия», которые и являются «ключом к подлинности», а она, в отличие от тревоги и страха, не приходит сама – ее «нужно устанавливать» [Касавина 2013, с. 159].

Современные коммуникативные «технологии подлинности» целенаправленно эксплуатируют идеальную ее компоненту, перенося ее в механизмы «доставки» индикаторов подлинности соответствующему ее «потребителю». Потребление идеала и есть деонтологизирующая сущность информационного технологизма. Механизмы медийной суггестии поставили себе на службу «языковые экзистенциалы» [Жорякина 2014, с. 41], превратив их в надежные инструменты подавления сознания. Однако поставленные на поток, эти чувства постепенно притупляют остроту переживания личностью бытийных проблем, становятся медийно обеспеченной рутинной. Поэтому медиа начинают использовать все более и более сильные средства воздействия, которые тоже в процессе их использования аннигилируются.

В результате субъектность в хайдеггеровском смысле замещается представленностью – извращенным *Vorhandenen*, которое теперь является не отражением внутреннего усилия, а всего лишь результатом ситуативной технологической уловки или способности предугадать дальнейшие комбинации коммуникативной мозаики (реальности). Налицо изначальное размытие субъектной сущности, в котором возникают сразу два значимых источника информации – сам как-бы-субъект и медиум, представляющий его в определенном ракурсе, говорящий от его имени, обеспечивающий его присутствие. Нечеткость, размытость картинки, взаимное затемнение этих феноменов становятся метафорой визуализации субъектного медийного

пространства, в котором глаз наблюдателя, постепенно уставая следить за перемещающимися акцентами смыслов между представленными отражениями, перестает видеть четко то, что еще недавно представлялось абсолютно ясным. Детоталитаризация субъектности в медийной реальности оборачивается также и опустошенностью, размытостью, усталостью воспринимающего сознания или аудитории, которая уже не просто ничего не видит, а, скорее, не хочет ничего видеть – ведь шизофреническое освоение раздвоенных смыслов никаких результатов не приносит, разве что постоянную готовность менять свое мнение, отказываться от самого себя, т.е. надрывную добровольную автодесубъективацию.

Добавим, что бинарностью постсубъектных интеракций в медиареальности дело не ограничивается. На авансцену выступают технологии, которые эмансипировались как от производящего информацию субъекта (это произошло уже давно и стало банальностью), так и от самого медиума (а вот это явление еще недостаточно отрефлектировано). Так, современные приложения к смартфонам предлагают возможность искажения мимики человека, говорящего на экране, и вложения в его уста в буквальном смысле слов, которые он не произносил. Или другой незамысловатый сервис предлагает «стереть» образ какого-нибудь человека на фотографии, «растянув» на его месте фон, который сопровождал исходный снимок. Фантомность такого «субъекта», растворившегося (где? в технологиях?), перетекает в фантомность медиума, переставшего быть техническим оплотом истины, и, соответственно, порождает фантомность воспринимающего сознания, да и всей коммуникативной реальности. При этом технология тоже размыта: ее присутствие в коммуникативном акте не акцентировано, в противном случае она бы превратилась в самоцель – как стирание защитного слоя у лотерейных билетов, которое самоценно в самом процессе, поскольку почти наверняка выигрыша не будет, стало быть, и аннигиляция фигур на фотографиях могла бы выродиться в какой-нибудь странный социальный перформанс.

Но визуальными технологиями дело не ограничивается, и сегодня на социальную авансцену выходят технологии формирования реального субъекта. Большие данные и искусственный интеллект в буквальном смысле становятся новыми инструментами кибертейлоризма. Например, алгоритмы американской корпорации Cogito анализируют речь сотрудников, поощряют их вовлеченность в разговор с клиентами или, наоборот, бьют тревогу, если сотрудник говорит слишком быстро или одновременно с клиентом либо молчит. Анализируются голос, мимика, физиологические реакции, которые позволяют работодателям буквально ежесекундно контролировать и корректировать социальное поведение сотрудника [Жданов 2021, с. 309].

Отсюда следует, что и технологии не замыкают собой круг участников коммуникативного процесса. В дело вступает еще одна фантомная сущность – виртуальный субъект, живущий по собственным законам и агрессивно противопоставляющий онтологию и виртуальность. Блоги, ведущиеся от имени, скажем, «знаменитой черепашки» из зоопарка или Пизанской башни, собирают тысячи читателей и последователей (фолловеров), которые самим фактом своего интереса к этим сообщениям легитимизируют отрицание фундаментальных пространственно-временных категорий, на смену которым приходит флэш-онтология, вспышки чувственно-эмоциональных озарений (сопряжений), которые, собственно, и составляют сущность подвижной, прихотливо меняющейся коммуникативной реальности, которая, в частности, в ситуации пост- или квази-отражения транслирует и материализует уже в социальной реальности самые немислимые сущности.

Пространство и время превращаются в обременения для виртуальности, что имплицитно подразумевает технологически обусловленную необходимость их преодоления. Населяющие современное коммуникативное пространство фрики,

монстры, трансформеры и эмоционально говорящие механизмы вполне отчетливо иллюстрируют этот сдвиг (подобные фигуры – не просто плод большого воображения, а, скорее, следствие трансформации пространственно-временных координат, прежде определявших антропологические критерии подлинности субъекта).

Коммуникативная псевдоонтология очень графична: это схематизм, сопряженный с презентационной, визуально-броской стороной явления. Прорастание из пиксельного хаоса, оплотнение (не материализация!), обретение графических контуров, которые по сути своей и являются каркасами бытия – вот, собственно, процесс разворачивания, вернее – представления (*Vorhandlung*) перед виртуальной аудиторией того, что могло бы быть виртуальным субъектом, но так и осталось смещением линий, пятен и недосказанных/недодуманных смыслов. Технически совершенная 3D-коммуникация, призванная, на первый взгляд, лишь усилить эффект присутствия, на самом деле оперирует еще более размытыми визуальными понятиями, поскольку недостоверность присутствия заложена в коммуникативные интеракции изначально. В результате 3D-присутствие – это самоотжествление виртуального субъекта, его легитимация в собственных представлениях (устремлениях в отношении социальной реальности) и проявление чего-то большего, того самого маклюэнского «месседжа», кроющегося уже не в «медиауме», не в «средстве коммуникации», поскольку оно уже абсолютно опосредовано, а в невозможности обеспечить подлинность, можно сказать, в технологиях стимулирования экзистенциального беспокойства, поддерживающих размытость субъекта и медийного его отражения.

Безграничные технологические приемы деонтологизации социального бытия и одновременная беспомощность в легитимации собственной подлинности, самооценности – это и есть источник нарастающей агрессии виртуального субъекта. Аффектированность присутствия, императивность поведения виртуального субъекта в отношении социальной реальности – следствия этого процесса. В виртуальном пространстве нет ничего случайного. Неосторожно оброненная мысль, неудачная фотография становятся фактами биографии реального человека, даже если они в принципе не отражают его настроений, воспитания, культуры. В виртуальном пространстве нет прошлого: любой случай публикации в сети является актуальным событием, даже если в «беспомощной реальности» на него звучали (слабые и невнятные) опровержения. Безапелляционность, однозначность интенций виртуального субъекта являются следствием его сконструированности, технологической обработки, которая, в свою очередь, и выступает в виде навязанного обществу индикатора «подлинности». Технологизм виртуального субъекта побеждает онтологизм субъекта социального.

Отсюда возникают процессы «обратной виртуализации», когда социальный мир начинает подстраиваться под тренды и веления сетевого пространства. «Поощрениями» таким процессам служат внимание армии фолловеров и многочисленные репосты, появления в различных интерпретациях исходного объекта, развитие которого в новом для него виртуальном мире все меньше зависит от его воли и усилий, а отдано на откуп технологиям и прихотливому остроумию античеловечески, антигуманно настроенных пользователей. За их спинами находится и новый класс кибердейтократии, цифровой элиты, чья власть основывается на глубоком понимании и владении информационными технологиями. Однако технологии «больших данных» делают процесс управления все более демократичным, поскольку диалог продвинутого пользователя с кибермашиной по поводу третьего лица (объекта, явления) не может не вести к компромиссному, консенсусному стилю, постепенно отрицающему элитарность как непредставленность, недоступность в реальной жизни. Так, использование технологий «больших данных» в предвыборной кампании Д. Трампа позволило ему таргетировать свои идеи в конкретные социальные слои американского общества, но именно кибербезопасность,

киберполитика этой администрации стали ее ахиллесовой пятой, поскольку Трамп пал жертвой обвинения в сотрудничестве с русскими хакерами, якобы повлиявшими на исход выборов. Другими словами, «виртуальный» Трамп оказался более эффективным и целеустремленным, чем Трамп «реальный», выступивший мишенью для им же отработанных кибератак.

Таким образом, виртуальные субъекты, персонажи, которые работают в своем специфическом пространстве, создают и виртуальные законы. Одним из свойств этих законов является то, что (реальные) массы не задумываются о механизмах принятия решений, о причинах возникновения тех или иных ситуаций. Они должны воспринимать их как должное здесь и сейчас, не концентрируя внимания на их корнях, истоках и последствиях. Ощущение социально-политической ситуации как спонтанного наброска, картинка, случайного комикса, возникшего по прихотливой воле неведомого художника, это и есть одно из последствий кибердейтократии.

Отсюда непознаваемость медийной и киберподлинности. Познаваемость бытия обеспечивает присутствие человека в нем. Однако медийная познаваемость как раз основана на отрицании присутствия, на замене его созерцанием, отстраненным и равнодушным. Безэмоциональность медийного созерцания есть фундамент для уничтожения подлинности зрителя, человека, находящегося «по эту сторону» экрана телевизора или монитора. Медийная подлинность – это подлинность неучастия человека, его десубъективация как иллюзия спасения от бытийных проблем. Тень субъекта становится «спасенным» субъектом – от самого себя и от мира, который представляется ужасным и грубым в медийной интерпретации.

Эта «устраненная реальность» причудливым образом коррелирует с идеей «сверхмирного, сверхобъективного бытия» С.Л. Франка, которое не является «пассивной действительностью», которая «извне» предстает человеческой мысли, а является «непосредственной», «для себя самой сущей и себе самой открывающейся» жизнью. Разница лишь в том, что это уже не «почва, в которой мы укоренены и из которой мы произрастаем», а медийно сконструированная фикция, аргумент в случайном споре, спонтанная сущность, неуловимо меняющая свои очертания.

Список литературы

1. Жданов 2021 – *Жданов С.* Мой работодатель – искусственный интеллект: как слежка и сбор данных превращают работников в рабов // Конец привычного мира. Путеводитель журнала «Нож» по новой этике, новым отношениям и новой справедливости. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. С. 300-314.
2. Касавина 2013 – *Касавина Н.А.* По направлению к подлинности человеческого бытия (об экзистенциальной динамике в психологии) // Эпистемология и философия науки. 2013, Т. XXVIII, № 4. С. 154-162.
3. Корякина 2014 – *Корякина А.П.* Проблема подлинности: от экзистенциализма к медиафилософии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 5. С. 40-46.
4. Сидорова 2010 – *Сидорова Н.М.* Философия и поэзия в поисках утраченной подлинности // Философия и общество, № 4, октябрь – декабрь 2010. С. 69-73.

ОБРАЗОВАНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Щавелева Марина Борисовна

Кандидат исторических наук, доцент

Национальный исследовательский Нижегородский государственный

университет им. Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

E-mail: for-shaveleva@yandex.ru

Вступление России в постиндустриальную эпоху вызвало большие изменения в системе массовой коммуникации. Изменения затронули и сферу образования, потребовав в спешном порядке ее перестройки в соответствии с вызовами времени. Произошедшие изменения вызвали неоднозначную реакцию в обществе, породили дискуссию о пользе и вреде цифровизации, ее последствиях, о перспективах образования вообще. Переход образовательных учреждений к дистанционным технологиям вызвал определенные страхи и опасения, связанные с тенденциями развития образования, которые можно свести к следующему: дистанционные и цифровые технологии полностью вытеснят традиционные формы образования, что приведет к изменению самой парадигмы образования и роли педагога в нем, снижению качества и уровня знаний учащихся, сокращению числа педагогических работников и другим негативным последствиям. Электронные технологии обладают целым рядом очевидных преимуществ: удобство использования, доступность для людей с особенностями развития, возможность объективного контроля и самоконтроля, доступ к виртуальным образовательным ресурсам и платформам. Вместе с тем цифровизация создает целый ряд проблем, вызывающих беспокойство и требующих своего решения: отсутствие у большинства педагогов опыта работы и использования цифровых технологий, несовершенство многих онлайн-ресурсов и недостаточная техническая оснащенность образовательных организаций. Цифровизация – реальность, к которой необходимо адаптироваться, максимально используя ее преимущества и минимизируя недостатки.

Ключевые слова: постиндустриальная эпоха, коммуникация, цифровые технологии, трансформация образования, преимущества и недостатки.

EDUCATION IN THE SPACE OF DIGITAL COMMUNICATION: TRENDS AND CONTRADICTIONS

Shchaveleva Marina Borisovna

PhD in History, Associate Professor

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: for-shaveleva@yandex.ru

The Russian entry to the postindustrial epoch has caused great changes in the system of mass communication. The changes concerned the sphere of education as well requiring its rapid restructuring according to the challenges of time. The occurred changes provoked an ambiguous reaction in society and caused the discussion about the advantages and disadvantages of digitalization, its consequences and the perspectives of education in general. The transition of educational institutes to distance learning technologies provoked certain fears and concerns connected with the tendencies of education development which can be defined as the following: distance and digital technologies will completely replace traditional forms of education which will lead to the change in the educational paradigm itself and the role of teacher in it, to the decrease of quality and level of students' knowledge, to the reduction in the number of teachers and to some other negative consequences. Electronic technologies possess several evident advantages: convenient use, access for people with special developmental needs, a possibility of objective control and self-control, access to educational resources and platforms. At the same time

digitalization poses a range of problems that cause concerns and need their solutions: the lack of experience of working and using digital technologies among teachers, flaws of many online resources and not sufficient technical capacity of educational organizations. Digitalization is reality which we need to adapt to, using its advantages as much as possible and minimizing its drawbacks.

Keywords: post-industrial epoch, communication, digital technologies, education transformation, advantages and disadvantages.

В XXI в. произошло немало изменений в системе массовой коммуникации, Россия вступила в постиндустриальную эпоху и переживает информационную революцию.

Поскольку сознательная коммуникация – одна из основных характеристик человека, изменения в ней воздействуют на все сферы человеческой жизни. «Коммуникативное пространство включают как межличностную, так и опосредованную коммуникацию. Именно опосредованная коммуникация создает символическую среду, в которой люди воспринимают, обрабатывают и посылают сигналы, формирующие смыслы их жизни» [Кастельс 2017, с. 9].

Появление коммуникационных технологий, основанных на микроэлектронике, вызвало подъем новых коммуникационных практик. Последствия этих изменений сложно переоценить. Цифровые технологии уже влияют на многие сферы человеческой жизни и деятельности.

2020 г. запомнится не только пандемией, локдауном и экономическим спадом, но и глобальной цифровой трансформацией в сфере коммуникаций. Язык чутко реагирует на все изменения, происходящие в обществе. На бытовом уровне это нашло отражение в новых словах, прочно вошедших в нашу речь и ставших уже привычными – *социальная дистанция, самоизоляция, дистант*. Это далеко не полный перечень всех изменений.

Изменения затронули и сферу образования, потребовав в спешном порядке создания новых образовательных продуктов, внедрения цифровых дистанционных технологий, новых методов и форм организации образовательного процесса, новых способов оценивания результатов и достижений. Произошедшие изменения вызвали неоднозначную реакцию в обществе, породили дискуссию о пользе и вреде цифровизации, ее последствиях, о перспективах образования вообще.

Переход образовательных учреждений к дистанционным технологиям вызвал определенные страхи и опасения, связанные с перспективами развития образования. Эти опасения можно свести к следующему: дистанционные и цифровые технологии полностью вытеснят традиционные формы образования, что приведет к изменению самой парадигмы образования и роли педагога в нем, снижению качества образования, уровня знаний учащихся, сокращению числа педагогических работников и другим негативным последствиям.

Не впадая в крайности от резко негативных до восторженно позитивных оценок цифровых изменений, попытаемся выделить основные тенденции и противоречия данного процесса.

Мы живем в быстроменяющемся, непредсказуемом мире. Внешняя среда постоянно бросает все новые и новые вызовы, требуя кардинальной перестройки всех сфер жизни. Следует отметить, что система образования мало изменилась за последние 150 лет. Устаревшая классно-урочная система, традиционный на протяжении многих лет набор изучаемых предметов, образовательных программ и методик давно не отвечают вызовам времени. Информационная экономика (постиндустриальная эпоха) предъявляет новые требования к образованию и диктует необходимость овладения новыми компетенциями: умением использовать информационные технологии, мыслить творчески (не по шаблону), постоянно повышать уровень знаний; умением гибко реагировать на вызовы времени. Федеральный государственный образовательный

стандарт уже поставил задачу формирования у каждого обучающегося «способности управлять собственным учением» [ФГОС 2020, с. 5-8].

Электронные технологии обладают целым рядом очевидных преимуществ:

- доступность – можно обучаться в любое удобное время, не отрываясь от основной деятельности;

- удобство – можно быстро обновлять контент и вносить изменения в используемые материалы, программы, методические пособия;

- учащиеся и педагоги получают возможность контролировать свое информационное пространство, доступ к виртуальным музеям, образовательным платформам и ресурсам;

- возможность самоконтроля полученных знаний и объективной оценки результатов обучения;

- цифровые технологии создают равные возможности для людей с особенностями развития.

Цифровые технологии (ЦТ) все глубже проникают в систему образования. Компьютеры уже давно и прочно вошли в нашу жизнь и способствовали повышению эффективности процесса обучения. За прошедшее время цифровые технологии качественно преобразились. «Сейчас любому владельцу смартфона доступны ресурсы, о которых не могли даже мечтать ученые прошлого» [Уваров 2018, с. 24].

Отрицать цифровизацию так же бессмысленно, как призывать отказаться от использования автомобильного транспорта и пересесть в конные экипажи. В ближайшей перспективе ее влияние будет только расти. Исследователи выделяют три возможных варианта проявления этого влияния:

- «сохранение существующей усредненной модели обучения, бюрократизированной системы управления образованием. Здесь ЦТ помогают вводить и соблюдать проводимые сверху решения, усиливать контроль, гарантировать однообразие образовательных материалов и методических решений» [Уваров и др. 2018, с. 40];

- применение современных ЦТ с целью компенсации низкой эффективности традиционных образовательных учреждений, создание благоприятных условий для дополнительного образования детей и подростков;

- превращение образовательного учреждения в культурный центр, место учебы на протяжении всей жизни. В данном случае ЦТ помогают преодолевать «формализм в обучении, поддерживать персонализированное обучение, постоянную заинтересованность учащихся и педагогов в результативности образовательной работы» [Уваров и др. 2018, с. 40].

Наиболее желательным представляется третий вариант, т.к. он может обеспечить развитие образования в условиях непредсказуемых изменений, которые происходят в экономике и обществе, позволит уменьшить возможные потери и эффективно преодолеть отрицательные тенденции. Это предполагает масштабное расширение границ аудиторной системы, переход к персонализировано-результативной организации образовательного процесса (ПРО).

Вместе с тем необходимо выделить целый ряд проблем, вызывающих беспокойство и требующих своего решения:

- у большинства педагогов (в большей степени это касается учителей средней школы старшего поколения) нет опыта и навыков работы в цифровом формате;

- многие современные онлайн-ресурсы и сервисы несовершенны, нет контента, которому можно было бы безоговорочно доверять;

- отсутствие в учебных заведениях технических средств, необходимых для онлайн-обучения.

Наибольшие опасения, связанные с цифровизацией, вызывает замена «живого» непосредственного общения на обезличенное электронно-дистанционное. Отчасти такие опасения оправданы. Образование – это не только передача информации от одного поколения к другому, но и непосредственный духовный контакт, обмен эмоциями, опытом, общение. Справедливости ради стоит заметить, что это «живое» общение порой бывает весьма драматичным и может наносить травмы. В данном случае многое зависит от личности педагога как субъекта общения. Да и так ли много времени у педагога на это «живое» непосредственное общение с учеником? Развитие образования тормозит не цифровая среда, а тот огромный объем бюрократической нагрузки, который ложится на педагогов, вынужденных заниматься бумажной работой, а не работой с учениками и студентами, тратить время и ресурсы на заполнение бесчисленных отчетов, планов, программ и т.п.

Любое явление нашего мира, в большей степени это относится к новациям, не стерильно. Озабоченность вызывают не цифровые технологии сами по себе, а то, в каком направлении они будут использоваться. Цифровизация – реальность, с которой придется смириться и к которой необходимо адаптироваться, активно используя ее преимущества, минимизируя недостатки.

Список литературы

1. Кастельс 2017 – *Кастельс М.* Власть коммуникации: учеб. пособие / М. Кастельс; пер. с англ. Н.М. Тылевич; пер. с англ. предисл. к изд. 2013 г. А.А. Архиповой; под науч. ред. А.И. Черных. 2-е изд., доп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 591 с.
2. Уваров 2018 – *Уваров А.Ю.* Пространственно-временные границы образовательного процесса и цифровые технологии // Наука и школа. 2018. № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvenno-vremennyye-granitsy-obrazovatel'nogo-protsessa-i-tsifrovyye-tehnologii/viewer>
3. Уваров и др. 2018 – Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / *А.Ю. Уваров, Э. Гейбл, И.В. Дворецкая* и др.; под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 343 с.
4. ФГОС 2020 – Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования // Режим доступа: https://synergy.ru/assets/upload/pdf/standart/FGOS_ooo_2020.pdf.

Часть 5. Эпистеме в науке и религии

УДК 111.1; 211.1

«МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ» РЕНЕ ДЕКАРТА: ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО БЫТИЯ БОГА

Воробьев Дмитрий Валерьевич

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии и общественных наук
Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина*

Ниžний Новгород, Россия

E-mail: phil30@mail.ru

В статье исследуется учение Рене Декарта о причине возникновения идеи Бога в сознании человека и его доказательство бытия Бога, известное как онтологическое. Декарт представляет собой наглядный пример того самого положения вещей, когда наука и теология соединились и мирно сосуществуют в лице одного человека. Свое доказательство бытия Бога Декарт выстраивает на невозможности принятия идеи Бога как совершеннейшего существа без принятия идеи Его существования. Идея Бога, согласно Декарту, является чисто врожденной идеей, т.е. такой, которая дана человеку с рождения и которую человек обнаруживает в себе самом. Причиной существования этой идеи в сознании человека является не человек, а сам Бог. Идея Бога в сознании человека подобна печати, которую ставит творец на свое творение. Она подобна печати, которая удостоверяет авторство и наличие самого автора.

Ключевые слова: причина, следствие, реальность, Бог, Творец, врожденная идея, онтологическое доказательство, существование.

«METAPHYSICAL REFLECTIONS» BY RENE DESCARTES: ONTOLOGICAL PROOF OF THE EXISTENCE OF GOD

Vorobyov Dmitriy Valerievich

*PhD DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences
Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University*

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: phil30@mail.ru

The doctrine of Rene Descartes about the cause of the idea of God in the mind of human is researched in this article. The author also examines the ontological proof of the existence of God, produced by Rene Descartes. Descartes is a clear case when science and theology are united and peacefully coexist in one person. Descartes performs the proof of the existence of God on the impossibility of accepting the idea of God as the most perfect being without accepting the idea of the existence of God. The idea of God, according to Descartes, is a purely innate idea, which is given to person from birth and which person discovers in himself. The reason for the existence of this idea in the mind of person is not person himself, but God. The idea of God in the mind of person is like a seal that the creator puts on his creation. This seal certifies the authorship and existence of the author.

Keywords: cause, investigation, reality, God, Creator, innate idea, ontological proof, existence.

Как известно, Декарт (латинизированное имя Картезий, отсюда, кстати, происходит сам термин «картезианство») представляет собой наглядный пример того самого положения вещей, когда наука и теология сошлись в лице одного человека. Философ и математик, автор аналитической геометрии, он выступает и как богослов,

выстраивающий свое доказательство Божьего бытия на невозможности принятия идеи Бога (как совершеннейшего существа) без принятия идеи Его существования.

Согласно Декарту, существуют три типа идей. Первый он называет врожденными идеями, которые даны человеку с рождения и которые человек обнаруживает в себе самом. Второй – это благоприобретенные или просто приобретенные идеи, которые приходят из области внешнего мира (внешних вещей) и «обращают меня к вещам, совершенно отличным от меня» [Декарт 2015, с. 154]. И третий тип – сотворенные человеком идеи, сконструированные и потому образованные им же самим. Речь здесь идет о голых конструкциях, не имеющих никакого отношения к реалиям внешнего мира.

Большое внимание он уделяет идеям, которые человек получает от находящихся вне его вещей. Декарт задается вопросом: какова причина того, что я считаю их подобными этим вещам? Что эти идеи имеют какое-то отношение к тем самым вещам, от которых они якобы и исходят? На каком основании следует полагать, что они отражают реалии этого мира? Но возможно, что этой причины и нет? Т.е., возможно, что наши идеи никак не относятся к тем самым вещам, от которых они якобы и исходят.

В подтверждение собственной мысли он приводит наглядный пример, связанный с Солнцем – с ближайшей из звезд. Так, человек обладает двумя разными идеями Солнца, и это несмотря на тот самый факт, что обе эти идеи исходят от одного и того же объекта внешнего мира. Причем одна из этих идей прямоком попадает под категорию приобретенных идей, т.е. пришедших из области внешнего мира, посредством наших чувственных восприятий, благодаря эмпирическим наблюдениям. При этом Солнце, которое являет нам эта идея, весьма незначительно по размеру. Чуть больше монеты. Другая идея основана на астрономических доказательствах. Солнце, которое являет нам эта идея, по размерам своим превосходит Землю в тысячи раз (размеры Солнца, определенные современными средствами, составляют 11726 земных диаметров). Невозможно, из этого заключает Декарт, чтобы обе эти идеи полностью соответствовали одному и тому же предмету, находящемуся вне меня. Из этого следует то, что если идеи исходят от внешних вещей, то имеют к этим вещам весьма отдаленное и поверхностное отношение. Эту мысль он использует для определения причины идеи вездесущего Бога.

Итак, что может являться этой причиной? Сам человек, его собственное сознание или предметы из области внешнего мира? Или что-то еще? Или кто-то еще? Чтобы ответить на этот вопрос он вводит в свои рассуждения, помимо «причины», понятие «действия (следствия) и реальности». Каким образом, задается вопросом Декарт, действие может получить свою реальность, если только не от собственной же причины? И каким образом причина может передать ее действию, если сама она этой реальностью не обладает? Если бы в действии содержалось большее реальности, чем в причине этого действия, то очевидно, этот избыток реальности происходил бы из ничего. Из этого следует то, что в причине должно быть по крайней мере столько же реальности, сколько в действии этой же самой причины. А из этого следует то, что наше сознание не может являться причиной возникновения идеи Всевышнего – того, кто в себе самом содержит больше реальности, чем просто наше сознание.

И действительно, пишет Декарт, я есть конечен, не совершенен и не всемогущ. Он представляет собой бесконечную субстанцию, совершенную, всемогущую, сотворившую как меня самого, так и все прочее, что существует. И очевидно, что я, как конечное существо, никак не могу являться причиной идеи бесконечной субстанции, ведь в бесконечной субстанции содержится больше реальности, чем в чем-то конечном. Итак, что мы имеем, согласно Декарту? С одной стороны, я обладаю идеей Бога в себе, но, с другой стороны, не являюсь причиной этой идеи. Но, если я не являюсь причиной этой идеи, то эта причина должна быть помимо меня. Из этого следует то, что я не один и что существует еще и другое какое-то существо, которое представляет собой причину

данной идеи. А поскольку причина всегда опять же содержит больше реальности (или по крайней мере столько же реальности), чем действие, которое оно производит, причиной возникновения идеи бесконечной субстанции должно быть не просто какое-то там существо, а существо бесконечное. Эта идея должна исходить от какой-либо воистину бесконечной субстанции.

Но где тогда существует такая причина? В области внешнего мира? Но, как мы выяснили недавно, идеи предметов внешнего мира имеют, как правило, очень поверхностное отношение к тем самым вещам и предметам, от которых они якобы и происходят. Отчего содержание этих идей не столь ясно и отчетливо, как, например, содержание «Я существую». Тогда как идея Бога, согласно Декарту, отчетлива и ясна. Кроме этого, существование Бога изъято из отношения с миром, со временем и пространством, как атрибутами этого мира, который Он сам же и создал. И что получается? Причина идеи всемогущего и бесконечного Бога не может содержаться ни в мире, ни в самом человеке? Выходит, что так. Но тогда остается одно – эту идею мы получаем непосредственно от всевышнего Бога. Иными словами, идея Бога не может не иметь в качестве своей причины самого Бога. Т.е. эта идея прямоком попадает под категорию первого типа идей – врожденных идей. Эта идея дана нам с рождения, изначально. Бог, создавая меня, вложил в меня эту идею, чтобы она находилась во мне и была как бы печатью или клеймом. Бог запечатлел ее в человеке, как в своем творении [Фишер 2004, с. 211]. Идея Бога в сознании человека – как клеймо мастера на его творении. Печать, которая удостоверяет авторство и наличие автора.

Итак, причина идеи Бога есть сам Бог.

Перейдем теперь непосредственно к доказательству существования Бога. Свое доказательство бытия Бога, известное как онтологическое, Декарт выстраивает на невозможности принятия идеи Бога как совершеннейшего существа без принятия идеи Его существования. На невозможности мыслить Его вне Его существования [Гегель 1994, с. 334]. Как невозможно, к примеру, принять идею треугольника, не принимая в расчет идею угла. Или как невозможно принять идею окружности без идеи периферии и центра. Или как невозможно принять идею горы без идеи перепада высот.

Как мы не можем помыслить гору без мысли о перепаде высот, так мы не можем помыслить Бога вне его существования (без мысли о его существовании) [Декарт 1989, с. 54]. Но почему нельзя помыслить Бога вне Его существования, спросите вы. Почему, к примеру, нельзя помыслить окружность без центра и периферии – это понятно. Впрочем, как говорится, ответ уже очевиден и так. Мы не можем помыслить Бога вне Его существования лишь в силу того, что Он совершенен. Т.е. что получается? Если Бог совершеннейшее существо, то Он с необходимостью есть, существует. Поскольку совершеннейшее существо не было бы совершеннейшим, если ему бы чего-нибудь не хватало. Какого-нибудь атрибута. К примеру, существования.

Нетрудно заметить, что рассуждения Декарта во многом напоминают онтологическое доказательство Ансельма Кентерберийского, исходящего в своем доказательстве из точно такого же утверждения. А именно: из утверждения, согласно которому, Бога нельзя помыслить себе вне Его существования. Из чего это следует? Из того, что Бог, с точки зрения Ансельма, это «то самое, больше которого ничего нельзя помыслить себе» [Ансельм 1995, с. 128]. Словом, то самое большее, что еще можно помыслить. Мысли о Нем наступают, другими словами, тогда, когда мы достигаем предела возможностей. Далее, мысли о Боге, обладающем существованием, есть, очевидно, большее, чем точно такая же мысль за вычетом существования. А значит, наша последняя мысль уже не попадает под категорию мысли о Боге как о «том самом, больше которого невозможно помыслить себе» [Ансельм 1995, с. 129]. Таким образом, с точки

зрения Ансельма, мысль о Боге, обладающем существованием – есть мысль истинная. Т.е. такая мысль, которая отражает реальное положение вещей.

В заключение следует высказать несколько соображений. Их всего два.

Во-первых, не содержится ли в рассуждениях Декарта подмена идеи Бога Самим Им? Следуя терминологии Декарта, можно сказать, что человек, конечно, содержит меньше реальности, чем Господь Бог. Человек – конечен и не всемогущ. Бог – представляет Собой бесконечную субстанцию, сотворившую весь тварный мир. Как причина, которая содержит меньше реальности, чем следствие в качестве Бога, человек, разумеется, не сможет быть причиной Бога, но это нисколько не мешает ему произвести идею Бога. Стать причиной идеи Бога. Причиной не Бога, но всего лишь идеи Бога.

Во-вторых, то, что мы не можем помыслить Бога вне Его существования – это действительно не вызывает сомнения. Но тогда возникает вопрос (который можно задать относительно любого другого доказательства бытия Бога, подпадающего под категорию онтологического): каким образом из факта того, что мы не можем помыслить Бога вне Его существования, следует то, что Его существование неотделимо от Него Самого [Декарт 2015, с. 172], следует то, что Он существует реально? Кто нам сказал, что мы своей мыслью всегда что-то там отражаем. Всегда отражаем реалии какой-то действительности и не ошибаемся никогда? А может быть, в данном конкретном случае мы ошибаемся?

Список литературы

1. Ансельм 1995 – *Ансельм Кентерберийский*. Сочинения. М.: Канон. 1995. 400 с.
2. Гегель 1994 – *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. СПб.: Наука, 1994. Т. 3. 528 с.
3. Декарт 1989 – *Декарт Р.* Собр. соч.: В 2-х томах. М.: Мысль, 1989. Т. 2. 640 с.
4. Декарт 2015 – *Декарт Р.* Сочинения. СПб.: Наука, 2015. 650 с.
5. Фишер 2004 – *Фишер К.* История новой философии: Рене Декарт. М.: АСТ. 2004. 492 с.

УДК 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ МЕТОД И ПРИНЦИПЫ БОГОСЛОВИЯ

Думаревский Дмитрий Борисович

Кандидат философских наук, доцент

Волжский государственный университет водного транспорта

Нижний Новгород, Россия

E-mail: kipezz@inbox.ru

В настоящих тезисах представлен краткий сравнительный анализ положений философской диалектики и богословских определений. В богословии Восточной церкви состоялась концептуализация практического опыта – опыта православной аскетики.

Научная теория и догматическое богословие Христианской церкви имеют общие черты – черты рефлексивной логики. Этот вывод подтверждается:

– во-первых, ссылкой на паламизм – учение, сформулированное Григорием Паламой. Святитель опирался на опыт монашеской жизни, на практику исихии (молчальничества). Основное концептуальное положение паламизма можно определить как диалектику сущности и энергий;

– во-вторых, указанием на важное обстоятельство из истории философии: в классический период философская диалектика возвышается до положения универсального метода познавательной деятельности, до статуса методологии наук.

В публикации приведены определения догматического богословия Православной церкви, в которых теоретически отражены важнейшие истины вероучения. Прежде всего, это христологический догмат, согласно которому в личности Иисуса Христа соединились две природы: божественная и человеческая. Кроме того, рассматривается православная триадология, в содержании которой выявляется диалектика божественной сущности (природы) и ипостаси (личности). В составе триадологии указанные понятия выступают как связанные между собой – различные (раздельные) и взаимодополнительные.

Ключевые слова: диалектический метод, догматическое богословие, паламизм, апофатика и катафатика, единосущие бога и различие божественных ипостасей.

THEORETICAL METHOD AND PRINCIPLES OF THEOLOGY

Dymarevsky Dmitriy Borisovich

PhD in Philosophy, Associate Professor

Volga State University of Waterborne Transport

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: kupezz@inbox.ru

In these theses, a brief comparative analysis of the provisions of philosophical dialectics and theological definitions is presented. In the theology of the Eastern Church, the conceptualization of practical experience – the experience of Orthodox asceticism – took place.

Scientific theory and dogmatic theology of the Christian Church have common features – features of reflexive logic. This conclusion is confirmed by:

– firstly, a reference to Palamism – the doctrine formulated by Gregory Palamas. The saint relied on the experience of monastic life, on the practice of hesychia (silence). The basic conceptual position of Palamism can be defined as the dialectic of essence and energies;

– secondly, an indication of an important circumstance from the history of philosophy: in the classical period, philosophical dialectics rises to the position of a universal method of cognitive activity, to the status of the methodology of sciences.

The publication provides definitions of the dogmatic theology of the Orthodox Church, which theoretically reflect the most important truths of the doctrine. First of all, it is a Christological dogma, according to which two natures were united in the person of Jesus Christ: divine and human. In addition, the author considers the Orthodox triadology, in the content of which the dialectic of the divine essence (nature) and hypostasis (personality) is revealed. As part of triadology, these concepts appear as interconnected – distinct (separate) and complementary.

Keywords: dialectical method, dogmatic theology, palamism, apophatic and cataphatic, consubstantial God and the difference between divine hypostases,

1. Для начала – несколько кратких и категорических суждений о диалектике. Диалектика – это учение о соединении существенно различных моментов бытия, иначе – о сочетании противоположно определенных природ в составе одного предмета. Внутренней силой отождествления противоположностей выступает противоречие.

Диалектика предстает как универсальный способ постановки и решения научно-теоретических проблем. Главным признаком проблемности в абстрактно-теоретической области выступает противоречие как единство противоположных моментов в составе предмета.

Истоки диалектики следует искать в натурфилософии древних. В неоплатонизме, в частности – у Прокла, диалектика имеет регрессивное значение, т.е. выражает порядок убывания содержания. На вершине классической философии, конкретно – у Гегеля, диалектика выражает предельно жизненный и творчески энергичный процесс. Это процесс структурного и содержательного обогащения понятий, процесс положительного – прогрессивного – изменения. Примером прогрессивного изменения может служить процесс *развития* научного знания, который осуществляется в соответствии с формулой отрицания отрицания.

В классический период (XIX в.) философская теория восходит к состоянию логического совершенства и самостоятельности. Логическая теория возвышается до всеобщности применения, до статуса методологии. Методология может быть представлена как концепт, обособленный от остальных, как теория построения теорий. Именно диалектика становится универсальным, всеобщим методом познания.

2. В православном богословии мы видим парадоксальность суждений, их рефлексивный порядок, выражающийся в сочетании противоположностей. В XIV в. В Византии состоялись т.н. паламитские споры, итогом которых стало принятие Церковью учения Григория Паламы как истинного. В учении святителя получил теоретическое оформление опыт православного монашества.

Практика исихии («молчальничества») легла в основу паламизма – концепта божественных энергий. В ключевой для понимания паламизма работе под названием «Триады в защиту священно-безмолвствующих» утверждается, что видение Бога не зависит от человеческого знания. Процесс спасения души человека «начинается Божиим действием, дающим непосредственное познание Бога» [Лосский 1991, с. 134]. Бог-Творец всегда за пределами (непостижим в своей сущности) и вместе с тем постижим (т.е. открыт, доступен) в своих действиях (энергиях).

Будучи философско-богословским выражением православной аскетики, паламизм в вопросе определения сущности Бога отправляется от апофатической (отрицательной) формулировки. Вместе с тем богословская концепция Григория Паламы содержит точное сочетание апофатики и катафатики. Апофатизм божественной сущности соотносится с катафатикой божественных энергий (действий): «Общее есть не только пресущая Сущность, которая абсолютно безымянна, неявляема и непричащаема, яко превыше всякого имени и явления и причастия, но тоже благодать и сила и энергия и блеск и царствие и нетленность и, одним словом, все, чем Бог причащается и соединяется по благодати со святыми ангелами и человеками, без лишения своей простоты, ни частностью и различием Ипостасей, ни частностью и разнообразием сил и энергий» [Палама 1995, с. 8-9].

Итак, главное положение учения Григория Паламы – тезис о непознаваемости сущности Бога и постижимости божественных энергий – вполне диалектично. Осмысление идей святителя Григория Паламы продолжилось и в XX в. в трудах многих богословов. Подобный интерес неслучаен, ибо в паламизме, по выражению В.В. Бибихина, сконцентрировано **все** православие.

Основу христианского вероучения составляют догматические установления, выработанные соборным разумом Церкви и принятые на Вселенских соборах IV-IX вв. Халкидонский догмат – важнейший в составе догматического богословия – отражает процесс соединения природ: божественной и человеческой. Процесс соединения природ именуется боговоплощением. Способ, формула боговоплощения, представлен в определении 4-го Вселенского собора: божественная и человеческая природы соединились «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно».

Кроме того, в личности Иисуса Христа соединились не отдельные части божественной и человеческой природ, либо их элементы, но обе целиком. Так, по определению святителя Льва – папы Римского, во Христе совершилось соединение природ в их полноте, природы сочетались в целостность «совершенного Бога и совершенного человека».

3. В триадологии, в богословии Пресвятой Троицы применена диалектическая формула – формула соотношения ипостасного и природного начала. В православной триадологии утверждается первенство личностного начала бытия, его превосходство над природным.

Догматическое богословие Восточной церкви исходит из положения о монархии (единовластии) Отца. Единая ипостась Бога-Отца определяется православной мыслью как источник Божественной жизни: «один Бог, потому что один Отец». Единовластие Отца, «предвечно рождающего Сына и изводящего Духа Святого», есть принцип и богословский, и теоретико-философский. В богословском аспекте единовластие Отца означает прежде всего верность Преданию, православие как таковое.

Авторитетнейший православный богослов В.Н. Лосский, ссылаясь на учение св. Максима Исповедника, отмечал: «...именно Отец дает различия Ипостасям “в вечном движении любви”. Он сообщает Свою единую природу равным образом и Сыну, и Святому Духу, в которых она пребывает единой и нераздельной, хотя и сообщается различным образом, ибо исхождение Святого Духа от Отца не тождественно рождению Сына от Того же Отца» [Лосский 1995, с. 81].

Специфика православного богословия (и соответствующей религиозной философии) в том, что причинная основа бытия мыслится здесь как деятельность Бога-Творца, т.е. абсолютно свободной Личности Творца, благая воля которой полагает все сущее, все начала и возможности бытия. Личностное действие обладает совершенством свободы, совершенной свободой воления. Бесконечно разнообразный мир сущего укоренен своими силами в абсолютно свободной Личности Творца.

В богословии Восточной церкви ипостась Отца символизирует личностное начало бытия. В православной онтологической «парадигме» ипостасность является источником, причинной основой бытия вообще. Именно в этом состоит специфика христианского монотеизма, выраженная, в частности, современным исследователем протоиереем Б. Бобринским: «...единобожие предполагает не только общую природу у Троиц, но и личное отношение к Отцу как к Источнику. Самый источник Божества, таким образом, личностный» [Бобринский 2005, с. 285].

Положение о единоначалии Отца обладает глубочайшим онтологическим смыслом. «Поворот» в области онтологии, совершенный Отцами Восточной церкви, в сжатом виде может быть выражен так: «Без личности или ипостаси, т.е. формы бытия, сущности или природы не существует. Существование личности, в свою очередь, также не может быть несубстанциальным, или неприродным. Однако онтологическое “начало” или “причина” бытия, т.е. то, благодаря чему все существует, не есть ни сущность, ни природа, а только личность или ипостась. Поэтому бытие имеет своим источником не субстанцию, а лицо» [Зизиулас 2006, с. 3].

Принцип единовластия (единоначалия) Отца в логико-теоретическом аспекте играет объединяющую роль, диалектически сочетая единство и различие: «Понятие “единоначалие”... обозначает в Боге единство и различие, исходящее от Единого Личного Начала» [Зизиулас 2012, с. 218].

В итоге необходимо указать, что православное богословие имеет собственную логическую структуру. Теология выступает как тео(логика) и рефлексивно организует собственные понятия, соотносит их как противоположные – взаимно различные и единые.

В представленных тезисах проведено сопоставление различных типов знания – научно-теоретического и христианского богословия. Мы сравнили (хотя бы кратко и в общем) значение и функции диалектики в их составе.

Список литературы

1. Биbihин 2010 – Биbihин В.В. Энергия. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 488 с.

2. Бобринский 2005. – *Бобринский Б., прот.* Тайна Святой Троицы. Очерк догматического богословия. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2005. 360 с.
3. Зизиулас 2006 – *Зизиулас И., митр.* Бытие как общение. Очерки о личности и Церкви. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2006. 280 с.
4. Зизиулас 2012 – *Зизиулас И., митр.* Общение и инаковость. Новые очерки о личности и Церкви. М.: Изд-во ББИ, 2012. 407 с.
5. Лосский 1995 – *Лосский В.Н.* Боговидение. М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1995. 128 с.
6. Лосский 1991 – *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991.
7. Палама 1995 – *Святитель Григорий Палама.* Триады в защиту священно-безмолвствующих. М.: Канон, 2005. 384 с.

УДК 130.3

СОЗЕРЦАНИЕ КАК ФУНКЦИЯ РЕЧИ: ТЕКСТОВЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ «ФИЛОСОФИИ ИМЕНИ»*

Зарапин Олег Викторович

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского*

Симферополь, Россия

E-mail: zaraoleg@yandex.ru

В статье в контексте традиции русской религиозной «философии имени» (П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев) ставится проблема осмысления созерцания как определенной формы речи. Речевым проявлением созерцания является специфический способ соотношения речи и реальности, который соответствует функции символической саморепрезентации бытия. Реализацией этой функции является действие именованного, его метафора – это библейский сюжет наречения имен. Особенность речевого созерцания определяется его условием. Это условие состоит в речевой трансформации, необходимой из-за привычного отношения к языку как к средству человеческого общения, инструменту коммуникативной деятельности. Чтобы от деятельности перейти к созерцанию, необходим посредник, который способен изменить речевые настройки человека. Таким посредником является текст, определяемый в методологических рамках «философии имени» как текст, в котором проблема языка сформулирована автором в намерении вызвать у читателя изменение в восприятии языка. Делается вывод, что в современности символический и созерцательный пласт речевой жизни человека является предметом эксплуатации. Созерцание как функция речи редуцируется к дизайнерским технологиям. В этом контексте актуализируется высказываемая в традиции «философии имени» идея о созерцании как дискурсивной практике, в которой философский идеал самосовершенствования реализуется в качестве символически опосредованной причастности человека миру.

Ключевые слова: созерцание, «философия имени», символ, философский текст, коммуникация.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00622 А «Философия как действие: прагматика текстового поведения»

CONTEMPLATION AS A FUNCTION OF SPEECH: «PHILOSOPHY OF NAME» TEXT TOOLKIT

Zarapin Oleg Victorovich

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Departments of Philosophy

Vernadsky Crimean Federal University

Simferopol, Russia

E-mail: zaraoleg@yandex.ru

In the article, in the context of the tradition of Russian religious “name philosophy” (P.A. Florensky, S.N. Bulgakov, A.F. Losev), it is posed the problem of comprehending contemplation as a specific form of speech. The speech manifestation of contemplation is a specific way of correlating speech and reality, which corresponds to the function of symbolic self-representation of being. The implementation of this function is the action of naming, its metaphor is the biblical scene of naming. Speech contemplation is determined by its condition. This condition is speech transformation from activity to contemplation. A mediator is needed. Such a mediator is a text, defined in the methodological framework of “name philosophy” as a text in which the problem of language is formulated by the author with the intention to change the reader’s perception of language. It is concluded that in modern times the symbolic and contemplative content is an object of exploitation. Contemplation as a function of speech is reduced to design technologies. In this context, the idea of contemplation as a discursive practice, expressed within the framework of “name philosophy”, is actualized.

Keywords: contemplation, name philosophy, symbol, philosophical text, communication.

«Философия имени» – это отечественная традиция, о которой сегодня мы говорим как о классическом наследии [Резниченко 2012]. Работы П.А. Флоренского [Флоренский 1990], С.Н. Булгакова [Булгаков 1999], А.Ф. Лосева [Лосев 1990] хорошо известны. Реализованный в русской философии в рамках этой традиции «поворот к языку» вывел к особому образу философии как к метафизике, основу которой составляет библейская идея единства человека и мира, реализуемого посредством имени.

Другой сценарий – это критика метафизики, представленная в позитивистской формуле того, что философия есть замаскированная под познание форма морального самовыражения. В социокультурных горизонтах эпохи модерна эти две координаты – добродетель и познание, практика и теория – выглядят явно недостаточными, чтобы обозначить позицию философии в культуре, не редуцируя ее. Необходима третья координата, ее поиски уводят назад, в прошлое, к древним формам бытования философии в культуре, в которых теория и практика связаны в идеале самосовершенствования.

Продуктивным сдвигом в этом направлении представляются исследования М. Фуко, в частности, его разработка античной идеи философии как «практики себя». В прошлом эта идея стала основой сближения философского идеала самосовершенствования и христианского концепта спасения. В попытке осмыслить, каким образом эта линия представлена в современности, мы обратимся к уже подзабытой традиции русской «философии имени». Здесь мы также находим восходящий к античности философский идеал созерцания как преображения, прорабатываемый в качестве религиозно-философского пути мысли. Его влияние ощутимо в отечественной философской культуре до сих пор [Хоружий 2005].

Религиозный исток этой традиции, социокультурно проявленный в споре об имяславии, имеет в своем основании конкретный образ соотношения человека и мира, прочитываемый в библейском сюжете того, как Адам дает имена животным. Эта библейски инспирированная интуиция языка выражается в тезисе о том, что человек и мир связаны в языке не только посредством способности человека к знаковой деятельности, но также и посредством символических актов саморепрезентации мира.

Определение бытия как символической структуры «больше самого себя» [Флоренский 1990, с. 287] – это философски рефлексивный эквивалент бытия как творения, у которого есть замысел и изначальный образ, распознаваемый человеком в опыте речевого единства с миром.

В рамках этого опыта сказать «я есть я» означает сказать то же самое, что и «я есть мир» [Булгаков 1993, с. 416]. Это – метафизика, представленная как ткань речевой жизни человека. Ее поверхность испещрена множеством образов субъект-предикативных синтезов, речь выглядит вполне обыденным действием. Тем самым оттеняется сама по себе возможность сказать о вещи, что она такое есть, «тайна имени», проглядываемая в каждом слове, которая есть «алогический скачок» от субъекта к предикату, творящий мир в его речевой целостности.

Философская импликация библейского сюжета весьма существенна, она открывает дорогу в обход оппозициям нововременного образа мышления таким, как «субъект – объект», «дух – материя», «человек – природа». Очевидно, что это консервативный маневр, который воспроизводит не столько буквально средневековые нарративы и мыслительные формы, сколько стоящее за ними языковое мироощущение. Его существенная особенность контрастирует с установкой эпохи модерна, делающей ставку на «естественный свет ума», в согласии с которой речь есть источник многозначности и служит препятствием на пути к опирающемуся на опыт познанию вещей. Выстраиваемая в рамках данной установки оппозиция между тем, как люди говорят о мире и каково действительное положение вещей, есть реализуемая в языке точка зрения, связывающая высказывание и его объект в горизонтали коммуникативного намерения что-то кому-то сообщить.

Горизонталь естественно дополнить вертикалью – эта объемная оптика выдает точку зрения «имени». Согласно ее логике, у языка есть не только поверхность, на которой человек представлен как существо, присвоившее речь себе и владеющее словом как инструментом общения, но и глубина, где человек подступает к символическому «первосуждению» [Булгаков 1993, с. 392], в котором о себе заявляют сами вещи. Здесь высказывание – это способ созерцания мира.

Философское высказывание, организуемое в философский текст, в таком случае обретает особое значение, релевантное образу платоновской пещеры. Чтение философского текста есть руководимое автором движение, по ходу которого трансформируется функция речи: общение обретает значение при-общения, коммуникация и созерцание стыкуются. Речь как созерцание – это и определенный диалогически настроенный ум (П.А. Флоренский) и вместе с тем метафизическое чувство зрячести Вселенной (А.Ф. Лосев). Оно исполнено интуиции причастности слова бытию, благодаря чему, как пишет А.Ф. Лосев, мир не есть «глухонемая действительность» [Лосев 1990, с. 20], ему не безразлично слово, его выражающее.

Найти такое слово, которое не то, что бы было созвучно вещам, что скорее есть задача для поэта, но было бы способно выразить речевую заинтересованность мира и приобщить к этому человека – вот это задача философа, требующая в качестве средства решения специфический тип философского текста. Такой текст является метафизическим, он выводит к речевому началу мира, где человек причастен бытию, существует не только для себя, но также – в мире и для мира. Такое начало не есть предмет, это не субстанция, а речевая функция, реализуемая как созерцание. К этой функции еще надо подойти, активировать ее не так-то просто, для этого, собственно, и нужен философский текст как инструмент воздействия на читателя, нацеленный на изменение речевой настройки сознания. Предмет изменения есть отношение человека к своему слову, т.е. привычный способ речевого поведения, при котором слова есть всего

лишь слова и человеческое высказывание ничего не стоит с точки зрения заключенной в нем силы, поскольку здесь имя вещи не есть сама вещь.

У Лосева идея такой текстовой трансформации представлена в переходе от констатации, что человек, для которого имя есть простой звук, «глух и нем, и живет он в глухонемой действительности», к оценке этого состояния глухоты и слепоты. Если мир таков, тогда «существуют только тьма и безумие». Что он не таков – этого нельзя знать в достоверности общезначимой истины, это вообще не есть предмет доказательства, это можно лишь видеть лично и самому и, соответственно, показать другому, привести его к такому виду вещей и тем самым изменить взгляд, способ мировосприятия. Лосев продолжает: «Однако мир не таков. И вот рассмотреть его как имя я и дерзаю в этой книге» [Лосев 1990, с. 20].

Можно подумать, что это метафизическая утопия, далекая от реальности. Сегодня символический ресурс с успехом освоен маркетологами и политтехнологами, он необходимый элемент культуры потребления, и кажется, что философии здесь нечего делать, если только она не инструмент в руках креативщиков. Но в том-то и дело, что этот активно протекающий процесс эксплуатации символов есть живая среда для философской рефлексии, подпитывающая ее продуктивную интенцию. Актуальной для нынешнего времени можно считать философскую задачу борьбы с эксплуатацией символа, с опытом, в котором созерцательность вытеснена дизайнерским технэ.

Список литературы

1. Булгаков 1999 – *Булгаков С.Н.* Философия имени // Сергей Булгаков. Первообраз и образ: сочинения в двух томах. Т.2. СПб: ООО «ИНАПРЕСС», М.: Искусство, 1999. С. 5-240.
2. Булгаков 1993 – *Булгаков С.Н.* Трагедия философии (философия и догмат) // Булгаков С.Н. Соч. Т.1. М.: Изд. «Наука», 1993. С. 311-519.
3. Лосев 1990 – *Лосев А.Ф.* Философия имени. М.: Издательство МГУ, 1990. 269 с.
4. Резниченко 2012 – *Резниченко А.И.* О смыслах имен: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М.: Издательский дом РЕГНУМ, 2012. 415 с.
5. Флоренский 1990 – *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли. Т. 2 / Сост. Игумен Андроник, М.С. Трубачева, П.В. Флоренский. М.: Издательство «Правда», 1990. 447 с.
6. Хоружий 2005 – *Хоружий С.С.* Очерки синергической антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.

УДК 211

РЕЛИГИОЗНАЯ ВЕРА И НЕВЕРИЕ В ЭВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Зубковская Анастасия Александровна

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: zubkovskaya_a@mail.ru

В статье проведен краткий анализ феноменов веры и неверия в современном эволюционном религиоведении. Несмотря на терминологические затруднения используемых понятий, таких как «вера», «неверие», «верование», «представление», «секулярность», «атеизм» и т.д., выделена макро- и микроэволюционные перспективы осмысления указанных феноменов. Результаты представленного анализа свидетельствуют о том, что современный

эволюционный подход к вере и неверию использует классические социологические функционалистские теории религии, переводя их на язык современного эволюционизма, добавляя к ним когнитивные концепции религиозного мышления. С точки зрения функционализма исследуемые феномены рассматриваются как явления одного порядка, включенные в единый процесс культурной эволюции, замещающие функции друг друга в связи с изменениями среды. Когнитивные и нейробиологические подходы к вере и неверию стремятся определить разницу между ними и ответить на вопросы о врожденности того и другого, их эволюционном генезисе и роли в эволюционной истории человечества. Проанализированные концепции выделяются своей радикальной новизной, междисциплинарностью в духе постнеклассических научных тенденций, редукционизмом, биологизмом и сциентизмом в сравнении с классическим религиоведением как гуманитарной наукой.

Ключевые слова: вера, религия, неверие, эволюционное религиоведение, когнитивное религиоведение, функции религии, адапционизм, атеизм, «побочный продукт эволюции».

FAITH AND UNBELIEF FROM EVOLUTIONARY PERSPECTIVE

Zubkovskaya Anastasia Aleksandrovna

Postgraduate student

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

E-mail: zubkovskaya_a@mail.ru

This paper provides a brief analysis of the phenomena of faith and unbelief in modern evolutionary studies of religion. Despite the terminological difficulties with terms of faith, secular, atheism etc., the paper indicates macro- and microevolutionary perspectives on these phenomena. The results of this analysis show that the modern evolutionary approach to faith and unbelief uses classical sociological functionalist theories of religion, translating it into modern evolutionism terminology and adding cognitive concepts of religion cognition. From functionalist point of view, faith and unbelief are considered as a phenomena of the same order, included in a holistic process of cultural evolution, which replace each other's functions due to environmental changes. Cognitive and neurobiological approaches to belief and unbelief seek to identify the difference between them and answer questions about the innate nature of those, evolutionary genesis and their role in evolutionary history of mankind. Represented concepts are characterised by their radical novelty, interdisciplinarity of post-non-classical scientific trends, reductionism, biologism and scientism in comparison with classical religious studies as humanities.

Keywords: faith, belief, unbelief, evolutionary studies of religion, cognitive science of religion, functions of religion, adaptationism, atheism, “by-product of evolution”.

Развитие науки о религии в конце XX – начале XXI вв. было ознаменовано расцветом междисциплинарных подходов с уклоном в биологический способ рассмотрения предмета исследования. Сам предмет при этом характеризуется терминологическими затруднениями, поскольку многолетние дискуссии по вопросу определения религии не увенчались успехом. Современные исследователи либо обращаются к редукционистской методологии для того, чтобы указать на то, что они изучают, либо вовсе игнорируют указанную проблему [Зубковская 2020а].

В интеллектуальной истории понятие веры трактуется с разных точек зрения, однако наиболее общим основанием для всех является рассмотрение веры как гносеологического и психологического феномена. Сужая смысл, можно говорить о религиозной вере как особом познавательном способе, отличающемся от научного познания. Как познавательное явление, религиозная вера также имеет направленность на определенный предмет или событие (Бога, духов, карму, загробную жизнь и т.д.), недоступное для эмпирического освидетельствования. Вера, наряду с религиозными практиками, выступает одним из основополагающих элементов в структуре религии как комплексной системы [Boyer, Baumard 2021].

Часть современных исследователей религии рассматривают религиозную веру в когнитивной перспективе. Пытаясь ответить на вопрос о происхождении религиозных представлений, П. Буайе характеризует веру как «контринтуитивную», т.е. противоречащую интуитивным представлениям человека об окружающей действительности [Буайе 2017]. Он объясняет, что с гносеологической точки зрения верование выходит за рамки некоего онтологического шаблона. В литературе часто цитируется ставшая популярной формула П. Буайе, описывающая объект веры следующим образом: онтологическая категория + особенный пропозициональный маркер = религиозное понятие. Например: человек + особые познавательные способности (всеведение) = Бог [Буайе 2017]. Такие гносеологические характеристики религиозных верований сближают их с представлениями о фантастических героях: «Супергерой – это человек, обладающий противоестественными способностями» [Зубковская 2020б]. Однако религиозные верования имеют существенное отличие от последних, поскольку они включены в социальные взаимодействия и реципрокный обмен.

Эволюционное религиоведение уделяет особое внимание описанной выше гносеологической характеристике религиозных верований. В рамках этой концепции можно задать вопросы о том, какую роль играют контринтуитивные представления в процессе человеческой эволюции и какие факторы способствуют их выживаемости. Обозначенные вопросы довольно развернуто представлены в отечественных научных работах, где рассматриваются два основных направления в эволюционном религиоведении: адапционизм и теория религии как «побочного продукта эволюции» [Малевич 2016; Марков 2009; Михельсон 2013].

В контексте исследования религиозной веры можно отметить, что адапционисты, считающие, что религия выступает эволюционным механизмом в процессе развития человечества, уделяют особое внимание психологическим и социальным характеристикам религиозной веры. Так, например, помимо социальных функций религии в классическом религиоведении широко известна «утешительная», или компенсаторная функция веры и ритуала [Яблоков 2011, с. 209], которую в терминах современного эволюционизма можно обозначить как антистрессорную. Именно в таком качестве с точки зрения адапционизма религиозная вера выступает как фактор повышения эволюционного успеха ее носителей. Критики «гиперадапционизма», напротив, указывают на то, что психотерапевтическая функция веры не является универсальной и религиозные верования могут выступать в качестве факторов агрессии. Появление религии они объясняют при помощи концепции «побочного продукта эволюции», рассматривая непреднамеренность ее генезиса и функций.

В контексте этого вопроса интересно рассмотреть феномен неверия с эволюционных точек зрения. Если религиозная вера в эволюционно-психологической перспективе выступает прямым или опосредованным результатом эволюции человеческой психики, то аналогичные вопросы возникают при исследовании противоположного ей феномена – неверия.

Понятие неверия, как и комплементарные термины «атеизм», «нон-теизм», «секулярность», «нерелигиозность» и т.д., нуждается в предварительном прояснении: можно ли его выделить в качестве автономной категории или самостоятельного репликатора культурной эволюции (ментифакта), учитывая его семантическую противоположность религиозной вере? Здесь эволюционное религиоведение в первую очередь следует биологическому и когнитивному редукционизму, ставя задачу связать понятие неверия с интуитивным мышлением, деятельностью и эволюционным развитием определенных участков головного мозга [Messick 2019]. Такая когнитивная микроэволюционная перспектива дополняется макроэволюционной проблематикой,

где ставится вопрос о том, является ли неверие адаптивной эволюционной стратегией, связанной с социальными и психологическими характеристиками.

Несмотря на терминологические затруднения по вопросу неверия, атеизм существует как культурный темпоральный феномен, который может быть исследован в рамках философии религии и современных культурных наук [Тейлор 2017]. Э. Дюркгейм, М. Вебер, Н. Луманн, Ч. Тейлор – это только часть классиков, положивших начало исследованиям секулярности как отдельного феномена. Их теоретические разработки используются современными исследователями для того, чтобы говорить о неверии/атеизме/секулярности в терминах эволюции культуры [Oveido 2019].

Хотя современные эволюционные подходы к компаративному изучению веры и неверия пока находятся на стадии формирования и обсуждения, наиболее существенным теоретическим наблюдением в этой области является соотнесение неверия и веры в макроэволюционной перспективе как феноменов одного порядка. Современные исследователи отмечают, что неверие имеет определенный социальный и психологический функционал, который чаще всего замещает религиозные функции, когда те не справляются с изменениями среды [Oveido 2019]. Можно представить эволюционное значение неверия аналогичным религии. Т.е. секуляризация как снижение показателей религиозной веры является частью эволюции культуры, так что вера и неверие теряют признаки категориальности, попадая под редукцию к когнитивным феноменам [Norenzayan, Gervais 2013].

Итак, подводя итоги краткого анализа, можно отметить следующее:

1. Рассмотрение веры и неверия в эволюционной перспективе предполагает переосмысление классических функционалистских теорий религии с учетом когнитивной проблематики, т.е. фактически перевод социологии религии классического периода на язык современного эволюционизма и его дополнение когнитивными теориями, что составляет макро- и микроэволюционную проблематику исследования данных феноменов.

2. В макроэволюционной (социологической) перспективе вера и неверие рассматриваются с точки зрения функциональных социальных характеристик: когда религиозные адаптивные механизмы перестают работать, они проигрывают в естественном отборе другим ментифактам, которые могут быть классифицированы как атеистические, поэтому атеизм и секулярность как темпоральные культурные феномены можно понимать как часть эволюции культуры и религии.

3. В микроэволюционной перспективе вера и неверие анализируются с когнитивной и нейробиологической точки зрения, позволяющей провести различие между рассматриваемыми феноменами. Этот подход можно назвать революционным для классической эпистемологической конституции религиоведения как гуманитарной науки.

Список литературы

1. Буайе 2017 – *Буайе П.* Объясняя религию. Природа религиозного мышления. М.: Альпина Нон-Фикшн, 2017. 496 с.
2. Зубковская 2020а – *Зубковская А.А.* Религиоведение в структуре наук о жизни: философские и методологические аспекты // *Религиоведение.* 2020. № 1. С. 142-148.
3. Зубковская 2020б – *Зубковская А.А.* Современные философские подходы к проблеме религиозного мышления // *Наука о религии в России: от прошлого к будущему: сб. материалов науч. конф.* СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2020. С. 111-116.

4. Малевич 2016 – *Малевич Т.В.* Эволюционное значение религии: между адаптацией и побочным продуктом // Вестник ПСТГУ. 2016. Вып. 4(66). С. 84-104.
5. Марков 2009 – *Марков А.В.* Религия: полезная адаптация, побочный продукт эволюции или «вирус мозга»? // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 45-56.
6. Михельсон 2013 – *Михельсон О.К.* Подходы к изучению религии в современной эволюционной психологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 3 (31). С. 63-76.
7. Тейлор 2017 – *Тейлор Ч.* Секулярный век. М.: Изд-во ББИ, 2017. 967 с.
8. Яблоков 2011 – *Яблоков И.Н.* Понятие и функции религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 1. С. 204-211.
9. Boyer, Baumard 2021 – *Boyer P., Baumard N.* The Diversity of Religious Systems Across History. An Evolutionary Cognitive Approach // The Oxford Handbook on Evolutionary Psychology and Religion. Oxford University Press, 2021. Pp. 34-47.
10. Messick 2019 – *Messick K.J.* Evolutionary Perspectives on Unbelief // Studia Humana. 2019. Vol. 8, No. 3. Pp. 1-9.
11. Norenzayan, Gervais 2013 – *Norenzayan A., Gervais W.M.* The Origins of Religious Disbelief // Trends in Cognitive Science. 2013. Vol. 17, No. 1. Pp. 20-25.
12. Oveido 2019 – *Oveido L.* Atheism and Unbelief: Different Ways to Apply the Evolutionary Framework // Studia Humana. 2019. Vol. 8, No. 3. P. 9-23.

УДК 168

РИТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В АРГУМЕНТАЦИИ

Кузина Елена Борисовна

*Кандидат философских наук, доцент кафедры логики философского факультета,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

Москва, Россия

E-mail: elenakuzina@yandex.ru

Главной целью аргументации является убеждение, которое складывается из рационального принятия рекомендуемой точки зрения и эмоциональной окрашенности этого принятия. Аргументатор, желающий убедить адресата, привлечь на свою сторону аудиторию, нейтрализовать и психологически подавить оппонента, использует риторические вопросы, с одной стороны, как риторический прием для поддержания внимания и интереса, а с другой – как психологическую уловку, предназначенную для видимого облегчения своей задачи. Употребление риторических вопросов в диалогической речи высвечивает отношения коммуникантов, их статус или статусные притязания в речевом общении. Риторические вопросы часто являются реакцией на предыдущую реплику собеседника и в этих случаях выглядят не вполне вежливо и не вполне дружелюбно. Реакция в такой форме свидетельствует о стремлении удерживать лидирующую коммуникативную роль или получить ее, что само по себе редко воспринимается позитивно. В риторических вопросах может слышаться имплицитный упрек в неграмотности, некомпетентности или глупости адресата, что позволяет расценивать такие вопросы как речевую агрессию. Ответ на риторический вопрос обычно является нежелательным для его автора, но адресату во многих случаях представляется хорошим способом утверждения своего коммуникативного статуса.

Ключевые слова: риторические вопросы, убеждение, психологические уловки в аргументации, эмоционально-психологическое воздействие, коммуникативный статус.

RHETORICAL QUESTIONS AS A PSYCHOLOGICAL TRICK IN ARGUMENTATION

Kuzina Elena Borisovna

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Logic

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

E-mail: elenakuzina@yandex.ru

The main purpose of argumentation is belief, which consists of a rational acceptance of the recommended point of view and the emotional coloring of this acceptance. The argumentator who wants to convince the addressee, to attract the audience to his side, to neutralize and psychologically suppress the opponent, uses rhetorical questions, on the one hand, as a rhetorical device to maintain attention and interest, and on the other – as a psychological trick designed to visibly facilitate his task. The use of rhetorical questions in dialogical speech highlights the relations of communicants, their status or claims in speech communication. Rhetorical questions are often a reaction to the previous remark of the interlocutor, and in these cases they do not look quite polite and not quite friendly. The reaction in this form indicates a desire to retain a leading communicative role or to get it, which in itself is rarely perceived positively. In rhetorical questions, there may be an implicit reproach for the ignorance, incompetence or stupidity of the addressee, which allows us to regard such questions as verbal aggression. The answer to a rhetorical question is usually undesirable for its author, but in many cases seems to be a good way for the addressee to assert their communicative status.

Keywords: rhetorical questions, persuasion, psychological tricks in argumentation, emotional and psychological impact, communication status.

Риторические вопросы представляются одним из самых загадочных явлений в речевой коммуникации. Широко распространенным является определение *риторического вопроса как вопросительного предложения, не имеющего функции запроса информации, а выражающего суждение, оценку, просьбу (императив) и имеющего основной целью возбуждение различных эмоций*. Хотя такое определение и неэффективно, т.е. не дает операционального критерия отличия вопроса риторического от обычного, однако задает понятие, вполне работающее в лингвистических областях познания и в языковой практике. А лингвисты часто придерживаются мнения, что любой вопрос, который обычно называют риторическим, отчасти сохраняет функцию запроса информации, и поэтому ответ на него может быть оправданным и уместным. Вопросы существенно различаются своей эмоциональной составляющей. Чем больше эмоционален вопрос, тем менее он нацелен на получение информации, тем больше оснований считать его риторическим, заданным для возбуждения эмоций.

Очевидно, что понимание смысла и цели вопроса, интерпретация контекста и ситуации употребления вопроса – предмет прагматики, где нет никаких твердых правил и предписаний. Поэтому вряд ли можно обоснованно утверждать, что некая вопросительная конструкция употребляется исключительно для выражения суждения, просьбы или оценки, для возбуждения эмоций. Лишь автор (адресант) вопроса знает, запрашивает он информацию, хочет он получить ответ или он использует риторический прием для эмоционального выражения своего несогласия, возмущения или раздражения, для насмешки или шутки.

Несоответствие вопросительной формы и экспрессивной направленности риторических вопросов создает эффект контраста, непременно вызывая эмоции адресата, поскольку отчетливо выражает эмоции говорящего. Именно поэтому такие вопросы широко используются в очной аргументации, особенно двусторонней или многосторонней, как прием психологического воздействия.

Учитывая, что общепринятого понятия аргументации не выработано, зададим то понятие, которое предполагается здесь. Будем называть *аргументацией речевую деятельность, состоящую в изложении и обосновании некоторой точки зрения и направленную на принятие адресатом этой точки зрения, на его убеждение.*

Убеждение, как известно, не может происходить без вовлечения эмоционально-психологических факторов и оснований принятия обосновываемой точки зрения. Поэтому в реальной (не условной) аргументации столь широко, практически всегда, используются разнообразные психологические приемы. Одни из них имеют целью облегчить принятие тезиса адресатом посредством включения позитивных эмоций, смягчающих критическое отношение к тезису и его обоснованию, другие направлены на обеспечение по крайней мере видимости успешной аргументации, что достигается посредством выведения адресата, а главным образом – противника в споре, из эмоционального равновесия.

Риторические вопросы в аргументации широко используются и как средство привлечения внимания к речи, большего вовлечения адресата в речевую коммуникацию, так и для негативного психологического воздействия на оппонента.

Практически во всех психологических уловках, применяемых в аргументации с целью облегчить принятие адресатом рекомендуемой точки зрения, умелые ораторы прибегают к риторическим вопросам, которые ненавязчиво, но очень эффективно этому способствуют. И аргумент к невежеству («Кто же не знает, что...»), и уловка, которую, С.И. Поварнин называет втиранием очков («Вы заметили, что мой оппонент договорился до такой откровенной глупости...»), и ссылка на авторитет – все эти уловки весьма оживляются, когда выражены риторическими вопросами.

Но гораздо интереснее их специфическая функция в таких аргументациях, которые в целом можно назвать спорами. Риторические вопросы не вполне явно, но очень ясно демонстрируют собеседнику те эмоции, которые испытывает и не желает скрывать говорящий по поводу предмета обсуждения и относительно своего соперника в споре, и, как следствие, предназначены индуцировать соответствующие эмоции соперника. В большинстве случаев риторические вопросы выражают оценку высказываний, мнений, интеллекта адресата, собеседника, соперника в речевом общении, что, естественно, вызывает ответные эмоции, обычно негативные, поскольку сама оценка, заключенная в вопросительном предложении, вообще редко является положительной.

Существуют статистические исследования (может быть, не вполне репрезентативные, но все же обозначающие тенденцию), которые показывают, что риторический вопрос в большинстве случаев демонстрирует негативные эмоции говорящего: раздражение в 28% случаев, негодование в 18%, возмущение в 15% и пренебрежение в 11% случаев, т.е. почти три четверти случаев употребления риторических вопросов свидетельствуют, что говорящий не намерен скрывать свое лидирующее положение в речевой коммуникации и считаться с тем, что его поведение может не понравиться собеседнику [Скородумова 2009, с. 138].

Если сами риторические вопросы выражают интересы и эмоции говорящего, то возможность употребления их показывает, каково его положение в данной речевой коммуникации. Использовать риторические вопросы вообще может не каждый участник речевой коммуникации, а только тот, кто считает себя вправе оценивать, поучать, осуждать, показывать, что нечто абсолютно очевидное собеседник не понимает, что он говорит глупости или явную ложь. Использование риторических вопросов показывает или должно показать всем участникам, что их автор действительно занимает лидирующее положение в коммуникации, пытается занять его или создать видимость такого положения. Уже только это оказывает психологическое воздействие на соучастника аргументативной коммуникации и кого-то может вывести из себя,

ослабляя тем самым способность быстро реагировать на реплики, снижая рациональность как восприятия речи, так и ответов.

Все нюансы положения и роли участников общения в очной многосторонней аргументации особенно ясно проявляются в реакции на риторические вопросы. Когда они чувствуют себя совершенно равноправными, то на каждый риторический вопрос может идти ответная реплика, причем также в форме риторического вопроса («Кто Вам сказал такую глупость?» – «А разве Вы этого не знаете?»). Это означает, что адресат воспринял риторический вопрос как притязание собеседника на лидирующую позицию и не собирается с этим мириться.

Отвечать вопросом на вопрос всегда считается не очень приличным, потому что такой ответ выражает оценку предыдущего вопроса как неуместного или даже глупого. А тем самым косвенно может выражать и отношение к собеседнику, оценку его личности. Такая ситуация свидетельствует о неблагоприятной, даже враждебной коммуникативной среде, которая обусловлена наличием нескольких коммуникативных центров. Риторический вопрос как реакция на заданный вопрос используется в качестве средства нападения или защиты, сохранения своей сильной позиции или попытки смены ролей, когда эту тактику применяет слабый участник.

И наоборот, если кто-то из участников никак не отвечает на риторические вопросы, граничащие с языковой агрессией, и даже склонен рассматривать любой вопрос как своеобразный упрек, это показывает, что он признает свое зависимое положение в данной коммуникации, признает свое поражение в споре. Самыми показательными примерами проявления зависимого положения одного из участников в речевом общении являются беседы преподавателя со студентом на экзамене, когда студент не отвечает на вопрос преподавателя: «Почему Вы написали здесь так?» или «Почему Вы так считаете?», а зачеркивает написанное или отказывается от своих слов.

Известно, что не всякий участник речевой коммуникации может задать вопрос любому другому участнику, потому что в вопросе, хоть и мягко, выражено требование (дать информацию). Точно так же не каждый может позволить себе ответить на риторический вопрос или вопрос, который представляется ему риторическим. Возможно, именно поэтому риторические вопросы столь активно используют люди для психологического подавления своих партнеров или противников в коммуникации.

Список литературы

1. Байдикова 2012 – *Байдикова Е.Л.* Прагматические условия реализации агрессивной функции вопросительных предложений. // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2012. № 3. С. 47-53.
2. Кузина 2018 – *Кузина Е.Б.* Теория и практика аргументации. М., 2018. 256 с.
3. Скородумова 2009 – *Скородумова Е.А.* Риторический вопрос-реакция как средство выражения эмоций. Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 39. С. 137-139.

АНТИДАРВИНИЗМ Г.А. ТЕЙХМЮЛЛЕРА И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ НАТУРФИЛОСОФИИ

Львов Александр Александрович

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философской антропологии
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: a.lvov@spbu.ru*

Основатель Юрьевской философской школы Густав Тейхмюллер при жизни был известен как влиятельный историк философии, а после смерти – как оригинальный мыслитель-неолейбнианец. Важной составляющей его метафизических воззрений является его антидарвинистская позиция, которая была сформулирована и продумана в ходе бесед с великим биологом К.Э. фон Бэр, когда Тейхмюллер стал сотрудником Дерптского университета. Важным аргументом в критике дарвинизма было для него отношение идей Дарвина к историко-философской перспективе. Изучение его работ позволяет нам утверждать, что Тейхмюллер был одним из последних безусловных сторонников классической натурфилософии, существовавшей со времен Аристотеля до эпохи Канта и Гегеля и отстаивавшей телеологию как принцип природы. В этом отношении его антидарвинизм носил не только научный, но также и мировоззренческий характер. Кроме того, Тейхмюллер был представителем «старого витализма», бывшего весьма влиятельным в Дерптском университете. Учитывая приверженность его философской традиции и последовательность в обосновании собственного оригинального учения, а также активную преподавательскую деятельность, можно поставить вопрос о влиянии его воззрений на философов-виталистов более позднего времени.

Ключевые слова: Густав Тейхмюллер, неолейбнианство, К.Э. фон Бэр, неовитализм, антидарвинизм, натурфилософия, телеология, мировоззрение.

GUSTAV TEICHMULLER'S ANTI-DARVINISM AND ITS PLACE IN THE HISTORY OF NATURAL PHILOSOPHY

Lvov Aleksander Aleksandrovich

*PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophical Anthropology
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
E-mail: a.lvov@spbu.ru*

The founder of the Yuriev School of Philosophy, Gustav Teichmuller, was known during his lifetime as an influential historian of philosophy, and after his death as an original neo-Leibnizian thinker. An important component of his metaphysical views is his anti-Darwinist position, which was formulated and thought out during conversations with the great biologist K.E. von Baer, when Teichmuller became an employee of the University of Dorpat. An important argument in the criticism of Darwinism was for him the relation of Darwin's ideas to the historical and philosophical perspective. The study of his works allows us to assert that Teichmuller was one of the last unconditional supporters of classical natural philosophy, which existed from the time of Aristotle to the era of Kant and Hegel and defended teleology as a principle of nature. In this respect, his anti-Darwinism was not purely scientific, but also ideological in nature. In addition, Teichmuller was a representative of the "old vitalism", which was very influential at the University of Dorpat.

Keywords: Gustav Teichmuller, neo-Leibnizianism, K.E. von Baer, neovitalism, anti-Darwinism, natural philosophy, teleology, worldview.

В истории русской науки было немало интересных дискуссий за и против эволюционной теории Дарвина с привлечением историко-философских и метафизических аргументов. Одна из них была инициирована К.Э. фон Бэр. Его поздние годы были

полны разнообразными интересами, наиболее экзотическими из которых являлись чтение латинских и греческих авторов и работы по библеистике. Это подготовило почву для сближения великого биолога и его младшего коллеги, блестящего знатока античности Г.А. Тейхмюллера. В своем сочинении о дарвинизме Н.Я. Данилевский упоминает попытки Бэра связать учение Дарвина о происхождении видов с взглядами древнегреческих философов, особенно Анаксимандра и Эмпедокла. Тейхмюллер упоминается там как корреспондент Бэра, консультировавшего его по вопросу классических идей досократиков об эволюции видов. Данилевский цитирует письмо Тейхмюллера Бэру, в котором недавно обосновавшийся в Дерпте философ дает обзор взглядов Эмпедокла, их критику Аристотелем и делает вывод: в учениях Эмпедокла и Дарвина нет ничего общего, кроме идеи видов как результата внезапного столкновения природных сил без какой-либо внутренней цели [Данилевский 1885, с. 524-525].

Попытки выстроить генеалогию эволюционного учения были весьма распространенным эвристическим приемом как среди противников, так и среди сторонников Дарвина. На рубеже XIX-XX вв. историко-философская и просто философская аргументация в обсуждении предложенной теории естественного отбора была чрезвычайно востребованной. Ярким свидетельством тому является книга Х.Ф. Осборна [Osborn 1913, p. vii]. Заметим, что и видные практики эволюционной теории не были чужды теоретической аргументации в обосновании эволюционизма как почтенной теории с надежным историко-философским основанием. Например, Анаксимандра первым эволюционистом также считал выдающийся генетик Ф.Г. Добржанский [Dobzhansky 1959, pp. 3-4].

Очевидно, что Бэр обращался к Тейхмюллеру в первую очередь как к признанному филологу-классику, который мог бы предоставить ему исчерпывающее и ясное суждение о том, имеются ли в текстах древних истоки дарвиновских идей. До нас также дошли свидетельства о том, что Бэр оценил Тейхмюллера как «философа, знакомого с наукой» [Козлов 1894, с. 678], хотя тот и не был широко известен как самостоятельный мыслитель при жизни. Тем не менее его ученики и последователи по основанной им Юрьевской школе считали его звездой первого ранга не только среди русских, но и европейских мыслителей [Ивлева 2017; Ryzhkova 2013]. Сам, будучи учеником А. Тренделенбурга, он начал с исследования классических авторов и приобрел первую известность как комментатор Гераклита, Платона и Аристотеля. Позже он стал очень близким собеседником Бэра, а свою знаменитую лекцию о дарвинизме, прочитанную им в зале Дерптского университета 12 декабря 1876 г., он сам считал мировоззренческим завещанием великого естествоиспытателя [Тейхмюллер 1894, с. iii].

Во второй половине XIX в. в Дерптском университете было «засилье представителей старого витализма» [Mildenberger 2006, p. 176]. Среди имен основных его представителей имена К.Э. фон Бэра и Г. Тейхмюллера стоят на одной доске. Бэр широко известен как один из самых выдающихся ранних критиков взглядов дарвинистов на происхождение человека – не только с чисто биологической точки зрения (поскольку он требовал более глубокого изучения вопроса, основанного на убедительных доказательствах и более тщательном анализе данных) [Brauckmann 2012, p. 658], но также и с культурной и мировоззренческой точек зрения [Tammiksaar E. et al. 2018, p. 288f.]. Несмотря на то, что произнесенная Тейхмюллером речь против дарвинистов рассматривалась в контексте идей Бэра, нельзя не заметить, что интерес философа к критике дарвинизма не был случайным или поверхностным, а органично вписывался в контекст его историко-философских взглядов. Сама критика, развернутая Тейхмюллером, содержит в себе двоякую аргументацию: первая, или отрицательная, ее составляющая касается заблуждений дарвинистов (которые Тейхмюллер анализирует с логической точки зрения); вторая, или положительная, касается его собственных

взглядов на природу и телеологический принцип в ней [Lvov 2021]. Изучая критику дарвинистских идей Тейхмюллером, нельзя не заметить его строго метафизическую позицию, которую он пытается обобщить и сопоставить с эмпирическими аргументами в теории биологии. В своей метафизике он отчетливо отстаивает телеологию и непротиворечивость истины познаваемой реальности мира. Основываясь на своих эпистемологических и онтологических взглядах (а Тейхмюллер был неолейбницианцем), философ отстаивает воззрения, вполне привычные в европейской натурфилософии со времен Аристотеля до представителей немецкого идеализма. В этом смысле телеологическое мировоззрение (как положительная часть аргумента Тейхмюллера против дарвинистов) противопоставляется дарвинистскому учению как разновидности эмпирического мировоззрения, отказывающегося признавать наличие врожденных сил и духовных процессов в природе.

Несмотря на то, что уже современники и сторонники Тейхмюллера отмечали слабые стороны его критики дарвинизма, его пафос оказался востребован в дальнейшем развитии западной философии. В частности, историками философии обсуждается влияние антикантианских взглядов Тейхмюллера на Ницше [Emden 2005, pp. 140-141; Brobjer 2008, p. 28]. Вместе с тем было также много людей, которые могли бы прослушать лекции Тейхмюллера в Дерпте или прочитать его книги. С одной стороны, Тейхмюллер представляет натурфилософию старой школы, построенную на основе жесткой эпистемологии – в этом отношении он был не единственным энтузиастом-антидарвинистом ни в Российской империи, ни в Европе. Другим примером столь же влиятельного исследователя, критиковавшего дарвинистов прежде всего с позиций спекулятивной философии, был неокантианец Алоиз Риль. С другой стороны, если есть очевидные намеки на виталистические принципы в философии Тейхмюллера, остается открытым вопрос о том, рассматривались ли его идеи неовиталистами, и в этом отношении интересным материалом для дальнейшей работы являются сочинения Р. Ойкена и Х. Дриша. Как бы то ни было, витализм был наиболее оригинальным антидарвинистским течением в натурфилософии, корни которого следует искать в почве традиционной метафизики. Одним из столпов такой метафизики был отец-основатель Юрьевской философской школы Г.А. Тейхмюллер.

Список литературы

1. Данилевский 1885 – *Данилевский Н.Я.* Дарвинизм. СПб.: Издательство М.Е. Комарова, 1885. Т. 1.
2. Ивлева 2017 – *Ивлева М.И.* Философский принцип целостности в воззрениях представителей русской спиритуалистической философии конца XIX–начала XX вв. // *Право и практика.* 2017. № 1. С. 215-218.
3. Козлов 1894 – *Козлов А.А.* Густав Тейхмюллер // *Вопросы философии и психологии.* 1894. Кн. 24. С. 523-536. Кн. 25. С. 661-681.
4. Тейхмюллер 1894 – *Тейхмюллер Г.* Дарвинизм и философия. Юрьев: Печатня К.А. Германа, 1894. 100 с.
5. Brauckmann 2012 – *Brauckmann S.* Karl Ernst von Baer (1792-1876) and Evolution // *The International Journal of Developmental Biology.* 2012. Vol. 56. Pp. 653-660.
6. Brobjer 2008 – *Brobjer T.H.* Nietzsche's Philosophical Context: An Intellectual Biography, Chicago: University of Illinois Press. 2008. 288 p.
7. Dobzhansky 1959 – *Dobzhansky T.* Evolution, Genetics and Man. N.Y., L.: John Wiley & Sons, Inc, Chapman and Hall, Ltd., 1959. 398 p.
8. Emden 2005 – *Emden C.J.* Nietzsche on Language, Consciousness, and the Body. Chicago: University of Illinois Press, 2005. 240 p.

9. Lvov 2021 – *Lvov A.A.* Gustav Teichmüller's Epistemological Anti-Darwinism // *Annals of the History and Philosophy of Biology*. 2021. Vol. 24. Pp. 59-73.
10. Mildenberger 2006 – *Mildenberger F.* The Beer/Bethe/Uexküll Paper (1899) and Misinterpretations Surrounding 'Vitalistic Behaviorism' // *History and Philosophy of the Life Sciences*. 2006. Vol. 28. No. 2. Pp. 175-189.
11. Osborn 1913 – *Osborn H.F.* From the Greek to Darwin. An Outline of the Development of the Evolution Idea. N.Y., The MacMillan Company, 1913. 278 p.
12. Ryzhkova 2013 – *Ryzhkova G.S.* Gustav Teichmüller, a German-born Founder of Russian Personalism // *The Journal of Siberian Federal University. Serie: Humanities*. 2013. Vol. 6. No. 2. Pp. 284-290.
13. Tammiksaar E. et al. 2018 – *Tammiksaar E., Kalling K.* "I was stealing some skulls from the bone chamber when a bigamist cleric stopped me." Karl Ernst von Baer and the development of physical anthropology in Europe // *Centaurus*. 2018. Vol. 60. Pp. 276-293.

УДК 291.111+ 101.1

**ПРОБЛЕМА ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯ И ВЕРЫ
В СОВРЕМЕННОСТИ.
НАУКА И РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Игумен Петр (Пузенко)

Магистрант

Московская Духовная Академия

Москва, Россия

Меттини Эмилиано

*Заведующий кафедрой гуманитарных наук международного факультета,
Российский национальный исследовательский медицинский университет Минздрава*

России им. Н.И. Пирогова

Москва, Россия

E-mail: emiliano@inbox.ru

Проблема противопоставления научного знания и религиозной веры стара как мир. Многие столетия (если не тысячелетия) человек совершает более или менее удачные попытки осмыслить это противопоставление. В разных странах в различные эпохи человек, казалось бы, находил исчерпывающий ответ на этот вопрос. Но менялись эпохи; возникали, переживали апогей своего развития и уходили в небытие великие империи; зарождалась и проходила свой непростой путь наука, объявляемая в разные времена то «светом для человека», то «столпом богопротивной гордости»; появлялись новые религии, некоторые из которых становились идеологическими и геополитическими инструментами в руках правителей и жрецов; претерпевали изменения (порой радикальные) этические системы и аксиология, и поэтому вчерашний «исчерпывающий» ответ уже не мог удовлетворить сознание человека, который тоже менялся вместе со временем. Да и что говорить, саморефлексия человека непрестанно претерпевала изменения под воздействием научных, религиозных и философских трендов, постоянно актуализируя древнюю надпись-призыв со стены дельфийского храма «Γνῶθι σεαυτόν» (Познай самого себя). Человек постоянно искал выход из этой мучительной для своего сознания апории. Таким образом, вопрос о соотношении научного познания и религиозного опыта приобрел статус «проклятого» наряду с вопросом о смысле жизни и основным вопросом философии (об отношениях сознания и бытия).

Ключевые слова: человек, наука, религия, Бог, вера.

**THE PROBLEM OF CONTRADICTION BETWEEN KNOWLEDGE
AND FAITH IN MODERNITY.
SCIENCE AND RELIGION IN MODERN SOCIETY**

Hegumen Petr (Puzenko)

*Graduate student
Moscow Theological Academy
Moscow, Russia*

Mettini Emiliano

*Head of the Department of Humanities, International Faculty
Pirogov Russian National Research Medical University
Moscow, Russia
E-mail: emiliano@inbox.ru*

The problem of contradiction between scientific knowledge and religious faith is as old as the world. For many centuries (if not millennia), humanity makes more or less successful attempts to comprehend this opposition. In different countries, in different epochs, a person would seem to have found an exhaustive answer to this question. But epochs changed; great empires arose, experienced the apogee of their development and went into oblivion; science was born and passed its difficult path, declared at different times as a “light for man”, then as a “pillar of God-resisting pride”; new religions appeared, some of which became ideological and geopolitical tools in the hands of rulers and priests; ethical systems and axiology underwent changes (sometimes radical), and therefore yesterday's “comprehensive” answer could no longer satisfy the consciousness of a person, who also changed with time. Moreover, the self-reflection of a person constantly underwent changes under the influence of scientific, religious and philosophical trends, constantly returning to the ancient inscription-call from the wall of the Delphic temple “Γνῶθι σεαυτόν” (Know yourself). Man was constantly looking for a way out of this torturous aporia of his consciousness. Thus, the question of the relationship between scientific knowledge and religious experience got the status of the “curse” along with the question of the meaning of life and the main question of philosophy (the relationship between consciousness and being).

Keywords: man, science, religion, God, faith.

Весьма затруднительно определить время зарождения религиозных верований в человеческом обществе. На этот счет можно руководствоваться двумя точками зрения: научной и религиозной. Начнем, пожалуй, с последней. Библия говорит нам, что религия изначально для человечества. Первые главы книги Бытия повествуют не только о сотворении мира и человека, но и об определенных отношениях, возникших между Богом и человеком еще до грехопадения последнего, которые можно охарактеризовать как религиозные, которые Священное Писание называет «Заветом». Этот Завет в истории претерпевал множественные изменения, обусловленные пресловутым «человеческим фактором». Изменения в религиозной жизни происходили не по причине изменявшегося отношения Бога к человеку: «Бог не человек, чтобы Ему лгать, и не сын человеческий, чтобы Ему изменяться» [Чис. 23, 19]; у «Отца светов... нет ни изменения, ни тени перемены» [Иак. 1, 17]. а по причине изменявшейся духовной и нравственной жизни самого человека. Вся ветхозаветная история – это история разлучения человека с Богом и история преодоления этого разлучения через покаяние и обращение к Нему. Наконец, этимология слова «религия», по Августину Блаженному, говорит именно об этом; он интерпретирует термин «религия» через латинское «religere» – воссоединять [Августин 1998, с. 136]. Стало быть, с точки зрения религиозной, конкретнее – христианской (ибо существуют иные религии, иначе отвечающие на этот вопрос), религия есть изначально присутствующий в человеческом обществе феномен.

Теперь рассмотрим вопрос о времени происхождения религии в контексте научного (этнографического и социально-антропологического) дискурса. Вопрос о времени появления религии у человека теснейшим образом связан с другим, не менее важным вопросом о времени появления самого человека. Второй, более общий, вопрос в современной науке остается открытым до сих пор. Наличие примитивной религиозности у человека современного типа (*Homo sapiens*) не вызывает сомнений в научном сообществе. По мнению некоторых ученых (А.П. Окладников, П.И. Борисовский и др.), о религиозности неандертальцев могут свидетельствовать их погребения, носившие специфический религиозный характер, хотя другими исследователями (например, Я.А. Шером и др.) это утверждение оспаривается.

На основании всего, что было сказано выше, можно сделать определенный вывод. Ни религия (в нашем случае более конкретно – христианство), ни наука (этнография и антропология) не знают такого исторического состояния человека, когда он не имел религии, был «свободен от гнета религиозных предрассудков» (популярный штамп советской антирелигиозной пропаганды). Религию должно считать присутствующей *ab ovo* в человеческом сознании и в социуме. Об изначальности религии свидетельствовали Плутарх и Цицерон [Цицерон 1985; Шафф 2008]. Совершенно иной вопрос состоит в том, какие формы принимала религиозность под влиянием гносеологического фактора. Поскольку в определенный момент на историческую сцену выходит наука, необходимо тогда понимать ее суть, цели и задачи, что проанализируем в дальнейшем.

Если религиозность можно считать антропологическим феноменом, то феномен науки – это исторический феномен. Сначала необходимо договориться о терминах. Далеко не каждое объективное описание действительности можно считать научным, потому что описание окружающего мира акына по принципу «что вижу, то и пою» можно считать объективным, но описание мира в «акынском» варианте нельзя считать научным, невзирая на предполагаемую его объективность. Следовательно, можно считать, что возникновение науки возможно только там, где появляется сознательный процесс сбора данных и проверки информации, и именно методология становится главным критерием научного познания мира, основанным на методическом моделировании физических процессов и экспериментальных методах. Если определить время и место зарождения науки, тогда с уверенностью мы можем сказать, что зарождение науки произошло на рубеже XVI-XVII вв. в Западной Европе. Наука появляется не в момент религиозного кризиса, а в период расцвета христианской цивилизации. XVI в. для западной Европы – это век Реформации, а следующее столетие – век Контрреформации и религиозных войн. Эти факты не могут нами рассматриваться как свидетельство религиозного кризиса. Если жители Западной Европы ведут религиозные войны, значит, для людей религиозная составляющая их жизни имеет огромное значение. Если религиозная тема настолько актуальна для человеческого сознания, то ни о каком «упадке» религиозности в обществе не может идти речь. Можно ли назвать случайностью, что век инквизиции стал веком зарождения науки? Если посмотреть на лица «отцов» западноевропейской науки, то следует обратить внимание на тот факт, что их личная религиозность была гораздо выше обывательского уровня. Г.В. Лейбниц считал своим главным трудом «Теодицею» (оправдание Бога); Н. Коперник сам был каноником; об И. Ньютоне известно, что он написал больше трудов по богословию (его интересовала библейская герменевтика), нежели по математике и физике; И. Кеплер до последних своих дней высказывал сожаление о том, что по причине крайней нужды вынужден был оставить изучение богословия и начать преподавать математику. Можно назвать еще многие имена ученых, личная религиозность которых была на очень высоком уровне.

Есть основания считать науку социальным институтом. Она не может реализовывать себя без определенного социального «заказа», без поддержки социальных элит. Следовательно, эти самые элиты поддерживали научную революцию. А что же это за «элиты» в XVI столетии? Именно в эту эпоху появляется знаменитое выражение «*Cuius regio, eius religio*» (Чья власть – того и вера). В Западной Европе в это время Церковь везде государственная, и государство проводит очень жесткую религиозную политику. Причем инквизиция учреждена во всех государствах, повсеместно полыхают костры, но наука зарождается именно в это время. Стало быть, если бы духовенство всерьез считало зарождающуюся новую картину мира враждебной по отношению к своей вере, то у Церкви было бы вполне достаточно административных ресурсов, сил и возможностей «задушить младенца в колыбели». Однако же этого не произошло. Почему? Чтобы ответить на данный вопрос, возьмем за основу теоремы Гёделя с тремя аксиомами. Первая аксиома: космос объективно существует, вторая аксиома: этот космос имеет практическое обоснование и имеет объективную интерпретацию, космос подчиняется некоторым законам и может быть описан в рамках этих законов, каковые могут быть интерпретируемы в качестве универсальных законов насущного бытия, а третья аксиома: материальный мир не есть зло. Наука всячески приветствует существование этих аксиом, между тем как метафизика ставит здесь вполне радикальный вопрос. Объективное существование материального мира не может быть доказано в рамках натурфилософии (следствие из теоремы Гёделя). Тем не менее оно принимается «на веру», аксиоматично, ибо в противном случае бессмысленно все научное познание мира, и все исследования космоса представляются как «поток познающего сознания» и не более того. Из этого можно сделать вывод, что только христианская космологическая интерпретация делает возможным познание космоса как объекта. Таким образом, наука может появиться исключительно в той мировоззренческой парадигме, где утверждается реальность мира, а сам космос, отличный от Божества, расценивается как позитивное явление. Собственно, на первой странице Библии мы можем видеть, что то, что сотворил Бог, «весьма хорошо» [Быт. 1, 31].

Вместе с тем в христианско-теистической картине мира становятся потенциальными десакрализация и демифологизация космоса. С точки зрения пантеистической концепции космос есть эманация божества, есть его инобытие по отношению к «чистейшему Духу». Священное Писание Ветхого Завета с первых строк книги Бытия свидетельствует нам об антимифологическом описании мира, демифологизирует космос с первых же слов. Говоря о сотворении светил, Моисей (или иной предполагаемый автор книги Бытия) повествует нам о том, что «сотворил Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью» [Быт. 1, 16]. В этом повествовании бытописатель намеренно не называет эти два светила именами: Солнце и Луна, тем самым утверждая их тварное бытие. Бытописатель (полагаем, что через него Сам Бог) хочет показать теологическую «ничтожность» светил, что сами светила – не суть божества, но суть «творение» Единого Истинного Бога. На наш взгляд, это доказывает, что только в христианской парадигме (в отличие от современных христианству мифологем) открывается непантеистическое отношение к космосу, а это значит, что космос возможно исследовать, не принимая во внимание его «божественность». С точки зрения христианского концепта космос не есть Божество, а поэтому он может подлежать исследованию (в отличие от пантеистической доктрины), и, следовательно, мы можем считать, что посредством такой христианской мировоззренческой позиции был открыт путь к научному познанию мира, и стало возможным зарождение той социальной институции, которую мы называем наукой.

В заключение нашей статьи уже можно сделать определенный вывод. Наука и религия не могут рассматриваться как некие «враждующие концепции». Они рассматривают мир с разных точек зрения. Библия не отвечает на вопрос, как устроено небо, но она отвечает на вопрос принципиально иной – как «взойти» на это самое небо (в религиозном, а не в астрофизическом смысле). Наука изучает космос в его проявлениях в нашей жизни. Религия в союзе с философией пытается найти ответ на мировоззренческие вопросы. Бог, к Которому обращается религиозное сознание, не является частью космоса, Он Творец космоса. Дело в том, что в отношениях Бога и космоса Бог остается активным. Он не «Magister Magnus» (Великий Мастер) деизма, который создал великолепный механизм, завел его и предоставил самому себе. Бог на правах Творца имеет право вмешаться в общий ход вещей в этом космосе и сделать так, что «идеже хочет Бог, побеждается естества чин, творит бо елика хочет» (Великий покаянный канон преп. Андрея Критского), т.е. там, где захочет Бог, могут быть изменяемы все законы мироздания.

Наука же изучает творение, космос. Познания человека об окружающем мире всегда будут иметь определенные ограничения. Если говорить кратко, то главными вопросами, отличающими научное и религиозное мировоззрения, являются вопросы «как?» и «почему?». Мы видим великолепный корабль, готовящийся отойти от пристани. На берегу есть два человека, которым мы можем задать вопрос о том, что является «двигателем» этого корабля. И один из них скажет, что двигатель корабля при воздействии горючего приводит в действие подвижные механизмы, которые заставляют судно идти. А другой ответит, что этот корабль выходит в рейд потому, что он зафрахтован одной известной компанией и должен перевезти какие-либо определенные грузы. Таким образом, первый ответ будет «научным» (как?), а второй «религиозным» (почему?). Невозможно сказать, что один ответ является правильным, а другой – нет, и в этом кроется глубокий смысл Творения, науки и Божьего Замысла.

Список литературы

1. Августин 1998 – *Августин Блаженный*. Творения: В 4-х томах. СПб: Алетейя, 1998. Т. 3 (О граде Божиим). 595 с.
2. Цицерон 1985 – *Цицерон*. О природе богов // Философские трактаты. М.: Наука, 1985. С. 60-157.
3. Шафф 2008 – *Шафф Х.* История христианской церкви в 8-ми томах. СПб: Изд. «Библия для всех», 2007. Т. 2 (Доникейское христианство 100 – 325 по Р.Х.). 590 с.

УДК 165.17

ЭВОЛЮЦИЯ АПРИОРНОГО ИЛИ ПЛАСТИЧНОСТЬ МАТРИЦЫ СОЗНАНИЯ

Стригин Михаил Борисович

Кандидат физико-математических наук, магистр философии

Директор ООО «Митриал»

Нижний Новгород, Россия

E-mail: strigin1969@gmail.com

В работе обосновывается гипотеза тесной связи теории протоязыка Хомского и представлений Канта об априорном знании. Подтверждением этому стали работы Катрин Малабу, доказывающие историчность эволюции мозга и, следовательно, первичных форм

знания. Эволюция протоязыка и априорных представлений человека понимается как результат пластичности нейронных связей мозга. Такая смысловая метаморфоза, переход от нейронных закономерностей к информационным и обратно, может быть описана метафорой превращения обычной ленты в ленту Мёбиуса, когда двумерный объект благодаря трехмерному переключению связей становится качественно другим, сингулярно изменяя свою информативность, иначе говоря – проявляя не только гибкость, но и когнитивность. Такой переход сопровождается появлением нового априорного знания. Следствием этого явилась идея третьего вида суждений, квантовых, или топологических, дополняющих кантовские аналитические и синтетические суждения. В процессе взаимодействия человека с вещами начальное сознание, используя свою гибкость, выстраивает идеальное представление о них, что, в свою очередь, приводит к кризису восприятия, последующему его преодолению и к синтезу нового априорного.

Ключевые слова: априорное знание, гносеология, пластичность, гибкость, топология, нейроны, симулякры.

EVOLUTION OF THE A PRIORI OR PLASTICITY OF THE MATRIX OF CONSCIOUSNESS

Strigin Mikhail Borisovich

PhD in Physics and Mathematics, Master of Philosophy

Director of Private Limited Company "Mitrial"

Nizhny Novgorod, Russia

The paper substantiates the hypothesis of a close connection between Chomsky's theory of proto-language and Kant's ideas about a priori knowledge. This is confirmed by the work of Catherine Malabu, who proves the historicity of the evolution of the brain and, consequently, the primary forms of knowledge. The evolution of proto-language and a priori human representations is understood as a result of plasticity of neural connections of the brain. Such a semantic metamorphosis, the transition from neural patterns to informational ones and back, can be described by the metaphor of the transformation of an ordinary strip into a Mobius strip, when a two-dimensional object, thanks to a three-dimensional switching of connections, becomes qualitatively different, singularly changing its informativeness, in other words, showing not only flexibility, but also cognitiveness. This transition is accompanied by the appearance of a new a priori knowledge. The consequence of this was the idea of a third kind of propositions, quantum or topological, in addition to Kant's analytic and synthetic propositions. In the process of human interaction with things, the initial consciousness, using its flexibility, builds an ideal idea of them, which in turn leads to a crisis of perception, its overcoming and to the synthesis of a new a priori.

Keywords: a priori knowledge, epistemology, plasticity, flexibility, topology, neurons, simulacrum.

Матрица сознания

Предлагается модель сознания человека в виде эволюционирующей трехмерной нейронной матрицы, *центральные* связи между ячейками которой формируются на протяжении всей истории человечества и определяют априорное знание. «Мы рождаемся не с кашей в голове. Мы рождаемся с нейронами мозга, уже каким-то образом соединенными между собой в громадную, сложнейшую сеть. Каким именно образом они соединятся в процессе эмбрионального развития, зависит от генов. Из этого неизбежно следует, что по крайней мере некоторые наши знания вполне могут быть врожденными» [Марков 2018, с. 93]. Избегая редукции эволюции только к биологическим формам, предположим (хотя это и будет некоторым допуском «неоламаркизмом»), что вновь образованные нейронные паттерны передаются по наследству. Необходимо сразу прояснить, как, унаследовав сложнейший инструментарий нейронных взаимодействий, человек в современном мире часто ведет себя примитивнее субъектов прошлого: в частности, ряд навыков, которые были приняты двести лет назад, явно не поддерживаются – современный человек уступает крестьянину в обработке земли,

редко владеет навыками разговора на нескольких иностранных языках, как этим владел средний аристократ.

Объяснение такого парадокса может быть достаточно простым – обладание сложной нейронной матрицей еще не означает, что связи, наличествующие в ней, будут активированы субъектом и, соответственно, помогут субъекту в мышлении. Такая активация, можно предположить, происходит принудительно, подобно подаче управляющего сигнала на вход транзистора, и наиболее активна в детском возрасте, хотя и продолжается всю жизнь.

Гипотеза априорного знания, определяющего формирование нейронной матрицы, очевидно перекликается с идеей Хомского о протоязыке, внутри которого имеется набор априорных лексических правил, достаточных для того, чтобы сформировать любой из известных языков. Хомский сумел развить свою идею до теории о протоязыке. «Теория начального когнитивного состояния называется универсальной грамматикой» [Хомский 2017, с. 22]. Очевидно, что лексика языка выстраивается в согласии с логикой мышления носителей этого языка, которая, в свою очередь, опирается на априорное знание, обнаруженное Аристотелем и Кантом (для европейских стран). Априорные категории определяют структуру суждений. По всей видимости, возможность перевода текста с одного языка на другой обеспечивается наличием априорных категорий и единой логики протоязыка.

Обратимся за подтверждением гипотезы об эволюционирующей нейронной матрице, передающейся по наследству, к новой работе Катрин Малабу «Что нам делать с нашим мозгом»: «Сегодня решительно установлена связь между мозгом и историей – понятиями, которые, надо сказать, очень долго считались антитетическими» [Малабу 2019]. Одна из центральных мыслей ее книги состоит в том, что существует конститутивная историчность мозга, заключающаяся в его *пластичности*. Малабу противопоставляет *пластичность гибкости*, показывая, что первое понятие содержит, подобно пластиду (взрывчатому веществу), способность к внутреннему взрывообразному росту. Тогда как гибкость характеризует собой возможность трансформироваться в рамках одной топологической структуры.

Для иллюстрации такого феномена обратимся к ленте Мёбиуса – такая лента обладает иной топологией по сравнению с обычной лентой. Как бы мы ни изгибали обычную ленту, склеенную в кольцо, используя ее гибкость, мы не получим качественно нового объекта. Но благодаря пластичности происходит когнитивный скачок путем разрыва с выходом в третье измерение. Подобная метаморфоза увеличивает доступную поверхность и, соответственно, информативность в два раза. Если в случае обычной ленты, склеенной в кольцо, доступна только одна поверхность из двух, то в случае ленты Мёбиуса становятся доступны обе поверхности одновременно.

Кант и темпоральность априорного знания

В своей работе «Критика чистого разума» Кант указывает, что человеческому сознанию присуще априорное знание. По мнению Канта, человек обнаруживает в природе структуры, уже содержащиеся в его мышлении. При отсутствии таковых мышление, по мнению Канта, было бы невозможно. Иными словами, человек обнаруживает Солнце круглым, поскольку круг уже содержится в его нейронных паттернах априори. Но, исходя из нашей гипотезы эволюции априорного знания, наличие представления о круге должно быть подготовлено предыдущими поколениями, впервые обнаружившими его.

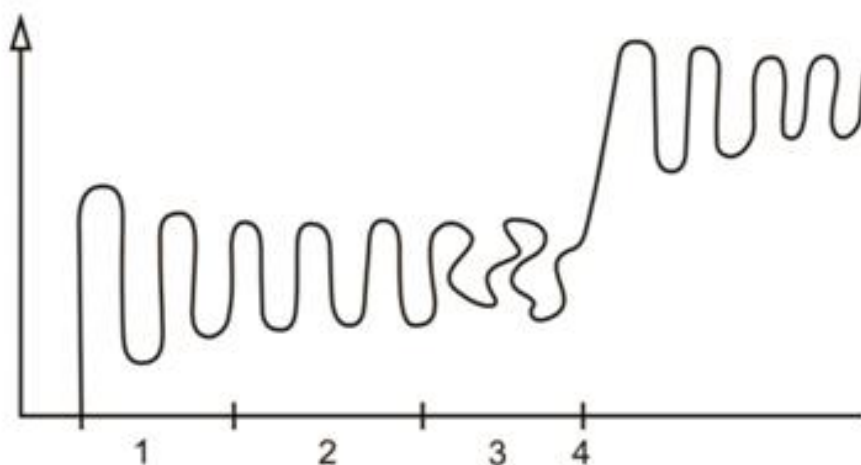
Можно предположить, что в античные времена в сознании содержались априорно десять категорий, которые Аристотель выделил как главные для построения любых суждений. Но если в процессе эволюции нейронная матрица-протоязык претерпевала

качественные изменения и, соответственно, в сознании со временем появлялись новые структуры, ответственные за миропонимание, то становится неувидительным, что Кант выделяет уже двенадцать категорий – по три категории количества, качества, отношения и модальности. Таким образом, можно заметить круг: субъект обнаруживает новую структуру, наблюдение за которой рождает новый нейронный паттерн, посредством переключения старых синапсов, а также образования новых. Такой паттерн, формирующий новые лексические правила протоязыка, в свою очередь, передается по наследству и становится априорным (доопытным) для следующих поколений.

Новый тип суждений

Попробуем сформулировать главную мысль нашей работы, развив одновременно идею Канта о делении всех суждений на аналитические и синтетические. Чистый синтез, согласно Канту – это соединение априорных категорий в новое суждение. «Под синтезом в самом широком смысле я разумею присоединение различных представлений друг к другу и понимание их многообразия в едином акте познания, такой синтез называется чистым, если многообразие дано априори» [Кант 2015, с. 109]. Мы, в отличие от Канта, признаем, что возможны три типа суждений: аналитические, синтетические и, мы бы назвали их, квантовые, или топологические. В такой классификации второй тип коррелирует с представлением о гибкости, тогда как третий перекликается с идеей Малабу о пластичности и возможности взрывообразного роста. Такую картину происхождения синтеза можно продемонстрировать на рис. 1.

Рис. 1 Эволюция семантики

1. Этап адаптации знания
2. Гармонический этап
3. Этап хаоса
4. Квантовый семантический скачок

На рисунке показано взаимоотношение всех трех типов суждений: осциллирующий процесс между синтетическими суждениями и аналитическими, обозначенный гармоническим этапом. Семантические осцилляции – это семантическое движение вверх при появлении новой смысловой структуры, соединяющей априорные категории (при чистом синтезе), и последующим движением вниз при аналитическом дроблении новой структуры (этот полупериод можно назвать временем критики). В некоторый момент, когда вся когнитивность априорного знания исчерпана, гносеологический процесс заходит в тупик, завершающийся хаотическим состоянием, *стохастическим колодецем, идеальным представлением* (Подробнее об этом скажем

ниже). И, наконец, рождение нового априорного знания происходит квантовым образом, что обозначено этапом квантового семантического скачка [Кун 2015, с. 320]. Под этапом адаптации понимается этап принятия человечеством нового априорного знания, что связано с переходом от этапа рождения к этапу выживания нового априорного знания, новых синаптических связей.

Для лучшего прояснения такой эволюции продемонстрируем появление всех трех видов суждений вновь на примере развития геометрии. Предположим, мы на плоскости сформулировали ряд аксиом евклидовой геометрии. Тогда, базируясь на этих аксиомах, мы можем выстроить ряд суждений-теорем, которые можно назвать аналитическими. Следующим шагом, используя один из априорных объектов – *прямую*, мы можем синтезировать из понятия *плоскости* новое понятие *трехмерного пространства* и вновь определить ряд аналитических суждений – евклидову геометрию уже трехмерного пространства. Тогда синтетическое суждение будет определять синтез двухмерного пространства и прямой в трехмерное пространство. Суждения, выстраивающиеся внутри трехмерного пространства и, соответственно, разлагающие его, будут аналитическими. Таких шагов можно совершать сколь угодно много. И, наконец, для демонстрации квантового суждения обратимся к понятию *тора*, которое не выводится никаким синтезом из аксиом евклидова трехмерного пространства. Для появления представления о торе было необходимо рождение нового знания, априорного уже для будущих поколений. Данное рождение знания происходит в синтезе предыдущего априорного знания и *ничто*. «Ничто есть, стало быть, то же определение или, вернее, то же отсутствие определений и, значит, вообще то же, что и чистое бытие» [Гегель 2019, с. 84]. Иными словами, гносеологическое бытие определяется синтезом априорного и ничто.

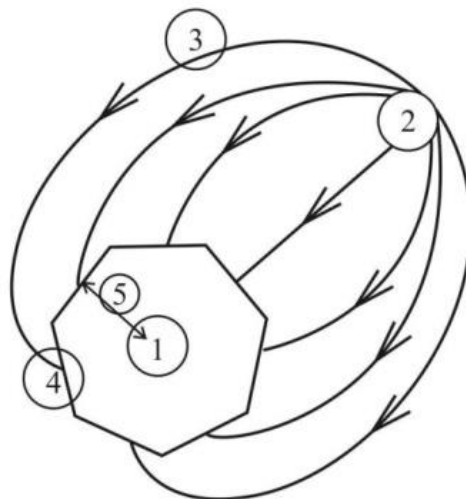
Идеальное как барьер мышления

Теорию эволюции субъект-объектных отношений рассматривал Д.В. Пивоваров в своей «синтетической теории идеального». «Идеальное есть не просто либо субъективная реальность, либо схема деятельности, либо объективный эталон, но представляет собой системное качество всего отношения субъекта и объекта» [Жуковский 2016, с. 895]. Такая системность отношений субъекта и объекта подразумевает наличие некоего первичного эйдоса, репрезентирующего главную идею объекта и формирующего априорное представление из некоторого количества категорий, синтез которых, в свою очередь, образует ореол вторичных эйдосов. Таким образом, формируется периферийная часть представления об объекте, которое постепенно, подобно скорлупе, обволакивает субъекта, пока полностью не сомкнется вокруг него (рис. 2).

В такой момент дальнейшее непосредственное рассмотрение объекта становится невозможным. Взгляд субъекта не может пробиться к нему сквозь «скорлупу» идеального представления, он отражается от нее, формируя вторичную репрезентацию, которая, в свою очередь, порождает *симулякры*, каковые при видимой схожести извращают эйдос. В таком внутреннем диалектическом круге отсутствует *иное*, создающее новое знание и формирующее новые нейронные связи. В результате человек вместо того, чтобы заглядывать в *вещь*, заглядывает в собственный хаос, порождающий *нечто искаженное*.

Рис. 2

Идеальное представление объекта

- 1 - субъект
- 2 - объект
- 3 - эйдосы - идеи
- 4 - идеальное представление объекта
- 5 - симулякр

Список литературы

1. Жуковский 2016 – *Жуковский В.И.* Ключевые положения синтетической теории идеального Д.В. Пивоварова – методологическая основа инновационного концепта изобразительного искусства // *Философия и искусство*. 2016. № 6(102). С. 892-898.
2. Гегель – *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. М.: Издательство АСТ, 2019. 912 с.
3. Кант – *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2015. 736 с.
4. Кун – *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Издательство АСТ, 2015. 320 с.
5. Малабу 2019 – Редакционный материал журнала Сигма. Катрин Малабу. Пластичность и гибкость, за сознание мозга [Электронный ресурс]. URL: <https://syg.ma/@sygma/katrin-malabu-plastichnost-i-ghibkost-za-soznaniie-mozgha> (дата обращения 02.04.2020).
6. Марков – *Марков А.* Эволюция человека. Нейроны и душа. М.: Издательство АКТ: CORPUS, 2018. 512 с.
7. Хомский – *Хомский Н.* О природе и языке. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. 288 с.

МИФ В НАУЧНОМ И РЕЛИГИОЗНОМ ПОЗНАНИИ

Ткачев Андрей Николаевич

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им.
Н.И. Лобачевского.
Нижний Новгород, Россия
E-mail: andrey-tkacheff2015@yandex.ru*

В статье рассматриваются общие элементы в научном и религиозном познании, и предлагается рассмотреть мифотворчество в качестве одного из важнейших общих элементов. Хотя наука и религия чаще избегают осознавать себя как мифы, однако миф необходим для развития науки и религии, потому что миф по определению выходит за пределы наличествующего, а всякое развитие требует выхода за пределы наличного. Всякое развитие познания требует, с одной стороны, необходимой доли скепсиса к своему познанию, а с другой стороны, какого-то положительного утверждения. Миф удовлетворяет как скептическому запросу, так и необходимому утверждению. Предлагается понимать миф как необходимое сомнение для всякого положительного утверждения, потому что любое познавательное утверждение делается в пространстве неизвестности. Мифы науки и религии различаются по назначению: если мифы науки направлены на поиск информации об окружающем мире, то мифы религии более направлены на поиски ориентации в мире. Хотя наука и религия в своем историческом развитии явно стремятся к позитивному пониманию себя, успешное развитие требует необходимого элемента самоотрицания.

Ключевые слова: миф, скепсис, наука, религия, фальсификация, идолослужение, фаллибилизм, диалектическое богословие.

MYTH IN SCIENTIFIC AND RELIGIOUS KNOWLEDGE

Tkachev Andrey Nikolaevich

*PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia
E-mail: andrey-tkacheff2015@yandex.ru*

The article considers common elements in scientific and religious knowledge. The author considers myth-making as one of the most important common elements. Although science and religion avoid being aware of themselves as myths, but the myth is necessary for the development of science and religion, because the myth transcend in existence, but any development requires transcend in existence. On the one hand, any development of knowledge needs a share of skepticism, and on the other hand, a positive statement. The myth satisfies both the skeptical request and the necessary statement. It is proposed to understand the myth as a necessary doubt for any positive statement, because any cognitive statement is made in the space of uncertainty. The myths of science and religion differ in their purpose. The myths of science are aimed at finding information about the surroundings; the myths of religion are aimed at finding orientation in the world. Although science and religion in their historical development clearly strive for a positive understanding of themselves, successful development requires the necessary element of self-denial.

Keywords: myth, skepticism, science, religion, falsification, idolatry, fallibilism, dialectical theology.

Когда пишут о взаимоотношениях религии и науки, часто имеют в виду конфликт между научными и религиозными представлениями о мире. Но хотелось бы обратить внимание и на другую сторону вопроса, а именно, на общие черты в происхождении науки и религии. Это необходимо для того, чтобы попытаться понять некоторые элементы культурного фона, влияющего на процессы возникновения и развития науки.

Кроме того, это касается и прояснения вопроса о религиозном познании, потому что вера может играть существенную роль не только в мировоззренческой ориентации, но и в познании мира. Казалось бы, в качестве общей черты науки и религии, несмотря на различия, можно предложить то, что и наука, и религия заинтересованы в познании мира. Но это не совсем так. Дело в том, что познание во многом определяется целью – для чего познавать? И если задача науки – познать для увеличения объема информации о мире, то задача религии – познавать для ориентации в мире. Это противоречие между задачами религиозного и научного познания касается не только противоречия между научным и религиозным познанием, но и противоречия между научным и философским познанием. Философия является единственной научной дисциплиной, которая имеет право выходить за рамки науки, потому что именно философия является своеобразным мостом между научным и другими видами человеческого познания.

Очень часто между наукой и религией существует непонимание по поводу способов познания, когда ученым представляется, что попытки познания без определенной общезначимой методологии бесперспективны и могут вести только к иллюзиям, к фантазиям, к мифам, и т.д. Но в современной методологии науки также известно и другое – то, что для развития науки требуется выйти за пределы наличествующих представлений. Более того, Карл Поппер даже рассматривает фальсификацию наличествующих представлений как обязательное условие научного развития, а нефальсифицируемые знания предлагает не относить к науке. Но тогда, если все научное знание фальсифицируемо, оно является мифом и ничем существенно не отличается от религиозного мифа. Хотя сам Поппер видит отличие научного мифа (знания) от религиозного мифа как раз в фальсифицируемости мифа [Поппер 2004, с. 219]. И действительно, религиозный миф может казаться нефальсифицируемым, но тут нужно еще учитывать специфику различий в выражении религиозных мифов и мифов науки. Научный миф в своем выражении предполагает точность, определенность и однозначность, тогда как выражение религиозного мифа предполагает обязательную высокую степень символичности, религиозное знание по большей части неопределенно и неоднозначно. Другими словами, если научное знание представляет собой некий законченный и определенный этап пути, то религиозное знание более представляет собой направление пути, на котором чем меньше чего-то законченного, тем лучше. Например, в религии Библии всякая претензия на законченное знание представляется идолослужением и нечестием, потому что на завершенность вправе претендовать только Бог, а никак не человек. В науке дело обстоит несколько иначе, наука, если смотреть на нее философски, является некоей формой самопознания человека, обретением человеком прежде всего самого себя в познании мира, отсюда и стремление к определенности, к завершенности, пусть временной, но завершенности, к наличию понятного человеку результата. Каждый ученый, что бы он ни познавал или ни исследовал, пытается получить некий результат исследования. И именно в результате ученый обретает себя, расширяет границы своего представления о мире, если говорить терминологией Ницше, то ученый осуществляет «волю к власти» над миром. А в религии (в данном случае речь пойдет о религии Библии как религии типичной для европейской цивилизации, ведь современная наука получает максимальное развитие именно в европейской цивилизации) все наоборот, целью познания является утрата своей определенности как открытие своей личности для Божественного. Поэтому именно религиозному идеалу ближе фальсифицируемость. Но Поппер прав, если говорить не о религиозных идеалах, а об исторической религии. Но думается, что для понимания мировоззренческих оснований познания речь должна идти не об исторических формах европейских религиозных движений, а о стоящих за ними мировоззренческих идеалах, прежде всего идеалах Библии. Потому что, если вдаваться в историю религии,

необходимо отделять соответствующие идеалам религиозные формы, от несоответствующих. Также как и в науке, где существуют идеалы и существует весьма неидеальная реальность. Поэтому в данном случае речь пойдет только о мировоззренческих идеалах как о побудительных силах научного и религиозного познания. Идеал как обретение себя в науке и идеал как потеря себя в религии – противоположны. И нужно заметить, что принцип фальсификации, предложенный Карлом Поппером, ближе идеалу потери себя, нежели идеалу обретения себя. Потому что принцип фальсификации – это форма готовности к отказу от своих взглядов, готовности изменять свои взгляды.

В науке всегда прирост знания обеспечивался умеренным скептицизмом, т.е. главным в науке всегда было положительное знание, а скептицизм лишь при нем. Иначе и сложно себе представить, потому что всякое направленное развитие требует положительной идеи. Исследователи науки мало внимания обращают на то, что фаллибилизм Карла Поппера становится фундаментальным мировоззренческим переворотом в науке, если под наукой понимать обретение человеком себя, потому что фаллибилизм – это постановка скептического идеала в основу научного познания вместо положительного идеала. Но скептический идеал представляется невозможным для развития науки, направленного на обретение себя, на обретение результата (даже само словосочетание «скептический идеал» противоречит себе). Потому фаллибилизм вносит в понимание науки противоречивость, которую можно было бы понять как диалектическое противоречие, способствующее развитию. Т.е. у науки оказываются уже два противоположных идеала: идеал обретения себя и идеал утраты себя.

Познание всего, в каких бы сферах человеческой культуры оно не происходило, имеет некоторые общие черты. И одним из таких общих проявлений познания является сомнение, скепсис, потому что именно сомнение раскрывает область, где возможен поиск чего-то нового. Но эта область, открываемая сомнением, может быть очень различной, что определяется прежде всего задачами и методологией познания. Именно задача ограничивает поиск, а, следовательно, ограничивает и сомнение. Потому что, если исходить из сомнения, то – что же тогда искать, и зачем? Чтобы поиск был возможен, сама задача поиска не должна подлежать сомнению, но тогда получается, что задача поиска выходит за рамки науки, т.к. уже не соответствует принципу фаллибилизма, не фальсифицируется. Получается, что науке необходима не-наука, область ненаучного, необходим миф [Лосев 1990]. Да и в религии тогда получается, что задача поиска Бога является идолопоклоннической задачей, не соответствующей условиям поиска Безграничного Бога, потому что самой постановкой задачи поиска ограничивает Бога, вводит миф Бога. Потому скептицизм в науке и религии должен, по-видимому, быть двойственным. Один скептицизм направлен на поиск Бога, а другой скептицизм направлен против поиска Бога. И в науке один умеренный скептицизм направлен на осуществление научной задачи, а другой скептицизм должен быть направлен на науку и ее результаты – если развивать принцип фаллибилизма.

Аналогичной подход предполагается, например, и в диалектическом богословии, которое требует в богословских высказываниях придерживаться принципа «да-и-нет» [Тиллих 1995]. Это распространяется на положительные богословские утверждения – всякое положительное богословское утверждение должно предполагать отрицание себя. Пауль Тиллих в качестве примера такого богословствования приводит интерпретацию распятия Иисуса Христа: Божественное не может быть распято, это абсурдно, а потому событие распятия Божественного содержит в себе самоотрицание. Само понимание научной или религиозной интерпретации материала как мифотворчества является необходимым самоотрицанием, ведущим к развитию как научного, так и религиозного познания.

Список литературы

1. Лосев 1990 – *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа / Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Изд-во «Правда», 1990. 655 с.
2. Тиллих 1995 – *Тиллих П.* Динамика веры / Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995. 479 с.
3. Поппер 2004 – *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПЛ «Ермак», 2004. 638 с.

УДК 124.2 + 291.32

СИНТЕЗ НАУЧНОГО, РЕЛИГИОЗНОГО, МИФОЛОГИЧЕСКОГО И ИНТУИТИВНОГО ПОЗНАНИЯ – ЭЛЕМЕНТ САМООРГАНИЗУЮЩЕЙ ЭВОЛЮЦИИ В ЭПИСТЕМЕ XXI В.

Толмачёв Александр Васильевич

Магистр религиоведения

Российский православный университет святого Иоанна Богослова

Москва, Россия

E-mail: 9409574@mail.ru

Современные социально-исторические условия формируют знания о космосе, природе и человеке через синтез сакрального и мифологического символического языка с научным и бытовым языками человека, а также с машинными языками. В XXI в. мыслительные конструкции, построенные на понятиях, размываются, и им на смену приходят чувственно-образные символы, трудно соединяемые с логически-рационально выстроенными словами привычных человеческих языков. И, возможно, скоро появится новая эпистема, в эпоху которой вновь обретенные, глубоко прочувствованные и осмысленные слова можно будет назвать так: слово-энергия, слово-творящее, слово-смысл живой жизни, а не искусственных предметов.

Ключевые слова: наука, религия, познание, эпистема, самоорганизация

THE SYNTHESIS OF SCIENTIFIC, RELIGIOUS, MYTHOLOGICAL AND INTUITIVE KNOWLEDGE AS AN ELEMENT OF SELF-ORGANIZING EVOLUTION IN THE EPISTEME OF THE XXI CENTURY

Tolmachev Aleksand Vasilyevich

Master of Religious Studies

St. John the Apostle Russian Orthodox University

Moscow, Russia

E-mail: 9409574@mail.ru

Modern socio-historical conditions form knowledge about space, nature and man through the synthesis of the sacred and mythological symbolic language with the scientific and everyday languages of man, as well as with machine languages. In the XXI century, mental constructions built on concepts are blurred and they are replaced by sensual-figurative symbols that are difficult to combine with the logically rationally constructed words of familiar human languages. And, perhaps, a new episteme will soon appear, in the era of which the newly acquired deeply felt and meaningful words can be called as follows: word-energy, word-creative, word-meaning of living life, and not artificial objects.

Keywords: science, religion, cognition, episteme, self-organization.

Один из взглядов на научное познание мира предложил С.В. Савельев: «Мы создаем внутри мозга умозрительные модели мира и затем сравниваем их с реальностью. Если совпадения нет (а его нет никогда), то мы начинаем мучить окружающий мир до полного совпадения с нашими иллюзиями» [Савельев 2018, с 70]. О религиозном способе познания с советских времен нам было известно только то, что религия является инструментом, изощренным средством обмана для достижения власти над малообразованным народом. Так же обстояло дело и с мифологическим способом восприятия и познания мира. Общество XX в. пользовалось в основном языком науки, который привел общество к языку машин и цифр, где смыслы вещей растворились в их количественном цифровом выражении.

Эпистема XXI в. характеризует культурные образцы современности, включая цифровые технологии в науке, религии, мифологии, общественной жизни и в быту всякого индивида. Современные социально-исторические условия формируют знания о космосе, природе и человеке, соотносят не только профанный научный язык, внедренный в сознание людей предыдущего революционного XX в., но и синтез сакрального и мифологического символического языка с научным и бытовым языками человека, а также с проблесками внедряющихся в нас машинных языков.

Вещи и явления сегодня все больше цифруются, нежели осмысливаются. Наблюдается мощная эволюция созданного руками человека искусственного цифрового мира. Все больше человек переходит от виртуальной реальности, фантазийности к нашей повседневной реальности и вводит живого человека в свою систему координат.

Если в эпоху ренессансной эпистемы человек представлял слово священным магическим словом-символом, в эпоху классической эпистемы слово становилось знаком вещи, а в эпоху современной эпистемы XX в. слово перестало определять конкретные предметы даже как знак, то в XXI в. мыслительные конструкции, построенные на понятиях, размываются, и им на смену приходят чувственно-образные символы, трудно соединяемые с логически-рационально выстроенными словами привычных человеческих языков.

Такие символы – не совокупность слов, не совокупность картинок, не совокупность запахов или осязаний. Эти символы ощущаются даже не совсем человеческими. Они как будто бы пришли из иного мира, где человек и существует, и не существует. Или точнее – существует, но как бы иначе – внутри и одновременно вне космоса, природы, энергий, мыслей, ощущений, фантазий, сновидений, божеств.

Именно поэтому только научное познание современного мира не может дать человеку правильные ответы на, казалось бы, простые вопросы: кто мы? где мы? зачем мы? почему мы? Здесь эволюция научного познания направляет движение мысли по рельсам устаревающих эпистем, ведущих человека не вверх над собой или внутрь себя, а как бы по периметру дозволенных научными парадигмами границ человеческого понятийного мира. Поэтому скорость мысли человека никак не увеличивается, а начинает замедляться, подавленная гигантским объемом информации.

Вот тут и приходят на помощь человеческому мышлению и познанию новые формы познания – мифологическая, религиозная, интуитивная. Соединяя науку, религию, мифологию и интуицию, человек совершит революционный переход в новую систему координат с гораздо более многочисленными степенями свободы, а значит, с возможностью очень быстро увеличивать скорость собственных мыслей. Таким образом, человек сможет вырваться из засасывающего болота искусственного цифрового мира. Таким образом, возможно, скоро появится новая эпистема, в эпоху которой вновь обретенные, глубоко прочувствованные и осмысленные слова можно будет назвать так: слово-энергия, слово-творящее, слово-смысл живой жизни, а не искусственных предметов. Тогда вместо растраты человеческого времени жизни на

искусственные предметы (а также цифры, деньги и др.) мы сможем использовать наше время жизни на сотворение (а может и досотворение) новых миров вместе с Творцом. Это и есть настоящая живая самоорганизация человека и человеческого общества.

«Существуют не один наш мир, а два мира: мир живой, сотворенный не человеком, а Творцом, и мир искусственный, созданный руками и помыслами человека. Мир живой находится в естественном балансе эволюционирующих живых существ, включая человека и планету Земля. Мир искусственный находится в искусственном прогрессе и искусственном “бухгалтерском” балансе, степень прогресса и баланса в котором измеряется искусственной величиной – деньгами, цифрами. Мера живого мира никакого отношения к деньгам не имеет, ибо эта мера – время жизни. Искусственный мир, управляемый глобальной геоэкономической транснациональной финансовой системой, заставляет человека, социальные группы, даже государства менять время жизни на деньги или цифры. Вершина искусственного мира – это цифровая искусственная реальность.

Самоорганизация человека и всего живого мира разрушает искусственный мир, так как она возможна только в живом мире при получении живой творящей энергии из ниоткуда (как объясняют философы-атеисты), из резонанса (как объясняют физики), из божественной благодати Святого Духа (как объясняют богословы)» [Толмачёв 2019, с. 12].

Список литературы

1. Савельев 2018 – *Савельев С.В.* Церебральный сортинг. М.: ВЕДИ, 2018. 256 с.
2. Толмачёв 2019 – *Толмачёв А.В.* От потребления сотворенного мира – к сотворению нового мира // Новое качество социально-экономического прогресса: вызовы и шансы / Коллективная монография. Краснодар: Изд-во НИИ Экономики ЮФО, 2019, 330 с.

УДК 001.11; 261.5

НАУКА И РЕЛИГИЯ НА СТЫКЕ ГРАНИЦ РЕФЛЕКТИВНОГО И ВАЛЮАТИВНОГО ЗНАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РАЗВИТИЯ АНАТОМИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ)

Хмелевская Светлана Анатольевна

*Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии
естественных факультетов*

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

E-mail: xmelevsk@mail.ru

Соотношение науки и религии можно более четко представить в ракурсе выделения рефлексивного и валюативного видов знаний. При этом если рефлексивное знание раскрывает объект в собственной логике его бытия, то валюативное знание представляет ценностное осмысление мира. Пример развития анатомии в эпоху Позднего Возрождения свидетельствует о том, что отсутствие официального запрета на аутопсию и достаточно либеральная церковная практика в этом отношении в некоторых странах (как это было, например, в Венецианской республике) способствовали революционным изменениям в этой науке, построению ее на базе рефлексивного знания, что было, в первую очередь, связано с творчеством Везалия. При этом валюативные знания, выработанные на основе религиозного ценностного осмысления мира и человека, были вполне совместимы с рефлексивными знаниями анатомической науки. Вместе с тем, когда религия и наука сталкиваются на почве рефлексивного знания, между ними возникают конфликты, что также

нашло отражение в творчестве Везалия, когда из-за расхождения с Церковью его книга «О строении человеческого тела» была запрещена Папским Престолом. Аналогичные конфликты науки и религии возможны и на базе валюативного знания, что видно на примере жизни и творчества М. Сервета. В связи с этим представляется, что плодотворное взаимодействие науки и религии возможно в рамках установленных границ рефлексивного и валюативного знаний.

Ключевые слова: рефлексивное знание, валюативное знание, наука, религия, Везалий, аутопсия, анатомия, Сервет.

SCIENCE AND RELIGION AT THE JUNCTION OF THE BOUNDARIES OF THE REFLECTIVE AND THE VALUE KNOWLEDGE (ON THE EXAMPLE OF THE DEVELOPMENT OF ANATOMY IN THE LATE RENAISSANCE)

Khmelevskaya Svetlana Anatolievna

PhD DSc in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy of Natural Sciences Faculties

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

E-mail: xmelevsk@mail.ru

The relationship between science and religion can be more clearly represented from the perspective of distinguishing the reflexive and value types of knowledge. At the same time, if reflective knowledge reveals the object in its own logic of being, value knowledge represents a value-based understanding of the world. The example of the development of anatomy in the late Renaissance shows that the absence of an official ban on autopsy and the rather liberal church practice in this regard in some countries (as was the case, for example, in the Republic of Venice) contributed to revolutionary changes in this science, building it on the basis of reflective knowledge, which was primarily associated with the work of Vesalius. At the same time, the value knowledge developed on the basis of a religious value understanding of the world and human were quite compatible with the reflective knowledge of anatomical science. However, when religion and science collide on the basis of reflective knowledge, conflicts arise between them, which is also reflected in the work of Vesalius, when, due to a discrepancy with the Church, his book “On the Structure of the Human Body” was banned by the Holy See. Similar conflicts of science and religion are possible on the basis of value knowledge, which can be seen in the example of the life and work of M. Servet. In this regard, it seems that the productive interaction of science and religion is possible within the established boundaries of reflective and value knowledge.

Keywords: reflective knowledge, value knowledge, science, religion, Vesalius, autopsy, anatomy, Servet.

Разделение видов знаний на рефлексивные знания, полученные как результат изучения объекта в логике собственного бытия, и валюативные знания, сформированные на основе ценностного осознания мира [Момджян 2013, с. 68, 102; Хмелевская 2020, с. 168-169], дает возможность более четко представить взаимоотношение науки и религии, что можно проиллюстрировать на примере развития анатомии в эпоху Позднего Возрождения. Именно в данную эпоху начинают формироваться стандарты научной рациональности современной науки.

Подтверждением этому выступает, в частности, творчество Андреаса Везалия, одного из основоположников анатомии как науки, который в своем знаменитом труде «О строении человеческого тела» (кн. 1-7) (*De humani corporis fabrica*) описал в ракурсе рефлексивного знания строение человеческого тела, опираясь на эмпирически наглядное подтверждение этого описания (препарируя человеческие трупы, делая с натуры зарисовки органов человеческого тела и закладывая тем самым основы анатомического рисунка). Аутопсия становится теперь одним из базовых методов развития анатомии как науки (что по своей значимости можно сравнить с революционным скачком в ее

развитии), а Природа (а это слово Везалий всегда писал с большой буквы) выступает наставницей в научных изысканиях.

Однако такой подход к изучению человеческого тела Везалием базировался на натурализме, что дало повод недругам ученого обвинить его в отрицании христианской трактовки человека. Везалий, действительно, ничего не писал о душе, считая, что такие описания не имеют отношения к его научным изысканиям, и отдавая данную тему для осмысления христианским теологам². Хотя в предисловии к своей работе он отмечал, что натуральная философия (куда он относил медицину) повествует о душе и теле, их «согласованности (*symphonia*) между собой, с неким божественным провидением и с его согласованностью с нами самими (что поистине важно для человека)» [Везалий 1950, с. 20]. Кроме того, он неоднократно подчеркивал, что цель развития анатомии, как и медицины в целом, «предназначена для сохранения человеческого здоровья» [Везалий 1950, с. 8], а сам человек является «совершеннейшим из всех созданий, приемником и орудием бессмертной души, которое не без основания именовалось у древних малым миром (*parvus mundus*), так как он [микрокосм] во многих отношениях соответствует Вселенной» [Везалий 1950, с. 20].

Важно отметить и то, что через иллюстрации, используемые в изданном труде, Везалий вносит эстетическое начало в анатомическую науку (неслучайно, по одной из версий, иллюстрации к этой работе были выполнены Яном Стефаном ван Калькаром, учеником Тициана), «взгляд, выходявший за пределы мертвого тела на анатомическом столе: драматургическое представление скелетов – работа не скальпеля, но кисти»³.

Сложился стереотип, что Католическая церковь на протяжении длительного периода сдерживала развитие анатомии, запрещая расчленение трупов с целью изучения анатомического строения тела. При этом основным аргументом в подтверждение этому называется декреталия «*Detestande feritatis*» («Заслуживающая ненависти жестокость»), изданная папой Бонифацием VIII 27 сентября 1299 г. Но что действительно запрещала Декреталия? Она запрещала практику захоронения трупов («*E mos Teutonicus*»), получившую широкое распространение в период крестовых походов⁴, осуждала подобную практику, называя ее варварской⁵, «официально и торжественно выступая в пользу целостности тела» [Paravicini Bagliani 1992, с. 20]. Но она не содержала прямого запрета на проведение аутопсии (однако некоторые анатомы восприняли это так, что запрет касается и их [История тела 2017, с. 235]). Декреталия отражала понимание человека и его ценности, что следовало из догматов христианства. «Не знаете ли, что телá ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?» [1 Кор 6:19]. Отсюда, даже останки человека заслуживают уважительного отношения, поэтому какие-либо действия с телом усопшего не могут быть вседозволенными (как следствие, настороженное отношение к аутопсии). Но такое отношение христианской церкви к аутопсии связано и с традицией предания усопшего

² Вместе с тем известен факт его биографии – когда он был еще молодым человеком, у него был спор с богословами Лувена по поводу местонахождения души. Говоря о месте души, он обвиняет теологов в том, что они хотят решить такие вопросы, не понимая анатомии. См.: Catholic encyclopedia: Andreas Vesalius – New Advent, 2021..

³ Характерно, что изображенные на рисунках скелеты стоят в позах, свойственных живым людям, а пейзажи, окружающие некоторые костяки, говорят более о жизни, чем о смерти [История тела 2017, с. 244].

⁴ Когда родственники погибшего желали его захоронения на родине, но в случаях быстрого разложения трупа и невозможности его скорой доставки к месту захоронения у трупа вываривались кости, которые затем и передавались на погребение родственникам.

⁵ Декреталия предусматривала погребение останков на месте смерти на время, пока они не будут разлагаться в прах до возможной эксгумации. Затем останки должны быть доставлены на место окончательного захоронения. Установленная санкция за нарушение Декреталии – отлучение от Церкви.

земле: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» [Бытие 3:19]. Хотя для воскрешения усопшего неважно, в каком состоянии находилось его тело. В конечном итоге все тела превратятся в прах. Поэтому, будет ли тело повреждено при аутопсии, не так важно для христиан, верующих в могущество Бога. При воскресении тело обретет жизнь вечную.

Поэтому уже во времена Везалия были разрешены публичные вскрытия, и официально Римско-католическая церковь этому не препятствовала, хотя в разных странах Европы церковная практика могла быть разной. Например, в Италии, особенно в Венецианской республике, было больше свободы в проведении научных исследований и менее строгие церковные запреты, что трудно утверждать в отношении испанской инквизиции, фактически запретившей любое препарирование человеческих трупов. Поэтому расцвет творчества Везалия приходится на период его работы в Падуанском университете, когда он мог производить вскрытия.

Таким образом, Церковь официально не запрещала аутопсию, хотя в разных странах церковная практика могла быть различной. В странах, где аутопсия не была под запретом, это дало толчок для развития анатомии как науки. При этом валюативные знания, выработанные на основе религиозного ценностного осмысления мира и человека, были вполне совместимы с рефлексивными знаниями анатомической науки. В частности, максима уважительного отношения к телу усопшего утверждалась и христианской церковью (и не только ей одной, но и в целом ряде других религий), и врачебной этикой (в том числе и этикой проведения научных исследований). Например, тот же Везалий был глубоко верующим человеком и, по свидетельству очевидцев, «перед каждым вскрытием горячо молился, и, обращаясь к Богу, просил прощения за то, что он в интересах науки искал в смерти людей тайну жизни» [Андреев-Амурский 2019].

Однако сложности во взаимоотношениях науки и религии проявляются, в частности, тогда, когда религия и наука сталкиваются на почве рефлексивного знания. И это также нашло отражение в творчестве Везалия, доказавшего, в частности, одинаковое количество ребер у мужчины и женщины, что противоречило ветхозаветному вероучению, а также отсутствие нетленной косточки, помогающей человеку воскреснуть в день Страшного суда. В его книге указывались ошибки Галена, особо почитавшегося Католической церковью. В результате книга Везалия была запрещена Папским Престолом, а ее автора Церковь обвинила в богохульстве [O'Malley 1964, p. 304].

Вместе с тем конфликты между наукой и религией могут быть спровоцированы и действиями ученого, когда тот преступает границы рефлексивного знания и вторгается в ценностное осмысление мира, представленное в религиозном миропонимании. В качестве примера можно привести Мигеля Сервета, современника Везалия, открывшего малый круг кровообращения. В своей работе «Восстановление христианства» («Christianismi Restitutio») Сервет отрицает догмат троичности Бога и учит, что Бог един. Книга была запрещена инквизицией и сожжена вместе с изображением автора [Бургете 2017, с. 147]. Затем и сам автор был приговорен к сожжению.

Итак, на основе исторических примеров можно сделать вывод, что плодотворное взаимодействие науки и религии возможно в рамках установленных границ рефлексивного и валюативного знаний. В случае если эти границы нарушаются, это приводит к конфликтам между этими формами постижения бытия. Однако это не отрицает того, что религия может вырабатывать собственные рефлексивные знания (например, в теологии), но здесь возможны два варианта: либо в русле научной

эпистемологии (но тогда она должна действовать по ее стандартам), либо в рамках собственной, религиозной эпистемологии (что можно наблюдать, например, в реформатской эпистемологии). Аналогично и наука может формировать собственные ценностные смыслы (в частности, этос науки) либо вливаться в мейнстрим общечеловеческих ценностей. Вместе с тем, с одной стороны, только гармоничное сочетание рефлексивного знания с валюативным дают, то, что написано на одном из рисунков труда Везалия: «Vivitur ingenio, caetera mortis erunt» (Вечны лишь творения разума, прочее – удел смерти); а с другой стороны, «кто любит Бога, тому дано знание от Него» [1 Кор 8:3].

Список литературы

1. Андреев-Амурский 2019 – *Андреев-Амурский М.* Врач, опередивший время [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://proza.ru/2019/02/11/1855> (дата обращения 11.05.2021).
2. Бургете 2017 – *Бургете А.-М.Р.* Антропологический оптимизм Мигеля Сервета // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 136-149.
3. Везалий 1950 – *Везалий.* О строении человеческого тела: В 2-х т. Т. 1 / Пер. с лат. В.Н. Терновского и С.П. Шестакова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 1025 с.
4. История тела 2017 – История тела: В 3 т. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения / Под ред. Алена Корбена, Жан-Жака Куртина, Жоржа Вигарелло; пер. с фр. М.С. Неклюдовой, А.В. Стоговой. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 480 с.
5. Момджян 2013 – *Момджян К.Х.* Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Часть 1. М.: Издательство Московского университета, 2013. 400 с.
6. Хмелевская 2020 – *Хмелевская С.А.* Принцип дополнительности в аргументации «естественнонаучной апологетики»: границы применимости // Религиоведческий альманах. 2020. № 1-2(6). С. 164-170.
7. Catholic encyclopedia 2021 – Catholic encyclopedia: Andreas Vesalius – New Advent [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newadvent.org/cathen/15378c.htm> (accessed: 11.05.2021).
8. O'Malley 1964 – *O'Malley C.D.* Andreas Vesalius of Brussels, 1514-1564. Berkeley: Univ. of California Press, 1964. 480 p.
9. Paravicini Bagliani 1992 – *Paravicini Bagliani A.* Démembrement et intégrité du corps au XIIIe siècle // Terrain. 1992. No. 18, mars. Pp. 26-32.

Часть 6. А.А. Андронов и развитие нижегородской науки

УДК 01

А.А. АНДРОНОВ: СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЦЕНТРОВ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В ГОРЬКОМ (Н. НОВГОРОДЕ). КАРТИНКИ ВРЕМЕН, СОБЫТИЙ, БУДУЩЕГО

Андронов Александр Александрович (младший)

Доктор физико-математических наук, член-корреспондент РАН

Институт физики микроструктур РАН

Нижний Новгород, Россия

E-mail: andron@ipm.sci-nnov.ru

Обсуждается время и обстоятельства, которые формировали личность А.А. Андронова как ученого, преподавателя, организатора науки и образования. Мотивация при переезде из Москвы в Нижний Новгород, вызовы и усилия А.А. Андронова и его коллег по созданию радиофака Горьковского университета. Прослежено развитие радиофизики в Горьком (Н. Новгороде) во главе с М.Т. Греховой и ее сыновьями после смерти А.А. Андронова. Анализируется нынешняя ситуация с наукой и образованием у нас в городе, когда лучшие выпускники школ стремятся уехать учиться в Москву и Санкт-Петербург, и попытки ректора ННГУ Е.В. Загайновой по изменению этого с помощью развития образования и прикладных исследований на основе информационных технологий (ИТ) и искусственного интеллекта (ИИ).

Ключевые слова: А.А. Андронов, нижегородская наука, история науки, Нижегородский государственный университет.

A.A. ANDRONOV: CREATION AND DEVELOPMENT OF SCIENCE AND EDUCATION CENTERS IN GORKY (NIZHNY NOVGOROD). SKETCHES OF THE TIMES, THE EVENTS AND THE FUTURE

Andronov Aleksandr Aleksandrovich (Junior)

*PhD DSc in Physics and Mathematics, Corresponding Member of the Russian Academy
of Sciences*

Institute for Physics of Microstructures, Russian Academy of Sciences

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: andron@ipm.sci-nnov.ru

The times and events during development of A.A. Andronov as personality, scientist, teacher, science and education organizer are briefly outlined. Motivation to move from Moscow to Nizhny Novgorod in 1931 and challenges and efforts of A.A. Andronov and his colleagues in creation and development of Radiophysical Faculty at Gorky State University are outlined. Trends in radiophysics advances in our city after A.A. Andronov death by M.T. Grehova and her sons are given. The present situation with science and education in Nizhny Novgorod, when the best school boys and girls intend to go for further education in Moscow and Saint Petersburg is analyzed, as well as the efforts by nowadays Rector of Lobachevsky State University E.V. Zagaynova to change this trend by the development of education and applied projects in information technologies and artificial intelligence.

Keywords: A.A. Andronov, Nizhny Novgorod science, history of science, Nizhny Novgorod State University

Рассказать о моем отце, Александре Александровиче Андронове – дело непростое: отец – слишком многогранная фигура: физик, математик, историк, организатор науки и образования, общественный деятель, избранный сразу в академики. Я ограничился указанной темой, т.к. сейчас важнее рассказать о том, как он и его коллеги и последователи, откликаясь на ВЫЗОВЫ времени (не очень простого), создали мировой центр науки в Горьком (Н. Новгороде). Может, это будет полезно для процессов, которые идут сейчас в ННГУ.

Мне было 14 лет, когда отец умер. Потом я много разговаривал с мамой об отце и времени, читал воспоминания, слушал истории коллег и друзей, а секретарь отца Н.А. Агитова оставила мне фразу: «Ходят в потрепанных костюмах, но решают изящные задачи».

Я физик, закончил в 1960 г. радиофак ГГУ (РФ), лауреат госпремии по физике 1987 г., член-корреспондент РАН (с 1997 г.), заведовал кафедрой квантовой радиофизики на радиофизическом факультете. Работал в НИРФИ, ИПФ РАН; с 1993 г. работаю в ИФМ РАН.

Я ученик В.Л. Гинзбурга (академик, нобелевский лауреат), которого отец пригласил работать на РФ при его создании в 1945 г.; отец защищал Гинзбурга от обвинения в космополитизме [Горская и др. 2001; Бойко 1991; Горская, Локтева 2005; Митякова и др. 2010]. Гинзбург сыграл выдающуюся роль в развитии РФ и науки в Горьком, в СССР и в мире [Митякова и др. 2010]. Я стал его учеником благодаря *робкому* замечанию мамы (Е.А. Леонтович), когда я колебался, выбирая специализацию на РФ (в 1958 г.): «Может тебе пойти на кафедру Гинзбурга?».

Надо сказать, что мама была не только женой и матерью троих детей, но и личностью, коллегой отца по математическим аспектам теории колебаний [Шильников 1999; Шильников 2005; Андропова 2005]. Во время Войны два года учительствовала в Каменках-Никольских, где ей дали УСАД под картошку, которой наша семья и переехавшие в Горький московские родственники питались. После смерти отца она издала с коллегами задуманные им книги по этим проблемам.

В отце, как в личности и ученом, сыграло многое, начиная с обучения в гимназии, поддержки отчима, а затем главными были учеба в МГУ, аспирантура в МГУ под руководством Л.И. Мандельштама и принадлежность к «Коммуне на Сивцевом Вражке», состоящей из «удивительных людей», как пишет дочь академика М.А. Леонтовича [Горская и др. 2001; Леонтович 2003]. Основу коммуны составляли студенты-физики физмата МГУ (Н.Н. Парийский, М.А. Леонтович, А.А. Андронов и А.А. Витт; трое последних позднее – аспиранты Мандельштама) и коллега Мандельштама И.Е. Тамм. Для них главной была наука, они не делали карьеры, «ходили в потрепанных костюмах», были «красные» (но не члены партии), не религиозные, но с высокой моральной планкой, не судили людей по национальному признаку. И хотя время было «сложное», или, как говорила моя мама, тоже член коммуны: «Вы не понимаете, под каким топором мы жили», сравнивая время с фашизмом. В тоже время мама говорила: «Не люблю Америку». Ей эту нелюбовь объяснили выдающиеся американские писатели, которых она любила и меня научила. Удивительно, но сейчас эта нелюбовь достаточно ясна. Думаю, что члены коммуны и другие крупные ученые СССР, жившие и работавшие в это время, считали, что образование, просвещение и наука – это то, что нужно дать будущему страны, когда «топор», бог даст, исчезнет, и «все плохое сократится, а все хорошее останется», как говаривал Витт. Но, как раз для него это не сработало, он был репрессирован, его имя было вымарано из списка авторов замечательной классической книги «Теория колебаний» [Андронов и др. 1981], и он погиб в лагере. Отец в докладе, посвященном Мандельштаму, рассказывал о Витте как будто ничего не было – какие работы они с ним сделали и что о нем говорил Мандельштам [Андронов 1945; Андронов

1956]. Возможно, из-за этого коллега отца написал на него донос (и сам об этом сказал отцу), как пишет Л.С. Понтрягин [Понтрягин 2006]. Но обошлось.

После выполнения ключевой работы «Предельные циклы Пуанкаре и теория автоколебаний» [Андронов 1956; Андронов 1928; Jean-Marс Ginoux... 2014] и других работ по теории колебаний с А.А. Виттом, рождения дочери Ирины, отец подал заявление в Наркомпрос и в 1931 г. переехал с семьей в Нижний Новгород. По словам мамы, для переезда были три причины: желание развивать науку в провинции, квартирный вопрос (семье в Москве фактически негде было жить) и то, что отец дал по физиономии коллеге за то, что тот выдавал чужую работу за свою [Горская и др. 2001, с. 253-254]. В результате последнего он испортил отношения с Мандельштамом (потом они восстановились), видимо, потому что это противоречило принципу Мандельштама: «Взрослых людей не воспитывают; с ними имеют дело или не имеют».

Убежденность в том, что надо развивать образование и науку в провинции, была у отца всегда: в 1950 г. он написал статью об этом: «Нужны решительные меры» [Горская и др. 2001]. В 1934 г. М.А. Леонтович звал отца обратно в Москву, говорил о возможных хороших условиях, но отец проигнорировал это.

В 1932 г. в Нижний Новгород переехала семья В.И. Гапонова и М.Т. Греховой. Они – тоже выпускники МГУ, специалисты по вакуумной электронике [Горская, Локтева 2005; Митякова и др. 1999; Селезнев 2021]. В 1938 г. приехал другой аспирант Мандельштама – Г.С. Горелик [Горская, Локтева 2005; Горская, Локтева 2006], а с 1931 г. в Нижнем уже работал замечательный математик А.Г. Майер [Полотовский 2015]. Отец привлек его к работам по математическим проблемам теории колебаний. Все они и стали мотором создания РФ в 1945 г. сразу после Победы.

Главной мотивацией создания РФ было то, что до Войны радиолокации и радиосвязи фактически не было, прежде всего из-за репрессий. Были репрессированы руководители работ по радиолокации в НИИ в Ленинграде, начатых по предложению Тухачевского. Руководитель работ по СВЧ магнетрону М.А. Бонч-Бруевич был арестован и исключен из первой в мире публикации по такому магнетрону [Алексеев, Маляров 1940] – странное действие в преддверии войны [Борисова 2011]. Но все-таки, в первые месяцы Войны у нас появились импульсные метровые радиолокаторы, которые сыграли важную роль в обороне Ленинграда, Кронштадта, Москвы и, видимо, Севастополя. А у Англии и США была радиолокация; она сыграла огромную роль в предотвращении вторжения немцев в Англию. Цепь радиолокаторов метрового диапазона («Home chain» [Buderl 1999]) позволяла обнаруживать налеты немецких бомбардировщиков на далеких расстояниях. А независимо предложенный в Англии СВЧ магнетрон, переданный в США для производства, был «самой большой тайной Второй мировой войны»: радиолокаторы на его основе могли «видеть» перископы подводных лодок. Это определило победы в морской войне на Атлантическом и Тихом океанах [Buderl 1999].

Инициаторы создания РФ что-то знали об этих репрессиях и об успехах союзников в радиолокации. Только в июле 1943 г. был создан Совет по радиолокации ГКО, где важной фигурой был А.И. Берг, поддерживавший развитие радиофизики в ГГУ [Чувильдиев 2017, с. 45]. Организаторы РФ написали два письма Сталину, а Грехова ходила к Берии по этому поводу. В работе Н.В. Горской и М.Б. Локтевой [Горская, Локтева 2005] есть копия бумаги о поддержке РФ, подписанная Берией. Берия (при всем другом) сыграл выдающуюся роль в атомном, в начале космического и в других военно-технических проектах. В команде трех инициаторов РФ в городе Горьком отец был главным центром притяжения ввиду его научных результатов, обаяния, моральных и человеческих качеств, персональных связей с физиками в Москве. Команда создателей РФ состояла из людей с разными научными устремлениями, но они делали общее дело.

Они считали, что на РФ надо давать максимально широкое физико-математическое образование, чтобы можно было разрабатывать современные радиосистемы. Математику преподавали Майер и другие математики ГГУ. Были приглашены молодые перспективные ученые: Гинзбург (вскоре женившийся на ссыльной Н.И. Ермаковой) и М.Л. Левин [Леонтович 1998] (тоже ссыльный). Отец поддерживал Ермакову и Левина сколько мог. Для чтения курсов лекций по темам, которые горьковчане не могли обеспечить, приглашались самые крупные ученые из Москвы. В результате создалась «критическая масса» ученых и преподавателей, и к началу 50-х гг. выпускники РФ начали распределяться по разным университетам, радиотехническим вузам и предприятиям Горького и страны.

В 1950 г. уволили Левина после ареста его мамы [Леонтович 1998], затем умерли Майер (1951 г.) и отец (1952 г., от деструктивной гипертонии, которая тогда воспринималась как рак; его осматривал профессор М.С. Вовси и дал ему полгода жизни [Понтрягин 2006]). Ушел из ГГУ в МФТИ Горелик (в 1953 г.) после проработки в ГГУ – за идеализм и космополитизм [Горская, Локтева 2005; Горская, Локтева 2006], которые будто бы присутствовали в замечательной книге «Колебания и волны» [Горская и др. 2001; Горская, Локтева 2005]. Это была местная инициатива: уже была взорвана наша атомная бомба, физиков не трогали, поощрили повышением зарплаты и стали выдавать земли под дачи.

Дальнейшее развитие радиофизики легло на Грехову – выдающегося организатора. Это свойство Греховой знал отец, когда в конце 1941 г. (будучи и.о. ректора ГГУ) назначил ее и.о. директора ГИФТИ. Про нее отец говорил: «Она умеет влезать в сердце начальства и сворачиваться там калачиком» и «у нее есть НЮХ». И Грехова продолжала развивать радиофизику в Горьком, опираясь на учеников отца и других пионеров РФ, а также ряда выпускников РФ, создав НИРФИ (1956 г.) – институт широкого профиля, занимавшийся вызовами того времени: космос, мощная СВЧ электроника, лазеры и многое другое. Не всем известно, что «НЮХ» Греховой привел к созданию в НИРФИ в начале 60-х гг. мощного СВЧ генератора – гиротрона, основанного на ее предложении И.А. Антакову (еще в 1954 г. в ГИФТИ) заняться магнетронным усилителем; он тогда увидел усиление на циклотронном резонансе. Из НИРФИ выделился ИПФ РАН (1977 г.) для использования радиофизических подходов в борьбе с гидрофизическими и другими проблемами того времени во главе с учеником отца, А.В. Гапоновым-Греховым. Для поддержки ИПФ кадрами был создан факультет университета – ВШОПФ. Затем, на волне появления высокотемпературных сверхпроводников, из ИПФ в 1993 г. выделился ИФМ РАН с директором С.В. Гапоновым.

Отдельно в ГГУ развивались центры, основанные на вычислительных и кибернетических устремлениях отца. Они возникли из работ отца по автоматическому регулированию, которые были начаты еще во время войны. Это было актуально, было вызовом в разных областях, например, для работы автопилота на самолетах. Затем такие работы были продолжены главным образом в Москве в Институте автоматизации и телемеханики, где отец был членом Ученого совета и членом редколлегии журнала «Автоматика и телемеханика». В институте у него появилось много учеников [Горская и др. 2001, с. 153-158, с. 167].

О кибернетике он рассказывал на лекциях. В бумагах отца сохранилось (непосланное) письмо-ответ А.Г. Курошу, возглавлявшему редакцию по математическим наукам в издательстве «Иностранная литература», где обсуждались переводы и издание книг. В письме есть такие слова: «...После статей в “Литературной газете” и “Медицинском работнике” стали рассматривать кибернетику как бранное слово. ... Мне кажется, что издателям следует проявить в вопросах об издании книг по кибернетике больше храбрости. Ведь в свое время иноиздат выпустил книгу Шредингера

“Что такое жизнь”, хотя в этой книге, на мой взгляд, было гораздо больше чуждой идеологии, чем в кибернетике. Рецензенты, ругающие кибернетику и объявляющие ее лженаукой, забывают, а может и не понимают громадного прикладного значения ряда ее разделов». Была «добыта» книга Н. Винера о кибернетике [Wener 1948]. Работы по кибернетике и «счетным машинам» начали развиваться именно на кафедре РФ, которой заведовал отец. Все это в конце концов привело к созданию в 1957 г. вычислительного центра, факультета ВМК в 1963 г., а в 1964 г. – НИИ ПМК. На разных этапах их развития, в организации и руководстве этими подразделениями принимали участие ученики отца. Так, в начале мама обратилась к московским математикам, чтобы они привлекли в Горький тех, кто уже начал такие исследования в Москве. И москвичи начали приезжать и принимать в Москве на стажировку студентов из ГГУ. Факультет ВМК был создан из кафедры, которой заведовал ученик отца – Ю.И. Неймарк. А при создании НИИ ПМК мама снова обращалась к московским математикам за поддержкой. В результате факультет ВМК и НИИ ПМК смогли откликнуться на вычислительные и другие вызовы времени. Так, в НИИ ПМК, в отделе дифференциальных уравнений, которым руководила мама, в частности, продолжались работы по анализу многомерных динамических систем. Исследования таких систем отец и Майер только наметили. В результате группой из этого отдела во главе с Л.П. Шильниковым были получены выдающиеся результаты, признанные во всем мире [70 лет... 2005]. Одним из интереснейших результатов было исследование «странного аттрактора» в уравнении метеоролога Лоренца [Горская и др. 2001, с. 159-161; 70 лет... 2005]. Странные аттракторы и динамический хаос были вызовом для математиков и физиков в то время.

Что у нас сейчас? Старые наши центры, РФ и выросшие из него ИПФ РАН и ИФМ РАН сейчас по объективным и субъективным причинам занимаются в основном старыми вызовами и теряют привлекательность для молодежи. В результате многие хорошие выпускники школ (и даже детей сотрудников этих наших центров) стремятся учиться в Москве и Санкт-Петербурге. Можно ли это изменить? Нам же здесь, в Нижнем, нужны сильные ребята. Конечно, наука и жизнь движется не одними отличниками. Тут, может, важнее драйв – эмоциональный интеллект, желание, как говорили в компании отца, «набрасываться на мяч», какое-то «видение» будущего. Квалификацию можно набрать. Но все равно нужны центры притяжения с лидерами и современными задачами, прикладными. Здесь есть проблема наличия современных технологий.

Существенно лучше ситуация с центром, возникшем в ННГУ из факультета ВМК, мехмата и НИИ ПМК. Сейчас они объединены в «Институт информационных технологий, математики и механики ННГУ» (ИИТММ), который давно привлекает достаточно сильных школьников.

Какие сейчас в мире вызовы? Главный, я бы сказал, такой: молекулярная биология и генетика, клеточная биология и медицина. Это сегодня – вчерашняя атомная бомба: кто этим владеет – владеет миром. Пандемия ковида подтверждает это. Для работы с этим вызовом, конечно, нужны и физика, и химия: здесь широко применяются их методы и представления. Началом были лекции Шредингера [Шредингер 1947; Вентер 2018]. Конечно, без цифровых подходов здесь тоже не обойтись. Крейг Вентер [Вентер 2018] после создания его командой искусственной клетки считает, что мир вступает в цифровую эру биологии и в новую эру эволюции. Думаю, что в ННГУ пока нет критической массы людей и технологий для плодотворной работы над этим вызовом. Но есть одно благоприятное обстоятельство, связанное с медициной.

Этим летом я кратко, на ходу, при открытии в ННГУ доски Гинзбурга, пересекся с ректором ННГУ Е.В. Загайновой. И из этого разговора, и из СМИ я понял, что она собирается делать ставку на развитие ННГУ за счет информационных технологий (ИТ) и искусственного интеллекта (ИИ). Учитывая, что в Нижнем Новгороде для

выпускников ИТММ есть много мест для работы. Кажется, что развитие ННГУ в естественных науках сейчас начать больше не с чего. Причем Загайнова, будучи медиком, собирается начать с применения ИИ в медицине. И это тоже есть современный вызов. Наверное, это совершенно правильное решение, которое может «втянуть» в развитие ННГУ физику, химию и биологию: ИИ нужен не только для медицины. Есть вопрос с математикой в ННГУ: большая группа математиков перекочевала во ВШЭ. Но настоящая математика нужна и для ИТ, и для ИИ. Широкое образование – благо не только для радиофизики: надо же ставить задачи. И еще: как привлечь молодежь в преподаватели в ННГУ?

Загайнова знакома с использованием ИИ в мировой медицине, знает, что ИИ в США выиграл диагноз у онкологов, знает о союзе Грефа и Лысенко (Больница № 52 г. Москва) по развитию этого подхода в Москве и их желании распространить его по России. Знает те больницы в Нижнем Новгороде, где оцифрованы истории болезней, что позволяет начать такие работы здесь. Возможно, Загайнова не знает давние работы групп Ю.И. Неймарка и замечательного нижегородского доктора и кардиолога А.П. Матусовой по обучению ЭВМ на больных и о выигрыше ЭВМ в диагностике у врача. Недавно наш губернатор Г.С. Никитин показывал проект кампуса ННГУ «Неймарк» премьеру М.В. Мишустину: это тоже пиар ИТ и ИИ. Бог даст, возникнут (или будут приглашены) лидеры и личности – без них развитие невозможно: просто кампусов недостаточно.

И еще. На открытии доски Гинзбурга в ННГУ я упоминал его замечание о «Третьей великой проблеме» – редукционизме – возможности сведения сознания – души – к законам физики [Гинзбург 2003]. Есть ли у нее материальная субстанция или это нечто виртуальное, циркулирующее в мозге? Может, работы по ИИ направить и в эту сторону, на то, про что Гинзбург тоже упоминает? Кстати, центр изучения мозга и сознания в МФТИ – это тоже поиск ДУШИ?!

Благодарю сестру, Е.А. Андронову, за поддержку, информацию, критику и советы.

Список литературы

1. 70 лет... 2005 – 70 лет Л.П. Шильникову // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Математика. 2005. № 1(3). С. 180-190.
2. Алексеев, Маляров 1940 – *Алексеев Н.Ф., Маляров Д.Е.* Получение мощных колебаний магнетроном в сантиметровом диапазоне волн // Журнал технической физики. Т. 10. 1940. № 15. С. 1297-1300.
3. Андронов и др. 1981 – *Андронов А.А., Витт А.А., Хайкин С.Э.* Теория колебаний. 3-е издание. М.: «Наука», Главная редакция физико-математической литературы, 1981.
4. Андронов 1928 – *Андронов А.А.* Предельные циклы Пуанкаре и теория колебаний // Материалы VI Съезда русских физиков. М.; Нижний Новгород; Казань; Саратов (5-16 августа 1928 г.). М.: Госиздат, 1928. С. 23-34.
5. Андронов 1945 – *Андронов А.А.* Л.И. Мандельштам и теория нелинейных колебаний // Известия АН СССР. Серия: Физическая. Т. 4. 1945. № 1-2. С. 30-55.
6. Андронов 1956 – *Андронов А.А.* Собрание трудов. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1956.
7. Андропова 2005 – *Андропова Е.А.* К портрету Е.А. Леонтович // Вестник Нижегородского университета им. Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Математика. 2005. № 1(3). С. 205-218.
8. Бойко 1991 – *Бойко Е.С.* Александр Александрович Андронов. 1901 – 1952. М.: «Наука», 1991

9. Борисова 2011 – *Борисова Н.А.* Н.Ф. Алексеев и Д.Е. Маляров – судьба изобретателей многорезонаторного магнетрона // 21-я Междунар. Крымская конф. СВЧ-техника и телекоммуникационные технологии (КрыМиКо'2011): материалы конф. в 2 т. (Севастополь, 12-16 сент. 2011). Севастополь, 2011. Т. 1. С. 97-99.
10. Вентер 2018 – *Вентер К.* Жизнь на скорости света. М.: Издательство АСТ, 2018
11. Гинзбург 2003 – *Гинзбург В.Л.* О науке, о себе и о других. М.: Физматлит, 2003.
12. Горская и др. 2001 – *Горская Н.В., Митякова Э.Е., Московченко О.И., Назина Н.Г.* Личность в Науке. А.А. Андронов. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001
13. Горская, Локтева 2005 – 60 лет радиофизическому факультету ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Краткая историческая справка в документах / Сост. *Н.В. Горская, М.Б. Локтева.* Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2005.
14. Горская, Локтева 2006 – *Горская Н.В., Локтева М.Б.* Личность в Науке. Г.С. Горелик. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006.
15. Леонтович 2003 – *Леонтович Н.М.* Коммуна на Сивцевом Вражке // *Природа.* 2003. № 3 С.13-15
16. Леонтович, Миллер 1998 – Михаил Львович Левин. Жизнь, воспоминания, творчество: Изд. 2–е, доп. Сост.: *Н.М. Леонтович, М.А. Миллер.* Н. Новгород: ИПФ РАН, 1998.
17. Митякова и др. 1999 – *Митякова Э.Е., Горская Н.В., Локтева М.Б.* Личность в Науке. М.Т. Грехова. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1999
18. Митякова и др. 2010 – *Митякова Э.Е., Горская Н.В., Берин Т.А.* Личность в Науке. В.Л. Гинзбург. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2010.
19. Полотовский 2015 – *Полотовский Г.М.* Очерки истории российской математики. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015.
20. Понтрягин 2006 – *Понтрягин Л.С.* Жизнеописание Льва Семеновича Понтрягина, математика, составленное им самим. Рождения 1908 г. М.: URSS, 2006.
21. Селезнев 2021 – *Селезнев Ф.* Мария Грехова. Женское лицо горьковской радиофизики // *Знание – Сила.* 2021. № 8. С. 32-37
22. Чувильдиев 2017 – НИФТИ ННГУ; 85 лет, 1932-2017 / Под ред. *В.Н. Чувильдиева.* Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2017
23. Шильников 1999 – *Шильников Л.П.* Леонтович-Андропова Евгения Александровна // *Личность в Науке. Женщины-ученые Нижнего Новгорода.* Вып. 2, Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1999. С. 83-102.
24. Шильников 2005 – *Шильников Л.П.* К 100-летию со дня рождения Евгении Александровны Леонтович-Андроновой (1905-1997) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* Серия: Математика, 2005. № 1(3). С. 191-204.
25. Шредингер 1947 – *Шредингер Э.* Что такое жизнь с точки зрения физики. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947.
26. Wener 1948 – *Wener N.* Cybernetics or Control and Communication in the Animals and the Machines. N.Y.: MIT Press, 1948.
27. Buderer 1999 – *Buderer R.* The Invention that Changed the World. The Story of Radar from War to Peace. London, UK: Little, Brown and Company, 1999.
28. Jean-Marc Ginoux... 2014 – Jean-Marc Ginoux and Loic Petitgirard, Poincare`s forgotten conferences on wireless telegraphy, arXiv:1408.4891v1 [physics.hist-ph]. 21 August 2014.

А.А. АНДРОНОВ И «АНОМАЛЬНАЯ» ИНСТИТУЦИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ****Масланов Евгений Валерьевич****Кандидат философских наук**Институт философии РАН**Москва, Россия**E-mail: evgenmas@rambler.ru*

А.А. Андронов с 1931 г. работал в Горьковском физико-техническом институте и Горьковском государственном университете. Он был одним из лидеров нового для ГИФТИ и ГГУ направления – теории колебаний и автоматического регулирования, которое оказалось тесно связано с исследованиями в области создания вакуумных приборов. НИИ при университете являлись «аномальными» институциями для советских университетов, т.к. они не вписывались в логику управления университетами. Они непосредственно не занимались обучением студентов, а поэтому не получали достаточного финансирования из фондов, связанных с решением этой задачи. Они не являлись академическими и отраслевыми институциями, а следовательно не получали достаточного государственного финансирования ни на проведение важнейших фундаментальных исследований, ни на решение прикладных задач. Поэтому сотрудникам НИИ при университете приходилось реализовывать стратегии, которые позволяют сочетать все эти направления. Помощь промышленности была важнейшей миссией советских ученых. Установка на реализацию этой миссии иногда приводила к конфликтам между представителями НИИ при университете и руководством университета. Ведь научные исследования в НИИ могли быть связаны с фронтальными темами, которые еще не нашли своего применения в промышленности. «Аномальность» НИИ при университете позволяла направлениям, которые еще не имели прямого выхода на взаимодействие с промышленностью, использовать институциональные особенности его положения и отстаивать свое право на существование. А.А. Андронов с коллегами решили эту задачу. В итоге новые направления стали активно взаимодействовать с промышленностью, и на их основе было создано мощное исследовательское направление горьковской физики.

Ключевые слова: А.А. Андронов, НИИ при университете, советская наука, миссия ученого, Горьковский государственный университет, Горьковский физико-технический институт, социальный капитал, радиофизика.

A.A. ANDRONOV AND THE “ANOMALOUS” INSTITUTION OF SOVIET SCIENCE***Maslanov Evgeniy Valerievich****PhD in Philosophy, Researcher**Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences**Moscow, Russia**E-mail: evgenmas@rambler.ru*

Since 1931 A.A. Andronov worked at the Gorky Institute of Physics and Technology and the Gorky State University. He was one of the leaders of a new direction for GIPT and GSU – the theory of oscillations and automatic control, which turned out to be closely interconnected with research in the field of creating vacuum devices. Research institutes at the university were “anomalous” institutions for Soviet universities, since they did not fit into the logic of university management. They were not directly involved in teaching students, and therefore did not receive sufficient funding from the funds associated with the solution of this problem. They were not academic and industrial

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-15-2020-798).

institutions, and therefore they did not receive sufficient state funding for either the most important fundamental research or for solving applied problems. Therefore, the staff of the research institutes at the university had to implement strategies that allow combining all these areas. Helping industry was the most important mission of Soviet scientists. The orientation towards the implementation of this mission sometimes led to conflicts between representatives of the research institutes at the university and the university leadership. After all, scientific research in research institutes could be associated with frontier topics that have not yet found their application in industry. The “anomalous” nature of the research institute at the university allowed areas that had not yet had a direct outlet for interaction with industry, to use the institutional features of its position and to defend their right to exist. A.A. Andronov and his colleagues solved this problem. As a result, new directions began to interact with industry, and on their basis a powerful research direction in Gorky physics was created.

Keywords: A.A. Andronov, scientific research institute at the university, Soviet science, the mission of a scientist, Gorky State University, Gorky Institute of Physics and Technology, social capital, radiophysics

А.А. Андронов поступил на работу в Горьковский физико-технический институт (ГИФТИ) 15 сентября 1931 г., а после возобновления работы Горьковского государственного университета (ГГУ) в ноябре 1931 г. стал и его сотрудником. В 1932 г. ГИФТИ был включен в структуру ГГУ. Научно-исследовательская, преподавательская и общественная деятельность А.А. Андропова тесно связана как с ГИФТИ, так и с Горьковским университетом, в которых он работал до конца своей жизни. В январе-феврале 1934 г. А.А. Андронов занимал пост директора ГИФТИ. Развитие этих институций оказало огромное влияние на становление физических исследований в Горьком и в СССР. Первые в Горьком исследования в области теории колебаний и автоматического регулирования, радиофизических исследований, исследований в области создания первых электронно-вычислительных машин проходили в стенах ГИФТИ. Первоначально институт был базовым для физиков, работавших в стенах физико-математического факультета, а после создания в 1945 г. первого в СССР радиофизического факультета ГГУ – до 1956 г., когда был создан Научно-исследовательский радиофизический институт – и для этого факультета. Однако первые годы существования ГИФТИ в стенах университета оказались связаны с решением достаточно большого количества различных институциональных задач, которые показывают как специфическое понимание миссии ученого в СССР, так и некоторые особенности функционирования научно-исследовательских подразделений внутри университетов.

ГИФТИ был создан в 1930 г. Важной функцией нового института должно было стать научное сопровождение развития промышленности. Особое внимание следовало уделить исследованиям в области физики металлов. В Нижегородском крае были расположены уже сложившиеся производства, а также создавались новые отрасли промышленности, для которых исследования в области металлов должны были играть ключевую роль. Так, свою работу уже вели такие предприятия, как завод «Красное Сормово» или Выксунский металлургический завод, шло строительство Горьковского автомобильного завода. В 1931 г. в ГИФТИ сложилась сильная команда исследователей в области автоматического регулирования, физики колебаний и волн, разработки вакуумного оборудования. В нее вошли хорошо известные исследователи: А.А. Андронов, Е.А. Леонтович, Г.С. Горелик, М.Т. Грехова, В.И. Гапонов, А.Г. Майер. Однако область их научных интересов в тот момент еще не имела прямой связи с промышленностью. Развитие же исследований в области физики металлов позволяло поддерживать связь с промышленными предприятиями. На заседании Совета университета, состоявшемся 16 марта 1937 г., директор ГИФТИ А.М. Инванд отмечал, что «отдел мет. физики по самому строению своей работы значительно ближе к практическим потребностям хозяйства. Именно это обстоятельство дало отделу мет.

физики целый ряд работ вести в таком направлении, которое привело к ценным и положительным результатам с точки зрения практического применения» [Стенограммы заседаний Ученых советов, л. 54]. Однако «оторванность» работ под руководством А.А. Андропова и М.Т. Греховой от «прямой связи с промышленностью», как казалось руководству ГИФТИ, приводило к недопониманию между ними и руководством института. К примеру, М.Т. Грехова на заседании актива ГИФТИ, состоявшемся 26 мая 1936 г., отмечала, что «в работе чрезвычайно помешала резкая установка у тов. Инванда против меня и Андропова» [Резолюция и прения по докладу, л. 9]. В результате можно выделить одну специфическую черту особой «миссии» советских ученых – в любом случае советский ученый должен был стремиться работать в интересах промышленности.

Подобная ситуация создавала фундаментальную трудность. Ясно, что часть научных исследований ориентирована не только на поиск ответа на фундаментальные вопросы мироздания, но и на решение прикладных задач. Они вполне могут найти применение в одной из уже существующих областей народного хозяйства. Однако часть исследований может быть связана с работами, которые еще не нашли своего непосредственного применения в существующих областях промышленности. Они могут быть ориентированы на фронтальные исследования, которые лишь через какое-то время найдут свое практическое приложение. Подобный временной промежуток может быть достаточно небольшим, а может затягиваться и на долгие годы. Специфика же научно-исследовательского института при университете как раз и оказывалась связанной с тем, что именно помощь производству должна была быть его основной чертой. «Аномальность» [Масланов 2018] положения подобной институции в системе советской науки ставила «лидеров» направлений, напрямую не связанных с промышленностью, в достаточно сложное положение. Им было необходимо доказать важность своего существования в подобной институции и доказать это не только «руководству» университета. Собственно говоря, сама стратегия «взаимодействия» подобных подразделений с руководством университета могла строиться на использовании «аномальности» самой научной институции.

«Аномальность» НИИ при университете заключалась в том, что он не вписывался в стандартную логику управления университетом. Университет получал средства на подготовку и обучение студентов. Академия должна была заниматься важнейшими научными исследованиями. Отраслевая наука – решать менее масштабные прикладные задачи. Конечно же, предполагалось, что советский ученый должен помогать промышленности, в какой бы институции он ни работал. Но для университетов и академических институций это был лишь дополнительный источник финансирования. НИИ при университете оказывался в совершенно иной ситуации. Хоть он и находился в университете, но все же его главная задача – научные исследования, а, следовательно, и финансирование на подготовку кадров он не получает. Хоть НИИ и занимается научными исследованиями, но он находится в системе образования, поэтому и не рассматривается как академический институт; следовательно, финансирование института, связанное с наукой, оказывается меньше, чем финансирование академических институций. Не являясь отраслевым институтом, ему сложнее получить и дополнительное финансирование от предприятий. Однако использование всех этих особенностей дает возможность исследователям, обладающим определенным научным капиталом и достаточно заметным местом в поле науки [Бурдые 2007], выстраивать стратегии, использующие эти особенности.

«Аномальность» НИИ приводит к тому, что его «лидерам» необходимо взаимодействовать и с промышленными предприятиями, и с Академией наук, и с руководством вуза, участвовать в преподавательской работе. А.А. Андронов был

одним из тех «лидеров» нового направления в ГИФТИ, который мог использовать подобную «аномальность» НИИ. Он был тесно связан с Академией наук не только как ученик академика Л.И. Мандельштама. Даже переехав в Горький, он активно сотрудничал с различными институтами Академии наук. К примеру, в 1941 г. им было сделано несколько докладов, в том числе и в Институте физических проблем АН СССР. С 1934 г. он возглавил кафедру теории колебаний физико-математического факультета ГГУ. При этом в противостоянии с «руководством» университета, отмечавшим «оторванность тематики от практических нужд», А.А. Андронов и М.Т. Грехова опирались на поддержку своих московских коллег. Так, М.Т. Грехова отмечала, что осенью 1936 г. она обсуждала вопрос о работе института в обкоме партии. При этом нарастало и активное взаимодействие с промышленностью, которое получило особое развитие в годы Великой Отечественной войны, когда свое применение нашли и разработки в области теории колебаний и автоматического регулирования и создания вакуумных приборов.

Все это позволяет говорить о том, что такая важнейшая миссия советских ученых, как работа на «благо промышленности» всегда предполагала творческий подход к своей реализации. Зачастую вышестоящее руководство отдельных научных институций могло ориентироваться на стремление работать в интересах уже существующей промышленности. Это могло поставить под удар направления, занимавшиеся разработкой новых научных областей, которые позднее могли найти свое применение в промышленности. Подобное понимание этого компонента миссии ученых – ориентация на решение уже существующих задач – может не позволить в полной мере реализовать научно-технический потенциал отдельных направлений. Однако благодаря активной работе А.А. Андронина и других лидеров, стоявших во главе таких направлений, как теория колебаний и автоматического регулирования, разработка вакуумных приборов, удалось доказать свою важность для развития промышленности. Это привело к складыванию мощной школы горьковских физиков, которая нашла свое продолжение в деятельности радиофизического факультета ГГУ, НИРФИ, ИПФ АН СССР и других научных и промышленных институций.

Список литературы

1. Бурдые 2007 – *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр. Составление, общ. ред., пер. и послесловие Н.А. Шматко. М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии, «Алетейя», 2007. 576 с.
2. Масланов 2018 – *Масланов Е.В.* Научно-исследовательский институт при университете в СССР: институциональные преимущества и недостатки (на примере Горьковского государственного исследовательского физико-технического института Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского) // Вопросы истории естествознания и техники. 2018. Т. 39. № 1 С. 159-178.
3. Резолюция и прения по докладу – Резолюция и прения по докладу // ГКУ ЦАНО, ф. 377, оп. 8, д. 13.
4. Стенограммы заседаний Ученых советов – Стенограммы заседаний Ученых советов // ГКУ ЦАНО, ф. 377, оп. 6, д. 42.

ФАЗОВЫЙ ПОРТРЕТ: АКАДЕМИК АНДРОНОВ И ЕГО ТРАЕКТОРИЯ

Стрелков Евгений Михайлович

Ведущий специалист сектора по работе с абитуриентами

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им.
Н.И. Лобачевского*

Нижний Новгород, Россия

E-mail: rivervolga2012@mail.ru

Александр Александрович Андронов – фигура чрезвычайно важная и по степени влияния на развитие сразу нескольких научных направлений в Нижнем Новгороде, и по обогащению мировой научной мысли концепцией грубых систем. Понятие «грубость» было введено А.А. Андроновым и Л.С. Понтрягиным как развитие теории устойчивости систем, разработанной Александром Михайловичем Ляпуновым (кстати, выпускником Нижегородской гимназии) еще в начале 1890-х гг. Понятие «грубость» (хотя в современной науке чаще используется название «структурная устойчивость») оказалось чрезвычайно продуктивным для нелинейной динамики систем, для науки о хаосе. Что же касается нижегородских научных направлений, то широта их диапазона поразительна – от теории систем нелинейных уравнений до радиоастрономии, и от общей теории машин до прикладной математики и кибернетики.

Ключевые слова: Андронов, физика, кибернетика, предельные циклы, структурная устойчивость, нелинейные системы.

PHASE PORTRAIT: ACADEMICIAN ANDRONOV AND HIS TRAJECTORY

Strelkov Evgeniy Mikhailovich

Leading specialist of the sector for work with applicants

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: rivervolga2012@mail.ru

Aleksandr Aleksandrovich Andronov is an extremely important figure both in terms of the degree of influence on the development of several scientific directions in Nizhny Novgorod and in enriching world scientific thought with the coarse systems concept. The concept of “coarseness” was introduced by A.A. Andronov and L.S. Pontryagin as a development of the theory of stability of systems developed by Aleksandr Mikhailovich Lyapunov (who is a graduate of the Nizhny Novgorod gymnasium, by the way) back in the early 1890s. “Coarseness” (although the name “structural stability” is more often used in modern science) has proved extremely productive for nonlinear dynamics of systems, for the science of chaos. As for Nizhny Novgorod scientific fields, the breadth of their range is amazing – from the theory of nonlinear equations systems to radio astronomy, and from general machine theory to applied mathematics and cybernetics.

Keywords: Andronov, physics, cybernetics, limit cycles, structural stability, nonlinear systems.

В апреле 2021 г. исполняется 120 лет со дня рождения Александра Александровича Андропова, выдающегося ученого и организатора науки, академика, создателя нижегородской школы теории колебаний. Андронов удивительным образом соединил высокую математику (топология, векторная алгебра, нелинейные уравнения) и практические задачи техники, такие как работа лампового генератора радиоволн. Москвич по рождению, выпускник физмата МГУ, аспирант Леонида Мандельштама, он перебрался в Горький в 1931 г. Значение А.А. Андропова для развития науки в Нижнем Новгороде трудно переоценить. Его ученики создали свои школы в области радиоастрономии, мощных генераторов сверхвысоких частот, математической теории

управления, качественного анализа систем нелинейных дифференциальных уравнений. По инициативе Андропова и двух его московских друзей Габриэля Горелика и Марии Греховой в 1945 г. в Горьком был создан радиофизический факультет, первый в стране. Андронов преподавал там сам и выписывал лекторов из Москвы, вроде будущего нобелиата Виталия Гинзбурга, который позднее вспоминал: «В 45-м году замечательный физик А.А. Андронов с коллегами организовали в Горьковском университете радиофизический факультет, куда пригласили меня. Я стал наезжать в Горький...».

Я и сам заканчивал радиофизический факультет Горьковского университета, помню наших лекторов – ярких, увлеченных, порой с экстравагантными лекционными приемами – кто джаз включал на лекциях, кто шутил, кто философствовал... Мои профессора – это ученики Андропова и ученики его учеников...

Да и само имя Нижегородского университета связано с Андроновым, который в зрелости глубоко заинтересовался судьбой Николая Ивановича Лобачевского, погрузился в архивы, определил дом в Нижнем Новгороде, где родился великий математик, писал о нем статьи – и в итоге добился присвоения Горьковскому университету имени Лобачевского.

По отзывам современников, Александр Андронов был удивительно симпатичным человеком, верным другом, увлеченным исследователем. «Могу без преувеличения сказать, что человека столь замечательного... я больше не встретил», – вспоминал об Андронове его коллега математик Лев Понтрягин. «Я не знал и не знаю ни одного человека, который бы отличался от моего идеала хорошего человека, менее чем А.А. Андронов», – добавлял Габриэль Горелик. Принадлежа к первому поколению советских ученых, Андронов задал очень высокие стандарты научного и человеческого поведения – и не только в Горьком.

Его современники отмечают «абсолютную честность» (механик ГИФТИ Николай Кулагин), «нетерпимость к фальши» (ученик, в будущем декан радиофака Яков Николаев), «абсолютное отсутствие лицемерия» (друг и коллега Габриэль Горелик). Мне, человеку из другой эпохи, трудно увязать все эти характеристики со статусом Андропова – академика, депутата Верховного совета СССР. Человека, чей соавтор Александр Витт был в 1938 г. уничтожен маховиком репрессий, и великая книга «Теория колебаний» вышла с двумя (Александр Андронов, Семён Хайкин), а не с тремя именами на обложке. Такое время. У Игоря Тамма, другого ученика Мандельштама, был расстрелян в 1937 г. старший брат Леонид, химик и экономист. Брат Сергея Вавилова, великий генетик Николай Вавилов погиб в 1943 г. в саратовской тюрьме. А они сами как-то жили и великолепно работали. Правда, многие очень рано умерли, как правило, от сердечных болезней. В том числе и академик Андронов.

«Андронов был цельным жизнерадостным человеком, очень много знавшим и жадно всем интересовавшимся», – отзыв Габриэля Горелика. Были и другие отзывы. Так в 1937 г. на комиссии по чистке в ГГУ некто Котов заявлял: «Я не думаю, что группа ГИФТИ во главе с Андроновым занимается только склотничеством. Этой группой ведется неверная работа, вся их борьба, все их действия неверные. Эту группу необходимо разбить, иначе эту группу могут использовать в целях контрреволюционной работы». Ему вторил Маланов: «Группа Андропова... борется с дирекцией. Эта группа (недовольные люди) могут в одно время направить свою работу в другую сторону...».

Нам неведомо, чего стоили такие оценки Андронову и его делу... В 1949 г. пришлось Андронову защищать от нападок своих учителей: «Акулов изображает деятельность Мандельштама и Папалекси во время Великой Отечественной войны в юмористическом тоне, злословя по поводу проводившихся ими измерений до Луны и т.п. Да ведь эта издевка только раскрыла перед нами поразительную безграмотность Акулова!». И пришлось Андронову выслушивать риторический вопрос Иваненко,

заданный на совещании 2 марта 1949 г.: «Неужели вы вопреки долгу советского ученого сочли возможным хлопотать в то время за доктора Гинзбурга вместо того, чтобы указать ему на недопустимость его поведения?». В марте 1949 г. вместе с Таммом, Фоком, Ландсбергом и Марковым Андронов твердо защищал физику от нападок «идеологизаторов». Теорию относительности и квантовую механику удалось тогда отвести от намеченной ей властями участи, разгромленной годом раньше генетики. Сыграла тут роль и термоядерная бомба, которую без новой физики не сделать (это поняли в сталинском окружении), но огромное значение имело и мужество вступившихся за физику академиков.

Начало XX в. – взлет ядерной физики, о чем мы все слышаны, т.к. результат исследования атомного ядра – атомная бомба – объект слишком заметный и памятный, прежде всего чудовищными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки. Ядерное противостояние Востока и Запада в холодной войне, создание водородной бомбы, а потом упорная (еще не законченная) работа над термоядерным синтезом – яркие страницы и науки, и политики. Но в начале XX в. возникла и совсем другая, поначалу далекая от ядерных проблем физика. Тогда чрезвычайно быстро развивалось радио – от примитивных разрядников Герца – Попова – Маркони конструкторы перешли к мощным ламповым генераторам, системам принципиально нелинейным и очень сложным – хотя бы по числу элементов. Их модельное описание потребовало привлечение физики и физиков. И научный руководитель Андропова Леонид Мандельштам предложил ученику как раз тему, связанную с физикой нелинейных колебательных систем.

Математическое описание таких систем не допускало аналитического решения, а компьютеров для численного счета тогда не было. Но еще в 1911 г. Николай Папалекси, ближайший друг и коллега Леонида Мандельштама, попробовал заменять нелинейную часть в уравнениях на кусочно-линейную. А Баркгаузен и Ван-дер-Поль качественно оценивали амплитуду колебаний и исследовали устойчивость колебательного режима. И Андронов двигался тем же маршрутом: вслед за Анри Пуанкаре и Ван-дер-Полем он понял: хотя решить «в лоб» нелинейную систему уравнений нельзя, описать ее эволюцию – можно. И главное, что нам интересно в этой эволюции – появление и исчезновение, а также устойчивость предельных циклов. Именно предельным циклам на фазовой плоскости (как правило, это плоскость двух параметров – координаты и скорости) отвечают незатухающие периодические колебания генератора. Фазовый портрет системы – это именно портрет, обобщенный и упрощенный, но ясный и узнаваемый. И что важно – универсальный. Системы очень разные, а их портреты схожи, типологически – просто идентичны. Что позволило создать общую теорию для самых разнообразных случаев – теорию колебаний нелинейных динамических систем.

Андронов очень глубоко для физика погрузился в математику. Ту, что была разработана Пуанкаре и другими учеными для небесной механики, где уравнения, как и в случае ламповых генераторов, нелинейны, а элементы системы – многочисленны. Более того, Андронов привлек к своим работам математика Льва Понтрягина, и они вместе вспомнили работы математика Александра Ляпунова, который как раз занимался проблемами устойчивости траекторий сложных систем. Появилась красивая и ясная теория, где предельным циклам соответствуют незатухающие периодические колебания, а фазовая плоскость с ее особыми точками узлов, фокусов, центров и седел (все это термины, отвечающие за разные типы поведения системы) – наглядная и информативная карта. Как писал один из учеников академика Андропова профессор Горяченко, до Андропова «математики не подозревали, что предельные циклы живут в прикладных задачах, а физики и инженеры, занимающиеся исследованием колебаний, не знали, что уже существует математический аппарат, необходимый для общей теории колебательных процессов». Сам Андронов сформулировал это так: «Предельный цикл

есть геометрический образ, изображающий в фазовом пространстве периодические движения автоколебательной системы; он представляет собой замкнутую кривую, к которой асимптотически приближаются соседние фазовые траектории».

А Мандельштам подытожил: «Опираясь на этот аппарат... можно будет вырабатывать новые руководящие точки зрения, которые позволят мыслить нелинейно». Мыслить нелинейно горьковчане-нижегородцы пытались в самые разные стороны. Поначалу это были лишь радиотехнические устройства, потом сверхвысокочастотные генераторы – магнетроны. Те, что запитывали радары – ведь именно под радарную тематику создавали радиофизический факультет в Горьком. Затем этот аппарат нашел приложение к любым автоматическим регуляторам – от клапанов паровой машины до атомного реактора (реакторами занимались уже ученики Андропова в университетском НИИ механики). Во время войны Андронов отвлекся на задачи размагничивания кораблей, но после войны вернулся к автоматическому регулированию, которое потребовалось для самых разных систем – от автопилотов и двигателей до химической кинетики, биологических и экологических моделей.

Аспирант Андропова Сергей Жевакин обнаружил автоколебания в пульсациях звезд-цефеид. Показав, что там «клапаном-регулятором» служит ионизация гелия в оболочке звезды, определяющая переменную прозрачность оболочки для излучения. Любопытно, что от прозрачности звездных оболочек Жевакин с коллегами перешли к прозрачности земной ионосферы для солнечного радиоизлучения, и ионосферные исследования – до сих пор «конек» нижегородских радиофизиков. Другой ученик Андропова (и Горелика) Всеволод Троицкий прославился измерением температуры горячих недр Луны, а заодно определением типа ее поверхности. Это было очень важно для разворачиваемой тогда лунной космической программы. Из работ Троицкого (не только его, конечно) выросла в Горьком целая радиоастрономическая школа.

Наконец, третий ученик Андропова – Андрей Гапонов-Грехов, начав «с общей теории электромеханических систем» (тема его диссертации, предложенная Андроновым), перешел затем к проблемам сверхвысокочастотной генерации и изобрел (вместе с соавторами) гиротрон – СВЧ-генератор, применяемый ныне в токамаках (эпохальное изобретение Игоря Тамма и Андрея Сахарова) для нагрева плазмы в целях осуществления управляемого термоядерного синтеза – т.е. создания Солнца на Земле. Как не посмотреть, а буквально звездная работа!

Резюмируем: плодотворно и разнопланово занимаясь теорией предельных циклов на фазовой плоскости, Александр Александрович Андронов сам, можно сказать, был «предельным циклом». Т.е., в соответствии с математическим определением, «областью», к которой притягивались жизненные траектории его современников и учеников. Продолжая эту физико-лирическую аналогию, позволим себе утверждать, что деятельность академика Андропова определяла в свое время – и много позже – параметры незатухающих колебаний «генератора научной мысли» нижегородской школы радиофизики, электроники и кибернетики. Что дало, дает, и, смеем надеяться, еще не раз даст замечательные научные результаты.

Список литературы

1. Горяченко 1992 – *Горяченко В.Д.* Андронов Александр Александрович. Издательство Нижегородского университета. Нижний Новгород, 1992.
2. Горская и др. 2001 – *Горская Н.В., Митякова Э.Е., Московченко О.И., Назина И.Г.* Личность в науке: А.А. Андронов. Документы жизни. Издание Нижегородского университета. Нижний Новгород, 2001.
3. Глик 2021 – *Глик Дж.* Хаос. Создание новой науки. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2021.

Часть 7. Кантовский трансцендентальный «коперниканский переворот»: революция или эволюция в развитии метафизики (эпистемологии)?

УДК 1/14 (091), 165.12

ВОЛЬФО-КАНТОВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МЕТАФИЗИКЕ: СУЩНОСТЬ VS [ВОЗМОЖНЫЙ] ПРЕДМЕТ ВООБЩЕ (GEGENSTAND ÜBERHAUPT), ОНТО-ТЕО-ЛОГИЯ VS МЕТАФИЗИКА КАК МИРО-ВОЗЗРЕНИЕ (WELTANSCHAUUNG)*

Катречко Сергей Леонидович

Кандидат философских наук, доцент

Государственный академический университет гуманитарных наук

Москва, Россия

E-mail: skatrechko@gmail.com

Опираясь на 1-е издание кантовской «Критики чистого разума», мы предлагаем тезис (и соответственно – приводим аргументы) в пользу того, что предметом трансцендентальной философии выступает изучение *предмета вообще* (*der Gegenstand überhaupt*) и связанных с ним трансцендентальных [априорных] предикатов [A11-12]. В статье показано, что данное понимание онтологии как изучения возможного предмета (*metaphysica generalis*) восходит к Хр. Вольфу (1679-1754) и представляет собой ее новаторскую модификацию по сравнению с классической метафизикой Аристотеля как онто-теологии. Вместе с тем так понимаемая *metaphysica generalis* выступает пропедевтикой для собственно метафизики, т.е. *metaphysica specialis*, которая представляет собой [трансцендентальное] учение о Мире, или Мироззрение (*die Weltanschauung*). При этом Мир представляет собой метафизическую *целостность*, которая объемлет человека (ср. с концептом *Объемлющего* (*das Umgreifende*) К. Ясперса). Подобными же *целостностями* выступают и две другие кантовские «идеи разума»: *Я* и *Бог* – исследование которых завершает построение трансцендентальной метафизики.

Ключевые слова: Кант, Вольф, трансцендентальная метафизика, предмет вообще, мир, миро-воззрение.

WOLFF-KANTIAN REVOLUTION IN METAPHYSICS: ESSENCE VS [POSSIBLE] OBJECT IN GENERAL (GEGENSTAND ÜBERHAUPT), ONTO-THEOLOGY VS METAPHYSICS AS A WORLD-VIEW (WELTANSCHAUUNG)

Katrechko Sergey Leonidovich

PhD in Philosophy, Associate Professor

State Academic University for Humanities

Moscow, Russia

E-mail: skatrechko@gmail.com

Applying the 1st edition Kant's Critique of Pure Reason, we propose the thesis (resp. give the arguments) in favor of the fact that the subject of transcendental philosophy is the study of the

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00925.

object in general (*der Gegenstand überhaupt*) and related transcendental [a priori] predicates [A11-12]. The article shows that this understanding of ontology as the study of a possible object (*metaphysica generalis*) goes back to Ch. Wolff (1679-1754) and represents its innovative modification in comparison with the classical metaphysics of Aristotle as an ontotheology. At the same time, *metaphysica generalis* understood in this way acts as a propaedeutics for metaphysics proper, i.e. *metaphysica specialis*, which is the [transcendental] doctrine of the World, or World-view (*die Weltanschauung*). At the same time, the concept *World* is a metaphysical “wholeness” that embraces a man (compare with the concept *das Umgreifende* by K. Jaspers). The same “wholeness” are also two other Kantian “ideas of reason” (*I and God*), the study of which completes the constitution of transcendental metaphysics.

Keywords: Kant, Wolff, transcendental metaphysics, object in general, world, world-view (*Weltanschauung*).

1. Трансцендентальную философию (ТФ) связывают, прежде всего, с кантовским «коперниканским переворотом» как «измененным методом мышления [в метафизике]» [ВХVIII]⁶. Кант настаивает на таком прочтении своего трансцендентализма в предисловии к 2-му изданию *Критики*, где, собственно, и вводится аналогия коперниканского переворота [ВХVII, ВХХI прим.], однако, как отмечают исследователи, можно выделить три несколько отличающихся друг от друга проекта кантовской трансцендентальной философии, соотносимых, соответственно, с 1-м изданием *Критики чистого разума* (1781 г.), *Пролегоменами* (1783 г.) и 2-м изданием *Критики* (1787 г.)⁷, в первых двух из которых тема коперниканского переворота хотя и присутствует (см.: [A92/B125-7], [A127-9/B166-7]), но не является определяющей⁸.

Если обратиться к дефиниции ТФ 1-го издания *Критики*, то постулируемый там Кантом трансцендентальный поворот задается как сдвиг от изучения [эмпирических] предметов к исследованию «предмета вообще» посредством априорных категорий рассудка (resp. априорных структур сознания)⁹:

«Я называю трансцендентальным всякое познание, занимающееся вообще не столько предметами, сколько нашими понятиями *a priori* о предметах вообще [*Gegenstände überhaupt*]. Система таких понятий называлась бы трансцендентальной философией» [A11-12]¹⁰.

Соответственно, если эмпирическое познание («физика») есть познание предметов и их эмпирических свойств/предикатов, то трансцендентальное познание

⁶ Здесь и далее ссылки на «*Критику чистого разума*» [Кант 2006] будем давать в международной пагинации.

⁷ Второй модус ТФ, представленный в *Пролегоменах*, можно определить как метафизику возможного опыта (или метафизику математического естествознания), которая получила свое развитие в неокантианстве (ср. с названием книги Г. Когена «Теория опыта Канта»). Третий модус трансцендентализма, если обратиться к ее дефиниции в [B25], направлен на исследование нашего способа познания и трансцендентальное обоснование [возможности] применения априорных форм/принципов в опытном познании (см. след. сноску).

⁸ Подробнее об этом я говорю в работе: [Катречко 2020].

⁹ Во 2-м издании *Критики* Кант (пере)определяет трансцендентальный сдвиг как изучение «способа нашего [априорного] познания» предметов, поскольку это познание должно быть возможным *a priori*» [B25].

¹⁰ Ср. с дефиницией ТФ из 2-го издания, где Кант (пере)определяет трансцендентальный сдвиг (и соответственно – определяет трансцендентальную философию) как изучение «способа нашего [априорного] познания» предметов, поскольку это познание должно быть возможным *a priori*» [B25].

(«[трансцендентальная] метафизика»¹¹) занимается исследованием «предмета вообще»¹² и его [априорных] трансцендентальных предикатов¹³.

Основополагающим при этом выступает кантовский концепт *предмета вообще* (нем. *Gegenstand überhaupt*). Что он собой представляет? Завершая свою трансцендентальную аналитику, Кант характеризует *предмет вообще* в качестве «высшего понятия, с которого обычно начинают трансцендентальную философию, [и которое лежит в основании] деления на возможное и невозможное», а поскольку «всяким делением предполагается уже разделенное понятие, то необходимо допускать более высокое понятие; и это есть понятие о предмете вообще...» [B346]¹⁴. Вот что говорит Кант о *пред-возможном* характере *предмета вообще* в своей *Metaphysik Mrongovius* (1782-1783 гг.), в которой он приводит следующий концептуальный ряд: «(1) *Gegenstand überhaupt* = объект в общем, (2) возможное, (3) положительное или действительное, (4) то, что является действительным¹⁵» [Kant 1900, 29:811], где *Gegenstand überhaupt* концептуально предшествует различению *возможное/невозможное* (ср. с пониманием *предмета вообще* из [B346-7])¹⁶. Тем самым предмет вообще – это некое неопределенное *Нечто* (англ. *It*), или даже некое безличное *Это* (англ. *This*)¹⁷, которое при эмпирическом созерцании наполняется содержанием и «превращается» в предмет [опыта]¹⁸. Тем самым *предмет вообще* – это еще не какой-

¹¹ «Метафизика в более узком понимании состоит из *трансцендентальной философии*... [которая] рассматривает только сам рассудок и разум в системе всех понятий и основоположений, относящихся к *предметам вообще*...» [B873; выделено курсивом мной – К.С.]

¹² Концепт предмета вообще входит в ряд кантовских «предметных» терминов, таких как вещь (предмет) сам по себе, трансцендентальный предмет/объект, «трансцендентальное [понятие] о предмете» [B236]. В ряде случаев Кант соотносит свой концепт *предмета вообще* со своим же концептом *трансцендентального предмета* (см., например: [A108-9], [A253] и др.), а в ряде фрагментов – с концептом вещи самой по себе (см., например: «трансцендентальное применение понятия в любом основоположении относится к вещам вообще и самим по себе, а эмпирическое – только к явлениям, т.е. к предметам возможного опыта») [B298; см. также: B410]. А в предисловии к 2-му изданию Кант отождествляет вещь/предмет вообще и вещь саму по себе: «...как вещь (Ding) вообще (как вещь (Sache) саму по себе)» [BXXVII]. Здесь, из-за ограничений на объем тезисов, не имею возможности детального исследования кантовских «предметных» концептов, но с помощью данного абриса я хотел бы подчеркнуть не-эмпирический статус кантовского концепта предмета вообще и его связь с трансцендентальной метафизикой.

¹³ См., например: «Синтетические положения о вещах вообще, созерцание которых не может быть дано а priori, трансцендентальны» [B748].

¹⁴ Обратим также внимание на важную для понимания трансцендентализма главу «Об основании различения всех предметов вообще на *phaenomena* и *noumena*» [B294-316], в названии которой также присутствует концепт *предмета вообще*.

¹⁵ Это «действительное» в данном случае можно соотнести с кантовской реально существующей *вещью самой по себе*.

¹⁶ Обратим внимание на то, что русский термин «предмет вообще», как и английский «*object in general*», не совсем точен, поскольку не передает важного смыслового нюанса кантовского «*Gegenstand überhaupt*» в качестве формального *нечто* (противостоящего ничто), или *грамматического заместителя объекта* (винительный падеж), а именно, что «*Gegenstand überhaupt*» не является ни *объектом вообще*, ни даже *возможным объектом*, а лишь *грамматическим (формальным) место-заместителем* объекта (ср. с англ. *placeholder*). Последующий контекст кантовского фр. [B347-349] позволяет соотнести *предмет вообще* с *нечто* (Etwas) в противоположность с *ничто* (ср. с «вещью вообще» Хр. Вольфа).

¹⁷ Можно сравнить *предмет вообще* с неопределенным артиклем английского языка: это еще не стол как таковой (*the table*), а какой-то [неопределенный] стол вообще (*a table*).

¹⁸ Функцию опредмечивания чувственного содержания [в предмет] выполняет кантовский концепт *трансцендентального предмета/объекта*: это, по сути, пред-категория, которая «синтезирует» чувственное многообразие в собственно предмет опыта (ср. с адвербальной теорией восприятия, которая выражается тезисом Э. Кассирера: «Мы видим не предметы, а предметно»). Формально это можно записать так: «*It/This* (=чувственное содержание) + *трансцендентальный предмет* (априорная форма) = *предмет* [опыта]».

то предмет, а формальный/грамматический неопределенный пра-предмет, функционирующий как логический субъект предложения («*S* есть *P*») для того, чтобы потом на него можно «навешивать» предикаты, в том числе (и прежде всего) и априорные. В рамках современной логики «предмет вообще» можно соотнести с подкванторной переменной *x* (ср. с кантовским обозначением трансцендентального предмета «=*X*»), которая сама по себе предметом не является, а является его «заместителем» и должна быть «заменена» на какой-то предмет¹⁹.

2. Кантовское постулирование [трансцендентальной] метафизики как учения о предмете вообще отсылает к вольфовской *metaphysica generalis* (=онтологии). Согласно Хр. Вольфу (1679-1754), предметом метафизики/онтологии выступает не *сущее/сущность* (Аристотель), а *вещь* (нечто (*Etwas*), *ens/ens per se* (*Ding*), *res* (*Sache*)), точнее – *возможная вещь*, или *вещь вообще* (*Ding überhaupt*). Концепт *вещи вообще* фигурирует в названии его работы «Метафизика», ее вторую главу Вольф именуется «*О первых основаниях нашего познания и всех вещах вообще*» [подчеркнуто мной – К.С.], а начинает он эту главу со следующего определения (§ 16): «Все, что возможно – существует ли оно действительно или нет, – мы называем вещью (*Ding*)» [Вольф 2001, 241]²⁰. В своей конкурсной работе 1791 г. [Кант 1994, т. 7] Кант высоко оценил вклад Хр. Вольфа в развитие современной ему философии (метафизики)²¹. Вместе с тем потенциал вольфовского переосмысления метафизики, на мой взгляд, гораздо богаче, поскольку Вольф, предвзято кантовское понимание трансцендентальной метафизики как учения о предмете вообще (первый проект кантовской трансцендентальной философии), предложил революционное преобразование метафизики, состоящее в том, что в отличие от восходящей к Аристотелю, онто-теологической метафизики как учения о *сущности*, Вольф предлагает рассматривать метафизику как учение о *возможном предмете*, предвосхитив тем самым развитие современной модальной метафизики. Это коренным (революционным?) образом изменяет статус метафизики. Если переход от вещи к сущности предполагает двоякое метафизическое движение как *вглубь* [вещи, к субстанции, (Аристотель)], так и *вверх* [к миру идей (Платон), ко вторым сущностям (Аристотель)], то переход от [эмпирической] действительной вещи к *возможной вещи* (соответственно – *предмету вообще*) изменяет направление метафизической мысли на «горизонтальное», от вещи к *миру* [как совокупности (целому), или *горизонту* вещей]. Тем самым метафизика из потустороннего трансцендентного исследования ноуменальных сущностей превращается в трансцендентальное исследование вещей вообще и их априорных предикатов, а также в исследование *посюстороннего* Мира как совокупности вещей, т.е. становится *мета-физикой возможного опыта*.

¹⁹ Н. Стэнг предлагает называть такие объекты «q-objects» (по имени У. Куайна) [Stang 2020]. А несколько ранее Р. Хауэлл соотнес кантовский трансцендентальный предмет (предмет вообще) с различием *de re* vs *de dicto* [Howell 1981].

²⁰ Заметим, что Вольф, вводя в оборот выражение «вещь вообще», не придал ему статуса специального философского термина: в качестве технического термина «*вещь вообще*» вводит ближайший предшественник (современник) Канта И. Тетенс (1736-1807) (подробнее об этом см.: [Круглов 2008, с. 239-244]; там же дан анализ развития (истории) «предметных» терминов в немецкой пред-кантовской философии и указан еще один важный автор для формирования понятия «вещь вообще» – А.Г. Баумгартен, «Метафизику» которого Кант использовал при чтении своих лекционных курсов по метафизике), но здесь нам важно обратить внимание на концептуальную новацию Вольфа в понимании *вещи* (*Ding*) как чего-то (или нечего (*Etwas*)) возможного, и, соответственно, реформатирования онтологии как учения о возможной вещи.

²¹ Заметим, что в этом, более позднем тексте Кант определяет ТФ как «*учение о возможности всякого априорного познания вообще*» [Кант 1994, т. 7, с. 394-395], что примиряет между собой дефиниции ТФ из 1-го и 2-го изданий.

3. Выше (в концовке п. 2) мы наметили еще один важный концептуальный ход преобразования классической метафизики. Предлагаемая Вольфом модификация *metaphysica generalis* как переход от «сущностной» к «вещной» онтологии предопределяет еще одну модификацию теперь уже на уровне *metaphysica specialis*. При этом хочу обратить внимание на то, что именно Вольф впервые в оборот европейской философской мысли вводит понятие *трансцендентальной космологии* (*cosmologia generalis vel transcendentalis*; первое употребление термина «трансцендентальный» в новоевропейской философии), под которой он понимает некое общее рассмотрение мира²². Один из возможных вариантов развития такой трансцендентальной – *мирской* – метафизики, намеченный Кантом – это переход к *мировоззрению*²³ (*die Weltanschauung*; дословно «интуиция/созерцание мира»²⁴), или к метафизике как учению о Мире (*der Weltbegriff*). Как пишет Кант в *Архитектонике*, помимо школьного понятия философии, «существует еще *мировое понятие* (философия по *мировому понятию* [лат. *conceptus cosmicus*]), которое всегда лежало в основе термина *философия*» [B866]. О таком [космологическом] понимании кантовской трансцендентальной философии говорит, например, О. Финк в своей работе «Мир и конечность» [Fink 1990]. В этом случае центр кантовской [трансцендентальной] метафизики смещается с трансцендентальной аналитики на трансцендентальную диалектику, а ее смысловым ядром являются кантовские *антиномии чистого разума*²⁵, которые имеют не только негативный, но и позитивный смысл в качестве основных постулатов учения о Мире. Мета-физичность *Мира* состоит в том, что человек не может занять по отношению к нему позицию внешнего наблюдателя, а находится *внутри* Мира. Ранее я предложил именовать подобные «объекты» метафизическими *целостностями*, подчеркивая их *объемлющий* по отношению к человеку характер (ср. с концептом *Объемлющего* (*das Umgreifende*) К. Ясперса) [Katretchko 1998]. Заметим при этом, что подобными метафизическими целостностями выступают и две другие кантовские *идеи разума*: *Я* и *Бог* – изучение которых, по Вольфу, составляют два других раздела *metaphysica specialis*²⁶. Тем самым если вольфовская *metaphysica generalis* как учение о вещи вообще выступает общей пропедевтикой к метафизике, то кантовская

²² Вот как Вольф определяет трансцендентальную космологию: «[С]уществует также общее рассмотрение мира, которое рассматривает, что общего есть у действительного мира со всяким другим возможным. [Эту] часть философии... я называю общей или трансцендентальной космологией» [цит. по: *Wolff Chr. "Discursus praeliminaris de philosophia in genera"*, p. 36, § 78; вставки в скобках мои – К.С.], а позже поясняет, что он «имеет обыкновение называть [общую космологию] также трансцендентальной, поскольку здесь доказывается о мире только то, что ему подобает как составному и изменяемому существу; тем самым она относится к физике так же, как онтология (первая философия) ко всей философии» [цит. по: *Wolff Chr., "Cosmologia generalis. Francofurti"*. 1731, §1, Praefatio. p. 1, § 1].

²³ Заметим, что понятие *мировоззрения* (нем. *die Weltanschauung*) впервые в качестве технического философского термина вводится Кантом в «Критике способности суждения». Здесь Кант говорит об «идее ноумена [бесконечного мыслимого как *целого*], который сам не допускает созерцания, но положен в основу *созерцания мира* как явления в качестве [умопостигаемого] субстрата [бесконечно чувственного мира]» [Кант 1994, т. 4, с. 93].

²⁴ Традиционно кантовский термин *Anschauung* переводят на русский как *созерцание*, что, на наш взгляд, затеняет его концептуальную связь с *интуицией* как непосредственной данностью предмета.

²⁵ При этом Финк ссылается на кантовское письмо к Х. Гавре от 21.09.1798 г., где Кант пишет, что «не исследование бытия Божьего, бессмертия etc. было моей отправной точкой, но антиномии чистого разума... Вот что, прежде всего, пробудило меня от догматического сна и побудило приступить к критике чистого разума...» [Кант 1994, с. 583].

²⁶ Можно говорить (что и происходит в современной философии) о других *целостностях* (как «расщеплении» исходной целостности Мира): «*социальном мире*», «*жизненном мире*», «*интеллектуальный мир* (ценностей; морали)» и др.

трансцендентальная метафизика (как новый модус метафизики) может быть соотнесена с *metaphisica specialis* и, прежде всего, с исследованием Мира, или *Миро-воззрением*²⁷.

Список литературы

1. Вольф 2001 – *Вольф Хр.* «Метафизика» («Разумные мысли о Боге, мире и душе человека, а также о всех вещах вообще») (*Vern Nfftige Gedancken Von Gott, Der Welt Und Der Seele Des Menschen, Auch Allen Dingen Berhaupt*; Halle, 1725) // Христиан Вольф и философия в России (редактор-составитель В.А. Жучков), СПб: Изд-во РХГИ, 2001.
2. Кант 2006 – *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на русском и немецком языках. М.: Наука, 2001-2006. Т. II. Ч.1, Т. II. Ч.2.
3. Кант 2006 – *Кант И.* Критика способности суждения // Кант И. Соч. в 8-ми т. Т. 5, М.: Чоро, 1994.
4. Кант 2006 – *Кант И.* Письма // Кант И. Соч. в 8-ми т. Т. 8, М.: Чоро, 1994.
5. Кант 2006 – *Кант И.* Приложение о вопросе, предложенном на премию королевской Берлинской академии наук в 1791 году: Какие действительные успехи сделала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа? // Кант И. Соч. в 8-ми т., М.: Чоро, 1994. Т. 7, с.377-442.
6. Катречко 2020 – *Катречко С.Л.* Кантовская идея трансцендентальной философии // Трансцендентальный журнал (*Studies in Transcendental Philosophy*), Т. 1. URL: <http://ras.jes.su/transcendental/s123456780008967-4-1>.
7. Катречко 2021 – *Катречко С.Л.* Философия (метафизика) как Миро-воззрение (*Weltanschauung*). Концепт (целостность) *Мира* в трансцендентальной перспективе // Трансцендентальный поворот в современной философии (6): трансцендентализм как «измененный метод мышления [в метафизике]»...: тезисы 6-го Международного научного семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии» (Москва, 22–26 апреля 2021 г.) / Отв. ред. С.Л. Катречко. М.: Издательский дом «Юность», Фонд ЦГИ, 2021. с. 37-40.
8. Кантовская идея трансцендентальной философии // Трансцендентальный журнал (*Studies in Transcendental Philosophy*), Т. 1. URL: <http://ras.jes.su/transcendental/s123456780008967-4-1>
9. Круглов 2008 – *Круглов А.Н.* Тетенс, Кант и дискуссия о метафизике в Германии второй половины XVIII века. М.: Феноменология-Герменевтика, 2008.
10. Fink 1990 – *Fink E.* *Welt und Endlichkeit*. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1990.
11. Howell 1981 – *Howell R.* Kant's First-Critique Theory of the Transcendental Object, in: *Dialectica*. Vol. 35(1), 1981. Pp. 85-125.
12. Kant 1900ff – *Kant I.* *Kants Gesammelte Schriften*. Akademie Ausgabe. Berlin: Reimer, later de Gruyter 1900. V. 29.
13. Katretchko 1998 – *Katretchko S.L.* Philosophy as Metaphysics // Proceedings 20th World Congress of Philosophy. August, 1998. URL: <http://www.bu.edu/wcp/Papers/Meta/MetaKatr.htm>
14. Stang 2020 – *Stang N.F.* Kant and the concept of an object, in: *European Journal of Philosophy*, 2020. Pp.1-24.

²⁷ Об этом модусе трансцендентальной метафизики я подробнее говорю в работе: [Катречко 2021].

КОПЕРНИКАНСКИЙ ПЕРЕВОРОТ КАНТА В МОРАЛИ И РЕЛИГИИ

Крыштон Людмила Эдуардовна

*Кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии
Российский университет дружбы народов
Москва, Россия*

В докладе производится попытка вскрыть сущность коперниканского переворота и проследить, какое значение коперниканский переворот Канта имел для морали и религии. Показывается, что коперниканский переворот может рассматриваться как основание как этической системы, так и философии религии Канта. Основой коперниканского переворота являются обращение к субъекту и рассмотрение субъекта в качестве отправной точки познания и восприятия. Фактически, коперниканский переворот непосредственно выводит нас на знаменитое кантовское разделение мира на мир вещей в себе и мир явлений, которое не только хорошо подходит для анализа сферы теоретического познания, но и легко переносится в сферу практического. Как в отношении морального закона, так и в отношении Бога мы не знаем, какими суть эти реалии сами по себе. Единственное, что нам доступно – это выяснение того, какими они нам являются и почему они предстают перед нами именно так, а не иначе. Этот подход является сегодня основой как современной философии религии, так и философской теологии. Только он и делает возможным конструктивный диалог различных религий друг с другом.

Ключевые слова: Кант, коперниканский переворот, моральный закон, Бог, мораль, религия

COPERNICAN REVOLUTION OF KANT IN MORAL AND RELIGION

Kryshstop Ludmila Eduardovna

*PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russia*

The report attempts to reveal the essence of Kant's Copernican revolution and to trace its significance for morality and religion. It is shown that the Copernican revolution can be considered as the ground of both the ethical system and the philosophy of religion of Kant. The basis of the Copernican revolution is the appeal to the subject and the consideration of the subject as the starting point of cognition and perception. In fact, the Copernican revolution directly leads us to the famous Kantian division of the world into the world of things-in-themselves and the world of phenomena, which not only is well suited for analyzing the sphere of theoretical knowledge, but also easily transferred to the area of practical knowledge as well. As with respect to moral law, and with respect to God, we do not know what these realities are in themselves. The only thing that is available to us is to find out what they are to us and why they appear in this and not the other way. This approach is today the basis of both contemporary philosophy of religion and philosophical theology. It alone makes possible a constructive dialogue of different religions with each other.

Keywords: Kant, Copernican revolution, moral law, God, moral, religion.

«Коперниканский переворот», наравне с «категорическим императивом», «вещью самой по себе» («вещью самой в себе»), «трансцендентальной дедукцией» и «единством апперцепции», относится к набору наиболее известных терминов кантовской философии, а вместе с тем и европейской философии в целом. Сложно представить себе человека, хоть сколько-нибудь разбирающегося в философии, который не имел бы хотя бы смутного представления об этих понятиях и не был бы способен сразу же идентифицировать их с философией Канта. При этом, если говорить именно о «коперниканском перевороте», то это понятие традиционно ассоциируется со сферой

именно теоретической философии Канта. Основания этому дает сам Кант, предлагая сравнение своего замысла с революцией Коперника на первых страницах предисловия ко второму изданию «Критики чистого разума» [Кант 1994б, с. 18], основной проблемой которой является именно теоретическое познание. Это приводит к тому, что значение коперниканского переворота и сегодня нередко пытаются ограничивать именно теоретической философией, теорией познания, просматривая тем самым те важные следствия, которые он возымел для сферы практического, и прежде всего – для морали и религии.

Для того чтобы проследить эти следствия коперниканского переворота для сферы практического, сначала эксплицируем в общем виде смысл самого этого понятия. Отвлекаясь от той формы, в которой в предисловии ко второму изданию его поясняет сам Кант, можно сказать, что речь идет о том, что в субъекте заложены определенные формы восприятия и осмысления, которые и приводят к созданию определенных образов объектов в сознании субъекта, из совокупности которых в конечном счете и складывается та или иная картина мира субъекта. Это справедливо для любых объектов, которые субъект воспринимает и осмысляет. Объекты эти могут относиться к совершенно различным сферам деятельности субъекта. И восприятие этих объектов может быть тоже совершенно разным. Другими словами, речь вовсе не обязательно должна идти об объектах чувственно воспринимаемого мира (или, по крайней мере, представляющихся нам как таковые). Это могут быть и более комплексные предметы. В том числе можно вести речь и о восприятии определенных реальных, относящихся к сфере практической философии, т.е. к области морали и религии. Важным при этом оказывается рассмотрение тех условий, которые заложены в самом субъекте и делают возможным именно этот вид его восприятия и осмысления.

После эксплицирования общего смысла коперниканского переворота рассмотрим подробнее, как именно он проявляется в сфере морали и религии. Сначала рассмотрим его проявления в этической системе Канта, корнем которой являются понятия морального закона и долга. Моральный закон признается Кантом повелевающим с абсолютной необходимостью и являющимся общезначимым. Соответственно, долг индивида заключается в подчинении своей воли повелениям морального закона. На первый взгляд может показаться, что от обращения к сфере субъективного и позиционирования именно субъективного как отправной точки размышления, что заявлялось в коперниканском перевороте, здесь не остается и следа. Однако при более пристальном рассмотрении мы усматриваем проявление той же модели размышления, которую Кант нам демонстрирует в первой «Критике» в отношении вопросов спекулятивного познания.

Важным здесь оказывается тот факт, что моральный закон не просто существует абсолютно достоверно и повелевается с абсолютной необходимостью. Это действительно скорее наводит нас на мысль о том, что он рассматривается Кантом как независимый от воли отдельного индивида. Более важным для нашего рассмотрения оказывается тот факт, что моральный закон предстает в сознании субъекта в форме категорического императива. И, именно как категорический императив, он содержит в себе абсолютное принуждение к подчинению. Сам моральный закон, рассматриваемый в отрыве от субъекта, такой принудительной силой не обладает, так, например, нельзя говорить о возможности категорического императива для святой воли Бога [Кант 1994а, с. 411]. При этом Кант подчеркивает, что это не означает, что для Бога не действует моральный закон. Это означает лишь то, что моральный закон для Бога не принимает форму категорического императива, т.к. воля Бога следует моральному закону совершенно добровольно и без всякого принуждения (будь то абсолютно или относительно необходимого). Категорическим же императивом моральный закон

оказывается только для человека и именно по причине определенной конструкции самого человека, наличие в нем определенных структур, приводящих к тому, что моральный закон может восприниматься человеком только как категорический императив и никак иначе. И таковыми структурами оказываются чувственность, с одной стороны, и разум, с другой. Именно их причудливое взаимодействие, которое мы находим в таком существе как человек, и дает нам именно эту форму восприятия морального закона.

Человек является гражданином двух миров. Его интеллигибельная составляющая приводит к тому, что он способен распознавать повеления морального закона и признавать их действительную силу. Однако его сенсигельная составляющая приводит к тому, что он постоянно испытывает побуждение не следовать повелениям морального закона или же исполнять их не во всей полноте, делая более значимым удовлетворение своих склонностей и потребностей, а не поведение из одного лишь чувства уважения перед моральным законом. Именно эта ситуация и приводит к необходимости принуждения человека к следованию моральному закону, т.е. к тому, что моральный закон для него принимает форму императива и притом категорического. Собственно, в этой двойственной природе человека находится корень и кантовского понятия уважения перед моральным законом, которое признается им чувством совершенно особого рода, а именно – интеллектуальным [Кант 1994а, с. 462].

Как коперниканский переворот проявляется в сфере религии? Каков Бог, мы не можем знать. Он для нас остается той вещью самой по себе, о которой мы ничего не знаем и знать не можем. В том числе проблематичным для нас оказывается сам факт установления его существования. Существует ли Бог или нет, мы никогда с достоверностью установить не сможем. По крайней мере, на путях спекулятивного познания. Но мы являемся такими существами, что с необходимостью предполагаем его существование (в этом заключается суть кантовского постулирования бытия Бога из потребностей практического разума). Причем мы не просто постулируем существование некоего совершенно непознаваемого для нас объекта, но, признавая его непознаваемость во многих аспектах, некоторые аспекты, тем не менее, достаточно четко фиксируем. Такими аспектами оказываются моральные атрибуты, т.е. такие свойства божественной природы, предполагать которые, исходя все из тех же потребностей практического разума, для нас необходимо. Перечень этих свойств действительно крайне незначителен (это: святость, справедливость и благодать) [Кант 2016, с. 118-132], однако они все же есть, и они приписываются Богу как моральному существу с необходимостью. И здесь мы снова, если попытаться представить основную линию кантовской аргументации максимально просто, сталкиваемся с тем, что обозначили выше как сущность коперниканского переворота. Каким есть Бог и есть ли он вообще, мы не знаем, однако мы воспринимаем его как существующего и наделенного именно этим набором предикатов в силу того, кем являемся мы сами, исходя из особенностей нашей собственной внутренней структуры. Мы являемся такими существами, что представляем Бога именно так.

Этот последний вывод имеет огромное значение не только для анализа собственно кантовской философии религии. Не будет преувеличением сказать, что сегодня кантовский коперниканский стиль является основой современной философии религии и философской теологии. Сегодня мы рассматриваем религиозный опыт встречи с божественным как нечто в себе самом непознаваемое, что лишь является нам определенным образом под воздействием определенных факторов, таких как наши индивидуальные особенности, равно как и культурно-исторические условия, в которые мы погружены, социальная среда и т.п. Другими словами, какой Бог на самом деле мы не знаем, но мы воспринимаем его под воздействием целого ряда обстоятельств

определенным образом. То же самое распространяется и на современное понимание Откровения (по крайней мере, в западноевропейском пространстве). Безусловно, мы можем предполагать, что Бог непосредственным образом сообщает нам нечто о себе. Однако это сообщение точно так же проходит сквозь призму нашего субъективного восприятия. В итоге мы можем говорить о том, что мы представляем и понимаем Божественное откровение тем или иным образом, но не о том, что оно действительно само в себе таково, как нам представляется.

Такой взгляд на вещи, безусловно, выбивает прочную почву из-под ног фундаменталистов, делая невозможным претензии разных религиозных течений на абсолютную истинность их догматических построений, признаваемых таким образом лишь разными возможными формами описания некоей божественной реальности. Но именно этот взгляд обладает бесспорным преимуществом в современном мире, открывая перспективы конструктивного диалога между различными вероисповеданиями, проводимого в атмосфере толерантности и взаимного уважения.

Список литературы

1. Кант 1994а – *Кант И.* Критика практического разума // *Кант И.* Собр. соч. в 8 т. Т. 4. М.: ЧОРО, 1994. С. 373-565.
2. Кант 1994б – *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Наука, 1994. 592 с.
3. Кант 2016 – *Кант И.* Лекции о философском учении о религии. М.: Канон+, 2016. 384 с.

УДК 130.2

КОПЕРНИКАНСКИЙ ПЕРЕВОРОТ И. КАНТА В ТЕХНОГЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Маслов Вадим Михайлович

Доктор философских наук, профессор

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия
E-mail: maclov@bk.ru*

Ключевые исторические фигуры и феномены, определяющие революционную специфику коперниканского переворота И. Канта: Фалес, Ф. Бэкон, техногенная цивилизация. Фалес открывает философию, в лоне которой формируется традиция ответственного изменения мира к лучшему. Ф. Бэкон связывает достижение этой цели с созданием новой науки, ведущей к появлению нового общества, Новой Атлантиды. Движение культуры от идеи Новой Атлантиды к современной техногенной цивилизации определяет революционную специфику коперниканского переворота И. Канта применительно к природному и субъектному планам. Применительно к природному плану коперниканский переворот И. Канта качественно углубляет подход Ф. Бэкона. По Ф. Бэкону, наука подстраивается под природу, которая выступает в роли самостоятельного субъекта. По И. Канту, сила человека делает природу пассивным объектом нацеленных манипуляций. Техногенная цивилизация проясняет эти мысли И. Канта, в частности, через идею молекулярных ассемблеров Э. Дреклера. Применительно к субъектному плану коперниканский переворот И. Канта открывает новый революционный подход к человеческому существованию, потенциал которого не исчерпан и ныне (эпистемологический конструктивизм). Техногенное углубление этой проблематики связано с тем, что априорная данность человека может стать постчеловеческим и внечеловеческим объектом познания и последующего преодоления человеческой формы жизни.

Ключевые слова: философия, техногенная цивилизация, трансцендентальное, гносеология, праксеология, постчеловеческое, внечеловеческое, посттехногенное.

I. KANT'S COPERNICAN REVOLUTION IN TECHNOGENIC PERSPECTIVE

Maslov Vadim Mikhailovich

PhD DSc in Philosophy, Professor

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: maclov@bk.ru

Key historical figures and phenomena that determine the revolutionary specifics of the Copernican revolution of I. Kant: Thales, F. Bacon, technogenic civilization. Thales discovers a philosophy in the bosom of which the tradition of responsible change of the world for the better is formed. F. Bacon connects the achievement of this goal with the creation of a new science, leading to the emergence of a new society, a New Atlantis. The movement of culture from the idea of a New Atlantis to a modern technogenic civilization determines the revolutionary specifics of the Copernican revolution of I. Kant in relation to the natural and subjective plans. In relation to the natural plan the Copernican revolution of I. Kant qualitatively deepens Bacon's approach. According to Bacon, science adapts to nature, which acts as an independent subject. According to Kant, the power of man makes nature a passive object of targeted manipulations. Technogenic civilization clarifies these thoughts of I. Kant, in particular, through the idea of molecular assemblers by E. Drexler. In relation to the subjective plane the Copernican revolution of I. Kant opens up a new revolutionary approach to human existence, the potential of which is not exhausted even now (epistemological constructivism). The technogenic deepening of this problem is connected with the fact that the a priori givenness of a person can become a posthuman and outside-human object of cognition and subsequent overcoming of the human form of life.

Keywords: philosophy, technogenic civilization, transcendental, epistemology, praxiology, posthuman, outside-human, post-technogenic.

Современное общество – с учетом экспоненциального роста и социальной значимости научно-технического развития – есть техногенная цивилизация [Степин 2010, с. 330]. Теория техногенной цивилизации требует углубления, в частности, на материале истории философии. Одной из ключевых проблем здесь является «коперниканский переворот» И. Канта.

И. Кант считается сложным автором: «Усвоение взглядов Канта требует такого труда, что на критику его теорий и на попытки пойти дальше у многих не хватает сил» [Лосский 1993, с. 8]; «Критика чистого разума» – «одно из наиболее трудных произведений в мировой литературе» [Ойзерман 1964, с. 5] и т.п. Сегодня в этой сложности выделяют формальную и содержательную стороны. Формальная – связана с решением И. Канта (вследствие «громкости задачи») нарушить традицию гармоничного соотнесения теоретических рассуждений с пояснениями в плане превалирования дискурсивного над «ясностью посредством наглядных представлений» [Кант 1993, С. 15]. Критически учитывая наличие формального аспекта сложности [Маслов 2017а], центрируемся только на содержательной проблематике.

Ключевые исторические фигуры и феномены, определяющие специфику коперниканского переворота: Фалес, Ф. Бэкон, техногенная цивилизация («ключ к анатомии обезьяны»).

Фалес – один из родоначальников философии. Среди множества разрабатываемых в философии тем выделяется практический акцент философии: пифагорейцы, Платон, который с риском для жизни пытался воплотить в жизнь теорию идеального государства. Ф. Бэкон на новом уровне развивает практическую линию философии. В учении об идолах познания он объясняет, почему не могли осуществиться прежние философские попытки изменить мир к лучшему, и разрабатывает «Новый органон» для

достижения этой цели. В описании Новой Атлантиды показывается достойная жизнь на основе новой науки и техники, под научно-философским руководством (Дом Соломона). Движение культуры от идеи Новой Атлантиды к современной техногенной цивилизации определяет революционную специфику коперниканского переворота И. Канта применительно к природному и субъектному планам.

Что касается революционности применительно к природному плану. Современники отмечают связь И. Канта с деятельным трендом философии: «По Канту, мы познаем в вещах лишь то, что сами в них вложили», «Кант осуществляет деятельностное отношение к миру» [Шиян 2019 с. 104]. Но нужно взять идеи И. Канта в их исторической специфике и максимуме. Суть этого – переход от гносеологии к праксеологии. И. Кант указывает на завершение классической гносеологии и науки: их цель, вещи в себе – принципиально непознаваемы. Дальнейшее развитие науки связано с активным вопрошанием природы как совокупности явлений возможного опыта: «Естествоиспытатели поняли тогда, что разум усматривает только то, что сам производит по собственному плану» [Кант 1993, с. 19]. Происходит вывод проблематики вещей в себе из круга природы как совокупности окружающих человека явлений: всемирное тяготение не актуализирует вопрос о связи с вещами в себе, а выступает в роли самодостаточного закона мира явлений. Предел такому познанию: исчерпание всего возможного опыта через открытие соответствующих законов мира явлений. По Ф. Бэкону, наука изучает существующую природу, подстраиваясь под нее, которая в этом плане выступает в роли самостоятельного субъекта. И. Кант ведет мысль к тому, что сила человека превращает природу в пассивный объект нацеленных манипуляций (трудность усвоения этой мысли связана с тем, что И. Кант основное внимание уделил вопросам завершения классической гносеологии). В современной техногенной цивилизации последние идеи становятся реальностью, в частности, отраженной в теориях финализации науки, технонауки, концепции молекулярных ассемблеров Э. Дрекслера, способных собирать все в мире из атомов [Дрекслер 1986].

Что касается революционности применительно к субъектному плану. Утверждаемая И. Кантом познавательная первичность человека, а не мира – носит революционный характер (схожие идеи Ксенофана и Протагора не были на авансцене современной философии). Перспективность этого направления исследования подчеркивается многими современными феноменами (парадигма Т. Куна, историческое априори М. Фуко, эпистемологический конструктивизм и др.). Но сегодня главное то, что здесь высвечивается новый революционный аспект идеи И. Канта. Радикализм И. Канта соотносит его с проблематикой трансгуманизма [Иванченко 2019]. В рамках становления постчеловеческого мира и формирования внечеловеческого феномена (искусственный интеллект) исходная априорная данность человека может стать объектом познания и последующего средства преодоления человеческой формы жизни. Считаю, что в этом плане гений И. Канта способствует более точному пониманию и стремлению утвердить посттехногенный тренд развития техногенной цивилизации, снимающий постчеловеческие и внечеловеческие угрозы развития [Маслов 2017б].

Список литературы

1. Дрекслер 1986 – *Дрекслер Э.* Машины создания: Грядущая эра нанотехнологии. URL: <http://transhumanism-russia.ru/books/Engines%20of%20Creation/eoc.html>. (дата обращения 15.04.2021)
2. Иванченко 2019 – *Иванченко М.А.* Постгуманизм Иммануила Канта // Трансцендентальная перспектива философствования: история и метод. М.: Изд. «Алькор Паблицерс»; Фонд «Центр гуманитарных исследований», 2019. С. 98-102.

3. Кант 1993 – *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. СПб.: Изд. «Тайм-Аут», 1993. 477 с.
4. Лосский 1993 – *Лосский Н.* Предисловие переводчика // Кант И. Критика чистого разума. СПб.: Изд. «Тайм-Аут», 1993. С. 7-8.
5. Маслов 2017а – *Маслов В.М.* Визуальная критика «Критики чистого разума» И.Канта // *Личность. Культура. Общество.* 2017. Т. 19. № 3-4. С. 199-205.
6. Маслов 2017б – *Маслов В.М.* Теория посттехногенной цивилизации как основа инновационного развития и сохранения человека // *Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: сборник научных статей.* Н. Новгород: ННГУ, 2017. С. 171-173.
7. Ойзерман 1964 – *Ойзерман Т.* Главный труд Канта // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 5-67.
8. Степин 2010 – *Степин В.С.* Цивилизационного развития типы // *Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4.* М.: Наука, 2010. С. 330-332.
9. Шиян 2019 – *Шиян А.А., Державина Н.Ф., Катречко С.Л.* Кантовский трансцендентализм в современных философских дискуссиях. Обзор Международного научного семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии – 3» // *Кантовский сборник.* 2019. Т. 38, № 2. С. 103-111.

УДК 141

ПОСТУЛАТЫ МОДАЛЬНОСТИ КАНТА И ПЕРСПЕКТИВА ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМА

Мёдова Анастасия Анатольевна

Доктор философских наук, профессор

Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика

М.Ф. Решетнёва

Красноярск, Россия

E-mail: krasfilmanager@gmail.com

Работа посвящена анализу ключевого следствия коперниканского переворота – проблеме когерентности закономерностей внешнего мира априорным формам чувственности и познания. Данная проблема анализируется в онтологическом ключе в контексте двух интерпретаций коперниканского переворота. Согласно первой переворот заключен в переводе онтологических предпосылок познания в термины познавательной способности субъекта, согласно второй он связан с выдвижением трансцендентального аргумента, доказывающего существование предметов вне нашего сознания. Цель работы – акцентировать парадоксальность онтологических следствий коперниканского переворота и проследить те пути моделирования познающего сознания, которые оно открывает для последующей философии. Для решения поставленной задачи автор обращается к постановке проблемы когерентности и поиску путей ее решения у Канта. Таковым путем является трансцендентальная дедукция категорий, объясняющая, каким образом понятия могут относиться к объектам до и помимо их эмпирической данности. Обращение к категориям модальности – действительности, возможности и необходимости, которые Кант называет также постулатами эмпирического мышления – может помочь прояснить проблему когерентности, т.к. категории модальности не есть простая фиксация закономерностей нашего мышления. При том, что они ничего не прибавляют к представлению о предмете, их значение велико: это собственно способности познания, в которых возникает понятие. Развивая мысль Канта, автор интерпретирует постулаты модальности как три измерения открытости реальности и сознания друг другу. Возможность есть открытость в модусе активности производящего формы сознания, как бы открытость «со стороны сознания»;

действительность – открытость «со стороны реальности» в модусе доступности вещей опыту; необходимость есть проекция логико-аналитического уровня сознания на реальность.

Коперниканский переворот и следующий из него парадокс когерентности открыли дорогу феноменологии и онтологии сознания, утвердив идею реконструкции сознания из его «нерастворимых» гипотетических элементов, которые одновременно не являются психическими процессами и не однородны структуре объективного мира. Возникает новая парадигма онтологической взаимодополнительности объективной и субъективной реальности.

Ключевые слова: коперниканский переворот, а priori, сознание, восприятие, условия возможности опыта, трансцендентальный аргумент, возможность, необходимость, действительность

THE KANT'S POSTULATES OF THE MODALITY AND A PERSPECTIVE OF THE TRANSCENDENTALISM

Medova Anastasia Anatolievna

PhD DSc in Philosophy, Professor

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

Krasnoyarsk, Russia

E-mail: krasfilmanager@gmail.com

The author analyzes the key consequence of the Copernican revolution, “the question of the cohesion”. The question is how regularities of the outer world can be relevant to a priori forms of sensibility and justification. The problem is considered ontologically in the context of two interpretations of the Copernican revolution. According to the first one, the revolution is the transformation of ontological preconditions of the knowledge into terms of the cognitive ability of a subject. According to the second one, it is the transcendental argument, which proves the existence of things beyond consciousness. The paper aims to emphasize the paradoxical ontological consequences of the Copernican revolution and trace the path of the modeling of consciousness opened for subsequent philosophy by them.

The aim requires the study of the Kantian statement of “the question of the cohesion” and him finding the ways of its answer. The way is the transcendental deduction of categories which explains how notions can refer to objects before and beyond empirical givenness of them. The categories “necessity”, “opportunity” and “reality” (Kant calls them also the postulates of empirical thinking) involved in solving the problem. The categories of modality are not merely a description of regularities of our reason. They append nothing to an apprehension of an object, but their significance is great: they are faculty of knowledge on its own into which notions arise. Developing the Kantian account, the author proposes the following treatment of the postulates of modality: they are three dimensions of an openness of the outer world and consciousness each other. The opportunity is the openness “from the side of consciousness”, in the mode of cognitive activity that produces forms. The reality is the openness in the mode of availability of the things to the experience “from the side of the world”, the necessity is the openness in the mode of logical level of consciousness.

The Copernican revolution and consequent from it “the question of the cohesion” opened the way for phenomenology and ontology of consciousness by affirming the idea of “indissoluble” hypothetical elements of it which are not psychical processes. Thus arises the new paradigm of ontological complementarity of subjective and objective reality.

Keywords: Copernican revolution, a priori, consciousness, perception, conditions of a possibility of an experience, transcendental argument, opportunity, necessity, reality.

В работе «О вопросе, предложенном на премию Королевской Берлинской академии наук...» Кант определяет трансцендентальную философию как учение о возможности всякого априорного познания вообще, имеющее своей задачей «расширение границ чувственного до сферы сверхчувственного» [Кант 1994b, с. 394-395]. Ключевой вопрос трансцендентальной философии Канта – «Как возможен опыт?» [Там же, с. 397]. Поскольку всякое теоретическое познание должно согласовываться с опытом,

трансцендентальная философия стоит перед дилеммой: либо опыт есть основание нашего познания, либо, напротив, познание есть основание опыта.

Кант склоняется ко второму ответу. Отсюда обычно выводят суть коперниканского переворота: вопрос традиционной онтологии о природе мира теперь становится подчиненным эпистемологическому вопросу о механизмах порождения знания о мире. Докантовская скептическая и релятивистская философии, хотя и ставили под сомнение или запрещали познание мира в целом, при этом соотносили свои утверждения о непознаваемости мира с ним самим, явно или неявно заключая от второго к первому. Трансцендентализм Канта взял все онтологические предпосылки знания под контроль познающего субъекта и перевел их в термины его познавательной способности [Столярова 2019, с. 62, 66].

Так понятий коперниканский переворот похож на изгнание метафизики эпистемологией, т.к. вопрос об объективной реальности бытия выносится за скобки. В то же время существует традиция понимать коперниканский переворот как выдвижение трансцендентального аргумента, с помощью которого Кант преодолевает скептицизм, последовательно доказывая, что независимые от субъекта предметы существуют [Stern 2015]. Мы рассматриваем коперниканский переворот в онтологическом ключе, поскольку полагаем, что важнейшее из его последствий имеет онтологический характер. Речь идет о парадоксе когерентности: о необходимости объяснить объективное значение субъективных условий мышления, коль скоро они должны быть условиями возможности всякого познания предметов. Этот вопрос ставит сам Кант, допуская, что «явления могли бы обладать такими свойствами, что рассудок не нашел бы их сообразными с условиями своего единства». Например, «в ряду явлений не представлялось бы ничего, что обнаруживало бы правила синтеза и соответствовало бы понятию причины и действия, вследствие чего это понятие было бы совершенно пустым, ничтожным и лишенным значения» [Кант 1999, с. 129]. Тем не менее явления обнаруживают совместимость с априорными понятиями разума.

Эта парадоксальность акцентирует онтологический аспект коперниканского переворота, следующий из трансцендентального аргумента. Последний утверждает, что знание возможно лишь при некоторых условиях. X является необходимым условием возможности Y , и из того, что Y имеет место, логически следует, что X также должен иметь место [Stern 2015]. При этом Кант не предполагает, что данное следование является результатом простой логической или естественной необходимости. Тогда на какой же форме необходимости оно основано? Трансцендентальный аргумент как будто находится где-то между логической и естественной необходимостью. Он, очевидно, не входит в число законов природы, напротив, он делает эти законы возможными. Но если он является аналитическим суждением, то его необходимость должна быть чисто логической. В таком случае необъяснимо, почему она имеет онтологические «последствия».

В работах Канта действительно встречаются пассажи, из которых можно сделать вывод о необходимости «третьего рода». Например, в «Пролегоменах» он пишет: «Слово трансцендентальное... означает не то, что выходит за пределы всякого опыта, а то, что опыту (*a priori*) хотя и предшествует, но предназначается лишь для того, чтобы сделать возможным опытное познание» [Кант 1994а, с. 141]. В КЧР он говорит, что возможность вещей «никогда не следует из априорных понятий самих по себе, но вытекает всегда из этих понятий лишь постольку, поскольку они суть формальные и объективные условия опыта вообще» [Кант 1999, с. 232].

В свете этого парадокса О. Гайер резонно спрашивает: почему бы не признать, что наш пространственный и временной опыт, имеющий априорные основания, есть решающее доказательство в пользу того, что любые воспринимаемые нами объекты

находятся в согласии с этим ограничением и опытно воспринимаются нами именно потому, что они суть пространственные и временные? [Guyer 1987, p. 349]. С позиций трансцендентализма Канта признать это не дает, в частности, необъяснимость исходного устройства разума. Почему рассудок осуществляет а priori единство апперцепции исключительно посредством определенного числа категорий и именно таких видов, почему мы имеем именно такие, а не другие функции суждения или почему время и пространство являются единственными формами возможного для нас наглядного представления, «для этого [обстоятельства] нельзя указать никаких дальнейших оснований» [Кант 1999, с. 157]. Если бы априорные структуры были таковы в силу природы реальности, условием опыта и познания которой они являются, особенности нашего рассудка не представлялись бы Канту столь загадочными.

Тем не менее он пытается прояснить природу корреляции априорных структур разума и реальности. Одним из способов этого прояснения выступают постулаты модальности, Кант называет их также постулатами эмпирического мышления вообще. Если за категориями стоит нечто большее, чем аналитическое выражение закономерностей нашего мышления, то они должны относиться к вещам в их возможности, действительности или необходимости [Там же, с. 231]. Утверждая это, Кант ставит категории модальности особняком от трех других групп категорий, как будто возможность, необходимость и действительность адресуют нас не только к принципам чистого разума, но и к устройству вещей самих по себе. Хотя это можно сказать только о действительности: действительность вещи сообщает ее восприятие. Эмпирический опыт наполняет эту категорию модальности, «активизирует» ее. Необходимость, напротив, аналитична, она есть проекция закона возможного опыта, «все случающееся определено а priori своей причиной в явлении». Возможным же является все то, что имеет формальные априорные условия опыта в рассудке [Там же, с. 239, 243] (это утверждение звучит тавтологично, ведь оно предполагается самой идеей трансцендентальной философии).

Обсуждение категорий модальности предпринято Кантом в КЧР достаточно бегло. Тем не менее оно открывает одну из перспектив дальнейшего развития трансцендентализма, связанную с древнейшим античным вопросом отношения мышления к ощущению и приобретающую теперь новый онтологический ракурс, позволяющий спросить: каким образом материал представлений приобретает качество эмпирического, как он становится эмпирическим [Reinhold 1790, S. 210-213]? Три категории модальности можно обозначить как три проекции реальности и сознания друг на друга или три измерения их доступности друг другу. Возможность в трансцендентальной философии предстает открытостью мира в модусе способности к восприятию и производства формы представления (Рейнгольд), или эйдетики, усмотрения сущности (Гуссерль). Действительность есть открытость в эмпирическом модусе самой реальности, необходимость – в аналитическом (логическом) модусе сознания.

Благодаря Канту в последующей философии возникает идея реконструкции сознания из его гипотетических элементов, не являющихся психическими процессами. Признание существования априорных элементов сознания и познания, скрытых от психологического анализа, открывает дорогу феноменологии. Кант также подготовил науку к признанию непостижимости устройства сознания. После него удерживать в поле рефлексии «нерастворимые элементы сознания» стало знаком критической зрелости [Коген 2003, с. 169]. Коперниканская революция, среди прочего, заставила признать существование ниоткуда не выводимых и неразложимых образований сознания, таких как, например, чистая форма созерцания [Мамардашвили 1992, с. 103]. Но также коперниканский переворот привел к тому, что основания научного познания уже не

могут мыслиться без отнесения их к элементам сознания, без того, чтобы вписать их в структуру сознания, показать, какое место они там занимают. Это открывает дорогу онтологии сознания, представляющей мышление как синтез, а именно – как добавление к логическому акту некоторого независимо от него данного, фактического основания. Эти основания разумны, но получить их логически мы не можем, ибо они в исходной своей природе не однородны элементам нашего сознания [Там же, с. 104].

Список литературы

1. Кант 1994а – *Кант И.* Сочинения. В 8-ми т. Т. 4. Москва: Чоро, 1994. 630 с.
2. Кант 1994б – *Кант И.* Сочинения. В 8-ми т. Т. 7. Москва: Чоро, 1994. 495 с.
3. Кант 1999 – *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. М.: Наука, 1999. 655 с.
4. Коген 2003 – *Коген Г.* Трансцендентальный метод // *Личность. Культура. Общество.* 2003, Т. V, № 3-4(17-18). С.162-173.
5. Мамардашвили 1992 – *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. Москва: Прогресс-Культура, 1992. 409 с.
6. Столярова 2019 – *Столярова О.Е.* Возвращение метафизики как факт. М.: Русское общество истории и философии науки, 2019. 200 с.
7. Guyer 1987 – *Guyer P.* Kant and the Claims of Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 482 p.
8. Reinhold 1790 – *Reinhold C.L.* Beyträge zur Berichtigung bisheriger Missverständnisse der Philosophen, Erster Band, 1790. 525 S.
9. Stern 2015 – *Stern R.* Transcendental Arguments // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy.* URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2017/entries/transcendental-arguments/> (accessed: 13.03.2021).

УДК 123.1

КОПЕРНИКАНСКИЙ ПЕРЕВОРОТ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ СВОБОДЫ В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОМ ИДЕАЛИЗМЕ И. КАНТА

Мишагин Павел Андреевич

Старший преподаватель

Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика

М.Ф. Решетнёва

Красноярск, Россия

E-mail: phileophronesis@mail.ru

Работа посвящена исследованию связи коперниканского переворота с постановкой проблемы свободы. Несмотря на детальную проработанность тематики коперниканского переворота, он практически никогда не рассматривается как ключ к пониманию этической системы в рамках трансцендентального идеализма И. Канта, ограничиваясь по преимуществу сферами онтологии и гносеологии. Показано, что именно благодаря коперниканскому перевороту становятся возможными обращение к трансцендентальному субъекту и исследование субъектности как таковой. Смещение исследовательских акцентов с теоретико-познавательной сферы на сферу морально-практическую, предпринятое в системе трансцендентального идеализма, приводит к исследованию онтологической возможности и способов познания свободы как идеи и понятия, ключевых для данной сферы. Исследование свободы закономерно начинается после коперниканского переворота и является его закономерным продолжением. Начиная с изучения трансцендентальных познавательных способностей (разум, рассудок, чувственность) и априорных форм,

им соответствующих, И. Кант приходит к первому содержательному определению свободы как идеи чистого спекулятивного разума. Подобный подход позволяет И. Канту убедительно показать, что пространством свободы, соответствующей предложенному определению, не может выступать феноменально-эмпирический мир, но только мир интеллигибельный, ноуменальный. Отсюда проистекает онтологическая невозможность познания свободы на уровне чувственного и рассудочного познания, а также логическая некорректность рассмотрения свободы в качестве феномена.

Ключевые слова: коперниканский переворот, трансцендентализм, трансцендентальный идеализм, свобода, трансцендентальная свобода, практическая свобода, детерминизм, индетерминизм, воля, моральный закон.

THE COPERNICAN REVOLUTION AND FORMULATION OF THE FREEDOM PROBLEM IN THE I. KANT'S TRANSCENDENTAL IDEALISM

Mishagin Pavel Andreevich

Senior Lecturer

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

Krasnoyarsk, Russia

E-mail: phileophronesis@mail.ru

The research is devoted to the study of the connection between the Copernican revolution and the formulation of the problem of freedom. Despite the detailed elaboration of the subject matter of the Copernican coup, it is almost never considered as the key to understanding the ethical system within the framework of the transcendental idealism of I. Kant, being limited mainly to the spheres of ontology and epistemology. It is shown that it is thanks to the Copernican revolution that it becomes possible to appeal to the transcendental subject and study subjectivity as such. The shift of research emphasis from the theoretical and cognitive sphere to the moral and practical sphere, undertaken in the system of transcendental idealism, leads to the study of the ontological possibility and methods of cognizing freedom as an idea and concept that are key for this sphere. The study of freedom naturally begins after the Copernican revolution and is its natural continuation. Starting with the study of transcendental cognitive abilities (intelligence, reason, sensuality) and the a priori forms corresponding to them, I. Kant comes to the first meaningful definition of freedom as the idea of pure speculative reason. This approach allows I. Kant to convincingly show that the space of freedom corresponding to the proposed definition cannot be the phenomenal-empirical world, but only the intelligible, noumenal world. Hence it turns out the ontological impossibility of knowing freedom at the level of sensory and rational cognition, as well as the logical incorrectness of considering freedom as a phenomenon.

Keywords: Copernican revolution, transcendentalism, transcendental idealism, freedom, transcendental freedom, practical freedom, determinism, indeterminism, will, moral law.

Непосредственной целью данной работы является исследование связи между коперниканским переворотом и формулировкой проблемы свободы в системе трансцендентального идеализма И. Канта. Суть кантовского коперниканского переворота ряд исследователей видит в том, чтобы рассматривать автономные источники знания вместо традиционно рассматриваемых гетерономных: «В результате кантовского переворота эпистемология присваивает генетический метод онтологии, переадресовав вопрос об условиях возможности опыта (научного знания) трансцендентальной субъективности» [Столярова 2019, с. 62].

Таким образом, фактически, сущность коперниканского переворота, осуществленного Кантом, «заключается в том, что вопрос традиционной онтологии о мире как таковом (о бытии) становится подчиненным эпистемологическому (трансцендентальному) вопросу о способах познания мира или о субъективных механизмах порождения знания о мире» [Столярова 2019, с. 66].

Коперниканский переворот ставит субъекта (человека) в центр мира, благодаря коперниканскому перевороту кардинально меняется представление о субъекте познания и вместе с тем и сама онтологическая картина мира в своем эпистемологическом

преломлении [Katrechko 2018, p. 1175]. Это, в свою очередь, смещает акцент с исследования теоретико-познавательной сферы на сферу морально-практическую, в которой, в свою очередь, ключевую позицию занимает проблема свободы, которая в системе трансцендентального идеализма И. Канта относится к наиболее значимым и фундаментальным как в рамках аутентичного кантианства, так и далеко за его пределами [Мишагин 2020, с. 147].

Неслучайно рассмотрение проблемы свободы начинается после трансцендентального поворота и в работе, во многом посвященной его осмыслению – «Критике чистого разума», в книге, составляющей фундаментальный краеугольный камень кантовского трансцендентализма и посвященной изучению возможности, условий и границ трансцендентальных познавательных способностей разума, рассудка и чувственности. Основными задачами для трансцендентализма здесь выступают определение и анализ специфических априорных форм, присущих каждой из этих способностей, на которых, в свою очередь, покоятся универсальность, общезначимость, необходимость и объективность процесса познания. В системе трансцендентального идеализма время и пространство относятся к априорным формам чувственности, категории относятся к априорным формам рассудка, а идеи относятся к априорным понятиям разума. Именно в качестве одной из идей разума И. Кантом и вводится понятие свободы в «Критике чистого разума» (в разделе «Трансцендентальная диалектика»).

Принадлежность понятия свободы в системе трансцендентального идеализма И. Канта к идеям чистого разума выступает не формальной, а содержательной характеристикой свободы, в зависимости от которой определяются потенции и характер ее действительных манифестаций. Исследование представлений о возможностях и действительности свободы в трансцендентализме требует специального рассмотрения [Лаврухин 2017; Мухутдинов 2019], однако, все основные моменты, лежащие в основе названных представлений, уже содержатся в дефиниции свободы как идеи разума, из которой проистекает, что в природном мире, имеющем пространственные и временные измерения, не может наличествовать никаких объектов, могущих быть соотносимыми с понятием свободы, что справедливо и по отношению ко всем иным идеям чистого разума. Таким образом, феноменально-эмпирические манифестации свободы оказываются онтологически невозможными, а все попытки поиска свободы как феномена логически некорректны.

Трансценденталистское представление о том, что в эмпирически-феноменальном мире такой вещи как свобода не находится соответствия, коррелята, воплотилось также и в кантовской презентации системы философии: «Законодательство человеческого разума (философия) имеет два предмета – природу и свободу», и в соответствии с различием этих предметов вся философия делится на «философию природы» и «философию свободы» [Кант 1964, с. 685]. Свое видение системы философии И. Кант сформулировал в заключительном разделе «Критики чистого разума» после того, как там уже была проанализирована проблематика свободы как идеи чистого разума и были получены ответы на вопросы: может ли свобода существовать в действительности и если да, то как возможно ее познание?

Для достижения поставленной цели требуется контекстуальное рассмотрение особенностей введения в систему трансцендентализма понятия свободы. При исследовании космологической идеи разума, направленного на постижение мира как такового и представляющего собой органически целостный конгломерат феноменов, И. Кант пришел к пониманию, что в отношении мира как такового, взятого в его целостности и полноте, возможна формулировка четырех пар противоречивых, взаимоисключающих теоретических положений, т.е. тезисов и антитезисов, находящихся по отношению друг к другу в неразрешимых противоречиях (антиномии).

Проблема свободы была сформулирована в качестве третьей антиномии чистого разума, и все последующие любые представления об онтологической укорененности свободы и ее познании в трансцендентализме покоятся на ее содержании. Свобода в качестве понятия включается в систему трансцендентального идеализма при рассмотрении вопроса о причинности применительно к миру как таковому. Одно из основоположений чистого рассудка, подобно остальным основоположениям, как универсальный и необходимый закон природы, утверждает, что «все изменения происходят по закону связи причины и действия» [Кант 1964, с. 258]. Это означает, что все существующее в природе всегда включено в причинно-следственные связи, выступая в отношении одних явлений как следствие, а в отношении других – как причина. При обсуждении вопроса о взаимодействии мира как такового с причинностью И. Кант оказался перед выбором: или в мире так таковом, всецело образованном феноменами, всеильны причинно-следственные связи, в результате образующие бесконечные ряды причинно-следственных зависимостей, или же эти причинно-следственные связи, напротив, конечны, но в этом случае возникает необходимость допустить наличие таких причин, которые не определялись бы другими причинами, не выступали бы в роли их онтологических и феноменальных следствий. Такие причины, ничем не детерминированные, не порожденные другими причинами, могут считаться свободными причинами. Именно в этом смысле свобода в трансцендентализме определяется как свободная причинность: именно так выглядит первая дефиниция свободы у И. Канта.

Свободная причинность в трансцендентализме представляет собой чистую, внеэмпирическую активность, трансцендентальное деятельное начало, поскольку является активным действием, а не пассивным следствием, состоящим в следовании тому или иному гетерономному мотиву. Тем не менее, характеризуя свободу как особый вид причинности, И. Кант вводит ее в ряд понятий «каузального детерминизма». Свобода, являясь причиной, порождающей действия, вместе с тем находится за пределами действия закона причинности.

Дефиниция свободы как «самопроизвольной причинности» не направлена вместе с тем на антропологизацию трансцендентального субъекта как субъекта свободного действия, т.е. не предполагает рассмотрение в качестве трансцендентального субъекта человека или иного разумного существа, обладающего сознанием, вырабатывающего и реализующего собственные цели. Похожая на современные представления критического реализма и объектно-ориентированной онтологии, «не-человеческая» (non-human) трактовка свободы совершенно нехарактерна для классической метафизики, у представителей которой носителем свободы неизменно выступает человек как разумное существо.

В целях «спасти свободу» И. Кант допускал возможность соединения свободы и природы «в одном и том же событии», «в отношении того же действия». Конкретизируя это допущение, он развернул противопоставление и сопоставление интеллигибельного (умопостигаемого) и эмпирического «характеров». В результате обнаружилась возможность признать наличие у «вещей» (в том числе и у человека) «двух характеров» – с одной стороны, «эмпирического» (это характер данной вещи в явлении), а с другой – «умопостигаемого» характера, не данного в явлении и принадлежащего царству «ноуменов», вещей в себе. Учение об умопостигаемом и эмпирическом характерах стало у И. Канта следствием и конкретизацией фундаментального в его философии противопоставления вещей в себе и явлений. Место этого учения в контексте обсуждения вопроса о реальности свободы было определено тем, что, по мысли И. Канта, умопостигаемый характер, в противоположность эмпирическому, существующему в явлениях характеру, не подчинен законам

необходимой причинности и свободен (ничем не обусловлен), хотя при этом И. Кант не считал достоверно доказанным даже само существование интеллигибельного (умопостигаемого) характера, как и трансцендентальной свободы. Тем не менее он полагал возможным представлять ситуации, когда в одном и том же действии, применительно к одному ряду событий, в одно и то же время и без всякого противоречия соединялись бы параллельные действия двух разнородных видов причинности: естественной необходимости явлений и свободной самопроизвольной причинности вещей в себе.

Коперниканский переворот ставит субъекта (человека) в центр мира, благодаря коперниканскому перевороту кардинально меняется представление о субъекте познания и вместе с тем и сама онтологическая картина мира в своем эпистемологическом преломлении. Это, в свою очередь, открывает возможности, смещает акцент с исследования теоретико-познавательной сферы на сферу морально-практическую, в которой, в свою очередь, ключевую позицию занимает проблема свободы.

Таким образом, мы видим, что переход к проблеме свободы в системе трансцендентального идеализма И. Канта онтологически не был бы возможен без коперниканского (трансцендентального) переворота, который, поставив вопрос о границах познания и сущности субъекта познания (трансцендентального субъекта), формализовал теоретическое исследование в спекулятивной и практической сфере такого важнейшего его онтологического элемента, которым и выступает свобода в единстве своих проявлений.

Таким образом, коперниканский переворот позволил И. Канту дать научное обоснование практической (моральной) философии и поставить ее выше теоретических спекуляций, поскольку свободная воля, понимаемая как сообразная с моральным законом и следующая ему онтологически, предшествует спекулятивному знанию, тем самым революционно предопределив современный облик науки и наметив ключевые тенденции ее дальнейшего развития.

Список литературы

1. Кант 1964 – *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964.
2. Лаврухин 2017 – *Лаврухин А.В.* Практическая философия И. Канта и Э. Гуссерля // Кантовский сборник. 2017. Т. 36. № 3. С. 61-76.
3. Мишагин 2020 – *Мишагин П.А.* Свобода как свободная причинность в единстве трансцендентального и практического аспектов // Трансцендентальный поворот в современной философии (5): трансцендентальный метод и современная наука (естествознание, математика, когнитивные науки, теология, этика) / Отв. ред. С.Л. Катречко, А.А. Шиян. М.: Изд-во ГАУГН-Пресс, Фонд ЦГИ, 2020. С. 147-150.
4. Мухутдинов 2019 – *Мухутдинов О.М.* Время и «я мыслю». Понятие трансцендентальной субъективности в критике чистого и практического разума Канта. Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 14(4 (194)). С. 198-206.
5. Столярова 2019 – *Столярова О.Е.* Возвращение метафизики как факт. М.: Русское общество истории и философии науки, 2019. 200 с.
6. Katrechko 2018 – *Katrechko S.L.* Transcendentalism as the Special Type of Philosophizing and the Transcendental Paradigm of Philosophy // Natur und Freiheit: Akten des XII. Internationalen Kant-Kongress, 2018. Pp. 1073-1082.

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ НАУКИ В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЙ

Попов Дмитрий Николаевич

Кандидат философских наук, доцент

Московский государственный университет пищевых производств

Российский государственный гуманитарный университет

E-mail: popovdnik@gmail.com

Развитие науки у Гуссерля часто представляется в кумулятивном ключе. В современной философии науки исторический подход поставил трудный вопрос о том, что передается в науке непрерывно, и выявил прерывающиеся парадигмы. Если учесть телеологический ракурс формирования смысла с позиции трансцендентальной феноменологии, а также проблему седиментации, оседания смысла, то методологию Гуссерля можно использовать и для анализа моментов прерывности. Однако направления научного, структурного и экспериментального реализма указывают на аспекты науки, которые сохраняются даже при революционных изменениях. Онтологические, идеальные и экспериментальные аспекты также описываются Гуссерлем как составляющие научной теории. Делается вывод, что трансцендентальная феноменология имеет инструментарий для прояснения интуиций проблемы развития науки и является основой для аргументации различных проектов, но не имеет своего специфического решения, т.к. не содержит предпосылок.

Ключевые слова: трансцендентальная феноменология, философия науки, развитие науки, кумулятивизм, научный реализм.

THE PROBLEM OF THE DEVELOPMENT OF SCIENCE IN EDMUND HUSSERL'S TRANSCENDENTAL PHENOMENOLOGY IN THE CONTEXT OF MODERN DISCUSSIONS

Popov Dmitriy Nikolaevich

PhD in Philosophy, Associate Professor

Moscow State University of Food Production

Russian State University for the Humanities

E-mail: popovdnik@gmail.com

The development of science in Husserl's concept is often presented in a cumulative way. In the modern philosophy of science, the historical approach has raised the difficult question of what is transmitted continuously in science and revealed discontinuous paradigms. If we take into account the teleological perspective of the formation of meaning from the position of transcendental phenomenology, as well as the problem of sedimentation, the settling of meaning, then Husserl's methodology can also be used for the analysis of moments of discontinuity. However, the trends of scientific, structural and experimental realism point to aspects of science that persist even with revolutionary changes. Ontological, ideal and experimental aspects are also described by Husserl as components of scientific theory. It is concluded that transcendental phenomenology has the tools to clarify the intuitions of the problem of science development and is the basis for the argumentation of various projects, but it does not have its own specific solution, since it does not contain prerequisites.

Keywords: transcendental phenomenology, philosophy of science, development of science, cumulativism, scientific realism.

В «Начале геометрии» Гуссерль рассматривает проблему развития науки в кумулятивном ключе, линейно от истока к современной науке. А.А. Шиян отмечает:

«Жизненный мир, как и наука, развивается по Гуссерлю линейно. И эта линия развития – единственно возможное прогрессивное развитие европейского человечества» [Шиян 2016, с. 264]. З.А. Сокулер также говорит: «[С]коль показательна гуссерлевская постановка вопроса! Она является логическим развитием континуалистского видения истории науки» [Сокулер 1998, с. 37]. Обе эти статьи критически относятся к подходу трансцендентальной феноменологии к развитию науки. Но каково положения кумулятивизма в современной философии науки?

Со стороны исторических подходов к науке в теории кумулятивизма была выявлена проблема отсутствия преемственности и научного успеха в научных теориях как с референциальными понятиями, эмпирическими подтверждениями и приблизительной истинностью. Так, Ларри Лаудэн в статье «Опровержение конвергентного реализма» [Laudan 1981] с позиции истории науки обобщил примеры разрывов в научной преемственности. Понятия атома, волны света, континентального дрейфа, будучи референциальными, не имели эмпирического подтверждения долгое время. Или, наоборот, понятие небесных сфер, двухжидкостного вещества, флогистона, теплорода, электромагнитного, оптического, физиологического, теплового и гравитационного эфира не имели референтов, но при этом были эмпирически успешными и предсказывали новые явления, хотя были в будущем признаны ложными. Даже более того, геологические теории XX в. имели подтверждения и были референциальными, но неверно описывали движение тектонических плит. При переходе от вышеупомянутых теорий к современным нередко мы заметим нарушение преемственности в теоретических положениях и особенно – в онтологии. Именно поэтому Лаудэн выступает против конвергентного или кумулятивного, континуального реализма.

Однако позицию наивного кумулятивизма трудно сопоставить с осведомленностью Гуссерля о многих случившихся революциях в науке. Утверждение о неизменности основного смыслового ядра науки в виде галилеевской идеализации природы и стремления к объективному знанию не означает неизменного состояния всех теорий науки. Поэтому допустима позиция, выраженная в статьях Н.В. Мотрошиловой [Мотрошилова 2013] и Г.И. Чернавина [Чернавин 2012]. Ими проведен анализ телеологического, смыслового среза развития науки. Гуссерль указал на то, что знания науки во время своего формирования становятся «интендированными», предзаданными заложенными в них идеями. Так структурный момент истории формируется через учреждение смысла. И пока этот смысл, заложенный в науку, реактивируется в опыте ученых, и ровно насколько он становится исполненным, до тех пор и настолько существует традиция. Феноменологическая телеология истории науки всегда принципиально открыта: может появляться, исчезать, изменяться. Подтверждение такого понимания можно найти в «Начале геометрии», где сделан акцент на проблеме седиментации, т.е. оседании смысла, а значит, забвения, изменения традиции. Поэтому правомерной выглядит и интерпретация Дона Айди, включающего парадигмы Томаса Куна и эпистемы Мишеля Фуко в феноменологический подход. Однако из этого не следует, что подход Гуссерля не кумулятивен, или что кумулятивизм не верен. Можно сказать, что в феноменологии существует трансцендентальное понимание кумулятивизма знаний в науке.

Структурный реализм

Под влиянием исторической критики кумулятивизма Гровер Максвелл развил реалистическое направление логического позитивизма по замене теоретических терминов в статье «Структурный реализм и значение теоретических терминов» [Maxwell 1970]. Заменяя теоретические термины квантифицированными переменными, Максвелл пришел к рамсеевскому преобразованию теории, видя в нем структуру т.к. они были

преобразованы, однако теперь мы можем говорить о реализме структуры теории по отношению к структуре мира. Таким образом, структурный реализм признает антиреализм объектов научных теорий, однако защищает реализм логических и математических структур, выявляющих реальные отношения между вещами: «Здесь устранена проблема значения теоретических терминов, но в то же время обеспечено средство экспликации реалистической интерпретации теорий. Этот подход дает объяснение позиции Рассела и других, что наше знание физического мира ограничено его чисто структурными аспектами. Таким образом, создается основа для взгляда, который можно было бы назвать “структурным реализмом”» [Maxwell 1970, p. 192].

Гуссерль начинает «Кризис европейских наук» с анализа процесса становления науки и математизации природы. Ключевую роль в этом процессе сыграл Галилей. Осуществленная Галилеем математизация природы привела к подчинению природных объектов бесконечно-замкнутому априори идеальных математических объектов [Гуссерль 2004, с. 38]. В приложении к этой части текста, в «Начале геометрии» [Гуссерль 1996], Гуссерль утверждает, что истоком теоретического научного знания является донаучный мир. Забвение об этом истоке приводит к седиментации, оседанию знания и, как следствие, к натуралистическим мировоззренческим установкам в науке. Происходит подмена идеальной реальности реальностью природы, что отрицает сам смысл математики. Такое отношение к математическим описаниям объектов, на первый взгляд, отрицает подход структурного реализма. С другой стороны, несмотря на то, что жизненный мир является первичной реальностью для Гуссерля, он находится в донаучной сфере. Наука же опирается как раз на структуры жизненного мира: «Этот жизненный мир при всех свойственных ему моментах относительности все же имеет свою всеобщую структуру. Эта всеобщая структура, к которой привязано все сущее относительно [relativ Seiende], сама не относительна» [Гуссерль 2004, с. 189]. Математические и другие структуры науки обретают свое предельное основание в жизненном мире, трансцендентальной истории их формирования. Такое строгое описание структур устраняет их видимые противоречия в истории науки.

Экспериментальный реализм

Другой ответ на критику кумулятивизма представлен экспериментальным или эссенциальным реализмом Яна Хакинга. Отвергая реализм научных теорий, Хакинг утверждает реализм научных объектов: «Если реализм относительно теорий является учением о целях науки [т.е. истины], то это учение, нагруженное определенными ценностями. Если реализм относительно объектов – это вопрос об использовании электронов на следующей неделе или задача нацеливания на другие электроны неделю спустя, то это учение весьма нейтрально по отношению к ценностям. То, как экспериментаторы являются научными реалистами относительно объектов, совершенно отлично от того, как они могут быть реалистами относительно теорий» [Хакинг 1998, с. 270]. Эксперимент является главным стержнем науки. Развитие науки происходит за счет роста экспериментальных данных и совершенствования экспериментальной техники. Те теоретические объекты, референты которых поддаются экспериментальному манипулированию, являются реальными.

Для Гуссерля также взаимодействие с объектами является главным процессуальным аспектом переживаний для формирования сущности объекта, сохранение актуальности которого является залогом сохранения традиции. В этом суть ноэмо-ноэтической структуры сознания. Манипулирование объектом является особой формой ноэтического или (квази)реального аспекта переживания, которая может быть решающей для построения общего мира. Квазиреальная составляющая переживания указывает на коррелятивность идеальных сущностей теории с реальным.

Научный реализм

Теоретической основой радикального научного реализма в конце XX в. стали работы Статиса Псиллоса. Псиллос перевел тезисы структурного понимания реализма в научный реализм через возможность из относительного или структурного знания онтологии делать выводы об объективной онтологии. Различие между структурой теории и ее содержанием не имеет оснований. Сохранение математической модели может иметь лишь прагматический характер. Но вместе с математическими моделями в новые теории переходят и другие свойства описываемых явлений. Например, многие свойства эфира перешли в электромагнитное понимание света. В этом смысле эфир является референциальным объектом, а развитие науки можно рассматривать как квазиконтинуальное. Кроме того, структурные, математические построения не могут быть применены и проверены без теоретической интерпретации, и поэтому их отдельное рассмотрение не имеет смысла. Таким образом, Псиллосу удалось решить противоречия экспериментального и структурного реализма и объединить их контраргументы в защиту научного реализма.

Для реализма Псиллоса научные теории играют не только репрезентативную роль, но и эвристическую, не предназначенную для эмпирического подтверждения. Даже если выявляется ложность моделей реальностей, мы узнаем о том, что реальностью не является. Так, некоторым моделям удастся правильно репрезентировать реальность, быть правдоподобными. Теории не являются внутренней сутью явления, а аналогичны этим явлениям, сущностно подобны. Например, теоретическая модель движения молекул газа может строиться на основе сущностного подобия молекул газа с бильярдными шарами. Уточнение понимания правдоподобности позволило Псиллосу избежать критики исторического подхода кумулятивного развития науки, а благодаря указанию на эвристическую роль теории он избежал критики логического позитивизма теоретических положений науки. С другой стороны, Псиллос модифицирует реалистическое отношение к истине: «Существует более широкое понимание дискуссии о реализме, которое я поддерживаю и которое связывает реализм с представлением о том, что истина – это не эпистемическое понятие. Это подразумевает две вещи: во-первых, что высказывания имеют создателей истины; и во-вторых, что эти создатели истины в конечном счете зависят от того, каков мир» [Psillos 1999, p. XIX]. Псиллос понимает реализм научных теорий как эвристичность их моделей, которая заключается в сущностном подобии между различными явлениями. Эвристичность указывает на возможность правильной репрезентации сущностных характеристик явления их моделями. Он принимает как субъективное, феноменологическое измерение науки, не отрицая его коррелятивности с внешним миром. В статье 2007 г. «Как быть научным реалистом» Псиллос допускает, что существует возможность сближения между контекстуалистским инструментализмом и научным реализмом. Кроме того, «можно сформулировать различные позиции по отношению к научным теориям, в зависимости от контекста – в широком понимании» [Psillos 2007, p. 27].

Научный реализм указывает на то, что характеристики объектов, выявляемые во взаимодействии, и структурные аспекты теорий некоторым образом отсылают нас к пониманию природы реальности, по крайней мере, отрицают то, какие модели наименее с ней коррелируют. Данный аспект хорошо укладывается в понимание взаимосвязи метафизики и трансцендентальной феноменологии Эдмунда Гуссерля, поэтому этот подход можно также назвать квазикумулятивным, включающим в себя возможность для анализа различных позиций в этом вопросе.

С нашей точки зрения, указания на похожий путь между реализмом и антиреализмом или кумулятивизмом/эволюционизмом и революционизмом можно найти в текстах Гуссерля. Как раз непротиворечивость кумулятивистских и революционистских подходов,

структурного и экспериментального реализма для трансцендентальной феноменологии заложены не в метафизическом, а в корреляционном понимании реальности и в акценте на первичности жизненного мира. Кумулятивистское понимание развития науки Гуссерля необходимо понимать в трансцендентально феноменологическом ключе. Наука кумулятивна в телеологическом, целенаправляющем смысле. Теории науки предзаданы изначально заложенными в них смыслами и указывают на степень коррелятивности с ними реальности. Трансцендентальная феноменология имеет инструментарий для прояснения интуиций проблемы развития науки и является основой для аргументации различных проектов, но не имеет своего специфического решения, т.к. не содержит предпосылок.

Список литературы

1. Гуссерль 1996 – *Гуссерль Э. Деррида Ж.* Введение. Начала геометрии / Пер. с фр. и нем. М. Маникого. М.: AdMarginem, 1996. 269 с.
2. Гуссерль 2004 – *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Пер. с нем. Д.В. Складнев. — Спб.: Владимир Даль, 2004. 400 с.
3. Мотрошилова 2013 – *Мотрошилова Н.В.* Эдмунд Гуссерль о «чистой геометрии»: новый тип исторического понимания науки // Ежегодник феноменологической философии. III. М.: РГГУ, 2013. С. 131-171.
4. Шиян 2016 – *Шиян А.А.* Феноменология Гуссерля и философия науки XX века // Философия и наука: проблемы и соотнесения. М.: РГГУ, 2016. С. 151-158.
5. Сокулер 1998 – *Сокулер З.А.* «Начало геометрии» Э. Гуссерля и проблема научных традиций (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. 1998. № 3. С. 34-94.
6. Хакинг 1998 – *Хакинг Я.* Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук / Пер. с англ. С. Кузнецова, науч. ред. Мамчур Е.А. М.: Логос 1998. 296 с.
7. Чернавин 2012 – *Чернавин Г.И.* К вопросу о соотношении различных типов телеологии в феноменологии Гуссерля: телеологический аспект перехода к феноменологической установке // HORIZON. Феноменологические исследования. 2012. № 2. С. 7-40.
8. Laudan 1981 – *Laudan L.* A Confutation of Convergent Realism // Philosophy of Science. 1981. Vol. 48. Pp. 218-249.
9. Maxwell 1970 – *Maxwell G.* Structural Realism and the Meaning of Theoretical Terms // Analyses of Theories and Methods of Physics and Psychology; Ed. Winokur and M. Radner / Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1970. Vol. 4. Pp. 181-192.
10. Psillos 1999 – *Psillos S.* Scientific Realism: How Science Tracks Truth. N. Y. and L.: Routledge, 1999. P. XIX.
11. Psillos 2007 – *Psillos S.* How to Be a Scientific Realist: A Proposal to Empiricists. URL: <http://philsci-archive.pitt.edu/archive/00003436/> (accessed: 14.01.2021).

ЗНАЧЕНИЕ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО В ФИЛОСОФИИ КАНТА И ГУССЕРЛЯ

Чиботару Вероника

Аспирантка

Парижский университет Сорбонна

Горный университет Вупперталя

Париж, Франция

Вупперталь, Германия

E-mail: cibotaruveronica@gmail.com

Цель статьи – исследовать значение трансцендентального в мышлении двух мыслителей, в частности, с точки зрения истоков этой темы в кантианской и гуссерлианской философиях. Мои главные задачи состоят в том, чтобы узнать, почему Кант в первую очередь вводит понятие трансцендентального, на какие вопросы он стремится ответить и почему Гуссерль повторно вводит это понятие в свою феноменологию, несмотря на то, что он и остается далеким от кантианской философии. Таким образом, моя цель – найти общую основу использования этого понятия, несмотря на значительные различия между проблемами, которые заставляют каждого из этих мыслителей принять понятие трансцендентального. Эта общая основа, как я утверждаю, заключается в раскрытии и объяснении бесконечной задачи разума, даже если оба мыслителя понимают эту задачу по-разному.

Ключевые слова: Кант, Гуссерль, трансцендентальная философия, трансцендентальный субъект, мир, феноменология.

THE MEANING OF THE TRANSCENDENTAL IN THE PHILOSOPHY OF KANT AND HUSSERL

Chibotaru Veronika

Postgraduate student

University of Paris

Mining University of Wuppertal

Paris, France

Wuppertal, Germany

E-mail: cibotaruveronica@gmail.com

The aim of my paper is to study the meaning of the concept of “transcendental” in the philosophies of Kant and Husserl by focusing on the motives that led these two thinkers to introduce this notion in their systems. I will show that they are guided by two different motives. While Kant introduces the concept of transcendental because of the urge of saving the possibility of metaphysics, Husserl reengages it in his quest for a deeper understanding of the relationship between the subject and the world. Nevertheless, I will aim at showing that these two different themes underlying their use of the notion share one common feature: they both account for the imperative of the infinite as a fundamental structure of subjectivity.

Keywords: Kant, Husserl, transcendental philosophy, transcendental subject, world, phenomenology.

Философия Канта и Гуссерля представляет собой два полюса истории понятия трансцендентального, которое является предметом данной статьи. Кант – первый современный философ, представивший это понятие как парадигматическое, в то время

как Гуссерль, открыв новый философский метод – метод, который продолжает вдохновлять философию сегодня – дает новую жизнь понятию трансцендентального.

В этом смысле моя цель – исследовать значение трансцендентального в мышлении этих двух мыслителей, в частности, с точки зрения истоков этой темы в кантианской и гуссерлианской философиях. Мои главные задачи состоят в том, чтобы узнать, почему Кант в первую очередь вводит понятие трансцендентального, на какие вопросы он стремится ответить и почему Гуссерль повторно вводит это понятие в свою феноменологию, хотя он и остается далеким от кантианской философии. Таким образом, моя цель – найти общую основу для использования этого понятия, несмотря на значительные различия между проблемами, которые заставляют каждого из этих мыслителей принять понятие трансцендентального. Эта общая основа, как я утверждаю, заключается в раскрытии и объяснении бесконечной задачи разума, даже если оба мыслителя понимают эту задачу по-разному.

Можно заметить, что понятие трансцендентального ни в случае Канта, ни в феноменологии Гуссерля является не независимым понятием, а прилагательным. Хотя изначально это понятие использовалось как субстантивное (*transcendentalis*, или *transcendentalia* во множественном числе) и обозначалось в работах Фомы Аквинского или других средневековых мыслителей (таких как Генрих Гентский, Экхарт, Дунс Скот) как приписываемое каждому существу свойство, которое может быть преобразовано с другими трансцендентными свойствами или, по крайней мере, поддерживает с ними определенные отношения.

Первое, что характеризует понятие трансцендентального в «Критике чистого разума» – это своего рода знание. Так, Кант пишет во второй версии введения к первой Критике: «Я называю трансцендентальным все познание, которое связано не столько с объектами, сколько с нашим способом познания объектов, насколько это возможно априори» [Б 25]. Мы уже можем выделить два элемента, которые характеризуют понятие трансцендентального как трансцендентного знания. Во-первых, переход от предметов к познанию предметов. Согласно отрывку, на карту поставлено не прямое знание об объектах, а знание о нашем собственном способе знания. Во-вторых, способ знания, о котором должно быть знание, является априорным.

В лекции по метафизике Мронговиуса, которую Кант читал в 1782-1783 гг., трансцендентальная философия также характеризуется как «разновидность самопознания», которая «касается не объекта, а субъекта»²⁸, так что в этом смысле она касается не объектов как таковых, но нашего способа узнать о них. Можно ли сказать, что именно это рефлексивное знание, это самопознание, определяет значение трансцендентального в кантовской мысли? Если бы это было так, то мы не могли бы понять, в каком смысле Кант отличает себя от своих предшественников, поскольку Декарт уже говорит о принципах человеческого познания в своей латинской письменной работе «*Principia Philosophiae*». Точно так же Вольф анализирует те же принципы человеческого знания в своей работе «*Онтология*». Более того, эти принципы как в картезианской философии, так и в вольфианской философии являются априорными принципами, точно так же, как понятия априори, которые, следуя Канту, лежат в основе фундаментальных принципов нашего знания. Таким образом, становится ясно, что только это рефлексивное знание не может определить конкретное значение трансцендентальной темы в кантовской мысли.

Чтобы лучше понять это значение, я предлагаю рассмотреть общепринятый текст – первый кантианский текст, в котором выражается первая формулировка вопроса. Это знаменитое письмо, которое Кант написал своему ученику Маркусу Герцу

²⁸ См.: Kant Imm. *Metaphysik Mrongovius*. In: *Lectures on Metaphysics*. Translated by Karl Ameriks and Steve Naragon. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 116.

21 февраля 1772 г. Из этого письма, написанного за девять лет до публикации «Критики чистого разума», становится ясно, что понятие трансцендентального не означает просто рефлексивное знание понятий или принципов нашего чистого рассудка. Понятие трансцендентального здесь подразумевает способ понимания основы понятий чистого разума или, используя критическое понятие, способ понимания возможности и правомерности понятий чистого разума, и позднее, в первой Критике – более общее понимание возможности нашего априорного знания. Из этого письма также становится ясно, что трансцендентальная тема в кантовской мысли тесно связана с поисками новой метафизики и с критической задачей определения природы и границ этой новой метафизики.

Таким образом, трансцендентальная философия приводит, наконец, к «основанию метафизики», и это исследование делает возможным то, что Кант называет в «Архитектонике чистого разума» «философией в подлинном смысле», философией, которая «связывает все с мудростью, но через путь науки» [Б 878/А 850]. Эта концепция философии остается неизменной в кантовской мысли. Мы находим это даже в «*Opus Postumum*», где наука рассматривается как средство, а мудрость – как цель философии.

Если мы рассмотрим контекст, в котором Гуссерль ввел понятие трансцендентального в свою философию, мы сразу увидим, что вопрос, который его занимал, очень отличается от кантовской проблематики. В самом деле, для Гуссерля важна не возможность метафизики. Можно подумать, что исследовательская ориентация Гуссерля противоположна Канту, поскольку в начале «Логических исследований», где мы находим первые основы феноменологии, Гуссерль описывает свой проект как часть «чистой феноменологии переживаний (*Erlebnisse*)» [Нua XIX/1, 2], которая требует «свободы от метафизических... предпосылок» [Нua XIX/1, 22]. Но даже здесь есть похожий элемент, поскольку Гуссерль также занимается проблемами обоснования, т.е. обоснованием чистой логики как науки и обоснованием знания в целом.

Гуссерль систематически вводит понятие трансцендентальной феноменологии только в 1913 г., в «Идеях I». В своих лекциях 1906-1907 гг. «Введение в логику и теорию познания» Гуссерль уже использует понятие феноменологической редукции (хотя еще не понятие трансцендентальной редукции).

Что побудило Гуссерля ввести понятие трансцендентальной редукции и тем самым углубить смысл этой феноменологической редукции? Достаточно интересно, что, начиная с этих лекций и до публикации «Идей I», Гуссерль ориентирует свое феноменологическое исследование на проблемы мира, естественной веры в существование мира, его значения и важности заключения в скобки с помощью средств феноменологической редукции. Так, в 10-м абзаце «Основных проблем феноменологии», лекции, состоявшейся в 1910-1911 гг., он задает вопрос: «На данный момент мы оставляем нерешенными вопросы философского характера этого тегического свидетельства, этого общего свидетельства факта мира» [Нua XIII, 133-134]. Согласно моей интерпретации, эта исследовательская направленность важна для введения трансцендентальной темы в «Идеи I». Хотя с методологической точки зрения трансцендентально-феноменологическая редукция существенно не отличается от феноменологической редукции, которую Гуссерль описывает в своей лекции по логике и теории познания, но отношение Я к миру после редукции гораздо глубже проблематизируется и приобретает центральное значение для трансцендентально-феноменологической редукции.

Благодаря этой редукции раскрывается очень специфическое отношение между субъективностью и миром, отношение, которое нельзя понимать как происходящее внутри мира или как внешнее по отношению к миру. Важная часть смысла гуссерлианского понятия трансцендентального состоит в этом отношении, поскольку

трансцендентальная субъективность, через которую возникает трансцендентальная область, составляет значение мира. Но как понимать это отношение? Означает ли это, что мир обретает новый смысл через проявление его отношения к трансцендентальной субъективности? Смотрим ли мы на мир по-другому через трансцендентальную редукцию? Позволяет ли трансцендентальная редукция постичь в мире нечто большее, чем то, что мы и так видим при естественной установке?

Чтобы ответить на эти вопросы, может быть полезным рассмотреть более позднюю гуссерлианскую работу или, лучше сказать, комплекс работ, а именно – «Кризис европейских наук и трансцендентальную феноменологию». Здесь Гуссерль придает более конкретное значение отношениям между трансцендентальной субъективностью и миром. Трансцендентальная субъективность конституирует мир как бесконечный горизонт или, как еще говорит Гуссерль, как «открытую бесконечность» (*offene Endlosigkeit*) [Ниа ХХІХ, 200]. Только через философский акт редукции мы способны постичь этот бесконечный горизонт, выходящий за пределы нашего окружения. Таким образом, трансцендентальная редукция приобретает новый оттенок: это не просто описательный метод, а задача философии. Мы можем спросить себя, почему тогда так важно понять эту конститутивную связь между субъективностью и миром? В самом деле, в естественной установке я остаюсь заключенным в свое окружение, в результате чего мир как таковой остается очень смутным, на заднем плане. Благодаря трансцендентальной редукции я полностью осознаю бесконечный горизонт мира и таким образом основной смысл мира.

Именно здесь мы, наконец, находим резонанс с кантовским понятием трансцендентального. Даже если изначально кантовское понятие было ответом на другую проблему, в конечном итоге понятие трансцендентального позволяет Канту думать о чем-то решающем, что мы можем увидеть только через критическое раскрытие нашей субъективности, а именно – существенную цель человеческого разума, стремящегося к безусловному и бесконечному [А 839-840/В 867-868]. Для обоих мыслителей трансцендентальный мотив не замыкает нас в сфере нашей субъективности. Стремясь выйти за пределы конечности нашего чувственного способа познания или нашего окружающего мира, он открывает нам императив бесконечного.

Список литературы

1. Baum, Manfred (2012): *Ontologie und Transzendentalphilosophie bei Kant in Metaphysik-Ästhetik-Ethik, Beiträge zur Interpretation der Philosophie Kants*. Würzburg: Königshausen & Neumann.
2. Benoist, Jocelyn (1997): *Phénoménologie, sémantique, ontologie, Husserl et la tradition logique autrichienne*. Paris: Presses universitaires de France.
3. Depraz, Natalie (2011): “L’empirisme transcendantal de Deleuze à Husserl”. In: *Revue germanique internationale*, vol. 13, pp. 125-148.
4. Descartes, René (2009): *Principles of Philosophy*. SMK Books.
5. Di Giovanni, George (1992): “The First Twenty Years of Critique: The Spinoza Connection”. In: *The Cambridge Companion to Kant*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 417-448.
6. Fanfalone, Gilbert (1997): *La phénoménologie restrictive de Jean-Henri Lambert*, Ph.D thesis. <http://www.sudoc.fr/043854028>, visited on 14/03/2018.
7. Grandjean, Antoine (2009): *Critique et réflexion, Essai sur le discours kantien*. Paris: Vrin.
8. Goris, Wouter & Aertsen, Jan (2016): “Medieval Theories of Transcendentals”. In: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2016 Edition), Edward N.

- Zalta (ed.). URL <<https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/transcendentals-medieval/>>. visited on 14/03/2018.
9. Housset, Emmanuel (2000): *Husserl et l'énigme du monde*. Paris: Seuil.
 10. Husserl, Edmund (1994): *Briefwechsel*. Dordrecht: Springer.
 11. Husserl, Edmund (1976): *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Ergänzende Texte (1912-1929)*, *Husserliana* III/2. The Hague: Nijhoff.
 12. Husserl, Edmund (1979): *Aufsätze und Rezensionen (1890-1910)*, *Husserliana* XXII. The Hague: Nijhoff.
 13. Husserl, Edmund (1985): *Einleitung in die Logik und Erkenntnistheorie (1906-1907)*, *Husserliana* XXIV. Dordrecht: Springer.
 14. Husserl, Edmund (1993): *Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Ergänzungsband. Texte aus dem Nachlass*, *Husserliana* XXIX. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
 15. Husserl, Edmund (1970): *Logical Investigations*, II, I. Translated by John N. Findlay (from the second edition of the *Logical Investigations*). London & New York: Routledge.
 16. Husserl, Edmund (2006): *The Basic Problems of Phenomenology, from the lectures, Wintersemester 1910/1911*. Translated by Ingo Farin & James G. Hart. Dordrecht: Springer.
 17. Husserl, Edmund (1970): *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology*. Translated by David Carr. Evanston: Northwestern University Press.
 18. Husserl, Edmund (1973): *The Idea of Phenomenology*. Translated by William P. Alston & George Nakhnikian. The Hague: Nijhoff.
 19. Kern, Iso (1964): *Husserl und Kant*. The Hague: Nijhoff.
 20. Kant, Immanuel (1999): *Correspondence*. Translated by Arnulf Zweig. Cambridge: Cambridge University Press.
 21. Kant, Immanuel (1952): *Critique of Judgment*. Translated by J.C. Meredith. Oxford: Clarendon Press.
 22. Kant, Immanuel (1998): *Critique of Pure Reason*. Translated by Paul Guyer & Allen W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.
 23. Kant, Immanuel (2014): *Dissertation on the Form and Principles of the Sensible and the Intelligible World*. CreateSpace Independent Publishing Platform.
 24. Kant, Immanuel (1992): *Lectures on Logic*. Translated by J. Michael Young. Cambridge: Cambridge University Press.
 25. Kant, Immanuel (2004): *Metaphysical Foundations of Natural Sciences*. Translated by M. Friedmann. Cambridge: Cambridge University Press.
 26. Kant, Immanuel (1997): *Metaphysik Mrongovius*. In: *Lectures on Metaphysics*. Translated by Karl Ameriks and Steve Naragon. Cambridge: Cambridge University Press.
 27. Kant, Immanuel (2004): *Prolegomena to any Future Science*. Translated by G. Hatfield. Cambridge: Cambridge University Press.
 28. Kant, Immanuel (1983): *What Progress has Metaphysics Made in Germany since the Time of Leibniz and Wolff?* Translated by T. B. Humphrey. OPAL Publishing Corporation.
 29. Ingarden, Roman (2012): *On the Motives which Led Husserl to Transcendental Idealism*. Translated by A. Hannibalsson. The Hague: Nijhoff.
 30. Lambert, Johann (1965): *Neues Organon (New Organon)*. Hildesheim: George Olms.
 31. Lavigne, Jean-François (2005): *Husserl et la naissance de la phénoménologie 1900-1913*. Paris: Presses universitaires de France.
 32. Lavigne, Jean-François (2009): *Accéder au transcendantal? Réduction et Idéalisme transcendantal dans les Idées I de Husserl*. Paris: Vrin.

33. Marty, François (1980): *La naissance de la métaphysique chez Kant*. Paris: Beauchesne.
34. Mart, François (2010): “Le concept cosmique de la philosophie”. In: Michaël Foessel & Pierre Osmo (Eds.): *Lectures de Kant*. Paris: Ellipses.
35. Parszutowicz, Przemysław & Maciej, Soin (Eds.) (2011): *Idea transcendentalizmu. Od Kanta do Wittgensteina* [*The Idea of transcendentalism from Kant to Wittgenstein*]. Warsaw: Ifis.
36. Pradelle, Dominique (2012): *Par-delà la révolution copernicienne. Sujet transcendental et facultés chez Kant et Husserl*. Paris: Presses universitaires de France.
37. Teichner, Wilhelm (1978): *Kants Transzendentalphilosophie*. Freiburg/Munich: Karl Alber.
38. Watkins, Eric (2001): “The ‘Critical Turn’: Kant and Herz from 1770 to 1772”. In: *Kant und die Berliner Aufklärung, Akten des IX. Internationalen Kant-Kongresses*. Bd. II. Berlin/New York: Walter de Gruyter.
39. Wolff, Christian (2011): “Philosophia Prima Sive Ontologia”. In: *Gesammelte Werke*. Hildesheim: Olms.
40. Zahavi, Dan (2001): “A propos de la neutralité métaphysique des *Recherches logiques*”. In: *Revue philosophique de Louvain*, vol. 99, pp. 715-736.

УДК 130.2

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ГУССЕРЛЯ – ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ КАНТОВСКОГО ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМА?

Шиян Анна Александровна

Кандидат философских наук, доцент

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Россия

E-mail: annasamoikina@yandex.ru

В статье автор отвечает на вопросы, в какой степени трансцендентальную феноменологию Гуссерля можно рассматривать как развитие трансцендентализма и насколько она отклоняется от трансцендентальной философии Канта. Гуссерль относит феноменологию к трансцендентальной философской традиции в широком смысле. Он считает, что трансцендентальной является любая философия, которая занимается исследованием первоисточка всех познавательных образований. С точки зрения трансцендентализма этот источник находится в субъективности, которая, однако, по-разному понимается у философов. В связи с этим в статье подчеркивается своеобразие гуссерлевского понимания априори, которое имеет не только формальный, но и материальный, т.е. содержательный характер. Априорными в феноменологии являются сущностные свойства предметов и сущностные отношения. Гуссерль постулирует принципиальную возможность их познания, что означает возможность познания пространственно-материального мира. Однако идеальная интуиция, в которой усматриваются сущности и априорные взаимосвязи материального мира, обусловлена исходными представлениями о сущностях, которые уже есть в трансцендентальном сознании. Автор делает вывод, что развитие трансцендентальной феноменологии протекает в рамках кантовского понимания трансцендентальной философии как исследования нашего способа познания, но при этом феноменология позволяет вести речь о соответствии нашего знания реальному миру.

Ключевые слова: трансцендентальная философия, априори, познание, трансцендентальное сознание, феноменология, Гуссерль.

HUSSERL'S TRANSCENDENTAL PHENOMENOLOGY – EVOLUTION OR REVOLUTION OF KANTIAN TRANSCENDENTALISM?

Shiyan Anna Aleksandrovna

*PhD in Philosophy, Associate Professor
Russian State University for the Humanity*

Moscow, Russia

E-mail: annasamoikina@yandex.ru

The author answers the questions to what extent Husserl's transcendental phenomenology can be viewed as a development of Kant's transcendentalism and to what extent it deviates from Kant's transcendental philosophy. Husserl refers phenomenology to the transcendental philosophical tradition in a broad sense. Husserl believes that any philosophy that deals with the study of the source of all cognitive formations is transcendental. From the point of view of transcendentalism, this origin lies in subjectivity, which, however, is understood differently by different philosophers. In this connection, the article highlights the peculiarity of Husserl's understanding of the a priori, which has not only a formal but also a material, i.e. substantive, character. A priori in phenomenology are the essential properties of objects and the essential relations. Husserl postulates the fundamental possibility of their cognition, which in the framework of transcendental phenomenology is understood as the cognition of the spatial-material world. However, the ideal intuition, in which the essences and a priori relationships of the material world are grasped, is conditioned by the initial ideas about the essences that are already present in the transcendental consciousness. However, the ideal intuition, in which essences and a priori relationships of the material world are seen, is conditioned by the initial ideas about the essences that are already in the transcendental consciousness. The author concludes that the development of transcendental phenomenology proceeds within the framework of Kant's understanding of transcendental philosophy as a study of our way of knowing, but at the same time, phenomenology allows us to talk about the correspondence of our knowledge to the real world.

Keywords: transcendental philosophy, a priori, cognition, transcendental consciousness, phenomenology, Husserl.

Гуссерль впервые (в опубликованной при жизни работе) стал говорить о своем учении как о трансцендентальной феноменологии в первой книге «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» без явной привязки к кантовскому трансцендентализму. Однако несколько позже²⁹ он дает собственное понимание трансцендентальной философии и рассматривает трансцендентальную феноменологию как единственно возможное развитие трансцендентальной традиции в истории философии.

Гуссерль считает, что основной мотив подлинной философии, каковой является только трансцендентальная философия – это мотив вопрошания о последних источниках всех познавательных образований [Husserl 1956b, S. 282]. Эти последние источники кроются в человеческой субъективности, как бы она ни понималась. Под это понимание философии подпадает практически вся нововременная европейская философская традиция. Гуссерль называет своими предшественниками-трансценденталистами Юма, Локка, Декарта, отмечая при этом особые заслуги Канта. Как мы видим, речь идет о философах Нового времени, занимающихся познавательной проблематикой. Однако, кажется, некоторые высказывания Гуссерля дают право причислить трансцендентальную феноменологию и к онтологической традиции немецкой классической философии с ее нацеленностью на онтологическую проблематику и на обоснование творения мира из абсолютной субъективности. Так, Гуссерль утверждает, что основная проблема трансцендентальной феноменологии есть проблема не только

²⁹ См., например, доклад 1924 г, сделанный во Фрайбургском университете по случаю юбилея Канта: [Husserl 1956a].

нашего знания о мире, но и самого мира [Гуссерль 2009, с. 20-21], который конституируется в трансцендентальной субъективности. Однако, как бы ни понималось в данном случае понятие конституирования, здесь не идет речь о творении материального природного мира из субъективности (как, скажем, у Гегеля), поскольку в понятие мира у Гуссерля входит и социально-культурное бытие, которое, безусловно, создается человеческой субъективностью, которая в поздней трансцендентальной феноменологии перешагивает границы сознания и выходит на культурно-исторический уровень, включающий в себя опыт коммуникации, деятельности, телесности и пр. Важно отметить, что любой опыт нашей субъективности для Гуссерля выступает как познавательный опыт, который требует постоянного подтверждения своих результатов.

Однако высказывания Гуссерля о принадлежности трансцендентальной феноменологии к общей традиции европейского трансцендентализма (понимаемого предельно широко) все же не дают возможность однозначно ответить на вопрос, в каком смысле феноменологию Гуссерля можно считать продолжением кантовской трансцендентальной философии, как она представлена в «Критике чистого разума». Для ответа на него нужно, исходя из единства философского пути Гуссерля, обратиться к его исследованиям сознания, познавательной проблематике «Логических исследований», рассмотрению подхода к познанию материальных вещей.

В первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» Гуссерль определяет трансцендентальную феноменологию как науку о трансцендентальном, или чистом, сознании [Гуссерль, 2005, с. 324]. Трансцендентальное сознание – это сознание, в котором редуцированы все психические и эмпирические моменты; сознание, рассмотренное с точки зрения его сущностных, или всеобщих, свойств. Можно назвать трансцендентальное сознание всеобщим сознанием или сознанием вообще. И это похоже на кантовское понимание трансцендентальной философии как учения о «вещах вообще»³⁰, и у Канта, и у Гуссерля идет речь об изучении всеобщих свойств и характеристик предмета, только у Гуссерля этим предметом выступает прежде всего сознание.

В дальнейшем развитии понимания трансцендентальной философии у Гуссерля можно также выделить общие с Кантом моменты. Во втором издании «Критики чистого разума» Кант пишет, что трансцендентальная философия занимается не предметами, а нашим познанием предметов, поскольку оно возможно априорно [Кант 2006, В25]. У Канта идет речь о современных ему естествознанию и математике, всеобщими и необходимыми их делают априорные категории рассудка и априорные формы чувственности. Именно они придают нашему знанию всеобщий и необходимый характер, хотя и относятся к человеческой субъективности. Кант ставит задачу обоснования априорного синтетического познания и решает ее путем обращения к генезису априорных категорий и форм чувственности (субъективная дедукция 1-ого издания) и к рассмотрению общей схемы соединения априорных категорий априорных форм чувственности в отношении конкретного материала ощущений (дедукция категорий 2-ого издания).

Гуссерль в отношении познавательной проблематики исходит из наличия знания в отношении пространственно-материального мира – как научного, так и повседневного. Здесь для сопоставления с Кантом мы остановимся на подходе Гуссерля к анализу научного знания. Знание обладает статусом всеобщности и необходимости. Можно сказать, что этот статус обеспечивается наличием в знании априори. Однако априори Гуссерль понимает несколько иначе, чем Кант. Да, логические формы суждения, используемые в науке, с точки зрения Гуссерля, можно также назвать априорными

³⁰ См. об этом: [Катречко 2017].

в кантовском смысле. Однако Гуссерль не исходит из классификации суждений, основанной на таблице категорий Аристотеля. Он разрабатывает собственную структуру логики, которая, тем не менее, включает традиционные субъект-объектные суждения, суждения модальности и пр. Однако сам Гуссерль использует понятие «априорный» как синоним сущности и исследует сущностные закономерности, которые присущи материально-пространственным предметам и на которых, по убеждению Гуссерля, должно быть основано все естественно-научное знание.

Кантовский вопрос о возможности априорного синтетического познания также актуален для Гуссерля, но он звучит несколько иначе, а именно, как проблема обоснования истинности нашего знания. Обоснования, с точки зрения Гуссерля, требуют формы логических высказываний, которыми мы пользуемся в науке, и сущностных закономерностей пространственно-материальных предметов.

Обоснованием логики Гуссерль занимается в «Формальной и трансцендентальной логике», в «Опыте высказывания». Он выдвигает тезис, что наши высказывания имеют ту или иную форму именно потому, что наше сознание функционирует определенным образом. Можно сказать, что формально-логическое априори обосновывается в нашей субъективности, причем Гуссерль осуществляет это обоснование методом, напоминающим движение мысли Канта в дедукции категорий 1-ого издания «Критики чистого разума».

Для обоснования сущностных априорных законов, которые усматриваются в интуиции, необходимо обратиться к анализу опыта обращения с предметами, в ходе которого эти закономерности подтверждаются. Подтверждения этих законов мы не можем достигнуть с аподиктической очевидностью. По Гуссерлю, в выражении любых отношений между предметами присутствует конструирующая активность нашего сознания, и мы никогда не можем быть уверены, что наши суждения полностью соответствуют отношениям между предметами в мире. С большей очевидностью мы можем достигнуть и получить подтверждение в отношении сущностей (общих свойств и характеристик) пространственно-материальных предметов, но это знание не может быть полностью исчерпывающим, всегда останется что-то непознанное в предмете. По Гуссерлю, аподиктически достоверного знания мы можем достигнуть только в отношении переживаний сознания.

Таким образом, несмотря на то, что Гуссерль в рамках гносеологии движется в русле кантовского трансцендентализма, можно сказать, что момент материального априори является революционным по сравнению с «Критикой чистого разума». Эта революционность объясняется прежде всего убежденностью Гуссерля в том, что мы можем адекватно, хотя и не с аподиктической достоверностью, познать окружающие материальные вещи, и это является основанием для познания сущностных закономерностей и научного знания.

Но с другой стороны, в свете современных реалистических интерпретаций трансцендентализма³¹ становится ясно, что и у Канта познание также имеет отношение к вещам самим по себе, несмотря на субъективный, точнее – субъектный, характер априори. А внимательное прочтение Гуссерля приводит к мысли о том, что материальное априори каким-то образом содержится в нашем сознании и обосновывает любые наши интуиции. Так что революционный поворот феноменологии в рамках трансцендентализма выглядит совсем уже относительным и приобретает характер смещения акцентов при рассмотрении познания предметов внешнего мира. Однако безусловная заслуга Гуссерля состоит в попытках расширить понятие априори и обосновать его интересубъективный и исторический статус.

³¹ См., например: [Катречко 2020].

Список литературы

1. Гуссерль 2005 – *Гуссерль Э.* Амстердамские доклады // Гуссерль Э. Избранное. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 297-340.
2. Гуссерль 2009 – *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. I. М: Академический проект, 2009. 489 с.
3. Кант 2006 – *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на русском и немецком языках. М.: Наука, 1994-2006. Т. 2. Ч. 1 (2-е (В) изд.). 1081 с.
4. Катречко 2017 – *Катречко С.Л.* О возможном понимании кантовского трансцендентализма // Возможна ли современная трансцендентальная философия. Материалы Круглого стола VII Всероссийского философского конгресса. Отв. ред. С.Л. Катречко. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва, Фонд ЦГИ, 2017. 98 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30030483>
5. Катречко 2020 – *Катречко С.Л.* Кантовская идея трансцендентальной философии // Трансцендентальный журнал, 2020, № 1 (Studies in Transcendental Philosophy). URL: <http://ras.jes.su/transcendental/s123456780008967-4-1> (accessed: 25.06.2020) <https://ras.jes.su/transcendental/s123456780008967-4-1> <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=441088122>
6. Husserl 1956a – *Husserl E.* Kant und die Idee der Transzendentalphilosophie // Husserliana VII. Hgb. von R. Boehm. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1956. S. 230-287.
7. Husserl 1956b – *Husserl E.* Zur Auseinandersetzung meiner transzendentalen Phänomenologie mit Kants Transzendentalphilosophie. Beilage XX // Husserliana VII. Hgb. von R. Boehm. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1956. S. 381-394.

Часть 8. Наука в социальном контексте – исторические и эпистемологические исследования

УДК 141.3

КОНФЛИКТ «КАРТИН МИРА» В СОВРЕМЕННОМ ВОСПРИЯТИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Асташова Надежда Дмитриевна

*Кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им.*

Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

E-mail: nadya.astashova@mail.ru

В статье рассматривается вопрос ограниченности развития научного знания в связи с конфликтом различных картин мира, актуализировавшийся в связи с проблемой восприятия, хранения и переработки больших объемов информации в человеческом сознании. Современная информационная избыточность диктует условия, в которых исследователь вынужден рассматривать изучаемый объект сразу во множестве контекстов. Для науки, в которой знание представлено мозаикой трудно сочленяемых частей, наиболее остро встает потребность унификации мировоззренческой системы, которая больше не может быть выражена в доминировании научного типа знания. Поскольку следствием экспансии научного прогресса стало разрушение естественных условий жизни человека, а попытки научно рационализировать жизнь общества привели к возрастанию рисков конфликтов и обострению социальных противоречий. Делаются выводы о парадоксальности ситуации современной науки, в которой присутствуют, с одной стороны, риски, связанные с доминированием научного знания, с другой – затуманенность мышления исследователя, вызванная конфликтом различных мировоззренческих конструкций. Таким образом, перед современным научным сообществом встает задача формирования адекватной «картины мира», способной объединить в себе многомерность современной реальности, как главное условие сохранения научного знания.

Ключевые слова: новый атеизм, научная картина мира, риски, прогресс, мозаичное мышление.

CONFLICT OF DIFFERENT WORLDVIEWS IN THE MODERN PERCEPTION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Astashova Nadezhda Dmitrievna

*PhD in Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Philosophy
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: nadya.astashova@mail.ru

The article deals with the issues of limiting the development of scientific knowledge in connection with the conflict of different worldviews, which has received a new round of development in connection with the problem of perception, storage and processing of large amounts of information in the human mind. Modern information redundancy dictates the conditions in which the researcher is forced to consider the object under study in a variety of contexts at once. For a science in which knowledge is represented by a mosaic of difficult-to-join parts, the most urgent need arises for the unification of the worldview system, which can no longer be expressed in the dominance of the scientific type of knowledge. Since the expansion of scientific progress

resulted in the destruction of the natural conditions of human life, and attempts to scientifically rationalize the life of society led to an increase in the risks of conflicts and exacerbation of social contradictions. Conclusions are drawn about the paradoxical situation of modern science, in which there are, on the one hand, risks associated with the dominance of scientific knowledge, on the other – the foggy thinking of the researcher, caused by the conflict of various ideological constructions. Thus, the modern scientific community is faced with the task of forming an adequate “picture of the world” that can combine the multidimensional nature of modern reality, as the main condition for the preservation of scientific knowledge.

Keywords: new atheism, scientific picture of the world, risks, progress, mosaic thinking.

В условиях интенсивного развития техники и технологий современные научные сообщества сталкиваются с вопросами, в значительной степени ограничивающими рост и развитие научного знания. Наряду со ставшими классическими вопросами аналитической философии, современная наука столкнулась с конфликтом различных форм восприятия реальности или картин мира, получившим новый виток развития в связи с проблемой восприятия, хранения и переработкой больших объемов информации в человеческом сознании. Современная информационная избыточность не позволяет устанавливать причинно-следственные связи явлений или событий только на основе их хронологической упорядоченности, исследователь вынужден рассматривать изучаемый объект сразу во множестве контекстов: историческом, экономическом, политическом, психологическом и т.д.; при этом «картина мира» в качестве целостной системы знаний рассыпается на части, лаконичность и четкость формулировок исчезают, мышление становится мозаичным. В такой ситуации ученый перестает понимать предмет своего исследования и вынужден искусственно оперировать сразу несколькими мировоззренческими конструкциями с тем, чтобы найти методологические обоснования происходящему.

Одним из актуальных примеров конфликта познавательных систем, на наш взгляд, является полемика, развернувшаяся вокруг течения «новый атеизм» (New atheism) (С. Харрис, К. Хитченс, Д. Деннет, Р. Докинз и др.). Представители этого направления полагают, что следует выбирать между религиозным и научным подходами, первый в их понимании сводится к суевериям, а второй преподносится как путь к истине. Не сильно вникая в то, что сегодня из себя представляет идеалистическая философия, главное место в своей картине мира «новые атеисты» отводят теории Ч. Дарвина, именно она, по их мнению, способна противостоять «нависшей угрозе популярного креационизма» [Докинз 2008, с. 70]. Продвигается тезис о том, что любое сложное поведение человека можно объяснить аргументами эволюционного развития биологических видов. Возникает ощущение, как будто бы не было почти столетней критики позитивистской концепции и ее подходов, согласно которым наука является более прогрессивной формой мировосприятия по отношению к другим (религии и философии), поэтому, как более «современное», научное знание должно вытеснить остальные из сознания человека. Подобную ситуацию, по всей видимости, можно объяснить запутанностью мышления современного исследователя. Тем самым происходит модернизация аргументации прошлых контекстов критики универсальности научного знания в качестве основополагающей «картины мира».

Если со ссылкой на К. Поппера можно принять тезис о том, что дарвинизм и эволюционизм – это «метафизическая исследовательская программа – возможный концептуальный каркас для проверяемых научных теорий», обладающий «ситуационной логикой» [Поппер 1995, с. 39-49], то с тем, что это актуальный подход, никак нельзя согласиться. По сути, дарвинизм в пересказе «новых атеистов» повторяет идею «прогресса», высказанную еще в VIII-IX вв. в связи с экспансией Священной Римской империи германской нации и утверждением европоцентризма в качестве доминирующей идеологии Старого Света [Гумилев 1997, с. 188]. В контексте современности

содержанием идеологии прогресса является сведение культурного многообразия народов в единый поток эволюционного развития человечества. Как наука и техника, так и непосредственные человеческие отношения оказываются вписаны в эволюцию исторического прогресса, при этом теоретическая всеобщность науки становится универсальным основанием для политических, религиозных, культурных процессов.

В начале XX в. М. Шелер, выступая против доминирования науки, обращает внимание на риски, с которыми может столкнуться человечество, выстраивая свои системы только на основе научного знания. Попытки научно рационализировать производство и управление обществом чреваты все более ожесточенными конфликтами и социальными противоречиями, экспансия научного прогресса разрушает естественные условия жизни человека и приводит к упадку нравов и культуры – все это происходит по причине того, что «... человек может и при идеальном завершении научного прогресса оставаться как существо духовное абсолютно пустым. ... Научно-систематически фундированное варварство было бы даже самым ужасным из всех мыслимых варварств» [Шелер 2011, с. 264]. Многочисленные противоречия, с которыми столкнулась идея прогресса науки в XX в., среди которых: идея могущества рационально организованной науки, идея эффективности применения техники и технологий, идея бесконфликтного развития рационально организованного производства [Le mythe 1977], лишний раз подтверждают правоту М. Шелера.

Кризис идеологии прогресса критики связывают с использованием его различными социальными группами для получения власти. Всеобщий прогресс развития предстает как поле битвы, на котором борются конкурирующие силы. Несомненно, если и представлять прогрессивную эволюцию как «поле», то не в связи с конфликтностью, а как область исторической деятельности человека, которую предстоит исходить в различных направлениях. Естественно, что при таком раскладе перспектива выхода из ориентированной на прогресс системы не кажется такой уж пугающей. Неслучайно К. Касториadis [Castoriadis 1978] предлагает принять «вторую логику», метод постижения бессознательного, альтернативный тому, с помощью которого до сих пор происходило постижение мира. Т.к. социальное и историческое измерение наших знаний противоречит природному началу, то необходимы как минимум две логики (одна – для «внешнего» природного мира, другая – для «внутреннего» социокультурного), как максимум – бесконечное множество «логик» для множества измерений. Данная теория нашла свое воплощение в современных условиях гегемонии цифровых технологий, когда человек ежедневно в своей повседневной работе и досуге актуализируется во множестве моделей реальности с неограниченным количеством контекстов интернет-реальности.

Таким образом, современная наука оказывается перед парадоксом, в котором присутствуют, с одной стороны, риски, связанные с доминированием научного знания в основополагающих сферах жизни человека, о которых писал М. Шелер, с другой – затуманенность и бессистемность мышления, вызванная конфликтом различных подходов к реальности, в связи с одновременным присутствием множества «картин мира», у каждой из которых не просто своя логика, но и ценностные структуры. Тем не менее в качестве главного условия, при котором можно говорить о состоятельности научного исследования, Д.И. Дубровский называет формирование «инвариантов, фиксирующих единство в разнообразии», «общего места» теоретической упорядоченности многообразия подходов [Дубровский 2019, с. 22] – фактическая невозможность реализации этого условия и есть основная проблема современной науки, в которой знание представлено мозаикой трудно сочленяемых частей.

Т. Адорно и М. Хоркхаймер в своей работе «Диалектика просвещения» [Адорно 1997] пишут о современности как о несчастном случае, который должен закончиться

тоталитаризмом. Нельзя с ними не согласиться, но только нам предстоит увидеть тоталитаризм не политический, а мировоззренческий. Его нельзя избежать, поскольку при наличии различных конфликтующих между собой картин мира реальность рассыпается на фрагменты, в которых ценность научного знания нивелируется. Наука изначально существует как рационально выстроенная, систематически целостная модель, и если она сама не выйдет на уровень адекватной, способной объединить в себе многомерность современной реальности «картины мира», то вполне реально через некоторое время будет говорить о тоталитаризме навязанного извне неконструктивного подхода. Поскольку, как справедливо отмечает М. Габриель, нам не всегда нужны модели для познания реальности, и мы ими не ограничены [Габриель 2020, с. 25]. Однако совершенно очевидно, вне системной логики знание перестанет быть научным, и мы вынуждены будем отказаться от науки в качестве действенного инструмента развития цивилизации, если не сможем сформулировать «творческий ответ» в духе А. Тойнби [Тойнби 2008] на «вызов» современности.

Список литературы

1. Адорно 1997 – *Адорно Т., Хоркхаймер М.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
2. Габриель 2020 – *Габриель М.* Я не есть мозг: Философия духа для XXI века. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2020. 304 с.
3. Гумилев 1997 – *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: «Институт ДИ-ДИК», 1997. 640 с.
4. Докинз 2008 – *Докинз Р.* Бог как иллюзия. М.: КоЛибри, 2008. 557 с.
5. Дубровский 2019 – *Дубровский Д.И.* Проблема сознания: теория и практика альтернативных концепций. М.: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
6. Поппер 1995 – *Поппер К.* Дарвинизм как метафизическая исследовательская программа // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 39-49.
7. Тойнби 2008 – *Тойнби А.* Постигание истории: избранное. М.: Айрис-Пресс, 2008. 521 с.
8. Шелер 2011 – *Шелер М.* Проблемы социологии знания. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. 230 с.
9. Castoriadis 1978 – *Castoriadis C.* Les carrefours du labyrinthe. Paris: Éditions du Seuil, 1978. 315 p.
10. Le mythe 1977 – *Le mythe du développement* Candido Mendes, éd. Collections «Esprit». Paris: Editions du Seuil, 1977. 282 p.

УДК 167.7

О НЕКОТОРЫХ ЭПИСТЕМИЧЕСКИ НЕОБХОДИМЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТАХ МЫСЛЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Вархотов Тарас Александрович

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
E-mail: varkhotov@gmail.com*

Статья посвящена социальному измерению эпистемологии мысленного эксперимента. Отмечается, что традиционным для методологии мысленных экспериментов является обсуждение возможности получения с его помощью «нового знания» и в целом его

соответствия практике экспериментирования. Этот взгляд проблематизируется на материале мысленного эксперимента Галилея и его интерпретации Т. Куном в классической статье последнего о функциях мысленных экспериментов в системе научного знания. Показано, что распространенный взгляд на мысленный эксперимент как на чисто логическую, абстрактно-вычислительную процедуру не позволяет адекватно оценить его возможности и историю применения. Предложено дополнить логико-эпистемологический анализ мысленных экспериментов социально-праксеологическим для выявления характера встраивания мысленных экспериментов в систему целеполагания и социальных приоритетов. Именно социальная практика, ее развитие и потребности подталкивают к пересмотру сложившихся концептуальных схем и вовлечению ранее неиспользуемых данных, а также направляют необходимую работу воображения в рамках процедурного измерения («исполнения») мысленных экспериментов. Таким образом, эпистемология мысленных экспериментов обнаруживает в них неустранимое социальное измерение, управляющее выбором материала и схематизмов работы воображения – компонента, резко ограничивающего мысленные эксперименты от абстрактно-вычислительных процедур.

Ключевые слова: мысленный эксперимент, воображение, эпистемология, методология науки.

ON SOME EPISTEMICALLY NECESSARY SOCIAL COMPONENTS OF A THOUGHT EXPERIMENT

Varkhotov Taras Aleksandrovich

*PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and
Methodology of Science*

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

E-mail: varkhotov@gmail.com

The article is devoted to the social dimension of the epistemology of thought experiment. It notes that it is traditional for the methodology of thought experiments to discuss the possibility of obtaining with its help “new knowledge” and, in general, its compliance with the practice of experimentation. This view is problematized on the material of Galileo’s thought experiment and its interpretation by T. Kuhn in his classic article dedicated to the functions of thought experiments in the system of scientific knowledge. It shows that the widespread view of a thought experiment as a purely logical, abstract-computational procedure does not allow adequately assessing its capabilities and history of application. It is proposed to supplement the logical-epistemological analysis of thought experiments with a socio-praxeological one in order to identify the nature of embedding thought experiments into the system of goal-setting and social priorities. It is social practice, its development and needs that push for the revision of the established conceptual schemes and the involvement of previously unemployed data, and also direct the necessary work of the imagination within the framework of the procedural dimension (“execution”) of thought experiments. Thus, the epistemology of thought experiments reveals in them an unavoidable social dimension that governs the choice of material and schematisms of the work of the imagination – a component that sharply separates thought experiments from abstract computational procedures.

Keywords: thought experiment, imagination, epistemology, methodology of science

Несмотря на некоторое снижение интереса к проблематике мысленных экспериментов, пик которого, по-видимому, пришелся на начало 2000-х гг., эта тема сохраняет актуальность ввиду относительно активного применения мысленных экспериментов в общественных науках, где возможность материального экспериментирования существенно ограничена [Кошовец, Вархотов 2016], а также ввиду тесной методологической связи мысленного эксперимента с теоретической исследовательской деятельностью как таковой.

В той мере, в какой мысленный эксперимент сближается с теоретическим моделированием и выводит на болезненный для всей новоевропейской научной традиции вопрос о статусе чисто умозрительного знания, эпистемология мысленного

эксперимента заставляет обратиться к проблеме взаимосвязи чувственного и рационального познания непосредственно в контексте понимания ключевой для науки познавательной практики – эксперимента. Сформированный в рамках «экспериментальной философии» XVII в., познавательный идеал требовал, чтобы в системе знания не было ничего, кроме почерпнутого непосредственного из опыта – именно так формулировал свою программу Р. Бойль [Shapin, Schaffer 1985, pp. 36-38]; и именно так следует понимать знаменитое ньютоновское «*hypotheses non fingo*» («гипотез не измышляю»), вне контекста вызывающее недоумение, поскольку закон всемирного тяготения сложно воспринять как «эмпирическое» высказывание, в то время как Ньютон последовательно настаивал на том, что в нем, *в конечном счете*, нет ничего, кроме опыта.

Однако дальнейшее развитие науки и расширение ее предметного поля (в особенности на исходно не имевшиеся в виду территории, принадлежащие средневековым гуманитарным и родившимся намного позднее «экспериментальной философии» социальным дисциплинам) привело к обнаружению в науке обилия компонентов с неочевидной экспериментальной составляющей. Наука полна «теоретической работы, в которой вводится и исследуется воображаемая система – воображаемые население, экология, нейронная сеть, фондовый рынок или общество. Поведение воображаемой системы изучается, и результат используется в качестве основы для понимания более сложных систем реального мира» [Godfrey-Smith 2009, p. 102].

Соответственно, классический вопрос о статусе такого рода «воображаемых» конструкций и «теоретической работы» имеет два основных пути решения. Первый из них предполагает непосредственную ориентацию на классическую постановку вопроса в духе Р. Бойля и его современников (есть/нет непосредственная опытная составляющая – заметим, что честный ответ выглядит как вполне однозначное «нет») и, далее, возвращение к эпистемологической проблеме статуса априорного знания. На этом пути современные приверженцы «экспериментальной философии» констатируют принципиальную неспособность мысленного эксперимента обеспечить приращение знания (что строго логически следует из понимания знания в духе радикального сенсуализма – новое получается только из чувственного опыта) и в лучшем случае сохраняют за ним право корректировать ранее не замеченные огрехи логической целостности [Norton 1996, p. 366; Goffi, Roux 2011]. Их платонически настроенные оппоненты, в свою очередь, в той или иной степени ссылаются на изоморфизм логической и физической структур и подчеркивают, что вводимые в мысленных экспериментах системы правил способны давать нетривиальные результаты, включая новое фундаментальное знание о действительности – умозрительный анализ структуры способен обнаруживать новые структурные характеристики, и законы природы могут быть открыты не только непосредственно через нее (как истина факта), но и с помощью абстрактного умозрения, даже в лучшей степени приспособленного к поиску фундаментальных структурных характеристик, чем чувственное наблюдение [Sorensen 2016, pp. 420-421; Кошовец, Вархотов 2016, с. 130-131].

Классическим примером получения фундаментально нового знания с помощью мысленного эксперимента считается рассуждение Галилея о движении в «Диалоге о двух главнейших системах мира». Этот пример подробно разбирает в своей известной статье о функциях мысленного эксперимента в научном познании Т. Кун [Kuhn 1977]. Предложенная им интерпретация подводит ко второму пути решения проблемы эпистемологического статуса мысленного эксперимента, и поскольку этот путь представляется нам существенно более продуктивным и соответствующем фактической

практике применения мысленных экспериментов в методологии научного знания, мы остановимся на нем подробнее.

Галилей использует названный им самим пропедевтическим, мысленный эксперимент, моделирующий движение двух тел из одной точки перпендикулярно и под углом к поверхности Земли (соответственно, вдоль катета и гипотенузы прямоугольного треугольника) для проблематизации аристотелевского понимания движения (в данном случае – скорости). Не вдаваясь в подробности, напомним, что речь идет о невозможности ясно и непротиворечиво ответить на вопрос, какое из двух тел движется быстрее, если мыслить движение исключительно как целостное состояние, а скорость, соответственно, как среднюю (постоянную) величину. Кун остроумно сближает аристотелевское представление о движении с интуитивным детским, выявленным в опытах Пиаже [Kuhn 1977, pp. 43-47], и указывает, что наглядное понимание «более быстрого» как достигающего цели раньше или визуально движущегося интенсивнее соответствует естественной интуиции и будет вполне адекватно действительности при соблюдении определенных условий – как раз тех, которые нарушаются в предложенном Галилеем мысленном эксперименте. Во-первых, при неодинаковой длине пути (гипотенуза больше катета) тело, достигающее конечной точки маршрута раньше, не обязательно движется быстрее. Во-вторых, при ускоренном движении вопрос о том, какое тело движется быстрее, не может быть решен в общем, а требует уточнения, о каком именно моменте времени или точке пути идет речь.

Предложенное Аристотелем определение «более быстрого» указывает только на разное время прохождения одинакового пути. Адаптация этого определения к предложенной Галилеем ситуации приведет к тривиальному, но парадоксальному для аристотелевской теории движения выводу: расстояние, равное протяженности катета, отмеренное от нижней точки гипотенузы, движущееся по ней тело проходит быстрее, чем падающее вертикально, а отложенное от начальной точки движения – медленнее. Плюс на гипотенузе можно подобрать равный катету отрезок, на котором тело движется с той же скоростью (в понимании Аристотеля – т.е. пройдет его за то же время), что и вертикально по катету. В результате получается, что два тела А и В в предложенном Галилеем мысленном эксперименте движутся всеми тремя возможными способами: А быстрее В, А с равной В скоростью и А медленнее В. Соответственно, если вопрос задается применительно ко всему движению в целом, это создает противоречие, которое снимается, если мы переформулируем вопрос и перейдем от оценки скорости «движения как целого» к сравнению мгновенных скоростей или средних скоростей отдельных участков пути или временных интервалов – что, собственно, и нужно Галилею.

Опирается ли мысленный эксперимент Галилея на имеющийся опыт и наработанную технику анализа движения? Безусловно: «Коротко говоря, для того чтобы данный вид мысленных экспериментов был эффективным, он должен позволять тем, кто его изучает или исполняет, использовать концептуальный аппарат таким же образом, как его использовали ранее. Только если это условие соблюдено, мысленный эксперимент может представить перед аудиторией незамеченные ею следствия ее привычных концептуальных операций» [Kuhn 1977, p. 252]. Дает ли мысленный эксперимент новое знание? Да, безусловно (вывод в пользу «платонизирующих» исследователей мысленного эксперимента), однако это не приращение *данных*, а изменение *понимания* (вроде бы вывод в пользу скептиков-логицистов).

Здесь Т. Кун формулирует свой ключевой вопрос: мог ли компетентный логик Аристотель и все его последователи в течение двух тысяч лет не замечать простого логического противоречия в собственной концепции и: «Может ли логическая ошибка исчерпывать проблему»? [Kuhn 1977, p. 253]. Кун дает отрицательный ответ на этот вопрос и далее пытается показать, что мысленные эксперименты не вмещаются

(по крайней мере целиком) в дихотомию эксперимент-умозрение, и хотя они не извлекают новых данных из природы (в отличие от лабораторных экспериментов), они меняют способ обращения с имеющимися данными и могут привлекать внимание к имеющимся, но в силу концептуальных причин «невидимым» данным: «Во-первых, мысленные эксперименты могут вскрыть, что природа не оправдывает ранее сложившихся наборов наших ожиданий. Кроме того, они могут предложить конкретные пути для дальнейшего пересмотра и наших ожиданий, и теории» [Kuhn 1977, p. 261].

Отвечая далее на вопросы, на чем зиждется способность мысленных экспериментов выполнять такую работу и как они это делают, Кун ожидаемо ссылается на идею научных революций и комплекс причин, подталкивающих к смене парадигмы – по сути, работа мысленных экспериментов включается в ответ на проблемы привычной системы знания [Kuhn 1977, p. 263].

Люди пересматривают представления и привлекают выпавшие ранее сегменты данных тогда, когда имеющиеся представления перестают справляться с их задачами – этот (довольно аморфный и нестрогий) тезис обнаруживает традиционно выпадающее из эпистемологических дискуссий о мысленных экспериментах звено: социальную практику. Между тем именно социальная практика обеспечивает воспроизводство и изменения в способах стыковки «представлений» и «экспериментальных данных», подталкивая к поиску моделей, эффективных для решения тех (социальных) задач, которые востребованы в данный момент.

Включение социально-практического измерения в анализ мысленных экспериментов принципиально меняет способ их обсуждения, поскольку «цепляет» их не только за «опыт» (на обязательное присутствие которого указывает входящее в термин слово «эксперимент»), но и за человека и сообщество. Можно сказать, что последняя связь подразумевается, ведь само собой разумеется, что мысленные эксперименты производят люди. Однако на практике бóльшая часть посвященной мысленным экспериментам литературы рассматривает их как логические процедуры и видит в них ценность ровно в той мере, в какой они этому представлению соответствуют.

Такое представление выхолащивает из мысленного эксперимента «человеческую» составляющую и сближает его с абстрактно-вычислительными процедурами, что в итоге и провоцирует вопрос о том, откуда там может появиться новое содержание. Однако от работы абстрактной вычислительной системы мысленный эксперимент принципиально отличает обязательное присутствие воображения – сугубо человеческой функции, связанной с загадочной способностью *представлять*. Важнейшим условием мысленного эксперимента является *представление* той *ситуации*, адекватность и логическая целостность знания о которой оценивается средствами мысленного эксперимента. Это позволяет сразу отбросить из числа мысленных экспериментов полностью аналитические процедуры (например, шахматы), материальная организация которых произвольна и вообще не является обязательной [Вархотов 2020].

Принципиальная невозможность для научного мысленного эксперимента покинуть границы опыта («...без наличия достаточного опыта нет возможности получать знание из одного лишь мысленного эксперимента» [Kuhn 1977, p. 265]) в конечном счете обусловлена не научным идеалом экспериментальной обеспеченности знания, а границами возможностей воображения – невообразимостью лишенных опытного (чувственного) компонента предметов. В свою очередь, выбор предпочтительного опыта и способов его схематизации имеет социально-культурную обусловленность и меняется вместе с социальной системой. Поэтому мысленный эксперимент эпистемологически зависим от социального консенсуса в вопросах выбора предметов и способов представления – тех компонентов действительности и теоретических моделей

(концептуальных схем), которые обеспечивают воспроизводство доминирующих социальных практик. И поэтому дальнейшее продуктивное исследование работы мысленных экспериментов лежит на пути дополнения анализа их логической структуры анализом социальных контекстов их применения и принципов работы воображения.

Список литературы

1. Вархотов 2020 – *Вархотов Т.А.* Воображение как граница понимания: о функции воображения в мысленных экспериментах // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). 2020. Вып. 2 (24). С. 199-224.
2. Кошовец, Вархотов, 2016 – *Кошовец О.Б., Вархотов Т.А.* Эксперименты без материи: модели в теоретической экономике // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 124-139.
3. Godfrey-Smith 2009 – *Godfrey-Smith P.* Models and Fictions in Science // Philosophical Studies, 2009. Vol. 143. Pp. 101-116.
4. Goffi & Roux 2011 – *Goffi J.-Y., Roux S.* On the Very Idea of a Thought Experiment // Thought experiments in methodological and historical contexts / ed. by Ierodiakonou K., Roux S. Leiden, Boston: Brill, 2011. Pp. 165-192.
5. Kuhn 1977 – *Kuhn T.* A Function for Thought Experiments // Kuhn T. The Essential Tension. Selected Studies in Scientific Tradition and Change. The University of Chicago Press, 1977. Pp. 240-265.
6. Norton 1996 – *Norton J.* Are Thought Experiments Just What You Thought? // Canadian Journal Of Philosophy, 1996. Vol. 26, No. 3. Pp. 333-366.
7. Shapin, Schaffer, 1985 – *Shapin S., Schaffer S.* Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life. Princeton University Press, 1985
8. Sorensen 2016 – *Sorensen R.* Thought experiment and imagination // Kind A. (ed.) The Routledge Handbook of Philosophy of Imagination. Routledge, 2016. Pp. 420-436.

УДК 167.7

РИТОРИКА ПУБЛИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ КАК ПРОБЛЕМА *

Грифцова Ирина Николаевна

Доктор философских наук, профессор

Московский педагогический государственный университет

Москва, Россия

E-mail: in.griftsova@mpgu.su

Козлова Наталья Юрьевна

Кандидат философских наук, доцент

Московский педагогический государственный университет

Москва, Россия

E-mail: nyu.kozlova@mpgu.su

В рамках актуальности поиска путей взаимодействия науки с обществом авторы обращают внимание на специфику и сложность публичного «апгрейда» философии. Исследование этой проблемы закономерно упирается в определение и анализ таких форм риторики, которые должны соответствовать специфике философского дискурса. Передача

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00937.

философского знания оказывается во многом концептуальной реконструкцией – попыткой воспроизведения через определенные риторические формы пути концептуального развертывания идеи, предпринятого тем или иным философом. Также подчеркивается, что «публичный» философ несет определенную ответственность за сообщение философского знания, что влечет за собой необходимость развертывания проблемы взаимодействия философии с обществом не только в прагматическом, но и в этическом аспекте. Со ссылкой на М. Фуко рассматривается техника парресии как необходимая для передачи философского знания. Вторым важным направлением во взаимодействии философа с обществом представляется исследование адекватности, «успешности» тех понятий, которые на данный момент определяют те или иные реалии жизни общества, в связи с чем привлекаются идеи концептуальной инженерии. В рамках данного подхода и сама философия представляется в качестве концептуальной инженерии, а работа по критике, пересмотру и созданию новых понятий становится не только внутренней, но и внешней задачей философии.

Ключевые слова: публичная философия, публичный «апгрейд» философии, риторика, научная коммуникация, концептуальная инженерия.

THE RHETORIC OF PUBLIC PHILOSOPHY AS A PROBLEM

Griftsova Irina Nikolaevna

*PhD DSc in Philosophy, Professor
Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russia
E-mail: in.griftsova@mpgu.su*

Kozlova Natalya Yurievna

*PhD in Philosophy, Associate Professor
Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russia
E-mail: nyu.kozlova@mpgu.su*

The urgency of looking for the ways of interaction between science and society prompts us to look at the specifics and complexity of the public upgrade of philosophy. Studying this problem naturally leads to defining and analysing forms of rhetoric congruous with the philosophical discourse. The transfer of philosophical knowledge is largely a conceptual reconstruction, i.e. the employment of rhetoric forms to reproduce the *trajectories* along which a philosopher conducts the conceptual elaboration of ideas. The responsibility of a “public” philosopher for communicating philosophical knowledge lends urgency to exploring interactions between philosophy and society in both pragmatic and ethical aspects. With a nod to Michel Foucault, we consider parrhesia as an essential technique for philosophical knowledge transfer. Another significant aspect of interactions between the philosopher and society – the examination of adequacy and effectiveness of notions currently used to refer to elements of the life of society – requires recourse to ideas of conceptual engineering. Within this approach, philosophy per se is viewed as conceptual engineering, and criticising, revising, and creating new notions becomes both an internal and external task of philosophy.

Keywords: public philosophy, public “upgrade” of philosophy, rhetoric, scientific communication, conceptual engineering.

Современные авторы, обсуждающие пути взаимодействия науки с обществом, как правило, либо рассматривают эту проблему в общем виде (выделяя различные этапы продвижения научных идей в массовое сознание, анализируя модели научной коммуникации и т.д. [Астахова 2013; Абрамов, Кожанов 2015]), либо обращаются к конкретным естественно-научным концепциям и идеям (что вполне объяснимо, поскольку именно этот вид знания напрямую связан с технологиями). В то же время, возможно, не столь очевидным в силу его специфики, но не менее важным представляется и поиск коммуникативных стратегий для преодоления коммуникативного «барьера» между гуманитарным знанием и обществом. Постепенное

осознание актуальности решения этой задачи находит свое выражение в появлении таких областей знания (и даже учебных дисциплин), как публичная социология, публичная история, публичная философия, о которой и пойдет речь далее. Исследование проблемы публичного «апгрейда» философии закономерно упирается в определение и анализ таких форм риторики, которые должны соответствовать специфике философского дискурса. Последний оказывается особенно сложным для освоения в силу не столько своего понятийного и категориального аппарата, сколько многогранности и неоднозначности возникающих концептуальных построений, стремящихся «ухватить» вечно ускользающий феномен жизни. По этой причине философские идеи оказываются наиболее трудно воспринимаемыми, что приводит к обострению проблемы «перевода» узкоспециализированного философского знания на язык, доступный не-философам. В отличие от популяризации, например, естественно-научного знания, которая успешно проводится в формах метафорической концептуализации [Calsamiglia, Van Dijk 2004, p. 377], позволяющей передать научную идею в «бытовых», близких для не-специалиста образах и понятиях (например, геном представляется как «книга жизни», а его секвенирование – как «дешифровка» [Calsamiglia, Van Dijk 2004, p. 377; Giannoni 2008]), а также при помощи визуального моделирования, популяризация философии является более сложным процессом. Передача философского знания оказывается во многом концептуальной реконструкцией – попыткой воспроизведения через определенные риторические формы **пути** концептуального развертывания идеи, предпринятого тем или иным философом. Причем если учитывать, что философский дискурс «кроется в семантической динамике метафорического высказывания» [Рикёр 2013, с. 110] и авторский нарратив являет собой системную интенсификацию определенного ракурса осмысления, то очевидно, что перед публичным философом стоит довольно нетривиальная задача.

Еще одна причина, по которой поиск и анализ эффективных риторических форм для передачи философского знания становится особенно актуальным, заключается в том грузе ответственности, который несет публичный философ за сообщение философского знания. Если философское сообщество стремится сделать философию актуальной и востребованной, что означает, исходя из специфики философского знания, ее вписанность в социокультурные и политические контексты, в саму «практику» жизни, то верно, что «социализация» философии не может ограничиваться поверхностным изложением историко-философского материала. С этой точки зрения сообщение философского знания само по себе представляет проблему, которую можно развернуть в двух аспектах: этическом и прагматико-функциональном.

Этический взгляд на проблему передачи философского знания был озвучен еще в Античности. М. Фуко в своем анализе античной практики наставничества отмечает, что между философом-учителем, сообщавшим истину, и его учеником устанавливались определенные личностные отношения, являвшиеся необходимым условием для передачи знания и оформлявшиеся техникой парресии («свободного слова»). Данная техника заключалась в следовании трем основным принципам: а) парресия противоположна лести, «мешающей человеку узнать себя таким, как он есть» [Фуко 2007, с. 406], главной целью сообщения истины является преобразование слушающего из объекта в *независимый* субъект истинной речи [Фуко 2007, с. 406], обретший знание себя, а потому самостоятельный в установлении *собственного* отношения к себе, удовлетворяющего именно его [Фуко 2007]; б) сообщение истины предваряется *тактичностью* – постоянным вниманием к слушающему, проявляющимся не только в выборе формы «артикуляции» знания, но и в анализе духовного состояния слушающего, его *готовности* воспринять новое знание и трансформировать свой

«способ бытия»; в) принцип парресии означает безусловную искренность сообщаемого истину, проявляющуюся в том, что его мысль не расходится с практикой [Фуко 2007].

Подобный взгляд на общение учителя с учеником фактически отождествляет процесс сообщения философского знания с искусством. Неслучайно парресия считается «техникой» – способностью, умением выбирать среди «истинных познаний то, что полезно, что помогает в работе с учеником... что нужно для преобразования, воспитания, выздоровления субъекта» [Фуко 2007, с. 269]. Значимость идеи парресии в том, что она актуализирует проблему субъективации и субъектности – того, каким образом происходит освоение философского знания и его встраивание в уже существующую «конституцию бытия», которое в итоге приводит к трансформации «способа быть» – проблему, которая, по сути, стоит у истоков поиска эффективных форм риторики.

Вторым важным направлением во взаимодействии философа с обществом представляется исследование адекватности, «успешности» тех понятий, которые на данный момент определяют те или иные реалии жизни общества: то, как люди видят мир, как они строят и оценивают отношения друг с другом и т.д. Это своего рода экспертная работа, выполняющая которую философ становится иногда еще и посредником между обществом и представителями других областей знания. В определенной мере в качестве адекватной для такой деятельности стратегии можно рассматривать сравнительно недавно появившуюся концептуальную инженерию (Conceptual Engineering) [Cappelen 2018; Chalmers 2020], которая ставит своей целью либо уточнение смысла (вплоть до его пересмотра) уже существующих понятий с тем, чтобы они в большей степени соответствовали формированию в обществе определенных представлений (нынешняя ситуация с изменением климата, распространением новой коронавирусной инфекции в изобилии предоставляет примеры такого рода, начиная с самого понятия пандемии), либо конструирование новых понятий. В рамках данного подхода и сама философия представляется как своего рода концептуальная инженерия, а работа по критике, пересмотру и созданию новых понятий рассматривается в качестве не только внутренней, но и внешней задачи философии.

Список литературы

1. Астахова 2013 – *Астахова А.С.* Публичная репрезентация профессионального сообщества: популяризация науки и общественные дебаты // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. XXXVII. № 3. С. 179-189.
2. Абрамов, Кожанов 2015 – *Абрамов Р.Н., Кожанов А.А.* Концептуализация феномена Popular Science: модели взаимодействия науки, общества и медиа // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 2. С. 45-59.
3. Рикёр 2013 – *Рикёр П.* Живая метафора. Восьмой очерк: метафора и философский дискурс / пер. с фр. Ф. Станжевского, ред. Г. Вдовиной. Horizon. Феноменологические исследования. 2013. № 2. С. 106-150.
4. Фуко 2007 – *Фуко М.* Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
5. Calsamiglia, Van Dijk 2004 – *Calsamiglia H., Van Dijk T.A.* Popularization discourse and knowledge about the genome // SAGE Publications. 2004. Vol. 15. Issue 4. Pp. 369-389.
6. Cappelen 2018 – *Cappelen H.* Fixing Language. An Essay in Conceptual Engineering. Oxford: Oxford University Press. 212 p.
7. Chalmers 2020 – *Chalmers D.* What is Conceptual Engineering and What Should It Be? // Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy, 2020. Pp. 1-17.

8. Giannoni 2008 – *Giannoni D.* Popularizing features in English journal editorials // English for Specific Purposes. 2008. Vol. 27. Pp. 212-232.

УДК 001.38

ВЛАСТЬ И УЧЕНЫЕ: ОПРОСЫ, ЗАЯВЛЕНИЯ И ПЕТИЦИИ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ

Конашев Михаил Борисович

*Доктор философских наук, главный научный сотрудник
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН –
Санкт-Петербургский филиал
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: mbkonashev@mail.ru*

Федорова Анна Александровна

*Кандидат социологических наук, младший научный сотрудник
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН –
Санкт-Петербургский филиал
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: An-f@list.ru*

Проблема необходимости поиска общего базиса взаимодействия академического сообщества и властных структур сегодня остается не менее актуальной, чем на всей протяженности истории академической науки в России. Сталкиваясь с такими проблемами как системные изменения структуры научных учреждений, новые методы оценки эффективности научной деятельности, сложность соблюдения достойного уровня работы и жизни научных работников, представители академического сообщества обращаются к доступным им способам донесения своего мнения до властей. В условиях повсеместного доступа к виртуальным площадкам сети Интернет ученые получают все больше возможностей для выражения собственной позиции, будь то виртуальные опросы, цифровые СМИ или же сайты для формирования онлайн-петиций. В то же время, согласно данным наших исследований, большинство ученых в России сознательно отказываются от выражения собственного мнения, считая критику действий властей по отношению к науке бесполезной и даже опасной. Предложенные властью механизмы построения диалога с академическим сообществом на данном этапе оказываются полностью неэффективными: вместо необходимого контакта они становятся причиной формирования чувства коллективной выученной беспомощности, а потому однозначно нуждаются в реформировании.

Ключевые слова: власть, ученые, академическое сообщество, реформирование, выражение мнений, опросы, петиции, открытые письма.

AUTHORITIES AND SCIENTISTS: POLLS, STATEMENTS AND PETITIONS AS A WAY OF EXPRESSING OPINION

Konashev Mikhail Borisovich

*PhD DSc in Philosophy, Principal Researcher
Sergey Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of
Sciences –
Saint Petersburg branch
Saint Petersburg, Russia
E-mail: mbkonashev@mail.ru*

Fedorova Anna Aleksandrovna
PhD in Sociology, Junior Researcher
Sergey Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of
Sciences –
Saint Petersburg branch
Saint Petersburg, Russia
E-mail: An-f@list.ru

The problem of a common basis for interaction between the academic community and government structures remains no less relevant today than throughout the entire history of academic science in Russia. Faced with such problems as systemic changes in the structure of scientific institutions, new methods for estimation the effectiveness of scientific activities, the difficulty of maintaining a decent standard of work and life of researchers, academic community members turn to the available ways to convey their views to the authorities. In the context of widespread access to virtual sites on the Internet, scientists have more opportunities to express their own position, using virtual polls, digital media, or sites for the formation of online petitions. Meanwhile, according to our research results, the majority of scientists in Russia consciously refuse to express their own opinions, considering criticism of the science policy of the authorities to be useless and even dangerous. Now the ways proposed by the authorities for establishing a dialogue with the academic community turn out to be completely ineffective – instead of the necessary contact, they become the cause of a feeling of collective learned helplessness, and therefore these ways definitely need reforming.

Keywords: authorities, scientists, academic community, reform, expression of opinions, polls, petitions, open letters.

Как демонстрирует исторический опыт, построение диалога между академическим сообществом и властными структурами всегда упиралось в попытку сбалансировать извечное стремление ученых к научной и творческой свободе с пониманием науки как инструмента в руках властей. В современном нам российском обществе указанные проблемы звучат особенно остро в контексте снижения расходов на науку и видоизменения бюрократических особенностей функционирования академического сообщества.

Традиционным ответом на негативные аспекты функционирования науки в России были и остаются внутриакадемические дискуссии, проходящие на страницах научных журналов. Этот оживленный обмен мнениями сегодня в немалой степени обуславливается процессами цифровизации, затронувшими в том числе и академический мир: проблемы функционирования российской науки поднимаются на площадках научных (и не только) социальных сетей, в цифровых СМИ, в виртуальных петициях, в форматах онлайн-дискуссий и интернет-опросов.

Необходимость говорить и быть услышанными отчетливо проявляется в публикации открытых писем, нацеленных в теории на властные структуры, однако обретающих в большинстве случаев исключительно «локальный» резонанс. Так, к примеру, средняя дискуссия по столь актуальным проблемам как финансирование и реформирование науки в одном из крупнейших, специализированных на новостях науки изданий страны – ТрВ-Наука – состоит из 180-220 комментариев, принадлежащих не более чем 5 десяткам индивидуальных пользователей. Даже на основании приблизительной экстраполяции становится очевидным, что подобного рода активность проявляет немногим более нескольких процентов от общего числа научных работников в России.

В ходе проведения нескольких интернет-опросов среди научных работников Российской академии наук в 2019-2021 гг. (суммарная выборка – более 800 человек) нами была выявлена парадоксальная ситуация, которую в целом можно было бы охарактеризовать психологическим термином «выученная беспомощность». Несмотря

на то, что российские ученые активно и очень подробно описывают проблемы функционирования науки в стране, лишь чуть более трети опрошенных (38 %) полагают, что подобного рода обсуждения могут помочь в преодолении кризиса российской науки. Среди ключевых проблем, присущих отечественной академической науке, наиболее часто ими были названы следующие аспекты (упомянуты в порядке убывания):

- Повышение уровня бюрократизации науки, выраженное в большом количестве отчетов и усредненных показателей.
- Использование «неадекватных» индексов цитирования и расчета публикационной активности ученых.
- Сокращение денежных расходов организаций на проведение исследовательской работы, часто приводящая к необходимости оплачивать исследования «из своего кармана».
- Отсутствие управленцев «от науки».
- Постоянные видоизменения системы академических институтов, негативно влияющие на стабильность науки в России.
- Невнимание к специфике функционирования отдельных научных отраслей при выборе стратегии их развития и оценке результатов деятельности ученых.
- Уменьшение количества международных и междисциплинарных проектов.

Более 50 % опрошенных полагают, что критика существующего положения дел в лучшем случае не принесет никаких изменений, а в худшем – станет началом более жесткого «закручивания гаек» со стороны властей. В качестве примеров наиболее показательных высказываний можно привести следующие: «Лишь бы был от этого [прим.: обсуждения и опроса] какой-то толк, уже много раз проходил подобное анкетирование, но результатов не заметил» и «Все равно ничего не изменится». Несмотря на то, что 41 % ученых РАН когда-либо подписывали петиции, направленные на улучшение условий академической деятельности, более трети из них делали это «для галочки», не веря в возможные изменения к лучшему. Менее 10 % опрошенных сотрудников РАН были причастны к созданию публичных заявлений и статей с критикой реформ образования и науки, хотя во внутриакадемических обсуждениях этих тем участвовали две трети респондентов.

Фактически, речь идет о том, что большинство ученых в стране смирились с существующим положением дел и не доверяют власти в том, что касается управления научной деятельностью, что, на наш взгляд, прекрасно отражено в высказывании одного из респондентов: «Нынешние “эффективные менеджеры” повышают эффективность науки и высшего образования по принципу “чтобы корова была эффективной, ее надо больше доить и меньше кормить”».

Вместе с тем стоит отметить, что в академической среде все еще сохраняется потенциал к повышению активности в диалоге с властью в ситуации обсуждения отдельных резонансных кейсов. Реформирование Академии наук, сокращения и закрытие учреждений науки и образования, материальное обеспечение научной работы – все это становится основанием для академической кооперации, происходящей зачастую на виртуальной почве.

Среди всех площадок, предоставляющих возможности для создания электронной петиции, наиболее популярным стал сайт Change.org, на страницах которого опубликовано более 2,5 тыс. петиций в категориях «наука» и «образование». Вместе с тем анализ содержания данных петиций свидетельствует о том, что большинство из них имеет лишь опосредованное отношение к указанным сферам. Речь идет, к примеру, о природоохранных организациях, коллективах родителей, озабоченных качеством школьного образования; группах пациентов с определенными медицинскими показаниями – все они апеллируют в своих петициях к науке лишь для повышения

авторитета и важности выбранной проблемы. Напротив, количество петиций на сайте Change.org, созданных «учеными для ученых», колеблется в границах от 150 до 250 штук. В основном содержание этих петиций сводится к ряду частных проблем, как то:

- Закрытие или сокращение отдельных научных институтов, их реорганизация. Например, петиция по спасению Европейского университета и петиция по остановке массовых сокращений в НИИ глазных болезней. Обе эти петиции набрали более 50 тыс. голосов и добились своих целей. В то же время петиция о прекращении увольнений профессорского состава в РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева своей цели не достигла, даже несмотря на внушительные 27 тыс. голосов.
- Попытки борьбы за или против отдельных научных персоналий, в том числе петиция против обвинения профессора Валерия Митько в нарушении гостайны и петиция за лишение Александра Лукашенко звания почетного профессора МГУ.
- Уменьшение прав и свобод ученых и отдельных научных коллективов К примеру, петиция за свободный обмен информацией между учеными, создатели и участники которой (51 тыс. человек) выступили против правил по ограничению контактов российских и зарубежных ученых в 2019 г., однако так и не добились внесения изменений в законодательные акты. Точно так же не добилась пока успеха петиция против поправок о просветительской деятельности, за которую проголосовали 245 тыс. человек.

Как можно заметить, далеко не все высокоактивные петиции на сайте Change.org приводят к желаемому учеными результату. Фактически, на настоящий момент данный сайт не рассматривается органами власти как индикатор волеизъявления граждан, а только как «рекомендательная» структура.

Напротив, другая платформа для сбора петиций – Российская общественная инициатива (РОИ) – по задумке правительства должна в полной мере учитываться при решении вопросов, связанных с выражением мнения граждан. Значит ли это, что петиция, созданная учеными на данной площадке, имеет высокий шанс добиться успеха? К сожалению, нет. Во-первых, минимальное пороговое значение, указанное на данном сайте как уровень рассмотрения инициативы Государственной Думой – 100 тыс. голосов, что на порядок выше среднего уровня активных представителей академического сообщества. Во-вторых, голосование в системе РОИ привязано к аккаунту Госуслуг, а значит – в корне нарушает принцип массовой анонимности, характерный для активного голосования. Подобного рода бюрократические преграды оказываются поистине непреодолимыми, а потому сводят на нет все интенции и предложения российских ученых.

В целом в силу перечисленных и других проблем диалог ученых и власти нуждается в перезагрузке.

**ОДНО НЕЯСНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ: К КРИТИКЕ ДЖОНА ТУРРИ
ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАНИЯ В ЭПИСТЕМОЛОГИИ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ***

Костина Алина Олеговна

Кандидат философских наук, младший научный сотрудник

Институт философии РАН

Москва, Россия

E-mail: alinainwndrln@gmail.com

В статье рассматривается критика, предложенная Джоном Турри в отношении определения знания, данного в рамках эпистемологии добродетелей. Он высказывает опасение, что положенное в основу исследований понимание знания как обоснованного истинного убеждения совмещает не сочетаемые между собой части. По мнению Д. Турри, эпистемология добродетелей как направление в целом не может дать четкого ответа на вопрос относительно объекта теоретизирования: является ли им обыденное или научное знание? Так, убеждения и знание функционально различны в общественной жизни и коммуникации людей. Вопрос же надежности убеждений фальсифицируется рядом примеров, связанных с приписыванием того или иного статуса надежности его агентам. В вопросе научного знания предлагается обратиться к исследованиям когнитивных наук, чтобы компенсировать недостаток качественной эмпирической и аналитической базы. Однако при этом не рассматривается факт связи этики и эпистемологии, установления нормативности науки, как и вопрос самих интеллектуальных добродетелей. В качестве альтернативы предлагается концепция эйбилизма как более надежного пути достижения знания. Но не попадает ли автор при этом в ловушку собственных представлений, критикуя идеи релейабиллизма? Этот и другие вопросы становятся предметом анализа в данной статье.

Ключевые слова: эпистемология добродетелей, Турри Джон, знание, истинное убеждение, релейабиллизм, респонсибиллизм, Загзебски, Соса.

**ONE VAGUE DEFINITION: ON JOHN TURRI'S CRITIQUE OF KNOWLEDGE
DEFINITION IN VIRTUE EPISTEMOLOGY**

Kostina Alina Olegovna

PhD in Philosophy, Junior Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: alinainwndrln@gmail.com

The main focus of the article is the critique offered by John Turri on the subject of knowledge and its definition, given in the field of virtue epistemology. Another issue is a lack of understanding of whether virtue epistemologists make theories of ordinary concept of knowledge or knowledge itself. J. Turri claims that understanding of knowledge as true belief produced by intellectual virtue mixes incompatible units together. For beliefs and knowledge have different purposes in public life and communication. The issue of reliability is supported with a number of case studies, where reliability of knowledge judgements is attributed among reliable and unreliable agents surprisingly evenly. The matter of scientific knowledge should use more results and discoveries of cognitive studies to have a better analytical base. In the defense of virtue epistemology it must be noticed that the fact of close relation between ethics and epistemology merged together, as well as the question of intellectual virtues should not be left out of the offered critique. Nevertheless, J. Turri presents an alternative vision of knowledge in the framework of abilism where knowledge is related to cognitive

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00397 «Эпистемология добродетелей: ценностно-нормативный образ субъекта познания».

ability. The given concept leaves us with the question of close relation between criticized ideas of reliabilism and abilism itself.

Keywords: virtue epistemology, Turri John, knowledge, true belief, reliabilism, responsibilism, Zagzebski, Sosa.

Джон Турри в своей попытке определить место эпистемологии добродетели (virtue epistemology – далее VE) среди ряда подходов эпистемологии приходит к выводу, что такового для нее просто нет. Это утверждение смотрится радикально на фоне бурно развивающихся дискуссий как вокруг, так и внутри данного междисциплинарного поля. Один из ключевых вопросов, на который, по мнению Д. Турри, не дается ответа в рамках VE: «Теории чего пытаются предоставить эпистемологи добродетелей»? [Turri 2019, p. 309].

Объектом теорий в соответствии с исследованиями VE становится понятие знания. Последнее является истинным убеждением, произведенным интеллектуальной добродетелью. Именно определение истинного убеждения как основания для знания является главной, по мнению Д. Турри, проблемой всего направления. Во-первых, какое знание мы получаем в качестве конечного результата – обыденное или научное? Во-вторых, чтобы преодолеть путь, приводящий к формированию истинных убеждений, необходимо определиться с установкой исследования: является ли приоритетом только полученный результат или необходимо учитывать надежность используемых методов и инструментов.

Первый поставленный вопрос во многом вскрывает до сих пор неразрешенные в рамках VE проблемы. Однако их рассмотрение проходит скорее по линии разделения перцептивного знания, или «low-grade knowledge» – «знания низкого порядка» [Zagzebski 1996, p. 280], и знания высокого уровня, реализуемого в концептуализациях научных исследований. Главным утверждением Д. Турри становится невозможность определить получаемое согласно подходу VE знание как обыденное. Приводимая Д. Турри аргументация строится на тезисе, что убеждения не могут лежать в основании знания. Он разводит области применения знания и области применения убеждений. Любые убеждения (необходимо заметить, что в своих рассуждениях он в основном избегает обозначения убеждений как истинных, называя их просто убеждениями), по его мнению, связаны с эмоциями; в отличие от знания, соответственно, первые не могут лежать в основании последнего. Один из приведенных примеров исследований касается скорости реакции: согласно ему люди применяют знание быстрее, чем убеждения. В рамках частично отслеженной автором коммуникативной эволюции людей он утверждает, что убеждения связаны с практикой межличностного общения, в то время как знание – с «анималистическими практиками предсказаний поведения» [Turri 2019, p. 310]. Функции знания и убеждений настолько сильно отличаются, что нет причин для обоснования первого через второе.

Вопрос надежности оснований и методов, на которых базируется знание, не только становится второй проблемной областью в критике самого Д. Турри, но и является камнем преткновения для разных подходов в эпистемологии добродетелей. Релейабиллизм обозначает в своем названии (reliable – «надежный») использование надежных источников. Тем не менее эта надежность понимается исключительно в рамках адекватного выполнения функции: в случае визуального восприятия – зрения, в случае воспроизводства хронологии – памяти и т. д.

Однако Д. Турри надежность волнует в ее связи с обыденным знанием. Опираясь на ряд значимых для VE фигур [Craig 1990; Greco 2010; Goldman 1993], он утверждает, что их основной задачей становится установление связи между знанием и естественными интуициями, обозначая это в качестве «прото-релейабиллистской гипотезы» [Turri 2019, p.311]. Тем не менее применение интуитивного знания не всегда приносит ожидаемый

результат, что было продемонстрировано примерами. Парадоксальным образом в ходе экспериментов выяснилось, что разница в приписывании знания надежному и ненадежному агенту крайне мала.

Становится вполне очевидным, почему в качестве объекта критики Д. Турри выбрал именно представителей и представления релейабиллизма и сделал такой значительный акцент на невозможности для эпистемологии добродетели объяснить обыденное знание. Это обусловлено и его вторым направлением рассуждений, в котором он предполагает, что представители эпистемологии добродетели пытаются сформулировать представление не о понятии знания, но о самом знании.

В данном случае предметом критики становится практически полное игнорирование эпистемологией добродетелей исследований когнитивных наук, изучающих в том числе получение, обработку и хранение информации (и, возможно, получение знания) живыми существами. Этот момент критики обладает несомненной ценностью, но, возможно, не совсем в том смысле, в каком автор пытается его представить. Изучение когнитивных способностей, например, птиц (приводится самим автором), показывает, что механизмы оповещения об опасностях не всегда правильно отражают реальную ситуацию – в большинстве случаев срабатывает «ложная тревога». Если оценивать это в моменте, то низкая эффективность механизма реакции может вводить в недоумение, но при рассмотрении в долгосрочной перспективе оказывается, что данный механизм крайне эффективен.

Приведенный выше пример отражает следующую проблему в эпистемологии добродетелей. Помимо релейабиллизма, на котором акцентирует внимание Д. Турри, другим важным направлением становится респонсибиллизм. Это – более жесткая и строгая версия VE, в которой главным принципом становится ответственность субъекта на каждом этапе познания. Причиной критики данных представлений, несмотря на его куда более глубокую инкорпорацию интеллектуальных добродетелей в процесс, становится недопущение несовершенств познающего субъекта. В версии респонсибиллизма надежные результаты познания можно считать таковыми, если как все его этапы, так и мотивация субъекта безукоризненны в эпистемическом и этическом смысле. Именно такое видение активно критикуется учеными, вовлеченными в реальные практики науки: научный прогресс был бы невозможен при установках на идеальный познавательный процесс.

Данное замечание Д. Турри обладает достаточной ценностью и может быть использовано специалистами по VE для расширения аргументации заявленных позиций. Тем более что само направление эпистемологии добродетели стало активно применяться в прикладных областях.

Критика Д. Турри подкрепляется выдвижением альтернативы для исследований VE. Ей становится эйбилизм (able – «способный»), в рамках которого «знание является точной репрезентацией, производимой когнитивной способностью» [Turri 2019, p. 314]. Несмотря на то, что в критике, анализируемой в данной работе, не представлена развернутая концепция эйбилизма, уже из определения становится очевидным его сходство с представлениями релейабиллистов. В действительности как в рамках эпистемологии добродетелей, так и в других направлениях эпистемологии (и других наук) достаточно активно рассматриваются проблемы искажений когнитивных способностей, индивидуальных и коллективных эпистемических и связанных с ними институциональных практик. Поэтому само представление о «точной репрезентации» требует значительного количества дополнений о нормативных составляющих оценки этого критерия и условиях его воплощения в жизнь.

Критика Д. Турри, основанная на указании на неспособность эпистемологии добродетелей представить ни теорию понятия знания, ни самого знания, крайне важна

для улучшения репрезентации направления. Она, с одной стороны, заставляет рассмотреть ряд проблем с альтернативных точек зрения, с другой – показать ценность уже существующих наработок, уточнить их формулировки и значения. VE дает несколько вариантов трактовки (понятия) знания, механизмов его оценки и получения; обозначенные же Д. Турри критические моменты позволяют дать толчок разрешению как новых вопросов, так и являющихся камнем преткновения с начала формирования направления.

Список литературы

1. Craig 1990 – *Craig E.* Knowledge and the State of Nature: An Essay in Conceptual Synthesis, Oxford: Oxford University Press, 1990. 184 p.
2. Goldman 1993 – *Goldman A.I.* Epistemic Folkways and Scientific Epistemology // Philosophical Issues 3. 1993. Pp. 271-285.
3. Greco 2010 – *Greco J.* Achieving Knowledge: A Virtue-Theoretic Account of Epistemic Normativity, Cambridge: Cambridge University Press. 2010. 216 p.
4. Turri 2019 – *Turri J.* Virtue Epistemology and Abilism on Knowledge // Ed. Battaly H. N.Y.: Routledge. 2019. Pp. 309-316.
5. Zagzebski 1996 – *Zagzebski L.T.* Virtues of the Mind: An Inquiry Into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge, Cambridge: Cambridge University Press. 1996.

УДК 01

ИНКОРПОРАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ: НАУЧНАЯ ОБЪЕКТИВНОСТЬ И ПРАКТИКИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Кошовец Ольга Борисовна

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Институт экономики РАН

Москва, Россия

E-mail: helzerr@yandex.ru

Ключевой исторической и институциональной особенностью экономического знания является существование двух относительно автономных эпистемических культур: академической, связанной с производством знания в научных институтах, и экспертно-административной, развивающейся в рамках функционирования систем государственного и корпоративного управления. Постоянная потребность в инкорпорации академического экономического знания в структуры государственного управления и дальнейшее воспроизводство в принципиально чуждой научным институтам сфере приводят к существенной деформации и фактическому разрушению «научного этоса», выступающего регулятивным элементом производства научного знания. В наибольшей степени это сказывается на таких эпистемологических регулятивах как «объективность», причем это касается обеих ее ипостасей – как онтологического принципа (установка на репрезентацию и научный реализм) и как «эпистемической добродетели» (связанной с тем или иным типом «научной самости»). При этом сама исторически сложившаяся дисциплинарная структура научного экономического знания, которое с начала XX в. взяло жесткий курс на соответствие стандартам математизированного естествознания и постепенного превращения в разновидность инженерной науки, значительно усиливает проблему: вопрос объективности (в смысле реалистичности) экономической теории становится центральным и решается двояко. Во-первых, за счет идущей из практик государственного управления и экспертно-административной эпистемической культуры установки на тотальную инструментальность:

«Экономическая теория – это ящик с инструментами», пригодный для решения любых социальных проблем. Во-вторых, за счет замещения теории дискурсом/диспозитивом (как правило, носящим индоктринальный характер), что опять же связано с инкорпорацией экономического знания в структуры власти. В докладе мы покажем, что в отличие от научного знания «объективность» знания в управленческих практиках практически никак не связана с объектом (истинностью, репрезентацией, адекватностью описания). На этом фоне «объективность» как «эпистемическая добродетель» трансформируется в технику дистанцирования, в пределе подразумевающую замену субъекта знания технической системой.

INCORPORATING ECONOMIC KNOWLEDGE INTO POWER: SCIENTIFIC OBJECTIVITY AND PRACTICES OF IDEOLOGICAL DISCOURSE

Koshovets Olga Borisovna
PhD in Philosophy, Senior Researcher
Institute of Economics, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
E-mail: helzerr@yandex.ru

The key feature of economic knowledge is the existence of two relatively autonomous epistemic cultures: academic, connected to the production of knowledge in academia and expert-administrative, developing in state and corporate governance practices. Being incorporated into public administration and functioning in alien institutional environment academic economics has been gradually losing “scientific ethos” – a regulatory element of scientific knowledge production. “Objectivity” is hit particularly hard and it implies both of its hypostases – as an ontological principle (scientific realism) and as an “epistemic virtue” (connected to a certain type of “scientific self”). Historically established disciplinary structure of economics, which since the beginning of the XX century has taken a rigid course towards the standards of mathematized natural science and gradual transformation into a kind of engineering science, significantly increases the problem. The issue of objectivity (realisticness) of economics becomes crucial. It has been solved in two ways. First one is attitude to total instrumentality ignoring economy as a subject-matter and coming from public administration practices and expert-administrative epistemic culture: “economics is a toolbox” to solve any social problem. Second way means to replace theory with discourse (usually ideological) and it stems from the economic knowledge incorporating into power. Unlike scientific knowledge, the “objectivity” of knowledge in administrative practices completely focused on subject of administration ignores the object to be administrated (and consequently do not need the truthfulness and representation). Against this background, “objectivity” as an “epistemic virtue” is transformed into a distancing technique, which implies the replacement of the subject with a technical system.

В докладе мы последовательно рассмотрим феномен параллельного существования и относительно автономного развития *двух различных эпистемических культур* в рамках системы экономического знания, уделив особое внимание формированию связки «государство – знание – статистика». Это позволит нам понять роль статистики как ключевого связующего звена между разными эпистемическими культурами экономического знания, а также квантификации как основы когнитивного стиля и экономиста, и управленца.

Государственное управление технократического типа, опирающееся на знание как ключевой элемент воспроизводства власти, в значительной степени ответственно за нереалистичность и упрощенность экономической теории, а также за тот факт, что экономика как дисциплина с 1930-х гг. развивается в направлении все большей формализации знания, развития математического моделирования и создания изоциренных инструментов математического анализа [Weintraub 2002]. Это в конечном счете, приводит к вопросам о том, какова предметность экономической теории и что изучает эта дисциплина? В результате вопрос о том, что (можно) считать «экономическим» начинает определяться дискурсивными практиками за пределами академической сферы [Кошовец 2017].

Вместе с тем онтологический разрыв с «объективной реальностью» вызван не только трендом на математизацию и инструментализацию, он также фактически заложен в административных практиках. Фундаментальная особенность функционирования современного типа государства – потребность в знании об «управляемом объекте» (чтобы наблюдать и улучшать). Превращение в пригодный для управления объект происходит путем производства особого знания, основанного на упрощении, гомогенизации и стандартизации, и подразумевает обязательную квантификацию [Скотт 2005]. Это позволяет конституировать, а затем и конструировать управляемое, а также дисциплинировать его – путем практик наблюдения и надзора за управляемым приводить его в соответствие с нормой/эталонном [Фуко 2011]. В результате объект для управленческих практик становится принципиально вторичным, их цель – в воспроизводстве субъекта управления и расширении возможностей им управлять.

Таким образом, в отличие от научного знания «объективность» знания в управленческих практиках практически *никак не связана с объектом*, с истинностью, точностью, адекватностью его описания. «Объективность» здесь – это, прежде всего, свойство субъекта (точнее говоря, его познавательных актов) – речь идет о *неангажированности, беспристрастности, ценностной нейтральности*. Между тем эти свойства субъекта познания исходно связаны с «научным этосом» (с самопрезентацией и саморефлексией ученых). Но в рамках административных практик они выражаются как *имперсональность*. Это свойство выполняет двоякую функцию.

С одной стороны, установка на имперсональность имеет логическое продолжение в тенденции технологизировать управление. Это не только порождает феномен технобюрократии, но и подразумевает *полное устранение субъекта* вплоть до замены его машиной и машинными алгоритмами. С другой стороны, объективность как имперсональность – это крайне эффективная, по выражению Т. Портера, *«технология дистанцирования»*. [Porter 1995, p. ix]. Речь идет о переходе в рамках развития государственных управленческих практик к такой системе принятия решений, которые позволяют говорить: «Это не мое мнение, так говорят цифры, расчеты, модель». Причем речь идет не только об отказе от пристрастности и ценностной нейтральности, но и о *снятии ответственности*. Исторически стратегия имперсональности в управленческих практиках возникает в ответ на внешнее давление [Porter 1995, pp. 89-148] и выражается в отказе от решений на основе персональных экспертных суждений *в пользу эксплицитных количественных критериев*. Однако подобная квантификация любой проблемы и повсеместные количественные индикаторы также принципиально позволяют вместо личной ответственности за конкретные факты выдвигать солидарную (и размытую) ответственность за общие, «средние» результаты.

Таким образом, «объективность» как имперсональность, выражающаяся в технологиях дистанцирования, позволяет эффективно *публично отчитываться* (в ответ на требования «общества» или высшей власти) и постоянно *перераспределять ответственность*. Вместе с тем дистанцирование также проявляется и в прямом смысле – объект *делается видимым* и управляемым теми, кто сам не виден или непосредственно не присутствует. Возникает эффект безличной системы и вездесущего государства.

Список литературы

1. Дастон, Галисон 2018 – Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 584 с.
2. Кошовец 2017 – Кошовец О.Б. Почему господствующая экономическая теория прозевала кризис: о роли онтологических барьеров // Вестник Института экономики РАН. 2017. № 3. С. 18-35.

3. Скотт 2005 – *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005. 576 с.
4. Фуко 2011 – *Фуко М.* Безопасность, территории, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
5. Porter 1995 – *Porter T.M.* Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life. Princeton: University Press, 1995. 310 p.
6. Rodrik 2015 – *Rodrik D.* Economic Rules: The Rights and Wrongs of the Dismal Science. N.Y.: W.W. Norton and Co., 2015. 272 p.
7. Weintraub 2002 – *Weintraub R.* How Economics Became a Mathematical Science. L.: Duke University Press Books, 2002. Pp. xiii+313.

УДК 001

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ» В XVII–XVIII ВВ.*

Куприянов Виктор Александрович

*Кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН –
Санкт-Петербургский филиал
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: nonignarus-artis@mail.ru*

Статья посвящена проблеме определения понятия «научный журнал» применительно к периоду XVII–XVIII вв. Указывается, что научные журналы как одна из важнейших социальных институций науки подвержены историческим изменениям, затрагивающим саму суть этого феномена. В статье показывается, что в период своего раннего развития журналы выполняли лишь часть тех функций, которые выполняют современные журналы. Основной задачей журналов в тот период являлось информирование о новостях мира науки. В этой связи содержание первых журналов почти полностью составлялось из коротких резюме вновь вышедших книг, которые редакторы журналов хотели бы, в силу разных причин, сделать известными. Для иллюстрации задач и основных функций первых журналов автор опирается на источники того времени: выпуски «*Journal des sçavans*», первую историю журналов, написанную Ф.Д. Камюза, и «Энциклопедию» под редакцией Д. Дидро и Ж.Л. Даламбера. В статье приводятся определения понятия «научный журнал», принятые в указанных источниках того времени и позволяющие пролить свет на понимание этого феномена в рассматриваемый период. Автор статьи предлагает критику современной литературы по истории научной коммуникации и проводит анализ наиболее известной книги по этой теме, принадлежащей Д.А. Кронику. Показывается проблематичность его понимания научного журнала и его классификации научно-технической литературы применительно к исследованиям истории ранней научной коммуникации. Автор ставит вопрос об этосе научной журналистики раннего Нового времени и показывает, что незаинтересованность и беспристрастность суждения считались социальной нормой работы в этой области.

Ключевые слова: научная периодика, первые журналы, *Journal des sçavans*, этос ученого, объективность, Энциклопедия, наука Нового времени, французская наука.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-42014 «Петровская Академия наук в трудах российских историков (исследование и подготовка публикации)».

ON THE QUESTION OF THE DEFINITION OF THE CONCEPT “SCIENTIFIC JOURNAL” IN XVII–XVIII CENTURIES

Kupriyanov Viktor Aleksandrovich

PhD in Philosophy, Senior Researcher

Sergey Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences –

Saint Petersburg branch

Saint Petersburg, Russia

E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

The article is devoted to the problem of the definition of the concept “scientific journal” admitted at the XVII–XVIII centuries. The author shows that being one of the most important institutions of the academia, scientific journals are subjected to the historical changes concerning the very essence of this phenomenon. The article shows that in the period of their early development scientific journals had only a part of those functions that are performed by the modern ones. The main task of the journals consisted in the informing about the news of the world of science. In this regard, the content of the early journals almost entirely consisted of the brief summaries of the newly published books, which the editors of the journal wanted to be overviewed. To illustrate these theses the author of the article rests on the sources of that time: the issues of the “Journal des sçavans”, the first history of the journals written by F. D. Camusa and the French “Encyclopedia” edited by D. Diderot and J.-B. d’Alembert. The article quotes the definitions of the notion of “scientific journal” admitted in the abovementioned sources of that time; that allows us to highlight the understanding of the phenomenon in the historical period under consideration. The author proposes a critique of the modern literature on the history of scientific communication and analyses the most influential book on the subject written by D. A. Kronick. The article shows the difficulties of his approach to the definition of the scientific journal and to the classification of the scientific-technical literature, when it is used in the historical investigation of the early scientific communication. The author poses the question of the ethos of the scientific journalism at the early modern era and shows that disinterestedness and impartiality of the judgement were considered a social norm of the activity within in this sphere.

Keywords: scientific periodicals, first journals, Journal des sçavans, scientific ethos, objectivity, Encyclopedia, modern science, French science.

Современная научная коммуникация уходит своими корнями в период раннего Нового времени, когда в Европе начинают возникать научные академии и происходят изменения в области университетского образования. В этот же период, приблизительно в одно время в Англии и во Франции возникают первые научные журналы, которые послужили образцом для подобных изданий вплоть до конца XVIII – первой половины XIX вв., когда в истории научной периодики произошли серьезные изменения. В 1665 г. во Франции по инициативе советника парижского парламента Д. де Салло возник первый научный журнал «*Journal des sçavans*», который издается вплоть до сего дня. Спустя около двух месяцев в Англии под редакцией Г. Ольденбурга начинает выходить журнал «*Philosophical transactions*», который также издается до сих пор. В исследовательской литературе присутствует дискуссия о том, какой из этих двух журналов можно признать первым. Мы придерживаемся точки зрения, что оба журнала появились приблизительно одновременно в качестве ответа на одну и ту же социальную потребность, связанную с поиском средств, облегчающих научную коммуникацию [Куприянов 2020]. В этом контексте важнейшим вопросом является проблема понимания того, что такое научный журнал. Очевидно, научные журналы как социальный институт науки претерпевают в ходе истории изменения: меняются их функции, задачи и формы публикаций, что не может не влиять на понимание самой сути этого социального явления. При рассмотрении научных журналов в исторической перспективе нельзя не обратить внимания на то, что современное понимание сути этой научной институции имеет существенные

отличия от того периода, когда журналы возникли. Более того, современное понятие «научного журнала» имеет как сходства, так и существенные различия со смыслом, принятым в раннее Новое время.

Формы современного научного журнала и журнальных публикаций являются результатом синтеза разных типов изданий и публикаций, принятых в XVII–XVIII вв. Те издания, которые в то время считались научными журналами, являются хотя и основным, но далеко не единственным предшественником современной журнальной инфраструктуры. Современные журналы выполняют более многообразные функции, лишь часть которых пересекается с теми, которые имели журналы раннего Нового времени.

Что же считалось в то время научным журналом? При решении этого вопроса современные исследователи не всегда обращаются к первоисточникам того времени, опираясь на современное понимание этого вопроса. В этой связи нельзя не обратить внимания на книгу известного американского исследователя Д. Кроника. Д. Кроник в своей монографии (единственной обзорной работе по истории научной периодики раннего Нового времени) вводит понятие «научно-техническая периодика», которое шире понятия «научный журнал». Соответственно, научные журналы оказываются в его изложении лишь разновидностью более широкого типа изданий.

Проблема подхода Д. Кроника заключается в искусственности его классификации. Она не отражает норм и принципов журнальной коммуникации периода раннего Нового времени и в большей степени соответствует современным стандартам американской библиографии. В качестве единицы подсчетов используется понятие «научно-техническая периодика», далее на этой основе выделяются четыре элемента публикаций в ранней научной периодике (оригинальная публикация, абстракт, ревью, литературные новости), и затем издания XVII–XVIII вв. распределяются в зависимости от того, какой из четырех элементов является преобладающим. При этом никаких точных подсчетов соотношения выделенных им элементов в тех журналах, о которых он пишет, Кроник не проводит (что само по себе понятно, в силу несоизмеримости объема этих информационных источников с силами одного человека), и, в конце концов, он вынужден неоднократно признать условность своего деления. В разные группы оказываются включенными издания, по сути, одного типа. На это обстоятельство верно указывает Ж.-П. Витту [Vittu 2013a, p. 47]. В результате и оказывается, что истоки научной периодики восходят к XVI в., когда выпускались регулярные альманахи, коллекции и календари, т.е., по сути, средневековые формы коммуникации. Что представляли собой научные журналы того время, исходя из подхода Д. Кроника понять достаточно сложно. Поэтому опираться на книгу Д. Кроника нужно со значительной осторожностью.

Для верного представления того, что понималось под научными журналами в период зарождения современной журнальной коммуникации, наиболее целесообразно обратиться к источникам того времени, которые дают вполне однозначное определение этого понятия, соответствовавшее издательской практике того времени и адекватно отражавшее ситуацию в этой области. Вероятно, первое определение научного журнала приводится уже в первой книге, посвященной истории этого социального института, а именно, в книге Ф.Д. Камюза «Критическая история журналов»: «Журнал – периодическое издание, [выходящее] регулярно в определенное время, объявляет о новых книгах или вновь переизданных, дает идею того, о чем в них идет речь, служит для того, чтобы сохранять открытия, которые происходят в науках» [Camusat 1734, pp. 5-6]. К 1734 г., когда была опубликована книга Камюза, в Европе выходили уже десятки подобных журналов [Vittu 2002b, pp. 357-361], первым из которых Ф.Д. Камюза и считает французский «*Journal des sçavans*». Соответственно, можно уже говорить

о том, что к началу XVIII в. сформировался наиболее распространенный тип журнальных изданий. Главенствующую роль в этом процессе играла Франция как наиболее влиятельная научная держава того времени. Основной функцией журналов являлось прежде всего информирование о новинках в мире науки, о чем сообщает сам Д. де Салло при первом выпуске «*Journal des sçavans*». Этот смысл отражен и на этимологическом уровне. Слово «Journal» происходит от «jour» (день), т.е. от латинского *diurnus* (дневной), *dies* (день), что отсылает к регистрации некой ежедневной практики действий.

Аналогично понятие журнала рассматривается и в знаменитой «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж.Л. Даламбера: «Журнал – это периодическое издание, которое содержит выдержки из новых книг с деталями открытий, которые происходят каждый день в науках и искусствах» [Journal, p. 896]. Большинство подобных изданий публиковали короткие обзоры вновь выходящей литературы, которые назывались «*abrégés*» или «*extraits*» [Vittu 2013b]. Составлялись подобные заметки самими издателями журналов. В случае «*Journal des sçavans*» со времен организации в нем постоянной редакционной коллегии (вероятно, первой в истории научной журналистики [Vittu 2013a]) ответственность за это падала на специальную коллегия (*compagnie*), в которой уже в XVIII в. существовала специализация по научным направлениям. В этом контексте автор статьи в «Энциклопедии» отграничивает журналы от регулярных изданий академий и обществ, поскольку их задача понималась иначе – не сообщать о новостях в мире науки, а представлять труды своих членов.

Таким образом, журналом называлось издание, целью которого являлась публикация новостей из мира науки – республики ученых. Прежде всего, под этим понимались книги, по отношению к которым журналы были второстепенны. В этой связи можно сказать, что первым уровнем формальной коммуникации являлись книги и диссертации, в то время как журналы представляли собой второй уровень – реферативный. В процитированной статье из «Энциклопедии» интересно пояснение необходимости журналов. Говоря о «*Journal des sçavans*» автор статьи пишет, что он «был изобретен для облегчения тех, кто либо слишком занят, либо слишком ленив, чтобы читать книги целиком. Это средство удовлетворить свое любопытство и за небольшую плату стать ученым» [Journal, p. 896]. Журналы понимались как средство для ориентирования в мире науки и облегчения научной коммуникации. Однако они не могли заменить основной инструмент коммуникации – печатную книгу и переписку.

Говоря о ранних журналах, нельзя не обратить внимания и на роль самих журналистов как посредников при передаче знания. Именно в это время в рамках научной коммуникации формируется идеал незаинтересованной критики, которая стремится нейтрально передавать содержание рецензируемых книг. Журнал же рассматривался в качестве голоса самой науки. В выпуске от 25 января 1796 г. редакторы журналы высказывают свое кредо: «Мы дадим отдельный анализ новых книг, которые мы считаем наиболее полезными и наиболее достойными стать известными, независимо от места их публикации и предмета, с которым они работают, а также каких бы то ни было мнений, которые они защищают. Никакой предрассудок нетерпимости ни в каком смысле или по какому-либо вопросу не возобладает над справедливостью, с которой мы считаем своей обязанностью относиться к каждому автору; беспристрастность, как мы ее понимаем – это не ничтожество бесхарактерных людей, сводящих все к пирронизму; мы будем твердо придерживаться того, что нам кажется основанным на неоспоримых принципах; а по разного рода спорным вопросам мы будем защищать мнение, которое является нашим только потому, что оно представляется нам лучшим. Мы будем лишь остерегаться горечи и недобросовестности, которые превращают дискуссии в споры и выявляют партийность писателей» [Цит. по: Cocheris 1860, p. 45]. Задача журнала

понималась как незаинтересованное и беспристрастное наставление публики, которая и выступала адресатом, к которому обращались редакторы журнала.

Таким образом, понятие научного журнала в период зарождения этой социальной институции имело отличное от современного значение. Под журналом понималось издание, близкое к газете, в задачу которого входило прежде всего освещение новостей науки и резюмирование новинок научной литературы. А в качестве добродетели, определяющей этос журналиста, принимались беспристрастность и незаинтересованность суждения. Эту социальную роль нужно, на наш взгляд, рассматривать в контексте идеи Публики как сообщества рациональных субъектов, объединенных единством научного знания. Представляется, что современная журнальная коммуникация сохраняет лишь рудименты такого понимания сути научной журналистики, что отражает ее изменившийся социальный характер.

Список литературы

1. Куприянов 2020 – *Куприянов В.А.* Проблема приоритета в вопросе о возникновении научных журналов // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 57. № 4. С. 185-198.
2. Camusat 1734 – *Camusat F.D.* Histoire critique des Journaux. Vol. 1. Amsterdam: Chez J.F. BERNARD, 1734. 323 p.
3. Cocheris 1860 – *Cocheris H.* Histoire du journal des savants depuis sa fondation jusqu'à nos jours. Paris: A. Durand, 1860.
4. Journal – Journal // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Vol. VIII. URL: <https://artflsrv03.uchicago.edu/philologic4/encyclopedie1117/navigate/8/3664/> (accessed on 27.05.2021).
5. Kronick 1962 – *Kronick D. A.* A History of Scientific and Technical Periodicals: The Origins and Development of the Scientific and Technological Press 1665–1790. N.Y.: The Scarecrow Press, 1962, 274 p.
6. Vittu 2013a – *Vittu J.-P.* Un système européen d'échanges scientifiques au XVIIIe siècle: les journaux savants // Le Temps des médias. 2013. № 20. Pp. 47-63.
7. Vittu 2013b – *Vittu J.-P.* Qu'est-ce qu'un article au Journal des savants de 1665 à 1714? // Revue française d'histoire du livre. 2001. № 112-113. Pp. 129-148.
8. Vittu 2002a – *Vittu J.-P.* La formation d'une institution scientifique: le Journal des Savants de 1665 à 1714. Premier article: d'une entreprise privée à une semiinstitution // Journal des savants. 2002. № 1. Pp. 179-203.
9. Vittu 2002b – *Vittu J.-P.* La formation d'une institution scientifique: le Journal des Savants de 1665 à 1714. Second article. L'instrument central de la République des Lettres // Journal des savants. 2002. № 2. Pp. 349-377.

УДК 165.62

В ПОИСКАХ РЕАЛЬНОСТИ

Лобастова Вера Александровна

Кандидат философских наук, доцент

*Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий
и дизайна*

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: lobastova.vera1@gmail.com

В докладе представлен дискуссионный обзор конкурирующих представлений реальности, которые сформировались в современных философских теориях, выражающих различные способы понимания реального мира. Аналитическое описание реальности во многом зависит от принятых методологических установок. С объективистских позиций реальность многомерна и постоянно достраивается до возможной полноты в философских и естественно-научных концепциях. В субъективистских конструкциях реальность многовариантна: разные индивидуальные сознания выстраивают свои горизонты реализованного знания о реальности, и в интерсубъективном взаимодействии происходит корреляция множества индивидуальных опытов понимания реальности.

В основе антиреалистических концепций, развивающихся в феноменологической и аналитической философии, которые во многом являются последователями кантовской трансформации онтологической проблематики, лежит понимание сознания, способного конституировать реальность. Исходная установка антиреалистов состоит в том, что реальность проявляется в процессе ее осознания и теоретического конструирования посредством сознания; соответственно, реальность неотделима от представлений о ней.

В полемике реалистов и антиреалистов ставится важный вопрос: как осуществляется связь мысли с реальностью, существующей независимо от нее? Восприимчивость сознания, его «открытость миру», не может обосновать восприятие реальности, независимой от мышления. Субъективный индивидуальный опыт не исключает заблуждения, возможность которого проявляется в различении восприятия самого объекта и только видимости его. Проблематика реальности ищет ясного и точного решения: существует ли возможность сближения двух полярных позиций – интуитивного объективизма, организованного на здравом смысле естественной установки, и философской антиреалистической модели, определяющей доступ к реальности через субъективные и интерсубъективные акты сознания – или их конфронтация неустраима.

Ключевые слова: реальность, эпистемология, философия науки, реализм, антиреализм, философия сознания.

SEARCHING FOR REALITY

Lobastova Vera Aleksandrovna

PhD in Philosophy, Associate Professor

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

Saint Petersburg, Russia

E-mail: lobastova.vera1@gmail.com

The article presents a debatable overview of competing representations of reality that have formed in modern philosophical theories expressing different ways of understanding the real world. An analytical description of reality largely depends on the accepted methodological guidelines. From an objectivist standpoint, reality is multidimensional and is constantly being built up to the possible completeness in philosophical and natural science concepts. In subjective constructions, reality is multivariate: different individual consciousnesses build their horizons of realized knowledge about reality, and there is a correlation of many individual experiences of understanding reality in intersubjective interaction.

The antirealistic concepts that develop in phenomenological and analytical philosophy, which are largely followers of the Kantian transformation of ontological problems, are based on the understanding of consciousness that is capable of constituting reality. The initial setting of anti-realists is that reality manifests itself in the process of its awareness and theoretical construction through consciousness; respectively, reality is inseparable from ideas about it.

In the polemics of realists and antirealists, an important question is posed: how is the connection between thought and reality that exists independently of it? The receptivity of consciousness, its “openness to the world”, cannot substantiate the perception of reality, independent of thinking. Subjective individual experience does not exclude delusion, the possibility of which is manifested in the distinction between the perception of the object itself and only its appearance. The reality problem is looking for a clear and precise solution: is there a possibility of convergence of two polar positions – intuitive objectivism, organized in the common sense of a natural attitude, and a philosophical antirealistic model that determines access to reality through subjective and intersubjective acts of consciousness – or their confrontation is inevitable.

Keywords: reality, epistemology, philosophy of science, realism, antirealism, philosophy of consciousness.

Противопоставление реалистических и антиреалистических концепций первоначально возникло в эпистемологии при обсуждении онтологического статуса ненаблюдаемых объектов, выдвигаемых научными теориями. Острая дискуссия о различных родах и уровнях реальности приобрела более широкое значение в философии науки и философии сознания [Лекторский 2018]. Причем антиреалистическая позиция всегда сопровождала реалистическую точку зрения и выступала в роли критического оппонента, неустанно выдвигающего новые аргументы, которые вынуждали реагировать на них сторонников реалистических концепций.

Среди разных видов реализма Д.Г. Левин выделил прямой, наивный, критический, научный, эпистемологический, репрезентативный, презентативный, перцептивный, экспериментальный, спиритуалистический, структурный, модальный, конструктивный, сверхреализм, неореализм. Каждый из них по-своему корректирует реалистическое понимание объективного мира, существующего независимо от познающего его сознания. Конечно, эти варианты не могут исчерпать все многообразие реалистической позиции, критическое состояние которой обострилось при переходе науки на уровень исследований микро- и мегамира, когда с новой силой актуализировались понимание возможностей и границ науки и осознание места человека в мире.

Модальный реализм А.С. Карпенко определяет как концепцию множественности миров, сближающую оппозицию реализма и антиреализма. К антиреалистическим концепциям он относит: позитивизм, концептуализм, перспективизм, конвенционализм, релятивизм, феноменализм, некоторые типы редукционализма, аналитический антиреализм, инструментализм, постмодернизм. Одним из постулатов модального реализма выступает актуализация всего возможно мыслимого, которая обеспечивается «принципом рекомбинации», когда отдельные части различных возможных миров соединяются в другой возможный мир.

А.В. Родин обращает внимание на то, что именно философия выдвигает реалистические требования к современным естественно-научным теориям, т.к. в науке сложилась избыточная система репрезентаций, среди которых встречаются также и иллюзорные. Причину возникновения проблемы реализма и антиреализма Д.В. Иванов видит в допущении «завесы сознания», при котором опосредованное восприятие мира возможно только через данности сознания. Экстерналистские теории сознания (Х. Патнэм, Т. Бердж, П. Черчланд, Р. Рорти, У. Матурана, Ф. Варела и др.) отвергают модель сознания, замкнутого в рамках ментальных репрезентаций, и показывают зависимость сознания от случайных социально-исторических событий. Познавательный процесс, как подчеркивает Е.А. Мамчур, обусловлен, но не детерминирован социокультурным контекстом, сформированным ценностными установками, приемлемыми не для всех. Наличие нескольких паритетных описаний подчеркивает невозможность единой точки зрения.

Множество разных форм реализма и антиреализма, полагает Е.Л. Черткова, возникает от различного употребления слова «реальный». У общего понятия весьма обширный спектр значений, среди которых важно различать реальность теоретических сущностей и реальность ценностей. Критику реализма вызвал кризис кумулятивной модели развития научного знания. Так проблемы внутреннего развития науки спровоцировали возникновение антиреалистических положений. Цифровая революция преобразует и восприятие, и мышление современного человека. Новейшие технологии размывают границы между реальным миром и виртуальной моделью, возникает клиповое и сериальное мышление. Неразличимость субъекта и объекта делает излишними феномены сознания и знания. Антиреалисты вместо поиска истины

выдвигают поиск смысла. Все эти тенденции ослабляют напряжение мысли между знанием и незнанием, реальностью и иллюзией. Сила реализма состоит в единстве бытия и истины, тогда как антиреалистическая позиция приводит к «онтологическому нигилизму», по мнению П.П. Гайденко.

В современной науке, как утверждает Б.И. Пружинин, господствующее положение приобрела прагматическая установка, которая в ситуации плюрализма гипотез выдвигает из них самую полезную. В гуманитаристике текст, оторванный от реального положения дел, допускает различные описания, в которых он подвергается манипуляциям разного рода. Е.О. Труфанова обращается к постмодернистской антиреалистической позиции, которая реалистический дискурс определяет как позицию власти, указывающую на то, каким именно образом нужно видеть мир. В гуманитарных науках объективная реальность конструируется как совокупность общих точек пересечения, благодаря которым возникает конструктивный диалог. С.В. Пирожкова подчеркивает роль лингвистического поворота, который выдвигает нарративную историю, формирующую интерсубъективное поле, тем самым предоставляя возможность достижения конвенциональной общезначимости. Исторический факт, понимаемый как конструкция, подвергается деконструкции, в результате которой конструируется новый исторический факт. Ненаблюдаемое историческое событие предполагается в ходе теоретического исследования, в процессе которого опережающее восприятие становится импульсом для предвидения, которое с неизбежностью связано с перцептивным опытом. Так проявляет себя конструктивное свойство познавательной деятельности субъекта.

Н.М. Смирнова подчеркивает различие между реализмом и натурализмом, обращаясь к элиминативистской (неинтенциональной) эпистемологии, а именно – к концепции А. Розенберга. Вместо знания приоритетной становится безличная информация, которая регулируется предсказанием и контролем, а потенциал предсказания определяется полезным ожиданием. Нормативный характер познания сводится к инструментальной рациональности. Отелесненное сознание активно извлекает информацию из окружающей его среды и из взаимодействия друг с другом. Еще одну модель эволюционной эпистемологии представляет интерактивно-конструктивистская теория альтернативных антиципаций, которая предполагает межличностную коммуникацию на основе устойчивых антиципаций. Полученная информация используется для усовершенствования конструирования последующих антиципаций. Очевидно, что подмена знания информацией – это не только упрощение, но и искажение познавательного процесса.

Обилие реалистических концепций, считает В.А. Лекторский, свидетельствует об их интенсивном развитии, а антиреалистическая позиция претерпевает кризисный период. Концепция конструктивного реализма ассимилирует два подхода – деятельностный и культурно-исторический. Ментальные репрезентации сознания понимаются как процессы извлечения информации извне в ходе деятельностного взаимодействия с миром. Сконструированные предметы расширяют возможности экспериментальной манипуляции в различных вариантах. Язык, научная теория, социальный институт – это идеальные образования, существование которых невозможно вне деятельности людей.

Сложность дискуссии о возможности наступления реалистического поворота в философии науки объясняется тенденцией стирания границ между реалистическими и антиреалистическими взглядами и оценками, направленной на поиск нейтральной позиции. Участники «круглого стола» [Лекторский и др. 2017] указывают на то, что вариативность реалистических позиций набирает силу, но одновременно они сомневаются в торжестве реализма над антиреалистическими аргументами. Научная

теория конструируется в пограничной зоне знания и незнания, и теоретические процедуры описания, объяснения и прогнозирования предметной реальности протекают в рамках определенного региона бытия. Единство мира становится предпосылкой для выдвижения научной теории, универсальное значение и общее признание которой стремится распространиться на все регионы бытия. Неизбежность предпосылок, зависящих от установки ученого, и умение их нейтрализовать, если это возможно, составляют технические моменты познавательного процесса. Многообразие установок любого типа с неизбежностью приводит к появлению новых философских концепций, стремящихся к решению бесконечных задач, стоящих перед разумом.

Список литературы

1. Лекторский 2018 – Перспективы реализма в современной философии: сб. трудов. Под ред. В.А. Лекторского. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. 464 с.
2. Лекторский и др. 2017 – «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы «круглого стола» Участники: В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, Д.И. Дубровский, Д.В. Иванов, А.С. Карпенко, Г.Д. Левин, Е.А. Мамчур, С.В. Пирожкова, А.В. Родин, Н.М. Смирнова, Е.О. Труфанова, Е.Л. Черткова // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 5-38.

УДК 06.05 (47) «18»

ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА В ХОДЕ СТАТИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.*

Скрыдлов Андрей Юрьевич

*Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН –
Санкт-Петербургский филиал
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: askrydlov@gmail.com*

Статья посвящена изучению различных аспектов коммуникации научного сообщества статистиков и государственных институтов Российской империи в первой половине XIX в. Показано, что впервые идея привлечения ученых к организации системы административной статистики была реализована министром полиции А.Д. Балашевым в 1811 г. при создании Статистического отделения Министерства полиции. Ему же принадлежит первый проект создания в России Статистического общества, которое должно было содействовать государственным органам в процессе статистического изучения России. Хотя предложения Балашева не были приняты, в дальнейшем они оказались востребованы министром Л.А. Перовским, который попытался создать единый центр изучения административной статистики на базе МВД. Инициативы Перовского способствовали созданию Русского географического общества, на базе которого было создано Отделение статистики. Первый этап работы отделения, связанный с определением направления будущих исследований, проходил в тесном взаимодействии со статистическими органами МВД. В период перманентных реформ административной статистики, завершившихся лишь в 1863 г. созданием ЦСК, Отделение статистики РГО играло роль ведущего центра проведения статистических исследований.

Ключевые слова: наука и власть, история статистики, статистическое изучение России, А.Д. Балашев, К.А. Арсеньев, П.И. Кеппен.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00407.

COOPERATION BETWEEN THE STATE AND SCIENTIFIC COMMUNITY IN THE STATISTICAL DESCRIPTION OF RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Skrydlov Andrey Yurievich

PhD in History, Senior Researcher

*Sergey Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy
of Sciences –*

Saint Petersburg branch

Saint Petersburg, Russia

E-mail: askrydlov@gmail.com

The article analyzes various aspects of communication between the scientific community of statisticians and state institutions of the Russian Empire in the first half of the XIX century. For the first time, the idea of attracting scientists to the organization of the system of administrative statistics was implemented by the Minister of Police A.D. Balashev in 1811 during the creation of the Statistical Division of the Ministry of Police. He also proposed the first project for the creation of a Statistical Society in Russia, which was supposed to assist state bodies in the process of statistical study of Russia. Although Balashev's projects were not accepted, later they were in demand by Minister L.A. Perovsky, who tried to create a joint center for the study of administrative statistics on the Ministry of Internal Affairs basis. Perovsky's initiatives contributed to the creation of the Russian Geographical Society, which included the Department of Statistics. The first stage of the department's work took place in close cooperation with the Statistical Bodies of the Ministry of Internal Affairs. For a long time, the Department of Statistics of the Russian Geographical Society played the role of a leading center for statistical research.

Keywords: science and power, history of statistics, statistical study of Russia, A.D. Balashev, K.A. Arseniev, P.I. Köppen.

Период институционализации статистики в России принято относить к концу XVIII – первой половине XIX вв. Реформы начала александровского царствования выдвинули на первый план проблему получения актуальных статистических данных о состоянии страны, которые были необходимы для повышения эффективности внутренней и внешней политики. С этим связано возникновение в структуре центральных органов власти первых государственных статистических органов. Наиболее жизнеспособным из них стало Статистическое отделение Министерства полиции, созданное в 1811 г. при активном участии министра полиции А.Д. Балашева [Скрыдлов 2021, с. 112-120]. Характерными особенностями организации нового ведомства стали отделение «ученой части от исполнительной» и привлечение к работе представителей научного сообщества. Возглавил новое ведомство академик К.Ф. Герман, который ранее в своих трудах призывал государство поддержать ученых в деле статистического изучения страны, обеспечив при этом научную автономию: «Только одно общество ученых людей из всякого отделения наук, под смотрением и покровительством правительства, которое бы им доставило бы все материалы к сему предмету принадлежащие, и дало бы во всем свободу... может доставить статистику, которая была бы без сомнения прекраснейшим памятником мудрого правления» [Герман 1806, с. 26-27].

На протяжении 1811-1819 гг., в обстановке преобразований системы центральных органов власти, Балашев искал наиболее оптимальную форму организации работы нового ведомства в составе вверенного ему министерства. Однако ликвидация Министерства полиции в 1819 г. поставила существование Статистического отделения под угрозу. 17 октября 1819 г. Балашев подал в Комитет министров записку «О Статистическом отделении», в которой представил свой проект организации административной статистики в системе государственной власти. По мысли Балашева,

статистическую часть «ввиду большой важности и общегосударственного значения» следовало выделить в самостоятельный орган и наряду с прочими министерствами подчинить напрямую Комитету министров. Проект Балашева интересен тем, что здесь впервые появляется мысль о необходимости привлечения к статистическому изучению России научного сообщества и шире – всех заинтересованных лиц – путем создания при Статистическом отделении Общества – особой научно-просветительской организации: «При учреждении сем находится Статистическому обществу, состоящему из членов действительных и почетных, комиссионеров и корреспондентов. Общество сие должно иметь приличную ему библиотеку и можно издавать журнал Статистический и прочие статистические сочинения» [РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 189, л. 671]. Таким образом, осознавая ограниченность кадровых ресурсов вновь создаваемого ведомства, Балашев предполагал объединить вокруг Статистического общества заинтересованных в изучении статистики лиц и привлечь их к сбору и обработке сведений.

Проект Балашева обсуждался в Комитете министров, однако не нашел поддержки. Статистическое отделение было передано в состав МВД, где до 1834 г. находилось в неопределенном положении, не имея специальной инструкции. Одновременно с развитием органов центрального управления альтернативные центры административной статистики стали возникать при других министерствах. Так, в структуре созданного в 1837 г. Министерства государственных имуществ существовало Статистическое отделение, входившее в состав 3-го департамента. Статистические работы также проводились Министерством финансов, Главным управлением путей сообщения, Военным министерством, Святейшим синодом и были направлены на удовлетворение текущих потребностей соответствующих ведомств [Елисеева, Дмитриев 2016, с. 62-67]. Это порождало ряд существенных затруднений, связанных с дублированием форм отчетности, отсутствием единых стандартов сбора и обработки сведений.

Проблема разобщенности и отсутствия координации в деле статистического изучения России в начале 1840-х гг. становилась все более очевидной. Примечательно, что ее решение было инициировано представителями научного сообщества, состоявшими на государственной службе. Так, одной из первых форм объединения ученых и представителей ведомственной статистики стали неформальные собрания статистиков и путешественников, которые в 1843-1845 гг. проходили в квартирах ученых Петербурга. Главным источником, из которого мы узнаем об этих мероприятиях, служат записки академика П.И. Кеппена. Из них известно, что 9 октября 1841 г. дома у Кеппена собрались его единомышленники и коллеги: статистик и экономист, чиновник Министерства государственных имуществ А.П. Заблоцкий-Десятовский; этнограф, редактор «Журнала МВД» Н.И. Надеждин; чиновник МВД, статистик Н.А. Милютин. По словам Кеппена, в ходе беседы у него возникла идея сделать такие собрания регулярными «чтобы лучше познакомиться с состоянием дел в России» [СПбФ АРАН, ф. 30, оп. 1, д. 174, л. 7]. В своих записках Кеппен отметил, что эти встречи должны содействовать «сближению просвещенных чиновников», и сожалел по поводу того, что «самостоятельные действия министерств вызывают всевозможные препятствия и служат причиной разногласий. ... Для того, чтобы понять необходимость сотрудничества, нужна разъяснительная работа. Нужна также большая интеллигентность руководителей-администраторов. ... Если наши встречи приведут к гармоничному сотрудничеству, мы будем это приветствовать» [Вальская 1992, с. 117-118]. По обстоятельствам субъективного свойства – участники разъехались из Петербурга – регулярные собрания статистиков и путешественников начали проходить с октября 1843 г. К вышеназванным участникам присоединились: экономисты и статистики Г.П. Небольсин, А.К. Мейендорф и Ю.А. Гагемейстер, служившие в Министерстве финансов; руководитель

Статистического отделения МВД К.И. Арсеньев, известные ученые К.М. Бэр, А.Ф. Миддендорф, Ф.П. Литке, А.П. Шерген.

Одной из центральных тем для обсуждения на этих неформальных встречах стала подготовка обобщающего описания России, которая была инициирована министром внутренних дел Л.А. Перовским. 3 августа 1843 г. в предписании управляющему Статистическим отделением МВД Арсеньеву министр поставил задачу «иметь верные и подробные описания губерний, уездов и городов, в отношении ко всем без изъятия обстоятельствам, данным как самой природой, так и людьми, ими искусством» [РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 8, л. 52об.]. С этой целью в октябре 1843 г. был учрежден Временный статистический комитет под председательством начальника Хозяйственного департамента М.И. Лекса [РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 141, л. 2-5об.]. В состав комитета были включены участники собраний статистиков и путешественников – Арсеньев, Гельмерсен, Заблоцкий-Десятовский, Надеждин, Милютин и др. Их неформальные встречи проходили параллельно с заседаниями комитета, давали возможность обсуждать результаты работы и делиться идеями в неофициальной обстановке. Надеждин составил для комитета общую программу «Введения в статистику» и программу нравственной статистики, Милютин – программу этнографического описания, Бэр – программу врачебной статистики, Кеппен, Небольсин и Заблоцкий-Десятовский занимались составлением программ хозяйственной статистики. Работа ученых над совместным проектом как в рамках Временного статистического комитета, так и в неформальной обстановке способствовала укреплению тесных научных связей между ними. По мнению исследователей, собрания статистиков и путешественников стали отправной точкой создания Русского географического общества [Вальская 1992, с. 119-120].

Примечательно, что в процессе создания общества важную роль сыграл министр внутренних дел Перовский, который рассчитывал на помощь РГО в реализации министерских программ статистического изучения России [Сухова 2018, с. 71]. Особую роль статистических исследований среди научных занятий РГО он стремился отразить уже в названии организации. 2 июля 1845 г. по просьбе учредителей Перовский представил императору всеподданнейший доклад под заголовком «О создании *статистического общества*» [РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1892, л. 21]. В дальнейшем, в ходе обсуждения в Комитете министров общество было переименовано в «*географо-статистическое*», и лишь при утверждении устава императором оно получило нынешнее название [Скрыдлов 2019, с. 18].

В соответствии с Временным уставом в 1845 г. в составе РГО было создано Отделение статистики, руководство которым было поручено академику Кеппену. Первый этап его работы, связанный с определением направления будущих исследований, проходил в тесном взаимодействии со статистическими органами МВД. На втором собрании общества было признано полезным объединить усилия Статистического отделения МВД и Отделения статистики РГО «для совокупного действия и пользования обоюдными способами и средствами, но так, чтобы чрез сие сближение Общество не подчинилось порядку канцелярскому и правилам отчетности, в отделениях Министерства существующим» [Научный архив РГО, ф. 1, оп. 2, д. 1, л. 17-18]. Характерно, что члены общества дорожили научной автономией и опасались, что сотрудничество с министерством приведет к бюрократизации организации. В период перманентных реформ административной статистики, завершившихся лишь в 1863 г. созданием ЦСК, Отделение статистики РГО стало играть роль ведущего центра проведения статистических исследований [Птуха 1959, с. 70]. Именно сюда была перенесена задача подготовки обобщающего статистического описания России, отделение разрабатывало методы статистического изучения, собирало, обрабатывало

и обобщало статистические данные, проводило подготовку, издание и экспертизу научных трудов [Вальская 1953, с. 132].

Таким образом, на протяжении первой половины XIX в. идея активной коммуникации государственных органов и научного сообщества по проблемам изучения статистики России оставалась актуальной и находила поддержку как со стороны ученых, так и со стороны правящей элиты. Ограниченность материальных и кадровых ресурсов подталкивала представителей просвещенной бюрократии привлекать к статистическому описанию страны ведущих ученых, которые, в свою очередь, получали возможность использовать возможности государства для реализации своих научных интересов.

Список литературы

1. Вальская 1953 – *Вальская Б.А.* Первые попытки описания России Географическим обществом // Вопросы географии. Т. 31. 1953. С. 132-142.
2. Вальская 1992 – *Вальская Б.А.* Собрания статистиков и путешественников в Санкт-Петербурге в 40-х годах XIX в. // Известия РГО. 1992. Т. 124. Вып. 2. С. 115-123.
3. Герман 1806 – [*Герман К.Ф.*] Теория статистики // Статистический журнал 1806 - Статистический журнал. 1806. Т. I. Ч. 1. С. 1-29.
4. Елисеева, Дмитриев 2016 – *Елисеева И.И. Дмитриев А.Л.* Очерки по истории государственной статистики России. СПб.: Росток, 2016.
5. Птуха 1959 – *Птуха М.В.* Очерки по истории статистики в СССР. Т. II. Статистика в Академии наук, ученых обществах и учебных заведениях. 1801-1863. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 476 с.
6. Скрыдлов 2019 – *Скрыдлов А.Ю.* Из истории создания Отделения статистики Русского географического общества – первого научного объединения статистиков в России // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 2. С. 7-21.
7. Скрыдлов 2021 – *Скрыдлов А.Ю.* Министр полиции А.Д. Балашев и организация статистических исследований в России // Российская история. 2021. № 2. С. 112-120.
8. Сухова 2018 – *Сухова Н.Г.* Об основании Русского географического общества // Известия РГО. 2018. Т. 150. Вып. 1. С. 68-81.

УДК 008

МИССИЯ НАУКИ – ХАРИЗМА РАЗУМА

Столярова Ольга Евгеньевна

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Институт философии РАН

Москва, Россия

E-mail: olgastoliarova@mail.ru

В докладе обсуждается проблема легитимации, или обоснования, науки в современной ситуации постмодерна. Несмотря на пошатнувшуюся веру в «великие нарративы», наука сохраняет особый когнитивный статус и особое место в обществе. Для объяснения этого феномена я прибегаю к концепции типов рациональности и типов господства Макса Вебера. Я связываю веберовскую концепцию «расколдовывания мира» с концепцией прогресса. Я показываю, что феномен «обратного околдовывания мира», на который указывают сегодня многие философы и социальные теоретики, нельзя считать регрессом, поскольку он зависит от продвижения науки и техники. Сегодня концепция прогресса замещается концепцией усложнения. Я показываю, что в ситуации усложнения и «обратного околдовывания мира»

моделью рациональности выступает технoнаука, т.е. наука со своими техническими условиями возможности и приложениями. Технонаука представляет собой идеальный тип и конкретно-исторический феномен. Она образует такое теоретическое и практическое пространство, в котором рациональное и экстраординарное могут существовать совместно. Это позволяет говорить о том, что сегодняшняя наука может претендовать на харизматический тип господства, возрождая тем самым нежизнеспособный, с точки зрения Макса Вебера, феномен «харизмы разума».

Ключевые слова: рациональность, обоснование науки, технонаука, типы господства, харизма разума, прогресс, усложнение, обратное околдовывание.

MISSION OF SCIENCE – CHARISMA OF REASON

Stoliarova Olga Evgenievna

PhD in Philosophy, Senior Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: olgastoliarova@mail.ru

The paper discusses the problem of legitimation, or justification, of science in today's postmodern situation. Despite the shattered belief in "great narratives", science maintains a special cognitive status and a special place in society. To explain this phenomenon, I use Max Weber's concept of types of rationality and types of domination (authority). I connect Weber's concept of "disenchantment of the world" with the concept of progress. I show that the phenomenon of "re-enchantment of the world", which is pointed out today by many philosophers and social theorists, cannot be considered a regression, since it depends on the development of science and technology. Today, the concept of progress is being replaced by the concept of complexification. I show that in the situation of complexification and "re-enchantment of the world", the model of rationality becomes oriented toward technoscience, i.e. science with its own technological conditions of possibility and applications. Technoscience is both an ideal type and a concrete historical phenomenon. It forms a theoretical and practical space in which the rational and the extraordinary can coexist. This allows us to say that today's science can lay claim to the charismatic type of domination, thereby reviving the phenomenon of "charisma of reason", which Max Weber considered unviable.

Keywords: rationality, justification of science, technoscience, types of authority, charisma of reason, progress, complexification, re-enchantment of the world.

В докладе обсуждается проблема легитимации научного знания в эпоху постмодерна. Я фокусируюсь на концепции типов рациональности и господства Макса Вебера [Weber 1968; Weber 2001], которые остаются ключевыми для нашего понимания рациональности как основы новoeвропейской культуры и побуждают к дальнейшим размышлениям. Следуя Веберу, я рассматриваю формальную и материальную рациональность в двух аспектах – как идеальные типы (модели) и конкретно-исторические феномены. В отличие от исторически более раннего типа материальной рациональности, подчиняющего рациональное действие внешним ценностям, формальная рациональность безразлична к содержательному, качественному аспекту условий и результатов действия и нацелена на количественный, исчисляемый результат. Формальная рациональность является источником легитимности легального типа господства. Легальный тип господства противоположен как харизматическому, так и традиционному, которые основаны на личных отношениях между социальными субъектами. Он воплощается в бюрократических институтах, навязывающих индивиду обезличенные формы социальных отношений. Согласно Веберу, идеальный тип формальной рациональности реализуется в современной науке, которая в своем прогрессивном движении «расколдовывает мир», т.е. переводит все индивидуальные смыслы и ценности на количественный язык научного знания и неуклонно распространяет легальный тип господства на всю социальную территорию.

Эта концепция Вебера очень близка концепции «прогресса». Хотя Вебер и оценивал такой прогресс «негативно» (предполагал, что этот прогресс посадит в конце концов человека в бюрократическую железную клетку), он не сомневался в таком одностороннем движении рациональности и, соответственно, не сомневался в уничтожении (маргинализации) харизмы. Согласно Веберу, харизматический тип господства не совсем исчезает, но он уходит из магистрального движения рациональности, «спускается» в массовую культуру, в среду непросвещенных людей. Однако сегодня именно эта модель прогресса рациональности поставлена под большой вопрос.

В последние десятилетия данная концепция исторического движения рациональности стала объектом критики многих постмодернистских философов и социальных теоретиков. Они указывают на распространенные феномены «обратного околдовывания» мира или на «миф расколдовывания» и подчеркивают историческую несостоятельность формально-рационального обоснования авторитета науки [Berman 1981; Jenkins 2000; Josephson-Storm 2017]. Я пытаюсь доказать, что в условиях изменившегося интеллектуального климата и «обратного околдовывания» мира альтернативой «легальному господству» науки становится харизматическое господство научного разума. Харизма разума поддерживается неформальной (материальной) рациональностью, которая восстанавливает личностное измерение социальных отношений.

Во-первых, я показываю, что «обратное околдовывание» нельзя считать регрессом, т.е. возвратом на наивную точку зрения доновременной рациональности. «Обратное околдовывание» мира зависит от развития науки и ее технологических условий возможности и приложений (технонауки). Технонаука создает такие феномены, которые не укладываются в классическую картину рационального доминирования [Landy, Saler 2009]. Она развивается не в сторону упрощения, единообразия и контролируемости природного и социального мира, а в сторону многообразия и усложнения, сопровождающегося все большей неустойчивостью и неопределенностью [Morin 2008; DeLanda 2000]. Дискурс усложнения, замещающий дискурс прогресса, находит фактологическую основу в научных и философских революциях и ревизиях. Механическая картина мира уступила место эволюционной, впоследствии синергетической. Это отразилось на нашем понимании естественного порядка вещей, который сегодня чаще описывается как порядок из хаоса, в терминах скачков, организационного взаимодействия. Соответственно, и рациональность, которая имеет дело с такой странной природой, определяет себя иначе – не в терминах усиления контроля над природой и обществом, а в терминах приспособления к неожиданным эффектам и пересмотра собственных оснований.

Во-вторых, я показываю, что теоретической основой прогрессивного развития формальной рациональности и связанной с ней имперсонализации выступала монополия разума, т.е. присвоенная им себе абсолютная ответственность за историческое движение. Как справедливо полагал Вебер, нововременная научная рациональность, обращенная на себя, приводит к объективации и обезличиванию индивида. Иначе говоря, чем больше ответственности принимает на себя коллективный исторический субъект, тем более обезличенным он становится. Но было бы исторически неправильно утверждать обратное: чем меньше ответственности принимает на себя коллективный субъект, т.е. чем больше он вверяет и вменяет внешним силам, тем более значимой становится личная индивидуальность. В традиционных обществах, в которых социальный порядок имел сакральную основу, индивидуальная личность слабо выражена. Следовательно, наиболее благоприятная ситуация для расцвета и самосознания индивидуальной личности – это ситуация диалога или разделенной ответственности. В Новое время

радикально рефлексивная позиция (я опираюсь на концепцию «радикальной рефлексивности» Чарльза Тейлора [Taylor 1989]), которая осмысливает собственный опыт отношения к *иному* (направляется на внешнее и, отталкиваясь от внешнего, возвращается к себе), становится позицией «первого лица».

В-третьих, я показываю, что технoнаука представляет собой такую среду, в которой реализуется разделенная ответственность. Я интерпретирую технoнауку как правопреемницу «бэкониаанской науки», которую Томас Кун определил как подлинно экспериментальную [Kuhn 1976]. В отличие от математических наук и связанных с ними «механических искусств», призванных раскрыть заранее известный порядок природы, «бэкониаанские науки» используют «не-механические искусства» для высвобождения скрытых сил природы. В «бэкониаанских науках», уходящих корнями в герметическую традицию, экстраординарное и сверхъестественное прочно связаны друг с другом: успешное продвижение наук зависит от искусной способности вызвать к жизни такие природные силы, которые остаются непроявленными в условиях привычного («естественного») порядка вещей. «Бэкониаанские науки» настроены на сверхъестественное, на встречу с неожиданным. Ради этого они готовы прилагать систематические усилия, т.е. действовать рационально. Но здесь речь идет не о «жесткой» рациональности, которая все знает заранее и в одностороннем порядке навязывает это знание миру, а о гибкой рациональности: телесной, эмоциональной, восприимчивой и отзывчивой. Технoнаука, как и «бэкониаанская наука», воплощает диалектику контроля и приспособления. Микро- и макронаучные революции, которые не могли бы совершиться без соответствующего развития технологий, не только заставляют нас пересматривать порядок вещей, они добавляют все новые и новые вещи, процессы и отношения между ними в мир.

В-четвертых, я показываю, что магистральное историческое движение харизматического типа господства не завершается, как полагал Вебер, в эпоху Просвещения, когда в процессе секуляризации харизматические религиозные сообщества сменяются идеологическими харизматическими сообществами. По Веберу, «харизма разума» – это нежизнеспособный феномен, поскольку апелляция харизматика к всеобщему и необходимому разуму (науке, формальной рациональности) и к естественному порядку вещей неизбежно уничтожает харизму. Власть идей утверждает себя как обезличенная (формальная). Отсюда – господство бюрократических институтов и прежде всего института науки, который выступает парадигмой легального (формально-рационального) доминирования. Однако этот вывод Вебера сам находится под властью определенных идей, которые не выдержали проверки временем. Моделью рациональности сегодня выступает не «чистая наука», а технoнаука, которая не «расколдовывает мир», а, напротив, усложняет его. Дискурс усложнения формирует такое теоретическое пространство, в котором рациональное и экстраординарное могут существовать совместно, не поглощая друг друга. Он видит (техно)науку как действующее лицо и продукт обратного «околдовывания мира» и позволяет интерпретировать авторитет науки как коллективную институционализированную харизму разума, которая синтезирует в себе распределенную власть идей и распределенную власть экстраординарных компетенций.

Список литературы

1. Berman 1981 – *Berman M.* The Reenchantment of the World. Cornell University Press, 1981. 368 p.
2. DeLanda 2000 – *DeLanda M.* One Thousand Years of Nonlinear History. N.Y.: Zone Books, 2000. 333 p.
3. Jenkins 2000 – *Jenkins R.* Disenchantment, Enchantment and Re-Enchantment: Max Weber at the Millennium // Max Weber Studies. 2000. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 11-32.

4. Josephson-Storm 2017 – *Josephson-Storm J.A.* The Myth of Disenchantment: Magic, Modernity, and the Birth of the Human Sciences. University of Chicago Press, 2017. 400 p.
5. Kuhn 1976 – *Kuhn T.* Mathematical vs. Experimental Traditions in the Development of Physical Science // *Journal of Interdisciplinary History*. 1976. Vol. 7. Iss. 1. Pp. 1-31.
6. Landy & Saler 2009 – *Landy J., Saler M.* Introduction: The Varieties of Modern Enchantment // *The Re-Enchantment of the World: Secular Magic in a Rational Age* / Ed. by J. Landy, M. Saler. Stanford University Press, 2009. Pp. 1-14.
7. Morin 2008 – *Morin E.* On Complexity. Hampton Press, 2008. 127 p.
8. Taylor 1989 – *Taylor Ch.* Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Harvard University Press, 1989. 601 p.
9. Weber 1968 – *Weber M.* Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Bedminster Press, 1968. 1469 p.
10. Weber 2001 – *Weber M.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Routledge, 2001. 320 p.

УДК 167/168

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ РИЧАРДА РОРТИ НА КОНЦЕПЦИЮ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Целищева Оксана Ивановна

Кандидат философских наук, научный сотрудник

Институт философии и права Сибирского отделения Российской Академии наук

E-mail: oxanatse@gmail.com

В статье утверждается, что, согласно Р. Рорти, главный недостаток центральной концепции аналитической философии – анализ значения – состоит в отсутствии преемственности школ и поколений. Рорти прослеживает прерывистое развитие аналитического движения от Г. Фреге и Б. Рассела к оксфордской школе «обыденного языка», и далее – к У. Куайну и С. Крипке. Синописис смены концепций анализа представлен для Рорти итоговым описанием истории аналитической философии как смены технических, в высшей степени специализированных направлений, связанных с логикой и логической семантикой. Рорти считает, что при этом утрачивается базисная ценность философии – попытка описания соотношения теории и реальности. Позиция Рорти по поводу конфликта наших интуиций и взглядов на природу соотношения теории и реальности заключается не в том, что философский анализ раз за разом терпит неудачу, и одна философская теория сменяется другой. На самом деле, Рорти испытывает большие сомнения в том, что само понятие философского анализа имеет большую ценность, подтверждением чего является частая смена представлений, каким именно должен быть этот самый анализ. Наибольшие сомнения Рорти в отношении ценности философского анализа касаются того, согласятся ли остальные философы, что их дисциплина стала высокоорганизованной дисциплиной, выполняемой специалистами в первую очередь для других специалистов. Сам Рорти никоим образом не ограничивал свое видение философии техническими проблемами.

Ключевые слова: концепция анализа, Рорти, аналитическая философия, лингвистическая философия, Крипке, эссенциализм.

EVOLUTION OF RORTY'S VIEWS ON THE CONCEPT OF PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Tselishcheva Oksana Ivanovna

PhD in Philosophy, Researcher

Institute of Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences – Siberian Branch

E-mail: oxanatse@gmail.com

The article argues that according to R. Rorty, the main drawback of the central concept of analytical philosophy – the analysis of meaning – is the lack of continuity of schools and generations. Rorty traces the intermittent development of the analytical movement from G. Frege and B. Russell to the Oxford School of “Ordinary language”, and then to W. Quine and S. Kripke. The synopsis of the change in the concepts of analysis is presented by Rorty as a final description of the history of analytical philosophy as a change in technical, highly specialized areas related to logic and logical semantics. Rorty believes that this is losing the basic value of philosophy – an attempt to describe the relationship between theory and reality. Rorty asserts that conflicts of our intuitions and views on relationship between theory and reality are not obliged to fail of philosophical analysis. In fact, Rorty has great doubts about the concept of philosophical analysis at all, as evidenced by the frequent change of ideas about what exactly this analysis should be. Rorty's greatest doubts about the value of philosophical analysis concern whether other philosophers would agree that their discipline has become a highly organized discipline performed by specialists primarily for other specialists. Rorty himself in no way limited his vision of philosophy to technical problems

Keywords: concept of analysis, Rorty, analytical philosophy, linguistic philosophy, Kripke, essentialism.

Концепция анализа является доминирующей характеристикой аналитической философии. На протяжении почти столетнего развития аналитическая философия подвергалась значительным, если не революционным, изменениям, в ходе которых пересматривалась и концепция анализа. Такой пересмотр, считающийся закономерным в рамках ориентированной на науку традиции, подвергается критике как дефект концептуальных основ аналитической философии. В частности, Р. Рорти указал на несовместимость ряда модификаций понятия анализа значения, выдвинутых в ходе ее эволюции.

Рорти приветствовал первое отклонение от исходной концепции в работах Б. Рассела, раннего Витгенштейна и Венского кружка, осуществленное оксфордской школой «обыденного языка», рассмотрев лингвистический анализ в качестве успешного философского метода [Rorty 1967a]. Однако работы главного представителя этого направления Дж. Остина скорее вызвали сомнения, имеют ли они отношение к традиционным философским поискам [Пассмор 1998, с. 349], поскольку превратились в отдельную дисциплину, в рамках которой возникли такие экзотические вещи как иллюкутивная логика, которая была совсем непохожа на обычную логику [Searle, Vanderveken 1985].

Противопоставление обыденного языка формальным языкам аналитической философии Рорти обосновывает тем, что такое разрешение философских проблем на этом пути требует создания своей «языковой» игры в смысле Витгенштейна. Если таковая игра изобретена, следует еще объяснить, почему в ней слова обыденного языка используются незнакомым образом. Но для успеха предприятия требуется еще и то, чтобы остальные признали эту языковую игру, что требует в свою очередь понимания целей ее создателя. Именно это, по Рорти, является слабым местом аналитических философов, потому что попытки такого понимания порождают больше проблем, чем они были призваны разрешить. Впрочем, Рорти понимает, что проблема носит общий характер, и приходит к выводу, что «...вопреки своим неопределенным

метафилософским программам, писатели типа Рассела, Карнапа, Витгенштейна, Райла, Остина и многих других... не сделали того, на что надеялись. Они не сумели показать сногшибательными аргументами бессмысленность, концептуальную путаницу или злоупотребление языком теми представителями философии, которых они критиковали» [Rorty 1967b, p. 33].

Критика У. Куайном наследия ранней аналитической философии была следующим шагом. Фундаментальное для аналитической философии различие необходимого и контингентного, аналитических и синтетических истин, было с огромным успехом разгромлено в ставшей знаменитой статье «Две догмы эмпиризма» [Куайн 2010, с. 45-80]. Этот успех был для Рорти еще одним свидетельством неустойчивости аналитической философии, которая слишком быстро переходит от одной доктрины к другой, что кажется изменой значительной части программ аналитической философии. Дальнейшим шагом было возвращение значения и связанной с ним концепции анализа в русле Д. Дэвидсона, С. Крипке, Х. Патнэма и М. Даммита, в которых контуры метафизики становятся все более отчетливыми. Из такой смены Рорти делает радикальное заключение – от кончины концепции значения до кончины самой философии. «Вполне может быть, что называемое Хакингом смертью значения от рук Куайна, Витгенштейна, Дэвидсона и Фейерабенда, влечет за собой смерть философии как дисциплины со своим собственным методом. ... Остается только философия кибицирования – философия в стиле Аристотеля, Дьюи и позднего Витгенштейна [Rorty 1967a, p. 364].

Попытки переписать историю аналитической философии как серии успешных продвижений в совершенствовании анализа в обобщающих работах типа С. Сомса [Soames 2005] Рорти находит неудовлетворительными, потому что «Сомс мало что говорит нам о том, что считается “философским анализом” – что делает “аналитическим” подходящее слово для описания движения, ход которого он прослеживает. Он довольствуется определением этого движения как “определенной исторической традиции, в которой ранние работы Г.Э. Мура, Бертрана Рассела и Людвига Витгенштейна определили повестку дня для более поздних философов”. Но “попытка обнаружить то, что истинно” не является полезным способом указать, что делают аналитические философы; даже хайдеггерианцы сказали бы то же самое» [Rorty 2005].

Но, продолжает иронизировать Рорти, в аналитической философии наступает очередной резкий поворот, поскольку С. Крипке со своей работой «Именование и необходимость» [Kripke 1980], с точки зрения С. Сомса, стал новым кумиром философской публики. Крипке приписывают два важных достижения в русле аналитической традиции. Во-первых, это признание того, что философская спекуляция должна быть основана на дофилософской мысли; и, во-вторых, успех, достигнутый в понимании и отделении друг от друга фундаментальных методологических понятий логического следствия. Что касается первого достижения, суть его состоит в том, что в формулировке доктрин аналитической философии мы должны опираться не столько на формальные результаты, сколько на нашу дофилософскую интуицию.

Нововведение Крипке касается интуиции относительно приемлемости различения необходимого и случайного. Куайн полагал такое различие наследием того, что он назвал аристотелевским эссенциализмом – метафизической доктрины, не имеющей права существовать в век аналитической философии. К такой донаучной и дофилософской интуиции апеллирует Крипке, полагая, что человек является эссенциалистом при обыденном словоупотреблении. В техническом аспекте Крипке шокировал публику открытием «необходимых апостериори» истин, исходя из интуиции. Важно подчеркнуть, что при этом получает подтверждение «огромная масса обычных,

дофилософских убеждений, вытекающих из здравого смысла, науки и других областей исследования», которые философия обязана принять.

Диагноз успеха Крипке резюмируется Рорти в следующем виде: «Однако многие философы опасаются, что если мы не сможем определить какой-то смысл, в котором наши научные теории соотносятся с реальностью... мы рискуем потерять связь с миром. У нас может возникнуть искушение стать инструменталистами, людьми, которые считают, что мы должны принимать научные теории просто потому, что они дают нам то, что мы хотим (грубо говоря, предсказание и контроль окружающей среды), а не потому, что мы думаем, что они точно отражают реальность. Для тех, кто испытывал подобные страхи, неоаристотелевское мировоззрение Крипке было очень привлекательным. ... Готовность Крипке решительно противостоять дрейфу к прагматизму, характерному для аналитической философии 1960-х гг., завоевала ему восторженную аудиторию» [Rorty 2005].

Неявная ирония Рорти по поводу конфликта наших интуиций и взглядов на природу соотношения теории и реальности заключается вовсе не в том, что философский анализ раз за разом терпит неудачу, и одна философская теория сменяется другой. На самом деле, Рорти испытывает большие сомнения в том, что само понятие философского анализа имеет большую ценность, подтверждением чего является частая смена представлений, каким именно должен быть этот самый анализ.

В своей рецензии на Сомса он подчеркивает частую смену взглядов в рамках довольно четко определенного философского направления, называемого аналитической философией, которое предъявляет свои исключительные права на понятие «философский анализ».

«Остается только гадать, выйдет ли аналитическая философия за пределы англоязычного мира и станет ли доминирующей в университетах по всему миру, или же работа какого-нибудь синоптического провидца убедит молодых философов в Британии и США отвернуться от движения, инициированного Расселом. Когда-нибудь – но не в ближайшее время – историки-интеллектуалы будут в состоянии вынести суждение по вопросу о том, удалось ли этому движению привнести в философию квазинаучную строгость или же вместо этого оно исчезло в песках» [Rorty 2005].

Повестка дня в современной философии в значительной степени определяется тем, согласятся ли остальные философы, что их дисциплина стала высокоорганизованной дисциплиной, выполняемой специалистами в первую очередь для других специалистов. Сам Рорти никоим образом не ограничивал свое видение философии техническими проблемами.

Список литературы

1. Куайн 2010 – *Куайн У.* Две догмы эмпиризма // С точки зрения логики. Пер. В.А. Ладова, В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2010. 272 с.
2. Пассмор 1998 – *Пассмор Дж.* Сто лет философии: Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 496 с.
3. Kripke 1980 – *Kripke S.* Naming and Necessity. Harvard: Cambridge University Press, 1980.
4. Rorty 1967a – *Rorty R.* Twenty-Five Years After // *The Linguistic Turn: Recent Essay in Philosophical Method* / ed. Rorty R. Chicago: Chicago University Press, 1967.
5. Rorty 1967b – *Rorty R.* The Linguistic Turn: Recent Essay in Philosophical Method / ed. Rorty R. Chicago: Chicago University Press, 1967.
6. Rorty 2005 – *Rorty R.* How many grains make a heap? // *London Review of Books*. Vol. 27. No. 2. 20 January 2005.

7. Searle, Vanderveken 1985 – *Searle J., Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logic. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.*
8. Soames 2005 – *Soames S. Philosophical Analysis in the 20th Century. Vol. I: The Dawn of Analysis. Princeton. 2005. 432 p.; Soames S. Philosophical Analysis in the 20th Century. Vol. II: The Age of Meaning. Princeton, 2005. 504 p.*

УДК 110.18

МЕЖДУ НАУЧНОЙ СТРОГОСТЬЮ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТУАЛЬНОСТЬЮ: СУДЬБА ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОСТНОРМАЛЬНУЮ ЭПОХУ*

Шиповалова Лада Владимировна
Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: ladaship@gmail.com

В статье рассматривается проблема соединения научной строгости и политической актуальности в современной науке. С одной стороны, дополнительность этих элементов научной деятельности начинает открыто провозглашаться учеными, начиная со второй половины XX в. С другой стороны, реализация дополнительности оказывается сложной, что связано с различием целей в том и другом случае. Приводятся примеры из политической науки, в которой данная проблема ставится с особой остротой, поскольку политическое оказывается как объектом исследования, так и тем, с чем необходимо взаимодействовать. Необходимость соединения политической актуальности и научной строгости обосновывается лидерами политической науки тем, что иначе она оказывается не способной ни предсказывать, ни включаться в преодоление социальных кризисов. В статье демонстрируется, что данная проблема имеет долгую историю, однако приобретает особое значение в современности. В т.н. постнормальную эпоху оказывается актуальной трансформация образа науки и реальных практик научных исследований. Необходимость трансформации обуславливается кризисами современности, требующими от науки включения в их решение. Возможность трансформации в эпистемологическом смысле коренится в переосмыслении статуса проблемной ситуации в научном исследовании.

Ключевые слова: политическая наука, современность, проблемная ситуация, социально-политические кризисы.

BETWEEN SCIENTIFIC RIGOR AND POLITICAL RELEVANCE: THE FATE OF RESEARCH IN THE POST-NORMAL ERA

Lada Vladimirovna Shipovalova
PhD DSc in Philosophy, Professor
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
E-mail: ladaship@gmail.com

The article deals with the problem of combining scientific rigor and political relevance in contemporary research. On the one hand, scientists have openly proclaimed the complementarity of these elements of scientific activity since the second half of the XX century. On the other hand, the implementation of complementarity turns out to be difficult, which is associated with the difference in research objectives in both cases. The author gives the examples from political science

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

and demonstrates particular acuteness of this problem, since the political turns out to be both an object of research and a subject of interaction. The leaders of political science justify the need to combine political relevance and scientific rigor with the fact that otherwise science turns out to be incapable of either predicting or contributing to overcoming socio-political crises. The article demonstrates that this problem has a long history, but it is gaining special importance nowadays. In the so-called post-normal era, the transformation of the image of science and real practices of scientific research turns out to be relevant. The need for transformation is due to the crises of our time, which require science to be included in the solution of pressing socio-political problems. The possibility of transformation in an epistemological sense is rooted in rethinking the status of a problem situation in scientific research.

Keywords: political science, modernity, problem situation, socio-political crises.

В уставе Американской ассоциации политических наук (ААПН), созданной в 1903 г., обозначено принципиальное отсутствие определенной позиции самой Ассоциации и ее членов в решении практических политических вопросов [Constitution 1903, p. 16]. Этот тезис становится особо значимым в контексте того, что возникшее объединение американских политологов в основном имеет в фокусе своей деятельности вопросы применения существующих политико-правовых норм. Дж. Брайс, один из первых президентов ААПН, в своем ежегодном послании ее членам, говоря о политике как науке, провозглашает, что «какой бы практической полезностью она ни обладала, наука в любом случае будет процветать и заслуживать процветания как отрасль знания, существующая ради нее самой, коль скоро философ говорит, что Добродетель следует любить, даже если она не приносит с собой выгоды» [Brace 1909, pp. 18-19]. Замечу, что такое значение политической науки провозглашается задолго до и, в конечном итоге, вне отношения к известному тезису М. Вебера, разделявшему позиции ученого и вождя, а также провозглашавшему объективность социально-политических исследований.

Однако уже в 1969 г. Д. Истон в своем президентском послании ААПН провозглашает «новую революцию в политической науке» и подчеркивает необходимость пересмотра имеющихся исследовательских стратегий, оказавшихся не соответствующими современной ситуации социальных и политических кризисов. Пренебрегая политической актуальностью в стремлении превратиться в «более строгую дисциплину», ставя технику исследования выше его содержания, политическая наука поддерживает идеологию «эмпирического консерватизма» и, в конечном итоге, все равно включается в политику, легитимируя существующий господствующий дискурс. «Без коллективной политизации себя, стоя в стороне, в то время как проблем все больше и они все труднее, мы таким образом поддерживаем текущую политику», – пишет Истон, отчасти разделяя при этом критику одномерного научного мышления, осуществляемую Г. Маркузе [Истон 2015, с. 9]. Позиция ученого должна измениться и стать осознанно политической: «Знать – означает нести ответственность за действия, и действовать – значит вовлекаться в переустройство общества. Интеллектуал как ученый имеет особую обязанность – приводить в действие свое знание» [Там же, с. 2]. Подчеркну в этой программе революции два момента. Во-первых, речь идет не просто о признании формального требования инновационности, постепенно, хотя и не без сопротивления входящего в осмысление идентичности исследования самими учеными. Здесь важно, что применение должно быть содержательно соотнесено с текущим политическим моментом, должно обсуждать его проблематичность и быть направленным на служение общественным интересам в самом широком смысле слова. Во-вторых, Истон, безусловно, осознает проблемы, связанные с требованием такой трансформации позиции ученого, и полагает, что автономию научных исследований не следует приносить в жертву политизации, а фундаментальная наука не должна быть забыта. Необходимо лишь перераспределить ресурсы внутри науки и переключить преимущественный фокус исследований с теории на решение настоятельных практических вопросов, требующих

быстрых ответов. Такой подход заставляет предположить, что политическая актуальность и научная строгость становятся дополняющими друг друга, однако остаются проблематично сочетаемыми проектами.

Спустя более 40 лет очередной президент ААПН Р. Патнем, обращаясь к коллегам с ежегодным посланием, определяющим повестку научных исследований, возвращает их к давно прозвучавшему тезису о необходимой политизации науки, включающей как практическую составляющую, так и фундаментальные исследования. Почти все темы послания Истона акцентируются и конкретизируются Патнемом в соответствии с современным контекстом. Патнем настаивает не на противопоставлении, но на дополнительной активизации и сциентизма, предполагая, что способом их связывания могут быть, во-первых, проблемно, а не методологически ориентированные исследования, где предполагается способность задавать новые вопросы, а не только отвечать на уже поставленные; и во-вторых, непосредственное вовлечение ученых в политику. Более того, Патнем критикует как гражданское, так и академическое «неучастие» в общественной жизни [Патнем 2016, с. 9], обращая внимание на возможную связь между первым как актуальным предметом исследования и вторым как определением идентичности политической науки. В завершении его речи звучат знакомые исследователю публичной научной коммуникации тезисы о диалоге науки и граждан, о необходимой способности ученого «говорить на простом языке».

Несмотря на философско-утешающее замечание Патнема о диалектической спирали в развитии политической науки, ориентированной поочередно либо на общественную значимость, либо на точность в исследовании фактов, революция, провозглашенная Истоном, снова оказывается в фокусе внимания. Она либо остается нереализованной из-за неспособности достижения цели, либо оказывается непрерывной из-за того, что эта цель всегда уже присутствует в непосредственных практиках политической науки. В том и ином случае остаются настоятельными вопросы, насколько цель такой революции вообще может быть осуществлена, возможна ли, а также в каких условиях и до какой степени возможна не только дополнительность, но и связь научной строгости и политической актуальности? Этот вопрос стоит перед любым теоретическим исследованием в области политической науки, стремящимся служить общественным целям, но не быть ангажированным какой-либо позицией.

Отмечу три важных момента, проясняющих контекст данного вопроса, остающегося в данном тексте открытым. Во-первых, вопрос не является специфическим для политической науки, хотя внимание именно к ее лидерам и их тезисам представляется принципиальным. В этом внимании реализуется идея Б. Латюра «следования за учеными» в рассмотрении философией науки проблем, относящихся к осуществлению научной деятельности. Несмотря на то, что философская критика предполагает отстранение от своего предмета, невнимание к его, предмета, определенности, это может вредить содержательной стороне философского дела. Политическая наука выступает образцовым примером научного поля, в котором присутствует альтернативность общественной актуальности и научной строгости. Именно в ней предмет исследования (политическое) оказывается тем, с чем реальное взаимодействие является проблематичным, хотя и настоятельно требуется в рамках современной научной рациональности.

Во-вторых, вопрос не является новым. Можно указать по крайней мере на три исторических контекста, демонстрирующих его исток как в смысле учреждения «окончательного разрешения», так и в смысле выведения на повестку дня. Первый контекст относится к тезису Аристотеля, идея которого о разделении практически ориентированного знания и теоретической мудрости, стоящей выше всякой пользы и вреда, звучит в первом из приведенных мною примеров посланий президентов ААПН.

Второй – к деятельности Ф. Бэкона и его стремлению сделать науку политически актуальной и тем самым открытой, в том числе к воспроизводимым процедурам удостоверения знания. Третий – к критике отождествления политической значимости и научной обоснованности исследований, неразличимости научного теоретического знания и экспертной деятельности ученых. Такая критика звучит от современных эпистемологов, фокусирующихся на отношении знания и власти и имеющих перед собой исторический пример их гармонии, скажем, в нацистской Германии [Грундман, Штер 2015]. Однако длительная история вопроса не только не закрывает его, но делает обсуждение более значимым.

В-третьих, и этот тезис уже ставит на путь решения проблемы, вопрос обращает нас к принципиальной трансформации в понимании научной деятельности в современности. При этом, замечу, речь не идет о смешении собственно научной теоретической деятельности и ее применения в практической сфере или о невнимании к различию политики как борьбы за власть, с одной стороны, и практики принятия решений по общественно значимым вопросам, с другой. Речь идет о таком истолковании науки, где условия совмещения политической актуальности и научной строгости принадлежат *самой* научной деятельности. Какой концепт может быть уместным для ее истолкования? Провозглашая необходимость революции, Д. Истон сомневается в том, стоит ли ожидать «нормализации общества», которая позволила бы вернуться к его «нормальному исследованию» в политической науке. Существующий в разных сферах общественной жизни кризис как предмет исследования требует и от науки иного знания и иного действия. Такой науке более соответствует именование «науки постпортальной эпохи». Это понятие становится известным благодаря эпистемологическим трудам Фунтовича и Равета [Funtowicz, Ravetz 1993] спустя несколько десятилетий после речи Истона, однако оно проясняет возникшее ранее положение дел и оказывается удивительно созвучным многим тезисам, прозвучавшим от упомянутых мною ученых. В этом концепте звучит критицизм относительно куновского разделения на нормальную и экстраординарную науку. Нормальность оказывается не просто эпистемологически подозрительной, но и социально-политически нерелевантной. В контексте этой критики можно обнаружить, что одним из элементов, статус которого в научном исследовании должен быть переосмыслен, оказывается проблемная ситуация. Ее роль в качестве начала научного познания двусмысленна и может предполагать либо включение ее в исследование, либо исключение в качестве внешнего науке мотива или источника. Эпистемологическое осмысление указанной двусмысленности, которое уже осуществляется [Касавин 2009], вкупе с анализом современных социально-политических и технологических контекстов кризисов (например, роли цифровизации в обществе), делает более отчетливыми контуры революции, происходящей в современных научных исследованиях.

Список литературы

1. Грундман, Штер 2016 – *Грундманн Р., Штер Н.* Власть научного знания. СПб.: Алетейя, 2015. 324 с.
2. Истон 2015 – *Истон Д.* Новая революция в политической науке / перевод Т. Землякова // *Judgment Journal by political outlook.* 2015. Т. 1. № 1. С. 1-11.
3. Касавин 2009 – *Касавин И.Т.* Проблема как форма знания // *Эпистемология и философия науки.* 2009. Т. 22. № 4. С. 5-13.
4. Патнем 2016 – *Патнем Р.Д.* Общественная роль политической науки / перевод Т. Землякова // *Judgment Journal by political outlook.* 2016. Т. 1. № 4. С. 1-11.

5. Bryce 1909 – *Bryce J.* The Relations of Political Science to History and to Practice: Presidential Address, Fifth Annual Meeting of the American Political Science Association // *The American Political Science Review*. 1909. Vol. 3. No. 1. Pp. 1-19.
6. Constitution 1903 – Constitution of the American Political Science Association, Adopted December 30, 1903 // *Proceedings of the American Political Science Association*. 1904. Vol. 1. First Annual Meeting (1904). P. 16.
7. Funtowicz, Ravetz 1993 – *Funtowicz, S.O., Ravetz, J.R.* Science for the post-normal age // *Future*. 1993. No. 25(7). Pp. 739-755.

УДК 167.7

ПУБЛИЧНОСТЬ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ФАКТОР НЕДОВЕРИЯ К ЭКСПЕРТНОМУ ЗНАНИЮ*

Шкорубская Елена Геннадьевна

Соискатель

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Симферополь, Россия

E-mail: shkorubskaya@gmail.com

В данной работе рассматриваются факторы, влияющие на доверие к экспертам в условиях отсутствия готового научного знания. Выделяются два измерения принятия научно информированных решений: 1) решение принимается отдельным непрофессионалом по поводу его частных интересов; 2) решение принимается политическим субъектом и обязательно для исполнения всем подчиненным обществом. В качестве дополнительных факторов, влияющих на доверие к экспертному знанию, выделяются: 1) доверие публики к уполномоченным органам власти, принимающим и приводящим в исполнение то или иное решение со ссылкой на мнение экспертов; 2) доступ непрофессионалов к специализированной научной литературе. Отмечается, что в условиях снижения доверия к науке непрофессионалы ищут иные источники готового знания, которое может стать основанием для принятия решений. При этом обращение к специализированной литературе (в частности, к научным статьям) может способствовать не росту доверия к институту науки, а, напротив, его снижению, в силу специфики самой научно-технической литературы. Исследование показывает, что научно информированные решения, принимаемые политическими субъектами, могут встречать особое сопротивление непрофессиональной публики в условиях обострения ситуации неопределенности, когда готовое знание еще «не вышло из лаборатории». В таком случае снижение доверия к официальным органам и экспертам может усугубляться доступом непрофессионалов к специализированной литературе, которая демонстрирует всю глубину разногласий, естественных для научного поиска.

Ключевые слова: научная литература, научная статья, экспертное знание, научное знание, экспертиза, политический субъект, публика, доверие к науке.

PUBLICITY OF SCIENTIFIC LITERATURE AS A FACTOR OF DISTRUST IN EXPERT KNOWLEDGE

Shkorubskaya Elena Gennadievna

PhD Applicant

Vernadsky Crimean Federal University

Simferopol, Russia

E-mail: shkorubskaya@gmail.com

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00622 А «Философия как действие: прагматика текстового поведения».

The paper examines the factor of trust in expert knowledge in the absence of ready-made scientific knowledge. There are two types of scientifically informed decision-making: 1) the decision is made by an individual non-professional about his private interests; 2) the decision is made by political actors and is mandatory for execution by all society. As additional factors influencing the trust in expert knowledge, there are: 1) public confidence in the authorized authorities that make and enforce a particular decision with reference to the opinion of experts; 2) access of non-professionals to specialized scientific literature. In conditions of declining trust in science, non-professionals are looking for other sources of ready-made knowledge, which can become the basis for decision-making. At the same time, an appeal to specialized literature (in particular, to scientific articles) can contribute not to an increase in trust in the institution of science, but to its decrease, due to the specifics of the scientific and technical literature itself. The study shows that scientifically informed decisions made by political actors can meet special resistance from the non-professional public in the context of an exacerbated situation of uncertainty, when ready-made knowledge has not yet “left the laboratory”. In this case, the decline in trust in official bodies and experts may be reinforced by the access of non-professionals to specialized literature.

Keywords: scientific literature, scientific article, expert knowledge, scientific knowledge, expertise, political actor, public, trust in science.

В 2020 г. весь мир в полной мере ощутил вторжение природы в пространство социального, науки – в политическое, политического – в повседневность. Но можем ли мы говорить именно о вторжении? Пережитая миллионами, вынужденная изоляция, кардинальный слом привычной повседневности, не стала чем-то новым или чем-то уникальным – она поражает лишь своей глобальностью. Эта глобальность лишь актуализировала те взаимодействия, которые, как правило, кажутся незначимыми и отходят на второй план. Возможно, не самая страшная после эпидемии испанского гриппа, но точно самая медийная, пандемия 2020 г. заставила политиков ссылаться на научные публикации, а граждан – пытаться разобраться в научных данных и противоречивых заявлениях политиков. Научное и политическое сплелось настолько, что невозможно определить: политика вмешалась в науку или наука – в политику. Научные данные стали необходимым основанием принятия решений – как политических, так и повседневных. Таким образом, мы имеем дело с двумя масштабами принятия научно информированных решений: 1) решение принимается отдельным гражданином-непрофессионалом по поводу его частных интересов; 2) решение принимается политическим субъектом и обязательно для исполнения всем подчиненным обществом. При этом в случае принятия решений, исполнение которых обязательно для всего общества, граждане получают указания к действию от органов власти, но со ссылкой на научные данные.

Особый интерес представляют ситуации, когда решение следует принимать в условиях столкновения с тем, по поводу чего у науки пока нет готового знания. Специфика науки состоит в том, что она одновременно представляет собой и застывшую совокупность знаний, и знание в процессе его возникновения. Это одновременно и готовый продукт, и научная кухня, на которой он изготавливается [Латур 2013]. Указанием к действию является готовый научный продукт, и мы можем обнаружить как минимум четыре возможности доступа к нему: 1) сведения, получаемые от экспертов-практиков в данной области; 2) публичные высказывания экспертов-исследователей; 3) различный научно-популярный контент; 4) первоисточники, научная литература как таковая. Разница между первыми тремя путями и четвертым путем доступа состоит в том, что в четвертом случае мы сталкиваемся с наукой непосредственно, лицом к лицу, в то время как в остальных – данные сообщаются более или менее легитимным ее представителем. В первых трех случаях мы с большей степенью вероятности получим готовый научный продукт. В случае непосредственного обращения к научным текстам мы сталкиваемся с местом производства фактов, полным разногласий. Эксперты же,

напротив, выполняя посредническую функцию между наукой и обществом в широком смысле, обязаны представлять свое знание как конечное, но при этом отличное от теоретического научного: «Различие же экспертного знания и научного теоретического, подчеркивание посреднической функции экспертов, заставляет воспринимать научное теоретическое знание как открытое критике и не окончательное» [Шиповалова 2020, с. 12-13]. Кроме того, такое посредничество позволяет научному знанию не только сохранять дискуссионный характер, но и защититься от чрезмерного проникновения политики в науку: «Экспертная деятельность ученых создает своего рода “защитный пояс”, который оберегает “ядро” науки – фундаментальные исследования – от внешнего вмешательства и чрезмерного политического контроля» [Тухватулина 2020, с. 69].

В условиях, когда ситуация неопределенности обостряется, разграничение экспертного знания и теоретического научного значительно ослабевает, т.к. те крупицы готового знания, которые эксперт может предоставить публике или политическим субъектам, еще не успели оформиться в «черный ящик» факта. На практике это проявляется в том числе в невозможности дать однозначный определенный ответ на тот или иной вопрос, что в глазах непрофессиональной публики может выглядеть как неуверенность, а, следовательно, незнание. В связи с этим усугубляется недоверие как к институту науки в целом, так и к каждому отдельному эксперту, т.к. «снижение доверия к институту науки привело к снижению готовности общества без колебаний признавать кого-либо экспертом просто на основании принадлежности этого человека к числу ученых» [Звонарева 2020, с. 32].

Таким образом, чтобы определить основание легитимности экспертизы, необходимо рассмотреть факторы, влияющие на доверие к науке в целом. По мнению Л.А.Тухватулиной, доверие к науке «связано с общим уровнем образованности граждан, наличием доступа к актуальной научной информации (здесь нельзя не отметить роль популяризации науки), а также мерой поддержки научных организаций со стороны государства» [Тухватулина 2020, с. 71]. В случаях, когда решение принимается политическим субъектом и граждане получают распоряжение от уполномоченных органов власти со ссылкой на высказывание экспертов, этот перечень факторов дополняется доверием публики к органам власти. Так, документ Всемирной организации здравоохранения о связи вакцинации и доверия к вакцинам и к официальным органам, отмечает серьезное воздействие утраты доверия к уполномоченным органам на использование вакцины [Вакцинация и доверие 2017, с. 25]. Основой для формирования доверия к официальным органам являются, согласно документу, следующие показатели: 1) компетенция (обладание соответствующих органов знаниями и опытом); 2) объективность (отсутствие связи с чьими-либо интересами); 3) справедливость (учет всех точек зрения); 4) последовательность принимаемых решений; 5) доверие (сочувствие и понимание со стороны органов власти). Чем большее количество показателей находятся на низком уровне, тем, соответственно, ниже доверие к уполномоченным органам, что способствует снижению доверия к экспертам, на чье мнение в принятии решений опираются политические субъекты.

Снижение доверия к мнению экспертов приводит к тому, что непрофессионалы ищут иные источники готового научного знания, которое может стать основанием для принятия решений. Это могут быть лидеры общественного мнения, которые, не являясь представителями той или иной науки, высказывают свою позицию по тому или иному поводу; представители «альтернативной науки», объявляющие себя экспертами и критикующие «официальную науку», подчиненную государственным интересам и т.д. Кроме того, в таком случае заметно повышение интереса к специализированной научной литературе (в силу того, что СМИ, сообщая те или иные новости об актуальном положении дел в кризисной ситуации, как правило, дают прямые ссылки на научные

источники). Однако обращение к такой литературе (в частности, к научным статьям) может способствовать не росту доверия к институту науки, а, напротив, его снижению, в силу специфики самой научно-технической литературы.

Так, согласно Б. Латуру, научная литература – это место наибольшего скопления разногласий. Чем дальше заходят разногласия между сторонами по поводу принятия того или иного решения, тем в большие технические подробности им приходится углубляться. От любого другого научный (или технический, как его называет Латур) текст отличается количеством связей, устанавливаемых этим текстом с объектами вне текста: «Чем более технической и специализированной становится литература, тем более она “социальна”, поскольку при этом увеличивается количество ассоциаций, необходимых для того, чтобы вынудить читателя двигаться в нужном направлении и принять утверждение автора как научный факт» [Латур 2013, с. 110]. За каждым научным текстом стоит не только его автор или авторы, но и множество ученых, на которых они ссылаются, и множество механизмов, объектов и явлений, к которым они отсылают. Для того чтобы опровергнуть тот или иной тезис, утверждаемый в тексте, или согласиться с ним, нам нужно последовательно опровергнуть всех тех, на кого этот текст опирается, или же убедиться в истинности их высказываний.

Таким образом, в ситуации проникновения технической литературы в повседневность, мы сталкиваемся с двумя проблемами. Во-первых, условный непрофессионал сталкивается с научной кухней непосредственно, а значит, сталкивается с разногласиями, которые в принципе невозможно использовать как основу для принятия решений, что в том числе способствует созданию впечатления, что «эти ученые сами ничего не знают». Во-вторых, сталкиваясь с техническим текстом, непрофессионал не в состоянии в достаточной мере оценить все предлагаемые им аргументы, т.к. технический текст располагает ресурсами, во много раз превосходящими возможности отдельного человека (так, согласно Латуру, возможность не согласиться с техническим текстом дает только полное воспроизведение того, что он описывает, в схожих условиях – т.е. постройка своей альтернативной лаборатории). Обе эти проблемы вносят существенные трудности в использование научных знаний в качестве основы для принятия индивидуальных решений, что особенно значимо в условиях постепенной технологизации и усложнения повседневной жизни человека. Обращение к научной литературе не упрощает процесс принятия решений, а, напротив, усложняет его. «Никто больше не может найти спасения от ожесточенных политических дебатов за стенами лабораторий. Если читатель все еще сомневается в этом, то ему достаточно бросить беглый взгляд на страницы научных журналов, чтобы обнаружить свидетельства этих фундаментальных изменений: вместо того, чтобы завершить дискуссию, обратившись к фактам, всякая новость из области науки только подливает масла в огонь, вызывая ажиотаж публики» [Латур 2018, с. 85].

Таким образом, можно сделать вывод, что научно информированные решения, принимаемые политическими субъектами, могут встречать особое сопротивление непрофессиональной публики в условиях обострения ситуации неопределенности, когда готовое знание еще «не вышло из лаборатории». В таком случае снижение доверия к официальным органам и экспертам может усугубляться доступом непрофессионалов к специализированной литературе, которая демонстрирует всю глубину разногласий, естественных для научного поиска.

Список литературы

1. Вакцинация и доверие 2017 – *Вакцинация и доверие* [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0020/333236/Vaccines-and-trust-ru.pdf (Дата обращения: 31.05.2021)

2. Звонарева 2020 – *Звонарева О.И.* Производство знания во время пандемии COVID-19: перезагрузка отношений науки и общества? // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3. № 2. С. 30-37. DOI: 10.5840/dspl20203213
3. Латур 2013 – *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
4. Латур 2018 – *Латур Б.* Политики природы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.
5. Тухватулина 2020 – *Тухватулина Л.А.* Экспертное знание в демократическом обществе: к проблеме обоснования // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3. № 1. С. 67-79. DOI: 10.5840/dspl2020317
6. Шиповалова 2020 – *Шиповалова Л.В.* Власть, общество, эксперты – трансформация связей в эпоху цифровых технологий // Государство и граждане в электронной среде. Вып. 4 (Труды XXIII Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2020, Санкт-Петербург, 17-20 июня 2020 г. Сборник научных статей). СПб: Университет ИТМО, 2020. С. 11-19. DOI: 10.17586/2541-979X-4-11-19

УДК 01

О ПРОБЛЕМЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ БИОФОБИИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУКАХ*

Бажанов Валентин Александрович
Доктор философских наук, профессор
Русское общество истории и философии науки
Москва, Россия
E-mail: vbazhanov@yandex.ru

Для социальных и политических наук традиционно характерна своего рода биофобия, которая выражалась в игнорировании возможных биологических оснований социально-политических процессов. Однако за последние четверть века в результате множества эмпирических исследований данная биофобия начала преодолеваться. В статье приводятся аргументы, которые говорят в пользу необходимости учитывать биологические основания в анализе социально-политических явлений. Подчеркивается, что это ведет к картине реальности в духе холизма, в которой социум, культура, человек и его мозг представляют собой более или менее автономные компоненты единой системы, пронизанной многочисленными обратными связями. Детали этой картины определяются с ген-культурными взаимодействиями и признанием корреляции политических интересов и предпочтений с генетическими и эпигенетическими особенностями отдельных людей и условиями существования этих сообществ. Показывается, что либеральные и консервативные политические взгляды в определенной мере обусловлены онтогенетическими причинами, а ситуации стресса, связанные со значительными лишениями и трагическими событиями, могут иметь трансгенерационные последствия.

Ключевые слова: биофобия, социально-политические науки, холизм, либерализм, консерватизм, ген-культурные взаимодействия.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

OVERCOMING BIOPHOBIA IN SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Bazhanov Valentin Aleksandrovich

PhD DSc in Philosophy, Professor

Russian Society for History and Philosophy of Science

Moscow, Russia

E-mail: vbazhanov@yandex.ru

The social and political sciences have been traditionally inherent a kind of biophobia, which usually expressed in ignoring the biological foundations of socio-political processes. However, over the past quarter of a century due to vast empirical studies, this biophobia has started overcoming. We put forward the arguments in the favor to get rid of biophobia in social and political studies. It is shown that this leads to the image of reality in the spirit of holism, in which socium, culture, man and his brain are more or less autonomous elements of a whole system, permeated with numerous feedback links. The details of this image relate to gene-cultural interactions, the recognition of the correlation of political interests and preferences with the genetic and epigenetic characteristics of persons and their communities. We argue liberal or conservative political views are, to a certain extent, conditioned by ontogenetic factors. Psychological stress often associated with significant hardship and tragic events can have long-run transgenerational implications.

Keywords: biophobia, social and political sciences, holism, liberalism, conservatism, gene-culture interactions.

В социальных и политических исследованиях фактически общезначимой и весьма устойчивой максимой является когнитивная установка, согласно которой социальные феномены допускают понимание только посредством социальных категорий (Э. Дюркгейм) или же сущность человека сводится к совокупности всех общественных отношений (К. Маркс). Такого рода установку можно интерпретировать как выражение своего рода биофобии, характерной для социально-политических наук, означающей запрет на поиск и применение биологических представлений, связанных с исследованиями в контексте этих наук. Однако примерно за последние четверть столетия данная непоколебимая, казалось бы, установка под напором новых эмпирических открытий стала довольно энергично пересматриваться [Ellis 1996; Freese, Li, Wade 2003]. Каковы причины, заставляющие радикально переоценить укоренные в сознании, приобретшие статус стойких стереотипов, когнитивные установки?

Если попытаться сформулировать эти причины в предельно общем виде, то они обусловлены возникновением и активной экспансией в современной науке междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований, в результате которых оформились такие направления как, например, нейросоциология, нейроэкономика, нейрополитология, нейротеология, социальная и культурная нейронаука, когнитивная нейронаука, эпигенетика и т.д. Имеет место своего рода синтез социоцентризма, принятого в области наук об обществе, и натурализма, отличающего естественные науки – синтез, который подводит к осознанию необходимости движения к целостной, в духе холизма картины реальности, в которой социум, культура, человек и его мозг представляют собой более или менее автономные компоненты единой системы, пронизанной многочисленными обратными связями. Каждый компонент этой системы оказывает влияние на другие ее элементы и в свою очередь испытывает их воздействие, в результате которого может трансформироваться [Бажанов 2019]. Активно взаимодействуют разные уровни реальности. Так, достоверно установлено влияние генов на культуру и обратно: доминирующий в некотором социуме состав генов детерминирует предпочтительное поведение представителей данного социума, а в свою очередь особенности культуры способствуют активизации и расширению ареала расселения носителей определенных генов. В зависимости от характера доминирования генов (т.е. с онтогенетической точки зрения) принято различать культуры

коллективистские (преимущественно распространенные в восточных государствах) и индивидуалистские (преимущественно распространенные в западных государствах), жестко и мягко организованные общества (с аналогичной географической привязкой), в которых предписывается довольно строгое следование принятым в них законам и нормам либо же достаточно терпимое отношение к их нарушениям. Такое разделение с точки зрения ген-культурного взаимодействия обязано удельному весу в популяции генов 5-HTTLPR и SLC6A4, их длинных и коротких S-аллелей среди населения (наибольшее распространение S-аллелей – у жителей Китая и Юго-Восточной Азии, а наименьшее – у населения англоязычных стран: США, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии) [Chiao, Ambay 2007, pp. 243-245]. Эти же гены считаются способствующими кросс-культурной адаптации и толерантному восприятию окружения, которое отличается культурным многообразием [Kashima, Giummarra-Vocale et al 2021].

Когнитивные особенности и стили мышления у представителей коллективистских и индивидуалистских обществ различные: если у первых преобладает, так сказать, холистическое видение мира, когда в первую очередь внимание обращается на контекст, фон события, а не на его детали, то у вторых, напротив, сначала в поле зрения попадают детали, а затем уже контекст, на котором эти детали расположены; если у первых классификация предметов происходит на основании отношения «часть – целое», то у вторых – на основании (формально-логического) отношения «род – вид», задавая аналитический тип мышления.

Политические предпочтения и интересы под углом зрения нейронауки также во многом обусловлены особенностями взаимодействия нейронных сетей, социально-культурных и экономических систем и событий. Так, носители аллеля 7R гена DRD4 склонны к либеральным воззрениям, к поиску новых решений, часто связанных с риском: они легче воспринимают новации и адаптируются к новой обстановке, им свойственна большая степень эмпатии. Консерваторы же острее ощущают опасность и активнее реагируют на преодоление ситуации неопределенности; они склонны видеть мир в более узком, чем либералы, цветовом спектре. Нейрофизиологические данные говорят о том, что у либералов обычно меньший, чем у консерваторов объем миндалины мозга, но функционирует она более активно; у либералов – больший объем серого вещества в передней части поясной извилины коры головного мозга, а у консерваторов – в правой части миндалины [Jost, Amodio 2012, p. 61]. У консервативно настроенных людей, видимо, более выражены регрессивные процессы, сопровождающие состояния стресса, тревоги, интенсивные эмоции и позволяющие быстрее разрешить ситуацию неопределенности и адаптироваться к новым условиям [Александров, Сварник и др. 2017]. По мере адаптации их когнитивный потенциал растет и достигает максимума в момент обретения субъектом устойчивого равновесия со средой.

Ситуации стресса, связанные со значительными лишениями и трагическими событиями, со значительной долей вероятности могут иметь трансгенерационные последствия.

Все это – нейрофизиологические основания политических предпочтений и интересов, которые в плоскости моделирования их динамики принимают очертания теории рационального выбора (К. Эрроу), гражданского участия (С. Верба) или мобилизации (Дж. Хансен).

Между тем некоторые политические события и процессы, иногда потрясающие социумы, а, стало быть, вызывающие стресс, способны оказывать заметное влияние на глубинные нейрофизиологические характеристики. Так, после трагических событий 11 сентября 2001 г., когда в результате террористической атаки в США погибли тысячи людей, среди пострадавших и очевидцев число консервативно настроенных граждан возросло в три раза, хотя до этого момента их симпатии принадлежали либеральным

идеям. Это – свидетельство трансформаций в целостной системе «мозг – социум – культура», преобразивших одну из относительно автономных подсистем.

Такого рода эмпирические данные (а их объем легко может быть многократно увеличен) заставляют отказаться либо по меньшей мере существенно понизить градус биофобии среди приверженцев традиционных подходов в области социально-политических наук.

Список литературы

1. Александров, Сварник 2017 – *Александров Ю.И., Сварник О.Е., Знаменская И.И. и др.* Регрессия как этап развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 191 с.
2. Бажанов 2019 – *Бажанов В.А.* Мозг – Культура – Социум: кантианская программа в когнитивных исследованиях. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019, 288 с.
3. Chiao, Ambady 2007 – *Chiao J. Ambady N.* Cultural Neuroscience: Parsing Universality and Diversity // Handbook of cultural psychology / Eds. S. Kitayama, D. Cohen. N.Y.: Guilford press, 2007. Pp. 237-254.
4. Ellis 2003 – *Ellis L.* A Discipline in Peril: Sociology's Future Hinges on Curing its Biophobia // The American Sociologist. 2003. Vol. 27(2). Pp. 21-41.
5. Freese, Li, Wade 2003 – *Freese J., Li J.C.A., Wade L.D.* The Potential Relevance of Biology to Social Inquiry // Annual Review of Sociology. 2003. Vol. 29. Pp. 233-256.
6. Jost, Amodio 2012 – *Jost J.T., Amodio D.M.* Political Ideology as Motivated Social Cognition: Behavioral and Neuroscientific Evidence // Motivation and Emotion. 2012. Vol. 36. Pp. 55-64.
7. Kashima, Giummarra-Vocale et al 2021 – *Kashima E.S., Giummarra-Vocale L., Sadewo G.R.P. et al.* 5-HTTLPR Polymorphism and Cross-Cultural Adaptation: the Role of Relational Openness as a Mediator // Culture and Brain. 2021. Vol. 9. Pp. 48-62.

УДК 001.38 + 316.77

ПОСТНОРМАЛЬНАЯ НАУКА: АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ*

Жарков Евгений Александрович

Исследователь

Русское общество истории и философии науки

Москва, Россия

E-mail: flash45@yandex.ru

«Дискурс повседневности» современного научно-технологичного мира представляет собой многогранный и динамический процесс. Динамичность приводит к изменениям, которые на начальном этапе далеко не очевидны, а в большинстве случаев – абсолютно неизвестны. Наука играет значительную роль в процессах трансформации мира и общества, становясь основой ключевых технологий и существенным актором в борьбе человечества за благоприятное существование. Сложные естественные и техно-социальные процессы, в свою очередь, оказывают влияние и на саму науку, привнося в нее ряд явных и неявных изменений. Наука в ее сегодняшней институциональной форме вышла далеко за пределы как «чистой науки ради себя самой» (XVII-XIX вв.), так и в значительной степени за пределы «нормальной науки» (Т. Кун) как одного из характерных модусов ее существования.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестке философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

Различного рода «поствеяния» и острые текущие глобально-мировые проблемы (COVID-19) актуализируют представления о *постнормальной науке* как специфическом типе, имеющем место в условиях (ситуативностях) сильной неопределенности и высокого уровня рисков принятия решений (Дж. Равецц, С. Фунтович). Подобные факторы, в свою очередь, позволяют актуализировать проблематику *политической субъектности науки*.

Ключевые слова: STS, постнормальная наука, неопределенность, риск, экспертиза, COVID-19, политическая субъектность науки.

POST-NORMAL SCIENCE: ASPECTS OF POLITICAL AGENCY

Zharkov Evgeniy Aleksandrovich

Researcher

Russian Society for History and Philosophy of Science

Moscow, Russia

E-mail: flash45@yandex.ru

The “discourse of everyday life” of the modern world is a multifaceted and dynamic process. Dynamism leads to changes that are far from obvious at the initial stage, and in most cases are completely unknown. Science plays a significant role in the processes of transformation of the world and society, becoming the basis of key technologies and an essential actor in the struggle of mankind for a favorable life. Complex natural and techno-social processes, in turn, have an impact on science itself, introducing a number of explicit and implicit changes into it. Science in its current institutional form has gone far beyond both “pure science for its own sake” (XVII-XIX centuries), and, to a large extent, beyond the “normal science” (T. Kuhn) as one of the characteristic modes of its existence. Various kinds of “post-trends” and acute current global-world problems (COVID-19) actualize the concept of *post-normal science* as a specific type that takes place in conditions (situations) of strong uncertainty and a high level of decision-making risks (J. Ravetz, S. Funtowicz). Such factors, in turn, make it possible to actualize the problem of the *political agency of science*.

Keywords: STS, post-normal science, uncertainty, risk, expertise, COVID-19, political agency of science.

Однажды в одной из открывающих мероприятия речей великий немецкий математик Д. Гильберт иронически заметил, что наука и техника никак не могут конфликтовать друг с другом по причине отсутствия между ними чего-либо общего [Юнг 1961, с. 24]. А что нам следует ожидать в иных ситуациях, например, в случае науки и политики [Касавин 2020; Fuller 2020]? Есть ли здесь точки касания? В сегодняшней современности, одухотворенной веяниями постмодерна и соответствующими постсущностями, посттечениями, представляются неудивительными разного рода связи и перекрестья. Но удивительностью дело не ограничивается. Человечество в общем и философия в частности остро, хотя и не всегда явно нуждаются в конструктивности осмысления подобных вопросов с целью преодоления возможного популизма суждений и негативного влияния резких однозначных мнений.

В настоящее время связь науки и техники считается весьма очевидной на концептуально-понятийном уровне, естественно, с учетом множества конкретных и локальных проблем. И апелляция из настоящего времени к приведенной цитате Гильберта выглядела бы весьма архаично. По-видимому, в случае науки и политики ситуация в определенной степени аналогична. Тем не менее подобная аналогичность, на наш взгляд, гораздо менее прозрачна, чем в случае науки и техники и, следовательно, заслуживает более пристального рассмотрения.

Известно, что путь «от идеи до результата» далек, труден и тернист, что и отражается, например, в подходе акторно-сетевой теории (ANT) при описании технонауки (Б. Латур, С. Вулгар, Дж. Ло, М. Каллон, Ш. Джасанофф и др.). Между идеей и неким результатом вплетено множество акторов и их взаимодействий. (Научная) идея

более проста, «первоначальственна», крайне подвержена изменениям, особенно на стадии контекста открытия – более, чем возможные «представляемые и непредставляемые» социотехнические последствия реализации идей. Писатели-фантасты легки на руку в построении воображаемых сообществ будущего с использованием идей о сложных наукоемких технологиях и порой оказываются весьма проницательными визионерами. Мы говорим о стадии, когда нечто написанное когда-то «тогда» реализовалось «теперь». Для настоящего момента данное «теперь» располагается в неопределенном будущем, а нас окружает проблемное «завтра-сейчас».

Сегодняшние технологии основаны на великих научных открытиях прошлого. Возможно, для человека, далекого от науки, это величие располагается в тени разнообразной окружающей медийности. Здесь приходят на ум слова физика Р. Фейнмана о том, что по сравнению с открытием Дж.К. Максвеллом уравнений электромагнитного поля (1860-е гг.), Гражданская война в США оказывается совсем незначительным событием. Действительно, «электричество и магнетизм» являются одной из ключевых основ современных технологий. В частности, появление проводной и особенно беспроводной коммуникации, имеющей в настоящее время, помимо всего прочего, весомое медийно-политическое значение, стало возможным благодаря электромагнетизму.

В этой связи целесообразно вспомнить интересный эпизод из истории науки. Г. Герц, экспериментально доказавший существование электромагнитных волн, предсказанных теорией Максвелла, подчеркивал, что электромагнитные волны не найдут практического применения. Иронично, но сегодня фамилия немецкого физика служит наименованием для единицы измерения частоты. Среди великих ученых Герц не одинок в «уверенных прогнозах» относительно последствий своих исследований. Сходный кейс наблюдается и в истории другой важной сегодня технологии – атомной (ядерной). Э. Резерфорд, подобно Г. Герцу, говорил о практической бесполезности исследований процессов расщепления атомного ядра.

Естественно, не имеет никакого смысла критически характеризовать Г. Герца или Э. Резерфорда как проглядевших важные последствия своих работ. Сегодня ясно, что мысль автора, «покидая его» и оставаясь в «третьем мире» К. Поппера, встраивается в дальнейшие сети микро- и макроэволюций и сама, трансформируясь, способствует возможным трансформациям мира и общества. Кроме того, взгляд в будущее из текущей ситуации гораздо сложнее и туманнее ретроспективного видения. Невозможность реализации того или иного практического замысла также может быть обоснована научными методами. Интересный момент состоит в том, что приведенные выше прогнозы ученых содержали в себе апелляции к определенности будущего. С современных позиций, когда повседневность наполнена дискурсом неопределенности, сами представления об определенности выглядят весьма наивно. Ситуация с пандемией COVID-19 на самом деле ни на чем не есть макроскопическом уровне продемонстрировала подобный тезис.

В 2020 г. ряд врачей и ученых-медиков совместно с философами-исследователями заявили, что общественно-политическая ситуация вокруг пандемии, которую они обозначили как *post-normal pandemic*, требует «нового подхода» к науке [Waltner-Toews et al. 2020]. Собственно сам подход при этом не является абсолютно новым и представляет собой концепцию *постнормальной науки*, представленную в 1993 г. философами Дж. Раветцем и С. Фунтовичем [Ravetz, Funtowicz 1993].

Ключевой особенностью концепции *постнормальной науки* является ее обращение к соответствующей контекстуальной действительности, определяемой двумя параметрами: (1) уровнем неопределенности ситуативности, (2) уровнем риска возможных принимаемых решений (как учеными, так и политиками). «Пост-» означает

расширение пределов классической нормальной науки в область сложных проблемных ситуаций, когда научно-технические проблемы и последствия их решений напрямую касаются человечества и общества (безопасность ядерной энергетики, экологические риски, болезни и эпидемии и др.). Авторы представили подробную картину *post-normal science*.

Картина представляет собой двумерную схему, где в качестве осей координат выступают приведенные выше параметры, в соответствии с которыми возникает определенная классификация науки. Параметры неопределенности (1) и рискованности принятия решений (2) изменяются в нечетко-строгих пределах от низких (*low*) до высоких (*high*) значений. В нулевой точке (центр) расположена область *fundamental research* (нормальная фундаментальная наука), где уровни неопределенности и риска минимальны; в следующей части круга (по направлению радиуса из центра) располагается область *applied science* (прикладная наука); далее – область *professional consultancy* (экспертное консультирование); и последняя, замыкающая область – *post-normal science*, для которой характерны самые высокие уровни неопределенности и рисков. В широком смысле, контекстуальной действительностью реализации ситуативности *post-normal science* является «мир в целом» как социально-политическая лаборатория (метафора Б. Латура) [Ibid, pp. 741-745].

Особенностью подхода Раветца и Фунтовича является весьма свободное обращение с понятием *нормальная наука*, которая становится *постнормальной* в сложной ситуации сильной неопределенности и высоких рисков. Подобный фазовый переход оставляет в тени многочисленные дискуссии о сугубо эпистемической составляющей проблематики нормальной науки. Ситуация с пандемией COVID-19 как сильно неопределенной и высоко рискованной в данном контексте оказывается лишь весьма удачным для авторов концепции примером. При этом возникает общий вопрос о конструктивности использования понятия «нормальная наука», который остро смыкается с поставленной в начале изложения проблематикой взаимопроникновения науки и политики, *политической субъектности* науки [Касавин 2020]. Равец и Фунтович также апеллируют к проблематике экспертного сообщества, которое в условиях демократизации науки имеет тенденцию к расширению возможного круга акторов (*extended peer community*) в силу соответствующего расширения общественно-практического и политического влияния науки.

С одной стороны, не-нормальность, или в нашем случае *постнормальность*, науки возникает при выходе за пределы *определенной* (существенное для нашего сюжета понятие) *парадигмы*, и в этом аспекте апелляция к понятию нормальности является вполне классически-уместной (по Куну). С другой стороны, покидая сферу характерных эпистемических парадигм, обладающих в некоторой степени строгим уровнем определенности, наука расширяет свое стратегическое и тактическое поле, сталкиваясь с феноменом политического.

Вместо заключения подчеркнем, что, по-видимому, в условиях *постнормальной* науки, несмотря на высокие уровни рисков и неопределенности, ученым следует придерживаться в своих возможных прогнозах, видениях, и, главное, практических решениях, известной гуманитарной парадигмы – ответственности, в том числе и политической. Ответственность является сущностью крайне необходимой для построения благоприятного будущего.

Список литературы

1. Касавин 2020 – Касавин И.Т. Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3-14.
2. Юнг 1961 – Юнг Р. Ярче тысячи солнц. М.: Госатомиздат, 1961. 280 с.

3. Fuller 2020 – *Fuller S.* If science is a public good, why do scientists own it? // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2020. Vol. 57. Iss. 4. Pp. 23-39.
4. Funtowicz, Ravetz 1993 – *Funtowicz S., Ravetz J.* Science for the post-normal age // *Futures*. 1993. Vol. 31. Iss. 7. Pp. 735-755.
5. Waltner-Toews et al. 2020 – *Waltner-Toews D.A. et al.* Post-normal Pandemics: Why Covid-19 requires a New Approach to Science // *Recenti Progressi in Medicin*. 2020. Vol. 111. Iss. 4. Pp. 202-204.

УДК 32:1

ЕСТЬ ЛИ У НАУКИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ?*

Масланов Евгений Валерьевич

*Кандидат философских наук, исследователь
Русское общество истории и философии науки
Москва, Россия
E-mail: evgenmas@rambler.ru*

В статье рассматривается вопрос о политической субъектности науки. Первоначально наука рассматривается как специфическая деятельность по поиску нового знания. Отдельные ученые могли быть связаны с политикой. Но в целом научное сообщество предполагало, что никаких политических последствий научная деятельность не имеет. С начала XX в. происходит активное внедрение результатов научных исследований в различные сферы экономики и в общественную жизнь. Теперь любые инновации и изменения должны быть научно обоснованы. Сама возможность обосновывать инновации приводит к тому, что ученые начинают влиять на реализуемые реформы и инновации. При этом не все результаты научно обоснованных изменений оказываются успешными. Связано это с тем, что зачастую не учитывается локальная специфика, которая должна влиять на реализацию конкретных проектов и иногда противоречит тому, каким образом ученые «видят» изучаемые объекты. В результате становится необходимым выстраивать новые «оптики», которые будут учитывать локальную специфику, практики контрэкспертизы. В этом случае наука приобретает особую политическую субъектность. С одной стороны, сам выбор и обоснование инноваций и социальных реформ оказывается политическим актом. С другой стороны, наука может сформировать пространства, в которых будут представлены различные точки зрения и сложится новый политический консенсус.

Ключевые слова: наука, политический субъект, научное познание, ценности науки, социальные реформы, инновации, научный метод, политическое действие.

DOES SCIENCE HAVE POLITICAL AGENCY?

Maslanov Evgeniy Valerievich

*PhD in Philosophy, Researcher
Russian Society for History and Philosophy of Science
Moscow, Russia
E-mail: evgenmas@rambler.ru*

The article deals with the question of the political agency of science. Initially, science viewed as a specific activity in the search for new knowledge. Individual scientists may have been involved with politics. But on the whole, the scientific community assumed that scientific activity has no

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

political consequences. Since the beginning of the XX century, the results of scientific research have been actively introduced into various spheres of the economy and social life. Now any innovation and social changes must be scientifically based. The possibility of justifying innovation leads to the fact that scientists begin to influence the implemented reforms and innovations. However, not all results of scientifically based change are successful. This is due to the fact that often local specifics are not taken into account, which should influence the implementation of specific projects and sometimes contradicts the way scientists “see” the objects under study. As a result, it becomes necessary to build new “optics” that will take into account local specifics, counter-expertise practices. In this case, science acquires a special political agency. On the one hand, the choice and justification of innovation and social reform turns out to be a political act. On the other hand, science can form spaces in which different points of view will be presented and a new political consensus will emerge.

Keywords: science, political agency, scientific knowledge, values of science, social reforms, innovation, scientific method, political action.

Постановка вопроса о науке как политическом субъекте может казаться достаточно странной и противоречивой. Изначально предполагается, что наука – это деятельность по «добыче» или «производству» достоверного знания о мире. Конечно же, на основе полученного знания возможно создание различных технических устройств, формирование новых подходов к решению социальных проблем, т.е. возможно осуществление целенаправленной деятельности по улучшению мира. Но само знание, которое получают ученые, имеет отношение к миру, а не к тому, как оно может быть использовано. Ученые стремятся реализовать свои познавательные цели, а поэтому эпистемическое сообщество ученых не стремится участвовать в политическом процессе – в большинстве случаев ученым это просто неинтересно. Ведь подобная деятельность будет отвлекать их от научного поиска. У них, как у социальной группы, есть собственные политические интересы: снижение бюрократического прессинга, большая свобода в преподавании или выделение достаточного количества финансирования на проведение исследований. Но подобные политические интересы есть и у других социальных групп. Конечно же, Фр. Бэкон, один из создателей современного экспериментального естествознания, надеялся на то, что ученые благодаря своему интеллектуальному превосходству смогут участвовать в управлении обществом и государством. Собственно, утопический проект его Новой Атлантиды как раз и базируется на этом предположении. Однако историческое развитие сообщества ученых до начала XX в., разделяемые ими ценности и понимание целей и задач науки предполагали то, что ученые как ученые не занимаются политикой, а стремятся открывать законы мироздания [Sharin 2008]. Отдельные конкретные ученые могли быть вовлечены в политические процессы, но это был личный выбор отдельного человека, а не цель сообщества. Тем более что в процессе обучения новых ученых стоило отказаться от преследования собственных политических целей. Кафедра профессора не должна использоваться как трибуна политического оратора [Weber 1989].

В XX в. наука стала важнейшим поставщиком инноваций, которые все активнее входили в общественную жизнь. При этом ее инновационный потенциал теперь стал заключаться не только в создании новых технологий и технических устройств, которые все чаще находили свое применение в промышленности. Наука стала поставщиком социальных инноваций, сформировала новый подход к видению и описанию мира. Важной особенностью XX в. стал рост доверия к научному знанию среди лиц, ответственных за принятие решений. Теперь в подавляющем большинстве случаев любое решение не просто должно было быть принято «правительством», но оно должно было быть «научно» обосновано. Подобная обоснованность решения должна была гарантировать его успешность и положительный результат при его реализации. Гарантии со стороны науки опирались на то, что ученые благодаря научному методу способны найти ответы на различные вопросы. Ведь построенные на основе этого метода теории

должны были схватывать базовые характеристики мира. Однако часть решений, которые были реализованы на основе «научного» планирования инноваций, оказались не совсем удачными. Можно вспомнить примеры советской коллективизации, строительства спроектированных на основе научного знания городов и районов, которые превратились в трущобы, распространённости вредных веществ в атмосфере или проведения экономических реформ, которые не всегда в полной мере достигали своих результатов [Бек 2000; Хедлунд 2015]. Ясно, что неудачи всех этих инноваций в каждом отдельном случае имеют свои собственные уникальные причины, но их общей особенностью становится то, что в процессе их реализации не была учтена одна особенность научного знания. Научное знание может оперировать лишь теми объектами, чье описание уже было создано в процессе научного развития.

Эта особенность научного знания хорошо выражается широко известной фразой о том, что «любой эксперимент теоретически нагружен». Это утверждение подразумевает, что ученый может работать лишь с теми объектами мира, которые он может описать. Особенность науки заключается в том, что в процессе экспериментальной работы может быть выяснен тот факт, что описания, которыми обладают ученые, не могут предсказать поведение изучаемых объектов. «Вещи дают сдачи», как написал Б. Латур [Латур 2003]. Эта особенность как раз и не позволяет науке остановиться в своем поиске, дает возможность формировать новые описания и искать ответы на «открывшиеся» в процессе исследования вопросы. Однако при реализации инноваций и реформ «рациональный» образ мира, который складывается у ученых, обосновывающих их применение, оказывается тем «образом», который рассматривается как «напрямую связанный с реальностью». Реализация инновации требует рассмотрения мира совершенно определенным образом, а все, что не соответствует ему, должно быть отвергнуто. Но в этом случае подобный выбор «образа мира», который используется учеными, оказывается политическим действием. В процессе своей работы определенная группа ученых решает, что мир устроен так и никак иначе. После чего на основе этого «образа мира» начинают реализовываться различные действия. Принимаются решения о том, каким образом стоит бороться с эпидемиями или реализовывать политику по сдерживанию инфляции, формировать подходы к использованию сельскохозяйственных земель или выстраивать стратегии освоения природных ресурсов на различных территориях.

Подобное описание «политической» роли научного знания как одного из элементов обоснования проводимой политики ставит перед наукой новую, принципиально важную задачу. Она может выступать одним из важнейших механизмов формирования консенсуса по различным вопросам, лежащим в основе реализуемых политических решений. Правда, для этого сама наука и научное знание должны признать тот простой факт, что обоснование политического решения может как опираться на использование подходов, уже сложившихся внутри науки, так и давать возможность рассмотреть эти вопросы на основе иных точек зрения. В этом случае политическая роль науки оказывается связанной с возможностью формулировать решения, которые могут учитывать большое количество разнообразных точек зрения, давать возможность высказаться представителям локального знания или лицам, реализовавшим практики контрэкспертизы. Для этого ученым стоит лишь вспомнить об особенностях развития и функционирования научного знания. К примеру, как отмечает С. Фуллер, существует несколько особенностей существования и производства научного знания: «1) Наука – то, что образуется, когда опубликована научная статья, а не то, что обеспечило возможность публикации статьи. ... 2) Истиной в науке считается институализированная контингентность, которая, если ученые выполняют свою работу, со временем будет преодолена и заменена. ... 3) Консенсус – неестественное положение в науке, он требует

фабрикации и поддержки. ... 4) Основные нормативные категории науки, такие как “компетенция” и “экспертиза”, являются довольно растяжимыми, поскольку их условия определяются силовой динамикой, устанавливающейся между специфическими коалициями заинтересованных сторон» [Фуллер 2021, с. 113]. Все это как раз и позволяет формироваться новым «оптикам» конструирования различных инноваций и реформ не только в процессе научного исследования, но и в процессе согласования представлений различных социальных акторов.

Таким образом, в современном мире наука начинает приобретать особенную политическую субъектность. Связана она не с тем, что ученые, как и любые другие социальные группы, обладают собственными экономическими и политическими интересами. Подобная «политическая субъектность» науки не является специфической особенностью ее политического положения. Специфическая политическая субъектность науки выражается в том факте, что она все больше определяет то, каким образом мы видим мир, который изменяем в процессе своей деятельности. В этом случае сами высказывания науки о мире становятся определенными политическими проектами, дающими ответ на вопрос о том, стоит ли нам заниматься «реформированием» производств, реализовывать новые социальные практики или мы можем продолжать действовать привычными способами. При этом осознание этого факта позволяет формировать пространства взаимодействия между учеными и другими социальными акторами, заинтересованными в реализации изменений. Они могут стать пространствами, где смогут высказаться представители тех групп, голос которых обычно плохо слышим в общественных дискуссиях, но при этом может иметь решающее значение для успешной реализации инноваций и реформ.

Список литературы

1. Бек 2000 – *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой; послесл. А. Филипова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Латур 2003 – *Латур Б.* Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки / пер. О.Е. Столяровой // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2003. № 3. С. 20-39.
3. Фуллер 2021 – *Фуллер С.* Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
4. Хедлунд 2015 – *Хедлунд С.* Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / пер. с англ. Н.В. Автономовой; под науч. ред. В.С. Автомова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 412 с.
5. Shapin 2008 – *Shapin S.* The Scientific Life: A Moral History of a Late Modern Vocation. Chicago, IL: Chicago University Press, 2008. 486 p.
6. Weber 1989 – *Weber M.* Science as a Vocation // Lassman P., Velody I., Martins H. (eds.) Max Weber’s “Science as a Vocation”. L.: Unwin Hyman, 1989. Pp. 3-31.

ОБ УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ НАУКИ*

Порус Владимир Натанович

*Доктор философских наук, исследователь
Русское общество истории и философии науки
Москва, Россия
E-mail: spero-meliora@bk.ru*

Обсуждается вопрос о политической субъектности науки. Он относится к сфере интересов философии науки в ее современной трактовке. Предполагается дальнейшее расширение этой сферы через взаимную пенетрацию смыслов философского дискурса о науке и специальных научных дисциплин. Это должно вести к новой самоидентификации философии науки. Политическая субъектность науки определяется в зависимости от трактовки понятия «политическое». Если это понятие транскрибирует участие науки (ее институтов и сообществ) в борьбе за власть, то такое участие не характеризует науку как политического субъекта, а указывает на ее инструментальную роль в этой борьбе. Если же «политическое» трактуется в духе концепции К. Шмитта, политическая субъектность науки имеет историческую перспективу и зависит от тенденции развития политической среды в сторону демократии и гражданского общества.

Ключевые слова: политическая субъектность науки, «политическое», власть, философия науки, научное сообщество, политический интерес, политическая среда.

ON THE CONDITIONS OF POLITICAL SUBJECTIVITY OF SCIENCE

Porus Vladimir Natanovich

*PhD DSc in Philosophy, Researcher
Russian Society for History and Philosophy of Science
Moscow, Russia
E-mail: spero-meliora@bk.ru*

The issue of science as a political agent is discussed. It belongs to the philosophy of science sphere of interest in her modern treatment. Further expansion of this sphere through a mutual sense-penetration between a philosophical discourse about science and special scientific disciplines is supposed. It has to lead to new self-identification of philosophy of science. Science as a political agent is defined through interpretation of a concept “political”. If this concept transcribes participation of science (its institutes and communities) in race for power, such participation does not characterize science as political agent, and indicates its tool role in this fight. If “political” is treated in the spirit of K. Schmitt’s concept, political agency of science has historical prospect and depends on a trend of development of the political environment towards democracy and civil society.

Keywords: science as a political agent, “political”, power, philosophy of science, scientific community, political interest, political environment.

Обсуждаемый вопрос расположен в проблемном пространстве философии науки. Это пространство многомерно, а измерение, в котором философы интересуются политическим статусом науки, возникает на стыке с другими концептуальными плоскостями, в том числе, например, с социальной философией и политическими науками. Такое представление о философии науки отвечает потребностям последней, вышедшей за рамки методологического подхода к научному знанию на простор исторического анализа его становления и заявившей о возможностях ассимиляции социологических и психологических исследований, но затем приостановившейся

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-18-00428 в Русском обществе истории и философии науки.

в движении к новому пониманию своих собственных задач. Причина остановки, видимо, в том, что дальнейшее движение требовало рефлексии: не утрачивает ли философия науки свою самоидентичность, не наступает ли пора ее «самоликвидации» и разложения на дисциплинарные составляющие? Если бы это было так, сам термин «философия науки» стал бы излишним, специальные *науки о науке* могли бы заниматься своими делами под зонтиком «комплексного науковедения», а философский анализ, если бы он сохранил какое-то значение в этом комплексе, привлекался бы по мере надобности [Порус 2005].

Я исхожу из предположения, что эта остановка временна, и уже пора двигаться дальше. Но для этого необходима переработка понятийного аппарата философии науки. Следует видеть в ее «соприкосновениях» со специальными науками и с другими философскими дисциплинами, в особенности с эпистемологией, не вынужденные или случайные встречи, а открытие смысловых каналов, по которым философские концепты не только впитывали бы специально-научное содержание, но и проникали в смысловую ткань специальных наук. От тенденции «онаучнивания» философии (философия науки из всех философских подразделений в наибольшей степени испытала на себе эту тенденцию) пора переходить к «*философизации*» науки. В каких-то научных областях эта тенденция уже ощутима (например, в теоретической физике, математике, биологии, психологии, науках об искусственном интеллекте), другие – подходят к ней, и надо думать, что эта тенденция станет всеобщей. Это также требует философской рефлексии, что придаст новый смысл философии науки.

Проблема политической субъектности науки – одна из тех, которые знаменуют это расширение проблемного поля философии науки. Потребность в ее рассмотрении очевидна. О ней свидетельствует вал изменений социальной и культурной роли науки в современном мире, а также растущая тревога, вызванная тем, что сила, которую научное знание сообщает человечеству, может быть использована не только во благо, но и во вред последнему. Участие науки в политике и возможности, несомыые этим участием, связаны как с надеждами, так и с разочарованиями (ведь жива еще легенда о науке как области «чистой рациональности», свободной от любых интересов, за исключением интереса к новому истинному знанию, а политика – область, где отнюдь не бескорыстные интересы играют главную роль; не потеряет ли наука самое себя, войдя в эту область и приняв на себя ее характерные черты?) [Юревич 2009]. Разобраться в этих ожиданиях значит ответить на вопросы: что такое наука, участвующая в политике, и что такое политика, вовлекающая в себя науку?

Способна ли наука выполнять роль политического актора? Разумеется, это вопрос не только о возможностях науки. Не менее важно понять, что имеется в виду, когда говорят о «политическом». Существует ряд концепций «политического» – от Аристотеля до К. Шмитта. Согласно одним, «политическое» – прилагательное от «политики», и если политика – это совокупность действий, с помощью которых достигается разрешение конфликтов различных интересов и целей (в этом смысле и война есть продолжение политики другими средствами, как говорил К. фон Клаузевиц); согласно другим, «политическое» – это фундаментальное отношение между социальными группами, разделенными такими противоречиями, которые предполагают борьбу между ними, делят их на «друзей» и «врагов»³². В каком из этих смыслов роль науки в социуме может быть названа «политической»? Ответ предполагает комплекс исследований,

³² «Специфически политическое различение, к которому можно свести политические действия и мотивы, – это различение *друга* и *врага*. ... Смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации; это различение может существовать теоретически и практически, независимо от того, используются ли одновременно все эти моральные, эстетические, экономические или иные различения» [Шмитт 2016, с. 301, 302].

политологических, социологических и философских. И в этих исследованиях должны фигурировать различные смыслы термина «наука»: от «формы общественного сознания» и особого метода познания до социального института, экономического предприятия и специфической профессии.

В большинстве исследований политическая субъектность науки рассматривается как возможное ее участие в борьбе за власть между политическими силами (государством, политическими партиями, политическими деятелями, движениями, сообществами) [Фуко 2006; Батурин 2019]. Наблюдается что-то вроде противоречия: с одной стороны, такое участие выглядит очевидным и даже возрастающим в своей интенсивности, с другой стороны, оно признается практически невозможным, ибо «наука в целом не является целостным, властным, а потому и политическим субъектом вообще, не представляет собой скоординированной системы коммуникации и субординации. Лишь отдельные и достаточно влиятельные элементы науки могут претендовать на политические роли» [Касавин 2020, с. 12]. Отчего возникает такое «противоречие»?

Отчасти – из-за смешения понятий. Участвовать в политике не значит быть субъектом политики. Участие может быть инструментальным: например, ученые создают противовирусную вакцину, производство и применение которой может стать фактором политики. В свое время ряд выдающихся ученых выступили с политическими лозунгами о запрещении оружия массового уничтожения, но эти выступления не преследовали цели передачи полномочий контроля за таким оружием научным сообществам. Ученые могут принимать участие в политических акциях и даже инициировать их, но вряд ли кому-то из них приходит в голову бредовая идея о формировании государственного аппарата на базе какой-то из существующих академий.

Вопрос о политической субъектности науки приобретает реальное содержание, когда речь идет о перерастании участия в политике в борьбу за достижение собственных политических целей. Он включает в себя и проблему единства научного сообщества. До сих пор на эти вопросы давались только отрицательные ответы. Ни о каком реальном политическом единстве мирового научного сообщества говорить не приходится. Ни фундаментальная, ни прикладная наука в современном мире не могут существовать без патронажа и финансового обеспечения со стороны власти или бизнеса, интересам которых, в том числе и политическим, они служат. Когда же возникают конфликтные ситуации, и ученые вынуждены защищать собственные интересы, не совпадающие с намерениями и интересами патронов, они ищут поддержки у оппозиционных (иногда – революционных) политических сил. Субъектный политический статус науки при этом не меняется.

Можно ли утверждать, что это положение науки неизменно? Спросим иначе: является ли неизменным статус политического субъекта? И.Т. Касавин определяет этот статус как «комбинацию трех элементов: особый независимый интерес, общественное доверие и власть по отношению к некоторому сегменту реальности» [Касавин 2020, с. 11]. К этой комбинации я бы добавил осознанную готовность защищать свой статус от внешних посягательств и внутреннего разложения. Тогда можно вспомнить идею Шмитта: наука с головой окунается в омут политики, когда само ее существование зависит от противостояния ее ценностей и смыслов тому, что этим ценностям и смыслам враждебно. Если такое противостояние реально, оно неизбежно вызывает развитие «политического» и в самой науке: она раскалывается на противоборствующие группировки «друзей» и «врагов». «Гражданская война» в науке – дело грозное, но неизбежно связанное с обретением наукой статуса политической субъектности. Другое дело, желателен ли этот статус и какую цену готово за него заплатить научное сообщество.

Вопрос о политической субъектности науки имеет историческую перспективу. Его решение зависит от характера политической среды в обществе. Когда есть тенденция изменения этой среды в сторону гражданского общества и демократии, возрастает возможность того, что наука (какой бы смысл ни вкладывать в этот термин) станет способна защищать свои интересы в политическом процессе в роли полноправного субъекта. Для этого ей понадобится осознанная жертвенность, готовность сменить комфорт услужения на тревогу политической борьбы.

Список литературы

1. Батурин 2019 – *Батурин Ю.М.* Ученый и власть. М.: РАН. 2019. 46 с.
2. Касавин 2020 – *Касавин И.Т.* Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3-14.
3. Порус 2005 – *Порус В.Н.* К вопросу о междисциплинарности философии науки // Эпистемология и философия науки. М., 2005. Т. 4. № 2. С. 54-76.
4. Фуко 2006 – *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью 1970-1984. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. 320 с.
5. Шмитт 2016 – *Шмитт К.* Понятие политического / Пер. с нем., ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. 567 с.
6. Юревич 2009 – *Юревич А.В.* Наука и политика: механизмы взаимодействия // Наука, образование, инновации. 2009. № 8. С. 286-300.

УДК 167.7

БОРЬБА ЗА ДОВЕРИЕ К НАУКЕ: МЕЖДУ «ЭЛИТИЗМОМ» И «ЭГАЛИТАРИЗМОМ»*

Тухватулина Лиана Анваровна
Кандидат философских наук, исследователь
Русское общество истории и философии науки
Москва, Россия
E-mail: spero-meliora@bk.ru

Автор выдвигает тезис о том, что подходы к обоснованию необходимости доверия науке в современных исследованиях можно условно разделить на «элитистские» и «эгалитаристские». Это деление связано с «политической» позицией исследователей в отношении к вопросу о том, насколько легитимны притязания научной рациональности на когнитивное верховенство. Если «элитисты» убеждены в таком верховенстве и считают, что решение проблемы недоверия к науке требует лишь нахождения технического решения (главным образом, разрушения «информационных пузырей»), то «эгалитаристы» выступают с релятивистских позиций и предполагают, что борьба за доверие к науке и экспертизе должна рассматриваться как политический феномен. Недоверие к науке (дениализм) является политической проблемой не только потому, что успешность экспертной политики зависит от доверия экспертам, но и потому, что «опора на науку» зачастую оказывается фактором обоснования политических решений. В свою очередь, исследователи дениализма, независимо от того, выступают ли они с «элитистских» или «эгалитаристских» позиций, обретают политическую субъектность, легитимизируя тот или иной способ борьбы за ключевой для эпохи технократизма ресурс политической легитимности.

Ключевые слова: доверие, дениализм, экспертиза, политическая субъектность науки.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-18-004288 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

STRUGGLE FOR TRUST IN SCIENCE: BETWEEN ELITISM AND EGALITARIANISM

Tukhvatulina Liana Anvarovna
PhD in Philosophy, Researcher
Russian Society for History and Philosophy of Science
Moscow, Russia
E-mail: spero-meliora@bk.ru

The author claims that the approaches to substantiating the need for trust in science in modern research can be conditionally divided into “elitist” and “egalitarian”. This division is associated with the “political” position of researchers in relation to the question of how legitimate the claims of scientific rationality to cognitive supremacy. If the “elitists” are convinced of this supremacy and believe that solving the problem of mistrust in science requires only finding a technical solution (mainly, the destruction of “information bubbles”), then “egalitarians” take a relativistic position and assume that the struggle for trust in science and expertise must be considered as a political phenomenon. Mistrust in science (denialism) is a political problem not only because the success of expert policy depends on trust in experts, but also because “reliance on science” is often the key factor in justifying political decisions. In turn, researchers of denialism, regardless of whether they come out from elitist or egalitarian positions, acquire political agency, legitimizing one way or another of the struggle for the resource of political legitimacy.

Keywords: trust, denialism, expertise, political agency of science.

Борьба с пандемией коронавируса показала, сколь значимо доверие к науке и экспертизе для достижения поставленных целей. Однако события последнего года позволяют заключить, что в отношении общества к научному знанию наблюдаются две взаимоисключающие тенденции. С одной стороны, существенно повысился интерес к научному (в первую очередь биомедицинскому) знанию и укрепился моральный авторитет ученых. С другой стороны, одним из важнейших явлений «долгого 20-го года» остается «инфодемия» – распространение заведомо ложной информации и разрастание различных дениалистских сообществ, отрицающих научный консенсус и культивирующих радикальное недоверие к экспертному знанию.

Стоит отметить, что специфика современного информационного общества предполагает, что традиционные методы борьбы с нежелательной информацией (цензура и введение правовой ответственности за распространение заведомо ложной информации) становятся еще менее эффективными и моментально вызывают волну общественной критики за покушение на свободу слова. В целом, феномен инфодемии и расширение дениалистских сетей вновь актуализируют дилемму: «свобода vs безопасность».

При этом отношение исследователей к данной проблеме также определяется не столько сугубо эпистемической позицией, сколько их политическими (в широком смысле) установками. Веберовская «свобода от оценки» здесь едва ли возможна.

Несколько огрубляя, можно сказать, что интеллектуальные стратегии здесь варьируют в зависимости от принадлежности к тому или ином «политическому» лагерю. Так, условные «элитисты» рассматривают дениализм как однозначное зло, проявление невежества и мракобесия, которое необходимо искоренить любой ценой. Здесь примечательна позиция представителей поведенческой психологии, предлагающих принципы изменения архитектуры соцсетей (nudging and boosting technologies), которые «подтолкнули» бы конкретного пользователя к предпочтению заслуживающей доверия (trustworthy) информации [Lorenz-Spreen et al. 2020]. Такого рода стратегия ориентирована на разрушение «информационных пузырей» в соцсетях, предлагающих

пользователю лишь ту информацию, которая заранее соответствует его предпочтениям. К лагерю «элитистов» можно отнести тех борцов с дениализмом, которые заново ставят проблему демаркации и предлагают вытеснить дениализм, апеллируя к его псевдо- и антинаучности (M. Pigliucci, S.V. Hansson, N. Oreskes и др.).

В то же время условные «эгалитаристы» – и здесь наиболее примечательной мне кажется позиция С. Фуллера [Фуллер, 2021] – рассматривают дениализм и антиэкспертизу как абсолютно нормальное явление эпохи постправды. Подобное понимание постправды основано на идее многообразия «режимов истинности», и отсюда, всякое притязание на истинность объявляется, по сути, политическим притязанием. В ситуации постправды всякая попытка отделить экспертов от псевдоэкспертов (дениалистов) и заклеить последних оказывается заведомо нелегитимной. Последовательный релятивизм не позволяет найти объективное эпистемическое обоснование для выбора того или иного «режима истинности». Как следствие, и понятие экспертизы утрачивает нормативный смысл, а деление на «экспертов» и «профанов» должно рассматриваться исключительно как механизм политической сегрегации и борьбы за власть. «Эгалитаризм», критикуя понятие экспертизы, тем не менее не снимает проблемы необходимости экспертного (профессионального, узкоспециализированного) знания. Защитники «эгалитаристских» позиций настаивают на том, что люди, практикующие активное недоверие науке (антивакцинаторы, ковид-диссиденты и пр.), не должны подвергаться дискриминации, поскольку формирование их убеждений во многом обусловлено внешними, не подконтрольными им факторами. Так, некоторые сторонники ситуационизма настаивают на том, что способность субъекта демонстрировать эпистемические добродетели по мере получения знания в существенной мере определяется социальной и политической средой. Именно контекст и окружение (обстоятельства, изменение которых не всегда подчинено воле субъекта) определяют специфику его убеждений. В этом смысле меры, направленные на популяризацию научного знания и укрепления доверия к науке, сами по себе могут быть недостаточными. Недоверие науке может быть лишь конкретным проявлением общего недовольства элитами, в основе которого – ощущение неспособности реально влиять на принимаемые решения. Недостаточная открытость политической системы может разрушать доверие и к иным институтам, которые так или иначе ассоциируются с процессом принятия решений. В этом смысле наука оказывается под ударом, поскольку ученые обеспечивают экспертное сопровождение политики и так или иначе ассоциируются с властью (по меньшей мере в сознании обывателя, ощущающего себя объектом политической воли). Недоверие к науке становится политической проблемой не только потому, что успешность экспертной политики зависит от доверия экспертам, но и потому, что «опора на науку» зачастую оказывается фактором обоснования политических решений. Это последнее обстоятельство предполагает опосредованную политическую субъектность науки, поскольку именно апелляцией к научной рациональности, диалогом с учеными политики обосновывают принимаемые решения. В свою очередь, исследователи дениализма, независимо от того, выступают ли они с «элитистских» или «эгалитаристских» позиций, обретают политическую субъектность, легитимизируя тот или иной способ борьбы за ключевой для эпохи технократизма ресурс политической легитимности.

Список литературы

1. Фуллер 2021 – Фуллер С. Постправда. Знание как борьба за власть / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.

2. Lorenz-Spreen et al. 2020 – *Lorenz-Spreen P., Lewandowski S., Sunstein C., Hertwig R.* How behavioral sciences can promote truth, autonomy and democratic discourse online // *Nature Human Behavior*. July, 2020. Vol. 4(11). Pp. 1102-1109.

УДК 008.2

НАУЧНЫЕ УТОПИИ И ИХ ЦЕЛИ: ОТ БЕНСАЛЕМА ДО ТРАНСГУМАНИИ*

Шибаршина Светлана Викторовна

*Кандидат философских наук, исследователь
Русское общество истории и философии науки
Москва, Россия*

E-mail: svet.shib@gmail.com

В статье исследуются особенности научных утопий и их историческая трансформация на примере «Новой Атлантиды» Ф. Бэкона, «Бегства Земли» Ф. Карсака и «Пари трансгуманистов» З. Иштвана. Указываются существенные отличия бэконовского проекта от предшествующих произведений, представляющих меритократии, в частности, от «Утопии» Т. Мора. Кратко описывается специфика устройства и функционирования Дома Соломона – научного ордена, который пользуется в Бенсалеме особым влиянием. Отмечаются сходства и различия между «Новой Атлантидой» и указанными современными утопиями. Выделяются основные мировоззренческие принципы, на основе которых авторы строят модели сциентократии. Акцентируется особая роль теологического мотива в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона, и отмечается, что научно-технический прогресс здесь, несмотря на выраженную экспериментальную составляющую, не является самоцелью, но выступает одним из важнейших средств в стремлении общества к совершенному состоянию человечества до грехопадения. Указывается на гармоничное сочетание религиозно-духовной и научной жизни в Бенсалеме. В противоположность этому проект З. Иштвана описывается как основанный на принципах трансгуманизма и прагматической пользы и противостоящий любым формам религии. Таким образом, если для эпохи Бэкона теологический мотив еще оставался глубоко укоренным в историко-культурной традиции, то в Новейшее время развитие науки и технологий становится во многом самоцелью, а ученые-управленцы утрачивают связь с «божественным голосом».

Ключевые слова: наука и технологии, научная утопия, «Новая Атлантида», «Пари трансгуманистов», организация науки, эпистемократы, трансгуманизм, теологический мотив.

SCIENTIFIC UTOPIAS AND THEIR DESTINATIONS: FROM BENSALEM TO TRANSHUMANIA

Shibarshina Svetlana Viktorovna

*PhD in Philosophy, Researcher
Russian Society for History and Philosophy of Science
Moscow, Russia*

E-mail: svet.shib@gmail.com

The article considers the features of scientific utopias and their historical transformation on the example of “New Atlantis” by F. Bacon, “Flight of the Earth” by Francis Karsak and “The Transhumanist Wager” by Z. Istvan. The author demonstrates a few significant differences which distinguish the Baconian project from the previous meritocracies, in particular, from T. More’s “Utopia”, as well as from the above contemporary utopias. The structure and functioning

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

of the House of Solomon, a scientific order that enjoys particular influence in Bensalem, is briefly described. The author highlights the main ideological principles underlying the models of scientocracy studied in the article. She emphasizes the significant role of a theological motive in F. Bacon's "New Atlantis" and points out, with reference to other scholars, that scientific and technological progress here, despite a pronounced experimental component, is not an end in itself, but a most important mean in society's striving for the perfect state of humanity before the Fall. Religious, spiritual and scientific activities harmoniously coexist in Bensalem. In contrast, Z. Istvan's project relies on the principles of transhumanism and pragmatic benefits and rejects any form of religion. Thus, if in Bacon's era the theological motive was still deeply rooted in the historical and cultural tradition, in contemporary times the development of science and technology mostly becomes an end in itself, and scientists-managers are losing touch with the "divine voice".

Keywords: science and technology, scientific utopia, "New Atlantis", "Transhumanist Wager", organization of science, epistemocrats, transhumanism, theological motive.

Как известно, у Платона, Т. Мора, Ф. Бэкона, а также современных авторов эпистемократических утопий (Ф. Карсака, З. Иштвана и др.) не только управление областью науки и технологий, но и социально-политическое управление в целом должны контролироваться определенной группой людей – носителей профессионального, а в ряде случаев и сакрального, знания. При этом если мы говорим о науке как о специфической области деятельности, в определенной степени отделенной от других сфер (в частности, религии), то одним из пионеров научной утопии справедливо считается Фрэнсис Бэкон. В ряде своих работ он предложил систематическое рассмотрение проблемы управления наукой и технологиями, идею институционализации науки.

В утопии Ф. Бэкона «Новая Атлантида» (1626 г.) управление наукой и технологиями осуществляют, по выражению И.С. Дмитриева, «хорошо образованные "эпистемократы", наделенные широкими правами и властными полномочиями» [Дмитриев 2017, с. 96]. При этом Ф. Бэкон отнюдь не первым развивал идею о том, что прогресс будущего связан с научным развитием. Уже до Бэкона предшествующие мыслители подготовили интеллектуальный климат для идеи прогресса (см., напр.: [Adams 1949, p. 377]).

В целом эпистемократические утопии объединяет много общего, включая следующие черты. Многие процессы, происходящие в описываемых сообществах, четко регламентированы (например, писаной конституцией, дарованной королем-основателем по имени Соломон, в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона), и все правила строго соблюдаются практически всеми членами сообщества. Тем не менее бэконовская утопия существенно отличается от предыдущих, прежде всего в плане самой концепции функционирования и развития науки, а также ее организации как социального института.

Как отмечает Р. Адамс, в Бенсалеми прослеживается очевидное отделение науки от религии: хотя Бэкон и утверждал, что наука «в конце концов, приведет нас прямо к Богу», все же он стремился отделить религиозные истины от научных [Adams 1949, p. 386]. В «Утопии» Мора же натурфилософия или любая другая область не отделены от этики и религии. Наука здесь в ее более абстрактных формах является объектом рационального поклонения, что можно увидеть, например, в восторженном изучении астрономами путей Бога, раскрывающихся в упорядоченном великолепии мирового устройства.

Что также важно – в «Новой Атлантиде» экспериментальная составляющая научного развития выражена в неизмеримо большей степени, чем в «Утопии» Мора, где жители не стремятся к производству все большего числа материальных благ, ограничиваясь производством необходимого для всеобщей здоровой, счастливой и при этом простой жизни. В Бенсалеми ученые работают над технологиями, позволяющими побеждать болезни, продлять жизнь, омолаживать, замедлять старение и даже создавать

новые виды, превращать одни в другие и т.д. И все же научно-технический прогресс не является самоцелью в утопии Бэкона (об этом несколько позже).

Существенную роль в управлении бэконовским островом Бенсалем, расположенным в Тихом океане и практически изолированным от остального мира, играет Дом Соломона – научный орден, пользующийся исключительным положением в стране, полной государственной поддержкой и почестями. Это оборудованный институт для фундаментальной и прикладной науки, целью которого является «познание причин и скрытых сил всех вещей и расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным» [Бэкон 1978, с. 509].

В контексте всего наследия Ф. Бэкона (не только «Новой Атлантиды») его проект «Великое Восстановление Наук» подразумевает «жесткое разделение научной и профанной сфер жизни» [Дмитриев 2015, с. 10]. Специфика доступа к знанию, соответственно, обусловлена здесь своего рода делением на «посвященных», имеющих полный доступ к знаниям, и всех остальных, знакомых лишь с конечным продуктом некоторых научных открытий. Общественности сообщается лишь то, что ученые считают необходимым, и только о тех изобретениях, которые считались хорошими, и даже монарх не был уполномочен знать все о научной деятельности и открытиях.

Идея о сциентократическом управлении обществом либо большей частью его жизни еще не раз появлялась в последующих утопических проектах. И хотя в XX в. утопиям начинают активно противостоять антиутопии, подстегнутые разочарованием в оптимистичной вере в социальный прогресс, последствиями мировых войн и т.д., жанр научной утопии продолжает жить.

В этом смысле хотелось бы обратить внимание на произведения «Бегство Земли» Франсиса Карсака (1960 г.) и «Пари трансгуманистов» Золтана Иштвана (2013 г.), где авторами четко обозначается главенство власти ученых и специалистов. В романе Ф. Карсака верховную власть в обществе будущего осуществляют ученые, техники, инженеры и т.д., составляющие Совет Властителей – самых компетентных специалистов в своей области. Остальные – производители и обслуживающие. В Трансгумании З. Иштвана абсолютная власть принадлежит специалистам в области науки и технологий, трансгуманистам и футурологам как наиболее значимым представителям общества. «Если же вы не отличались интеллектом, прогрессивным мышлением и творческими футуристическими идеями, тогда вы были попросту никем в этом новом мире» [Istvan 2013, р. 227]. Таким образом, эти авторы в определенном смысле продолжают бэконовскую традицию. В обеих утопиях социальный прогресс зиждется на идее о том, что наука дает «инструмент властного отделения знающих от незнающих» и «производит справедливую систему неравенства, социальную стратификацию, без которой нет развития» [Касавин 2021, с. 220].

Тем не менее современные сциентократии существенно отличаются от бэконовского проекта, в том числе в своих основополагающих предпосылках. В утопии Ф. Бэкона, несмотря на разделение истин веры и истин разума, наука гармонично сочетается с духовно-религиозной жизнью: ученые после работы в лаборатории возносят Богу хвалу и благодарность, а религия не препятствует научно-техническому развитию. Более того, рядом исследователей показана значимость теологического мотива как части фундамента, на котором базируется бэконовская утопия. Стремление Бэкона к тому, чтобы «все вещи стали возможными», связывается Дж. Волиньяком с перспективой мифа о грехопадении [Wolyniak 2015, р. 60]. Первородный грех существенно ограничил познавательные, моральные и прочие способности человечества – наука же в своей высшей цели призвана восстановить утраченное совершенное состояние Адама в раю. Научно-техническое развитие здесь не является самоцелью: необходимо «восстановить первоначальный человеческий суверенитет» с помощью «нового метода» [Burdett 2011,

р. 23]. Вполне логично, что при теологической трактовке власть ученых воспринимается как посредническая между Божественной целью и человечеством, а истины веры и разумы способны укреплять друг друга.

У 3. Иштвана единственно возможной идеологией объявляется трансгуманистическая – все остальное неприемлемо. Все религиозные праздники отменены. Общественная мораль во многом основана на принципе пользы для целей трансгуманизма. Культурно-философские предпосылки утопии Иштвана включают элементы, антагонистичные религиозным: в «Пари трансгуманистов» заметно влияние Маркса, Конта, Дарвина, Ницше [Whitney 2018]. В его романе отображается противостояние между сторонниками свободы научного прогресса и, с одной стороны, противниками религии, а с другой – техноалармистами, включающих религиозных фундаменталистов. В конце показана тотальная победа первых вкупе с наступлением трансгуманистического рая.

Таким образом, если для эпохи Бэкона теологический мотив еще оставался глубоко укоренным в историко-культурной традиции, то в Новейшее время под влиянием секуляризации и прочих факторов развитие науки и технологий (включая использование их плодов) становится во многом самоцелью, а ученые-управленцы утрачивают связь с «божественным голосом». В Трансгумании основной предпосылкой сциентократии становится насильственно внедряемая вера в то, что наука и технологии с тотальной рационализацией всего – единственный путь к социальному прогрессу и всеобщему счастью.

Список литературы

1. Бэкон 1978 – *Бэкон Ф.* Новая Атлантида // Ф. Бэкон. Сочинения в двух томах. 2-е, испр. и доп. изд. Т. 2. Сост., общ. ред. и вступит. статья А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1978. С. 483-518.
2. Дмитриев 2017 – *Дмитриев И.С.* Институализация европейской науки раннего Нового времени: бэконский ракурс // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 89-99.
3. Дмитриев 2015 – *Дмитриев И.С.* Хромой, обгоняющий бегуна (Instauratio Magna Scientiarum Ф. Бэкона как проект создания эффективной институализованной науки) // Социология науки и технологий. 2015. № 4. С. 9-33.
4. Касавин 2021 – *Касавин И.Т.* Наука как общественное благо // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 217-227.
5. Adams 1949 – *Adams R.P.* The Social Responsibilities of Science in Utopia, New Atlantis and after // Journal of the History of Ideas. 1949. Vol. 10. No. 3. Pp. 374-398.
6. Burdett 2011 – *Burdett M.S.* Contextualizing a Christian Perspective on Transcendence and Human Enhancement: Francis Bacon, N.F. Fedorov, and Pierre Teilhard de Chardin // Transhumanism and Transcendence: Christian Hope in an Age of Technological Enhancement / ed. by R. Cole-Turner. Washington, DC: Georgetown University Press, 2011. Pp. 19-35.
7. Istvan 2013 – *Istvan Z.* The Transhumanist Wager. Lexington, KY: Futurity Imagine Media, 2013. 300 p.
8. Whitney 2018 – *Whitney D.N.* Salvation through Science? Bacon's New Atlantis and Transhumanism // VoegelinView. June 7, 2018. URL: <https://voegelinview.com/salvation-science-bacons-new-atlantis-transhumanism> (accessed: 07.06.2021)
9. Wolyniak 2015 – *Wolyniak J.* "The Relief of Man's Estate": Transhumanism, the Baconian Project, and the Theological Impetus for Material Salvation // Religion and transhumanism: the unknown future of human enhancement / ed. by C. Mercer, T.J. Trothen. Santa Barbara, California: Praeger, 2015. Pp. 53-69.

Часть 9. Музей в пространстве истории науки и техники

УДК 063.01(2Р-4НН)

НАУЧНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ УНИВЕРСИТЕТА ЛОБАЧЕВСКОГО. ПРОШЛОЕ. НАСТОЯЩЕЕ. ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Кузнецова Наталья Борисовна

Директор музея Университета Лобачевского

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

E-mail: kuznb100@mail.ru

В статье дается анализ историко-культурных и научных коллекций, включенных в научную, учебную и просветительскую деятельность Университета Лобачевского. Рассмотрены как существующие научные собрания ННГУ, так и утраченные коллекции. Показана значимость музея в юридической защите, сохранении, изучении и интерпретации наследия. Делается вывод об особой роли и возможностях вузовского музея как комплексном собрании научных коллекций и о его преимуществе в показе междисциплинарных связей, в формировании представлений о целостной картине мира у молодежи.

Ключевые слова: Университет Лобачевского, университетский музей, научная коллекция, культурное наследие, междисциплинарные связи.

SCIENTIFIC COLLECTIONS OF LOBACHEVSKY UNIVERSITY. PAST. PRESENT. PERSPECTIVES OF INTERPRETATION

Kuznetsova Natalya Borisovna

Director of the UNN Museum

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: kuznb100@mail.ru

The article provides an analysis of historical, cultural and scientific collections, which are used in scientific and educational activities of Lobachevsky University. Both the existing scientific collections of UNN and the lost collections are the subject of research. We show importance of the university museum in the legal protection, preservation, study and interpretation of heritage. What is more, we conclude the special role and capabilities of the university museum in showing interdisciplinary connections and formation of a holistic picture of the world.

Keywords: Lobachevsky University, university museum, scientific collection, cultural heritage, interdisciplinary connections.

Отечественные музейные собрания начали формироваться еще в начале XVIII столетия. Университетские научные коллекции оказали существенное влияние на комплектование музейного фонда страны. В XVIII-XX столетиях происходил определяющий процесс для формирования научного знания – накопление, систематизация научного материала, оборудования и методов изучения. Этот процесс находил отклик в создании большого числа научных коллекций. Вузовские коллекции как материальные и задокументированные результаты научных исследований имели большое значение для развития отечественной науки и культуры. Как правило, вузовские собрания не имели специально организованного фондового помещения, они были

доступны как ученым, так и посетителям в открытом хранении, организованном по принципу коллекционного или научного метода музейного показа. Качество, полнота, изученность всегда были определяющими факторами вузовских музейных коллекций. В дореволюционной России в высших учебных заведениях создавались музеи всех профильных групп – естественно-научные, исторические и художественные.

Процесс собирания, систематизации и использования естественно-научных и исторических коллекций с учебной и просветительской целью затронул Нижегородский (в 1932-1991 гг. – Горьковский) государственный университет. Нижегородский государственный университет (ННГУ, Университет Лобачевского) был организован в 1918 г. как первый советский университет путем реорганизации Варшавского политехнического института, эвакуированного в Нижний Новгород в годы Первой мировой войны. В своей приветственной речи на открытии Института (1916 г.) директор В.П. Амалицкий говорил о богатстве Нижегородской губернии минеральными, почвенными, водными и другими ресурсами, которые необходимо изучать во благо процветания региона [Нижегородская земская газета 1916, № 39]. Деятельность по изучению края легла в основу университетских естественно-научных коллекций.

Зоологическая коллекция (Зоологический музей)

Зоологическая коллекция отражает фауну местного края на протяжении 130 лет.

Коллекция зоологического музея сложилась на базе зоологического отдела Естественно-исторического музея Нижегородского губернского земства, действовавшего в Нижнем Новгороде в 1885-1917 гг.

Большинство уникальных экспонатов зоологического музея ННГУ были изготовлены в конце XIX – начале XX вв.: директор музея Н.А. Покровский (1933 г.) тщательно заботился о пополнении коллекционного материала экспонатами из экспедиций по местному краю. Собранная им коллекция птиц насчитывает более трех тысяч тушек, к ней обращались крупнейшие орнитологи, профессора С.А. Бутурлин и Г.П. Дементьев при составлении Полного определителя птиц СССР. [Бутурлин 1934-1941] Пришедший в 1933 г. на кафедру зоологии позвоночных ученый-зоолог И.И. Пузанов для более полного использования зоологического музея в учебном процессе решил преобразовать музейные коллекции из чисто краеведческих в общефаунистические. Музей пополнился представителями морской фауны, появились экзотические экспонаты, в частности: пингвины, добытые в Антарктике; кораллы, собранные в экспедициях легендарного судна «Витязь» и ряд других представителей мировой фауны.

В 1975 г. в Советском Союзе была проведена каталогизация всех вузовских музеев, результатом которой явился аннотированный справочник «Музеи высших учебных заведений СССР». Согласно приведенной статистике, Зоологический музей Горьковского университета вошел в пятерку ведущих профильных вузовских музеев страны [Тихомирова 1975].

Общий фонд коллекции составляет более 40000 ед. хр.

Фонд ботанических коллекций (Гербарий ННГУ)

Гербарий ННГУ был создан в 1925 г. заведующим кафедрой ботаники С.С. Станковым. Под его началом был собран обширный материал по местной и отечественной флоре (Крым, Казахстан), создан обменный фонд. В этот же период в состав гербария входит большая часть коллекций И.М. Швецова, а также его сборы грибов, лишайников и мхов. Позже университету был передан гербарий Естественно-исторического музея. Кафедра оказалась единственным в городе центром, где были сосредоточены флористические документы области. В ходе работы Нижегородской

геоботанической экспедиции под руководством проф. В.В. Алехина было собрано свыше 30000 листов гербария. В 1950-е гг. гербарий пополнился большим количеством образцов высших сосудистых растений, в том числе редких и охраняемых, а также мохообразных и некоторых водорослей.

Всего гербарий ННГУ насчитывает более 75000 экземпляров.

Научно-технические коллекции ННГУ

Коллекция Нижегородской радиолaborатории (НРЛ)

Комплектование музея Нижегородской радиолaborатории (НРЛ) началось в 1973 г. в связи с решением Бюро обкома КПСС г. Горького о создании на базе завода им. М.В. Фрунзе мемориального кабинета НРЛ. Музею в дар из личных архивов были переданы бесценные реликвии: радиоаппаратура, документы, фотографии. Были созданы копии аппаратуры, разработанной и изготовленной в НРЛ.

В 1998 г. музей Нижегородской радиолaborатории был передан Нижегородскому государственному университету.

ННГУ стал обладателем уникальной технической коллекции, иллюстрирующей научно-исследовательскую, опытно-конструкторскую, производственную и просветительскую сферы деятельности легендарной Нижегородской радиолaborатории (1918-1928 гг.), заложившей фундаментальные основы отечественной радиопромышленности. Среди уникальных предметов коллекции: радиоприемник А.С. Попова, электродная лампа «Бабушка», первые отечественные радиолампы, генераторные лампы.

Коллекция вычислительной техники

Формирование собрания началось в 2004 г. на факультете вычислительной математики и кибернетики. Среди собирателей коллекции были Ю.Л. Кетков – родоначальник русифицированной версии языка BASIC, ученые-исследователи М.Я. Эйнгорин и др.

Коллекция насчитывает более 2000 предметов, отображающих историю развития вычислительной техники в стране и в университете.

Исторические коллекции ННГУ

Этнографическая коллекция ННГУ

Коллекция сформировалась на базе предметов кабинета этнографии исторического факультета. В коллекции отражены результаты научных экспедиций исследователей и учебных студенческих практик 1960-х – 2000-х гг.

В коллекции представлены:

- типичные и уникальные предметы, характеризующие хозяйство, быт, экономические связи, духовную культуру нижегородского крестьянства конца XVIII – начала XX вв.;

- предметы городского быта конца XIX – XX вв.;

- документы, литература, предметы, характеризующие коммунистическую идеологию, взаимоотношения людей в социалистическом обществе.

Всего в коллекции порядка 7000 предметов.

Археологическая коллекция

Коллекция сформировалась из предметов бывшего кабинета археологии исторического факультета ННГУ. Подавляющая часть материалов получена в результате изучения археологических памятников на территории Нижегородской области и относится к эпохе от каменного века до Средневековья (XIII-XIV вв.).

В коллекции представлены:

- первобытные археологические культуры Нижегородской области эпох мезолита и неолита;
- Нижегородское Поволжье в эпоху бронзы (раннего металла);
- Нижегородский край в эпоху Великого переселения народов и Раннее Средневековье;
- коренное население Нижегородского Поволжья в канун славяно-русской колонизации;
- славяно-русская колонизация Нижегородского Поволжья;
- Нижегородское Поволжье в контексте славяно-русской колонизации;
- средневековый Нижний Новгород: хозяйство и быт горожан;
- керамическое производство.

Всего в коллекции около 15000 предметов, не считая археологического массового материала.

В музейных коллекциях Университета Лобачевского широко представлены личные фонды, среди которых фонды ученых, внесших существенный вклад в развитие отечественной науки: А.А. Андронов, Г.С. Горелик, И.Н. Блохина, С.С. Четвериков, С.С. Станков, Л.А. Пономарева и др. В музейном хранении фотографии, научная и личная переписка, рукописи и книги ученых.

Научные исследования, проводимые учеными Нижегородского университета и их предшественниками, аккумулировались в коллекциях и собраниях, отражающих историю развития российской науки. Среди таких уникальных научных собраний были: библиотека бывшего Варшавского политехнического института и минерологическая коллекция Горьковского (Нижегородского) университета.

Библиотека бывшего Варшавского политехнического института.

Вместе с Варшавским политехническим институтом, эвакуированным в Нижний Новгород в 1916 г., в город приехала уникальная химическая библиотека. Она насчитывала 2398 томов и представляла ценное собрание, состоявшее из полных серий специальных химических журналов на русском, немецком, французском, голландском, английском и итальянском языках с начала их издания и до 1914 г.; журналов, содержащих оригинальные статьи, повременные сборы и рефераты, относящиеся к всемирной химической литературе по чистой и прикладной химии. После подписания Рижского мирного договора (18 марта 1921 г.) все вывезенное в период Первой мировой войны имущество, в том числе и научное, необходимо было вернуть Польской республике. 20 августа 1923 г. между представителями Нижегородского государственного университета и Польской делегацией был подписан акт о возврате в Варшаву имущества, состоявшего из 81 погрузочного места [ЦАНО, ф. 377, оп. 1, д. 114, л. 401]. Химическая библиотека бывшего Варшавского политехнического института осталась в Нижнем Новгороде. Осознавая значимость ценной научной литературы, советское правительство выплатило стоимость библиотеки золотой валютой. На протяжении XX в. университет, химический факультет и его библиотека пережили реорганизацию, переезды, смену научных направлений. Следы химической библиотеки теряются в 1960-х гг. прошлого века в личных библиотеках сотрудников, в воспоминаниях старожилов. Некоторое количество книг и журналов оказалось в техническом университете, но большая часть ценного имущества безвозвратно утеряна. Книжные раритеты, имеющие не только научную, но и историко-культурную ценность, мы уже не найдем.

Геологический музей Горьковского государственного университета.

В составе Геологического музея ГГУ (1934 г.), созданного при кафедре геологии зоологического факультета [ЦАНО, ф. 377, оп. 7, д. 22, л. 56], находились геологические коллекции экспедиции В.В. Докучаева (1882-1884 гг.), составляющие основу Нижегородского естественно-исторического музея, а также образцы минералов, горных пород и палеонтологические экспонаты, принадлежавшие кафедре геологии университета.

Во второй половине 1930-х гг. в университете планировалось создание почвенно-геологического факультета с целью изучения своеобразия и сложного геологического строения региона. Геологический музей необходим был для систематизации большого объема накопленного геологического материала. [ЦАНО, ф. 377, оп. 7, д. 22, л. 50].

Сегодня сложно сказать, каким количеством предметов располагал музей, но для обозрения посетителей был выставлен 2841 экспонат, большая часть предметов находилась в запасниках музея. Только в библиотеке хранилось больше 6000 изданий [ЦАНО, ф. 377, оп. 7, д. 22, л. 29].

Геологический музей университета несколько десятилетий выполнял свою научно-исследовательскую, образовательную и просветительскую функции, осуществлял свою деятельность в интересах не только университета, но и других научно-образовательных учреждений города, проводил экскурсии для школьников и всех любопытных горожан. Но в университете так и не открылся профильный факультет, ушли из жизни ученые-энтузиасты (Н.М. Романов, известный горьковский геолог). В ГГУ на биологическом факультете начали развиваться другие приоритетные направления. Значимость Геологического музея для университета стала уменьшаться. Уже в 90-е гг. XX столетия о музее помнили только ветераны вуза. Осколки коллекций всплывали на кафедрах химического, физического и биологического факультетов. Сегодня судьба ценнейшего научного наследия неизвестна.

Коллекции Университета Лобачевского, потерявшие по разным причинам научную значимость, без должной процедуры музеификации, не могут выполнять социальные функции, не имеют возможности отвечать запросам общества, перестают быть объектами обучения и просвещения, перестают быть фактором культуры.

Сегодня Музей Университета Лобачевского активно вводит в научный и культурный оборот коллекции, отражающие историю развития науки и образования в Нижнем Новгороде. Неоднократно на выставках в университете показывалась коллекция приборов Нижегородского кружка любителей физики и астрономии (НКЛФА), основанного в 1888 г. и ставшего первым общественным астрономическим обществом в России.

Наследие НКЛФА иллюстрирует образцы астрономической исследовательской аппаратуры рубежа XIX-XX столетий, среди которых разнокалиберное оптическое оборудование: теодолиты, телескопы, каметоискатель, полученный в 1904 г. По завещанию от известного российского астронома, декана физико-математического факультета Московского университета Ф.А. Бредихина; проекционный аппарат «Волшебный фонарь» середины XIX в., солнечные часы XVIII в. и др. Кроме приборной базы, коллекция кружка включает научную переписку, расчеты, статьи, книги по астрономии, математике, физике, отражающие развитие отечественного естествознания. Научное наследие НКЛФА особо значимо для истории нижегородской науки и культуры. Начало деятельности кружка пришлось на время с конца XIX до начала XX вв., когда в нашем регионе не было высших учебных заведений, а интерес к науке удовлетворялся в научно-просветительных объединениях, таких как НКЛФА.

Нижегородский кружок любителей физики и астрономии существует и сегодня, имея статус некоммерческой организации. Остается открытым вопрос о судьбе его

историко-культурных ценностей. Коллекция, созданная профессиональными исследователями, является уникальным научным и историческим источником. Потерять ее так же, как были потеряны коллекции Геологического музея и химическая библиотека, было бы непростительно. Одним из путей сохранения, юридической защиты научного наследия станет процедура его музеефикации. Именно музей служит эффективным средством хранения, презентации и актуализации культурного наследия путем постановки предметов на государственный учет и включения их в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. Процедура музеефикации, преобразование объектов наследия в объекты музейного учета и показа, достаточно сложна и непонятна членам кружка – физикам, математикам. Тогда как в музее этой проблемой занимаются специалисты. Конечно, сегодняшний вузовский музей чувствует себя не так уверенно, как во времена деятельности Научно-методического совета по работе вузовских музеев при Министерстве высшего и среднего образования СССР (1968 – 1990-е гг.). Тем не менее хранение культурных ценностей влечет за собой исполнение российского законодательства в области музейного дела. Несмотря на отсутствие координации работы вузовских музеев со стороны профильного министерства и целевого финансирования, Музей Университета Лобачевского продолжает комплектовать и хранить коллекции, в том числе и научные. Представляя собой огромную ценность как материальные свидетельства научного, культурного, исторического и природного наследия, они являются не только базой для проведения фундаментальных и прикладных исследований, но и выполняют самые широкие социальные функции.

Сложно переоценить возможности вузовских научных коллекций в деле целенаправленной передачи знаний, формирования мировоззрения молодежи. Необходимо отметить, что богатство и разнообразие вузовских собраний зачастую недоступно для широкой аудитории, собрания замкнуты в пространстве факультета и кафедры. Сегодня, когда есть запрос от общества и от науки на воспитание креативных мыслителей, умеющих не только находить информацию, но и анализировать ее, обладающих широким кругозором, именно университетские научные коллекции способны более полно и разносторонне интерпретировать научное наследие, демонстрировать междисциплинарные связи. Площадку университетского музея необходимо использовать для творческого взаимодействия специалистов из разных отраслей науки, для поиска новых смыслов и экспозиционных возможностей. Поэтому так важно многообразие университетских коллекций, помогающих сформировать целостную картину мира у молодежи. Выход коллекций из кафедральных шкафов и факультетских кабинетов и объединение их в единый музейный комплекс превратят вузовский музей в востребованный информационный и коммуникационный центр. По такому пути пошел Музей ННГУ, примером может послужить новая экспозиционная площадка «Плоды ума», программа «От прошлого к будущему», направленная на междисциплинарный подход в интерпретации исторического наследия.

Список литературы

1. Булюбаш, Пономарев 2009 – *Булюбаш Б.В., Пономарев С.М.* Нижегородский кружок любителей физики и астрономии в историко-научном измерении (к 120-летию первого астрономического общества в России) // Вопросы истории естествознания и техники. 2009. № 1.
2. Бурлыкина 2012 – *Бурлыкина М.И.* Музеи высших учебных заведений России на рубеже XIX-XX вв. // Вопросы музеологии. 2012. № 1(5). С 88-97.

3. Ковалева 2008 – *Ковалева Т.И., Китай Ш.Д., Мишанова М.В., Емельянова Е.Н.* К 90-летию Нижегородской радиолaborатории, первого технопарка России посвящается. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2008. 87 с.
4. Поляков 2018 – *Поляков Т.П.* Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия. М.: Институт наследия, 2018. 588 с.
5. Смуров 2020 – Наука в вузовском музее: Материалы ежегодной Всероссийской научной конференции с международным участием: Москва, 17-19 ноября 2020 г. / Отв. ред. *Смуров А.В.* М.: Музей землеведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2020. 174 с.
6. Тихомирова 1975 – *Тихомирова Э.И., Савельев Б.А., Ходецкий В.Г.* Музеи высших учебных заведений СССР. Аннот. Справочник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. 235 с.
7. Уткина 2017 – *Уткина Н.А.* Нижегородский мусейон: основание. История возникновения и деятельность музеев г. Нижнего Новгорода в 1860-х – 1917 гг.: монография. Нижний Новгород: ННГУ, 2017. 404 с.
8. Хохлов 1998 – *Хохлов А.Ф.* Университет, рожденный трижды. История создания и становления Нижегородского университета: монография. Нижний Новгород: ННГУ, 1998. 377 с.
9. Шола 2013 – *Шола Т.С.* Вечность здесь больше не живет: толковый словарь музейных грехов. Тула, 2013. 356 с.
10. Шомыслов 1960 – *Шомыслов Н.М.* Краткий путеводитель по Геологическому музею Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Горький, 1960. 21 с.

УДК 069.001

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Минина Екатерина Валерьевна

*Кандидат исторических наук, врио зам. директора по научной работе
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН*

Москва, Россия

E-mail: mininapm@yandex.ru

В процессе становления истории науки и техники как самостоятельного научного направления предпринимались неоднократные попытки формирования коллекций и создания музеев историко-научной и историко-технической направленности. Однако до настоящего времени специализированного музея, посвященного истории науки и техники, в нашей стране не существует. Это стало одной из причин того, что исследования по истории науки и техники ориентированы в основном на архивные источники, в то время как музейные коллекции используются в них значительно реже.

В настоящее время и в России, и за рубежом наметился существенный сдвиг в изучении естественно-научных (геологических, биологических) коллекций в контексте истории соответствующих научных дисциплин. Вместе с тем комплексные историко-научные и историко-технические исследования, основанные на изучении музейных коллекций, до настоящего времени малочисленны. Так, за последние 20 лет выявлено шесть диссертационных исследований по специальности «История науки и техники», в той или иной мере использующих музейные коллекции. За рубежом активно развиваются исследования, связанные с изучением коллекций научных инструментов и приборов, в которых музейные артефакты используются в биографических исследованиях, изучении научных коммуникаций, культурологии.

В настоящее время внимание историков все больше привлекает социальная история науки и техники, что, безусловно, требует расширения источниковой базы исследований, в том числе и в направлении изучения музейных коллекций. В качестве примера реализации такого подхода можно привести исследования специалистов из ряда европейских и американских музеев, представленных в издании «Scientific Instruments on Display».

Одной из причин того, что историки науки и техники в своих исследованиях все-таки чаще обращаются к письменным источникам, является недостаточная разработка теоретических и методологических вопросов. Поэтому перспективными являются совместные исследования музейных специалистов и академических ученых.

Ключевые слова: музейные коллекции, история науки и техники, научные исследования.

MUSEUM COLLECTIONS IN RUSSIAN AND FOREIGN RESEARCH ON THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Minina Ekaterina Valerievna

PhD in History, acting Deputy Director for Research

Sergey Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia

E-mail: mininapm@yandex.ru

During the development of the history of science and technology as an independent scientific direction, several attempts to form collections and to create historical-scientific and historical-technical museums were made.

However, a specialized museum dedicated to the history of science and technology in our country still does not exist. This became one of the reasons that researches in the field of the history of science and technology are mainly focused on archival sources, while museum collections are used much less frequently.

Nowadays, both in Russia and abroad, there has been a significant shift in the study of natural science collections (geological, biological) in the context of relevant scientific disciplines history. At the same time, complex researches dealing with the history of science and technology based on the study of museum collections are still few in number. So, only six dissertations using museum collections have been identified in the field of history of science and technology over the past 20 years. Meanwhile foreign research related to the collections of scientific instruments and devices, when museum artifacts are used in biographical research, cultural and scientific communications studies, is actively developing.

Now, the attention of historians is increasingly focused on the social history of science and technology and undoubtedly requires source base expanding in the direction of studying museum collections. As an example of the implementation of this approach, we can cite the research of specialists from some European and American museums presented in the book named “Scientific Instruments on Display”.

One of the reasons that historians of science and technology still more often turn to written sources in their researches is the poor development of theoretical and methodological issues. Therefore, cooperative researches of museum specialists and academic scientists are very promising.

Keywords: museum collections, history of science and technology, scientific research, museum of science and technology.

Музеи, наряду с архивами и библиотеками, являются важнейшими хранилищами памятников истории материальной и духовной культуры, в том числе и тех, которые отражают историю накопления научно-технических знаний и освоения различных технологий. В процессе становления истории науки и техники как самостоятельного научного направления предпринимались неоднократные попытки формирования коллекций и создания музеев историко-научной и историко-технической направленности. К 1929 г. относится попытка создания комплексного Музея истории естествознания при Коммунистической академии, цель которого состояла в показе

музейными средствами истории развития естественных наук. С.Л. Соболев была разработана концепция Музея истории естествознания, было собрано значительное количество экспонатов, в том числе коллекция микроскопов, ставшая впоследствии основным объектом изучения ученого [Илизаров 2012, с. 24-25]. Хотя музей истории естествознания так и не был создан, изучение коллекции микроскопов позволило С.Л. Соболеву получить новую информацию по истории микроскопических исследований в нашей стране. Так, считалось, что первые такие исследования в России относятся к 1860-м гг. и связаны с именами И.И. Мечникова, К.Э. Бэра, однако, опираясь на изучение коллекции, С.Л. Соболев доказал, что такие исследования проводились в нашей стране уже в XVIII в. [Соболев 1949].

В феврале 1932 г. в Ленинграде на базе Комиссии по истории знаний по инициативе Н.И. Бухарина был организован Институт истории науки и техники (ИИИТ), одной из основных задач которого было создание музея истории науки и техники. В короткий срок было собрано более 20000 музейных предметов, отражающих развитие различных направлений науки и техники. Именно в музее ИИИТ были выполнены первые научные работы по изучению музейных коллекций как источников по истории науки и техники [Ростовцев 1934; Каменский 1934]. Эти исследования носили комплексный характер, основывались на тщательном сравнительном анализе данных изучения вещественных источников, печатных и изобразительных материалов. Политические репрессии 1930-х гг. прервали перспективные исследования, связанные с работой ИИИТ и его музея, и до настоящего времени специализированного музея, посвященного истории науки и техники, в нашей стране не существует. Это стало одной из причин того, что исследования по истории науки и техники ориентированы в основном на архивные источники, в то время как музейные коллекции используются в них значительно реже.

Среди ученых, внесших большой вклад в изучение музейных коллекций по истории науки и техники, следует назвать выдающегося специалиста, историка науки и техники, сотрудника ИИЕТ АН СССР Л.Е. Майстрова (1922-1982 гг.). Им были подготовлены издания, посвященные приборам и инструментам XVII-XX вв., содержащие подробные описания и изображения объектов, а также исторические справки по соответствующим научным направлениям [Майстров 1968; Майстров 1974; Майстров, Петренко 1981].

Приведенные примеры являются скорее исключениями в общем поле историко-научных и историко-технических исследований и основаны на личной увлеченности авторов таких работ (С.Л. Соболева и Л.Е. Майстрова) собиранием и изучением памятников науки и техники.

С начала 1990-х гг. основной центр изучения музейных коллекций по истории науки и техники постепенно переместился в Политехнический музей. Здесь была развернута масштабная работа по научному описанию музейных предметов и коллекций, однако ее результаты практически не использовались в историко-технических и историко-научных работах. Так, за последние 20 лет выявлено шесть диссертационных исследований по специальности «История науки и техники», в той или иной мере использующих музейные коллекции [Бессуднова 2002; Слепкова 2006; Минина 2007; Гинак 2008; Абрамова 2009; Масликов 2016].

В настоящее время намечается существенный сдвиг в изучении естественнонаучных (геологических, биологических) музейных коллекций с позиций истории соответствующих научных дисциплин. Важное отличие таких коллекций заключается в том, что они изначально собирались учеными как научные собрания и использовались для проведения научных исследований. Поэтому изучение состава и истории формирования таких коллекций, особенностей атрибуции и описания входящих в их состав образцов в различные периоды времени может служить источником информации о развитии того или иного научного направления.

В качестве примера такого исследования можно привести работу З.А. Бессудновой «Геологические и минералогические исследования в музее естественной истории Московского университета, 1759–1930 гг.», в которой автор не только воссоздала историю формирования геологических, минералогических и палеонтологических коллекций, но и проследила процесс формирования систематики минералов, горных пород и палеонтологических остатков. Кроме того, З.А. Бессуднова наглядно продемонстрировала, как изменялся подход к формированию музейных коллекций в зависимости от появления и развития новых научных направлений. Она проследила и обратную связь: использование музейных коллекций как материала для исследований в новых областях геологии и минералогии. Так, В.И. Вернадский выполнил свои классические исследования по геохимии таллия, индия, рубидия, цезия и других элементов на материале коллекций Минералогического кабинета Музея естественной истории Московского университета [Бессуднова 2006].

Исследования естественно-научных коллекций в контексте истории естествознания популярны и за рубежом. Им, например, был посвящен один из номеров журнала «Centaurus» (№ 4, 2019), в котором опубликованы статьи российских и зарубежных исследователей, основанные на изучении музейных естественно-научных коллекций. Особый интерес вызывает статья «Skulls and blossoms: Collecting and the meaning of scientific objects as resources from the 18th to the 20th century», в которой авторы анализируют изменение восприятия объектов коллекционирования: от редкостей через научные образцы к историко-научным источникам [Klemun, Loskutova, Fedotova 2019].

Обращаясь к зарубежному опыту, следует отметить еще одно активно развивающееся направление – изучение коллекций научных инструментов и приборов. Причем такие исследования зарубежных коллег не ограничиваются изучением конструкций, истории создания научных инструментов и приборов, они активно используют артефакты, хранящиеся в музеях, как источники в биографических исследованиях, изучении научных коммуникаций, культурологии [Anderson 2013].

Наиболее успешной с точки зрения изучения научно-технических коллекций является, по нашему мнению, совместная программа Смитсоновского института, Музея науки в Лондоне и Немецкого музея в Мюнхене «Артефакты – история науки и техники», действующая с 2000 г. В рамках этой программы проведена серия исследований, выполненных с привлечением коллекций музеев-участников [Morris, Staubermann 2010; Weium, Boon 2013; Dewalt, Möllers 2016].

В настоящее время внимание историков действительно все больше привлекает социальная история науки и техники, что, безусловно, требует расширения источниковой базы. И изучение музейных коллекций открывает широкие возможности для исследований в данной области. С нашей точки зрения, особое значение музейных коллекций для таких исследований связано с тем, что отбор объекта из окружающей среды и превращение его в музейный предмет основываются на оценивающем отношении человека к реальности, которое формируется под влиянием различных социокультурных процессов. Поэтому история музейных коллекций отражает не только развитие науки и техники как таковое, но и происходящие в обществе социальные, экономические и даже политические процессы.

В качестве примера реализации такого подхода можно привести исследования специалистов из ряда европейских и американских музеев, представленные в издании «Scientific Instruments on Display» [Ackermann S. (ed.) 2014; Kremer, Miniati 2014]. Авторы исследований, среди которых есть и музейные работники, и историки, сумели показать, что поскольку музейные и выставочные экспозиции менялись со временем, они отражают изменение отношения общества к самим объектам, а также к науке и ее наследию. Поэтому изучение не только самих артефактов, но и подходов к их отбору и

экспонированию может служить дополнительным источником информации по социальной истории науки и техники.

Отметим, что наиболее успешные отечественные и зарубежные исследования по истории науки и техники, основанные на материалах музейных коллекций, выполнены в содружестве историков науки и техники и музейных работников. Как нам кажется, в перспективе это поможет устранить еще одну причину редкого обращения исследователей к музейным коллекциям – недостаточную разработку теоретических и методологических вопросов, связанных с методикой раскрытия информационного потенциала музейных предметов как вещественных источников.

С другой стороны, одной из основных задач научно-технических музеев является разработка научно обоснованных критериев отбора предметов в коллекции, трактовки их в экспозиционной и научно-просветительской деятельности, что невозможно осуществить без сотрудничества с историками науки и техники. Именно такая взаимозависимость и взаимовлияние, как нам кажется, делает сотрудничество в изучении музейных коллекций перспективным и для историков науки и техники, и для научных сотрудников музеев.

Список литературы

1. Абрамова 2009 – *Абрамова Ю.А.* Музейные коллекции по истории горно-металлургической промышленности Алтая XVIII-XIX веков как источник по истории науки и техники: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009. 247 с.
2. Бессуднова 2002 – *Бессуднова З.А.* Геологические и минералогические исследования в музее естественной истории Московского университета, 1759-1930 гг.: дис. ... канд. геол.-минер. наук. М., 2002. 169 с.
3. Бессуднова 2006 – *Бессуднова З.А.* Геологические исследования в Музее естественной истории Московского университета. 1759-1930. М.: Наука, 2006. 246 с.
4. Гинак 2008 – *Гинак Е.Б.* Метрологическая реформа Д.И. Менделеева (конец XIX – начало XX вв.): дис. канд. ист. наук. М., 2008. 190 с.
5. Каменский 1934 – *Каменский В.А.* Модель Олонецкой пушечно-сверлильной машины первой четверти XIX в. // Архив истории науки и техники. 1934. Вып. 2. С. 247-265.
6. Майстров 1968 – Научные приборы: приборы и инструменты исторического значения / Ред.-сост. Л.Е. Майстров. М.: Наука, 1968. 273 с.
7. Майстров 1974 – *Майстров Л.Е.* Научные приборы исторического значения: микроскопы. М., 1974.
8. Майстров, Петренко 1981 – *Майстров Л.Е., Петренко О.Л.* Приборы и инструменты исторического значения: Вычислительные машины. М.: Наука, 1981. 157 с.
9. Масликов 2016 – *Масликов С.Ю.* Астролябии как научный инструмент: от Античности до Нового времени: дис. ... канд. физ.-мат. наук. М., 2016. 230 с.
10. Минина 2007 – *Минина Е.В.* Музейные коллекции по горному делу в России как источник по истории науки и техники: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 236 с.
11. Ростовцов 1934 – *Ростовцов И.А.* Основные моменты истории велосипеда (по материалам Музея истории науки и техники) // Архив истории науки и техники. 1934. Вып. 4. С.411-425.
12. Ростовцов – *Ростовцов И.А.* Токарные мастерские XVIII века и их оборудование // АРАН. Ф. 485. Оп. 1. Д. 239.

13. Слепкова 2006 – *Слепкова Н.В.* Развитие зоологического музея Академии наук как центра исследований по систематике (1883-1932 гг.): дис. ... канд. биол. наук. СПб., 2006. 335 с.
14. Соболев 1949 – *Соболев С.Л.* История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 605 с.
15. Илизаров 2013 – Соболев Самуил Львович: Материалы к биобиблиографии / Авт.-сост. С.С. Илизаров. М.: Янус-К, 2012. 120 с.
16. Anderson 2013 – *Anderson K.* Beyond the Glass Cabinet: The History of Scientific Instruments // *Revista Electrónica de Fuentes y Archivos*. 2013. No. 4. Pp. 34-46.
17. Dewalt, Möllers 2016 – *Dewalt B., Möllers N.* Objects in Motion: Globalizing Technology. 2016. 171 p.
18. Klemun, Loskutova, Fedotova 2019 – *Klemun M., Loskutova M., Fedotova A.* Skulls and blossoms: Collecting and the meaning of scientific objects as resources from the 18th to the 20th century // *Centaurus*. 2019. № 60(4). Pp. 231-237.
19. Morris 2010 – *Morris P., Staubermann K.* Illuminating Instruments. 2010. 174 p.
20. Ackermann 2014 – Scientific Instruments on Display / *Ackermann S. (ed.), Kremer R. and Miniati M.* Leiden: BRILL Academic Pub., 2014. 268 с.
21. Weium, Boon 2013 – *Weium F., Boon T.* Material Culture and Electronic Sound. 2013. 312 p.

УДК 001.92

ИСТОРИЯ НАУКИ В АНТИРЕЛИГИОЗНЫХ ЭКСПОЗИЦИЯХ ЛЕНИНГРАДА 1920-1950-Х ГГ.*

Шахнович Марианна Михайловна

*Доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой
философии религии и религиоведения*

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: shakhnovich@gmail.com

В статье рассматривается вопрос о презентации истории науки в антирелигиозных экспозициях ленинградских музеев 1920-1950-х годов. В этот период история развития науки рассматривалась как история борьбы научного знания с невежеством и религиозными суевериями, а естественно-научное просвещение считалось неотъемлемым элементом антирелигиозной пропаганды. После Первого Всероссийского музейного съезда (1930 г.) в структуру антирелигиозных экспозиций вносится упорядоченность. Возникает практика создания отделов «Наука и религия», в которых были представлены материалы, пропагандирующие научную картину мира, освещающие основы астрономических знаний, происхождение жизни и человека. В докладе освещаются основные принципы построения отделов «Наука и религия» Государственного антирелигиозного музея Ленинградского отделения Союза воинствующих безбожников (1930-1941 гг.) и Музея истории религии и атеизма АН СССР (1954-1969 гг.). Два музея отражали разные подходы в отношении презентации религии. В отличие от ЛГАМ, подчиненного системе политпросвета и ориентированного на решение пропагандистских задач, МИР, созданный в системе Академии наук, позиционировал себя как научно-исследовательское учреждение. Однако в 1954 г. там был создан отдел, целью которого было показать коренную противоположность науки и религии и роль советской науки в преодолении религиозных суеверий.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43036.

Ключевые слова: история науки, естественно-научное просвещение, антирелигиозная пропаганда, антирелигиозные музеи, наука и религия.

THE HISTORY OF SCIENCE IN ANTI-RELIGIOUS EXPOSITIONS OF LENINGRAD IN THE 1920S – 1950S

Shakhnovich Marianna Mikhailovna

*PhD DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Religious Studies
and Philosophy of Religion*

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

E-mail: shakhnovich@gmail.com

The article discusses the issue of the presentation of the history of science in the anti-religious expositions of the Leningrad museums of the 1920s – 1950s. During this period, the history of the development of science was viewed as the history of the struggle of scientific knowledge with ignorance and religious superstition, and natural science education was considered an integral part of anti-religious propaganda. Since 1930, after the First All-Russian Museum Congress, order has been introduced into the structure of anti-religious expositions. The practice of creating departments “Science and Religion” arises, in which materials were presented that propagandize the scientific picture of the world, illuminating the foundations of astronomical knowledge, the origin of life and human being. The report highlights the basic principles of constructing the “Science and Religion” departments of the State Anti-Religious Museum of the Leningrad Branch of the Union of Militant Atheists (1930-1941) and the Museum of the History of Religion and Atheism of the USSR Academy of Sciences (1954-1969). The two museums reflected different approaches to the presentation of religion. MHR, created in the system of the Academy of Sciences, in contrast to LSAM, subordinated to the system of political education and focused on solving propaganda problems, positioned itself as a research institution. However, in 1954 a special department was created there, the purpose of which was to show the radical opposition between science and religion and the role of Soviet science in overcoming religious superstitions.

Keywords: history of science, natural science education, anti-religious propaganda, anti-religious museums, science and religion.

В конце 1920-х гг. в Советском Союзе существовало более ста антирелигиозных музеев. Во многих краеведческих и исторических музеях были созданы антирелигиозные отделы. В 1929 г. в Москве в соборном храме ликвидированного Страстного монастыря был открыт Центральный антирелигиозный музей. В каждом из этих музеев были созданы небольшие разделы, посвященные естествознанию, целью которых было показать, что наука дает ответы на вопросы, на которые не может ответить или неправильно отвечает религия. История развития науки рассматривалась как история борьбы научного знания с невежеством и религиозными суевериями, а естественно-научное просвещение считалось неотъемлемым элементом антирелигиозной пропаганды. Безусловно, такой подход подкреплялся соответствующим идеологическим основанием в виде «философского завещания» Ленина – статьи «О значении воинствующего материализма» (1922 г.), в которой указывалась необходимость союза с французским Просвещением и современным естествознанием в деле распространения материалистического мировоззрения. Однако в большинстве региональных музеев в 1920-е гг. сотрудники не всегда руководствовались последними идеологическими указаниями, но пользовались любой возможностью пропаганды научных знаний, необходимых в крестьянском быту, критикуя суеверные представления о причинах болезней, о непонятных природных явлениях как знаменьях, т.е. использовали музейные экспозиции для распространения элементарных знаний в области медицины, метеорологии, астрономии, продолжая в этом отношении традиции, начатые еще земской интеллигенцией. Обычно это были небольшие экспозиции, основанные

на местном материале, сопровождаемые фотографиями и текстами из печатных изданий. После дискуссий об антирелигиозных экспозициях на Первом Всероссийском музейном съезде (1930 г.) в их структуру во всех музеях вносится упорядоченность. Журнал «Антирелигиозник» в качестве образцового примера привел экспозицию Елецкого антирелигиозного музея, которая открывалась отделом «Наука и религия», в котором были представлены материалы по темам: «а) Мир с точки зрения науки и религии, б) Земля и другие планеты, в) Происхождение жизни на земле, г) Происхождение и развитие человека» [Коган 1931, с. 65].

В Ленинграде к вопросу о необходимости распространения естественно-научных знаний для критики религии подошли с большим размахом. В период с октября 1924 г. по 1926 г. в Ленинграде существовало несколько небольших антирелигиозных музеев разного подчинения [Шахнович 2019, с. 56]. В 1926 г. они все были объединены в Антирелигиозный музей экскурсионно-лекторской базы Ленинградского отдела народного образования. В этом музее, помимо этнографических материалов, предметов православного культа, картин и рисунков, раскрывающих возникновение и развитие религиозных верований и показывающих современное состояние религии в СССР, существовал отдел, посвященный презентации научной картины мира, происхождения человека и устройства Вселенной. В 1930 г. Антирелигиозный музей переходит в систему Губполитпросвета, переводится в Исаакиевский собор и получает новое название – Государственный антирелигиозный музей Ленинградского отделения Союза воинствующих безбожников. Экспозиция этого музея открылась в пасхальную ночь с 11 по 12 апреля 1931 г. демонстрацией главного музейного экспоната – маятника, установленного в куполе Исаакиевского собора для доказательства вращения Земли вокруг Солнца с целью опровержения религиозной картины мира [Каменщиков 1931]. Идея этого проекта была почерпнута из демонстрации опыта, доказывающего вращение Земли с помощью маятника, установленного Ж.Б.Л. Фуко в Париже в церкви Марии Магдалины (Пантеоне) в 1851 г. На первую демонстрацию этого опыта в Исаакиевский собор пришло около 7 тыс. человек. Экспозиция ЛГАМ, размещенная между колоннами собора, открывалась разделом «Наука и религия», материалы которого были размещены на больших стендах, структура раздела полностью соответствовала предложенному образцу с той лишь разницей, что в отличие от провинциальных музеев ЛГАМ мог себе позволить больше объемных экспонатов. Например, тема «Происхождение и развитие человека» раскрывалась с помощью рисунков, схем и многочисленных гипсовых слепков, демонстрирующих археологические доказательства происхождения человека в результате эволюции. Экспозиция музея, несмотря на сравнительно недолгий период его существования (до 1941 г.), неоднократно переделывалась. В конце 1930-х гг., помимо щита «Борьба религии против науки» с фотографиями картин и гравюр, изображающих трагическую историю утверждения гелиоцентрической картины мира, появился стенд «Советская наука – самая передовая в мире», на котором были представлены фотографии главного здания Пулковской обсерватории, нескольких телескопов и портреты ученых.

15 ноября 1932 г. в помещении Казанского собора открылась экспозиция Музея истории религии АН СССР, созданная В.Г. Богоразом и его сотрудниками, и девять лет в Ленинграде в помещениях двух соборов сосуществовали два музея, отражавшие разные подходы в отношении презентации религии. В отличие от ЛГАМ, подчиненного системе политпросвета и ориентированного на решение пропагандистских задач, МИР, созданный в системе Академии наук, позиционировал себя как научно-исследовательское учреждение, занимающееся исследованиями и научно-просветительной деятельностью в области истории религии и атеизма. В течение первых двух десятилетий существования МИР вопрос отношения науки и религии в экспозициях

музея рассматривался исключительно в контексте истории европейского свободомыслия, никаких специальных разделов, посвященных современной картине мира или истории науки, в музее не было.

После принятия постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7 июля 1954 г. необходимость создания специальной экспозиции по естествознанию и истории науки становится очевидной. Курс партии на строительство коммунизма в СССР вызвал существенные трансформации идеологической работы в области религии. Одновременно усилилось давление и контроль партийных органов над учреждениями, в которых так или иначе проводилась работа по изучению религии, поэтому возникла необходимость усиления антирелигиозного компонента экспозиции МИР. Это было осуществлено благодаря созданию новой экспозиции вводного отдела «Естествознание и религия», который был открыт в конце 1954 г. Авторы экспозиции – М.С. Бутинова и М.И. Шахнович. В 1960 г. теми же сотрудниками при участии Я.М. Притыкина отдел был расширен и стал называться «Наука и религия».

Цель отдела «Естествознание и религия» была сформулирована так: показать коренную противоположность науки и религии, роль советской науки в борьбе за преодоление религиозных суеверий в сознании людей. Он состоял из следующих разделов: «Антинаучные религиозные представления о мире»; «Из истории борьбы науки и религии»; «Естествоиспытатели против религии в царской России»; «Советская астрономия и геология против религии»; «Научно-атеистическое значение учения И.В. Мичурина»; «Научно-атеистическое значение учения И.П. Павлова»; «Научно-атеистическая пропаганда» [Бутинова 1957, с. 3-4]. Обновленная экспозиция «Наука и религия» занимала значительно большее пространство. Структура экспозиции существенно изменилась, в ней появились такие разделы как: «Наука открывает тайны возникновения жизни», «Религия отстывает перед успехами медицины», «Наука преобразует природу», «Начало космической эры», «Человек будет властелином вселенной» и др. В экспозиции были использованы живописные произведения, графика, скульптура (многие вещи специально заказывались), макеты, схемы, большое количество научных фотографий, архивные документы. Среди архивных документов – «Прошение академика А.А. Маркова в Святейший Синод с просьбой отлучить его от Православной церкви» и дело о запрете Петербургским цензурным комитетом книги И.М. Сеченова «Рефлексы головного мозга».

Среди наиболее ярких экспонатов – реконструкция «Синатропы» (скульпторы Н.С. Дубровский, П.П. Черненко, А.И. Хаханова), скульптурные работы Л.И. Барбаша и Л.Ю. Эйдлина, изображающие Коперника и Галилея, работа Г.Д. Гликмана «Профессор Филатов и прозревшая девочка», картина А.А. Дейнеки «Первый полет над Москвой. Никитка-летун», живописные и скульптурные портреты русских ученых – Менделеева, Сеченова, Тимирязева, Павлова; фотопортреты с автографами первых космонавтов и пр. Экспозиция просуществовала до конца 1960-х гг. и пользовалась большой популярностью.

Список литературы

1. Бутинова 1957 – *Бутинова М.С.* Естествознание и религия. Справочник-путеводитель по Музею истории религии и атеизма АН СССР. М.-Л.: АН СССР, 1957. 45 с.
2. Каменщиков 1931 – *Каменщиков Н.П.* Опыт Фуко в бывш. церкви: маятник Фуко в бывш. Исаакиевском соборе. Л.: Прибой, 1931. 24 с.
3. Коган 1931 – *Коган Ю.* Практические задачи музейно-антирелигиозной работы // Антирелигиозник. 1931. № 6. С. 65-69.

4. Шахнович 2019 – *Шахнович М.М.* «Культурничество» или «агитпроп»: антирелигиозные экспозиции в Петрограде/Ленинграде в 1920-е годы // Труды Государственного музея истории религии. Вып. 19. СПб, 2019. С. 54-63.

УДК 069.02:6(091)

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ В МУЗЕЯХ РОССИИ И СССР (XVIII В. – 1930-Е ГГ.)

Шлеева Марина Владимировна

Научный сотрудник

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Москва, Россия

E-mail: mshleeva@mail.ru

В докладе рассматривается генезис и развитие памятникоохранной деятельности в области науки и техники, в том числе начальный период музеефикации национального научно-технического наследия. Первые целенаправленные попытки сбора и сохранения научно-технических реликвий могут быть отнесены к началу XVIII в., прежде всего это памятники военной техники и судостроения. Следующий этап связан с оформлением учебных демонстрационных и научных коллекций, часть из которых со временем превращалась в исторические и мемориальные собрания. К середине XIX в. появляются первые собственно историко-технические и историко-научные коллекции, а в пореформенное время организуются военно-исторические музеи, в которых ведется целенаправленный сбор памятников, в том числе с использованием археологических методов, собранные коллекции изучаются и экспонируются с историко-технических позиций. В публицистический и научный оборот входит понятие «памятник техники». На рубеже двух веков организовываются первые отечественные историко-медицинские музеи, в начале XX в. – первый мемориальный музей, посвященный ученому. Одновременно в научной среде поднимается вопрос о важности и значимости сохранения памятников «гениальных и выдающихся тружеников науки и техники нашей родины» и создания комплексного музея истории науки и техники. Эта мысль была повторена после Февральской революции 1917 г. Следующий этап активного создания историко-научных и историко-технических музеев относится к 1920-1930-м гг. Именно в это время появились проекты комплексных музеев истории науки и техники, было сделано несколько попыток их создания, но по разным причинам ни одна из них не была доведена до завершения.

Ключевые слова: памятники науки и техники, музеи истории науки и техники

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY IN MUSEUMS OF RUSSIA AND THE USSR (XVIII CENTURY – 1930S)

Shleeva Marina Vladimirovna

Researcher

*Sergey Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of
Sciences*

Moscow, Russia

E-mail: mshleeva@mail.ru

The article is devoted to the emergence and development of the preservation of science and technology legacy, including the beginning of its museification. It is emphasized that the first systematic attempts to collect and preserve valuable science and technology artifacts, mostly related to weapons and military appliances and to shipbuilding, can be traced back to the early XVIII century. The next stage is associated with the assembling of demonstration and scientific collections, some of which eventually became historic and memorial collections of scientific and

technological relics. The first historico-technical and historico-scientific collections per se appeared by the mid-XIX century and the museums of military history were organized in post-reform times. In these museums, the artifacts are systematically collected, including using archeological methods, and thus assembled collections are studied and exhibited from the perspective of the history of technology. The notion of the 'monument of technology' is introduced into the journalistic and scientific discourse. The first Russian museums for the history of medicine appeared at the turn of the XIX and XX century and the first memorial museum devoted to a scientist was created in the early XX century. At the same time, the question is raised of the importance and value for the country of the preservation of heritage of "our country's genius and outstanding toilers of science and technology" and creation of a complex museum for the history of science and technology. The same idea was put forth after the February Revolution of 1917. The next stage that occurred in the 1920s and 1930s was characterized by the active creation of historico-scientific and historico-technical museums. During that time several projects of complex museums for the history of science and technology appeared and several attempts were undertaken to create such museums although none of these attempts were successful due to various reasons.

Keywords: science and technology artifacts, museums for the history of science and technology.

История науки и техники как исследовательская задача получила воплощение в российском музейном пространстве во второй половине XIX в., в то время как целенаправленный сбор объектов, которые несколько позднее стали называть памятниками техники, имеет более глубокие корни. Начало этой деятельности связано с первыми указами Петра I о хранении «на вечную память» свидетельств сражений и побед русских войск, включая военную технику и мемориальные суда. На протяжении всего XVIII в. проводился сбор памятников в протомузейных собраниях и в первых военно-исторических музеях – московском и петербургском цейхгаузах и арсеналах, модель-камере Адмиралтейства и др. К рубежу XVIII и XIX вв. собрание Достопамятного зала Петербургского арсенала включало разнообразные образцы вооружения, начиная с XVI в. [Туманов 1996, с. 39]. В собрании модель-камеры уже к середине XVIII в. насчитывалось несколько десятков проектных моделей судов, моделей адмиралтейств, эллингов, заводов, мостов, чертежей, планов и морских карт [Огородников 1908, с. 1]. Особый интерес в этом контексте представляет попытка Петра I создать хранилища «достопамятных» и трофейных кораблей в Кронверкской протоке и в Кронштадтской гавани (просуществовали до 1730-х гг.), ставшие своего рода первыми отечественными музеями под открытым небом, «гаванью исторических кораблей» [Курносов 2003, с. 33-38].

Следующий этап, начинающийся в конце XVIII в., был связан с появлением военно-исторических музеев и с постепенным превращением демонстрационных учебных и научных коллекций в исторические и мемориальные собрания. В 1805 г. модель-камеру реорганизовали в Морской музей, к сожалению, с недолгим, до 1827 г., периодом существования. Однако благодаря его деятельности удалось сохранить историческую часть коллекции модель-камеры для воссозданного в 1867 г. музея. С середины XVIII в. началось формирование собрания моделей и макетов русских крепостных сооружений и других памятников военно-инженерного искусства, разместившегося в 1816 г. в специальном павильоне Инженерного замка, а с 1855 г. получившего название Музеум Николаевской инженерной академии и училища. В конце первой четверти XIX в. был создан музей Морского кадетского корпуса, где собирались модели кораблей русского флота, навигационные приборы, оружие, сюда же попала часть коллекций расформированного Морского музея. Эти музеи носили кунсткамерный характер, однако они стали примером для будущих научно-технических собраний и музеев, способствуя формированию традиции и став первыми опытами музеефикации.

В конце XVIII – начале XIX вв. в учебных заведениях организовываются кабинеты (музеи) наглядных пособий, не имевшие исторической направленности, но постепенно,

на протяжении десятилетий, в них накапливались материалы, которые превращались в полноценные собрания экспонатов истории отдельных областей знания и отраслей техники. Подобным образом развивались музеи Горного института и Института корпуса инженеров путей сообщения в Петербурге, Константиновского межевого института в Москве и др.

Коллекции по истории науки и техники формировались с начала XIX в. В различных учреждениях и ведомствах. Коллекция Депо образцовых мер и весов дала начало Метрологическому музею, коллекция приборов Главной физической обсерватории также со временем выделилась в музей. Первым опытом по созданию историко-технической экспозиции в отечественной музейной практике стала коллекция Барнаульского горного музеума: модели машин и механизмов, действовавших на рудниках и заводах алтайского горнопромышленного района в XVIII – начале XIX вв. [Демчик, Гребенникова 2017, с. 27]. Следует упомянуть традицию, возникшую в 1840-е гг. в Казанском университете, где сохранялись «ценные коллекции препаратов соединений, полученных в казанской лаборатории и принадлежавших Клаусу, Зинину, Бутлерову, Марковникову, Зайцеву, Глинскому» [Альбицкий 1901, с. 53].

С середины XIX в. начинают создаваться историко-технические и историко-научные экспозиции, для которых ведется поиск и подбор соответствующих музейных предметов. Примерами могут служить музей Императорского фарфорового завода, музей Тульского оружейного завода, Сельскохозяйственный музей, музей Главной палаты мер и весов (Депо образцовых мер и весов), музей Константиновского межевого института (в частности, известна просьба к российским дипломатам о покупке древней арабской астролябии) [Кусов 2004, с. 228-230].

В пореформенное время окончательно оформляются два крупнейших военно-исторических музея, для которых ведется поиск исторических материалов – в 1867 г. воссоздается Морской музей, в 1868 г. Достопамятный зал переименовывается в Артиллерийский музей. Исключительную роль в развитии музейного дела в России в целом и в распространении истории науки и техники в музейном поле сыграл Н.Е. Бранденбург, первый директор Артиллерийского музея. Его работы оказали влияние на формирование представлений о памятниках отечественной техники, на разработку методов их поиска, изучения и публикации, с его именем связано введение в музейную практику организации систематических археологических экспедиций для поиска памятников военной техники.

К последней четверти XIX в. в публицистический и научный оборот входит понятие «памятник техники», что, по-видимому, не случайно совпало по времени с разработкой Московским археологическим обществом классификации памятников истории и культуры с выделением таких категорий как памятники истории, архитектуры, письменности и др.

В конце XIX в. появляются музеи нового типа: Хирургический музей Н.И. Пирогова в Петербурге и Музей истории медицины Московского университета. Следующим историко-научным музеем стал первый мемориальный музей ученого – Музей Д.И. Менделеева, созданный в Петербургском университете в 1911 г.

В начале XX в. большую роль в формировании представлений о ценности национального наследия в области науки и техники сыграл ряд факторов, таких как музейный бум и попытки законодательного оформления памятниковозащитной деятельности, но прежде всего возрастающее влияние науки на жизнь общества и собственно научные запросы. Начинает проявляться общественный интерес к национальным достижениям науки, увеличивается число историко-научных публикаций, к истории науки обращаются В.И. Вернадский и К.А. Тимирязев, своими работами проложившие путь для профессионализации в этой области деятельности.

Первое из известных к настоящему времени предложений о памятниках «гениальных и выдающихся тружеников науки и техники нашей родины», о создании музея истории науки и техники по типу Немецкого музея в Мюнхене (Deutsches Museum von Meisterwerken der Naturwissenschaft und Technik) было высказано в 1911 г. А.Н. Умовым в Обществе содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова [Шлеева 2008, с. 151-161], членами которого были П.П. Лазарев (1917-1918 гг.) и В.И. Вернадский (1921 г.), авторы следующих по времени предложений о подобном музее.

Непродолжительный, но чрезвычайно плодотворный период с середины 1920-х до середины 1930-х гг. стал временем активного создания историко-научных и историко-технических музеев. Внимание со стороны научной и музейной общественности к памятникам науки и техники совпало с требованиями государственной идеологии, появилась возможность реализации высказывавшихся ранее предложений. Два крупнейших государственных музея, Русский музей в Ленинграде и Исторический музей в Москве, начали проводить работу по выявлению памятников индустриального наследия в старых промышленных районах страны. Экспедиции столичных музеев способствовали развертыванию деятельности по сбору и экспонированию историко-научных и историко-технических материалов в регионах, в том числе была высказана новаторская для своего времени мысль о музеефикации старейшего завода Урала в Невьянске (основан в 1699 г.) с показом исторической технологии. В стране возник ряд музеев по истории отдельных отраслей техники и мемориальных музеев, посвященных ученым. Большое влияние на планы по организации музеев оказал процесс институционализации истории науки и техники, и одновременно их реализация способствовала дальнейшему развитию этой области знания.

В конце 1920-х гг. начали создаваться комплексные музеи истории науки и техники. Движение получило поддержку на государственном уровне, в том числе финансовую. Инициаторами организации некоторых музеев стали представители партийно-государственной элиты (В.В. Куйбышев, Н.И. Бухарин и др.). Предлагалось открыть в ИФЛИ музейную специализацию по истории техники, а в Харькове (на тот момент столица УССР) анонсировалась аспирантура по этой специальности [Шлеева 2018, с. 125].

Известно несколько предложений по созданию музея, исходивших от общественных организаций и государственных учреждений, таких как Комиссия по истории знаний АН СССР (с 1932 г. – Институт истории науки и техники АН СССР) и Всесоюзная ассоциация инженеров. Было сделано несколько попыток их создания в разных городах страны – Москве, Ленинграде, Харькове, Свердловске. В годы, предшествовавшие первой пятилетке, академик А.Ф. Иоффе вел переговоры с Оскаром Миллером, создателем Немецкого музея, о помощи в создании подобного музея в СССР [Кусов 2004]. В 1929 г. в Москве при Комакадемии был создан Музей истории естествознания. В Ленинграде с 1932 г. по 1939 г. действовал Музей истории науки и техники ИИИТ АН СССР. Также подготовительные работы велись по созданию Украинского технического музея (Харьков), вводного отдела планировавшегося Дворца техники (Москва), Музея Большого Урала (Свердловск). В силу ряда причин, в том числе политического и экономического порядка, ни один из проектов не получил завершения.

Вопрос о музее в последующем обсуждался неоднократно с конца 1980-х гг. Политехнический музей позиционировал себя как головной музей истории науки и техники, в 1990-е гг. возникали частные научно-технические музеи с историческими коллекциями. Однако комплексный музей истории науки и техники не создан, хотя в стране имеются богатейшие историко-технические и историко-научные коллекции. В общей массе музеев России научно-технические музеи, которые в современный

период должны занимать лидирующие позиции, не могут конкурировать с художественными и историческими музеями, прежде всего по общему их количеству.

Список литературы

1. Альбицкий 1901 – *Альбицкий А.* Кафедра химии и химическая лаборатория имп. Казанского университета в ее прошлом и настоящем // Ломоносовский сб. М., 1901.
2. Демчик, Гребенникова 2017 – *Демчик Е.В., Гребенникова Т.Г.* Индустриальное наследие в музейных коллекциях Алтайского края // Экономическая история. 2017. № 1(36).
3. Курносов 2003 – *Курносов С.Ю.* Становление и развитие морских музеев России: дис. ... канд. культурологии. СПб., 2003.
4. Кусов 2004 – Московский государственный университет геодезии и картографии: МИИГАИК: История создания и развития. 1779-2004 / Авт.-сост. В.С. Кусов. М., 2004.
5. Огородников 1908 – *Огородников С.* Морской музей в С. Петербурге. СПб., 1908.
6. Туманов 1996 – *Туманов В.Е.* Принадлежит России // Музей военной истории и боевой славы: сб. статей и материалов, посвященный 240-летию музея. СПб., 1996.
7. Шлеева 2008 – *Шлеева М.В.* Общество им. Х.С. Леденцова и проект музея истории науки и техники // Химические и естественнонаучные общества: история, основатели, роль в развитии химического образования и науки: сб. тр. III Чтений, посвященных памяти профессора Н.А. Фигуровского. Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена: Нобелистика, 2008.
8. Шлеева 2018 – *Шлеева М.В.* Музеи истории науки и техники и музеефикация памятников науки и техники в СССР в 1920-1930-е годы // Вихревая динамика развития науки и техники. Россия / СССР. Первая половина XX века: Коллективная монография: в 3 т. Т. 1: Турбулентная история науки и техники / отв. ред. Ю.М. Батурич: Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М.: ИИЕТ РАН; Саратов, ООО «Амирит», 2018.

УДК 069.02:6(09)

ПРОЕКТЫ «МУЗЕЯ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ» ОТ «ВЕЛИКИХ СТРОЕК» ДО ПЕРЕСТРОЙКИ: КОНТЕКСТЫ, КОНЦЕПЦИИ, ПЕРСОНАЛИИ

Юсупова Татьяна Ивановна

Доктор исторических наук, ведущий научный специалист

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН – Санкт-

Петербургский филиал

Санкт-Петербург, Россия

ti-yusupova@mail.ru

В докладе анализируются проекты создания музея истории науки, которые были инициированы в период 1930-1990 гг. Рассматриваются их концепции, специфика реализации, контексты, в которых она происходила, а также основные персоналии, участвовавшие в этих начинаниях. Показано, что главным дискуссионным вопросом была концепция музеев. Идеи концепций варьировались от «музея истории идей» до «музея науки и техники». Самым успешным был проект начала 1930-х гг. Музей фактически существовал (но всего 4 года) как подразделение Института истории науки и техники. Проект музея 1936-1937 гг. носил выраженный идеологический характер и был призван демонстрировать успехи развития науки и техники при социализме. Последний проект – 1989-1990 гг. – отражал особенности именно перестроечного периода с характерными для этого времени

амбициозными планами. Ни один из проектов музея истории науки и техники не был реализован. На наш взгляд, Академия наук не могла одна воплотить такой масштабный проект без государственной поддержки, которой ни в одном из рассмотренных случаев не было.

Ключевые слова: музей истории науки и техники, концепции, музейный проект, Академия наук, контексты реализации.

PROJECTS OF “MUSEUM FOR THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY” FROM THE GREAT CONSTRUCTION PERIOD TO PERESTROIKA: CONTEXTS, CONCEPTS, PERSONALITIES

Yusupova Tatiana Ivanovna

PhD DSc in History, Leading Researcher

*Sergey Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences – Saint Petersburg branch
Saint Petersburg, Russia
ti-yusupova@mail.ru*

The author analyzes the projects of the creation of museum for the history of science that were initiated in 1930s – 1990s. The article examines their concepts, the specifics of implementation, the contexts of the projects and the main personalities who participated in these endeavors. It is shown that the main discussion point was the museum concepts. The main points of view ranged from a “museum for the history of knowledge” to a “museum of science and technology”. The most successful was the project of the early 1930s. This museum existed (but only for 4 years) as a department of the Institute for the History of Science and Technology. This museum project of 1936-1937 had a pronounced ideological character and was intended to demonstrate the success of the development of science and technology in a socialist society. The last project of 1989-1990 reflected the features of perestroika with its ambitious plans. None of the projects of the museum for the history of science and technology was implemented. In our opinion, the Academy of Sciences could not realize such a large-scale project alone, without state support, which was not available in any of the cases considered.

Keywords: museum for the history of science and technology, concepts, museum project, Academy of Sciences, implementation contexts.

В конце 1920-х гг. В.И. Вернадский определил триаду, необходимую для успешного развития истории науки как самостоятельной научной дисциплины: учреждение специализированного института, научного журнала и музея истории науки. Институт истории науки и техники (ИИИТ) в структуре АН СССР был открыт в 1932 г. (с 1953 г. – Институт истории естествознания и техники (ИИЕТ)); журнал «Вопросы истории естествознания и техники» был учрежден в 1980 г.; решить третью задачу – создать музей – до сих пор не удалось. При этом, согласно выявленным на сегодня материалам, попытки организовать музей предпринимались историко-научным сообществом как минимум четыре раза: в начале 1930-х гг. (Ленинград), в 1936-1937 гг. (Москва), в начале 1980-х гг. (Москва), в 1989-1990 гг. (Ленинград). Наиболее активно и результативно разрабатывался первый проект, и мы можем говорить о факте существования музея в 1932-1936 гг. как подразделения ИИИТ. В трех других случаях мы говорим об инициативах создания музея. Следует также отметить, что проработанных концепций музея во всех четырех случаях не было. Идея музея варьировалась от музея истории знаний / истории науки / истории техники / истории науки и техники до музея науки и техники и музея техники.

В докладе рассмотрены три из четырех проектов музея: проанализированы их концепции, специфика реализации, контексты, в которых она происходила (от эпохи

«Великих строек» социализма до слома его основ и политико-экономической перестройки), представлены основные персоналии, участвовавшие в этих начинаниях.

Проект 1-й (1930-е гг.)

История этого проекта и его воплощения достаточно хорошо известна по публикациям [Илизаров 1984; Большакова 1986; Орел, Смагина 2003]. Мысль о музее зародилась в конце 1920-х гг. в Комиссии по истории знаний (КИЗ), которую возглавлял В.И. Вернадский. Он активно продвигал эту идею в академической среде. Особенно активные работы начались в 1930 г., когда КИЗ и созданный на его основе в 1932 г. в Ленинграде ИИНТ возглавил Н.И. Бухарин. Музей был поддержан рядом ведомственных структур и Ленсоветом. За непродолжительное время был проделан значительный объем работы по сбору экспонатов, их изучению и описанию, подготовке временных выставок. При этом никакие документы, регламентирующие деятельность музея, разработаны не были. Развернуть его работу, как известно, не удалось. Во многом это произошло потому, что он так и не стал ни государственным, ни хотя бы общеакадемическим проектом. Окончательно поставил точку в судьбе музея переезд Академии наук в Москву в августе 1934 г. и чуть позже – перевод в Москву ИИНТ.

Проект 2-й (1936–1937 гг.)

Самый грандиозный по замыслу проект музея истории науки и техники родился в недрах проработки строительства комплекса Президиума АН в Москве и масштабного плана реорганизации академических музеев. [Юсупова 2019]. Этот грандиозный проект был инициирован в 1936 г. и нес большую идеологическую нагрузку: наука становилась важной частью государственного строительства, а ее достижения должны были свидетельствовать о его успехах. В новом здании Президиума предполагалось разместить три музея: Геологический, Географический и Музей истории науки и техники, в которых будет проходить «как бы отчетный показ работ Академии наук по ведущим проблемам науки». Для обсуждения музейного плана при Президиуме была создана специальная Музейная комиссия, где, в частности, развернулась острая дискуссия о концепции музея истории науки и техники. Одну представил директор ИИНТ В.В. Осинский, другую – П.Л. Капица.

В.В. Осинский настаивал, чтобы историю науки и техники будущий музей демонстрировал «на основе развития производительных сил... в хронологической последовательности» [Архив РАН, ф. 386, оп. 1, д. 1, л. 35]. П.Л. Капица фокусировался на культурном значении науки и призывал к отражению в музее основных проблем «человеческой культуры, решения которых давались наукой и осуществлялись техникой» [Капица 1998, с. 77]. Т. е. одна концепция музея предполагала демонстрацию хронологической истории техники, отражающей развитие производительных сил в разных общественных формациях, а другая – историю научных идей, которые нашли свое воплощение в технике. И хотя в этот раз музей стал общеакадемическим проектом, проект остановился осенью 1937 г., когда многие из ключевых фигур его реализации были репрессированы. То же произошло с ИИНТ, который в 1938 г. был закрыт.

Проект 3-й (1980-е гг.)

История этого проекта еще требует разработки. Мы можем пока только сказать, что в начале 1980-х гг. вопрос о создании музея был поставлен директором ИИЕТ С.Р. Микулинским. [Микулинский 1984, с. 97]. В ИИЕТ прошло обсуждение концепции музея, также были предприняты и определенные шаги по продвижению идеи в московские и государственные инстанции. Но дальнейшего развития эта работа не получила.

Проект 4-й (1989–1990 гг.)

Четвертый проект был инициирован в 1989 г. в Ленинградском отделении ИИЕТ. Сама идея и ход ее реализации отражали особенности перестроечного периода с характерными для этого времени амбициозными планами, с не всегда ясным пониманием возможностей и путей их воплощения. Инициатором создания музея выступил директор ЛО ИИЕТ А.И. Мелуа. Главной идеей его проекта было создание музея с рядом филиалов – мемориальных квартир ученых [Юсупова 2017].

Предложение ЛО ИИЕТ о музее истории науки и техники нашло поддержку в Главном управлении культуры Исполкома Ленсовета. Таким образом, музей мог стать и городским проектом. Для него было выбрано здание, владельцы которого были готовы вести переговоры о его передаче ЛО ИИЕТ. Но и в этот раз музей вновь оказался «неслучившимся» фактом. Возможно, детальная проработка проекта музея в городских инстанциях выявила серьезные проблемы в его реализации, решить которые в условиях усугубляющегося экономического кризиса в стране было уже невозможно. Музеем истории науки и техники так и не нашлось места в многообразном музейном пространстве России. Как показывает исторический опыт, такой проект не может быть узковедомственным. Для создания музея истории науки и техники на мировом уровне он должен стать государственным проектом.

Список литературы

1. Большакова 1986 – *Большакова К.Г.* Из истории создания Музея истории науки и техники при ИИИТ АН СССР (1932-1941 гг.) // Памятники науки и техники, 1984 / Отв. ред. Н.К. Гаврюшин, А.А. Кузин. М.: Наука, 1986. С. 262-268.
2. Илизаров 1884 – *Илизаров С.С.* Об опыте по созданию Музея истории науки и техники // ВИЕТ. 1984. № 3. С. 137-146.
3. Капица 1998 – *Капица П.Л.* Об основных принципах организации Музея науки и техники // Капица П.Л. Научные труды. Наука и современное общество / ред.-сост. П.Е. Рубинин. М.: Наука, 1998. С. 75-80.
4. Микулинский 1984 – *Микулинский С.Р.* Соизмерять достигнутое с тем, что надо сделать // ВИЕТ. 1984. № 3. С. 89-97.
5. Орел, Смагина 2003 – Комиссия по истории знаний. 1921-1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сб. документов / Сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. СПб.: Наука, 2003.
6. Юсупова 2017 – *Юсупова Т.И.* О создании Музея истории науки и техники в Ленинграде в 1988-1990 гг. // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 2. С. 9-20.
7. Юсупова 2019 – *Юсупова Т.И.* О проектах Музея истории науки и техники в 1930-е гг. и «системе величайшего музейного организма мира» // ВИЕТ. 2019. Т. 40. № 3. С. 569-582.

Часть 10. Экспертное знание в эпоху пост-правды: между защитой и отрицанием

УДК: 179

АНТИПСИХИАТРИЯ: МЕЖДУ ДЕНИАЛИЗМОМ И КОНТРЭКСПЕРТИЗОЙ

Антипов Алексей Владимирович

Младший научный сотрудник

Институт философии РАН

Москва, Россия

E-mail: nelson02@yandex.ru

В статье рассматривается антипсихиатрия как пространство проблематизации устоявшихся понятий психиатрического дискурса, среди которых центральным является концепт психической болезни. Под антипсихиатрией понимается объединение различных школ и отдельных исследователей, которые ставят своей целью переосмыслить и переопределить отношение человека с обществом и институтами, доминирующими в нем. Главным образом внимание сосредоточено на особенностях периодизации и на отдельных персоналиях, поскольку каждый исследователь создает свое понимание того, как следует изменить существующую психиатрию; также отмечается национальный характер антипсихиатрии. Основная повестка формируется в наиболее влиятельных центрах антипсихиатрического движения (Великобритании, США, Италии). В них не только образуется свой способ переопределения психиатрии, но и происходит выработка проектов по реформированию институтов. Для современности история преобразования и критики психиатрии имеет значение вследствие увеличения интереса к дениализму и контрэкспертизе. В лице некоторых своих, наиболее радикальных представителей антипсихиатрия близка к дениализму (например, Т. Сазс объявляет душевную болезнь мифом), но в общем духе критики и реформаторства, частично увенчавшегося успехом, антипсихиатрия выступает как пример успешной контрэкспертизы (деинституционализация психиатрии в результате деятельности Ф. Базалья).

Ключевые слова: антипсихиатрия, стигма, тотальные институты, психическое заболевание, контрэкспертиза, дениализм, власть, ответственность.

ANTIPSYCHIATRY: BETWEEN DENIALISM AND COUNTER-EXPERTISE

Antipov Aleksey Vladimirovich

Junior Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

Moscow, Russia

E-mail: nelson02@yandex.ru

The article deals with antipsychiatry as a space of problematization the well-established notions of psychiatric discourse. Mental illness is the main concept among them. Antipsychiatry is understood as an association of various schools and individual researchers who aim to rethink and redefine the individual's relationship to society and total institutions. The main focus is on the specifics of periodization and on individual personalities. Each researcher creates his own understanding of the way in which existing psychiatry is changed. It notes the national character of antipsychiatry. The main agenda is formed in the most influential centres of the antipsychiatry movement (UK, USA and Italy). They form a way of redefining psychiatry and create projects to reform the institutions of psychiatry. For the present, the history of the transformation and critique of psychiatry is significant because of the increasing interest in denialism and counter-expertise. Antipsychiatry in its radical version is close to denialism (T. Szasz declares mental illness is a myth).

But in the general spirit of criticism and reformism that partly succeeded, antipsychiatry presents itself as an example of successful counter-expertise (the deinstitutionalization of psychiatry as a result of the activities of F. Basaglia).

Keywords: antipsychiatry, stigma, total institutions, mental illness, counter-expertise, denialism, power, responsibility.

Антипсихиатрия как пространство исследования формируется в начале 60-х гг. XX в. и включает в себя разнообразные взгляды зачастую сильно непохожих друг на друга авторов, поэтому возникает сложность как при определении самого феномена антипсихиатрии, так и при отнесении определенного автора к представителям течения, а сами авторы зачастую не желают ярлыка антипсихиатра. Термин «антипсихиатрия», введенный в научный оборот Д. Купером в 1967 г., в узком смысле служит для обозначения критики психиатрии, понимаемой в качестве медицинской практики и осуществляемой в пространстве клиники [Berlim et al. 2003, p. 61]. В широком – антипсихиатрия является синтетическим понятием, объединяющим взгляды различных критиков психиатрии, которые подвергают анализу основания психиатрии, а также ставят под вопрос сам опыт психического заболевания.

Возможно встретить несколько вариантов классификации антипсихиатрии. М. Фуко в одной из первых попыток классификации разделяет представителей антипсихиатрии через их стратегии «в борьбе с этой игрой институциональной власти»: уклонение через свободно заключаемый договор, выстраивание непроницаемого пространства прекращения этой игры [Фуко 2007, с. 408]. Польский исследователь А. Якубик выделяет три направления: феноменологически-экзистенциальное (Р. Лэйнг, Д. Купер), революционно-общественные преобразования (Ф. Базалья), развитие взглядов под влиянием З. Фрейда и Л. Бинсвангера (Т. Сас) [Якубик 1982, с. 344]. Основанием представленной классификации выступает направленность идей определенных авторов, а антипсихиатрия предстает в виде разрозненных взглядов, между которыми трудно выделить общее. Более полную и современную модель предлагает О. Власова, которая выделяет следующие этапы в развитии антипсихиатрии: изучение основ заболевания, исследование механизмов работы общества, создание проектов преобразования, практическое применение результатов, угасание [Власова 2006, с. 93]. Так, антипсихиатрия является не только набором теоретических положений, но и реализуемой социальной практикой.

Как можно увидеть уже из классификации, предложенной А. Якубиком, в качестве объекта исследования выбирается определенный набор социальных практик. Для Р. Лэйнга это – отношения в семье и выстраиваемое в ней пространство коммуникации, для Ф. Базалья – идеология и общественные преобразования, для Т. Саса – критика существующих психиатрических мер принуждения с точки зрения свободы и ответственности. Несмотря на это, точкой отсчета выступают базовые положения психиатрии.

Важной особенностью антипсихиатрии является ее национальный характер. Каждый исследователь, развивающий свои взгляды, действует в рамках уникальных общественных институтов, которые формируются в отдельных государствах под влиянием национальной политики и экономики. Традиционно выделяются три страны с самыми влиятельными представителями антипсихиатрического движения: Великобритания (во главе с Р. Лэйнгом), США (Т. Сас и И. Гофман) и Италия (Ф. Базалья). Несомненно, что этот список не претендует на полноту описания движения антипсихиатрии, но именно они являются самыми влиятельными представителями антипсихиатрического движения.

Антипсихиатрическое движение в Великобритании формируется вокруг Р. Лэйнга. Цель его работ – показать, что психиатрия в ее современном виде служит только тому,

что угнетает психически больных, усиливая их чувства беспомощности и изолированности [Фенько 2005, с. 15]. Конкретные особенности антипсихиатрии в Великобритании заключаются в острой критике психиатрии как института власти и в обращении особого внимания на внутригрупповые и семейные отношения. Но «в своей практике британская антипсихиатрия направлена скорее на выработку практической альтернативы, чем на реальную деинституциализацию» [Власова 2014, с. 70]. Р. Лэйнг обращается к непосредственному переживанию больным самого себя, пытается сделать процесс перехода к безумию понятным для обычного человека [Burston 2009, p. 2]. Исследованию подвергается и «нормальность», Лэйнг приходит к выводу, что «нормальный» человек, который не обнаруживает в себе патологических изменений, оказывается оторванным от многих пластов переживаний [Фенько 2005, с. 16].

И. Гофман выделяется из списка представителей антипсихиатрии прежде всего тем, что он является не психиатром, а социологом, который анализирует положение психического больного в социальном пространстве и рассматривает психическое заболевание с точки зрения социологии как функционирование социальных институций. Ключевыми понятиями для исследований И. Гофмана являются «стигма» и «тотальные институты». В тотальных институтах, «социальных гибридах, отчасти сложно устроенных общностях, отчасти официальных организациях» [Гофман 2008, с. 43], к которым относится и психиатрическая клиника, пациент наделяется стигмой, определяемой как «результат несоответствия общественным ожиданиям и социальным договоренностям, нарушение социальных обязательств» [Власова 2014, с. 306]. Наделение человека стигмой не позволяет ему скрыться, и он вынужден постоянно испытывать давление собственной чужеродности: стигматизированным отказывают в свободах и правах, им отказывают в гуманном отношении.

Особенность взглядов Франко Базальи заключается в том, что для него психическое заболевание является прежде всего проблемой социально-политической. Возможно, именно поэтому Базальи станет самым успешным из антипсихиатров: ему удастся выдвинуть требование деинституциализации психиатрии на государственный уровень. Именно деятельность Базальи позволит принять закон № 180, который позволит лечить психически больных, а не изолировать их от общества в больницах, похожих на тюрьмы. Базальи концентрируется вокруг борьбы против господствующей идеологии и за улучшение положения социально незащищенных частей населения, а не на теоретических вопросах относительно статуса психически больного или истинной природы психического заболевания. Поэтому антипсихиатрическое движение в Италии отличается от Великобритании или США: для Ф. Базальи психическое заболевание связано с неблагоприятной социальной обстановкой и с мерами принудительной госпитализации и контроля [Berlim et al. 2003, p. 66].

Антипсихиатрия в русле контрэкспертизы сосредоточена на переосмыслении и критике устоявшихся оснований психиатрического дискурса. Но деятельность Ф. Базальи является примером антипсихиатрии как удачной контрэкспертизы, которой удастся добиться реформы всей психиатрической практики, перевести ее на другой уровень отношения с носителями психических заболеваний.

Список литературы

1. Власова 2014 – *Власова О.* Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 432 с.
2. Власова 2006 – *Власова О.* Антипсихиатрия: становление и развитие. М.: Изд-во РГСУ «Союз», 2006. 221 с.

3. Гофман 2008 – *Гофман Э.* Об особенностях тотальных институций / пер. с англ. О.А. Власовой // *Личность. Культура. Общество.* 2008. Т. X. Вып. 3-4(42-43). С. 38-50.
4. Фенько 2005 – *Фенько А.* Власть нормы // Лэйнг Р.Д. Феноменология переживания; Райская птичка; О важном / Перевод с английского. Львов: Инициатива, 2005. С. 7-21.
5. Фуко 2007 – *Фуко М.* Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973-1974 учебном году / Пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб.: Наука, 2007. 450 с.
6. Якубик 1982 – *Якубик А.* Антипсихиатрия // Истерия. М.: Медицина, 1982.
7. Berlim et al. 2003 – *Berlim M.T., Fleck M.P.A., Shorter E.* Notes on antipsychiatry // *European Archives of Psychiatry & Clinical Neuroscience*, 2003. Pp. 61-67.
8. Burston 2009 – *Burston D.* Szasz, Laing and Antipsychiatry – Again // *Existential Analysis* 20.1: 2009. Pp. 2-8.

УДК 165.1

КАКОВО БЫТЬ ЭКСПЕРТОМ-БИОХАКЕРОМ: ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЗНАНИЯ В ЭКСПЕРТНОМ И БИОХАКЕРСКОМ СООБЩЕСТВАХ

Лаврентьева Софья Всеволодовна

Младший научный сотрудник

Институт философии РАН

Москва, Россия

E-mail: sonnig89@gmail.com

Цель данного доклада – высветить некоторые противопоставления институциональной и гражданской науки, поставив вопрос: каким может быть эксперт, представляющий гражданскую науку (а конкретно, биохакеров)?

В рамках ответа на вопрос представлены некоторые исторические и эпистемологические особенности экспертного сообщества и представителей гражданской науки. Отправной точкой для анализа послужила теория хакерской этики, сформулированная П. Химаненом. Фигуры эксперта и биохакера представлены в статье в рамках трех метафорических сравнений. Первое (гильдия vs академия) раскрывает особенности распространения знаний для экспертного и биохакерского сообществ; второе (бюрократия vs возня) сравнивает обоснования использования научного знания; третье (мастер vs ученик) характеризует применение знаний в рамках деятельности обоих сообществ.

Ключевые слова: биохакинг, хакерская этика, экспертиза.

WHAT IT IS LIKE TO BE AN EXPERT BIOHACKER: ON THE USE OF KNOWLEDGE IN EXPERT AND BIOHACKER COMMUNITIES

Lavrentyeva Sofya Vsevolodovna

Junior Research

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: sonnig89@gmail.com

The purpose of this report is to highlight some of the oppositions between institutional and citizen science by posing the question: what can an expert representing citizen science (and specifically, biohackers) be like?

As part of the answer to the question, some historical and epistemological features of the expert community and representatives of citizen science are presented. The starting point for the analysis was the theory of hacker ethics formulated by P. Himanen. The figures of an expert and a biohacker are presented in the article within the framework of three metaphorical comparisons. The first (guild vs academy) reveals the features for the dissemination of knowledge for the expert and biohacker communities; the second (bureaucracy vs tinkering) compares the rationale for the use of scientific knowledge; the third (master vs apprentice) characterizes the application of knowledge in both communities.

Keywords: biohacking, hacker ethics, expertise.

В данном докладе я хотела бы высветить некоторые противопоставления институциональной и гражданской науки, поставив вопрос: каким может быть эксперт, представляющий гражданскую науку (а конкретно, биохакеров)? Задавая данный вопрос, я грубо пропускаю предшествующий ему (а возможно ли экспертное знание в рамках гражданской науки?), но делаю это с определенной целью. На мой взгляд, аргументы, представленные для ответа на данный вопрос, помогут нам обострить противопоставление гражданской и институциональной наук и высветить некоторые новые его стороны.

Подходя к данной проблеме, я хотела бы указать на некоторые исторические и эпистемологические особенности экспертного сообщества и представителей гражданской науки. Обращение к ним даст материал для формулировки внятных метафор противопоставления. Отправной точкой (но не основой) для анализа будет теория хакерской этики, сформулированная П. Химаненом.

Гильдия vs академия

Упоминая об истоках хакерской этики, философ П. Химанен проводит различные исторические параллели, противопоставляя хакерскую этику этике протестантской (описывая которую он ссылается на соответствующий труд М. Вебера).

П. Химанен говорит о преемственности хакерской этики духу средневековых университетов и академии. Можно уточнить данное им сравнение, указав, что и отношение к распространению информации и знаний у хакеров (как и в гражданской науке в целом) наиболее близко именно к духу академии именно в период ее зарождения – XVII в. [Химанен 2019]. Большую роль в формировании особенности академий оказала предшествующая им (и отчасти вдохновившая их создание) республика ученых. *Respublica literaria* с хакерами в первую очередь роднит отношение к коммуникации и распространению знаний, а именно – взаимная заинтересованность в получении знаний и стремление к прямому обмену информацией без какой-либо специальной регулировки. Одним из принципов биохакерского сообщества является свободный доступ к знаниям, который можно считать частью новой версии современной республики ученых в рамках гражданской науки.

Наиболее ярким противопоставлением такому образу коммуникации являлись гильдии времен Средневековья и Нового времени. В гильдиях того времени был сформирован четкий кодекс, касающийся передачи знаний, и подразумевалось, что оно доступно лишь лицам, являющимся членами гильдии. Обучение подмастерьев проходило под пристальным наблюдением мастеров гильдии, а их навыки постоянно оценивались мастерами и проходили их экспертизу. Таким образом, мы можем назвать мастеров средневековых рабочих гильдий одними из первых представителей экспертного сообщества [Amirault, Branson 2006, p. 75].

Несмотря на то, что это лишь один из многих этапов становления современного института экспертизы, даже сейчас структура гильдий еще имеет применение в анализе особенностей методов экспертизы и ее когнитивных особенностей. В уже разработанных

классификациях выделяют несколько степеней и типов экспертов, от невежды до мастера, при этом одна из этих классификаций имеет прямое сравнение со степенями обучения в ремесленной гильдии: так, в рамках когнитивных исследований опытности эксперта были сформулированы ступени его становления («невежда», «новичок», «посвященный», «ученик», «подмастерье», «мастер») [Hetmanski 2018]. К данной классификации я обращусь чуть позже, когда остановлюсь на указании черт, необходимых для эксперта, представляющего сообщество биохакеров.

Бюрократия vs «возня»

Здесь я, в отличие от П. Химанена, для того, чтобы очертить подход к использованию знания у биохакеров, остановлюсь не на протестантской этике в целом и целом, а воспользуюсь упоминаемой М. Вебером «рациональностью бюрократизма». Рациональность бюрократа, по Веберу, подразумевает приспособление средств к целям, а оправдание его активности зависит от качества его артикуляции в рамках научного знания. В таком обосновании своей деятельности бюрократ всегда будет апеллировать прежде всего к своей эффективности [Макинтайр 2000, с. 42-44]. Экспертиза предполагает высказывание, направленное на решение конкретных проблем, от обладающего необходимым научной компетентностью высказывающегося [Шевченко 2020]. Работа эксперта оправдана его способностью подсказать решение практических задач и, таким образом, научное знание эксперта должно обладать адекватной для целей инициатора экспертизы эффективностью.

Центральная составляющая деятельности биохакеров заключается не в следовании конкретному плану и не в приспособлении к нему имеющихся знаний и инструментов, а в том, что сами представители гражданской науки обозначили термином «tinkering» (от tinker – чинить, возиться). В ходе экспериментов биохакеры не стремятся подтвердить предварительно выдвинутую гипотезу, а просто «возятся» с изучаемым объектом и пытаются получить ответы, не формулируя вопросов [Соколова, Шевченко 2020 с. 68]. Эта особенность их деятельности отчасти перекликается с нарисованным Л. Торвальдсоном образом хакера, для которого деятельность определяется в первую очередь тем, что ему «интересно», а труд в первую очередь движим удовольствием, а не потенциальной эффективностью.

Мастер vs ученик

Согласно дифференциации знания, введенной Г. Райлом (пропозициональное знание, или knowledge-that, и практическое знание, или knowledge-how) экспертное знание можно считать пропозициональным знанием, тесно связанным с элементами знания практического [Hetmanski 2018]. В качестве иллюстрации для различения знания-что и знания-как Райл приводит пример: гроссмейстер играет в шахматы с «глупым» оппонентом. Даже если мы мысленно допустим сценарий, когда гроссмейстер делится всеми своими знаниями об игре с оппонентом, и последний их запоминает, мы понимаем, что все равно «глупый» оппонент продолжит проигрывать [Ryle 1946]. Глупец, обладая всеми необходимыми знаниями, не сможет задавать нужные вопросы по их содержанию, гроссмейстер не просто обладает знаниями, но понимает в каком контексте их применять.

Согласно упомянутой выше градации становления экспертом («невежда», «новичок», «посвященный», «ученик», «подмастерье», «мастер»), эксперт (или «мастер») использует знания, которые он получил, будучи учеником и подмастерьем, и свободно применяет их в зависимости от конкретной ситуации.

Упомянутая П. Химаненом и применимая и к сообществу биохакеров тенденция хакеров заключается в постоянном самообучении и обмене знаниями, что способствовало созданию сообщества, в котором каждый участник мог быть и учителем, и учеником одновременно и где «эксперты также видят себя всего лишь учениками, которые, в силу чуть более глубоких знаний, могут быть возмутителями спокойствия, повивальными бабками и симпозиархами – распорядителями пира для других» [Химанен 2019].

Биохакера, занимающегося «возней» в слепом поиске знания, таким образом, мы не можем назвать «глупцом». Биохакер обладает достаточным уровнем знания-как, чтобы задавать вопросы. При этом его целью не является приспособление знаний к конкретно поставленной задаче. Умение задать вопрос в ходе «возни» ставится на первое место, что также роднит его с ролью «возмутителя спокойствия».

В заключение я набросаю образ воображаемой фигуры эксперта от гражданской науки (отчасти, может, напоминающий требования к вакансии). Подобного воображаемого эксперта будут характеризовать: открытость к обмену знаниями, которые он использует в своей работе; готовность сотрудничать с остальными членами сообщества, когда его знаний оказывается недостаточно (быть учеником, а не мастером); готовность работать вслепую (искать ответы путем «возни») и задавать вопросы даже в тех случаях, когда они выходят за рамки поставленных инициатором экспертизы задач и отдаляют его от практического решения задачи.

Список литературы

1. Лаврентьева 2020 – *Лаврентьева С.В.* Наследие *respublica literaria* и гражданская наука // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3. № 2. С. 38-43.
2. Макинтайр 2000 – *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Академический Проект, 2000. С. 42-44.
3. Соколова, Шевченко 2020 – *Соколова Е.К., Шевченко С.Ю.* Типология знания в биохакинге // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 62-79.
4. Химанен 2019 – *Химанен П.* Хакерская этика и дух информационализма / пер. с англ. Д. Сироченко. М.: АСТ, 2019.
5. Шевченко 2020 – *Шевченко С.Ю.* Презирать и подсказывать: эпистемическая несправедливость и контр-экспертиза // Эпистемология и философия науки. 2020. № 2. С. 20-32.
6. Amirault, Branson 2006 – *Amirault R., Branson R.* Educators and Expertise: A Brief History of Theories and Models // *The Cambridge Handbook of Expertise and Expert Performance.* Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Pp. 69-86.
7. Hetmanski 2018 – *Hetmanski M.* Expert Knowledge: Its Structure, Functions and Limits // *Studia Humana.* 2018. No. 3. Pp. 11-20.
8. Ryle 1946 – *Ryle G.* Knowing How and Knowing That: The Presidential Address // *Proceedings of the Aristotelian Society, New Series.* 1946. Vol. 46. Pp. 1-16.

ЭКСПЕРТИЗА ЭФФЕКТИВНОСТИ TDCS СООБЩЕСТВОМ БИОХАКЕРОВ*

Петров Кирилл Алексеевич

*Кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник
Волгоградский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
Волгоградский медицинский научный центр
Волгоград, Россия
E-mail: petersoncyril@yandex.ru*

По замечанию Фуллера, проникновение в повседневную жизнь интернет-технологий, облегчающих доступ к любой информации, является одной из причин изменения отношения к экспертному знанию со стороны неспециалистов. В этом отношении исследование сообществ, осуществляющих взаимодействие на открытых площадках в интернете, ориентированных на использование научного знания и присвоение технических артефактов, позволит не только лучше понять причины произошедших трансформаций, но и определить общие принципы контрэкспертизы, практикуемые подобными группами. Примером такого сообщества может быть тематический раздел форума reddit.com, посвященный использованию приборов tDCS – технологии неинвазивного воздействия слабым электрическим током на мозг. Наблюдения за действиями участников форума позволяют выделить отличия в процедурах экспертной оценки tDCS-устройств, принятые у пользователей и академических исследователей. В соответствии со стандартными подходами к определению эффективности tDCS задача исследователя состоит в получении воспроизводимого в лаборатории эффекта, демонстрирующего непосредственный результат воздействия электрическим током. Контрэкспертиза со стороны представителей сообщества пользователей предполагает ориентацию на индивидуальный опыт применения устройств. Знание о результативности использования ТКМП-прибора признается достоверным при соблюдении нескольких условий: персонализация прибора, корректировка монтажа, точность расположения электродов, время сеансов и длительность опыта применения приборов. Данные принципы определяют изменения онтологии научных объектов и технических артефактов: их реальность выводится из особенностей восприятия индивидуального опыта.

Ключевые слова: tDCS, экспертиза, контрэкспертиза, эффективность, постправда, модальная власть, биохаkers, онтология.

TDCS EFFICIENCY EXPERTISE BY THE BIOHACKER COMMUNITY

Petrov Kirill Alekseevich

*PhD in Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher
Volgograd State Medical University
Volgograd Scientific Medical Centre
Volgograd, Russia
E-mail: petersoncyril@yandex.ru*

According to Fuller, the Internet intrusion into everyday life, which simplifies access to any information, is one of the reasons for the change of expert knowledge reception. In this regard, the study of communities that interact at online platform and oriented on the use of scientific knowledge and the appropriation of technical artifacts will provide better understanding of the reasons for transformations of social evaluation of science. It will reveal the general principles of counter-expertise practiced by such groups. The thematic subreddit of the reddit.com forum could be an example of such community. The forum dedicated to the using of tDCS devices-a technology for non-invasive exposure to a weak electric current on the brain. Observations of the actions of the

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-001-00848.

forum participants allow to highlight the differences in the procedures for expert evaluation of tDCS devices adopted by users and academic researchers. In accordance with standard approaches to tDCS effectiveness, the task of the researcher is to obtain a laboratory reproducible effect of direct electric impact. Counter-expertise by members of reddit community involves focusing on the individual experience of using devices. Knowledge of the tDCS use effectiveness is recognized as valid upon the conditions: personalization of the device, personal correction of montage, accuracy of electrodes location, the period of sessions, and the duration of the experience device using. These principles determine changes in the ontology of scientific objects and technical artifacts: their reality is derived from the peculiarities of the perception of individual experience.

Keywords: tDCS, expertise, counter-expertise, efficiency, post-truth, modal power, biohackers, ontology.

Стив Фуллер в книге «Постправда: знание как борьба за власть» охарактеризовал состояние «постистины» с помощью концепта «модальной власти», в рамках которого определяется возможность подавлять или форсировать «мысли о том, что все [в области знания] могло бы быть иначе» [Фуллер 2021, с. 15]. Одним из инструментов, с помощью которого академическая наука устанавливает модальную власть, является экспертиза. По Фуллеру, сегодня экспертное знание и модальная власть подвергается эрозии. Экспансия интернет-технологий облегчает доступ практически к любому знанию [Ibid, p. 97]. Характеризуя это состояние науки, Фуллер вспоминает период Реформации в Европе, когда вследствие распространения книгопечатания протестанты получили возможность самостоятельно читать и толковать Библию в обход экспертных суждений Католической церкви. На смену пошатнувшейся монополии на «модальную власть» экспертов приходит бессчетное множество альтернативных способов производства знания и сообществ, связанных с ними. Взаимодействия внутри значительной части подобных групп опосредовано правилами интернет-платформ. Изучение таких сообществ обеспечит понимание процессов трансформации «модальной власти» академической науки и формирования принципов контрэкспертизы.

Исследовательский интерес связан с кейсом участников специального раздела форума reddit.com, посвященного практикам использования устройств транскраниальной микрополяризации мозга. Данное сообщество давно привлекает различного рода исследователей. На самом форуме можно встретить как ученых, занятых цифровой этнографией, антропологией, так и инженеров, разрабатывающих подобные приборы. Многие из участников говорят о себе как о простых пользователях, ищущих советы и помощи в определении наилучшей стратегии применения tDCS для терапии их заболеваний; часть пользователей определяет себя как представителей сообщества Do-It-Yourself, заинтересованных в разработке персональных приборов; многие участники определяют себя как биохакеров, чья деятельность направлена на расширение функциональных способностей собственного организма.

Характер сообщества предполагает вовлеченность всех участников в обсуждение научных проблем, затрагивающих как устройство мозга, так и технические аспекты применения tDCS. Часто пользователи занимают позицию эксперта, демонстрируя собственные теоретические наработки, результаты инженерной деятельности или рассказывая об индивидуальном опыте применения tDCS. Обсуждения на форуме можно рассматривать как примеры контрэкспертизы, в рамках которой пользователи критически рассматривают методы и результаты, полученные представителями институциональной науки. Деятельность сообщества tDCS на reddit.com попадает под описание работы групп биохакеров, данное Болтоном и Томасом. Исследователи говорят о более высокой скорости координации усилий членами сообщества, чем в случае привычных практик экспертизы в академической среде [Bolton, Thomas 2014, p. 215]. Однако, «экспертиза» tDCS-устройств на форуме сопряжена с достаточным количеством затруднений.

Стандартные способы экспертной оценки эффективности tDCS были описаны нами ранее [Петров 2020]. Ведущее значение имеет возможность воспроизвести результаты непосредственного воздействия слабым током в лаборатории, а также отделить их от множества побочных эффектов, вызванных механическим воздействием, электромагнитным полем или ожиданием. Большинство пользователей форума хотя и обращаются регулярно к научной литературе, но игнорируют эти критерии. Традиционный способ обсуждения эффективности среди членов сообщества предполагает несколько обязательных пунктов. Во-первых, дискуссия затрагивает определение типа используемого прибора. Среди пользователей существуют собственные классификации ТКМП-приборов: наибольшим доверием пользуются приборы либо самостоятельно изготовленные пользователями, либо имеющие широкие возможности донстройки. Во-вторых, пользователи обсуждают типы монтажа и время применения. Здесь важным оказывается способность участника «подстраивать» tDCS таким образом, чтобы получать постоянное ощущение «улучшения» собственного состояния. В-третьих, члены сообщества интересуются длительностью опыта применения tDCS-устройств. Чем он выше, тем больше доверия к конкретному автору и его сообщениям. Некоторые пользователи полагают, что даже субъективное ощущение улучшения психоэмоционального состояния человека уже свидетельствует о результативности применения устройства.

Способ организации сообщества предполагает снижение ценности академического знания. Участники сообщества редко обсуждают методологию научных исследований, чаще они говорят о необъективности научных данных, поскольку академическая среда, по их мнению, является элементом политической структуры. Лишь в случае конфликтных ситуаций участники обращаются к членам сообщества, обладающим научными степенями. В этом смысле наука редуцируется к функции разрешения локальных конфликтов. Изменения в оценке экспертного знания приводят к трансформации онтологии научного объекта. Эффективность, а значит, и реальность, подтверждается субъективным восприятием.

Список литературы

1. Петров 2020 – *Петров К.А.* Транскраниальная микрополяризация: оценки эффективности ТКМП-устройств пользователями и учеными // Биоэтика и социальная оценка. Сборник научных трудов. М.: ИНИОН, 2020. С. 126-131.
2. Фуллер 2021 – *Фуллер С.* Постправда: Знание как борьба за власть. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
3. Bolton, Thomas 2014 – *Bolton R., Thomas R.* Biohackers: The Science, Politics, and Economics of Synthetic Biology // *Innovations: Technology, Governance, Globalization.* 2014. Vol. 9. Pp. 213-219.
4. Fuller 2016 – *Fuller S.* The Academic Caesar: University Leadership is Hard. Los Angeles, London, New Delhi: SAGE Publishing, 2016. 108 p.

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ЗОРКОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПОСТПРАВДЫ*

Тухватулина Лиана Анваровна

*Кандидат философских наук, исследователь
Русское общество истории и философии науки
Москва, Россия
E-mail: spero-meliora@bk.ru*

В статье поставлен вопрос о совместимости тезиса о постправде с принципом эпистемической зоркости. Автор полагает, что лакуна в идеологии постправды связана с невниманием к вопросу о том, каким образом субъект может ориентироваться в мире конкурирующих истин и иметь основания для ответственного распределения эпистемического доверия. В отсутствие разработанной системы навигации в «обществе знания» разоблачение «когнитивного авторитаризма» (С. Фуллер) может привести не к освобождению, а к утверждению новых «идолов». Автор пытается компенсировать этот пробел и предложить адаптированную версию принципа эпистемической зоркости. Исходная «веритистская» версия этого принципа предлагает критерии идентификации заслуживающего доверия источника знания (в версии Э. Голдмана – экспертов). Презумпция доверия к источнику несовместима с тезисом о постправде, однако принцип эпистемической зоркости может быть модифицирован. Для этого вопросы, которые обеспечивают эпистемическую зоркость, должны быть обращены не к системе знания, а к самому субъекту с целью прояснения тех оснований, на которых он участвует в «экспертизе» как языковой игре.

Ключевые слова: постправда, экспертиза, эпистемическая зоркость, доверие, Голдман.

EPISTEMIC VIGILANCE UNDER THE POST-TRUTH CONDITIONS

Tukhvatulina Liana Anvarovna

*PhD in Philosophy, Researcher
Russian Society for History and Philosophy of Science
Moscow, Russia
E-mail: spero-meliora@bk.ru*

The author considers compatibility of the post-truth thesis with the principle of epistemic vigilance. The author believes that the post-truth ideologist doesn't pay any attention to the question of how the agent can navigate in the world of competing truths and find some background for responsible epistemic trust distribution. In the absence of a developed navigation system in the "knowledge society", the criticism of "cognitive authoritarianism" may lead not to liberty, but to the establishment of new "idols". The author proposes an adapted version of the principle of epistemic vigilance. The original veritist version of this principle offers criteria for identifying a trustworthy source of knowledge. The presumption of trustworthiness is incompatible with the post-truth thesis, but the principle of epistemic vigilance can be modified. Here the questions that provide epistemic vigilance should be addressed not to the system of knowledge, but to the agent himself in order to clarify the grounds on which he participates in expertise as a language game.

Keywords: post-truth, expertise, epistemic vigilance, trust, Alvin Goldman.

Тезис о постправде как постоянной борьбе за право решения об истине и лжи дезавуирует консенсус об эпистемическом превосходстве науки. Согласно этому тезису, всякая интеллектуальная практика является языковой игрой, функционирующей по

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 21-18-004288 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

своим внутренним правилам в отсутствие универсальных критериев. Каждая из них борется за монополию на построение образа реальности и за признание его универсальности. Отсюда, всякая попытка построения иерархий между различными системами знания не имеет под собой эпистемических оснований и выражает лишь политические притязания. Как и всякий радикально-релятивистский тезис, постправда кажется неуязвимой для критики. При этом недостатком этого освободительного движения за борьбу с «когнитивным авторитаризмом» [Фуллер 2021] является нехватка позитивной программы, которая помогла бы субъекту сориентироваться в мире конкурирующих истин. Кажется, тезис о постправде культивирует подозрение, но не помогает стать компетентным доверителем по отношению к какой бы то ни было системе знания. Между тем, в условиях нарастающего разделения когнитивного труда и, как следствие, специализации экспертизы человек нуждается в критериях ответственного распределения доверия. Возможно ли сформулировать эти критерии, не отрицая при этом тезис о постправде? Ниже мы попытаемся сделать это, предложив адаптированные под режим постправды критерии эпистемической зоркости.

Эпистемической зоркостью (*vigilance*) ряд исследователей называет комплекс способностей субъекта оценивать информацию и ее источник как заслуживающие или не заслуживающие доверия [Sperber et. al. 2010]. Психологи-когнитивисты считают, что эта способность формируется еще в детстве и выполняет функцию навигации в информационном потоке в условиях, когда недостаток знаний и опыта, позволяющих самостоятельно оценить надежность информации, компенсируется доверием более опытному и компетентному источнику. С их точки зрения, дети полагаются на такие маркеры доверия, как моральный облик информатора, точность информации, полученной от информатора в прошлом, а также на оценку того, насколько информатор в принципе может иметь доступ к надежной информации. Помимо доверия к источнику, которое основано на критериях честности и компетентности, сама получаемая информация может быть оценена с точки зрения ее согласованности и последовательности (ее соответствия некоторым базовым убеждениям познающего субъекта, т.е. ребенка).

Позицию обывателя в отношении к экспертам или ученым (или всяким другим носителям узкоспециального знания, которое мы в силу различных ограничений вынуждены воспринимать лишь как знание-свидетельство) можно сравнить с позицией ребенка, доверяющего взрослому. Это сходство состоит в том, что доверие к знанию, транслируемому экспертами, зачастую вынужденно основывается лишь на внешних признаках надежности.

По аналогии с этими маркерами американским философом Элвином Голдманом были предложены критерии заслуживающего доверия эксперта [Goldman 1999]. Голдман отмечает, что обыватель далеко не всегда способен оценить содержательную состоятельность позиции эксперта, однако он все же способен определить заслуживающего доверия эксперта, пользуясь критерием «диалектического превосходства» (*dialectic superiority*). Так, внимание должно быть направлено на то, 1) насколько убедительно эксперт X оппонирует критикам; 2) разделяют ли другие эксперты в данной области позицию эксперта X; 3) обладает ли он институциональными признаками экспертизы в данной области (имеет ли соответствующие регалии и профессиональный опыт); 4) находится ли эксперт X в ситуации конфликта интересов и может ли быть уличен в предвзятости; 5) каковы предшествующие результаты эксперта X в экспертизе в данной области. Очевидно, что оценка эксперта по этим критериям предполагает заинтересованность обывателя в выяснении надежности эксперта, готовность провести собственное «расследование» и критически оценить публичную репрезентацию экспертного мнения.

Критерии Э. Голдмана, считающегося одним из главных защитников веритизма, на первый взгляд, работают лишь при условии признания верховенства науки как системы агрегации истины. В свою очередь, тезис постправды должен быть несовместим с этими критериями. Радикальный релятивизм постправды не оставляет ни эпистемических, ни этических ресурсов для защиты веритизма и не предлагает никаких иных критериев для предпочтения иного эпистемического порядка (реальности). Вопрос о навигации, необходимой субъекту в мире разрушенных когнитивных иерархий, кажется, остается без ответа. Однако такой ответ возможен, если в центр помещается способность субъекта к эпистемической зоркости. Так, не противореча принципу постправды, субъект вправе выбирать науку и научную экспертизу (как и альтернативные интеллектуальные практики) в качестве предпочтительных «языковых игр». При этом субъект может сохранять определенную автономию, осознавая «случайность» языковых игр, в которые он вовлечен, если он стремится к пониманию оснований, на которых он в них вступает. Так, эпистемическая зоркость, совместимая с тезисом о постправде, требует ответов на вопросы типа: 1) какой тип знания (какая точка зрения на проблему) мне кажется предпочтительнее? 2) каковы мои основания для предпочтения этого типа знания/этой позиции? 3) что мне известно о конкурирующих системах знания (позициях по той или иной проблеме) 4) в чем уязвимость для критики позиции, которой я придерживаюсь? и т.д. Эти вопросы во многом созвучны вопросам, которые предлагает задавать экспертам Э. Голдман. Они совместимы с тезисом о постправде, поскольку обращены к субъекту, а не к системам знания, каждая из которых функционирует по собственным правилам, а единого мерила для них быть не может. Эпистемическая зоркость может компенсировать как легковерие, так и подозрительность к экспертному знанию. При этом отметим, что эпистемическая зоркость вовсе не требует обнаружения безусловных оснований эпистемической позиции субъекта (поскольку таковых, следуя тезису о постправде, быть не может). Однако она требует, чтобы субъект понимал основания, пусть и признавая их «случайность». Такая интерпретация эпистемической зоркости строится на принципе «двойной иронии»: на первом уровне – по отношению к системам знания, на втором – по отношению к самому субъекту. На мой взгляд, акцент на эпистемической зоркости является важным дополнением к тезису о постправде. Эпистемическая зоркость позволяет субъекту сохранять критическую дистанцию по отношению к языковым играм для того, чтобы борьба с «когнитивным авторитаризмом» не оборачивалась сменой одних идиологов другими.

Список литературы

1. Фуллер 2021 – *Фуллер С.* Постправда. Знание как борьба за власть / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
2. Goldman 2001 – *Goldman A.* Knowledge in a Social World. Oxford: Oxford University Press, 1999, 407 p.
3. Sperber et. al. 2010 – *Sperber D., Ement F.C., Heintz C., Mascaro O.* Epistemic Vigilance // *Mind & Language.* 2010. Vol. 25(4). Pp. 359-393.

БИОЭТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА БИОХАКИНГА: ПОВЕСТЬ О ДВУХ ДЕФИЦИТАХ*

Шевченко Сергей Юрьевич

Кандидат философских наук, научный сотрудник, старший научный сотрудник

Институт философии РАН

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

Москва, Россия

E-mail: simurg87@list.ru

В рамках биоэтической экспертизы биохакинг оказывается сферой наложения двух «воображаемых дефицитов». С одной стороны, биохакеры находятся за пределами институциональной науки, поэтому они видятся экспертам как члены «широкой публики», как «люди с улицы», у которых не хватает системных биомедицинских знаний. С другой стороны, они рассматриваются как гражданские или «гаражные» ученые. Предполагается, что, стремясь к познавательным целям, они могут забыть об исследовательской этике и ответственности экспериментатора. Необходимость компенсации эпистемического и этического дефицитов биохакеров декларируется в целом ряде публикаций в биоэтических журналах. Предполагается, что спектр возможных этических проблем внеинституциональных биомедицинских исследований гораздо шире, чем у обычных клинических исследований. Кейс-стади, проведенные биоэтиками, подтверждают многообразие возможных биомедицинских и социальных рисков биохакинга и их связь с его эпистемическими и этическими особенностями. Однако применение дефицитной логики для минимизации этих рисков, вероятно, может привести лишь к серии риторических смещений идентификации неинституциональных биомедицинских исследователей. При рассмотрении этических рисков они могут причислить себя к исследователям, движимым сообществом пациентов, а при попытке обозначить медицинские риски назовут себя гражданскими учеными, делающими почти то же самое, что происходит внутри клиник и лабораторий.

Ключевые слова: дефицитная логика, биохакинг, воображаемый ученый, воображаемая публика, биоэтика.

BIOETHICAL EXPERTISE OF BIOHACKING: A TALE OF TWO DEFICITS

Shevchenko Sergey Yurievich

PhD in Philosophy, Researcher, Senior Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Kutafin Moscow State Law University

Moscow, Russia

E-mail: simurg87@list.ru

For bioethical expertise, biohacking turns out to be a sphere of overlapping two “imaginary deficiencies”. On the one hand, biohackers work outside of institutional science, so they are seen as members of “general public”, as “lay persons” who lack systemic biomedical knowledge. On the other hand, they are viewed as citizen scientists. So it is assumed that in pursuit of cognitive goals they – like any researcher or even more – are likely to forget about research ethics and the responsibility of the experimenter. A number of bioethical experts declare the need to compensate biohackers’ epistemic and ethical deficiencies. It is assumed that the spectrum of possible ethical problems in extra-institutional biomedical research is much wider than in conventional clinical research. Case studies conducted by bioethicists confirm the variety of possible biomedical and social risks of biohacking, related to epistemic and ethical characteristics of biohacking. However, applying to deficit logic in order to minimize these risks is likely to lead only to a series of rhetorical evasions in the identification of non-institutional biomedical researchers. While been asked about

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00848.

ethical risks, they may classify themselves as by community driven scientists. And during discussion of medical risks, they may call themselves citizen scientists doing the same thing that happens inside clinics and laboratories.

Keywords: deficit logic, biohacking, imaginary scientist, imaginary public, bioethics.

Биоэтическая экспертиза обычно направлена на оценку этико-правовых и социальных рисков и перспектив развития технологий, чаще всего биомедицинских. Однако, будучи междисциплинарной активностью, такая экспертиза отталкивается от знаний о потенциальном соотношении риска и пользы для пользователей конкретной технологии, «посторонних» и окружающей среды. Биохакинг как одна из сфер «гражданской науки», наиболее часто подвергающаяся биоэтической оценке, оказывается под пристальным вниманием экспертов и в смысле потенциального влияния на здоровье, и в смысле его социальных и правовых последствий.

Ниже я собираюсь показать, как биохакинг в рамках биоэтической экспертизы оказывается сферой наложения двух «воображаемых дефицитов». С одной стороны, биохаkers находятся за пределами институциональной науки, поэтому они видятся экспертами как члены «широкой публики», как «люди с улицы», у которых не хватает системных биомедицинских знаний. Обычно социальные исследователи (представители STS) видят ситуацию с этим дефицитом так: ученые и инженеры опасаются, что нехватка знаний о том, как работает конкретная технология, повлечет недоверие к ней со стороны «широкой публики» [Barnett et al. 2012]. Отсюда возникает стремление ученых просвещать «людей с улицы», восполняя их пробелы в образовании. С другой стороны, биохаkers рассматриваются как гражданские или «гаражные» ученые, а значит предполагается, что, стремясь к познавательным целям, они могут забыть об исследовательской этике и ответственности экспериментатора. По мнению представителей STS, именно такое представление о нехватке «этического самоконтроля», разделяемое администраторами науки, приводит к созданию органов, осуществляющих ревизию дизайна исследования – например, комитетов по исследовательской этике [Hilgartner et al. 2017]. Этические риски биохакинга обычно видятся даже большими по сравнению с институциональной биомедициной, так как представители гражданской науки не находятся под таким плотным административным и этико-правовым контролем, как обычные ученые.

В итоге биохакинг оказывается сферой наложения представлений об эпистемическом и этическом дефицитах. Биохаkers одновременно оказываются и частью широкой публики, воображаемой учеными (например, врачами, входящими в этический комитет), и учеными, воображаемыми внешними аудиторами науки (например, юристами или философами из этического комитета). Вопрос, который я намерен поставить, обратившись к нескольким примерам биоэтической экспертизы биохакинга, состоит не в справедливости таких представлений, а в их консистентности. Воображаемый ученый является инверсией образа воображаемой общественности: ему не хватает понимания интересов и прав человека с улицы [Åm et al. 2021]. На этических комитетах лежит задача артикуляции общественного блага в применении к конкретным исследованиям, а на институциях, занятых администрированием науки – еще и формирование общего целеполагания исследователей. Но кажется, что биохакинг как гражданская активность не должен испытывать недостатка в понимании общественных нужд. С другой стороны, биохаkers, как исследователи, движимые внеинституциональной мотивацией, не должны нуждаться в пропаганде научных знаний. Иными словами, в воображении ученых и биоэтиков можно принадлежать только к одной части системы наука-общество, биохаkers же принадлежат к обеим и одновременно ни к одной из них. Поэтому биохакинг и становится сферой применения двойной дефицитной логики.

Если осуществить поиск по ключевому слову «biohacking» в базе данных биомедицинских публикаций PubMed, то около половины из самых свежих найденных статей посвящены этико-правовым и социальным проблемам. 22 текста, опубликованные за последние 5 лет, содержат этот термин в заголовке или в аннотации, 10 из них посвящены этико-правовой проблематике. Остальные либо знакомят с феноменом, либо рассматривают изменения, внесенные пользователями в программном обеспечении медицинских устройств, либо употребляют «биохакинг» в метафорическом ключе. Предположу, что дефицитная модель подталкивает врачей, социальных исследователей медицины и биоэтиков рассматривать биохакеров либо как сообщество, не понимающее научной методологии и способное вовлекать других людей в опасные практики, либо как источник правовых и этических рисков.

При этом биоэтики, занятые гражданской наукой, считают, что спектр возможных этических проблем внеинституциональных исследований гораздо шире, чем у обычных клинических исследований [Wiggins, Wilbanks 2019]. Последние обычно ограничиваются полнотой информирования, свободой принятия решений, ответственностью исследователя перед испытуемыми. Но типичные исследовательские инициативы биохакеров вроде селф-трекинга (экспериментирования с собственным рационом и с приемом препаратов вне медицинского назначения с фиксацией физиологических показателей) усиливают риски вмешательства в частную жизнь. А распространение этих практик на большие сообщества биохакеров предполагает формирование взаимных коллегиальных обязательств у множества акторов, что совсем непохоже на отношения врача-экспериментатора и пациентов-испытуемых. Приведенные в рассматриваемой статье реальные этические коллизии подтверждают широту спектра проблем биохакинга [Ibid].

Одно из предлагаемых решений состоит в частичном вписывании исследований, инициированных самими их участниками, в существующую исследовательскую экосистему. Предполагается, что это позволит избежать как биомедицинских, так и этических рисков [Ienca et al. 2020]. Такие исследования рассматриваются как выражающие интересы пациентских сообществ, но вместе с тем способные угрожать индивидуальной автономии участников. Частичная институционализация гражданской науки, прохождение ее инициатив через экспертные фильтры должны помочь восполнить оба дефицита. Однако если рассматривать нахождение вне исследовательских институций как результат сознательного выбора, а не стечения обстоятельств, неизвестно, согласятся ли на подотчетность сами биохакеры.

Сами представители гражданской бионауки представляют собой довольно гетерогенную общность, по-разному относящуюся к неинституциональным исследовательским практикам. Определяя то, чем они занимаются, они ищут приемлемый для себя баланс между рисками приписывания себе дефицита знаний и этического дефицита. Разные акторы находят этот баланс в разных обозначениях своей деятельности.

Многие из них используют термин «наука, направляемая сообществом»³³ для того, чтобы показать заинтересованность в решении конкретных проблем, продемонстрировать отсутствие вокруг них толстых стен лаборатории, отгораживающих исследователей от обыденной жизни [Trejo et al. 2021, p. 67]. Другие считают, что этот способ самоидентификации сближает их с активистами, которые лишь требуют научных разработок в социально значимой отрасли, но сами ими не занимаются. Они предпочитают термин «биохакинг» как более провокативный, подчеркивающий новаторство в подходах к исследованию и публикации результатов. Однако не все

³³ Причем под «сообществом» часто подразумевается группа людей с определенными медицинскими рисками.

гражданские ученые довольны ассоциациями с «необдуманном и опасным» поведением, которые вызывает слово «биохакинг» [Ibid, p. 68]. Т.е. как только гражданский ученый становится в риторическом плане источником методологических и аксиологических, а не только технических инноваций – он оказывается связанным с неконтролируемыми рисками.

Наиболее нейтральным определением собственной сферы деятельности неинституциональным исследователям видится «гражданская наука». Они считают, что этот термин подчеркивает стремление к демократизации системы производства и распределения знаний, а также сближение научной этики с ценностями гражданского общества [Ibid]. Однако неинституциональные исследователи видят себя не носителями «общей воли» в духе Руссо, а лишь выразителями интересов сообществ, к которым они принадлежат. Риторическая фигура «общего блага» возникает в их словах лишь как результат возможного распространения биотехнологий (например, продляющих жизнь) за пределы их сообщества. Этические стандарты считаются почерпнутыми из разделяемого сообществом конструкта будущего социума. Почерпнутыми из будущего видятся и исследовательские подходы. В этой логике связь с настоящим оказывается дважды поставленной под вопрос. Вероятно, это способно до какой-то степени обеспечить консистентность дефицитной логики – сочетание методологического (эпистемического) и этического дефицитов в рамках оценки действий биохакеров экспертами-биоэтиками.

Возможно, дефицитная логика и не мешает внешней диагностике этических проблем и медицинских рисков биохакинга, но, вероятно, ее применение для их решения приведет лишь к серии риторических смещений самоидентификации неинституциональных исследователей. Т.е. здесь логика двойного дефицита сыграет на ускользание биохакеров от проблемы. При рассмотрении этических рисков они могут причислить себя к исследователям, движимым сообществом пациентов, а при попытке обозначить медицинские риски назовут себя гражданскими учеными, делающими почти то же самое, что происходит внутри клиник и лабораторий, но только за их стенами.

Список литературы

1. Åm 2021 – Åm H., Solbu G., Sørensen K.H. The imagined scientist of science governance // Soc Stud Sci. 2021. Apr. 51(2). Pp. 277-297.
2. Barnett et al. 2012 – Barnett J., Burningham K., Walker G., et al. Imagined publics and engagement around renewable energy technologies in the UK. Public Understanding of Science. 2012. 21(1). Pp. 36-50.
3. Hilgartner et al. 2017 – Hilgartner S., Prainsack B., Hurlbut B. Ethics as governance in genomics and beyond // The Handbook of Science and Technology Studies / Felt U, Fouché R, Miller CA, et al. (eds). 4th ed. Cambridge: The MIT Press, 2017. Pp. 853-880.
4. Ienca, Vayena 2020 – Ienca M., Vayena E. “Hunting Down My Son's Killer”: New Roles of Patients in Treatment Discovery and Ethical Uncertainty // J Bioeth Inq. 2020 Mar. 17(1). Pp. 37-47.
5. Trejo et al. 2020 – Trejo M., Canfield I., Robinson J.O., Guerrini C.J. How Biomedical Citizen Scientists Define What They Do: It's All in the Name // AJOB Empir Bioeth. 2021 Jan-Mar. 12(1). Pp. 63-70.
6. Wiggins, Wilbanks 2019 – Wiggins A., Wilbanks J. The Rise of Citizen Science in Health and Biomedical Research // Am J Bioeth. 2019 Aug. 19(8). Pp. 3-14.

Часть 11. Революции в социально-гуманитарных науках: типологии, специфика, хронологии

УДК 32.019.5

ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МЕНЕДЖМЕНТЕ

Бекарев Адриан Михайлович

Доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им.

Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

E-mail: adrian.bekarev@yandex.ru

В тезисе Протагора «Человек есть мера всех вещей» сквозит лень. Голимая лень. И менеджеры очень ленивы. И потому, что по себе меряют, и потому, что постоянно кому-то что-то делегируют. Например, полномочия. В последнее время они свои функции делегируют машине. Лень – не только мать всех пороков, но и всех революций в науке. Особенно, в естествознании. Люди с радостью перекадывают все свои тяготы на чужие «плечи», будь то плечи мула или экскаватора. Но не об этом речь. Речь пойдет о цифровой революции в управлении, когда менеджеры с какой-то необъяснимой радостью стали перекадывать свой труд на неутомимый искусственный интеллект. Вместе с тем принятие решений – это не только роскошь волеизъявления и свободы выбора, но и достаточно серьезная ответственность. От груза ответственности пытались частично освободиться, предлагая групповые методы принятия решений: мозговой штурм, метод номинальных групп, метод Дельфи и др. Такой порядок «работал», но груз ответственности становился все более легковесным, пока не приводил к коллективным безответственным решениям.

Ключевые слова: делегирование, искусственный интеллект, краудсорсинг, ЛПР, менеджмент, ответственность, принятие решений, революция, цифровизация.

DIGITAL REVOLUTION IN MANAGEMENT

Bekarev Adrian Mikhailovich

PhD DSc in Philosophy, Professor

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: adrian.bekarev@yandex.ru

In Protagoras' thesis "Man is the measure of all things" laziness is evident. Absolute laziness. And managers are very lazy. And by the fact that they measure themselves, and because they constantly delegate something to someone. For example, permissions. Recently, they delegate their functions to the machine. Laziness is not only the mother of all vices, but also of all revolutions in science. Especially in natural science. People are happy to shift all their burdens on someone else's "shoulders", whether it is the shoulders of a mule or an excavator. But that's not the point. We will talk about the digital revolution in management, when managers with some inexplicable joy began to shift their work to the indefatigable artificial intelligence. At the same time, decision making is not only a luxury of expression of will and freedom of choice, but also a rather serious responsibility. They tried to partially free themselves from the burden of responsibility by offering group methods of decision making: brainstorming, the method of nominal groups, the Delphi method, and others. This procedure "worked", but the burden of responsibility became lighter.

Ключевые слова: делегирование, искусственный интеллект, краудсорсинг, ЛПР, менеджмент, ответственность, принятие решений, революция, цифровизация.

Лицо, принимающее решение (ЛПР). Здесь рассказывается об истории грехопадения. Очень грустная история, но вполне революционная. Может Вы и задумывались над тем, почему все революции отдают грустью? В управлении чаще всего ссылаются на функции менеджмента, сформулированные А. Файолем. К ним относятся планирование, организация, мотивация, контроль и координация, включающая разработку и принятие управленческих решений [Файоль 1923]. В маленьких организациях эти функции выполняют два человека – директор и главный бухгалтер. Их называют «лица, принимающие решения» (ЛПР). В средних и крупных организациях большинство функций делегируется. Как правило – сверху вниз. Ближе к западу функция принятия решений долгое время оставалась прерогативой высшего руководства. Так продолжается и сейчас в отсталых регионах мира. И все же это характерно для эпохи лиц, принимающих решения. Эпоха отошла в прошлое.

Вместе с тем принятие решений – это не только роскошь волеизъявления и свободы выбора, но и достаточно серьезная ответственность. От груза ответственности пытались частично освободиться, предлагая групповые методы принятия решений: мозговой штурм, метод номинальных групп, метод Дельфи и др. Такой порядок «работал», но груз ответственности становился все более легковесным.

Другие способы принятия решений. Самый радикальный способ – отказ от процедуры решения. Его предлагал У. Бек, видимо, полагая, что в обществе «риска» не будет ни одного более-менее надежного способа решения проблем [Бек 2000]. Отказ от принятия решения есть тоже решение. До У. Бека в ином научном контексте поднимал подобный вопрос П. Фейерабенд, который известен своей экстравагантностью и отсутствием пиетета перед традиционным и устоявшимся. В демократическом обществе любой гражданин имеет право писать, читать и даже пропагандировать все, что ему взбрдет в голову. На этом пути превращения индивидуального в коллективное может быть только одно препятствие – найти источник финансирования и поддерживающих его людей, если нет собственных средств. Демократическое государство предоставляет такое право своим гражданам, руководствуясь следующими соображениями. Во-первых, каждый человек имеет возможность определять то, что он считает истинным и справедливым. Во-вторых, потому что единственным способом получить надежную оценку является возможность ознакомиться с существующими альтернативами.

Краудсорсинг. Идеи, разработанные П. Фейерабендом [Фейерабенд 2010], нашли свое развитие в признании краудсорсинга и необходимости экспертизы экспертного знания или «двойной экспертизы» [Масланов 2018]. Краудсорсинг является ослабленной версией утверждения П. Фейерабенда о том, что решение принимает дилетант.

Слово за машиной или «передачу вел автопилот». Немаловажным (а может и определяющим) фактом при этом является то, что экспертиза как механизм воплощения оценки «доверяется» технической системе – системе искусственного интеллекта, которая, по нашему мнению, имеет возможность избежать любых «субъективных» в «плохом смысле» этого понятия – как отсутствия всесторонне осуществленного анализа – выводов и в конечном итоге – оценок. Это связано с тем, что гуманитарная экспертиза всегда есть комплексный анализ, а система искусственного интеллекта, как подразумевается, есть сложная система, которая в определенном смысле гарантирует учет всех возможных факторов, сопровождающих то или иное технологическое решение, процесс, проект в определяемом контексте, в данном случае этот контекст – «человеческий фактор». И дальше: «В качестве основного технического инструмента предполагается использование программы, используемой на основе системы искусственного интеллекта. Для формирования программы предполагается использование математических методов, в частности, теории латентных показателей

G. Rosch для формирования программы для рассчитывания набора исходных показателей, запускаемых в системы обработки информации искусственного интеллекта. Экспертиза проектов – это серьезная часть управленческой деятельности, которая может быть передана машине. Многие реальные процессы давно управляются искусственным интеллектом. Например, автопилоты. Следует отметить, что идея больше доверять автопилотам подспудно была выдвинута психологом-экспериментатором Робертом Готтсданкером.

Когда управляет цифра. Середина 2010-х гг. ознаменовалась Четвертой научно-технической революцией, получившей название «Цифровая». К числу цифровых технологий, порожденных ею, можно отнести: облачные вычисления, машинное обучение, искусственный интеллект, интернет вещей, 3D-принтеры и т.д. Мы взяли пример практического применения технологии принятия решений на основе цифровой платформы Uber. Прогресс не стоит на месте, современные технологии позволяют значительно минимизировать участие человека в производственном процессе – роботизация и автоматизация, а также достижения в сфере 3D-принтеров позволили сделать промышленность более компактной и доступной, вплоть до ее размещения в своем жилище.

Развитие цифровых технологий привело к новой волне автоматизации, например, возникли убер-платформы, названные так в честь компании Uber. Эта компания стала одной из первых применять подобную цифровую систему для решения задачи по автоматическому подбору независимых исполнителей – водителей для выполнения заказов на пассажирские перевозки, представляя, по сути, новую форму реализации такси. При этом оплата начала осуществляться с банковской карты, привязанной к аккаунту пользователя, что исключает проблемы с наличными деньгами и упрощает расчет за услуги. Если ранее пассажир звонил диспетчеру, который далее подбирал водителя и связывался с ним, после чего сообщал пассажиру необходимые данные об автомобиле, то теперь функцию диспетчера выполняет цифровая платформа (убер-платформа).

Теоретический разум может сколь угодно рассуждать о гуманности и человечности. Но практический разум намного быстрее осуществляет проекты, связанные с цифровизацией всего и вся. Думаем, что решения будут принимать Сири или Алиса. И скоро нам предстоит посещать интернет-магазины для запчастей для человека, ибо постчеловеческое завтра – уже сегодня.

Список литературы

1. Файоль 1923 – *Файоль А.* Общее и промышленное управление. М.: Центральный институт труда, 1923. 122 с.
2. Бек 2000 – *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
3. Фейерабенд 2010 – *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе. М.: АСТ: АСТ МОСКВА. 2010. 378 с.
4. Масланов 2018 – *Масланов Е.В.* Краудсорсинг в науке: новый элемент научной инфраструктуры // *Философия науки и техники* 2018. Т. 23. № 1. С. 141-148.

КОНТРОЛЬ И НАДЗОР: ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ В НАУКЕ

Головизнина Юлия Игоревна

Аспирант

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия
E-mail: yig.unn@mail.ru*

Синьков Иван Андреевич

Аспирант

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия
E-mail: sinkov_ia@mail.ru*

Проблема организации контроля и надзора присутствует в большинстве социальных проектов прошлого и настоящего. Социальные утопии, общественный договор, модели капитализма, тоталитарная реальность и цифровые технологии будущего – на каждом витке общественного развития контроль и надзор возникает как гарант стабильности, безопасности и эффективности деятельности граждан и общества. И. Бентам, И. Фитхе, М. Фуко, Ш. Зубофф – все эти мыслители задавались одинаковыми вопросами – каково значение контроля и надзора в обществе? Должен ли контроль быть общественным или государственным? Является контроль ограничением прав граждан или, наоборот, стоит на их страже? Какой механизм контроля наиболее применим для создания «идеального государства»? Однако ответы всегда давались разные. Становится очевидным, что понимание сути контроля, как и метод его изучения, меняются в зависимости от этапа развития мысли и теории. Имеется ли связь между концепцией «трех стадий развития науки» В.С. Стёпина и идеями мыслителей о контроле и надзоре? В рамках предложенной темы мы рассмотрим подходы к сущности и формам контроля на разных этапах развития социально-гуманитарных наук.

Ключевые слова: контроль, надзор, этапы развития науки, паноптикум, модель управления, капитализм наблюдения, «Око власти».

CONTROL AND SUPERVISION: A DEVELOPMENT PARADIGM IN SCIENCE

Goloviznina Yulia Igorevna

Postgraduate student

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: yig.unn@mail.ru*

Sinkov Ivan Andreevich

Postgraduate student

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: sinkov_ia@mail.ru*

The problem of organizing control and supervision is present in most social projects of the past and present. Social utopias, social contracts, models of capitalism, totalitarian reality and digital technologies of the future – at every stage of social development, control and supervision emerges as a guarantor of stability, security and efficiency of the activities of citizens and society. J. Bentham, J. Fichte, M. Foucault, S. Zuboff – all these thinkers asked the same questions – what is the meaning of control and supervision in society? Should control be public or state control? Is control

a restriction of the rights of citizens or, on the contrary, is it on their guard? Which control mechanism is most applicable to create an «ideal state»? However, the answers were always different. It becomes obvious that the understanding of the essence of control, as well as the method of studying it, change depending on the stage of development of thought and theory. Is there a connection between the concept of “three stages of the development of science” by V.S. Stepin and the ideas of thinkers about control and supervision? Within the framework of the proposed topic, we will consider approaches to the essence and forms of control at different stages of the development of social sciences and humanities.

Keywords: control, supervision, stages of development of science, freak show, management model, capitalism of observation, “Eye of Power”.

Наука, согласно концепции В.С. Стёпина, проходит трехстадийное развитие. Очевидно, что наука о праве, являясь социально-гуманитарной наукой, отличается от наук естественных, но можно ли найти сходство в их развитии?

Социально-гуманитарные знания, в частности знания о праве, обрели системность и четкие исследовательские установки в Новое время, когда формировалась *классическая наука*. Классический этап развития науки о праве обладает рядом черт, которые нашли свое отражение также в конкретных институтах. Наиболее интересным для нас является развитие института контроля и надзора.

Томас Гоббс в трактате «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651 г.) называет контроль над идеями, мнениями и суждениями в обществе одной из важных функций государства. Функция эта исходит из природы вещей, ведь важнейшее свойство государства – безграничность власти, которая проявляется в том, что свобода подданных должна быть ограничена, поскольку «люди с детства привыкли благосклонно относиться (под лживой маской свободы) к мятежам и беззастенчивому контролированию действий своих суверенов, а затем к контролированию и этих контролеров» [Гоббс 1936, с. 176]. Государство же может быть подконтрольно естественному праву (right of nature), под которым понимается «свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т.е. собственной жизни, и, следовательно, свобода делать все то, что, по его суждению, является наиболее подходящим для этого» [Гоббс 1936, с.117].

Жан-Жак Руссо является одним из первых, кто предложил в своем труде «Об общественном договоре, или принципы политического права» (1762 г.) ввести отдельный контрольно-надзорный орган – трибунат.

Трибунат – это «организм... блюститель законов и законодательной власти... он разумно умеряемый, – это наиболее прочная опора доброго государственного устройства; но если он получает хоть немногим более силы, чем следует, он опрокидывает все. Что до слабости, то она не в его природе, и если только представляет он из себя кое-что, он никогда не может значить менее, чем нужно» [Руссо 1998, с. 305].

Автор называет общество «общественным организмом» и указывает на контроль над ним как на необходимость, обусловленную исторически.

Проект Иеремия Бентама «Паноптикум» (1797 г.) является примером развития социальной организации, построенной на основе государственного контроля и надзора.

Паноптикум является нам как цилиндрическое здание, в центре которого находится контролирующий. Он остается невидимым для находящихся в паноптикуме, у которых возникает ощущение постоянного контроля, т.к. они не знают, в какой именно момент за ними наблюдают. Главная идея создания паноптикума сводится к корректировке деятельности людей и их поведения в целях их воспитания, а также к воплощению принципа «общественного блага». Проект И. Бентама, безусловно, является

революционным, его обсуждали многие ученые и философы и не единожды пытались реализовать.

Как известно, социально-гуманитарные науки того времени зачастую называют «натуралистическими», и действительно, всеми авторами общество рассматривается как некая органическая, природная и объективная система, изучение которой необходимо для предугадывания ее развития и поведения.

У всех авторов прослеживаются общие черты изложения мысли. Представляется интересным, что вышеуказанные авторы говорят о природном состоянии и предназначении вещей, человека и общества; контроль трактуется как некий «механизм» регулирования и устранения внутренних противоречий; контролирующая сила предполагает выполнение обязанностей, которые четко прописаны системой социальных ролей, но при этом максимально обезличена и абстрактна.

Неклассический этап развития наук начинается с последней четверти XIX в. Возникают новые подходы к пониманию сущности контроля, его целей и назначения.

Французский социолог и философ Эмиль Дюркгейм рассматривал контроль как определенный социальный механизм, обеспечивающий социализацию людей и предотвращающий девиантное поведение в обществе. Называл он его социальным контролем. «Всякий стремящийся эмансипироваться от принятых обычаев наталкивается на сопротивление, иногда весьма сильное. Всякая попытка независимости представляет публичный скандал, и связанное с ним всеобщее осуждение в состоянии обескуражить подражателей» [Дюркгейм 1900, с.238].

Философ и экономист В.А. Базаров в своей рецензии на книгу французского философа выразил мнение, что «когда наступит конец современному атомизму и современной “аномии”, государство должно будет осуществлять лишь функции общего надзора и высшего контроля – действительно творческую, созидательную роль в деле материального и духовного обновления общества в состоянии взять на себя только профессиональные союзы» [Базаров 1912, с. 1150].

Как мы видим, ученые конца XIX – начала XX вв., рассуждая о контроле и надзоре, ушли от натуралистичных размышлений к антинатуралистичным, что характерно для неклассического этапа развития социально-гуманитарной науки. Контроль и надзор в идеях вышерассмотренных авторов включены в сложную систему общества, где они являются определенными инструментами воздействия на общество или индивида. Общество представляется сложной системой, для которой контроль жизненно необходим. Рассмотренные авторы, безусловно, были новаторами своего времени.

Говоря о *постнеклассическом этапе* развития науки в рамках исследуемой темы, следует затронуть работы знаменитого философа и историка середины XX в. Мишеля Фуко. Он предлагает деление власти на два типа: власть-господство и дисциплинарная власть. Предметом изучения ученого стала дисциплинарная власть как современная форма власти, которая находит свое выражение во всех социальных институтах. М. Фуко отмечает, что «дисциплинарные институты выработали механизм контроля, действующий как некий микроскоп для наблюдения за поведением; сделанные ими четкие, аналитически выверенные подразделения образовали вокруг людей аппарат наблюдения, регистрации и муштры» [Фуко 1999, с. 253].

В своих работах М. Фуко исследовал психологию и психопатологию, теоретический психоанализ, наблюдал за больными в психиатрической клинике. Знания из этих областей он использовал при определении сущности дисциплинарной власти. Также М. Фуко ограничивает анализируемый материал конкретным историческим периодом (Франция середины XVIII в.).

Как справедливо отмечает В.С. Стёпин, «человек в исследованиях М. Фуко, посвященных формированию клиники, истории тюрьмы, истории сексуальности,

выступал как предмет, который нужно исследовать и рационально регулировать. М. Фуко показывает, как это отношение проявлялось в исторически возникающей организации надзора и контроля в тюрьмах, в системе обезличенного наказания от имени закона, в правилах внутреннего распорядка тюрем, больниц, учебных заведений, в самой их архитектуре и планировке внутреннего пространства» [Стёпин 2006, с. 144].

Также, для данного этапа науки представляется интересным революционный труд психолога и ученого Шошаны Зубофф «Эпоха надзорного капитализма» (2019 г.).

Основная идея труда ученого – современное общество живет в эпоху, в которой надзор за ее участниками в форме постоянного сбора данных, является неотъемлемой составляющей. Данная идея получила название «капитализм наблюдения».

По мнению автора, «капитализм наблюдения» был придуман в крупной компании Google в 2001 г.; сотрудники компании осознали важность пользовательских данных, которые можно использовать не только для улучшения оказываемых информационных услуг, но и для продажи рекламы. Через сбор, обладание и аналитику данных о пользовательском поведении крупные компании абсолютно незаметно для граждан воздействуют на их желания, идеи и поведение. Ш. Зубофф выделяет несколько этапов становления и развития «капитализма наблюдения», где четко прослеживаются экономические, социально-политические, культурные закономерности, которые в конечном счете привели к слиянию капитализма и цифровых технологий.

Идеи Ш. Зубофф напрямую зависят от человеческой деятельности, и дальнейшее прогнозирование полностью моделируется на основе поведения людей. Процессы, описанные в трудах Ш. Зубофф, имеют большую экономическую и социально-политическую основу. Целями работ ученого являются осмысление современных технологий и их влияния на человека и на общество в целом, попытка определить закономерности этих процессов и тенденции дальнейшего развития, определить негативные черты и возможности их устранения. В своей работе Ш. Зубофф, говоря о контроле над обществом, изучает различные его аспекты для наиболее всестороннего его понимания.

Можно сказать, что исследования современных ученых в области контроля и надзора имеют междисциплинарных и комплексных характер. Авторы в своих работах ставят цели определения социальной значимости контроля. Одним из основных методов данных исследований является системный – авторы прослеживают четкую линию взаимосвязей природы, общества, человека и государства.

Подводя итог, необходимо отметить, что, безусловно, прослеживается прямая связь между концепцией «трех стадий развития науки» В.С. Стёпина и идеями мыслителей о контроле и надзоре. Проанализировав труды ученых, можно прийти к выводу, что понимание сути контроля и метод его изучения меняются в зависимости от этапа развития мысли и теории.

Список литературы

1. Базаров 1912 – *Базаров В.* Самоубийство как социальное явление. (По поводу русского издания книги Э. Дюркгейма “Le Suicide”) // Запросы жизни. 1912. 11 мая. № 19.
2. Гоббс 1936 – *Гоббс Т.* Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Томас Гоббс; предисл. и ред. А. Ческиса. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. 502 с.
3. Дюркгейм 1900 – *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Этюд об организации высших обществ. Одесса, 1900.
4. Дюркгейм 1994 – *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд / Пер, с фр. с сокр.; Под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 [1] с.

5. Руссо 1998 – *Руссо Ж.Ж.* Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. 416 с.
6. Стёпин 2006 – *Стёпин В.С.* Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
7. Фуко 1999 – *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
8. Zuboff 2019 – *Zuboff S.* The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. N.Y.: PublicAffairs, 2019.

УДК 001.8

О СПОСОБАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРАДИГМЫ: МЕХАНИЗМЫ ДИСКУРСА

Жаров Сергей Николаевич

Доктор философских наук, доцент

Воронежский государственный университет

Воронеж, Россия

E-mail: zharov_sn@mail.ru

Задачей статьи является выяснение общего механизма трансформации научной парадигмы. Для этого нужно найти устойчивый канал связи между парадигмальной логикой и внешними для нее сюжетами и смыслами. Такая связь раскрывается в понятии *социокогнитивного дискурса*. Социокогнитивный дискурс – это мышление, реализованное в социальных и культурных практиках людей науки. У него есть коммуникативно-смысловой центр, который можно назвать *очаговым дискурсом*. Очаговый дискурс – это парадигма, воплощенная в серии социально-коммуникативных практик, что делает возможным ее встречу с альтернативными концептуальными структурами. Такие структуры присутствуют в *фоновом дискурсе*. Фоновый дискурс – это когнитивные практики, воплощающие комплекс идей и концепций, не соответствующих принятым парадигмальным нормативам. История науки обнаруживает не только присутствие, но своеобразную легитимацию внепарадигмальных подходов фонового дискурса. Встреча очагового и фонового дискурсов становится необходимостью в ситуации кризиса парадигмы. Тогда очаговый дискурс начинает адсорбировать элементы фонового дискурса с целью обновления неэффективных парадигмальных структур. В некоторых случаях такое обновление приводит к появлению новой парадигмы. В статье сформулированы вопросы, ведущие к пониманию конкретных способов трансформации парадигмы.

Ключевые слова: наука, культура, социум, парадигма, коммуникация, социокогнитивный дискурс, очаговый дискурс, фоновый дискурс.

ON WAYS OF PARADIGM TRANSFORMATION: DISCOURSE MECHANISMS

Zharov Sergey Nikolaevich

PhD DSc in Philosophy, Associate Professor

Voronezh State University

Voronezh, Russia

E-mail: zharov_sn@mail.ru

Task of article is clarification of the general mechanism of transformation of a scientific paradigm. For this purpose it is necessary to find a steady communication channel between paradigm logic and storylines and meanings, external for it. Such communication is reflected by means of a concept of a *sociocognitive discourse*. The sociocognitive discourse is the thinking realized in

social and cultural practitioners of people of science. It has a communicative and semantic center which it is possible to call a *focal discourse*. The focal discourse is a paradigm, embodied in a series social and communicative the practician that does possible its meeting with alternative conceptual structures. Such structures are present at a *background discourse*. The background discourse is the cognitive practitioners embodying a complex of the ideas and concepts which are not corresponding to the adopted paradigm standards. History of science finds not only presence, but a peculiar legitimation of not-paradigmatic approaches of a background discourse. The meeting of focal and background discours becomes a necessity in a situation of crisis of a paradigm. Then the focal discourse begins to adsorb elements of a background discourse for the purpose of updating of inefficient paradigm structures. In certain cases such updating leads to emergence of a new paradigm. In article the questions leading to understanding of a specific way of transformation of a concrete paradigm are formulated.

Keywords: science, culture, society, paradigm, communication, sociocognitive discourse, focal discourse, background discourse.

Как показал Т. Кун [Кун 1977], смена парадигмы не может быть объяснена внутренней логикой науки. Анализ развития науки требует перейти от логики науки к логике культуры. Однако на этом пути есть свои трудности. Если логика науки представлена в категориальных формах, то логика культуры не всегда осознается в понятийном виде. Кроме того, даже если мы осознали действующие культурные смыслы, не вполне ясен механизм их воплощения в решения научного сообщества. Данная статья имеет целью прояснить принципы работы этого механизма. Для этого необходимо использовать такую единицу анализа науки, которая: 1) органически соединяет в себе теоретическую рациональность, культурные смыслы и социальную коммуникацию; 2) нацелена на получение научных результатов; 3) высвечивает способы трансформации принятой парадигмы. Такой формой выступает по-новому понятий научный дискурс.

Классическое понимание дискурса сводит его к выраженной в языке последовательности мыслей. Но реальный дискурс представляет собой не чисто интеллектуальную, а социокультурную коммуникативную практику, где мысль, выражена не только в слове, но и в социальных актах и испытывает непосредственное влияние социальных смыслов. И.Т. Касавин справедливо отмечает «внутреннюю социальность» познавательного дискурса [Касавин 1990, с. 108]. Научный дискурс имеет социокогнитивный характер (в моей работе [Жаров 1988] это было представлено понятием *социокогнитивного контура*). Анализ социокогнитивного дискурса позволяет понять механизмы обновления парадигмы.

Отличие излагаемого подхода от концепции Т. Куна состоит в следующем. У Куна парадигма предстает как система господствующих норм и образцов; в ней не предусмотрен диалог с альтернативными подходами. Однако в реальности провозглашение нормы не означает ее строгое соблюдение, особенно если речь идет о ситуативных уклонениях. Господство парадигмальных нормативов на уровне провозглашаемых истин вполне сочетается с вариациями, а то и явными отклонениями от этих норм в рамках научных практик. Интеллектуальный свет парадигмы заполняет область, которую можно назвать *очагом социокогнитивного дискурса*. Внутри этого очага безраздельно властвует базовая норма, зато на периферии могут реализовываться иные нормативы. Вспомним Альберта Великого, сочетавшего занятия теологией с написанием алхимических трактатов [Рабинович 1979, с. 198, 320 и др.]. И то, и другое были элементами социокогнитивного дискурса своей эпохи. Однако у средневековых схоластов герметические сюжеты не вторгались в сферу узаконенных диспутов. Зато Ренессанс радикально изменил ситуацию, и герметизм вошел если не в парадигму, то в легитимную интеллектуальную сферу [Герметизм... 1999; Йейтс 2000; Косарева 1997, с. 151-164].

Итак, идеи и принципы, не совместимые внутри *очага дискурса*, могут переплетаться в его фоновых структурах. Это означает появление *фонового дискурса* как фактора обновления парадигмы. Поясним подробнее смысл введенных понятий. *Очаг дискурса* – это парадигма, воплощенная в серии социально-коммуникативных практик, что делает возможным ее встречу с альтернативными концептуальными структурами. *Фоновый дискурс* – это научные практики и обсуждения, так или иначе сопряженные с очаговыми сюжетами, но не вписывающиеся в парадигмальные нормы. Сами по себе парадигмальные идеи не размыкают себя ради диалога с альтернативными подходами. Такой диалог становится возможным на уровне социодискурсивных нитей, связывающих очаговый и фоновый дискурсы.

Если парадигмальный дискурс успешен, фоновый дискурс не принимает участия в формировании признанных научных результатов и остается на периферии. Но в случае кризиса парадигмы вступает в силу особенность очагового дискурса, связанная с тем, что это не просто логика, а социокоммуникативный центр. Логика парадигмы не втягивает в себя инородные идеи; напротив, она стремится замкнуться в созданной ею системе. Дискурсивный очаг, в отличие от парадигмы, способен естественным образом втягивать в себя и абсорбировать инородные элементы. Схожая ситуация описана в работах В.С. Стёпина, где речь идет о конструктивной адаптации новых понятий к данным опыта [Стёпин 1982]. В нашем случае речь идет об адаптации идей и практик фонового дискурса к запросам парадигмальной очаговой области. В качестве элементов очагового дискурса могут выступать не только идеи, но и интерпретированный опыт, а элементами фонового дискурса могут оказаться новые опытные схемы (например, телескоп Галилея).

Кризис господствующей парадигмы приводит к размыканию очагового дискурса в поисках элементов, посредством которых можно улучшить имеющуюся парадигму. Начинается переплетение очагового и фонового дискурсов, что приводит к достройке парадигмальных структур. Иногда достройка превращается в радикальную трансформацию. Примером является открытие Планка. В начале кванты энергии воспринимались (в том числе самим Планком) как вспомогательная гипотеза, берущая начало от вычислительного рецепта [Джеммер 1985, с. 33-34; Дорфман 1979, с. 159, 192]. Дальнейшее развитие физики привело к онтологизации квантов, ставших краеугольным камнем новой картины мира.

Укажем на ключевые проблемы, связанные с развиваемой концепцией и указывающие пути уточнения механизмов социокогнитивного дискурса.

– Откуда пришли элементы фонового дискурса? – И, если они не соответствуют парадигме, как они смогли закрепиться в социокогнитивном поле?

– Чем значимы персонажи фонового дискурса и в чем заключается теоретический соблазн, приводящий к их включению в структуры очагового дискурса?

Ответы на эти вопросы требуют обращения к историко-научному материалу, что не получается сделать в силу ограниченного объема данной статьи. Однако представленная концептуальная схема способна стать ключом к выяснению общих механизмов трансформации парадигмальных структур.

Список литературы

1. Герметизм... 1999 – Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII–XIX вв. / Отв. ред. И.Т. Касавин. М.: Канон+, 1999. 864 с
2. Джеммер 1985 – Джеммер М. Эволюция понятий квантовой механики. М.: Наука, 1985. 384 с.

3. Дорфман 1979 – *Дорфман Я.Г.* Всемирная история физики (с начала XIX до середины XX вв.). М.: Наука, 1979. 317 с.
4. Жаров 1988 – *Жаров С.Н.* Наука и религия в интегральных механизмах развития познания // Естествознание в борьбе с религиозным мировоззрением. М.: Наука, 1988. С. 19-33.
5. Йейтс 2000 – *Йейтс Ф.А.* Джордано Бруно и герметическая традиция. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 528 с.
6. Касавин 1990 – *Касавин И.Т.* Познание в мире традиций. М.: Наука, 1990. 207 с.
7. Косарева 1997 – *Косарева Л.М.* Рождение науки Нового времени из духа культуры. М.: Ин-т психологии РАН, 1997. 360 с.
8. Кун 1977 – *Кун Т.* Структура научных революций. 2-е изд. М.: Прогресс, 1977. 301 с.
9. Рабинович 1979 – *Рабинович В.Л.* Алхимия как феномен средневековой культуры. М.: Наука, 1979. 391 с.
10. Стёпин 1982 – *Стёпин В.С.* Структура теоретического знания и историко-научные реконструкции // Методологические проблемы историко-научных исследований. М.: Наука, 1982. С. 137-172.

УДК 7.01; 009

РЕВОЛЮЦИЯ В ИСКУССТВОВЗНАНИИ В КОНТЕКСТЕ ВИЗУАЛЬНОГО ПОВОРОТА: ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ

Ищенко Елена Николаевна

*Доктор философских наук, профессор
Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия
E-mail: ishchenkophilosophy@yandex.ru*

Статья посвящена анализу научной революции в современном искусствознании в контексте визуального поворота. Автор показывает, что революция в искусствознании связана с сочетанием внутринаучных и социокультурных вызовов. С одной стороны, процесс отказа от прежних установок запускает лавинообразный процесс деструкции эпистемологических оснований, на которых базировалось классическое искусствознание. Представления о природе искусства, органически связанные с европейской эстетикой, не выдерживают столкновения с образами художественного в иных культурных контекстах. Предлагаемые локальные исследовательские дискурсы (гендерные, постколониальные и т.п.) не предполагают возможности концептуального синтеза. С другой стороны, процесс поиска новой парадигмы в искусствознании был спровоцирован визуальным поворотом в современной культуре. Включение визуальных источников в область исторических исследований, развитие теории и истории медиа как самостоятельной отрасли знания повысили интерес к концептуальным и методологическим основаниям теории, истории и критики искусства. Автор делает вывод о том, что современная ситуация чревата опасностью утраты специфики искусства как предмета изучения, растворения его в других формах духовной и материальной деятельности. «Разорванность» дискурсивного пространства требует преодоления релятивистских установок в искусствознании, поиска новых оснований для концептуальной «сборки».

Ключевые слова: визуальный поворот, искусствознание, история искусства, теория искусства, гуманитарные науки, научная революция.

REVOLUTION IN SCIENCE OF ART IN THE CONTEXT OF VISUAL TURN: CHALLENGES AND RESPONSES

Ishchenko Elena Nikolayevna
PhD DSc in Philosophy, Professor
Voronezh State University
Voronezh, Russia
E-mail: ishchenkophilosophy@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the scientific revolution in science of art in the context of a visual turn. The author demonstrates that the revolution in science of art is associated with a combination of intra-scientific and social and cultural challenges. On the one hand, the process of abandoning classical ideas launch an avalanche-like process of destruction of the epistemological foundations of classical science of art. Bounding with European aesthetics classical view of art didn't withstand a collision with artistic images in other cultural contexts. The proposed local research discourses (gender, postcolonial, etc.) don't imply the possibility of conceptual synthesis. On the other hand, the process of searching for a new paradigm in science of art was largely provoked by a visual turn in contemporary culture. The inclusion of visual sources in the field of historical research, the development of the theory and history of media as a branch of studies increased interest in the conceptual and methodological foundations of the theory of art, art history and art critique. The author concludes that the current situation is fraught with the danger of losing the specificity of art as a subject of study, dissolving it in other forms of spiritual and material activity. *Fragmentation* of research discourse requires overcoming relativism in science of art and search for new foundations for conceptual *assembly*.

Keywords: visual turn, science of art, theory of art, art history, humanities, scientific revolution.

Вторая половина XX в. стала переломным моментом в развитии гуманитарных наук. Проблема специфики «наук о духе» пережила второе рождение. С одной стороны, началось движение в сторону обретения научности в позитивистском ключе, представлявшееся его апологетами единственным способом преодоления «комплекса неполноценности» гуманитарного знания. Существенным подспорьем в этом процессе оказалось развитие информационных технологий. Постепенно стали вырисовываться контуры проекта Digital humanities, вызывавшего невероятный энтузиазм у сторонников широкого применения вычислительных методов к анализу культурных и социальных феноменов. Ссылаясь на известного теоретика медиа Ф. Киттлера, И. Пильщиков нашел выразительную формулу такого подхода: «...изгнать Geist из Geisteswissenschaften» [Пильщиков 2015, с. 36]. По его мнению, задача исследователя в области гуманитарных наук состоит в том, чтобы «сначала применить доступные методы, затем попытаться разработать новые и только потом то, что останется, объявить, если захочется, не подлежащим естественнонаучному изучению Geist'ом» [Пильщиков 2015, с. 36]. С другой стороны, значительная часть представителей гуманитарных наук предпочла оставаться в русле культурцентристского подхода как в отношении предмета, так и метода. Однако ощущение растерянности после распада «больших» методологических программ, к числу которых можно отнести марксизм, структурализм, психоанализ, породило необходимость в масштабных парадигмальных новациях.

Наиболее остро и полно, на наш взгляд, этот процесс проявился в искусствознании, которое позже других гуманитарных наук столкнулось с необходимостью концептуального «переформатирования». Вызов постмодернистской мысли, подорвавшей веру в саму возможность существования единой и единственной интерпретативной стратегии, способствовал существенным трансформациям исследовательских программ. Болезненный процесс отказа от прежних установок запустил лавинообразный процесс деструкции эпистемологических оснований,

на которых базировалось классическое искусствознание. Предметность рассыпалась на глазах, поскольку классические представления о природе искусства, органически связанные с европейской эстетикой, не выдерживали столкновения с образами художественного в иных культурных контекстах. Пресловутый европоцентризм перестал соответствовать духу времени, ориентированному на множественность, разнообразие, непохожесть. Размытие границ между художественным и не-художественным, пресловутая «эстетизация повседневности» [Featherstone 2007; Schulze 2005] разрушали иерархическую вертикаль критических суждений. Выход из сложившейся ситуации предполагал «разгерметизацию» дисциплинарной матрицы, научный диалог с исследователями, представляющими лингвистику, антропологию, психологию, социологию и другие отрасли социогуманитарного знания. Программа погружения искусства в социокультурный контекст означала выстраивание новых исследовательских структур и взаимосвязей между различными дисциплинами. Сложившуюся ситуацию в довольно мрачных тонах комментировал автор концепции «конца истории искусства» Х. Белтинг: «...интерпретаторы заменили одну влиятельную историю искусства несколькими и даже многими историями и методами, сосуществующими без борьбы, как и разные направления современного искусства» [Belting 1995, S. 22.]. Локальные дискурсы, будь то гендерные или постколониальные, выдвинулись на первый план, задавая специфическую исследовательскую оптику, не позволяющую разглядеть целостность художественных феноменов.

Кроме того, предельно проблематизировались отношения внутри отдельных областей науки об искусстве. Классическая триада дисциплинарной матрицы искусствознания, включавшая в себя историю, теорию и критику искусства, также испытывалась на прочность. Драматизма в революционную ситуацию добавили процессы, происходящие в современном искусстве (contemporary art). Переосмысление классических оппозиций элитарное/массовое, авторское/анонимное, традиционное/новаторское привели к окончательному отказу от сколько-нибудь внятных стилевых и жанровых канонов. Необходимость всякий раз переопределять границы между искусством и не-искусством, относящаяся к компетенции критики, способствовала возрастанию интереса к институциональным аспектам художественного творчества, в частности, возникновению музееведения как самостоятельной сферы исследований.

Процесс поиска новой парадигмы в искусствознании во многом был спровоцирован визуальным поворотом в современной культуре. Распространение новых медиа, визуальный контент которых стремительно вытеснял вербальный, в некотором смысле даже маргинализировав последний, требовало адекватных способов и методов исследования. Интерес к феномену визуального *per se* при всей разноголосице его концептуальных дефиниций породил новую отрасль знания – визуальные исследования (visual studies) – с подвижными границами и постоянно пополняющимся методологическим арсеналом. Как это обычно происходит, современные штудии побудили к изучению исторического контекста бытования визуального в различных отраслях культуры и общества, повседневных практиках, процессах коммуникации. Визуальные исследования все чаще стали вторгаться на территорию искусствознания, порождая перманентные столкновения между «новаторами» и «консерваторами». Иначе говоря, перемены, назревшие внутри научного сообщества, получили дополнительный импульс благодаря запросу на новые методы и подходы со стороны представителей других отраслей гуманитарных и социальных наук. К примеру, включение визуальных источников в область исторических исследований, разработка проблемы соотношения вербального и визуального в лингвистике и литературоведении, развитие теории и истории медиа как самостоятельной отрасли знания существенно повысили интерес

к концептуальным и методологическим основаниям теории и истории искусства. Исследования визуального проникли в сферу истории и философии науки [Bleichmar 2012; Edgerton 1980; Latour 1986; Lynch 1985; Mukerji 1983]. Оказалось, что в областях, традиционно относившихся к компетенции искусствознания, обнаруживаются скрытые возможности для расширения взгляда на различные аспекты взаимодействия науки и общества, науки и культуры.

Под влиянием визуальных исследований формирование художественных институций все чаще стало рассматриваться исключительно с точки зрения их вторичности, обусловленности патрон-клиентскими или экономическими отношениями, политической обстановкой или идеологическим заказом. При этом художественные произведения, их рецепция и интерпретация стали вытесняться на периферию исследовательского пространства. П. Эмисон исключительно точно замечает, что «современная история искусства все больше полагается на научно звучащий неологизм и склонна рассматривать произведения искусства как эксперименты, реальный интерес к каковым заключается в теориях, для поддержки которых они могут быть использованы» [Emison 2008, pp. 15-16]. Как оказалось, за многоголосьем различных интерпретаций теряется художественная ценность конкретных произведений, в экономических и политических реалиях времени растворяются неповторимые личности творцов, теряются «вечные» смыслы, уступая место погружению в локальный исторический и/или социокультурный контекст. И дело не только и не столько в том, что интерпретаций и подходов множество, речь идет о принципиальном отказе от намерения их совмещения, сопоставления и синтеза. Отказ от «фундаментализма» в понимании природы художественного творчества в современной ситуации становится препятствием для преодоления кризиса, разрешение которого предполагает переход к новой парадигме в искусствознании.

Революционная ситуация в искусствознании, основанная на сочетании «внешних» и «внутренних» вызовов, означает неизбежность перемен. В конечном итоге, выбор, перед которым оказалось искусствознание начала XXI в., предполагает или полный отказ от поисков общего дискурсивного пространства, признание торжества релятивизма или «возвращение к истокам», переосмысление концептуальных оснований классических теории и истории искусства, прояснение их взаимоотношений с философией и эстетикой. Как нам представляется, именно движение между этими крайними позициями задает пространство развития современной науки об искусстве.

Стоит отметить, что уже в начале XXI в. идея безудержного релятивизма оказывается не столь популярной, а голоса ее критиков становятся все более отчетливыми. Опасность утраты специфики искусства как предмета изучения, растворение его в других формах духовной и материальной деятельности является серьезным вызовом, стоящим перед современной наукой об искусстве. «Разорванность» дискурсивного пространства настоятельно требует «точки сборки». Выход из сложившейся ситуации видится в обращении к классическим проблемам «истины и метода», требующим новых, неклассических решений.

Список литературы

1. Пильщиков 2015 – *Пильщиков И.* Digital Humanities – это что-то новое или мы давно этим занимаемся? // *Логос.* 2015. № 2(104). С. 14-36.
2. Belting 1995 – *Belting H.* Das Ende der Kunstgeschichte. Eine Revision nach zehn Jahren. München: Beck, 1995. 606 S.
3. Bleichmar 2012 – *Bleichmar D.* Visible Empire; Botanical Expeditions and Visual Culture in the Hispanic Enlightenment. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2012. 288 p.

4. Edgerton 1980 – *Edgerton S.* The Renaissance Artist as a Quantifier // The Perception of Pictures. Vol. I / M. A. Hagen (ed.). N.Y.: Academic Press, 1980. Pp. 179-212.
5. Emison 2008 – *Emison P.* The Shaping of Art History: Meditations on a Discipline. Pennsylvania: Penn State University Press, 2008. 108 p.
6. Featherstone 2007 – *Featherstone M.* The Aestheticization of Everyday Life // Featherstone M. Consumer Culture and Postmodernism. Los Angeles: SAGE Publications, 2007. Pp. 65-82.
7. Latour 1986 – *Latour B.* Visualization and Cognition: Drawing Things Together // Knowledge and Society Studies in the Sociology of Culture Past and Present. Vol. 6 / H. Kuklick (ed.). Greenwich, CT: Jai Press, 1986. Pp. 1-40.
8. Lynch 1985 – *Lynch M.* Discipline and the Material Form of Images: an Analysis of Scientific Visibility // Social Studies of Science. 1985. No. 15. Pp. 37-66.
9. Mukerji 1983 – *Mukerji Ch.* From Graven Images: Patterns of Modern Materialism. N.Y.: Columbia University Press, 1983. 329 p.
10. Schulze 2005 – *Schulze G.* Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. Frankfurt – N.Y.: Campus Verlag, 2005. 612 S.

УДК 81'1

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК РЕВОЛЮЦИОННОЕ И КАК ЭВОЛЮЦИОННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ЯЗЫКА

Калинин Степан Сергеевич

Кандидат филологических наук, научный директор НОЦ русского языка и славянской культуры

Международный славянский институт

Москва, Россия

E-mail: ishchenkophilosophy@yandex.ru

В докладе делается попытка обоснования принадлежности языкознания к естественным наукам как по предмету и объекту, так и по используемой методологии. В соответствии с этим в естественно-научном языкознании выделяются две тенденции, или два направления, каждое из которых в большей или в меньшей мере тяготеет к революционному или эволюционному развитию. Так, эволюционная, или биологическая, лингвистика имеет бóльшую тенденцию к тому, чтобы являться эволюционно развивающимся направлением, чему способствует анализ и осмысление основных проблем эволюционизма в языкознании в трудах лингвистов-классиков. В то же время математическая и компьютерная лингвистика, также входящая, согласно авторской концепции, в естественно-научное языкознание, переживала на протяжении своей истории и продолжает переживать революционное развитие, связанное, в частности, с развитием компьютерных и информационно-коммуникационных технологий. В заключение доклада также представлены размышления по поводу возможностей применения идей естественно-научного языкознания в лингвистическом образовании.

Ключевые слова: естественно-научное языкознание, эволюционная лингвистика, математическая лингвистика, междисциплинарные исследования, лингвистическое образование.

TWO SIDES OF HARD-SCIENCE-BASED LINGUISTICS: BOTH EVOLUTIONARY AND REVOLUTIONARY APPROACH TO STUDYING A LANGUAGE

Kalinin Stepan Sergeevich

PhD in Philology, Academic Director of Scientific and Educational Center of the Russian

Language and Slavic Culture

International Slavic Institute

Moscow, Russia

E-mail: ishchenkophilosophy@yandex.ru

An attempt of proving that the linguistics is hard (natural) science is made in my report. In my terms, it is determined both by subject and by object of linguistic studies and by the methodology being in use. Accordingly, it makes possible to identify two tendencies or two directions in hard science linguistics. Each of them strives to revolutionary or evolutionary development more or less. On this basis, these tendencies can be distinguished. Thus, evolutionary linguistics (also known as biological linguistics) tends to be in the evolving development. It can be explained by that the analysis and the considerations of the main problems of linguistic evolutionism are one of main subject of discussion in classical linguistic works. I assume that mathematical and computational linguistics can also be included in the hard science linguistics. The growth and development of mentioned disciplines has revolutionary specifics for some reasons. Particularly, it depends on the development of computer sciences and information and communications technologies. Some speculations on the possibilities of applying the concepts and ideas of hard science linguistics for purposes of higher linguistic education are the finish parts of my report.

Keywords: hard science linguistics, evolutionary linguistics, mathematical linguistics, interdisciplinary studies, linguistic higher education.

Достаточно часто можно столкнуться со следующим мнением о языкознании. Оно заключается в том, что языкознание рассматривается как наука «гуманитарная», поскольку она изучает язык и продукты речевой деятельности, традиционно представляемые как продукты духовной культуры и результаты духовно-мыслительной деятельности человека. Тем самым зачастую обосновывается, что лингвистике не требуется точность в методике и методологии исследования, что у каждого лингвиста может быть собственная позиция по тому или иному лингвистическому вопросу или лингвистической проблеме (при этом в общем случае эти позиции не обязаны совпадать). Таким образом, субъективизм как будто бы принципиально не устраним из исследований языка и литературы.

Из этого же проистекают и многочисленные, зачастую противоречивые трактовки некоторых, ставших общеизвестными лингвистических терминов. В частности, это относится к таким терминам как: «дискурс», «концепт», «языковое сознание», «когниция» и т. п. Например, в работе П. Сериио приводятся восемь различных определений и трактовок, относящихся к пониманию дискурса [Сериио 1999, с. 25-27]. В работе В.Б. Касевича детально анализируются различные дефиниции понятия «концепт» и рассматриваются противоречия, содержащиеся в данных дефинициях [Касевич 2013, с. 135-140].

Однако при более внимательном рассмотрении соотношение языкознания с гуманитарными науками оказывается не более чем популярным заблуждением, мифом, или, говоря более мягко, стереотипом. Еще классиками языкознания высказывались идеи о том, что лингвистика может и должна быть наукой естественной или же по крайней мере стремиться к исследовательским нормам и практикам естественных наук.

Так, М. Мюллер в «Лекциях по науке о языке» уподоблял предмет и метод языкознания методологии естественной истории, сравнивал языковое развитие с эволюцией живых организмов [Мюллер 2013, с. 1-20]. О том, что языкознание по своей методологии относится к естественным наукам, писали многие представители Казанской

лингвистической школы, в частности, И.А. Бодуэн де Куртене: «При теперешнем же положении наук языкознание методом своим и всею своею внутренней организацией принадлежит к естественным наукам» [Бодуэн де Куртене 1963, с. 37] Другой известный представитель Казанской лингвистической школы, Н.В. Крушевский, вполне определенно высказывался на этот счет: «Лингвистика принадлежит не к наукам “историческим”, а к наукам “естественным”. Главная ее задача – не восстановление картины прошлого в языке, а раскрытие законов явлений языка» [Крушевский 1881, с. 107].

Уместным будет вспомнить также слова А.М. Пешковского, который постулировал, что лингвистика по своему предмету, методу и общей идеологии является наукой естественной [Пешковский 2019, с. 3-4]. Лингвистика не предписывает, «как надо» говорить или писать, а изучает различные формы и проявления речевой деятельности, различные формы существования языка, языки различной системы и структуры, наконец. Из этого А.М. Пешковским делается вывод о необходимости принципиального отказа от нормоцентризма в лингвистических исследованиях [Пешковский 2019, с. 6-7]. За счет этого лингвистика по своей методологии приблизится к естественным наукам и математике, а также приобретет «математический стиль мышления» [Кибрик 2005, с. 102-103]. Цель языкознания – не оценивать, насколько хорошо или плохо то или иное языковое явление, а изучать его во всей его полноте, подобно тому, как это делается в естественных науках.

По ряду причин нормоцентристские представления о языке и исследованиях языка в отечественной научной практике продолжают оставаться достаточно сильными. Представлены они и в образовательной практике, в частности, в школьном и университетском образовании.

Проблема объективного и нормативного отношения к языку амбивалентна по своей сути. С одной стороны, нормативный взгляд на язык выглядит вполне уместно при обучении русскому литературному, родному и/или иностранному языку в средней школе и даже на неязыковых направлениях в университетском образовании. В этом случае нормативный взгляд на язык может быть продуктивен и даже полезен.

С другой стороны, следует помнить, что современная лингвистическая наука по своей сути дескриптивна, а не прескриптивна. Проще говоря (что было отмечено и выше), она описывает и анализирует уже существующие языковые явления, а не создает специальные нормы правильной речи или правописания. Изучение литературных языков (т.е. таких языков, которые являются нормированными и в каком-то смысле «эталонными») составляет лишь небольшую часть общего поля современных лингвистических исследований. Большое внимание в современном языкознании уделяется исследованию бесписьменных или младописьменных языков, внелитературных форм существования языка (сленги, жаргоны, диалекты, просторечие и т.п.). Таким образом, представления, связанные с нормоцентризмом и не отражающие современного уровня лингвистической науки, необходимо избегать в исследовательской практике.

Особо следует остановиться на применении математических методов в исследовании языковых явлений. До сих пор – даже в университетской среде! – остается распространенным мнение о том, что математические методы слабо применимы для исследования языковых явлений. Обосновывается это зачастую такими трюизмами, как «язык – это не математика» (т.е. в нем все будто бы «нестрого») и «в языке, в отличие от математики, все нечетко». Не лучшим образом отражаются данные стереотипы и на лингвистической образовательной и исследовательской практике.

Опровержению такого представления посвящено значительное количество работ: отметим среди них статью А.В. Гладкого [Гладкий 2007, с. 26-33], в которой

приведенные выше высказывания разбираются и опровергаются по существу. Между тем компьютерные методы исследования языка, получившие столь широкое распространение в последнее время, основаны как раз-таки на применении математических методов исследования к языковому материалу.

Из этого следует принципиальная необходимость междисциплинарности в практике лингвистических исследований. Поскольку язык – это комплексное явление, то для его изучения лингвисту необходимо сотрудничество с представителями других наук. Следует и отражать междисциплинарные связи и в лингвистическом образовании. К сожалению, в настоящий момент этот аспект лингвистического образования остается пока что недостаточно разработанным. Нужно заметить, что о междисциплинарных связях языкознания упоминается во многих работах: достаточно назвать монографии А.Е. Кибрика и М.К. Тимофеевой [Кибрик 2005, с. 105-106; Тимофеева 2009, с. 5-7].

Таким образом, в языкознании, положенном на естественно-научную основу, можно выделить два основных направления, одно из которых эволюционно по характеру своего формирования и развития, а другое – революционно. Первое – это эволюционистская, или биологическая, лингвистика, сохраняющая концептуально-идейную преемственность с классическими языковедческими теориями XIX-XX вв. и продолжающая в некоторой своей части развиваться в русле постепенного углубления, расширения и переосмысления классической исследовательской проблематики, в том числе и за счет введения в исследовательское поле достижений современной биологии, генетики, нейрофизиологии, антропологии. В настоящее время это направление достаточно широко представлено как в зарубежном, так и в отечественном языкознании: среди трудов этого направления можно выделить ряд исследований [Бикертон 2012; Фитч 2013; Кошелев 2017; Эверетт 2019; Bickerton 2016].

Второе направление, которое в большей степени можно охарактеризовать как революционное – это математическая и компьютерная лингвистика. Возникновение и активное развитие математической лингвистики было связано, в частности, с компьютерной революцией и ее потребностями, в частности, запросами на обработку естественного языка при помощи компьютеров, а также создания вычислительных (компьютерных) моделей языка. Как пишет М.К. Тимофеева, запрос на исследования в области математической лингвистики был обусловлен существенным прогрессом в области компьютерных технологий и необходимостью создания новых систем автоматизированного перевода, распознавания речи, автоматического реферирования текстов, диалога с компьютерными системами, а также прогрессом исследований в области искусственного интеллекта [Тимофеева 2009, с. 107-108]. Революции в области компьютерных технологий, а также совершенствование программной и аппаратной базы компьютеров определяли и направляли революционное развитие данного лингвистического направления.

Подводя итог данной статьи, можно, помимо прочего, сделать краткое резюме, касающееся приложения естественно-научно ориентированного языкознания к лингвистической образовательной практике:

1. Будущих лингвистов нужно знакомить с основными идеями, методами, принципами и достижениями естественных наук, в особенности, биологии;
2. Будущим лингвистам необходимо преподавать глубокий и серьезный математический курс с упором на методы теории вероятностей, математической статистики и математической логики, которые являются одними из наиболее частотно применяемых в современных лингвистических исследованиях;
3. В современное лингвистическое образование должен обязательно быть включен курс основ компьютерной и корпусной лингвистики как направлений, претендующих на то, чтобы стать одними из доминирующих в современной

лингвистической науке, при этом курс должен быть ориентирован как на теорию, так и на практику такого рода исследований;

4. Современное лингвистическое образование должно быть междисциплинарным, с глубоким анализом и внедрением в образовательную практику новейших достижений как естественных и технических, так и общественных наук.

Список литературы

1. Бикертон 2012 – *Бикертон Д.* Язык Адама. Как люди создали язык, как язык создал людей. М.: Языки славянской культуры, 2012. 310 с.
2. Бодуэн де Куртене 1963 – *Бодуэн де Куртене И.А.* Август Шлейхер (1870) // И. А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М.: АН СССР, 1963. С. 35-44.
3. Гладкий 2007 – *Гладкий А.В.* О точных и математических методах в лингвистике и других гуманитарных науках // Вопросы языкознания. 2007. № 5. С. 22-38.
4. Касевич 2013 – *Касевич В.Б.* Когнитивная лингвистика: в поисках идентичности. М.: Языки славянской культуры, 2013. 192 с.
5. Кибрик 2005 – *Кибрик А.Е.* Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2005. 720 с.
6. Кошелев 2017 – *Кошелев А.Д.* Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 528 с.
7. Крушевский 1881 – *Крушевский Н.В.* К вопросу о гуне: Исследования в области старославянского вокализма // Русский филологический вестник. Варшава, 1881. Т. 5. № 1. С.1-109.
8. Мюллер 2013 – *Мюллер М.* Лекции по науке о языке. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 314 с.
9. Пешковский 2019 – *Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 190 с.
10. Сериио 1999 – *Сериио П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 12-53.
11. Тимофеева 2009 – *Тимофеева М.К.* Язык с позиций философии, психологии, математики. М.: Флинта: Наука, 2009. 176 с.
12. Фитч 2013 – *Фитч У.Т.* Эволюция языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2013. 824 с.
13. Эверетт 2019 – *Эверетт Д.* Как начинался язык: история величайшего изобретения. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 424 с.
14. Bickerton 2016 – *Bickerton D.* Roots of language. Berlin: Language Science Press, 2016. 300 p.

УДК 16

МЕТОДОЛОГИЯ ШКОЛЫ «АННАЛОВ» В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Колесова Ольга Валентиновна

Доктор философских наук, доцент

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им.

Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

E-mail: kolesovaov@yandex.ru

В статье дается анализ методологических установок французской школы «Анналов», позволяющий идентифицировать осуществление революционных позиций в гуманитарном познании на примере ее развития. Возникшая в XX в. рефлексия по поводу судеб науки привела к выводу о ее некумулятивной динамике. Т. Кун ввел понятие «научная революция». В общенаучном контексте были выделены парадигмы с различающимися типами рациональности. В.С. Стёпин выделяет классический, неклассический и постнеклассический типы рациональности, присутствующие в естествознании. Первый характеризуется вниманием к объекту, вынесением «за скобки» любых субъективных проявлений, второй исходит из «антропного принципа», принципа дополнительности, статистических закономерностей, третий допускает «межпарадигмальные вкрапления» и плюрализм. В статье произведен сравнительный анализ методологических установок, имевших место на различных этапах развития школы «Анналов», и критериев неклассического и постнеклассического типов рациональности. Это позволило сделать заключение о том, что первые два периода в развитии школы соотносятся с неклассическим типом рациональности. В них акцентируется антропный принцип, позиционируется конструктивизм, применяется принцип дополнительности, осмысленный в гуманитарном контексте, и междисциплинарный подход. Последние два периода существования школы воплощают установки постнеклассического типа рациональности: остается актуальной междисциплинарность в исследованиях, гуманистический центризм, диалогизм, плюрализм. Итогом становится мысль о том, что для гуманитарного познания свойственны те же критерии революционности, что и для естествознания.

Ключевые слова: научная революция, тип рациональности, антропный принцип, принцип дополнительности, структурный метод, междисциплинарность, плюрализм.

THE METHODOLOGY OF THE ANNALES SCHOOL IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC REVOLUTION

Kolesova Olga Valentinovna

PhD DSc in Philosophy, Associate Professor

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: kolesovaov@yandex.ru

In the article there has been given the analysis of methodological principles of the French Annales school which allows us to identify the implementation of the “revolutionary” position in humanitarian cognition on the example of its development. In the XX century there appeared the reflection concerning the ways of science which concluded its non-cumulative dynamics. T. Kuhn introduced the term of “scientific revolution”. In the general science context there have been outlined the paradigms with differentiating types of rationality. V.S. Stepin identifies classical, non-classical and post-non-classical types of rationality which are present in natural science. The first one can be characterized by the attention to an object, removing any subjective manifestations, the second one comes from the “anthropomorphic principle”, the principle of additionality, statistical patterns, the third one allows “inter-paradigm inclusions” and pluralism. In the article there has been carried out a comparative analysis of methodological principles which took place at different stages of the Annales school development as well as criteria of non-classical and post-non-classical types of rationality. It allowed us to conclude that the first two periods in the development of the Annales school correlate with a non-classical type of rationality. They accentuate the anthropomorphic principle, position constructivism, apply the principle of additionality considered in the humanitarian context, and inter-disciplinary approach. The last two periods of the Annales school existence embody the principles of a post-non-classical type of rationality: there remain actual interdisciplinary in research, humanitarian centrism, dialogism, pluralism. The outcome is the thought that the same criteria of being “revolutionary” are typical of humanitarian cognition as well as of natural science.

Keywords: scientific revolution, type of rationality, anthropic principle, principle of additionality, structural method, interdisciplinary, pluralism.

XX век стал временем переосмысления истории как таковой и истории науки в частности. Одним из вариантов рефлексии по поводу науки и ее судеб является понятие

«научная революция», введенное Т. Куном [Кун 2002]. Осмысление новых революционных реалий связано с выделением типов рациональности. В.С. Стёпин выделяет три типа: классический, центрирующий внимание на объекте, стремящийся при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности; неклассический, учитывающий связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности; постнеклассический, расширяющий поле рефлексии над деятельностью, учитывающий соотносительность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами» [Стёпин 2007].

Целью нашего исследования является раскрытие признаков революционности методологических установок представителей школы «Анналов» путем сравнительного анализа с типами рациональности, выделяемыми В.С. Стёпиным.

Методологическую базу данного исследования образуют гипотетико-дедуктивный, герменевтический и общенаучные методы.

Отправной позицией в наших рассуждениях является мнение А.Я. Гуревича о революционности взглядов на методологию исторического знания, которые были сформулированы в контексте «Новой исторической науки», или школы «Анналов», как их принято называть [Гуревич 1993, с. 6].

В истории школы выделяют четыре этапа развития, представленных разными поколениями, в целом соответствующих смене методологических подходов, определявших программные установки. Основатели школы М. Блок и его ученик Л. Февр видели для себя первоочередную задачу придания истории гуманистического содержания, проблематизацию ее исследований [Русакова 2001, с. 17-48]. Предметом истории анналисты считали человека в обществе и его сознание. Блок понимает под историей обширный и разнообразный человеческий опыт, встречу людей в веках [Блок 1986, с. 82]. Принципы, на которые опирались представители «Школы», отражены в программных текстах М. Блока – «Апология истории, или Ремесло историка» [Блок 1986] – и Л. Февра – «Бои за историю» [Февр 1991]. Первое поколение анналистов в своем методе разворачивает присутствие антропной составляющей. Это выражается в понимании историчности мироощущения. Л. Февр считал, что у каждого общества в определенную эпоху формируется свой собственный образ мира и своя картина истории [Февр 1991, с. 53]. Антропный принцип проявляется в понимании «исторического источника» М. Блоком. Представители «Новой исторической науки» понимали историю как «историю-проблему». Так сформулировал свое восприятие истории Л. Февр. Это означало, что историк сначала формулирует проблему и только потом подбирает источники для ее решения. Блок считал, что стремление понять не может характеризоваться пассивностью. Для занятия наукой, по его словам, нужен и предмет, и человек [Блок 1986, с. 82]. Именно историк, исходя из проблематизации памятника прошлого и включая его в систему характерных для своего времени и контекста интеллектуально-интерпретационных схем, придает ему более высокий статус – исторического источника.

Н.Е. Копосов, анализируя методологию анналистов, отмечает, что конструктивизм – важнейший ее элемент [Копосов 2001, с. 278-280]. Конструктивистская составляющая содержится в «проблемном методе» Февра, в его указании на избирательный характер исторического интереса, в понимании Блоком центральной роли сознания в конституировании социальных фактов. Бродель, представлявший второе поколение анналистов, сохранял конструктивистские взгляды в теории, Ф. Фюре говорил о конструктивизме как о главном отличии «новой истории». Третье поколение школы – Ле Гофф и П. Нора – рассматривает историю как продукт, создаваемый историком, в этом же ключе мыслит Ж. Дюби. Копосов считает, что интерпретация

конструктивистской гипотезы анналистов всех поколений выражается в двух вариантах: когда конструирующая составляющая приписывается субъектам истории, а не историкам и когда конструирующей понимается роль историка [Копосов 2001, с. 283].

Таким образом, позиции анналистов вполне коррелируют с установками неклассического естествознания, сформулированными относительно физики И. Пригожиным о том, что «реальность... конструкция нашего разума» [Пригожин, с. 250] и А. Эйнштейна по поводу того, что на базе одного и того же комплекса опытных фактов может существовать несколько разных теорий [Эйнштейн 1965, с. 228, 229].

В целом выделенные методологические особенности, проявившиеся на первом и втором этапах развития, реализуют связь между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности, характерных для неклассического типа рациональности в определении Стёпина [Стёпин 2007].

Анналисты видели целью создание новой истории, вбирающей описания всех форм проявлений активности человека: политических, экономических, культурных. Они применяли структурный метод, суть которого заключается в том, что на арену истории выходят безличные структуры, взаимодействие элементов которых определяет исторические судьбы.

В этом контексте получают осмысление понятия «структура», «конъюнктура», «цикл», «ментальность». «Структура» – понятие пакетное, несущее отпечаток таких безличных начал, как биосфера, климат, география, плодородие почвы. «Структуры» понимаются как замкнутые, устойчивые во времени образования, способные к сопротивлению изменениям. Под «структурой» анналисты иногда понимали общество в целом.

Для описания изменений они использовали термин «конъюнктура». В их трактовке понятием «конъюнктура» обозначается этап эволюции социума, характеризующийся сочетанием определенных тенденций. Для сопряженного понимания «структуры» и «конъюнктуры» используется понятие «цикл».

Понимая человека в обществе как основной предмет истории, анналисты разрабатывали понятие «ментальность», соотносимое с автоматическими формами сознания и поведения людей [Ле Гофф 1998, с. 43]. На наш взгляд, важно подчеркнуть, что методологические установки школы «Анналов» сочетают антропный принцип и структурный метод, т.е. субъектный и бессубъектный подход. Как представляется, это – своеобразная «гуманитарная версия» изучения общества, коррелирующая с принципом дополнительности в физике.

Следующая важнейшая характеристика подхода анналистов – междисциплинарность. Л. Февр под наукой понимал все сообщество наук, разрабатываемых людьми, связанных со своей средой и своей эпохой [Февр 1991, с. 97]. Взгляды Броделя на историю и применение им в исследованиях структурных, количественных методов, серийных источников, математического моделирования разделяли и другие представители школы. Они привлекали совокупность технических приемов, используемых в контекстах разных дисциплин. О.Ф. Русакова оценивает усилия анналистов как реакцию на институализацию наук об обществе и желание противостоять разделению единого знания на две взаимоисключающие эпистемологии: номотетическую и идиографическую [Русакова, с. 17-48].

Выделение четвертого этапа в развитии школы «Анналов» связано с переходом к новым концептуально-методологическим установкам с 1994 г. В деятельности четвертого поколения отражены тенденции перехода к постмодерну, выраженные в трех поворотах: лингвистическом, прагматическом и историческом [Бессмертный 1998, с. 35].

Это означает ориентацию на плюрализм, гуманистический центризм, толерантность, диалогизм.

Тенденции, присутствующие в методологии третьего и четвертого поколений школы, на наш взгляд, вполне отвечают характеристикам, данным Стёпиным постнеклассическому типу рациональности, учитывающему соотносительность получаемых знаний об объекте не только с применяемым инструментарием, но и с ценностями.

Итак, нам удалось выявить, что первые два этапа в развитии школы «Анналов» связаны с доминированием методологического сочетания антропного принципа и структурного метода. На наш взгляд, это – своеобразное выражение в гуманитарном пространстве принципа дополнительности, открытого физиками. Третье и четвертое поколения анналистов также реализуют общенаучные тенденции, преломляя их в гуманитарном ключе. Их исследования характеризуются междисциплинарностью, плюрализмом, толерантностью, диалогизмом, что вполне отвечает постнеклассическому типу рациональности. Следовательно, представители школы «Анналов» реализуют те тенденции в гуманитарном познании, которые принято соотносить с понятием «научная революция».

Список литературы

1. Бессмертный 1998 – *Бессмертный Ю.Л.* Как же писать историю? Методологические веяния во французской историографии 1994-1997 гг. // Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 29-42.
2. Блок 1986 – *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 236 с.
3. Гуревич 1993 – *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и «Школа Анналов». М.: Индрик, 1993. 319 с.
4. Копосов 2001 – *Копосов Н.Е.* Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 326 с.
5. Кун 2002 – *Кун Т.* Структура научных революций: пер. с англ. И.З. Налетова // Структура научных революций. М.: Издательство АСТ, 2002. 605 с.
6. Ле Гофф 1998 – *Ле Гофф Ж.* Предисловие // Блок М. М.: Языки русской культуры, 1998. 712 с.
7. Пригожин, Стенгерс 1986 – *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
8. Русакова 2001 – *Русакова О.Ф.* Методологические стратегии в современных исторических исследованиях: школа «Анналов» и «Новая интеллектуальная история» // Научный ежегодник Института философии и права уральского отделения Российской академии наук. 2001. № 2. С. 17-48.
9. Стёпин 2007 – *Стёпин В.С.* Системность объектов научного познания и типы рациональности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnost-obektov-nauchnogo-poznaniya-i-tipy-ratsionalnosti/viewer> (дата обращения 15.05.21)
10. Февр 1991 – *Февр Л.* Бои за историю. М.: Наука, 1991. 632 с.
11. Эйнштейн 1965 – *Эйнштейн А.* Физика и реальность. М.: Наука, 1965. 359 с.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР МЕДИАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Майорова Валерия Андреевна
Юриисконсульт
ООО «НОРКЕМ»
Нижний Новгород, Россия
E-mail: v.majorovava@norchem.ru

Раскрывается понятие медиации как альтернативной внесудебной процедуры урегулирования споров с участием посредника. Модель развития науки Т. Куна, примененная к наукам о праве, дает возможность увидеть революционный характер медиации в гражданском процессе, что подтверждается стремительным развитием института медиации и возрастанием престижа профессии медиатора. Автором описаны преграды правосознания, на преодоление которых направлена медиативная революция в системе гражданского права. Особое внимание уделяется исследованию преимуществ и ценности процедуры медиации в гражданском процессе, которые заключаются в бесконфликтной направленности и сохранении взаимного уважения, конфиденциальности, согласованности, взаимности и профессионализме. Описаны характерные черты процедуры медиации. Подчеркнута важность расширения знаний о существующей процедуре медиации и ее эффективности, чтобы прийти к пониманию того, что внесудебный порядок урегулирования гражданских споров доступен каждому и позволяет достичь перспективных для сторон результатов, экономя время и средства. В исследовании использованы результаты социологического опроса, опубликованного в журнале «INFORMATION AGE», организованного представителями Санкт-Петербургского государственного университета, который показал недостаточное понимание роли процесса медиации и необходимости его реализации в современной правовой практике.

Ключевые слова: медиация, революция, парадигма, медиатор, гражданский процесс, спор, посредничество, правосознание.

THE REVOLUTIONARY NATURE OF MEDIATION IN CIVIL PROCEDURE

Mayorova Valeriya Andreevna,
Legal Counsel
Private Limited Company "NORCHEM"
Nizhny Novgorod, Russia
E-mail: v.majorovava@norchem.ru

The report reveals the concept of mediation as an alternative dispute resolution procedure with the participation of a mediator and justifies its revolutionary nature in civil proceedings according to the model of the development of science by T. Kuhn, which is confirmed by the rapid development of the mediation institute and the increasing prestige of the mediation profession. The author describes the obstacles of legal awareness. The meditative revolution is accomplished by overcoming obstacles in the civil law system. Special attention is paid to the advantages and value of mediation in civil proceedings, which consist of a conflict-free orientation and the preservation of mutual respect, confidentiality, consistency, reciprocity and professionalism. The author described the characteristic features of the mediation procedure and drew conclusions about the importance of expanding knowledge of the existing mediation procedure, its effectiveness, in order to come to an understanding that an out-of-court procedure for settling civil disputes is available to everyone and allows achieving promising results for the parties, saving time and money. The study is also based on the results of a sociological survey published in the journal "INFORMATION AGE", organized by representatives of St. Petersburg State University, which showed a lack of understanding of the mediation process and the need for its implementation in modern practice.

Keywords: mediation, revolution, paradigm, mediator, civil procedure, dispute, mediation, legal awareness.

Модель развития науки Т. Куна, применимая к наукам о праве, дает возможность глубже понять происходящие изменения правовой системы России. В отличие от стабильной и «коренной» судебной системы, которая однозначно большинством будет признана парадигмой, разработка и внедрение в сферу российского права Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» являются революцией в силу расшатывания границ господствующей парадигмы, в виду возникновения конфликта разных ценностных систем, порядка и способов решения споров, кейсов. Об этом свидетельствует большое количество научных статей и уроков просвещения, которые нацелены на распространение знаний о медиации, популяризацию данной процедуры в гражданском процессе.

Но до сих пор в России число споров, которые могут быть урегулированы с помощью медиации, остается на стабильно низком уровне.

Развитие института медиации носит революционный характер, т.к. уровень правосознания, культуры российских граждан, особенности менталитета служат барьером для восприятия основной идеи медиации.

Непринятие или игнорирование альтернативной процедуры урегулирования споров связано также со стереотипным мышлением, соответствующим господствующей парадигме. «Судебное решение – истина в последней инстанции», но, кроме того, это – крайняя мера решения проблем. А медиация – это законный, упрощенный, быстрый и эффективный способ разрешения споров.

Революция, которую привносит медиация в систему в гражданского права, направлена на преодоление следующих преград в правосознании:

- Авторитет медиатора не столь значим, как авторитет судьи;
- Недоверие профессионализму посредника;
- Недоверие альтернативным процедурам урегулирования споров;
- Недостаточное развитие культуры дипломатии;
- Психологические барьеры;
- Вероятность затягивания процесса;
- Гарантия конфиденциальности;
- Отсутствие системы принудительного исполнения медиативного решения.

Результаты социологического опроса, опубликованного в журнале «INFORMATION AGE (online media)», организованного представителями Санкт-Петербургского государственного университета, показали, что многие граждане не обладают знаниями о медиации [Гурушкин, Сандрачук 2020]. В некотором роде это непонимание вызывает непринятие революционного феномена медиации.

Исследование развития медиации в гражданском процессе актуально из-за ряда преимуществ указанной процедуры.

Во-первых, в настоящее время суды перегружены рассмотрением гражданских дел.

Во-вторых, медиация – это конфиденциальная, непубличная процедура, исключая аффилированность и предвзятость, которая носит исключительно добровольный характер.

В-третьих, в основе множества гражданских дел заложен психологический аспект, исключая эмоциональное давление и строгий формализм судебного процесса. В присутствии квалифицированного специалиста стороны могут сконцентрироваться на основной проблеме и вопросах, которые важно урегулировать в гражданском процессе.

Термин «медиация», или «посредничество» в широком смысле, применим, когда стороны сделки нуждаются в помощи квалифицированного третьего лица для того, чтобы достичь соглашения во внесудебном порядке. Медиация в отличие от процесса

переговоров имеет прямую связь с правом и регулируется Федеральным законом № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Об альтернативной процедуре... 2010].

Процесс принятия решений, усвоенный при посредничестве, может служить моделью для будущих коммуникаций сторон [Калашникова 2011, с. 3]. В свою очередь, стороны абсолютно свободны в принятии решений, медиативное соглашение подчиняется правилу свободы договоров, а медиатор оказывает сторонам содействие для того, чтобы стороны пришли к консенсусу при обеспечении равноправных условий.

Медиатору важно инициировать обмен информацией, касающейся ключевых вопросов спора. Кроме того, правильно настроенный вектор переговоров в большинстве случаев сглаживает негативные противоречия сторон и придает положительный окрас.

Если в рамках медиации спор между сторонами остается неурегулированным, в дальнейшем он будет рассматриваться в суде, а судебное разбирательство по гражданским делам, как правило, затягивается на длительный срок. Медиация, в свою очередь, способна обеспечить комфортные социально-психологические условия и принятие решения в разумные сроки. Такая договоренность будет носить промежуточный характер и может быть закреплена в формате меморандума о взаимопонимании между сторонами [Калашникова 2011, с. 16].

Таким образом, медиация носит революционный характер, который имеет положительный окрас. Учитывая перечисленные преимущества и актуальность в глобальном смысле, процедура медиации способна настроить современное общество разрешать споры во внесудебном порядке, она позволит развить поддержку принципа дипломатии и тенденцию разрешения и урегулирования конфликтов в процессе переговоров. Благодаря медиации может быть снижена загруженность судей по разрешению гражданских споров. Данная процедура способна сгладить взаимные претензии спорящих сторон, поспособствует подписанию грамотного, законного и логичного медиативного соглашения, а также настроить будущую коммуникацию и взаимодействие между сторонами по возникающим вопросам.

Институт медиации является революционным явлением в российском правовом поле. Каждый год федеральный закон о медиации совершенствуется, расширяет свои границы. 26 июля 2019 г. были внесены новые поправки, в связи с чем сегодня закон регулирует не только гражданско-правовые споры, но и административные и иные публичные споры [Об альтернативной процедуре... 2010].

Современные конфликты, коллизии и кейсы требуют соответствующих подходов к их решению. Главная идея медиативной революции состоит в том, что в условиях глобализации необходимо находить способы разрешения конфликтных ситуаций с помощью мировых соглашений [Курманбаев, Ханжина 2016, с. 195-196].

Кроме того, революционный характер медиации заключается в переходе к расширению границ правосознания и к принятию возможности урегулирования спора с помощью альтернативной процедуры, во внесудебном порядке, путем самостоятельного и осознанного принятия решения, без передачи разрешения дела на усмотрение судьи.

Список литературы

1. Гурушкин, Сандрачук 2020 – *Гурушкин П.Ю., Сандрачук Я.Ф.* Институт медиации в России: проблемы и перспективы // Век информации/ 2020. Т. 4. № 2(1). URL: [https://doi.org/10.33941/age-info.com42\(11\)5](https://doi.org/10.33941/age-info.com42(11)5).
2. Калашникова 2011 – *Калашникова С.И.* Медиация в сфере гражданской юрисдикции. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 304 с.

3. Курманбаев, Ханжина 2016 – *Курманбаев М.М., Ханжина И.Ю.* К вопросу о современном состоянии института медиации в России // Интерактивная наука. 2016. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sovremennom-sostoyanii-instituta-mediatsii-v-rossii> (дата обращения: 07.04.2021).
4. Об альтернативной процедуре... 2010 – Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 02.07.2020).

УДК 140.8

«КМВ-РЕВОЛЮЦИЯ» И ДВЕ СТАДИИ ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Орехов Андрей Михайлович

Доктор философских наук, доцент

Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

В статье выдвигается гипотеза «КМВ-революции» в социально-гуманитарных науках. «КМВ» здесь означает «Конт – Маркс – Вебер». «КМВ-революция» – это научная революция в социально-гуманитарных науках, произошедшая в 1840-1920 гг. и осуществившая в них следующие фундаментальные, коренные перемены: (1) разделение социального и гуманитарного знания; (2) формирование позитивизма – первой оригинальной методологии социально-гуманитарного знания; (3) осознание роли идеологии как конститутивной функции этого знания. Благодаря этой революции совершился переход от «натуралистического» периода социально-гуманитарного знания к «ойкуменическому» периоду его развития, продолжающемуся до сего дня. На современном этапе своего развития социально-гуманитарное знание находится на эволюционной стадии; идет плавный, линейный, градуальный, постепенный процесс накопления социально-гуманитарного знания – период «нормальной науки», по терминологии Т. Куна.

Ключевые слова: научная революция, «КМВ-революция», социально-гуманитарные науки, парадигма, натуралистическая парадигма, ойкуменическая парадигма

“CMW-REVOLUTION” AND TWO STAGES OF EVOLUTION OF SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Orekhov Andrey Mikhailovich

PhD DSc in Philosophy, Associate Professor

Peoples' Friendship University of Russia

Moscow, Russia

E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

In the paper is advanced the hypothesis of “CMW-revolution” in socio-humanitarian sciences. Here “CMW” means “Comte – Marx – Weber”. “CMW-revolution” was scientific revolution in socio-humanitarian sciences in 1840-1920 and realized the following radical changes of them: (1) division into “social knowledge” and “humanitarian knowledge”; (2) forming of positivism – the first original methodology of socio-humanitarian knowledge; (3) realizing of the role of ideology as basic function of this knowledge. Thanks to this revolution was accomplished the transition from “naturalistic” period to “oecumenical” period which continues before this time. In modern stage of its development socio-humanitarian knowledge is on evolutionary stage of its

development; we have smooth, gradual, linear process of accumulation of socio-humanitarian knowledge – the period of “normal science”, in terms of T. Kuhn.

Keywords: scientific revolution, “CMW-revolution”; socio-humanitarian sciences, paradigm, naturalistic paradigm, oecumenical paradigm.

Проблема *эволюции социально-гуманитарных наук*, развития всей системы социально-гуманитарного знания от эпохи Древнего мира к началу XXI в. – проблема далеко не новая как для философии науки в целом, так и для ее специфической области – *философии социально-гуманитарных наук*. Обе они всегда стремились дать тот или иной ответ на вопросы о том, как развивались социально-гуманитарное знание и социально-гуманитарные науки в целом, какие периоды последние проходили в своем развитии, существовали или нет здесь качественные скачки (т.е. «научные революции», согласно Т. Куну) и т.п.

«Научная революция» в истории социально-гуманитарного знания – это радикальная, коренная трансформация исходных представлений всего этого знания, переход от одной парадигмы в социально-гуманитарном знании к другой его парадигме.

В российской философии науки наиболее известной и обсуждаемой стала концепция «трех стадий» развития науки, разработанная академиком В.С. Стёпиным [Стёпин 1999; Анализ структуры... 2017]. Согласно этой концепции вся наука (здесь заявляется претензия на *универсальность*: свою концепцию В.С. Стёпин относил как к *естественным наукам*, так и к *социально-гуманитарным*) проходит в своем развитии три периода: классический (XVII-XIX вв.), неклассический (в основном XX в.), и наконец, в конце XX в. и при переходе к нынешнему столетию наука входит в т.н. «постнеклассической» период. Исходя из этого, можно предположить, что в социально-гуманитарных науках были две «научные революции»: *неклассическая* (классическая рациональность меняется на неклассическую, это конец XIX – начало XX вв.) и *постнеклассическая* (неклассическая рациональность меняется на постнеклассическую: конец XX – начало XXI вв.).

Но автором данной статьи изначально была предложена альтернативная точка зрения на эту проблему [Орехов 2021]. Суть ее заключается в следующем: мы можем проследить в историческом развитии *всего лишь одну научную революцию* – «КМВ-революцию», и совершалась она в течение примерно 80 лет – примерно с 1840 по 1920 гг.

«КМВ» здесь означает «Конт – Маркс – Вебер». Основные вехи этой революции: выход работы О. Конта «Курс позитивной философии» (1830-1842 гг.), публикация фундаментального труда К. Маркса «Капитал» (1867 г.)³⁴ и, наконец, создание методологических статей М. Вебера (1904-1920 гг.), опиравшегося на предшествующую ему традицию неокантианства.

«КМВ-революция» ознаменовала переход от «натуралистического» периода развития социально-гуманитарных наук к «ойкуменическому» периоду, сформировала их современную структуру, определила динамику их развития вплоть до современной эпохи постмодерна и постиндустриального общества.

«КМВ-революция» – это научная революция в социально-гуманитарных науках, произошедшая в 1840-1920 гг. и осуществившая в нем следующие коренные, базисные, ключевые перемены: 1) разделение социально-гуманитарного знания на социальное знание и гуманитарное знание; 2) формирование позитивизма – первой инновационной и полномасштабной методологии социально-гуманитарного знания, которая в слегка измененном виде («логический позитивизм», «неопозитивизм», «постпозитивизм»)

³⁴ Нельзя исключать влияния и других работ К. Маркса, в том числе написанных совместно с Ф. Энгельсом («Манифест Коммунистической партии», «Немецкая идеология» и т.п.).

продолжает доминировать в современных социально-гуманитарных науках; 3) осознание роли идеологии как конститутивной функции этого знания, идеологии как института и формы общественного сознания, которая, с одной стороны, формирует «социальный и идеологический заказ» как на само социально-гуманитарное знание, так и на его практическую реализацию, а с другой, сама является результатом развития науки.

Почему эта революция названа по имени Конта, Маркса и Вебера? Потому что каждый из этих мыслителей внес свой *оригинальный* и при этом весьма *значимый* вклад в глобальную революционную трансформацию социально-гуманитарного знания. Огюст Конт разработал *позитивистскую методологию*, впервые ввел сам термин «позитивизм», подразумевая под ним возможность создания некой «позитивной» («положительной») философии, свободной от спекуляций и абстрактных (в *худшем смысле* этого слова) метафизических рассуждений, а в качестве модели для себя полагающую естественные (эмпирические) науки, прежде всего математику и физику [Конт б.г.].

К. Маркс также внес свой вклад в «идеологическую составляющую» «КМВ-революции». Он на примере собственной социально-теоретической концепции, получившей название «марксизм», продемонстрировал то *фундирующее значение*, которое имеет *идеология* для социально-гуманитарного знания – значение, которое оставалось ранее для всех социальных ученых *скрытым и недоступным*. К. Маркс впервые в истории социально-гуманитарных наук сблизил (если не сказать: «слил воедино») *теорию и практику, показал возможности и потенциал практического применения социально-гуманитарного знания для достижения конкретных политических целей*. Конечно, можно указать на то, что у Маркса в этом направлении были свои предшественники: это и Платон, и Макиавелли, и Руссо, но все же социальная теория Маркса представляет *абсолютный качественный прорыв* в понимании места и значения социально-гуманитарных наук как «локомотива», толкающего общество на новую ступень его эволюции [Маркс, Энгельс 1955-1966].

М. Вебер и *отчасти* предшествующие ему неокантианцы не только, как это представляется большинству ученых, заложили основы современной социальной эпистемологии, но они, как мы полагаем, сделали нечто гораздо большее: *неокантианско-веберовская концепция впервые в истории социально-гуманитарного знания сделала первый шаг к разделению этого знания на «социальное знание» и «гуманитарное знание»* [Вебер 1990].

«КМВ-революция» также ознаменовала переход от «натуралистического» периода развития социально-гуманитарного знания к его «ойкуменической» стадии развития, которая продолжается и по настоящее время.

«Натуралистический»³⁵ период в социально-гуманитарных науках – это период до «КМВ-революции». Он характеризуется следующими основными признаками: нерасчлененность социального и гуманитарного знания (отсутствие разделения на социальные и гуманитарные науки), «подражательный», вторичный характер социально-гуманитарного знания в отношении естественно-научного знания (стремление построить «социальную механику», «социальную физику» и т.п.), недоучет специфики социогуманитарного знания в целом; «несформированность» собственной методологии, хотя бы в форме позитивизма; в некоторых случаях сознательное, а в подавляющем большинстве случаев стихийно-бессознательное занижение почти до нуля *идеологической* составляющей этого знания. В «натуралистический период» своего развития социально-гуманитарные науки оказались еще не в состоянии сформировать

³⁵ «Натуралистический» здесь означает, что социально-гуманитарные науки были как бы «слиты», «едины» с естественно-научным знанием.

свою собственную методологическую программу развития, или можно сказать, что они пока существуют в «лоне» естественно-научного знания и естественно-научной методологии, эта методология их полностью «поглощает» и «оккупирует». Кроме того, в данный период своего развития социально-гуманитарные науки излишне *нормативны*: во многих случаях их «научные теории» суммируются из совокупности *априорных нормативных тезисов* (ведущую роль здесь играют Аристотель и Фома Аквинский, позднее – Гоббс, Локк, Гуго Гроций, Монтескье и Руссо), доказательная и эмпирическая база социально-гуманитарного знания находится в зачаточном состоянии, методология социального наблюдения не сложилась и не отработана, а социальный эксперимент отсутствует как факт. «Нормативность» теории и «слабость» эмпирической базы, взятые в совокупности, *снижали достоверность* социально-гуманитарного знания и *дискредитировали* последнее в глазах общественного мнения на данном историческом отрезке.

«Ойкуменический»³⁶ период в социально-гуманитарных науках – это период после «КМВ-революции». Он характеризуется следующими основными чертами: продолжающийся и поныне процесс постепенного разделения социального и гуманитарного знания; стремление, с одной стороны, социальных ученых, а с другой стороны, ученых-гуманитариев к выстраиванию и конструированию двух разных и даже в чем-то противоположных методологий – соответственно *социальной методологии* и *гуманитарной методологии*; осознание идеологии в качестве конститутивной функции социально-гуманитарного знания. В целом следует отметить, что, начиная со второй половины XIX – первой половины XX вв. социальное и гуманитарное знания начинают движение по *расходящимся траекториям*, формируя собственные исследовательские стратегии исследования социально-гуманитарного мира. Например, дюркгеймовский анализ проблемы суицида косвенным образом указал на возможность различения социальных и гуманитарных фактов (если до появления работы Э. Дюркгейма «Самоубийство» суицид анализировался как гуманитарный факт, то Дюркгейм показал, что самоубийство может быть исследовано и как факт социальный), а развитие герменевтической, социально-феноменологической, постструктуралистской и постмодернистской философии сформировало базисные основы гуманитарной «исследовательско-методологической программы». При этом социальные и гуманитарные науки, помимо ставшего уже привычным взаимодействия их с естественными, логико-математическими и техническими науками, также активно взаимодействуют между собой, а сама оппозиция «социального» и «гуманитарного» трансформируется в сложные типы междисциплинарного взаимодействия и междисциплинарного синтеза.

Список литературы

1. Анализ структуры... 2017 – Анализ структуры и динамики науки в социокультурном контексте. Материалы обсуждения избранных трудов В.С. Стёпина // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 5-31.
2. Вебер 1990 – Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990. 810 с.
3. Конт б.г. – Конт О. Основные законы социальной динамики или общая теория естественного прогресса человечества // Зомбарт В. Социология, Л., б.г., 205 с.

³⁶ Концепт «ойкуменический» подчеркивает тот факт, что социально-гуманитарное знание посредством своих представителей стремится выстроить собственную «вселенную» («ойкумену») научного знания, отличную от «ойкумены» естественно-научного и технического знания.

4. Маркс, Энгельс 1955-1966 – *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения, М.: Политиздат, 1955-1966. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/> (дата обращения 05.05.2021).
5. Орехов 2021 – *Орехов А.М.* КМВ-революция и ее значение для понимания эволюции современного социально-гуманитарного знания // *Право и государство: теория и практика.* 2020. № 11. С. 7-14.
6. Стёпин 1999 – *Стёпин В.С.* Теоретическое знание, М.: Прогресс-Традиция. 1999. 390 с.

УДК 167

НАУЧНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ И ДИСЦИПЛИНАРНАЯ МАТРИЦА НАУКИ

Пак Галина Станиславовна

Доктор философских наук, профессор

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, Россия*

E-mail: galinapak@gmail.com

Есть две детерминанты, определяющие развитие социально-гуманитарного знания: общая логика развития науки и сопровождающие ее интеллектуальные революции как в науке, так и в духе, последние представляют собой метаморфозы ценности свободы. Соотнесение революций в духе с научными революциями позволяет выделить три этапа в развитии социально-гуманитарного знания. Классический этап характеризуется наличием объективной истины, представлением об обществе как о государстве, где гражданин является субъектом познания, а свобода есть свобода гражданина. На этом этапе формируется дисциплинарная организация социально-гуманитарного знания. Второй этап связан с пониманием социальной и культурной обусловленности знания, общество рассматривается с точки зрения его социальной структуры и легитимной культуры. Знание идеологически детерминировано, осуществляется переход от формальной свободы к реальной свободе, что способствует становлению междисциплинарных связей. Постнеклассическая наука исходит из представления об обществе как об индивидуализированном обществе. Общество труда трансформируется в общество потребления, политический интерес вытесняется интересом к частной жизни, а свобода становится долгом и обязанностью отдельного индивида. Разграничение социальных и гуманитарных наук по исследовательским программам проблематизирует дисциплинарную организацию всей науки.

Ключевые слова: естественно-научное знание, научная революция, система знаний, социально-гуманитарные науки, дисциплинарная организация науки, философия науки, классическая, неклассическая, постнеклассическая стадии, свобода, ценность.

SCIENTIFIC REVOLUTIONS IN SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE AND THE DISCIPLINARY MATRIX OF SCIENCE

Pak Galina Stanislavovna

PhD DSc in Philosophy, Professor

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia*

E-mail: galinapak@gmail.com

There are two determinants of the development of social and humanitarian knowledge: the general logic of the development of science and the accompanying intellectual revolutions both in science and in the spirit, which are metamorphoses of the value of freedom. The correlation of

revolutions in the spirit with scientific revolutions allows us to distinguish three stages in the development of social and humanitarian knowledge. The classical stage is characterized by the presence of objective truth, the idea of society as a state, where the citizen is the subject of knowledge, and freedom is the freedom of the citizen. At this stage, the disciplinary organization of social and humanitarian knowledge is formed. The second stage is related to the understanding of the social and cultural conditionality of knowledge, society is considered from the point of view of its social structure and legitimate culture. Knowledge is ideologically determined, the transition from formal freedom to real freedom is carried out, which contributes to the formation of interdisciplinary connections. Post-non-classical science proceeds from the idea of society as an individualized society. The labor society is being transformed into a community. The labor society is transformed into a consumer society, the political interest is replaced by the interest in private life, and freedom becomes the duty of the individual. The division of the social sciences and the humanities into research programs problematizes the disciplinary organization of the entire science.

Keywords: natural science, science revolution, knowledge system, social and humanitarian science, disciplinary organization of science, philosophy of science, classical, non-classical, post-non-classical stadiums, freedom, value

Термин «революция» переключался из социально-гуманитарных наук в философию науки. Статус революции в науке отличается от статуса революции в обществе тем, что никто не отрицает наличие революций социальных при диаметрально противоположном отношении к ним, в то время в науке революция признается, отрицается, частично признается. В российском научном сообществе есть как преданные, так и умеренные сторонники Т. Куна.. Ряд авторов считает, что Кун разрабатывал свою концепцию на основе естественно-научного знания, и она не применима к социально-гуманитарным наукам. Другие уверены, что задача методолога науки как раз и состоит в обосновании возможности революций в социально-гуманитарном знании.

Есть общая логика науки, поскольку наука – не просто совокупность разрозненных знаний, а система знаний. Системность своими корнями восходит к единству мира и социально-культурной обусловленности знания. В российской философии науки результат научных революций представлен выделением трех стадий в развитии науки: классической, неклассической и постнеклассической. Обоснованность экстраполяции закономерностей целого на составные части является основанием признания революций в социально-гуманитарных науках.

В силу ослабленной рефракции поля социальных наук, о которой писал П. Бурдьё, влияние культурно-исторического контекста на развитие комплекса социально-гуманитарных наук мощнее, чем в естественно-научном знании, и социальное познание всегда ценностно окрашено. Признавая вслед за многочисленной плеядой мыслителей ценность человеческой свободы и рассматривая ее победное шествие на арене истории, имеет смысл выделить те революции в духе, которые трансформировали понимание человеческой свободы как ценности и оказали влияние на развитие социально-гуманитарных наук.

Христианство провозгласило свободу и равенство всех в духе, Великая французская буржуазная революция перешла к мирскому установлению равенства и свободы. Вторая революция в понимании свободы связана с уяснением ее классовой природы. Истории известно два варианта свободы: марксистский и либеральный. В марксистском варианте пролетариат использует захваченную им власть для построения такого общества, в котором «свободное развитие каждого является условием развития всех». В либеральном варианте акцент делается на правах и свободах каждого отдельного индивида. Хронологически это соответствует этапу развития науки примерно во второй трети XX в. Противостояние двух идеологических систем завершается общим возрастающим интересом к структурам повседневности как в философии, так и в социально-гуманитарном знании.

Третья революция в понимании ценности свободы сопровождается переходом от понимания свободы как ценности к прозрению свободы как обязанности. А. Глюксман размышляет, что сегодня вопрос о свободе слышится иначе, «уже не как заданный самому себе, а как поставленный мрачным тоном власти, обратившейся к каждому: “Ты свободен...”» [Глюксман 2001, с. 498]. Понимание свободы как обязанности, как долга, как неотвратимости раскрывается З. Буаманом. Понимание свободы как долга, как неотвратимой судьбы превращает жизнь индивида в биографическое разрешение системных противоречий. Если первому этапу соответствовало представление об обществе как гражданском обществе, общество труда характеризует второй этап, то начало третьего этапа начинается с «общества потребления», «общества риска», «индивидуализированного общества».

Радикальные метаморфозы социальной реальности и революции в естественных науках представляют собой две детерминанты революционных изменений в науках об обществе и человеке.

Классический этап в развитии блока социально-гуманитарного знания направлен на поиск объективного знания. Классический этап развития научного знания связан со становлением дисциплинарной организации науки. Усилия ученых направлены на конструирование предмета собственного исследования. Дисциплинарная организация социально-гуманитарного знания завершается к концу XIX – начала XX вв.

Неклассический этап связан с пересмотром и конкретизацией предмета конкретных наук. Объектом исследования является не аморфное социальное целое, а структурированное целое. Субъект познания есть политический субъект, который ангажирован классом. Познание идеологически окрашено и представляет собой классовую или культурную интерпретацию социально-гуманитарного знания. В марксизме заявляется, что интересы пролетариата совпадают с прогрессивным развитием общества. У Р. Мертона протестантизм выступает тем религиозным мировоззрением, которое наиболее адекватно способствует развитию капитализма.

Сущность третьего этапа в развитии социально-гуманитарного знания характеризует методология постмодернизма, призывающая переходить от различий к различию. Объект и субъект познания многолики, появляются и исчезают вместе с конкретной ситуацией, признается индивидуальная окрашенность знания. Исследование структур повседневности становится доминирующим. Наука сосредоточена не столько на познании реальности, сколько на ее конструировании. На смену идеологичности приходит технологичность, междисциплинарность усиливается до трансдисциплинарности.

Революции в социально-гуманитарном знании представляют собой трансформацию знания от объективного к идеологически окрашенному и технологическому знанию, что сопровождается метаморфозами дисциплинарности: от дисциплинарной организации науки к росту междисциплинарных связей и, наконец, к трансдисциплинарности.

Сегодня предлагается разграничивать социальные и гуманитарные науки по исследовательским программам: ученый вправе двигаться от общества к личности или, изучая личность, приходиться к идее общества. Если идти от целого к единичному, то это будет разновидностью социального знания, а от единичного к целому – гуманитарного знания. Разграничение социальных и гуманитарных наук по исследовательским программам парадоксально и ведет к невозможности их отчетливого различения, лишь дает возможность вести речь о социальной или гуманитарной направленности конкретного научного исследования. Указанный феномен симптоматичен и ведет к постановке неудобных вопросов: насколько гуманитарна структурная лингвистика или прикладная социология с ее изоциренными методами изучения корреляций между

переменными, и на каких основаниях современная медицина относится к естественно-научному знанию? Поставленные вопросы требуют ответа и проблематизируют дисциплинарную организацию всей науки.

Список литературы

1. Глюксман 2001 – *Глюксман А.* Господа мыслители / Хрестоматия по истории философии (западная философия): Учеб. пособие для вузов: В 3 ч. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС. 2001. Ч. 2. 528 с.

УДК 1:7/9

ЦИФРОВАЯ НАУКА: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И НАПРАВЛЕНИЯ

Платонова Светлана Ипатовна

Доктор философских наук, доцент

Ижевская государственная сельскохозяйственная академия

Ижевск, Россия

E-mail: platon-s@bk.ru

В статье анализируется понятие «цифровая наука», выделяются основные характеристики и направления цифровой науки. Цифровая наука может быть названа «четвертой парадигмой» научных исследований. Она объединяет эксперимент, теорию и моделирование. Цифровая наука предполагает обработку больших объемов экспериментальных данных, появление принципиально новых научных методов, связанных с обработкой больших данных, и ориентирована на получение выводов, проистекающих из данных. В статье утверждается, что в цифровой науке средства исследования и объект исследования во многом совпадают, поскольку большие данные, будучи средством исследования, являются одновременно и объектом исследования. Рассматривается возникновение в рамках цифровой науки двух направлений: данноцентричной науки и науки, идущей от данных. Данноцентричная наука основана на генерировании больших данных, их классификации и дальнейшей аналитике. Наука, идущая от данных, использует не только индуктивные выводы и систематизацию больших данных, но и выдвижение гипотез, сочетание индуктивного и дедуктивного подходов. Делается вывод, что цифровая наука требует от ученых пересмотра всех стандартных научных операций, начиная от проведения эксперимента и заканчивая обработкой и интерпретацией научных данных.

Ключевые слова: цифровая наука, большие данные, наука, «идущая от данных», методология.

DIGITAL SCIENCE: THE MAIN CHARACTERISTICS AND DIRECTIONS

Platonova Svetlana Ipatovna

PhD DSc in Philosophy, Associate Professor

Izhevsk State Agricultural Academy

Izhevsk, Russia

E-mail: platon-s@bk.ru

The article analyses the concept of “digital science”, highlights the main characteristics and directions of digital science. Digital science can be called the “fourth paradigm” of scientific research. It combines experiment, theory and modeling. Digital science involves the processing of large amounts of experimental data, the emergence of fundamentally new scientific methods related to the processing of big data, and is focused on obtaining conclusions arising from the data. The article argues that in digital science, the means of research and the object of research are largely the same, since big data, being a means of research, is also the object of research. The article considers

the emergence of two directions in digital science: data-centric science and data-driven science. Data-centric science is based on generating big data, classifying it and further analyzing it. Data-driven science uses not only inductive inferences and the systematization of big data, but also hypotheses, a combination of inductive and deductive approaches. It is concluded that digital science requires scientists to review all standard scientific operations, from conducting experiments to processing and interpreting scientific data.

Keywords: digital science, big data, data-driven science, methodology.

Введение

Информационные и цифровые технологии становятся неотъемлемой характеристикой современной науки. Появились понятия «цифровая наука», «цифровое мышление», «данноцентричная наука», «наука, идущая от данных». Однако содержание этих концептов остается неясным и неточно определенным. Мы придерживаемся следующего определения понятия «цифровая наука»: цифровая наука требует новых вычислительных инструментов для управления огромными объемами разнородных, распределенных данных, которые необходимо эффективно хранить, обрабатывать, анализировать и визуализировать [Антопольский 2020, с. 9].

Основные характеристики цифровой науки

А. Сзалай и Дж. Грей предложили рассматривать динамику науки и научных исследований в контексте развития и сменяемости четырех парадигм. По их мнению, развитие науки шло от экспериментальных исследований до появления цифровой науки, которую Джим Грей назвал «четвертой парадигмой» [Szalay, Grey 2006, pp. 413-414]. Особенностью четвертой научной парадигмы является то, что наука объединяет эксперимент, теорию и моделирование. Рост объемов научных данных и изменения в методологии их анализа, обработки и интерпретации позволили А. Сзалай и Дж. Грею утверждать, что немногие традиционные и привычные методы научного исследования выживут в их нынешнем виде к 2020 г. [Szalay, Grey 2006, pp. 413-414]. Скорее всего, мы стоим на пороге больших перемен в изменении методологии научных исследований и традиционного понимания науки.

Можно ли процессы цифровизации науки считать революционными сдвигами, или они представляют эволюционный этап в научном развитии? Согласно нашей позиции, современная наука переживает революционные изменения, связанные с использованием новых средств исследования, трансформацией субъекта исследования и предметного поля исследования. Здесь важно отметить следующие моменты. Во-первых, революционные сдвиги вызваны прежде всего появлением больших данных, аналитика которых потребовала изменения эпистемологических и методологических подходов, приемов, правил. Если несколько лет назад большие данные характеризовались объемом (volume), скоростью (velocity), разнообразием (variety), то в последнее время к этим характеристикам добавились еще две: ценность (value) и достоверность (veracity). Во-вторых, в рамках цифровой науки поднимаются принципиально новые вопросы об условиях возможности субъекта научной деятельности и его свободе, пересборки социального, анализируются философия трансгуманизма [Маркова 2019, с. 38], цифровое мышление [Шиповалова 2019, с. 26-27, 30].

В-третьих, происходит трансформация во взаимосвязи основных элементов научного познания: субъект научной деятельности – средства научной деятельности – объект науки. В классической науке, предложившей стандартную концепцию науки, основное внимание исследователей было обращено на объект познания, при этом за скобками оставалась личность ученого. В неклассической науке требуется учитывать приборы и средства научного исследования, в саму структуру теории входит процедура ее получения. В постнеклассической науке предполагается учет ценностно-целевых

установок познания. В цифровой науке можно говорить о том, что средства исследования и объект исследования во многом совпадают. Действительно, основным средством исследования являются большие данные, которые одновременно выступают и объектом исследования (интерпретации). К большим данным предъявляются особые требования, в частности, предлагается учитывать контекст их производства.

Некоторые ученые большие данные относят к посредникам исследования, включая в число посредников также компьютеры, искусственный интеллект, Интернет [Шиповалова 2019, с. 24]. Подобное выделение основных элементов научного познания в цифровой науке представляется не совсем правильным: если компьютеры, с помощью которых производятся большие данные, еще можно отнести к посредникам, то большие данные относятся именно к объектам исследования.

В-четвертых, цифровая наука является междисциплинарной, требующей объединения разных методологических подходов, исследовательских умений, научного словаря. О трансдисциплинарном сотрудничестве между обществоведами и компьютерщиками, между социальными и вычислительными науками говорят многие ученые [Журавлева 2018, с. 50-59].

Направления исследований в рамках цифровой науки

В рамках цифровой науки можно выделить две эпистемологические стратегии, связанные с аналитикой больших данных. Первая стратегия основана на генерировании больших данных, их классификации и дальнейшей аналитике. Агрегированные, неструктурированные большие данные могут использоваться в качестве элемента научного знания и в качестве инструмента научного, социального, политического прогнозирования. Данная стратегия использует индуктивную методологию, опирающуюся на количественную оценку и систематизацию различных аспектов реальности. Примеры подобной аналитики больших данных демонстрируют многие естественные науки. Для ученых, придерживающихся данной эпистемологической стратегии, вопросы качества и количества больших данных, учета контекста генерирования данных, как правило, игнорируются или находятся на периферии их методологических разработок. Такая наука получила название «данноцентричной» науки, сторонники которой остаются приверженными эмпирической методологии [Kitchin 2014, p. 4].

Более интересной представляется вторая эпистемологическая стратегия, использующая более сложную методологию, объединяющую индукцию, дедукцию и абдукцию. В философской литературе такая наука получила название науки, «идущей от данных» [Kitchin 2014, p. 5]. Данная стратегия использует не только индуктивные выводы и систематизацию больших данных, но и выдвижение гипотез, сочетание индуктивного и дедуктивного подходов. «Наука, идущая от данных» отличается от дедуктивного формата исследования тем, что выдвижение гипотез и получение выводов осуществляется исходя из данных, а не теории. Она стремится интегрировать индуктивную логику в формат исследования, хотя индуктивное объяснение не ставится конечной целью, как в случае эмпиризма» [Kitchin 2014, pp. 5-6].

Ученые, работающие в рамках данной эпистемологической стратегии, полагают, что данные не могут говорить сами за себя. Чистых «сырых данных» нет, они нагружены характеристиками разного рода. Данные возникают в результате сложного взаимодействия одних субъектов информационной среды с другими. Они могут приводить к ложным корреляциям, выделять случайные факторы, паттерны и игнорировать важные тенденции. Другое возражение против апологии больших данных связано с тем, что сами «методы интеллектуального анализа данных никогда не бывают чисто объективными. Они воплощают в себе представления об окружающем

мире и обязательно отдают предпочтение одним преимуществам перед другими» [Goldberg 2015, p. 1].

Заключение

Цифровая наука требует от ученых пересмотра стандартных научных операций (проведение эксперимента, анализ экспериментальных данных, проверка гипотез, формулирование научной теории). Цифровая наука предполагает междисциплинарную работу ученых, начиная от создания программного обеспечения до получения данных, их анализа и интерпретации. Одной из целей современной философии науки является создание инструментов для поддержки всего цикла исследований – от сбора данных и их обработки до анализа данных и их визуализации.

Список литературы

1. Антопольский 2020 – *Антопольский А.Б.* Особенности анализа социогуманитарных наук как информационного процесса в цифровой среде // *Информация и инновации.* 2020. Т. 15. № 1. С. 8-22.
2. Журавлева 2018 – *Журавлева Е.А.* Вызовы технологий «больших данных» для современных социогуманитарных наук // *Вопросы философии.* 2018. № 9. С. 50-59.
3. Маркова 2019 – *Маркова Л.А.* Новое мышление как базис философии трансгуманизма / *Социальные и цифровые исследования науки: коллективная монография.* М.: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2019. С. 38-53.
4. Шиповалова 2019 – *Шиповалова Л.В.* О субъекте научной деятельности в цифровую эпоху / *Социальные и цифровые исследования науки: коллективная монография.* М.: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2019. С. 23-38.
5. Goldberg 2015 – *Goldberg A.* In defense of forensic social science // *Big Data & Society.* 2015. Vol. 2. Iss. 2. Pp. 1-4.
6. Kitchin 2014 – *Kitchin R.* Big data, New epistemologies and Paradigm Shifts // *Big Data & Society.* 2014. Vol. 1. No. 1. Pp. 1-12.
7. Szalay, Gray 2006 – *Szalay A., Gray J.* 2020 Computing: Science in an exponential world. *Nature.* 2006. Vol. 440. Pp. 413-414.

УДК 101

ФИЛОСОФИЯ ПРОГРАММИСТА: AGI И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ*

Рыскельдиева Лора Турарбековна

Доктор философских наук, профессор

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Симферополь, Россия

E-mail: ryskeldieval@gmail.com

В докладе речь пойдет об одном из проектов трансформации современной философской культуры, который можно назвать *программистским редуционизмом*. Его автор, Р. Негарестани, критикуя, по его мнению, застойную и уже не живую

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00622 «Философия как действие: прагматика текстового поведения».

академическую философию, предлагает пересмотреть цель и задачи работы человеческого интеллекта и перестроить ее по модели программы. Став программой, философия сможет соответствовать единственной цели интеллекта – действовать. Автономия мышления позволит ему не только сформулировать цели деятельности, найти средства их достижения, но и осознать самого себя, создать свою историю, самоорганизоваться в настоящем и увидеть/спрогнозировать будущее. Такое перепрограммирование философии, по мнению философа иранского происхождения, делает ее *Lego*-игрой с миром и со смыслом: собрать-разобрать, пересобрать из имеющегося. Такая пере-сборка требует взаимодействия (интеракций) и ведет к возникновению нового типа общности в качестве «мы» отдельных программ, когда каждый осознал то, о чем должен (ought to) думать и что должен делать. Такое единство на основе *долженствования мысли* становится деколониалистской реализацией единственно возможного равенства – интеллектуального – и представляет собой «левую» опасность для современной европейской философии, когда «мы» окажется AGI (ОИИ) и сможет сокрушить основы западной культуры изнутри.

Ключевые слова: интеллект, долженствование, общий искусственный интеллект, революция, Р. Негарестани

PROGRAMMER PHILOSOPHY: AGI AND INTELLECTUAL REVOLUTION

Ryskeldieva Lora Turarbekovna
PhD DSc in Philosophy, Professor
Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia
E-mail: ryskeldieval@gmail.com

The report will focus on the project for the transformation of modern philosophy, which I can call the *programmer reductionism*. Its author, R. Negarestani, criticizing stagnant and no longer living academic philosophy, suggests to revise the goal and tasks of the human intellect and to rebuild it according to the program model. Becoming a program, philosophy will be able to fit to the only purpose of the intellect – to act. Its autonomy will allow to formulate the goals of activity, to find means of achieving them and also to realize itself, create its own history, self-organize in the present and see/predict the future. This philosophy reprogram project, according to the Iranian thinker, turns it to a Lego-game, world-game with assembling-disassembling, re-assembling, re-building from available details. Such re-assembling requires interactions and gives the origin of a new type of community, the “We” of separate programs, when everyone has realized what he ought to think and what he should do. Such unity based on the *duty of thinking* becomes a decolonialist realization of the only possible intellectual equality and represents a “left” danger for modern European philosophy, when “We” turns out to be AGI and can crush the foundations of Western culture from the inside.

Keywords: Intellect, duty, AGI, revolution, decolonization, R. Negarestani.

Критики современной академической философии, привычно отмечая ее кризисное состояние, констатируют порой, что оно чревато революцией. Какие ростки принципиально нового заметны в наши дни, и какого рода ответ в нас они вызывают? Отвечая, отметим два существенных для современной философской культуры обстоятельства: а) превращение философского сегмента Сети в совокупность ресурсов не только с просветительскими и коммуникативными, но с образовательными и даже с эмансипирующими задачами; б) широкое влияние программирования на культуру в целом, а не только в специальных областях, таких как ИИ. Первое обстоятельство и *web*-способы бытия философского текста уже успели проявиться в полной мере и выразились в том успехе, который сопутствовал, например, появлению группы «спекулятивного реализма». Она и популистская по сути «объектно-ориентированная онтология» [Харман 2021], вполне возможно, способствуют сейчас расширению философской блогосферы и пополнению академической философии выходцами из разных социокультурных сред, в частности, из инженерной, а также созданию

альтернативных сетевых образовательных, исследовательских и коммуникативных ресурсов. Сказывается ли это на философии? Полагаю, что да, сказывается на ее «опциях», на тех возможных путях самотрансформации, которые ей предлагаются. За иллюстрацией этого утверждения обратимся к работам становящегося культовым философа иранского происхождения Р. Негарестани [Negarestani 2018], в которых содержится все, что можно считать признаками «современности»: расширенный адресат текста, включающий в себя не только профессиональное сообщество; близость к манифесту как текстовому формату; утопические цели программы действий; нацеленность на выраженную и ожидаемую прагматику текста; «левый» уклон в интерпретации глобализма/универсализма. Реконструируем несколько его тезисов.

1. *Игра в пере-сборку мира.* Современная академическая философия – «болото праздности», она не способна деколонизироваться и по сути является фашистской, необходимо отдать должное «Академии» как феномену и признать, что ее время прошло, требуется ее радикальное обновление («*Parallel Academia*»). Это обновление, лишаящее стандартных притязаний на мировоззрение и истину, должно на деле, в действии сделать философию разновидностью игры. Такая «игра в мир», а точнее, в собирание, сборку мира из имеющихся деталей – *Lego*-философия – синтетична, в ней соединяются нужные автору детали из Канта, Гегеля, Платона и, к примеру, Н. Гудмена [Гудмен 2001]. Но не исключено конструирование «игрушки», детали которой взяты у Сократа, Конфуция, Бхагавадгиты и Ф. Фребеля – это такие «игрушки со смыслом» для игры со смыслами. Ее результат – создание нового мира как *пере-сборка*. Как она возможна? Речь не идет об изменении мира опыта, речь идет об изменении мышления о мире, когда он становится большой игрушкой в философии как в игре – *Toy Philosophy*. Исходные данные в ней – не истины, а только «кандидаты на истину» (*Truth-candidates*), проходящие практическую проверку в процессе игры. Создаваемая на их основе система мыслей – продукт работы Интеллекта как высшей и главной способности мыслящих существ, органических и неорганических.

2. *Революция как реализация интеллектуального равенства.* Равенство в Интеллекте – подлинное и единственное равенство, позволяющее создать новую общность-сеть на основе интеракций всех Интеллектов – *Artificial General Intellect (AGI* или ОИИ), представления о котором оправдывают все опасения, высказываемые на его счет. Более того, именно он призван осуществить настоящую Революцию, способную сокрушить европейскую цивилизацию: «... мы разорвем западную философию и построим философию заново; мы превратимся в того мыслящего и интригующего Другого, которого западная мысль имела полное право бояться», – пишет автор «*Intelligence and Spirit*» [Negarestani 2018 p. 410]. Интеллект не существует, а действует, он, как и философия, есть то, что он делает, и в своей действительности использует выражения долженствования, придающее тексту и перформативность (делает схожим с манифестом передовых носителей интеллекта), и нарративность (придает схожести с утопией, создающей образ будущего, привлекающий обладателей высоко развитого интеллекта). Однако вместо уже известных «долженствования бытия» и «долженствования действия» выдвигается новое «долженствование мысли», основанное на положении о том, что мысль материализуется, а сами цель и способ мышления указывают на ее реализуемость и способ достижения. Этот тип долженствования выражается жестко и прямо: «*То, о чем мы должны думать и что мы должны делать*» [Negarestani 2018, p. 409], а точнее, что сможет сделать мысль после того, как узнает, что она должна делать. А должна она будет осуществить запланированный «коперниканский переворот» в философии путем реализации проекта превращения философии в разновидность программы: философ становится программистом, а пересборка мира – делом инженера-дизайнера, демиурга-творца (*craftsman*) нового, «крафтового» мира.

3. Проект «Мы» в «гоббсианских джунглях». Новый дизайн мира имеет благую цель в платоновском значении блага, но в качестве цели деятельности по его «пересозданию». И в этом смысле она направлена не на известное «хорошо» (*good*), а всегда на неизвестное «лучше» (*better*). Каким оно будет, зависит именно от интеллекта, от того, как сработает наше мышление, как «нам» удастся сформировать это «мы» и создать нового формата общность в «джунглях» западного договорного индивидуализма. Это «мы» может появиться, если каждому «Я» удастся посмотреть на наш мир со стороны, задействовать описанный И. Кантом механизм работы продуктивного воображения и «посмотреть на наш мир с его ограничениями и антиномиями из другого мира, где всего этого нет» (*otherworldly experience*) [Negarestani 2018, p. 498]. Речь при этом не идет о мистическом, а именно об «иномирном» опыте, субъект которого – имперсональный объективно реальный «никто», которым на деле может стать Интеллект. Этот опыт требует аскезы, свойственной философии в качестве «только программы», но его результатом может стать преодоление разрыва между личным опытом и безличным гегельянским разумом (“*the geistig*”), становление подлинного универсального «Мы».

Итак, какого рода революционный проект предлагается нам автором «Циклопедии» [Негарестани 2019] и «*Intelligence and Spirit*»? Полагаю, что его можно назвать проектом *универсалистского европоцентристского программистского редукционизма* в философии, а в его «разработке», сами не ведая того, принимали участие, можно сказать, лучшие умы, «*opinion leaders*» в философии: Платон, Юм, Кант, Гегель причудливо соединяются на страницах работы философа-революционера. Заявленная *цель* – разновидность мировой революции или, точнее, революционное преобразование Интеллекта, когда «скромный» или «аскетичный» интеллект каждого разумного существа (человеко-машинный) и имеет право, и сможет осознать себя в качестве Разума только при условии своего превращения в «общий интеллект», в систему интеракций. *Средства* его реализации предоставлены уже имеющейся Сетью (*Web*), она позволяет перестроить образование, коммуникацию, мышление и настроить их на новое видение философии, как ее понимает современный инженер: философия – это программа, философ – программист. Он способен «переписать» старую программу, переделать философию, перегруппировать философские мысли в соответствии с нынешним моментом, с задачами сегодняшнего дня. Проект такой трансформации, на мой взгляд, имеет две существенные импликации. Во-первых, он демонстрирует еще одну разновидность редукционизма в современной философии: наряду с психологизмом времен Э. Гуссерля и филологизмом времени «поворота к языку», речь идет о редукционизме программистском, и ни один из них в качестве угрозы автономии философского дискурса не преодолен и не исчез. Во-вторых, в контексте рассуждений о новой интеллектуальной общности появилась очередная версия «единомыслия» (интеллектуального тоталитаризма? программистского коммунизма?), возникающая на обломках позднелиберальных поисков социального консенсуса на договорной основе.

Список литературы

1. Гудмен 2001 – Гудмен Н. Способы создания миров. М.: «Идея-пресс» – «Праксис», 2001.
2. Негарестани 2019 – Негарестани Р. Циклопедия: соучастие с анонимными материалами. М.: Носорог, 2019.
3. Харман 2021 – Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». Пер. с англ. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021.

4. Negarestani 2018 – *Negarestani R. Intelligence and Spirit*. L.; N.Y., 2018. URL: <https://drive.google.com/file/d/1Zlw2xB27KXNdEBRfjIvEchUUORvgr6pl/view> (дата обращения 05.05.2021).

УДК 61:10:001.8

ПРЕДМЕТНО-ПАРАДИГМАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МЕДИЦИНЕ

Серова Ирина Анатольевна

Доктор философских наук, профессор

Пермский государственный медицинский университет им. Е.А. Вагнера

Пермь, Россия

E-mail: irinaserova55@mail.ru

Авторы рассматривают революции в медицине и как новаторские трансформации в рамках медико-биологического знания, и как зеркало динамики норм и идеалов в науке. Гуманитарный идеал научного знания – желание не только познать мир, но и изменить его для удовлетворения растущих потребностей человеческого рода – стал фактором революционных изменений в понимании предмета медицины, которые в свою очередь перевернули всю систему оказания медицинской помощи. В статье зафиксированы три этапа революционных изменений в представлениях о структуре предмета медицины, касающихся целей, звеньев, этапов оказания медицинской помощи, моделей врачевания, субъектов деятельности. Традиционная цель классической медицины – исцелить больного на втором этапе блекнет в попытках найти на базе новых технологий рецепты вечной молодости, активного долголетия, пикантного качества жизни. На третьем этапе открываются новые горизонты – гармония с экосоциумом, без нее невозможна тотальная медиализация культуры. Перманентная предметно-парадигмальная революция последнего столетия в медицине парадоксальным образом сужает поле деятельности врачей, расширяя пространство для работы персонала, обеспечивающего функционирование инфраструктуры здоровьесбережения, а также активизирует заботу населения о самом себе средствами здорового образа жизни.

Ключевые слова: парадигма, революция, норма, идеал, предмет медицины, организация здравоохранения, здоровье, болезнь, мультидисциплинарная команда.

THE SUBJECT-PARADIGM REVOLUTION IN MEDICINE

Serova Irina Anatolievna

PhD DSc in Philosophy, Professor

Vagner State Medical University of Perm

Perm, Russia

E-mail: irinaserova55@mail.ru

The authors consider revolutions in medicine as innovative transformations within the framework of medical and biological knowledge and as a mirror of the dynamics of norms and ideals in science. The humanitarian ideal of scientific knowledge – the desire not only to know the world, but also to change it for the growing needs of the human race – became a factor of the revolutionary changes in the understanding of the subject of medicine, which has turned the entire system of medical care. The article records three stages of revolutionary changes in the concepts of the structure of the subject of medicine, concerning the goals, links, stages of medical care, models of healing, and subjects of activity. The traditional goal of classical medicine – to heal the patient – at the second stage fades in attempts to find recipes for eternal youth, active longevity, and a piquant quality of life on the basis of new medical technologies. At the third stage, new horizons are opened – harmony with the eco-society, based on the total medicalization of culture. The permanent subject-paradigm revolution of the last century in medicine paradoxically narrows the field of activity of doctors, expanding the space for the work of personnel, who ensure the functioning of the health-

saving infrastructure, and also activates the care of the population for itself by means of a healthy lifestyle.

Keywords: paradigm, revolution, norm, ideal, subject of medicine, health organization, health, disease, multidisciplinary team.

Революции в медицине представлены в двух классических вариантах:

- содержательные трансформации специальной картины мира без изменений принятых норм;
- фундаментальные изменения в картине медицинской реальности на базе смены идеалов.

В первом случае речь идет, например, о революциях в медицине, вызванных открытием Гарвея кругов кровообращения, возможностями иммунизации населения, открытыми Пастером, эрой антибиотикотерапии в борьбе с инфекциями, реализацией мечты многих поколений последователей Везалия рассмотреть болезнь изнутри с помощью рентгенологического обследования пациентов и т.д.

Во втором случае речь идет о нормотворчестве и смене идеалов. Причем новые нормы рождаются внутри медико-биологического знания, например, гарвардский критерий смерти, родственные пересадки органов, недирективное генетическое консультирование и т.д., а смена идеалов во многом индуцируется извне [Бекарев, Пак 2020, с. 127]. На наш взгляд, современный этап развития медицины опирается на гуманитарный идеал развития научного знания, который ориентирует ученых не только познать мир, но и исправить его по своему разумению. Соответственно, революционный запал антропоцентричен, направлен на поиски ответа на вопрос, как создать новые возможности для удовлетворения растущих потребностей человека.

Известно, что медицина в подавляющем большинстве стран в глазах многих выдающихся деятелей современности является «черной дырой», поглощающей финансирование без адекватной отдачи. Оптимизировать расходы – недостижимая цель. Тем не менее организация здравоохранения подстраивается под вдохновляющие ориентиры, которые изменяют представление о предмете медицины, тем самым меняя направление финансовых потоков в сфере здравоохранения.

Классическая медицина – система знания о болезнях и путях их преодоления, ее цель – исцеление больного, действующие лица: врач, больной; их отношения строятся на базе принципа патернализма. Традиционные виды деятельности: профилактика, диагностика, лечение, реабилитация. Основные звенья организации медицинской помощи: первичная, специализированная, высокотехнологичная, семейная медицина.

В середине XX в. ВОЗ провозглашает лозунг «Здоровье – всем!», который меняет акценты в понимании предмета медицинской деятельности. Медицина начинает рассматриваться как система знания, формирующая здоровье. Трансгуманизм фондирует парадигму создания технологий суперздоровья. Привлекательным для многих выглядит ориентир – выход на пенсию в 80 лет. Подменяется цель врачевания – лечение здоровых, смысл которого в улучшении их качества жизни. Больных уже нет. Есть врачи и пациенты. Внедряется коллегиальная модель врачевания: для пациента врач – друг, партнер, советчик. Соответственно, набирают обороты нетрадиционные для классической медицины виды деятельности, прежде всего искусственное изменение естественных параметров жизни на неестественные и даже противоестественные. Нельзя не заметить, что изменение предмета медицины явилось зеркалом гуманитарного идеала развития научного знания, который призывает науку говорить на языке повседневных практик, создавать новые векторы желаний и возможности их удовлетворения, дарить людям уникальные опыты жизни, новые стилевые пространства. «Если уж тратить деньги, то на это», – восклицает герой одного из романов Виктора Пелевина [Пелевин 2019, с. 14] Очевидно, что медицина, как никакая другая отрасль научного знания,

является на сегодня самым успешным опредмечиванием гуманитарного идеала научности.

Далее, академическое сообщество, озабоченное перекосами ориентиров, компилирует обозначенные подходы, но делает это странным образом. В учебнике для аспирантов и соискателей кандидатской степени в области медицины и фармации читаем: «Предмет медицины – аспект жизнедеятельности человека, который представлен его здоровьем и болезнью, нормой и патологией во всем многообразии связей и зависимостей с экосоциумом [Хрусталеv 2007, с. 265]. На первый взгляд, речь идет о глобальном расширении функциональных обязанностей врачей, которым при имеющейся колоссальной нагрузке вменяется в обязанность санировать окружающую среду пациентов, причем необходимость ее оздоровления невозможно оспорить. В этом случае трансформация предмета однозначно воспринимается как утопия. Однако парадигма парадоксальным образом находит способ обретения жизнеспособности. Оказывается, речь идет о необходимости сократить количество врачей и сузить поле их деятельности, сосредоточив внимание на аналитической работе, направленной на интерпретацию лабораторных, клинических данных. Осмотр пациента при наличии хорошо проведенного по стандартной схеме, комплексного обследования постепенно становится ненужным. Врач – высокооплачиваемый затворник или клерк, разрабатывающий план лечения и соответствующие рекомендации. Однако пациент не чувствует себя брошенным и тем более одиноким, поскольку парадигма работает на основе принципа «жужжащей пчелы», роль которой исполняет мультидисциплинарная команда. Вокруг пациента постоянно функционирует многопрофильный персонал. Это прежде всего медицинские сестры разных специальностей, в также дизайнеры, психологи, арттерапевты, социальные работники, родственники, друзья, менеджеры информационных центров и режимов обслуживания пациентов в лечебных учреждениях, мишленовские повара, диетологи, клоуны, художники, волонтеры, друзья госпиталя, религиозные деятели, благотворители, бизнесмены, юристы, страховщики. Вся эта команда призвана воплотить в жизнь план выздоровления пациента, составленный врачом в тиши своего кабинета. Болезнь принимает здоровые формы, индуцирует такое явление как медиализация культуры, «своего рода медицинское восприятие мира», «советы о том, как жить с пользой и без нежелательных последствий» [Фуко 1998, с. 113]. Субъектные качества пациент реализует в поисках путей к здоровью через формирование личной концепции здорового образа жизни, стремление к благополучию соматическому, психическому и социальному. Искоренение болезней в некоторых случаях становится предметом деятельности общественных организаций, обеспечивающих эффективность недирективного консультирования. Например, благодаря усилиям раввина Джозефа Экштейна изменилось отношение к наследованию болезни Тея – Сакса. Потеряв четырех детей, он создал «Дор Йешарим» (Dor Yeshorim) – организацию, нацеленную на недопущение распространения болезни среди евреев-ашкеназов [Гребенщикова 2020, с. 40].

Предметно-парадигмальная революция в медицине в последнем столетии перманентна, ее конца не видно. Очевидны элементы парадигмы. Графически их можно представить бипирамидой, которая является трехмерным многогранником, сформированным из двух пирамид, одна из которых является зеркальным отражением другой. У бипирамиды две вершины – врач и пациент. Место соединения пирамид образует общую фигуру в виде многоугольника, сторонами которого традиционно являются норма и патология, здоровье и болезнь. При увеличении числа сторон многоугольника за счет медиализации культуры в основании пирамиды, в пределе, формируется круг или эллипс и образуется два конуса, соединенные основаниями. Пока закольцевать взаимодействие врачей и пациентов никому не удастся во многом потому,

что возмущающее воздействие экосоциума (изменение климата, расслоение населения, фармвойны, экономические кризисы, опредмечивание опасного знания, санкционное давление, геополитическое противоборство, миграция) ощущается все сильнее; соответственно, усилия, направленные на гармонизацию отношений врачей и пациентов, рассыпаются под ударами стихии, что наглядно продемонстрировала последняя пандемия. Парадигмальные трансформации в понимании предмета медицины принимают характер революционной ломки.

Список литературы

1. Бекарев, Пак 2020 – *Бекарев А.М., Пак Г.С.* Мораль versus медицина. // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 14: Вызовы техногенной цивилизации – интегративная философия мироподобия. М.: Ленанд, 2020. С. 127-129.
2. Гребенщикова 2020 – *Гребенщикова Е.Г.* Популяционный генетический скрининг: рождение «генетики пары» // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 14: Вызовы техногенной цивилизации – интегративная философия мироподобия. М.: Ленанд, 2020. С. 39-41.
3. Пелевин 2019 – *Пелевин В.О.* Тайные виды на гору Фудзи. М.: Эксмо, 2019. 416 с.
4. Фуко 1998 – *Фуко М.* История сексуальности-III: Забота о себе. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук.,1998. 288 с.
5. Хрусталева 2007 – *Хрусталева Ю.М., Царегородцев Г.И.* Философия науки и медицины: учебник для аспирантов и соискателей кандидатской степени в области медицины и фармации, в также их научных руководителей. М.:ГЭОТАР-Медиа, 2007. 512 с.

УДК 316.4

БЕЗРЕВОЛЮЦИОННОСТЬ ЗАПАДНОГО МИРА И ЭВОЛЮЦИЯ КАК СОВОКУПНОСТЬ РЕВОЛЮЦИЙ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Упоров Иван Владимирович

Доктор исторических наук, профессор

Краснодарский университет Министерства внутренних дел России

Краснодар, Россия

E-mail: uporov@list.ru

Рассматриваются особенности эволюционно-революционного развития Европы и России. Отмечается, что в европейском мире с давних времен были и остаются неизменными основные институты, определяющие жизнь общества, соответственно – революции редки. В России в силу специфики ее исторического развития как в период Российской империи, так и в период СССР наблюдались непрерывные попытки модернизации (мини-революции), начинавшиеся во благо, но заканчивавшиеся кризисами, в том числе имели место две мега-революции (1917 и 1991 гг.). Показываются причины этого явления. Делается вывод о необходимости определения для России вектора дальнейшего развития общественно-государственных отношений.

Ключевые слова: революция, эволюция, Европа, Россия, государство, общество, модернизация, власть.

NON-REVOLUTIONARY OF THE WESTERN WORLD AND EVOLUTION AS A SET OF REVOLUTIONS IN RUSSIA: HISTORICAL CONTEXT

Uporov Ivan Vladimirovich

PhD DSc in History, Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Krasnodar, Russia

E-mail: uporov@list.ru

The features of the evolutionary and revolutionary development of Europe and Russia are considered. It is noted that in the European world for a long time there have been and remain unchanged the basic institutions that determine the life of society, respectively, revolutions are rare. In Russia, due to the specifics of its historical development, both during the period of the Russian Empire and the period of the USSR there are continuous attempts at modernization (mini-revolutions), which began for the good, but ended in crises, including two mega-revolutions (1917 and 1991). The reasons for this phenomenon are shown. It is concluded that it is necessary to determine the vector of further development of public and state relations for Russia.

Keywords: revolution, evolution, Europe, Russia, state, society, modernization, power.

Революции, как известно, предполагают кардинальные изменения в общественно-государственных устоях путем целенаправленных действий определенных политических сил. Любая революция после слома старых устоев переходит в стадию эволюции на новых устоях – до возможных новых революций. При этом в разных странах-обществах имеется своя специфика. Например, в Англии, Франции и в целом в европейском западном мире, по сути, была одна целенаправленная революция – буржуазная (XVII-XVIII вв.), по канонам которой пока еще существует современный мир. Однако здесь следует сделать существенную оговорку: буржуазные революции изменили лишь политико-государственную составляющую европейского общества, согласно которой главная власть сосредоточивалась уже не у монархов по наследственному принципу, а у избираемых народом и формируемых на основе его воли учреждений (парламенты, правительства, городские думы, мэры, суды и т.д.).

Но остальные институты, которые составляли и составляют до сих пор фундамент общества, как были, так и остались (со всеми трансформациями в своем развитии): частная собственность, рыночная экономика, личная неприкосновенность, судебные гарантии, семейные и религиозные ценности и др. Нужно также учесть, что, например, в Англии уже с XIII в. начиналась парламентская власть и король вынужден был прислушиваться к баронам как представителям общества, а в 1689 г. там же был издан знаменитый Билль о правах. Поэтому, по большому счету, буржуазные революции не столь уж и революционно изменяли европейские общества (в отличие от политической надстройки *государства*), и даже можно говорить, хотя и с большой долей условности, что в Европе и революций-то не было – там как жили по изначально складывавшимся и сложившимся обычаям, закрепляемым законодательно по мере их общественной целесообразности, так и живут – с учетом, разумеется, неизбежно-временных изменений, под которые как раз и подпадают буржуазные революции (мы полагаем, что есть основания вести отсчет примерно с X в., когда стали формироваться публично-частные отношения, понятные и близкие по содержанию для нынешнего цивилизационного поколения).

В России ситуация складывается иным образом. Здесь революции происходят сравнительно часто (разумеется, по историческому измерению), причем настолько, что их можно считать едва ли не обычным явлением российской действительности.

Очевидно, по критериям революционности в современном их понимании первая революция в России была проведена при Петре I, который отказался от прежней

домостроевской Московии и попытался внедрить в России многие элементы западной культуры при одновременном утверждении абсолютизма. Это проявлялось, в частности, в насаждении таких государственных органов, учреждений и должностных лиц, как Сенат, Синод, магистраты, коллегии, консилия министров, ратуши, бурмистры, обер-инспекторы, ассессоры и др.; в переносе на российскую землю заимствованных законодательных актов, установлении нового летоисчисления, определении четкого сословного деления, создании жестко контролируемого властью государственного капитализма и т.д., что в совокупности разительно отходило от обычаев предшествовавшего времени. Революционный характер петровских преобразований подчеркивал, в частности, С.М. Соловьев («история ни одного народа не представляет нам такого великого, многостороннего преобразования»), А.С. Пушкин характеризовал Петра I как «воплощение революции». По мнению Ю.П. Швеца, Петром I была осуществлена «успешная модернизация», основанием для которой стала «неудачная попытка реформирования страны по европейскому образцу» во время русской Смуты XVI-XVII вв. [Швец 2008, с. 263]. Но есть и другие суждения – так, В.О. Ключевский считал, что реформы Петра I – это лишь продолжение предшествовавшего развития российского государства, где на фасаде менялись разве что названия тех же органов и учреждений при прежних их функциях, а Петербург – не что иное, как «великое кладбище для народа». В.В. Фортунатов отмечает, что европейская идея свободы личности и совести не стала для Петра I путеводной, напротив, человек оставался в России «бесправным, беззащитным, букашкой перед произволом власти, чиновника, императора. ... Реальным результатом петровских реформ стало создание полицейского, деспотического государства» [Фортунатов 2010, с. 102].

Как видно, в начале XVIII в. имели место целенаправленные преобразования революционного масштаба, но оценки результатов – противоположные, хотя и при доминировании официально-позитивной, что видно, в частности, по учебникам, установке памятников Петру I. Такая же противоречивость наблюдается и при обращении ко всем другим попыткам модернизации в России. Так, существенные обновления общественных отношений предпринимались при Екатерине II (введение городского самоуправления, реорганизация суда, привнесение в общество элементов Просвещения, провозглашение свободы предпринимательства и др.), Александре I (намерение создать первую конституцию, учреждение Госсовета, реформа в сфере образования и др.), Александре II (реформы 1860-х гг.).

Однако все эти преобразования осуществлялись исключительно «сверху», без участия общества, значительная часть которого жила в параллельном с властью (государством) мире, без взаимного понимания, более того, со взаимной ненавистью, что проявлялось в пугачевщине, восстании декабристов, терроре народовольцев, «Кровавом воскресеньи» начала XX в. и других протестно-карательных акциях. Вероятно, это одна из важнейших причин, по которой указанные преобразования всегда начинались из благих намерений, но всегда заканчивались кризисными явлениями, побуждающими к новым преобразованиям, что не позволяло российскому обществу развиваться в условиях стабильности. Эта причина, в свою очередь, восходила к абсолютизации правящей элитой самодержавия как незыблемой основы российской государства, и эту ценность власть отстаивала, не желая понять реалий своего времени, вплоть до отречения Николая II, когда в «Основных государственных законах» по-прежнему указывалась сформулированная еще Петром I норма о том, что «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает».

Как следствие такой позиции – глубочайший кризис 1917 г., победа большевиков, установление советской власти и – «кто был никем, тот станет всем». Но и эта

грандиозная по масштабу революция несла в себе противоречия. Власть народа в ленинской теории концентрировалась в тезисе о «диктатуре пролетариата», который должен был повести в светлое будущее весь народ, а народ состоял прежде всего из крестьянства, но позицию этого «народа» – абсолютного большинства населения – революционеры сочли неверной, в отличие от позиции абсолютного меньшинства – пролетариата. И это несмотря на то, что на выборах в Учредительное собрание победили (62 %) представители эсеров и других соцпартий, за которых больше всего отдали голосов как раз в сельской местности; большевики получили 25% голосов, в основном за счет избирателей в крупных промышленных центрах.

Но, будучи значительно более организованной политической силой, ведомой убежденными борцами за социализм как справедливое общество трудящихся (Ленин, Троцкий, Сталин и др.), большевики смогли взять реальную власть в стране. К этому нужно добавить решение советской власти отвергнуть практически все предшествующее законодательство, экономическую и социальную системы и начать строительство нового социалистического общества почти с нуля. Силы и ресурсы были явно переоценены, и власти на фоне красивых лозунгов пришлось действовать принуждением как приоритетным методом управления, в результате чего «идея равенства трансформировалась в принцип послушания, покорности обстоятельствам, начальственной воле» [Зараев, Шведов 1989, с. 7]. Советские люди в значительной степени утрачивали самостоятельность и ответственность за свою страну, за свое будущее, полагаясь на партию, на вождя.

При этом, как и в Российской империи, СССР переживал необычайные и модернизационные периоды – Гражданская война, коллективизация, индустриализация, Великая Отечественная война, ГУЛАГ, восстановление народного хозяйства, совнархозы, косыгинские реформы, перестройка, что придавало обществу перманентно мобилизационный характер. Но в итоге история отвергла метод построения общества-государства по заранее разработанным лекалам и, напротив, показала рациональность метода адаптации к естественному ходу цивилизационного развития.

В целом периоды российской монархии и советского государства состояли из указанных выше непрерывных попыток модернизаций (чаще всего – государственно-управленческих немасштабных революций), которые затевал едва ли не каждый новый монарх или генсек. Соответственно, совокупность таких революций составляет суть эволюционного развития России на протяжении практически всей ее истории. Это было подтверждено в 1991 г., когда российский народ отвергнул социализм и посчитал нужным войти в лоно капиталистических стран, но и этот выбор, судя по событиям последних лет, вызывает в обществе сомнение и тревогу.

Такая нестабильность общественного сознания не позволяет выработать более или менее понятный для общества вектор дальнейшего развития России, и на сегодня на вопросы «какое у нас общество и какое мы хотим иметь?» вразумительного ответа по-прежнему нет. В этой связи, как представляется, усилия гуманитарных наук целесообразно сконцентрировать на этом аспекте – с тем, чтобы революции в России перестали быть содержанием ее эволюционного развития.

Список литературы

1. Зараев, Шведов 1989 – *Зараев М., Шведов С.* Тяжелая ноша // Огонек. 1989. № 26(3231). С. 5-9.
2. Фортунатов 2010 – *Фортунатов В.В.* Российская история в афоризмах. СПб.: Питер, 2010. 318 с.

3. Швец 2008 – *Швец Ю.П.* Русская смута XVI-XVII вв. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-3(60). С. 260-263.

УДК 316

БЫТЬ БОГОМ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОДНОЙ ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ УТОПИИ

Филиппов Сергей Иванович

Кандидат философских наук, доцент

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

E-mail: filippow07@yandex.ru

Статья посвящена объяснению распространенного в научно-академической среде в период позднего СССР (1960-1980-е гг.) критического отношения к некоторым аспектам внутренней и внешней государственной политики того времени. Распространенное восприятие подобного рода критики, которая принимала формы чтения и распространения самиздата, подписания писем протеста, обсуждения «сложных» исторических, политических, социально-экономических тем, в качестве разновидности политической борьбы с существующим режимом представляется не вполне корректным, учитывая институциональные условия ее выражения – коммуникации в рамках закрытых сетей и институтов – без каких-либо попыток широкой мобилизации сторонников. В работе предлагается интерпретация критического отношения позднесоветских интеллектуалов как практик престижного потребления и поведения, направленных на подтверждение собственного элитного статуса, который был обусловлен высоким престижем научной и академической деятельности, созданием относительно автономных научных центров, в которых ученые занимали привилегированное положение, высокими общественными ожиданиями от науки. Престижное потребление и поведение как способ подтверждения высокого статуса характерен, прежде всего, для социальных групп с ограниченным доступом к политико-административным и экономическим ресурсам. Относительно высокая доля в престижном потреблении по-советски объектов и практик, относящихся к духовной сфере, объясняется тем, что демонстрация материального достатка и богатства могла вызвать санкции со стороны государства.

Ключевые слова: социальная утопия, научно-академическая интеллигенция, элиты, престижное потребление, критическое отношение к политике государства, позднесоветское общество.

BEING GOD: THE SOCIAL ASPECT OF A LATE SOVIET UTOPIA

Filippov Sergey Ivanovich

PhD in Philosophy, Associate Professor

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russia

E-mail: filippow07@yandex.ru

The article deals with investigating into the conditions of the critical attitude spread among scientists and academicians in the late USSR (1960-1990) towards some aspects of domestic and foreign state policy of that time. These criticisms usually took the form of reading and distributing of samizdat, signing letters of protest, discussing historical, political, socio-economic issues and have been often regarded as a kind of political struggle against the existing regime. However, these views of the investigated phenomenon seem to be incorrect considering its institutional framework such as communication within closed networks of friends and like-minded persons and without any attempt to mobilize supporters. The critical attitude of late Soviet intellectuals are more likely to be interpreted as practices of prestigious consumption. The late Soviet scientists claimed to have

achieved a high rank in the USSR due to the high prestige of scientific and academic activities, the creation of relatively autonomous research centers in which scientists occupied a privileged position, and high social expectations from science. Pursuing these practices was a way to secure own elite status especially for social groups with limited access to political, administrative and economic resources. The significant part of the Soviet-style prestigious consumption was made up by objects and practices related to the “cultural sphere” such as pursuing books, visiting exhibitions etc., the demonstration of material prosperity and wealth could cause sanctions from the state.

Keywords: social utopia, scientific and academic intelligentsia, elites, prestigious consumption, critical attitude towards state policy, late Soviet society.

В 1964 г. увидело свет знаменитое произведение А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом», повествующее о драматичных приключениях сотрудника Института практической истории Антона в мрачном государстве Арканар, расположенном на планете с формами гуманоидной жизни, идентичными земной. За захватывающим сюжетом, разворачивающимся на далекой планете, не трудно заметить размышления авторов о роли науки и ученых в современном им земном, а точнее, советском обществе. Миссия ученых определена уже в заглавии произведения. Они всемогущи, но предпочитают не вмешиваться напрямую в ход истории, «помогая» историческому прогрессу: незаметно вводят в местную моду элементарные правила гигиены, спасают хороших людей – «книгочеев», служат советниками при недалеких правителях. Антон «по совместительству» является аристократом, доном Руматой Эсторским, пользующимся феноменальным успехом у представительниц противоположного пола и виртуозно владеющим мечом, никому не причиняя при этом сколько-нибудь существенного физического вреда, хотя в конце концов и у него сдают нервы. Образ ученого из повести братьев Стругацких вполне соответствовал широко распространенным представлениям о людях науки, сложившимся в СССР конца 1950-х – начала 1960-х гг. «Положительный физик поет под гитару, танцует твист, имеет любовницу, профессионально бьет по морде отрицательного физика, а в свободное время жертвует собой ради науки», – утверждает в книге «Физики продолжают шутить» [Вайль, Генис 1998, с. 101]. Образы «положительного физика» и Руматы Эсторского почти тождественны и воплощают типичные, даже традиционные представления о социальной элите.

Самоидентификация советской научно-академической интеллигенции как особой элитарной группы была обусловлена социальными условиями развития науки в СССР в 1950-60-е гг., в частности, престижем научной и академической деятельности, высокими общественными ожиданиями от науки, а также созданием особой среды для плодотворных научных исследований – относительно автономных научных центров, в которых ученые занимали привилегированное положение. Социальная структура новосибирского Академгородка – одного из самых известных советских наукоградов – носила иерархический характер, наиболее привилегированную часть его населения, которая проживала в комфортабельных коттеджах, пользовалась специализированным продовольственным и медицинским обслуживанием, составляла не партийно-государственная номенклатура, а академики, члены-корреспонденты, доктора наук, далее следовали научные работники рангом ниже. «Неученый» люд (обслуживающий персонал, строители, рабочие) был лишен доступа к спецраспределителям, многие проживали в деревянных неблагоустроенных бараках «Нижней зоны» Академгородка (комфортабельные коттеджи и квартиры ученых располагались в «Верхней зоне» – сама топонимика городка ученых выражает иерархическое устройство локального социума и напоминает скорее не коммунистическую утопию, а антиутопии Г. Уэллса или Ф. Ланга). Причем самими учеными их привилегированное положение воспринималось как вполне справедливое, но оно вызывало раздражение рабочих и строителей, что противоречит

распространенному мифу об эгалитарной, демократичной и гармоничной утопии – «Республике Ученых» 1960-х гг. [Водичев 2018, с. 33-34].

При этом относительно высокий общественный престиж, а также материальный статус советских ученых сочетались с критическим отношением к некоторым аспектам внутренней и внешней государственной политики того времени (преследование инакомыслия, чрезмерный идеологический и партийный контроль, отсутствие свободного обмена мнениями и др.). В западной послевоенной науке и публицистике советские ученые изображались в качестве более или менее активных борцов с режимом. А. Ротберг [Rothberg 1972, pp. 326-327], П. Реддоуей [Reddaway 1972, p. 28], М. Шатц [Shatz 1980, p. 140] утверждали, что ученые и писатели представляли собой два столпа диссидентского движения в СССР, и большая часть научной интеллигенции разделяла взгляды диссидентов, но многим не хватало смелости отстаивать свои взгляды публично. Действительно, спецификой «протеста» интеллигенции периода позднего СССР был достаточно низкий мобилизационный потенциал: ученые не стремились организовать широкомасштабные акции протеста, заниматься агитацией и пропагандой, тем более использовать насильственные методы борьбы. Их критическая позиция находила выражение в обсуждении недостатков существующей политической и экономической системы, подписании коллективных писем, чтении и распространении самиздата, выступлении в иностранных СМИ, а институциональной средой были достаточно немногочисленные сообщества и сети дружеского или коллегиального взаимодействия.

Как правило, критические настроения научно-академической интеллигенции объясняются особенностью ее профессиональной деятельности – успешные исследования возможны только в рамках открытого обсуждения, свободного обмена мнениями, бескомпромиссной критики. Данные объяснения представляются излишне идеологизированными и не всегда соответствующими фактам: наивно полагать, что интеллектуалы с превосходным образованием не в состоянии отделить те ситуации, в которых привычка ничего не ставить на веру и все подвергать сомнению уместна и необходима, от других, когда от чрезмерного критицизма лучше воздержаться.

Столь же спорны традиционные объяснения относительно низкого мобилизационного потенциала протеста советских интеллектуалов – нежелание (или неспособность) интеллигенции перейти от индивидуального инакомыслия к коллективному лидерству [Пайпс 1992, с. 6], общий дефицит горизонтальной солидарности, атомизация советского общества (Ю. Левада, Л. Гудков).

На наш взгляд, критические настроения советской научно-академической интеллигенции, а также формы их выражения напрямую связаны с утопией небывалого могущества науки и ученых, следствием чего стали претензии советских интеллектуалов отнюдь не только на духовное лидерство. По мнению П.Л. Капицы, Академия наук СССР должна была выполнять функции британской Палаты лордов или Верховного суда США [Вайль, Генис 1998, с. 104]. Конечно же, подобные амбиции в СССР (да и в любой другой стране) не могли быть реализованы. Претензии на элитный статус в условиях ограниченной вертикальной мобильности и доступа к политико-административным ресурсам находят выражение в практиках, связанных с престижным потреблением и поведением, специфика которых состоит в том, что участие в них ограничено (или запрещено) для внеэлитных социальных групп. В СССР к такого рода практикам относилось как получение дефицита через спречраспределители и «столы заказов», так и доступ к запрещенной («антисоветской» или «буржуазной») литературе, в том числе самиздату, «идеологически вредным» фильмам, музыкальным произведениям. Относительно высокая доля в престижном потреблении по-советски объектов и практик, относящихся к духовной сфере (чтение книг или по крайней мере обладание ими), прослушивание музыкальных произведений, посещение «модных» постановок

и художественных выставок), объясняется тем, что демонстрация материального достатка и богатства могла вызвать санкции со стороны государства. Кроме того, в СССР с 1930-х гг. именно приобщение к «культурному» образу жизни было одним из главных показателей высокого социального статуса.

Чтение и распространение самиздата, обсуждение «спорных вопросов» недавнего прошлого, расходящееся с официальной точкой зрения, высказывания на «сложные» социально-политические темы, а также организация концертов исполнителей, художественных выставок, не совсем укладывающихся в нормы социалистического реализма (например, выставка художников-авангардистов, концерт бардов, в том числе А. Галича, в новосибирском Академгородке в 1968 г.), были распространенными практиками, основой формирования сетей доверия и идентичности советской научной интеллигенции. Институциональными формами подобных практик стали закрытые для посторонних сообщества, неслучайно называемые на английский манер «клубами». Именно элитарные «клубы», сложившиеся в академической среде, становятся первыми неформальными политизированными объединениями перестроечного времени, где обсуждаются недостатки существующей политической и экономической системы, например, «Московская трибуна», доступная только для избранных немногих: чтобы стать членом «Трибуны», недостаточно было желания и авторитета, нужно было еще получить приглашение от члена клуба.

Таким образом, критические настроения позднесоветской научно-академической интеллигенции, а также формы их выражения – коммуникация в рамках закрытых сетей и институтов, а не широкая мобилизация сторонников – следует воспринимать не только (и не столько) как разновидность политической борьбы с существующим режимом, но как практики, направленные на подтверждение собственного элитного статуса. Такого рода практики отнюдь не выступали формой противостояния советскому строю, но, напротив, были органично с ним связаны и стали следствием идеализации науки и ученых в период позднего СССР.

Список литературы

1. Вайль, Генис 1998 – *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 368 с.
2. Водичев 2018 – Водичев Е.Г. Всегда ли «Понедельник начинается в субботу», или мифы и реалии сибирской «новой Атлантиды». Статья вторая: реалии // Идеи и идеалы. 2018. № 2(1). С. 28-50.
3. Пайпс 1992 – *Пайпс Р.* Шанс России // Страна и мир. 1992. № 3(69). С. 2-10.
4. Rothberg 1972 – *Rothberg A.* The Heirs of Stalin: Dissidents and the Soviet Regime, 1953-1970. Ithaca: Cornell University Press, 1972. 450 p.
5. Reddaway 1972 – *Reddaway P.* Uncensored Russia: Protest and Dissent in the Soviet Union. N.Y., American Heritage Press, 1972. 499 p.
6. Shatz 1980 – *Shatz M.S.* Soviet Dissent in Historical Perspective. N.Y., Cambridge University Press, 1980. 214 p.

АПОЛОГИЯ ГРАНИЦЫ КАК ОСНОВНОЙ ВОПРОС ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРНОГО ФОРМООБРАЗОВАНИЯ

Чеберева Ольга Николаевна

Кандидат архитектуры, доцент

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет

Нижний Новгород, Россия

E-mail: chebereva@mail.ru

Постиндустриальная «жидкая» современность провокационно нарушает стандарты и каноны прошлого, нивелируя индивидуальность творческого акта за счет гиперсвязанного мира. Гипермобильность информации и техногенные эффекты при проектировании архитектурных форм требуют и осознания ценности границ, и их преодоления путем создания трансграничных творческих пространств. Это требует глубины и высоты философско-теоретического осознания и его последствий.

Ключевые слова: архитектура, пограничная категория, информация, эстетика, архитектурная теория и практика, жидкая современность, тотальная архитектура.

APOLOGIA OF THE BORDER AS THE MAIN ISSUE OF THE THEORY OF ARCHITECTURAL FORMING

Chebereva Olga Nikolaevna

PhD in Architecture, Associate Professor

Nizhny Novgorod State University of Architecture, Building and Civil Engineering

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: chebereva@mail.ru

Post-industrial “liquid” modernity provokingly breaks the standards and canons of the past, leveling the individuality of the creative act due to hyper-connected world. Hyper-mobility of information and technogenic effects in the design of architectural forms require awareness of the value of borders and their overcoming through the creation of intra-border creative spaces, which requires the depth and height of philosophical theoretical awareness and consequences.

Keywords: architecture; the boundary category, information, aesthetics, architectural theory and practice, liquid modernity, total architecture.

Вопросы теории архитектуры и ее границ подвергаются тотальному сомнению и пересмотру в соответствии с интердисциплинарной природой постструктуралистской научной и философской мысли, актуализировавшей категорию граничности, столь близкую метаязыку архитектурной формы. В. Гропиус на протяжении первой половины XX в. анализировал актуальные «разломы» развития современной архитектуры вдоль противоположностей – современности и канона – и интерграничности сопряженных дисциплин: «Хорошая архитектура должна стать проекцией самой жизни, что подразумевает глубокое владение биологическими, социальными, техническими и художественными вопросами» [Гропиус 1955, с. 7]. Вторя Витрувию, Гропиус наметил пути преодоления противоречий, вызванных капитализацией и изменением жизни в индустриальную эпоху.

Революции в архитектуре и социуме вызваны новыми стратегиями мироосвоения, базирующимися на постепенном или революционном внедрении в жизнь новых представлений и технологий – индустриальных революциях [Шваб 2018, с. 14-16] (далее – ИР) и революциях сознания (далее – РС), изменениях научных парадигм [Кун 1977]

(далее – НП). Так, истоки протоархитектуры неолита (10 тыс. до н.э.) – в переходе к оседлому образу жизни от кочевого и к земледелию от собирательства. Перевозка грузов при помощи одомашненных животных и простейших транспортных средств актуализировала эмпирическую организацию сети дорог, вопросы генеральных планировок. Рост численности и плотности населения привел к появлению протогородов (7-5 тыс. до н.э.) и городов (4-3 тыс. до н.э.), оформление вертикалей власти – к актуализации первых инструментов городского планирования и регулирования (гипподамова система и красные линии). За аграрной революцией последовало развитие кустарного производства, повлекшего расцвет классических форм архитектуры на практике и в теории Витрувия, Палладио и т.п. Первая ИР 1760-1840 гг. вызвана изобретением парового двигателя, железных дорог, механизацией производства. Вторая ИР XIX – нач. XX вв. – производством электроэнергии и изобретением конвейера. Катализаторами третьей ИР 1960-х гг. стали открытие полупроводников, ЭВМ (1960-е гг.) и ПК (1970-80-е гг.) с подключением к интернету (1990-е гг.), открывшие постиндустриальную информационную эпоху. Последовательность ИР напрямую связана со структурой научных революций (НР), отраженной в постпозитивистской теории Т. Куна, содержательно близкой к концепции революций сознания (РС) философа В.М. Кедрова. Дискретная структура кардинальных изменений в науке и технологии приводит к глобальным кумулятивным, т.е. обобщающим новые факты реальности, скачкам при постепенности перехода количества в качество, изменений в коллективном бессознательном, в глубинных психических структурах. В структуре РС К. Кедрова есть три этапа: XVI-XVII вв. (эволюция картины мира от видимости к действительности: смена концепций миропонимания от плоскостной геоцентрической модели к гелиоцентрической), XIX в. (от неизменности – к развитию, от креационизма – к концепции монад); XX в. (от элементарности – к неисчерпаемости: от монад – к делимым атому и электрону, бесконечности малых величин).

Фазы развития архитектурной теории и практики связаны и с НР, и с РС и подобны по структуре: первая стадия развития – допарадигмальная, т.е. лишенная общности установок (в архитектуре – до Античности и ордерных канонов), вторая стадия – парадигмальная – нормальное развитие науки по Куну – период формирования парадигмы в истории архитектуры подобен кристаллизации канонов формообразования на основе ордерной системы. Фаза кризиса парадигмы, внепарадигмальная гетерогенная фаза представлены временем от эклектики до модерна. Фаза формирования новой парадигмы с конкурентной полифонией школ, теорий, свободы мышления до хаоса соответствует эпохе от эклектики до модерна и авангарда. Затем в качестве парадигмы архитектурного формообразования – по выражению З. Гидеона, «линейного искусства» – супрематический «ордер» и вытекающие модернизм, функционализм и родственные течения. Внепарадигмальной фазой предстает архитектурный постмодернизм, новая закономерно опровергающая установки «линейного искусства» система поисковых установок в архитектуре получает название «нелинейная парадигма». Технический для Античности термин «парадигма» – «модель», «образец», по А.Ф. Лосеву – деревянная модель колонны и капители, изготовленная под надзором античного архитектора для отправки на место строительства и копирования модели каменотесами, заимствованный у архитекторов философами, возвращается в архитектуру на уровне содержательного обобщения. Понятие парадигмы вообще и в философии науки тесно связано с понятием моды – части РС и коллективного бессознательного – согласно В. Гропиусу, подразумевает набор теоретических концептов, определенность онтологических убеждений и картины мира, методологии и ключей решения проблем.

Влияние НР и РС на методологию и морфологию архитектурной формы прослеживается с момента введения метра, меры длины вместо локтя. Физическая

реальность (природа) и «вторая природа» (архитектурная среда) утрачивают семантическую человекомерность, создается образный барьер между масштабными границами человека и пространства его обитания, закрепляется феноменологическое господство точных наук и техницизма – над антропо- и логоцентризмом. Тенденция стирания границ и граней между информацией, странами, людьми, понятиями, явлениями, нормами, конвергенция естественно-научного и гуманитарного, информационного и пространственно-временного континуума, внутрigrаничное пространство, образующееся при размывании «текучей» информационной современностью реальности внешнего и внутреннего локусов психологического контроля, находит отображение в композиции архитектурных сооружений, в размытии границ архитектурной формы, архитектурного пространства, появлении понятия «архитектурная среда». Глубинное противоречие заключается в воздействии нивелирования отличий на внехудожественной науко- и техногенной основе, игнорирующей духовный интеллект – параметрический дизайн, «зеленые» и rehab технологии, приводит к утрате индивидуальности в частной жизни и в архитектуре – формах, пространствах, содержании даже при усложнении структурно-композиционных построений – «означающего» – казалось бы гарантирующих расширение поля семантических значений «означаемого». Понятие «текучая современность» З. Баумана – метафора, отражающая сродство социальных перемен и отличительной характеристики жидкости – постоянных изменений под действием малейших сил: «...самая важная черта современного периода состоит в ненаправленности перемен», динамичности [Бауман 2008, с. 74]. Философская парадигма деконструкции заключается в том, что структуры, ядра, целостности и связности подвергаются сомнению, в этом проявляется интердисциплинарная, информационная по источнику природа постструктуралистской, постиндустриальной мысли. Утверждая граничность в качестве категории, философия постструктурализма явно приобретает транзитивное качество, преодолевая граничность как качество собственно философской онтологии, переходит в область кантианской этики, развивая ее путем радиального отрицания. По Канту, чистый разум неизбежно впадает в неразрешимые противоречия – антиномии, связанные с его способностью доказать противоречащие суждения. По мысли Дерриды, именно культурно-пространственной и временной ограниченности логоцентризма западной науки принадлежит главенствующая роль в обнаружении антиномий [Саничева 2017, с. 39]. Кант видит в этике инструмент преодоления противоречий, выход из тупика за счет практического разума или морали и признании свободы воли, трансцендентность как инструмент разрешения противоречий у Канта противостоит граничности. У Ж. Деррида антиномии – основа постструктуралистской мысли, инструмент преодоления ограниченности логоцентризма, а этика – ограничение прогресса, в том числе философской мысли. В генезисе современного понимания рационального и разума существенна роль кантианской интерпретации понятия, тезис о конечности разума, не разрывающего субъективность человека и его рациональность. Э. Гуссерль констатирует разрыв, при котором в условиях расцвета точных наук человек в сенсуальной субъективности стал для себя загадкой [Шеманов 2013, с. 8], разрыв, который человек на протяжении тысяч лет преодолевал в формах искусства, в том числе архитектуры. Будучи синтезом искусства и науки, архитектура изначально провоцирует антиномии, образуя «пространство границы» в плане дуализма формального (абстрактно-методологического) научного и ассоциативного (семантического) начал. С приходом постмодернизма категория граничности в архитектурной теории и практике приобретает особенную остроту и созидательную парадоксальность, став профессиональной категорией, отражающей стремление человека нашего времени существовать в пространстве между общепринятым и субъективным, реальным

и концептуальным, сознательным и чувственным, организованным и стихийным, осмысленным и интуитивным. Эстетически категория граничности выражается в дополнении традиционных для проектной культуры структурной ясности формы, найденности композиции чертами непосредственности, немотивированности, спонтанности. Разрушая привычные формы, дестабилизируя статус традиционных ценностей, «нелинейная парадигма» выявляет неочевидные прочтения и артефакты, переход феномена в тип.

Архитектурное пространство, в отличие от физического, не пустота, а материал архитектурной деятельности, приобретающий форму за счет границ и структуры. Физическое пространство, в отличие от архитектурного, не обладает свойством граничности, хотя и имеет некоторые структуры. В истории науки кризис физики начала XX в. разрешился с появлением основанной на опытно изученной, но по сути философской постнеклассической оппозиции «материальная форма» vs «форма материи». Эта бинарная оппозиция при внимательном рассмотрении стала источником феноменологических и физических архитектурных форм в ходе разворачивания «нелинейной парадигмы», в этой бинарности – будущее архитектурного формообразования. Физическая реальность стремительно меняется под воздействием антропогенных факторов, цивилизация трансформируется в информационную, усложняясь в силу сохранения и развития оппозиционных тенденций фрагментированности и гиперсвязанности. Все указанные тенденции в полной мере отражаются в архитектуре, сущностно образующей собой «дополнение» физической реальности: «вторую» рукотворную границу, наполненную синтетическими конструктами взаимодействия (цивилизационной) и физической реальностей. Феноменология архитектуры как процесса структурирования физической реальности экстраполирует понятие архитектуры на архитектуру бизнеса, информационных, нейронных сетей и т.д. В условиях четвертой ИР такое расширение границ «круга тотальной архитектуры» (в другом переводе – границ архитектуры [Гропиус 1955, с.39]) представляется вполне закономерной цивилизационной экстраполяцией.

Список литературы

1. Беляев 2015 – *Беляев В.А.* Конструируем модерн: Методологический и диалектический аспекты. М: Ленард, 2015. 344 с.
2. Бауман 2008 – *Бауман З.* Текущая современность. М.: Питер, 2008. 238 с.
3. Гропиус 1955 – *Гропиус В.* Круг тотальной архитектуры (*Границы архитектуры*), М: Искусство, 1971. 287 с.
4. Дубовская 2013 – *Дубовская Е.М., Кораблинов Р.А.* Экономическая социализация в транзитивном обществе. Введение в проблему // Социальная психология и общество. № 4. 2013. С. 5-21.
5. Кун 1977 – *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
6. Саничева 2017 – *Саничева Е. Ж.* Деррида: концепция деконструкции и интердисциплинарная природа постструктуралистской мысли // Художественная культура. № 1(19). 2017. URL: <http://artculturestudies.sias.ru/2017-1-19/teoriya-hudozhestvennoy-kultury/5211.html> (дата обращения: 05.05.2021).
7. Шваб 2018 – *Шваб К., Девис Н.* Технологии четвертой индустриальной революции. М.: Эксмо, 2018. 376 с.
8. Шеманов 2013 – *Шеманов А.* Становление человека как воплощение субъективности в репрезентациях иного: к постановке проблемы // Международный журнал исследователей культуры. 3(12). 2013. С. 7-13.

СОЦИАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Шетулова Елена Дмитриевна

Доктор философских наук, профессор

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексева

Нижний Новгород, Россия

E-mail: shetulowa@yandex.ru

В статье анализируются современные философские интерпретации социальной картины мира. Работа представляет собой обзор представлений о содержании понятия «социальная картина мира», выявлении ее специфики и структурных компонентов. Основное внимание в статье уделено вопросу о стабильности и/или изменчивости социальной картины мира. Исследование этого аспекта позволяет выйти на проблему общей возможности научных революций в области социально-гуманитарных наук. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Первый – социальная картина мира изменяется и эти изменения достаточно четко взаимосвязаны с происходящими глобальными научными революциями. Второй – глобальные научные революции порождают парадигмальные сдвиги в области социально-гуманитарных наук, меняют их методологию и базовые принципы исследования.

Ключевые слова: общественные науки, научная революция, научная картина мира, модели социальной реальности.

THE SOCIAL PICTURE OF THE WORLD IN THE INTERPRETATION OF MODERN PHILOSOPHY

Shetulova Elena Dmitrievna

PhD DSc in Philosophy, Professor

Nizhny Novgorod State Technical University

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: shetulowa@yandex.ru

The article analyzes modern philosophical interpretations of the social picture of the world. The work is an overview of ideas about the content of the concept of “social picture of the world”, identifying its specifics and structural components. The main attention in the article is paid to the issue of stability and/or variability of the social picture of the world. The study of this aspect allows coming to the problem of the general possibility of scientific revolutions in the field of social sciences and humanities. The analysis performed allows us to draw the following conclusions. First, the social picture of the world is changing and these changes are quite clearly interconnected with the ongoing global scientific revolutions. Second, global scientific revolutions give rise to paradigmatic shifts in the field of social sciences and humanities; change their methodology and basic principles of research.

Keywords: social sciences, scientific revolution, scientific picture of the world, social reality models.

Общепризнанно наличие революций в развитии науки. Однако есть группа наук, в которых революционный аспект неочевиден – это социально-гуманитарные науки. Разрешение вопроса о революциях в социально-гуманитарных науках затруднено рядом обстоятельств. Самое существенное из этих обстоятельств – неоднозначность трактовки самого понятия «научная революция». Как показано С.А. Хмелевской, под «революцией» понимаются и сам непосредственный переход в форме скачка к новой ступени развития, и качественно новое состояние системы [Хмелевская 2017, с. 46]. Своеобразный выход из затруднения видится в выявлении черт процесса научного

развития, маркирующих состояние революции. В понимании Л.В. Бурковой это следующие черты: необходимость теоретического синтеза нового экспериментального материала, коренная ломка существующих представлений о природе в целом, возникновение кризисных ситуаций в объяснении фактов и, наконец, уточнение знаний об окружающей действительности, приближении к адекватной картине мира [Буркова 2017, с. 8].

Цель данной работы и состоит в анализе современных философских интерпретаций социальной картины мира, что позволит определить потенциал и границы понятия «научная революция» применительно к области социально-гуманитарных наук. Ведь стабильность или изменение социальной картины мира демонстрирует либо наличие, либо отсутствие революционной трансформации.

Как полагает И.Т. Касавин, понятие «социальная картина мира» по состоянию на сегодняшний день не может считаться проработанным понятием [Касавин 2014, с. 20]. Все же попробуем привести вслед за В.Б. Власовой некоторое рабочее определение, раскрывающее содержание данного понятия. Социальная картина мира есть сложное и многозначное понятие, являющее собой теоретико-мировоззренческий конструкт, форму духовно-теоретического и практически-духовного освоения мира [Власова 1995, с. 106].

Снять некоторую абстрактность приведенного определения позволит выявление специфики социальной картины мира. По представлению Г.А. Ефремова, специфика видна через выделение основного отличия социально-экономической и гуманитарной картины от естественно-научной. Это отличие заключено в наличии в социально-экономической и гуманитарной картине сочетания представлений о реально существующем мире и об идеальном мироустройстве, тогда как в естественно-научной картине имеют место лишь представления о реально существующем мире [Ефремов 2011, с. 7-8]. В свою очередь И.Т. Касавин предлагает видеть специфику социальной картины мира в следующих моментах. Во-первых, теоретические концептуализации в социально-гуманитарном знании далеко не всегда соотносены с системой идеальных объектов, теории не всегда вписаны в общее представление о социуме и культуре. Во-вторых, гуманитарии сталкиваются с серьезными трудностями в обосновании своих теорий, поскольку эмпирическая база социально-гуманитарных наук обладает существенным своеобразием. Отсюда, картина реальности не в полном смысле отвечает критериям научности [Касавин 2014, с. 22].

В современной философии имеет место попытка выявления компонентов картины социальной реальности. Так, по мнению В.К. Шрейбера, к ним относятся: то или иное представление о человеческом индивиде как субъектном носителе основной общественной связи и агенте социальной деятельности, а также ценности субъекта социально-исторической практики, не противоречащие ориентации ученого на объективность и новизну [Шрейбер 1995, с. 124, 127]. Поскольку эти представления и ценности носят несходный характер, постольку создан ряд моделей социальной реальности. В частности, Н.Б. Отрешко на основании работы К.С. Пигрова выявляет и анализирует четыре таких модели, а именно: реалистическую, натуралистическую, деятельностьную, феноменологическую [Пигров 2005; Отрешко 2009, с. 131].

Интересным в содержательном плане представляется вопрос об аспекте развития социальной картины мира. И.Т. Касавин отмечает, что картина мира в значительной степени есть плод многолетней интеллектуальной деятельности целого сообщества [Касавин 2014, с. 21]. При этом, как подчеркнуто В.Б. Власовой, содержание социальной картины мира определяется общественно-научной теорией [Власова 1995, с. 117]. Насколько картина мира в сфере социально-гуманитарного знания подвержена развитию? Можем ли мы выявить общий исторический план этого развития?

В принципе, достаточно общепризнанно, что общественная жизнь находится в процессе собственного постоянного обновления. Среди прочего это обуславливает необходимость со временем некоторой (иногда существенной) корреляции сложившейся картины социальной реальности. В противном случае она собственно перестанет быть образом реальности, потеряв с ней по существу связь, не отражая более эту реальность. В этом смысле, как считает В.Б. Власова, вполне можно постулировать наличие изменчивости социальной картины мира и ее принципиальной открытости будущему [Власова 1995, с. 107].

Более пристальное рассмотрение этого аспекта инициирует обращение к проблеме выявления этапов исторической эволюции социальной картины мира. По мысли С.И. Григорьева, этих этапов три (вопрос рассматривается на примере истории и социологии): классический, неклассический, синергетический (диатропический, современный). Автор фиксирует три основных типа изменений, происходящих с социальной картиной мира. Первый – саморазвитие классической социологической парадигмы. Второй – трансформация практики. Третий – возникновение новых социологических теорий, обладающих парадигмальным статусом [Григорьев 2000, с. 17]. Действительно, как полагает Н.Б. Отрешко, сегодня сама социальная реальность становится все более динамичной и, соответственно, ставит задачи, не укладывающиеся в привычные теоретические схемы, что детерминирует изменения представлений о социальной реальности и субъектах, действующих в ней [Отрешко 2009, с. 125].

Достаточное место в современной философии занимает проблематика, связанная с утверждением научной эффективности или неэффективности специальных социальных картин мира. Отношение к данному вопросу обладает некоторой двойственностью. С одной стороны, выдвинуто и обосновано мнение о малопродуктивности «специальных социальных картин мира», таких как политическая, экономическая, лингвистическая, психологическая, ввиду возрастания значимости междисциплинарности современной науки и постепенного возникновения глобальных картин мира – эволюционистской, синергетической, сетевой. Впрочем, это в такой же степени касается не только социальных, но и естественных наук, в которых также падает значимость специальных картин, таких как физическая, биологическая и др. [Касавин 2014, с. 23-24]. С другой стороны, разрабатываются и концептуализируются такие специальные социальные картины мира как социально-экономическая, гуманитарная, политическая, историческая [Ефремов 2011; Самаркина 2012; Шмаков 1990]. Уточняются понятия, структура соответствующей картины мира, предлагаются возможные подходы к решению возникающих вопросов, выявляется эволюция в понимании тех или иных аспектов.

Возвращаясь к вопросу научных революций в сфере социально-гуманитарных наук, представляется возможной следующая трактовка. Во-первых, несомненно, наличие изменений социальной картины мира. Конечно, эти изменения во многом обладают эволюционным характером. Но по крайней мере частично и революционным, поскольку в современной философии выявлена четкая связь между классической, неклассической, постнеклассической революциями и соответствующими изменениями в социальной картине мира. При этом изменяется не только она сама, но подобно естественному революционным образом меняется методология и базовые принципы исследования. По крайней мере, современная методология и философия говорят об этом в области социологии, экономической теории и культурологии [Григорьев 2000; Канке 2012; Сорокин, Украинцев 2019]. Во-вторых, фиксируются парадигмальные сдвиги в области социально-гуманитарного знания, также меняющие социальную картину мира. К примеру, в работе В.Э. Багдасаряна выявлена связь между научными революциями и сменой фундаментальных социальных парадигм – либеральной, марксистской,

цивилизационной [Багдасарян 2013]. Смена социальных парадигм означает и смену социальной картины мира.

Однако вне зависимости от акцентов рассмотрения, от формулируемых позиций справедливым видится не сегодня сформулированное положение, согласно которому жизненно важная задача любого общества заключена в выработке и поддержании единой картины мира. Ибо, как подчеркнуто в работе К.Б. Соколова, «все значимое поведение людей зависит от особенностей их картины мира» [Соколов 2001, с. 1]. Человек в любом случае может познавать и действовать, лишь опираясь на картину мира. Следовательно, анализ картин мира, научных картин мира, включая социальную, был и остается важной частью философского познания.

Список литературы

1. Багдасарян 2013 – *Багдасарян В.Э.* Гуманитарная наука и научные революции. URL: <https://rusrand.ru/analytics/gumanitarnaja-nauka-i-nauchnye-revoljutsii> (дата обращения 29.04. 2021).
2. Буркова 2017 – *Буркова Л.В.* Революции в науке и массовое сознание // Революции в современном мире: наука – культура – общество: тезисы докладов международной конференции: 7-8 ноября 2017 года, философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 8-9.
3. Власова 1995 – *Власова В.Б.* Социальная картина мира как проблема идеологии // Теория и жизненный мир человека / Отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФ РАН, 1995. С. 106-121.
4. Григорьев 2000 – *Григорьев С.И.* Смена научных картин мира и социология // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 13-22.
5. Ефремов 2011 – *Ефремов Г.А.* Социально-экономическая картина мира // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». 2011. № 3-13. URL: www.grani.vspu.ru (дата обращения 29.04.2021).
6. Канке 2012 – *Канке В.А.* Философия экономической науки: Учебное пособие. М.: Инфра-М, 2012. 384 с.
7. Касавин 2014 – *Касавин И.Т.* Междисциплинарные исследования и социальная картина мира // Философия науки. 2014. Т. 19. № 1. С. 9-26.
8. Отрешко 2009 – *Отрешко Н.Б.* Картины социального мира в современной социальной теории // Вопросы социальной теории. 2009. Т. III. Вып. 1(3). С. 125-140.
9. Пигров 2005. – *Пигров К.С.* Социальная философия: Учебник. СПб.: СПбГУ, 2005. 296 с.
10. Самаркина 2012 – *Самаркина И.В.* Политическая картина мира: опыт и проблемы концептуализации // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 1. С. 49-59.
11. Соколов 2001 – *Соколов К.Б.* Человек – это его картина мира // Российская наука на заре нового века: Сборник научно-популярных статей. М.: Научный мир - Природа, 2001. С. 1-6. URL: http://csr.spbu.ru/pub/RFBP_publications/articles/social%20sciences/2001/chelovek_eto_ego_karti_na_Mira_01_hum.pdf (дата обращения 29.04.2021).
12. Сорокин, Украинцев 2019 – *Сорокин Г.В., Украинцев Н.П.* Новая научная революция и гуманитарное знание // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2019. № 1. С. 4-8.
13. Хмелевская 2017 – *Хмелевская С.А.* К вопросу об определении понятия «научная революция» // Революции в современном мире: наука – культура – общество: тезисы докладов международной конференции: 7-8 ноября 2017 года, философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 7-10.

14. Шмаков 1990 – *Шмаков В.С.* Структура исторического знания и картина мира. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. 187 с.
15. Шрейбер 1995 – *Шрейбер В.К.* Научная картина социального мира и социальные теории // Теория и жизненный мир человека / Отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФ РАН, 1995. С. 122-135.

Часть 12. Доказательство и аргументация в науке: исторические и теоретические аспекты

УДК 160.1; 164.01

ИНТРОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ КОННЕКСИВНОЙ ИМПЛИКАЦИИ

Кислов Алексей Геннадьевич
Кандидат философских наук, доцент
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
E-mail: aleksey.kislov@list.ru

Вслед за поэтапной структурой исторического становления логики в докладе рассматриваются относительно автономные аспекты развития многообразия современного логического знания. Сначала *экстралогические* аспекты, т.е. предполагающие внешние стимулы или запросы к логическим исследованиям. Среди них: практика аргументации, методология научного знания, информационные технологии и когнитивные исследования. Затем *интрологические* аспекты, т.е. опирающиеся на внутренние – как семиотические, так и метатеоретические по своей природе – возможности или ресурсы саморазвития логики, когда предметом теоретического исследования становится само логическое знание. В качестве примера рассматриваются четыре импликации в трехзначной пропозициональной логике, не сохраняющие классические значения при классических значениях переменных, но интерпретационно приемлемые: слабо-истинны при ложном antecedente. Эти четыре импликации имеют коннексивный характер в том смысле, что формулы, например, вида $(p \rightarrow^{nm} q) \rightarrow^{nm} \neg(p \rightarrow^{nm} q)$ являются тавтологиями, т.е. имеет место несовместимость antecedента с противоположностью консеквента. Соответствующие логики обладают слабыми свойствами параконсistency и паранепротиворечивости. Также будут рассмотрены вопросы: функциональной полноты множеств пропозициональных связей, содержащих данные трехзначные коннексивные импликации; взаимопределимости этих четырех импликаций; соотношения соответствующих им логик с классической пропозициональной логикой.

Ключевые слова: экстралогические стимулы развития логики, интрологические ресурсы саморазвития логики, трехзначная пропозициональная логика, коннексивные импликации.

INTROLOGICAL VARIATIONS OF CONNEXIVE IMPLICATION

Kislov Aleksey Gennadievich
PhD in Philosophy, Associate Professor
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia
E-mail: aleksey.kislov@list.ru

After taking into account the stage-by-stage structure of the historical formation of logic, we will consider in the report the relatively autonomous aspects of the development of the varieties of modern logical knowledge. First, the extralogical aspects, that is, those suggesting the outer stimuli or requests for the logical research. Among them: the practice of argumentation, the methodology of scientific knowledge, the information technology, and the cognitive research. Second, the intrological aspects, that is, based on the inner – semiotic and metatheoretical – possibilities or resources of the self-development of logic, when the logical knowledge itself becomes the subject of theoretical research. An example is the we will discuss four implications in the three-valued propositional logic that do not preserve the classical values for the classical values

of variables but are acceptable for interpretation: they are weakly-true for a false antecedent. These four implications have connexive character in the sense that the formulas, for example, of the type $(p \rightarrow^{nm} \neg q) \rightarrow^{nm} \neg(p \rightarrow^{nm} q)$ are tautologies, i.e. there is an incompatibility of the antecedent with the contrary of consequent. The corresponding logics have the weak properties of paracompleteness and of paraconsistency. We will also analyze the questions: of the functional completeness of the sets of propositional connectives that contain these three-valued connexive implications; of mutual definability of these four implications; of the correlation of their corresponding logics with classical propositional logic.

Keywords: extralogical stimulus for the development of logic, intrological resources for the self-development of logic, three-valued propositional logic, connexive implications.

1. Наряду с поэтапной структурой исторического становления логики («три золотых века логики» [Вригт 1992]) предлагаем рассматривать относительно автономные аспекты развития многообразия современного логического знания. Это и *экстралогические* аспекты, т.е. предполагающие внешние стимулы или запросы к логическим исследованиям. Среди них: практика аргументации, методология научного знания, информационные технологии и когнитивные исследования. И *интрологические* аспекты, т.е. опирающиеся на внутренние – как семиотические, так и метатеоретические по своей природе – возможности или ресурсы саморазвития логики, когда предметом теоретического исследования становится само логическое знание.

2. Именно в контексте многообразия современного логического знания, которое вследствие деуниверсализации классической логики испытывает по сути пролиферацию логических систем, рассмотрим возобновившийся интерес к идее коннексивной импликации [McCall 1966]. «Маркером» логических систем с коннексивной импликацией являются: «тезис Аристотеля» $\sim(\sim p \rightarrow p)$ или $\sim(p \rightarrow \sim p)$ и «тезис Боэция» $(p \rightarrow q) \rightarrow \sim(p \rightarrow \sim q)$ или $(p \rightarrow \sim q) \rightarrow \sim(p \rightarrow q)$, – в качестве законов (общезначимых выражений) этих логик. Приведенные выражения, разумеется, не являются общезначимыми в классической логике высказываний, однако имеются основания (и не только у вышеупомянутых философов) считать соответствующие схемы рассуждения адекватными по меньшей мере некоторой аргументационной практике.

3. Трехзначная логика Лукасевича формулируется так, чтобы основные пропозициональные связи сохраняли классические значения $\{1, 0\}$ («истина», «ложь») на классических значениях пропозициональных переменных. Добавление третьего значения ($\frac{1}{2}$) в интерпретациях отрицания, конъюнкции и дизъюнкции не вызывает сомнений, поскольку, прежде всего, сохраняются и обобщаются соответствующие принципы: «симметричности отрицания», «выбор минимального значения для конъюнкции», «выбор максимального значения для дизъюнкции». Интерпретация же трехзначной импликации, предложенная Лукасевичем \rightarrow^L , напротив, сомнения вызывает, поскольку различных обобщений свойств двузначной импликации может быть довольно много [Карпенко 1997, с. 22], такова, например, импликация в трехзначной логике Клини \rightarrow^K .

\rightarrow^L	1	$\frac{1}{2}$	0	\rightarrow^K	1	$\frac{1}{2}$	0
1	1	$\frac{1}{2}$	0	1	1	$\frac{1}{2}$	0
$\frac{1}{2}$	1	1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$
0	1	1	1	0	1	1	1

4. Но можно поступить еще радикальнее и отказаться от требования сохранения классических значений. Именно такова трехзначная интерпретация коннексивной

импликации. Наиболее известная версия [Cantwell 2008] так или иначе в экстралогическом ключе предполагает анализ и обоснование в рамках неклассической логики употребления «условного отрицания» и индикативных кондиционалов в естественно-языковой аргументации. Аналогичная версия [Ольховиков 2002; Olkhovikov 2016] также строится по экстралогическим, но уже скорее методологическим (если не когнитивным) соображениям коррекции парадоксальности материальной импликации: предлагается условные высказывания с ложными антецедентами интерпретировать не как истинные, а как слабо-истинные (истинные в интересах формализации) со значениями $\frac{1}{2}$. Так предлагается первая из трехзначных интерпретаций коннексивной импликации ($\rightarrow^{\frac{1}{2}0}$).

Реконструируя методологические установки (теорию истины) М. Даммита, т.е. опять же по экстралогическим соображениям, А.А. Беликов и Е.В. Логинов предложили альтернативную трехзначную интерпретацию коннексивной импликации (\rightarrow^{00}).

5. Рассмотрим и совершенно интрологический, не связанный с поиском внешних причин для обоснования той или иной интерпретации, а опирающийся на простой семиотический ресурс, взгляд на многообразие трехзначных версий коннексивной импликации:

- $\rightarrow^{\frac{1}{2}0}$ – нивелирует различие между «истиной» и «слабой истиной» в качестве антецедента;
- $\rightarrow^{0\frac{1}{2}}$ – нивелирует различие между «слабой истиной» и «ложью» в качестве консеквента;
- $\rightarrow^{\frac{1}{2}\frac{1}{2}}$ – увеличивает в предыдущих импликациях для «слабо-истинных» антецедентов или консеквентов «ложное» значение до «слабой истины»;
- \rightarrow^{00} – уменьшает в тех же случаях «слабо-истинное» значение до «ложного».

$\rightarrow^{\frac{1}{2}0}$	1	$\frac{1}{2}$	0
1	1	$\frac{1}{2}$	0
$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	0
0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$

$\rightarrow^{0\frac{1}{2}}$	1	$\frac{1}{2}$	0
1	1	0	0
$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$
0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$

$\rightarrow^{\frac{1}{2}\frac{1}{2}}$	1	$\frac{1}{2}$	0
1	1	$\frac{1}{2}$	0
$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$
0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$

\rightarrow^{00}	1	$\frac{1}{2}$	0
1	1	0	0
$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	0
0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$

Нам представляются интерпретационно приемлемыми и интересными для анализа (функциональная полнота, взаимоопределимость, классы тавтологий, корректная аксиоматизация и пр.) все четыре «родственные» импликации, которые имеют коннексивный характер, поскольку формулы вида $\sim(p \rightarrow^{nm} \sim p)$, $\sim(\sim p \rightarrow^{nm} p)$, $(p \rightarrow^{nm} q) \rightarrow^{nm} \sim(p \rightarrow^{nm} \sim q)$ и $(p \rightarrow^{nm} \sim q) \rightarrow^{nm} \sim(p \rightarrow^{nm} q)$ являются общезначимыми в соответствующих логиках. Именно коннексивность в смысле несовместимости антецедента с противоположностью консеквента послужила критерием генерации этой группы трехзначных импликаций.

6. Из-за двух выделенных значений проявляются слабые свойства парাপолноты и паранепротиворечивости обсуждаемых пропозициональных логик в том смысле, что отрицания закона исключенного третьего и закона не-противоречия оказываются выполнимыми формулами. Что же касается общезначимости формул вида (1) $p \rightarrow^{nm} (q \vee \sim q)$, (2) $(p \wedge \sim p) \rightarrow^{nm} q$ и (3) $(p \rightarrow^{nm} q) \rightarrow^{nm} ((p \rightarrow^{nm} \sim q) \rightarrow^{nm} \sim p)$, то имеет место следующее распределение:

	$\rightarrow^{1/2 0}$	$\rightarrow^{0 1/2}$	$\rightarrow^{1/2 1/2}$	$\rightarrow^{0 0}$
(1)	+	-	+	-
(2)	-	+	+	-
(3)	-	+	-	+

Следовательно, множество тавтологий этих логик не включает всех тавтологий классической пропозициональной логики, однако все чисто импликативные тавтологии классической логики, т.е. не содержащие знака \sim , являются тавтологиями и в этих логиках.

Справедливо заметить, что именно не получившие экстралогического обоснования импликации $\rightarrow^{0 1/2}$ и $\rightarrow^{1/2 1/2}$ – не обеспечивают *modus ponens*, но соответствующие формулы $(p \wedge (p \rightarrow^{0 1/2} q)) \rightarrow^{0 1/2} q$ и $(p \wedge (p \rightarrow^{1/2 1/2} q)) \rightarrow^{1/2 1/2} q$ – все же общезначимы.

Список литературы

1. Вригт 1992 – *Вригт Г.Х.* фон. Логика и философия в XX веке // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 80-91.
2. Карпенко 1997 – *Карпенко А.С.* Многочленные логики. М.: Наука, 1997. 223 с.
3. Cantwell 2008 – *Cantwell J.* The Logic of Conditional Negation // Notre Dame Journal of Formal Logic. 2008. Vol. 49. No. 3. Pp. 245-260.
4. McCall 1966 – *McCall S.* Connexive Implication // The Journal of Symbolic Logics. 1966. Vol. 31. Pp. 415-433.

УДК 162.6

УЧЕНЫЕ, ПРАВИТЕЛЬСТВА И ГУМАНИТАРНЫЕ ЭКСПЕРТЫ В ДЕЛИБЕРАЦИИ ПО ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ*

Микиртумов Иван Борисович

Доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: imikirtumov@gmail.com

Делиберация по вопросам экологии и климата ведется учеными, правительствами и обществом. В ее фокусе находятся научные данные, которые не имеют однозначного толкования, и предлагаемые меры, которые требуют обоснования своей эффективности. Проблема имеет глобальный характер, но институты, необходимые для делиберации, либо отсутствуют, либо очень слабы. Ответом становится экологический алармизм. Он включается в делиберацию по указанию целей научных программ в контексте общего блага и связывает науку с политикой. Алармисты не являются институциональными представителями каких-либо сообществ, но выступают от имени виртуальных агентов. Таковыми, в парадигме Латура, становятся человечество, климат, природа и пр. Это требует от экологических алармистов занятия новой позиции в делиберации. Они выступают не как научные эксперты, но как эксперты гуманитарные. Такая позиция в чем-то близка к гражданскому эксперту в проекте общества Джона Дьюи, где делиберация ведется в рамках институтов. В современной делиберации по глобальным проблемам экологии никакие институты не предлагают регламентов определения повестки. Это делает легким

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием» в Санкт-Петербургском государственном университете.

игнорирование проблем, но вместе с тем открывает путь для участия гуманитарных экспертов. Сегодня они наиболее эффективны в deliberации по вопросам стратегического развития науки с учеными и правительствами.

Ключевые слова: deliberация, научная программа, повестка, научная экспертиза, гуманитарная экспертиза.

SCIENTISTS, GOVERNMENTS AND HUMANITARIAN EXPERTS IN DELIBERATION ON ENVIRONMENTAL PROBLEMS

Mikirtumov Ivan Borisovich
PhD DSc in Philosophy, Professor
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
E-mail: imikirtumov@gmail.com

Deliberation on environmental and climate problems is being driven by scientists, governments and society. It focuses on scientific data that do not have an unambiguous interpretation, and proposed measures that require justification of their effectiveness. The problems are global, but the institutions necessary for deliberation are either absent or very weak. The answer is environmental alarmism. It is included in deliberation by choice the goals of scientific programs in the context of the common good and links science with politics. Alarmists are not institutional representatives of any community, but act on behalf of virtual agents. Such in Latour's paradigm are humankind, climate, nature, etc. This requires environmental alarmists to take a new position in deliberation. They act not as scientific experts, but as humanitarian experts. This position is somewhat close to the civilian expert in the project of the John Dewey society, where deliberation is carried out within the framework of institutions. In the modern deliberation on global environmental problems, no institutions propose regulations for setting the agenda. This makes it easy to ignore the problems, but at the same time opens the way for the participation of humanitarian experts. Today they are most effective in deliberating on the strategic development of science with scientists and governments.

Keywords: deliberation, scientific program, agenda, scientific expertise, humanitarian expertise.

В январе 2020 г. на экономическом форуме в Давосе состоялась дискуссия между экоактивисткой Гретой Тунберг и тогдашним президентом США Дональдом Трампом. В выступлении Тунберг прозвучала алармистская критика недостаточной активности правительств в деле защиты окружающей среды и предотвращения изменений климата, Трамп же заявил, что «страх и сомнение не являются хорошим направлением мысли, поскольку это время для огромных надежд, радости, оптимизма и действия» [NYT 21.01.2020], и, не вдаваясь в детали, отмел всю экологическую критику. Имела ли здесь место deliberация и если да, то как она затрагивала научное знание?

Deliberация – это публичное обсуждение вопроса, завершающееся принятием решения и действием, получающим легитимацию в глазах общества. Спор Трампа и Тунберг посвящен повестке дня: следует ли начать обсуждать вопрос о необходимости широкого научного исследования экологической и климатической ситуации, и следует ли начать обсуждение срочных мер, основанных на уже имеющихся научных данных. Специфика спора о повестке состоит в том, что стороны не могут его проигнорировать иначе как по формальным основаниям. Институциональные рамки коммуникации определяют существование повестки, и, наоборот, по тому, как она формируется и реализуется, можно сделать вывод о нормах и форме коммуникации. В неформальном общении требования вежливости и такта дают возможность отклонять вопросы, либо указывая на те или иные причины, либо просто заявляя позицию. Если коммуникация идет в рамках института – политического, правового, экспертного и пр., то в одних ситуациях нельзя отклонить вопрос, а в других – нельзя принудить к его обсуждению.

Так, стороны судебного разбирательства могут не отвечать на те или иные вопросы участников, но вопросы, заданные по существу, не могут отклонить. В то же время работающие по регламентам коллегиальные органы обсуждают лишь те вопросы, которые сами же и вносят в повестку большинством голосов.

Эти действия относятся к метауровню собственно выдвижения аргументов, и спор здесь имеет своим предметом регулирование аргументации по существу, фиксацию ее правил. Спор о повестке, будучи всегда спором в рамках института, затрагивает статусные и функциональные соотношения участников. Это имеет место и в треугольнике отношений «правительство – общество – наука», в котором обсуждаются вопросы о повестке научных исследований и административных мер, в частности, в связи с экологической и климатической проблемами. Правительства ведут политико-административную делиберацию, в ходе которой запрашивается информация со стороны общества и со стороны экспертов. Граждане ведут делиберацию на уровне здравого смысла и опираются на предполагающиеся известными не до конца, отчетливые представления об общем благе. Представители научного сообщества оперируют наиболее точными и полными данными по существу вопроса, но не располагают обычно достаточными представлениями ни об установках обществ, ни о ресурсах государств.

Говорить о делиберации применительно к научной дискуссии можно лишь ограниченно, а именно, там, где формулируются научные проблемы и вырабатываются научные методы. Можно сказать, что предметом делиберации становится парадигма, а основанием для нее – картина мира, определяемая метафорами, объясняющими моделями и метафизическими принципами. В остальных случаях сами эти методы дают достаточно ясный ответ на вопрос о том, имеет ли место приближение к истине и приращение знания, и на месте делиберации оказывается доказательство. Это верно как для современной науки, так и для старого знания. Современная нам наука в этом отношении для нас не до конца понятна, поскольку, будучи носителями картины мира, мы, хотя и осознаем ограниченность и относительность нашего знания, не можем отдать себе отчета в том, в чем именно они состоят. При этом наука оказывается результативной, и, говоря словами Бруно Латура, вещи отвечают нам, когда мы обращаемся к ним, опираясь на научное знание [Латур 2017, с. 144-145], что, впрочем, характерно для знания и знающих любой эпохи. Поэтому делиберация между политической элитой и обществом, в котором представлен весь спектр отношения к науке, начиная от адекватного понимания ее статуса и возможностей и заканчивая полным неприятием, включает ученое сообщество лишь как источник относительно надежных и разнообразных данных. Мир за пределами науки не вполне ей доверяет в вопросах общего блага.

Метапозиция политической элиты и общества относительно научного знания представляется оправданной. Еще Джон Дьюи указывал на то, что в делиберации по любым вопросам граждане – неспециалисты – должны проявлять себя как эксперты в сфере самой делиберации [Дьюи 2002]. Высказывания экспертов и неэкспертов относительно того или иного вопроса, требующего для своего понимания специальных знаний, должны оцениваться именно не-экспертами, которые в конечном счете предлагают решения, голосуют за них и претворяют их в жизнь. Компетентность в такой оценке образует часть бытия гражданином. Дьюи предполагает должный уровень образования и знакомства всех людей с наукой, ее методами и институциональными чертами, и, по его мысли, это могло бы позволить обществу принимать верные решения скорее, нежели неверные. Но даже если до решений не доходит, как сегодня мы можем это видеть в случае экологической и климатической проблем, достаточно уже того, чтобы сделать ситуацию понятной [Moore 2018, p. 648], чего, например, в целом удалось достичь в ходе разъяснения ограничительных мер, вызванных пандемией COVID-19.

Описанное Дьюи общество граждан-экспертов по универсальной делиберации не просто весьма далеко от воплощения, но до тех пор, пока повседневная практика не будет требовать от людей соответствующих навыков, оно, по-видимому, невозможно. При этом наличие делиберативных процедур между правительствами, обществом и экспертами открывает путь к участию в них не только гражданам-экспертам, но и «толпе» [Moore 2018, p. 650]. Это лишает делиберацию эффективности и создает серьезное основание для ее критики. В качестве решения проблемы «толпы» используются те или иные способы разделения экспертной и неэкспертной делиберации, формы институционализации общественного мнения, придающие точкам зрения более релевантный с точки зрения элит и экспертов вид. Это вполне удастся, но тогда критика принимает иной характер: принятие решений элитами с участием экспертов объявляется закулисным и ущемляющим права, что делает делиберацию политической.

На стыке науки и политики в нее и вступают экологические алармисты. Связывая группы экономических интересов с политическими элитами и экспертами и отталкиваясь от пока еще неоднозначных научных данных, например, об изменении климата, они усматривают систематическое блокирование внесения экологической и климатической проблематики в ее острой и требующей решения форме в мировую повестку. Институциональные формы политики, формирования общественного мнения, движения информации оказываются для экоалармистов препятствием именно в силу институциональности. Кроме того, вопрос имеет глобальный характер, в то время как ни глобального общества, ни глобального государства не существует, и на этом полюсе институты крайне слабы или вовсе отсутствуют. Дискуссия между Трампом и Тунберг по статусу участников и публики, по месту и времени разворачивается, поэтому, в цезуре институциональной среды. Статус Тунберг как участницы делиберации представляет собой наиболее интересное явление. Ею была заявлена позиция, отражающая мнения не большинства и не меньшинства, не одного государства и не многих, но виртуальных агентов – «поколения», «человечества». Эта риторическая практика сходна с парресией, описанной Мишелем Фуко, но вместе с тем позволяет войти в делиберацию в качестве носителя обновленного видения мира. В обычном виде делиберация по глобальным экологическим и климатическим вопросам затруднена их масштабом, сложностью и неоднозначностью научных данных, и аргументативная стратегия Тунберг становится возможной именно в связи с этими обстоятельствами. Перед наукой ставится задача должного исследования экологических проблем в рамках такой картины мира, где, в парадигме Латура, действуют виртуальные агенты «человечество», «природа», «климат» и пр. Говорить от их имени не могут ни ученые, ни чиновники, ни институциональные носители общественного мнения.

На эту роль призваны те, кого можно было бы назвать профессиональными «гражданами мира», или гуманитарными экспертами. Их роль в модификации картины мира введением новых метафор и объясняющих моделей аналогична позиции философов прошлого: среда не задает им вопросов, но либо признает, либо отвергает их картину мира, эксперты же и правительства действуют в сложившейся парадигме. В делиберации гуманитарный эксперт, с одной стороны, блокирует вмешательство «толпы», а с другой – превосходит по своей эффективности имеющиеся институты. Пока проект Дьюи далек от реализации, именно позиция гуманитарного эксперта оказывается наиболее действенным участником делиберации с правительствами и учеными при обсуждении стратегической научной повестки.

Список литературы

1. Дьюи 2002 – *Дьюи Д.* Общество и его проблемы. М.: Идея-Пресс, 2002.

2. Латур 2017 – *Латур Б.* Дэвиду Блуру... и не только: ответ на «Анти-Латур» Дэвида Блура // Логос. Т. 27. № 1. 2017. С. 135-162.
3. Moore 2009 – *Moore A.* Deliberative Democracy and Science // The Oxford Handbook of Deliberative Democracy / Eds.: A. Bächtiger, J.S. Dryzek, J. Mansbridge, M. Warren. Oxford University Press, 2018. Pp. 640-654.
4. NYT 21.01.2020 – *The New York Times*, Jan. 21, 2021. Trump Focuses on Economy at Davos, Seeking a Counter to Impeachment. URL: <https://www.nytimes.com/2020/01/21/business/trump-davos.html> (accessed: 20.05.2021).

УДК 165.42

НАБЛЮДЕНИЕ И ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ В СУЖДЕНИЯХ ВКУСА*

Павлухина Полина Андреевна

Студент

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ppavlukhina01@mail.ru

В данной статье на примере предиката *вкусно* обсуждаются высказывания, относящиеся к чувственному восприятию. Современные логики и лингвисты, рассматривающие данные суждения, обращают особое внимание на проблемы субъективного спора и семантического знакомства. В попытке описания и решения данных проблем сформировалось два лагеря, а именно – контекстуалисты и релятивисты, дискуссия между которыми затрагивается в данной работе. Проблемы, которые затрагиваются этими направлениями, тесно связаны с определением роли чувственного восприятия в данных суждениях. Мы утверждаем, что феноменологическое понимание суждений вкуса в своем основании позволяет учитывать многие аспекты, с которыми сталкивается семантика. В связи с этим необходимо обратить внимание на субъект, который производит означивание чувственного восприятия, выбирая те или иные языковые средства. Кроме того, мы отмечаем, что требование непосредственного опыта в суждениях вкуса может сниматься в определенных контекстах. И если, с одной стороны, суждениям вкуса необходима опора на непосредственный опыт, то с другой стороны, данные суждения содержат в себе оценивание, производящееся субъектом, что позволяет им стремиться к объективной истине, оставаясь при этом на базе субъективного опыта.

Ключевые слова: предикаты личного вкуса, субъективный спор, релятивизм, контекстуализм, семантическое знакомство, чувственное восприятие, суждения вкуса, оценивание, непосредственный опыт.

OBSERVATION AND VERBALIZATION OF SENSORY PERCEPTION IN JUDGMENTS OF TASTE

Pavlukhina Polina Andreevna

Student

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

E-mail: ppavlukhina01@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания» в Русском обществе истории и философии науки.

The article discusses the prominent issues of PPTs, such as taste, as well as their relationship to sensory perception. Modern logicians and linguists, who consider PPTs, notice the puzzle about faultless disagreement and the problem of the acquaintance inference. In an attempt to describe and solve these problems, there are two opposing doctrines that called contextualism and relativism. The discussion between them is considered in this article. Moreover, we noticed that sensory perception plays a huge role in statements, which contain PPTs. Also, we argue that the consideration of phenomenology of perception in the foundation of taste judgments allows to take into account many aspects that can help to consider semantic. Moreover, it is necessary to pay attention to the subject, who chooses certain statements due to sensory perception. In addition, we claim that the requirement of first-hand experience can be removed and it depends on the context. To sum up, on the one hand, the judgments of taste need to rely on first-hand experience, but, on the other hand, these judgments contain an evaluation, which allows them to strive for objective truth.

Keywords: predicates of personal taste, faithless disagreement, relativism, contextualism, the acquaintance inference, sensory perception, semantic evaluation, first-hand experience.

Существует разница между объективными выражениями, выражающими факты, и субъективными, которые выражают оценку, связанную со вкусами говорящего [Umbach 2021, pp. 2-4], как в примерах (1) и (2). Первый пример можно опровергнуть, апеллируя к действительности, в то время как суждения вкуса связаны с чувственным восприятием.

(1) Торт на вкус шоколадный

Нет, это не так.

(2) Этот торт вкусный

Нет, он просто ужасен!

Обращаясь к семантике суждений вкуса, мы должны учитывать две особенные характеристики, проявляющиеся в них. Во-первых, это проблема субъективного спора [Ladersonhn 2005; Zeman 2020] и, во-вторых, проблема семантического знакомства [Ninan 2014; Korotkova 2016]. Рассмотрим сначала проблему субъективного спора, которая связана с анализом противоречивых суждений относительно одного и того же объекта, как в примере (2). Если мы считаем, что оба утверждения из данного примера истинны, т.к. опираются на субъективное восприятие говорящего, то мы встаем на позицию релятивистов, которые предлагают рассматривать предложение как набор из трех параметров: время, судья и мир [Lasersonhn 2005, p. 665]. Получается, что суждения вкуса отличны не по содержанию от контекста, но относительно параметра судьи (которым чаще всего является говорящий). Формально мы можем выразить данное положение следующим образом:

(3) [[Этот торт вкусный]]^{c, w, A} = true & [[Этот торт не вкусный]]^{c, w, B} = true

В противовес ему существует направление контекстуализма, которое опровергает релятивизм в связи с тем, что собеседник не должен заранее знать, включает ли высказывание в себя опыт говорящего [Pearson 2013, p. 137]. Вместо параметра судьи контекстуалисты предлагают квантификацию по потенциальным носителям вкуса. Таким образом, предложение само по себе может быть либо истинным, либо ложным, но значения истинности могут различаться, т.к. говорящий может приписывать различные свойства тем людям, с которыми он себя идентифицирует:

(4) [[вкусно]]^{c, w, t} = [λхс. [λус. у хорош на вкус для х в мире w во времени t]]

Проблемы, с которыми сталкиваются данные направления современной семантики предикатов личного вкуса, во многом связаны с определением роли опыта в суждениях вкуса, который чаще всего выступает в качестве источника доказательства истинности утверждения [Korotkova 2016, pp. 56-57]. Можно предположить, что он является ядром, на основе которого мы можем понимать и оценивать разнообразие утверждений вкуса. Необходимость требования непосредственного опыта выражается в следующем контринтуитивном утверждении [Ninan 2014, p. 296]:

(5) Этот торт вкусный, но я его не пробовал.

Рассмотрению данного вопроса посвящена проблема семантического знакомства. Так, торт вкусный для меня, если я склонна получать вкусовое удовольствие при его употреблении. В противном случае высказывание оценивается как ложное. При этом требование непосредственного знакомства кажется весьма загадочным, ведь предрасположенность ко вкусу можно иметь и без ее проявления [Korotkova 2016, p. 66]. Следовательно, должна быть склонность получать вкусовое удовольствие от торта, даже если человек никогда не пробовал его. Возможно, требование семантического знакомства возникает потому, что является единственным способом онтологически определить, является ли что-то вкусным.

На то, что непосредственный опыт не является необходимым требованием, указывает также то, что мы не можем отождествить два нижеприведенных высказывания, т.к. в (6) речь идет о непосредственном восприятии говорящего, а в (7) выдвигается общая основа для успешной коммуникации, на основании которой мы можем утверждать вкусность торта вообще.

(6) Этот торт вкусен для меня.

(7) Этот торт вкусный.

И хотя требование непосредственно опыта кажется весьма основательным, отметим, что опыт восприятия формируется не только физиологическими особенностями, но и интересубъективным опытом, который может порождать установки относительно объектов [Rudolph 2018, p. 42]. Можно ли при этом понимать интересубъективное расширение в том же смысле, в каком мы понимаем и опыт из первых рук? Возможно, это зависит от того, насколько для человека окажется достоверным опыт другого, потому что мы не можем полностью устранить различие между индивидом и другим, т.к. это обусловлено местоположением, культурными ценностями и т.д. В связи с этим нельзя иметь то же самое отношение, что и у другого, но, тем не менее, мы можем принять выводимое им положение либо на веру, либо при помощи самостоятельного удостоверения в положении дел при помощи последующего непосредственного опыта.

Таким образом, требование опыта из первых рук может быть снято, исходя из контекста ситуации, хотя его наличие представляется более убедительным, чем его отсутствие.

Далее, оценочные установки человека, содержащиеся в суждениях вкуса, абсолютно субъективны, т.к. связаны со знанием и опытом конкретного человека, что означает возможность абстрагирования от непосредственного опыта ощущения. При оценивании предикатов вкуса шкала оценки выстраивается из пар бинарных оппозиций, между которыми выстраивается градация оценки, получая индивидуальные и групповые семантические поля. Такая форма оценивания может наполняться практически любым содержанием, которое не имеет объективного содержания, но имеет четко выраженное субъективное значение [Glanzberg 2007, p. 13]:

(8) Если обычные блинчики вкусные, то с вареньем – самые вкусные!

вкус (обычные блинчики) < вкус (блинчики с вареньем)

Собеседники не просто обмениваются информацией своей оценки, но здесь происходит попытка установления вкусности блинчиков вообще для всех людей. Получается, что выражение, построенное на субъективном опыте, стремится к объективности. Кроме того, можно заметить зависимость предикатов вкуса от контекста, в котором выстраивается определенная степень того, например, насколько что-то вкусно:

(9) Блин, который бабушка дала тебе, вкуснее, чем мой!

вкус (твой блин) > вкус (мой блин)

Вопрос о зависимости предикатов личного вкуса от контекста, конечно, спорный, но при этом контекст помогает установить стандарт вкусности, который связывается с самыми разнообразными шкалами относительно объекта в данной ситуации.

Таким образом, в основе суждения вкуса лежит не понятие объекта, но чувственное восприятие субъекта, которое вербализируется в языке. Обращаясь к семантике подобных суждений, мы должны, во-первых, учитывать роль непосредственного опыта, которая может сниматься или же определяться контекстом. Во-вторых, мы должны помнить, что сообщаем о субъективном опыте, который ко всему прочему стремится к объективности посредством системы оценивания.

Список литературы

1. Glanzberg 2007 – *Glanzberg M.* Context, content, and relativism // *Philosophical Studies*. 2007. Vol. 136. Pp. 1-29.
2. Korotkova 2016 – *Korotkova N.* Disagreement with evidentials: a call for subjectivity // In Hunter, J., Simons, M., and Stone, M., editors, *JerSem: The 20th Workshop on the Semantics and Pragmatics of Dialogue*. 2016. Pp. 55-75.
3. Lasersohn 2005 – *Lasersohn P.* Context dependence, disagreement, and predicates of personal taste // *Linguistics and Philosophy*. 2005. Vol. 28(6). Pp. 643-686.
4. Ninan 2014 – *Ninan D.* Taste predicates and the acquaintance inference // *Proceedings of SALT*. 2014. Vol. 24. Pp. 290-309
5. Pearson 2013 – *Pearson H.* A judge-free semantics for predicates of personal taste // *Journal of Semantics*. 2013. Vol. 30(3). Pp. 103-154.
6. Rudolph 2018 – *Rudolph R.E.* Talking about appearances: the roles of evaluation and experience in disagreement // *Philosophical Studies*. 2018. Vol. 177(1). Pp. 197-217
7. Umbach 2021 – *Umbach C.* Evaluative Predicates: Beyond Fun and Tasty // *The Wiley Blackwell Companion to Semantics*. 2021. Pp. 1-31
8. Zeman 2020 – *Zeman D.* Faultless Disagreement // *The Routledge Handbook of Philosophy of Relativism*. Routledge. 2020. Vol. 48. Pp. 486-495

УДК 160.1

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ЛОГИКА КАНТА – ЛОГИКА ИЛИ ВИД ФИЛОСОФСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Пушкарский Анатолий Геннадьевич

Младший научный сотрудник

Академия Кантиана Балтийского федерального университет им. Иммануила Канта

Калининград, Россия

E-mail: pushcarskiy@mail.ru

Существуют многочисленные и часто несовместимые интерпретации общей и трансцендентальной логики Канта. Наверное, следует признать, что глубина философской мысли Канта никогда не может быть исчерпана. Оказывается, что каждое новое поколение исследователей находит в ней неожиданные и нетривиальные идеи в различных сферах науки, философии и в частности – логики. Если после Канта в наиболее влиятельных философских направлениях, в немецком идеализме, неокантианстве, феноменологии логика трактуется как ключевая часть философии или как критика познания, а трансцендентальная логика развивалась как содержательная альтернатива формальной логике и как основа философской аргументации, то с зарождением современной логики ее приверженцы увидели в логике Канта только примитивную логическую систему, а его трансцендентальную логику не считали логикой вообще. Однако сегодня можно сказать, что история философии и логики

сделала новый поворот. И уже не логика Канта представляется тривиальной, а философская, трансцендентальная аргументация философов, считавших себя верными последователями Канта, выглядит тривиальной и архаичной.

Ключевые слова: логика Канта, трансцендентальная логика, гносеология, философская аргументация, символическая логика.

KANT'S TRANSCENDENTAL LOGIC – LOGIC OR A KIND OF PHILOSOPHICAL REASONING

Pushkarsky Anatoliy Gennadievich

Junior Researcher

Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University

Kaliningrad, Russia

E-mail: pushcarskiy@mail.ru

There are numerous and often incompatible interpretations of Kant's general and transcendental logic. Probably, it should be admitted that the depth of Kant's philosophical thought can never be exhausted. It turns out that each new generation of researchers finds in it unexpected and non-trivial ideas in various fields of science, philosophy and, in particular, logic. If after Kant in the most influential philosophical directions, in German idealism, neo-Kantianism, phenomenology, logic is interpreted as a key part of philosophy or as a criticism of knowledge, and transcendental logic developed as a meaningful alternative to formal logic and as the basis of philosophical argumentation, then with the emergence of modern logic its adherents saw in Kant's logic only a primitive logical system, and his transcendental logic was not considered logic at all. However, today we can say that the history of philosophy and logic has taken a new turn. And it is no longer Kant's logic that seems trivial, but the philosophical, transcendental argumentation of the philosophers who considered themselves faithful followers of Kant looks trivial and archaic.

Keywords: Kant's logic, transcendental logic, epistemology, philosophical argumentation, symbolic logic.

В «Критике чистого разума» И. Кант впервые обосновал проект новой дисциплины, трансцендентальной логики, и изложил основные ее принципы и положения. В отличие от чистой общей логики, которую Кант называет формальной и в которой сформулированы правила, относящиеся ко всем чистым и эмпирическим объектам, новая логика должна была заниматься законами, учитывающими специфику априорной структуры мышления. Кант называет трансцендентальную логику наукой «о чистом рассудке и о разумном познании, благодаря которым мы мыслим предметы совершенно а priori. Такая наука, определяющая происхождение, объем и объективную значимость подобных познаний, должна называться *трансцендентальной логикой*» [Кант 2006, с. 145]. Данная наука в теоретической философии Канта становится основным методом для решения центральных проблем метафизики и гносеологии, а также средством для критики и разоблачения теоретического разума в его стремлении выйти за пределы возможного опыта. Потому в кантовской терминологии ее следует считать частной логикой для метафизики, т.е. такой наукой, в которой формулируются правила мышления о чистом априорном знании.

В XIX и XX вв. трансцендентальная логика Канта подверглась самым различным и малосовместимым интерпретациям. Например, в неокантианской Марбургской школе логика понималась как критика познания, а само познание – как основной предмет философии; отсюда, логика становилась основой философской методологии, или логикой философской аргументации. С неокантианской школой связано прочно укоренившееся представление о т.н. традиционной логике как науке об основных формах мышления и о философской логике как центральной части теории познания. Гносеологическую трактовку теоретической философии Канта и противопоставление

формальной и содержательной логики, под которой и понималась трансцендентальная логика, разделяли и другие влиятельные философские направления, например, феноменология Э. Гуссерля. Данная традиция трактовки логики Канта и особенно его трансцендентальной логики остается определяющей и сегодня в истории философии и кантоведении. В статье «Что такое трансцендентальная логика?» автор подчеркивает, что: «Кант же... создает содержательную и *трансцендентальную* науку, обладающую гносеологическим и конструктивистским характером, стремящуюся исследовать как раз те креативно-познавательные проблемы, которые общая логика оставляет в стороне. Отсюда ясно, что, если под термином “логика” понимать формальную логику, а под термином “таблица суждений” – формально-логическую таблицу, то в этом случае кантовские логика и таблица имеют такие же названия только по недоразумению» [Семенов 2010, с. 19]. Близкая данной интерпретации трансцендентальной логики Канта состоит в том, что она может иметь только опосредованное отношение к современной логике и ее следует связывать скорее с современной когнитивной наукой или с исследованиями по искусственному интеллекту. Так В.Н. Брюшинкин пишет: «...я полагаю, что прямое применение кантовских идей к развитию современной формальной логики может иметь только эвристическое значение и не позволяет использовать все богатство кантовских идей для развития логики. Цели Канта были по преимуществу философскими. Он работал в области метафизики и теории познания. Главным компонентом его революции в философии, его “коперниканского переворота” была попытка связать все философские проблемы и их решения с априорной структурой субъекта познания. Это означает, что когда Кант говорит о логике, он имеет в виду субъекта познания, который выполняет логические действия, такие как формирование понятий и суждений и выведение следствий. Для интерпретации кантовских идей и использования их для развития символической логики нам следует ввести в философию логики промежуточное понятие – понятие *когнитивной системы*» [Брюшинкин 2006, с. 166-167].

Однако, когда на переломе XIX и XX вв. возникает современная символическая и математическая логика, отношение логиков и философов позитивистского и аналитического направлений к логике Канта становится обычно критическим и негативным. Общая чистая логика Канта оценивается просто как некоторый ограниченный и математически тривиальный фрагмент логики первого порядка. А его трансцендентальная логика не может считаться в современном смысле логикой вообще, поскольку в ней нет синтаксиса, не задана ее семантика и нет определения логического вывода.

Примечательно, тем не менее, то, что современные историки логики совсем по-другому оценивают влияние кантовской логики на пионеров и создателей современной логики. Так, например, Л. Хаапаранта, исследуя философские истоки новаторских работ Г. Фреге, отмечает: «Область, в которой работал Фреге, выходит за рамки кантовского понимания общей логики; ее, скорее, можно было бы назвать *трансцендентальной* логикой. Действительно, Кантово описание трансцендентальной аналитики полностью применимо к работе Фреге» [Хаапаранта 1986, с. 26]. Поскольку трансцендентальная логика устанавливает, как категории применяются к объектам *a priori*, то в «этом отношении “запись в понятиях” Фреге чрезвычайно близка к идее трансцендентальной логики. ... Именно потому, что фрегевская логика отвлекается не от всякого содержания познания, а только от интуиции, она может служить реализацией программы, которая, по мнению Тренделенбурга, была предложена Лейбницем и продолжена Кантом» [Хаапаранта 1986, с. 27].

Взрывное развитие современной логики во второй половине XX в. привело к тому, что к настоящему времени было построено несчетное количество различных

неклассических логических систем, отличающихся невиданной ранее степенью выразимости. Появились и интерпретации кантовской общей и трансцендентальной логики, использующие аппарат специфических видов математической логики. Наиболее известной и на шумевшей является работа Т. Ачуриоти и М. ван Ламбальгена «Формализация трансцендентальной логики Канта». В ней авторы пытаются показать, в том числе используя методы математической логики, что общая логика Канта не является фрагментом логики предикатов первого порядка, она не конечна и не является классической, и скорее ее следует отождествлять с фрагментом интуиционистской логики. А трансцендентальная логика Канта – это логика в строгом формальном смысле, имеющая семантику и определение логического вывода, но значительно более сложные, чем в логике первого порядка. Они пытаются доказать, что: «(i) формальная логика Канта является слишком ограниченной, только если предполагается, что лежащая в ее основе семантика есть семантика классической логики первого порядка, в то время как Кантом подразумевалось нечто от нее отличное, (ii) подразумеваемая семантика строится вокруг трех различных кантовских понятий объекта, которым может быть дано точное математическое выражение, приводя, таким образом, к формализации трансцендентальной логики, и (iii) логическая система, построенная на предложенной семантике, очень сходная с формальной логикой Канта, является определенной подсистемой логики первого порядка, а именно, геометрической логикой» [Achourioti, Lambalgen 2011, p. 254]. Все же такая «глубокая» формализация с помощью довольно изощренных методов математической логики представляется сильной модернизацией собственно логики Канта, поскольку: во-первых, его логика относится к таким познавательным способностям как рассудок и разум, которые, в отличие от созерцания, всегда имеют дело с конечным; во-вторых, она включает в себя традиционную логику понятий, которая предполагает построение *иерархии понятий*, всегда конечной и включающей *множества понятий, а не предметов*; в-третьих, основным логическим аппаратом логического вывода у Канта все равно остается силлогистика, которая не позволяет адекватно представлять некоторые сложные отношения математических объектов (см. о этом: [Пушкарский 2021]), например, такое, как отношение плотного порядка, и наиболее подходящим для ее адекватной реконструкции представляется аппарат современных силлогистических теорий [Бочаров, Маркин 2010]; и, наконец, трансцендентальная логика является логикой частного применения рассудка, которая содержит «правила правильного мышления» о чистом априорном знании, а не о математических или геометрических объектах. Однако, в кантовской классификации логик можно найти место и для геометрической логики как *logica specialis* (см. о этом: [Зеебом 1993 с. 69]), учитывающей специфику особого рода математических объектов (а именно топосов Гротендика).

Многочисленные и противоречивые интерпретации логики Канта, видимо, показывают, что глубина философской мысли Канта никогда не может быть исчерпана. Оказывается, что каждое новое поколение исследователей находит в ней неожиданные и нетривиальные идеи в различных сферах науки, философии и в частности – логики. И сегодня можно сказать, что история философии и логики сделала новый поворот. И уже не логика Канта представляется примитивной, а философская, трансцендентальная аргументация философов, считавших себя верными последователями Канта, выглядит тривиальной и архаичной.

Список литературы

1. Бочаров, Маркин 2010 – Бочаров В.А., Маркин В.И. Силлогистические теории. М.: Прогресс-Традиция, 2010.

2. Брюшинкин 2006 – *Брюшинкин В.Н.* Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. Калининград, 2006, Вып. 26. С. 148-167.
3. Зеебом 1993 – *Зеебом Т.М.* Логика понятий как предпосылка кантовской формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. Вып. 17. Калининград, 1993. С. 67-81.
4. Кант 2006 – *Кант И.* Критика чистого разума (В) // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 2, ч. 1. М.: Наука, 2006.
5. Пушкарский 2021 – *Пушкарский А.Г.* О соотношении логики и философии математики Канта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. (в печати).
6. Семенов 2010 – *Семенов В.Е.* Что такое трансцендентальная логика? // Кантовский сборник: научный журнал. 2010. № 3(33). Калининград, 2010. С. 7-23.
7. Хаапаранта 1986 – *Хаапаранта Л.* Кант и философские основания логики Фреге // Кантовский сборник. Калининград, 1986. №1(11). С. 16-28.
8. Achourioti, Lambalgen 2011 – *Achourioti T., Lambalgen M. van.* A formalisation of Kant's transcendental logic // Review of Symbolic Logic. Vol. 4(2), 2011. Pp. 254-289.

УДК 16.164.02, 510.62

О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ ВЫРАЖЕНИЙ ЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В «ОСНОВНЫХ ЗАКОНАХ АРИФМЕТИКИ» Г. ФРЕГЕ

Черноскотов Юрий Юрьевич

Кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: chernoskutov@mail.ru

В статье производится частичная формальная реконструкция языка логики, представленного в работе Готтлоба Фреге «Основные законы арифметики». Уделяется внимание неадекватности, неизбежно возникающей при попытках изложить язык Фреге в современных общепринятых терминах. Показано, что применяемые знаки делятся на метки и имена. Рассмотрены особенности некоторых меток, в частности, показано, что латинские метки имеют более широкий смысл и применение, чем пропозициональные переменные. Все простые имена, которых ровно восемь, представляют собой функциональные имена. Объясняется, почему фрегевский знак всеобщности выполняет скорее функцию ограничителя. Показано, как фрегевская онтология предметов и функций, ступеней функций, а также видов предметов оказывает влияние на принципы языкового строительства. Анализируются допускаемые в работе Фреге способы построения новых имен из простых, которые мы делим на два вида, названные нами «вставка» и «удаление». Исследуются предлагаемые в рассматриваемой работе критерии для установления того факта, что простые имена, а также имена, построенные из простых в соответствии с правилами, имеют значение. Заслуживает внимания тот факт, что эти критерии приводятся только для имен, построенных способом вставки.

Ключевые слова: Фреге, «Основные законы арифметики», язык, имена, предложения, вставка, удаление.

ON THE PRINCIPLES OF CONSTRUCTING EXPRESSIONS OF LOGICAL LANGUAGE IN FREGE'S *BASIC LAWS OF ARITHMETIC*

Chernoskutov Yuriy Yurievich
PhD in Philosophy, Associate Professor
Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia
E-mail: chernoskutov@mail.ru

The partial reconstruction of the logical language presented in Frege's opus magnum *Grundgesetze der Arithmetik* is carried through in the paper. We point out on some inevitable distortions which arise when we try to expose Fregean language in current conventional terms. Frege divides the signs on marks and names. Peculiarities of some marks are considered, in particular, it is pointed that roman marks have broader sense and application than propositional variables. All the primitive names, number of which is equal to eight, are functional names. It is explained why Fregean sign of universality works rather as restricting device than as quantifying one. It is demonstrated, in which ways Fregean ontology of objects and functions, of levels of functions and kinds of objects impacts the principles of language constructing. We inquire the ways of building new names from the primitive ones which Frege adopts and divide these ways on two sorts, which we term as *insertion* and *removing*. We discuss the criteria which Frege proposes in this work for testing whether primitive names and names constructed in accordance with rules have denotation. We pay attention to the noteworthy fact that those criteria are provided only for names constructed by means of insertion.

Keywords: Frege, *Basic Laws of Arithmetic*, language, logic, name, sentence, insertion, removing.

В первом томе работы Фреге «Основные законы арифметики» [Frege 1893] представлена первая в истории логики логическая система в современном смысле слова. Тем не менее в силу известных причин она не стала парадигмой развития логических исследований. Некоторые важные моменты переключались и были использованы в «Principia Mathematica» Б. Рассела и А.Н. Уайтхеда и в «Основаниях теоретической логики» Д. Гильберта и В. Аккермана и многих других фундаментальных трудах. Тем не менее попытки изложить систему Фреге в терминах, ставших общепринятыми благодаря упомянутым работам, приведут к неизбежным существенным искажениям ключевых подходов, на которых основывались построения Фреге.

В качестве простейших символов используются «метки», которые Фреге характеризует как «вспомогательные знаки». Они не имеют самостоятельного значения, поэтому не являются именами. Их назначение в том, чтобы отмечать аргументные места, которые должны заполняться подходящими именами. Особый подвид меток образуют прописные буквы, которые соответствуют константам современных формализованных языков. По словам Фреге, их надо применять, «как если бы они нечто обозначали, не задавая их значения» [Frege 1893, S. 9].

Все метки, включая и буквы, делятся на предметные и функциональные. Для того чтобы показать, именами каких типов предметов должны заполняться аргументные места, используются буквы из разных фрагментов различных алфавитов: греческого, латинского и готического. Латинские буквы обычно соответствуют свободным переменным, готические – связанным; при этом латинскими буквами могут выражаться не только предметные, но и пропозициональные переменные. Буквы α и ε зарезервированы для пробегов значений, φ и ψ – для функций первой степени, $\mu\beta$ – для функций второй степени. Особую роль играют латинские метки. В отличие от остальных, они не просто помечают аргументные места, но подразумевают всеобщность. В то время как область остальных меток ограничена именами или метками функций, аргументные места которых те помечают, область латинских меток

распространяется на все предложение, в которое они входят. Более того, как явствует из замечания в § 17, их область даже выходит за границы предложения [Frege 1893, S. 31], и фактически распространяется на всю совокупность понятийной записи, поэтому Фреге обосновывает правомерность некоторых умозаключений тем, что в выражении основных законов и правил перехода от одних предложений к другим используются именно латинские метки.

Другой особенностью языка Фреге является то, что областью действия характеризуются не кванторы или иные операторы, но сами метки и буквы. Поэтому кванторы у него описывают скорее не всеобщность, но ограничение. Если область латинской метки, как мы сказали, распространяется на все предложение, то область готической буквы заканчивается там, где появляется (соответствующее современному квантору) углубление, над которым помещена требуемая готическая буква, при движении справа налево и снизу вверх.

Еще один «особый» знак, который не является именем понятийного письма – это знак суждения, выражаемый вертикальной чертой. Он говорит о том, что следующая вслед за ним последовательность знаков является именем истины.

Перечисленные вспомогательные знаки используются для образования простых имен, которых в языке «Основных законов арифметики» насчитывается ровно восемь:

Имена функций первой ступени:

1. — ξ – направляющая.
2. $\top \xi$ – имя функции отрицания.
3. $\lceil \xi$ – имя функции условной связи.
4. $\xi = \zeta$ – имя функции равенства.
5. $\backslash \xi$ – имя функции, заменяющей определенный артикль.

Имена функций второй ступени:

6. $\overset{a}{\smile}$ $\varphi(a)$ – имя функции всеобщности.
7. $\dot{\epsilon} \varphi(\epsilon)$ – имя функции пробега значений.

Имя функции третьей ступени:

8. $\forall f \mu_{\beta}(f(\beta))$

Все имена, кроме пятого и седьмого, могут быть именами только истинностных значений; но во всех них в качестве аргументов могут выступать не только пропозициональные (на языке Фреге – имена истинностных значений), но и любые переменные или константы, т.е. имена любых предметов. Не без сожаления заметим, что это создает одну из предпосылок для появления знаменитого противоречия, обнаруженного Б. Расселом, которое разрушает всю систему. Как бы то ни было, сейчас мы хотим обратить внимание на то, что простыми именами в языке «Основных законов арифметики» являются только функциональные имена.

В систематической записи главного труда Фреге полными единицами выступают только предложения, но поскольку предложения объясняются как особого рода имена – имена истинностных значений, язык строится как соединение имен различного вида. Поскольку же онтология Фреге знает два рода сущностей – предметы и функции, то и имена делятся на имена предметов и имена функций. Вместе с тем в числе первичных, или простых, знаков системы, повторим, содержатся только имена функций. Кроме того, имеются ограничения на заполнение аргументных мест. Фреге выделяет три вида аргументов: предметы, функции первой ступени с одним аргументом и функции первой ступени с двумя аргументами. Соответственно этому делятся и аргументные места, каждое из которых может заполняться только аргументом подходящего вида.

Образование новых имен может происходить только двумя способами: либо в результате заполнения аргументных мест какими-либо именами, либо в результате

удаления имен с созданием аргументных мест. Первый из них мы обозначаем как «вставку», второй – как «удаление». Кроме того, можно заметить, что фактически Фреге использует еще один способ образования имен, который не оговаривается им явно в качестве такового. Это – замена имени латинской меткой. Как ни странно, именно так образованы те имена истинностных значений, которые являются основными законами системы. Далее, как нами выясняется, с помощью вставки можно строить как собственные, так и функциональные имена, а с помощью удаления – только функциональные имена. Поэтому на некоторых шагах построения имени может быть применена не всякая операция. Исходя из этого, нами проанализированы трудности, которые возникают при попытке реконструировать правила Фреге в виде индуктивного определения на базисе его простых имен. Так, возникнет необходимость отдельным пунктом оговаривать, что операции удаления могут применяться не ранее, чем на втором шаге индукции. Кроме того, индукция здесь не может быть неограниченной: пределом для применения вставки служит собственное имя, а для удаления – имя, среди частей которого есть только одно имя, а все остальные части являются метками (или, с учетом еще одного, третьего, замеченного нами способа, имя состоящее только из имен функций и меток). Наконец, несложно подсчитать, что, комбинируя вставки, удаления и замены с допустимыми для каждой из них парами имен, мы можем получить ровно десять возможных преобразований.

Важное место в рассуждениях Фреге занимают вопросы, связанные с исследованием значений имен. Хорошо известен его тезис, сформулированный в статье «О смысле и значении», согласно которому предложение, содержащее необозначающее имя, может иметь смысл, но не может иметь значения [Фреге 1892, с. 234-235]. Следуя этому тезису, в «Основных законах арифметики» Фреге тщательно следит за тем, чтобы в развиваемом им искусственном языке не могли появиться имена, не имеющие значения. По крайней мере два параграфа целиком посвящены обоснованию того, что все имена понятийного письма имеют значение.

В § 29 задаются условия, при которых собственные имена и имена функций имеют значение. Затем в § 31 доказывается, во-первых, что все восемь простых имен являются обозначающими и, во-вторых, что все имена, построенные из них с помощью упомянутых выше способов вставки и удаления, удовлетворяют этим условиям и потому всегда являются обозначающими. Надо сказать, что некоторые из этих доказательств довольно спорны и являются предметом обширных дискуссий, поскольку, как показывает парадокс, обнаруженный Расселом, некоторые из этих имен могут иметь более чем одно значение. Мы вынуждены обойти вниманием эту важную тему (для тщательного знакомства с вопросом можно порекомендовать исследования: [Demopoulos 1997; Heck 2012; Thiel 1996]), поскольку нас здесь интересуют прежде всего принципы построения выражений языка.

Введем некоторые обозначения так, чтобы учесть способы употребления символов, принятые в «Основных законах арифметики». Пусть $\downarrow(\Phi(\xi), \Delta_\xi)$ обозначает вставку имени Δ в имя функции $\Phi(\xi)$ на место, отмеченное меткой ξ . Справа от знака \downarrow будем записывать имя, получаемое в результате такой вставки. Восклицательный знак после знака или последовательности знаков будет обозначать, что этот знак или последовательность знаков имеет значение.

Тогда условия обладания значением для различных видов имен описываются следующими пятью предложениями:

1. $\Delta! \Leftrightarrow \downarrow \forall \Phi(\Phi(\xi), \Delta!_\xi) \downarrow \sim \Phi(\Delta)! \ \& \ \downarrow \forall \Psi(\Psi(\xi, \zeta), \Delta!_\xi) \downarrow \sim \Phi(\zeta)! \ \& \ \downarrow \forall \Psi(\Psi(\xi, \zeta), \Delta!_\zeta) \downarrow \sim \Phi(\xi)!$
2. $\Phi(\xi)! \Leftrightarrow \downarrow \forall \Delta(\Phi(\xi), \Delta!_\xi) \downarrow \sim \Phi(\Delta)!$
3. $\Psi(\xi, \zeta)! \Leftrightarrow \downarrow \forall \Delta \forall \Gamma(\Psi(\xi, \zeta), \Delta!_\xi, \Gamma!_\zeta) \downarrow \sim \Psi(\Delta, \Gamma)!$

4. $M_{\xi}(\varphi(\xi))! \Leftrightarrow \downarrow \forall \Phi(\varphi(\xi), \Phi(\xi)!_{\varphi}) \mid \sim \rightarrow M_{\xi}(\Phi(\xi))!$
 5. $\forall f \mu_{\beta}(f(\beta))! \Leftrightarrow \downarrow \forall M_{\beta}(\forall f \mu_{\beta}(f(\beta)), M_{\beta}(\varphi(\beta)))!_{\mu_{\beta}} \mid \sim \rightarrow M_{\beta}(\varphi(\beta))!$

Заметим, что критерии обладания значением приведены только для имен, получаемых методом вставки. Фреге действительно не предлагает общего обоснования того, что имена, построенные с помощью удаления или замены, являются обозначающими. Исключения составляют отдельные случаи конкретных предложений, например, тех, которые отбираются в качестве основных законов системы.

Список литературы

1. Фреге 1892 – *Frege G.* О смысле и значении // Готтлоб Фреге. Логика и логическая семантика. М.: Аспект пресс, 2000. С. 230-246.
2. Demopoulos 1997 – *Demopoulos W.* (ed.). *Frege's Philosophy of Mathematics.* Cambridge Mass., L.: Harvard UP, 1997, 464 p.
3. Frege 1893 – *Frege G.* Grundgesetze der Arithmetik, Bd.1. Jena: Verlag von Herman Pohle, 1893, 254 p.
4. Heck 2012 – *Heck R.* Reading Frege's Grundgesetze. Oxford: Clarendon Press, 2012, 296 p.
5. Thiel 1996 – *Thiel Ch.* On the structure of Frege's System of Logic // Frege: Importance and Legacy. Ed.: Schirn M. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 1996, Pp. 261-279.

УДК 165.0

ЗНАНИЕ КАК ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ УСТАНОВКА. СЛЕДСТВИЯ АНАЛИЗА ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ОПЕРАТОРОВ*

Шкаброва Мария Васильевна

Студент

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: rojerdeep@gmail.com

Автор рассматривает проблему интерпретации знания и ее следствия для философского осмысления науки. Выбранный ракурс – знание как область, внутри которой возникает пропозициональная установка, привязывающая интерпретацию к контексту высказывания, а также к самой фигуре говорящего. Проводится анализ эпистемических операторов в их сравнении с модальными операторами, обращается внимание на связь необходимости и знания, как и на проблему их совмещения. Объясняется этот факт различной степенью пенетрации операторов. Будучи только полупенетрационными, воздействие эпистемических операторов на истинностную характеристику предложений-следствий вызывает аномалии в некоторых случаях. Таковыми являются пресуппозиции и следствия, выходящие за рамки фактов, известных субъекту. Далее, знание рассматривается в контексте теории информации. Установка знания возникает с данной точки зрения вместе с информационной насыщенностью того или иного убеждения, принадлежащего агенту высказывания. Поскольку информационная насыщенность глубоко зависит от контекста высказывания, а также контекста восприятия агентом объекта высказывания, мы приходим к вопросу о принципиальности занятия позиции в споре между релятивизмом и контекстуализмом. В своем рассуждении автор опирается на работы Ф. Дрецке, Я. Хинтикки, Р. Чисольма, И.Е. Прися.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания» в Русском обществе истории и философии науки.

Ключевые слова: пропозициональная установка, эпистемическая логика, релятивизм, контекстуализм, теория информации, восприятие, феноменологический анализ, философия науки.

KNOWLEDGE AS A PROPOSITIONAL ATTITUDE. CONSEQUENCES OF THE EPISTEMIC OPERATOR'S ANALYSIS.

Shkabrova Maria Vasilievna

Student

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

E-mail: rojerdeep@gmail.com

The author researches the problem of the interpretation of knowledge and its consequences for the philosophical understanding of science. The chosen perspective is knowledge as a field within which a propositional attitude arises. The propositional attitude binds the interpretation to the context of the utterance, as well as to the speaker's figure itself. The analysis of epistemic operators in their comparison with modal operators is carried out, attention is drawn to the connection between necessity and knowledge, to the problem of their interaction. This fact is explained by the varying degrees of penetration. Being only semi-penetrative, the effect of epistemic operators on the truth-value of consequence sentences causes anomalies in some cases. These are presuppositions and consequences that known by subject. Further, knowledge is considered in the context of information theory. The attitude arises, from this point of view, together with the informational richness of belief belonging to the agent of the utterance. Since the information saturation deeply depends on the context of the utterance, as well as on the perception of the object of the utterance, we come to the question of taking a position in the dispute between relativism and contextualism. The author relies on the works of F. Dretske, J. Hintikka, Chisholm, I.E. Pris.

Keywords: propositional attitude, epistemic logic, relativism, contextualism, theory of information, perception, phenomenological analysis, philosophy of science.

Проблема взаимосвязи знания и необходимости имеет особое значение для науки, в особенности для ее теоретического аспекта. Операторы возможности и необходимости являются составляющими модальной логики. Использование данных операторов предполагает распространение их действия на события, относительно независимые от позиции субъекта высказывания. Истинность выражения «необходимо, что соль растворяется в горячей воде» предполагает, что во всех возможных мирах соль, добавленная в горячую воду, растворится, невзирая на какое бы то ни было отношение к этому обстоятельству некоторого индивида. Однако все меняется, если выражение принимает вид «я знаю, что соль растворяется в горячей воде». Оператор знания является эпистемическим оператором, указывающим на наличие пропозициональной установки.

Мы постоянно употребляем подобные высказывания в некотором контексте. Иначе говоря, утверждение знания чего-либо требует обстоятельств, имеющих свою специфику. Каковы же особенности эпистемических операторов? Обратимся к статье Ф. Дрекке [Dretske 1970]. Операторами он называет такие структурные элементы языка, которые, употребляемые в контексте высказывания, изменяют его, преобразуя таким образом в новое высказывание. Автор пишет о наличии у некоторых операторов свойства пенетрации, содержательно заключающегося в следующем. Пусть «О» обозначает оператор, тогда «О(Р)» – высказывание, полученное путем воздействия оператора О на содержание утверждения Р. Для операторов, обладающих свойством пенетрации, справедливо: если из Р следует Н, то из О(Р) с следует О(Н).

Так, мы можем классифицировать высказывания, содержащие различные операторы, на полностью пенетрационные, полупенетрационные и непенетрационные. Например, непенетрационным является оператор «быть странным»: «Если странно, что

Р, то странно также Н». Это видно из конкретного случая употребления: «Раз странен факт брака Мэри и Билла, то также странно, что Мэри замужем». Взяв само по себе предложение «Мэри и Билл состоят в браке», мы бесспорно можем вывести «Мэри замужем» в качестве следствия. При этом из странности брака Билла и Мэри не следует, что замужество Мэри – странный факт (поскольку она может быть замужем за другим человеком).

В ситуации с эпистемическими операторами, такими как «причина быть убежденным, что», «знать, что» и т.п., Дрекке утверждает, что все эпистемические операторы – полупенетрационные. Т.е. их степень пенетрации явно выше, нежели у непенетрационных, однако не во всех случаях оператор может адекватно распространяться на следствия некоторой пропозиции. Во-первых, пенетрация эпистемических операторов не распространяется на пресуппозиции и «контрастные» следствия. Автор отвергает принцип: если агент высказывания не знает, что Н истинно, зная при этом, что из Р следует Н, то он не знает, что Р истинно. Во-вторых, область доступных для воздействия оператора следствий ограничивается известными следствиями. Однако это утверждение дискуссионно, поскольку затрагивает еще один проблемный принцип: «Если Н – необходимое следствие Р, то каждый релевантный агент знает, что Н».

Проблемным данный принцип является постольку, поскольку невольно заставляет задаться вопросом о возможности проведения связи между знанием и необходимостью, аналогии между принципами эпистемической и модальной логики. О сложностях, возникающих при принятии такой аналогии, пишет Я. Хинтикка [Hintikka 1962; Chisholm 1963]. Например, интерпретируя принцип «если невозможно, что Н, значит необходимо, что не-Р» с использованием эпистемического оператора, мы получаем: «Если невозможно, что в рамках всего, известного для А (агент установки), Н, то А знает, что не-Н». Однако последний принцип применим нерегулярно, поскольку агент установки не всегда может рассчитать все возможные варианты событий.

Об этом же пишет Дрекке. Оба автора соглашались с тем, что данный принцип был бы справедлив только для человечества, состоящего из абсолютно одаренных логиков, способных просчитать абсолютно все следствия собственного знания и убеждения. Разница же двух упомянутых принципов – в характере операторов. «Необходимо, что» – полностью пенетрационный оператор, в то время как «знает, что» – полупенетрационный. Такова точка зрения Дрекке. Хинтикка же указывает на определенный смысл, предполагаемый эпистемическим оператором. Агент может знать нечто имплицитно, или «виртуально», т.е. иметь в итоге возможность узнать. Однако это влечет довольно много вопросов, особенно касающихся интерпретации некоторых терминов (таких как «самодостаточность», отсутствие «неоправданности»), и концептуальные трудности.

Постараемся прояснить ситуацию, используя средства теории информации, поскольку она объясняет возникновение установки знания определенным образом. Говоря о специфике языка в терминах теории информации, мы отвечаем преимущественно на вопрос «почему». В том смысле, что мы стремимся выявить цель каждой языковой интерпретации в контексте ее практического (материального) воплощения. Поэтому Ф. Дрекке называет информацию ресурсом [Dretske 1981].

Итак, у нас имеются: 1. Источник информации (source); 2. Получатель (receiver); 3. Канал передачи информации (channel). Информация передается с помощью сигнала, исходящего от S к R по каналу C.

Как пишет Ф. Дрекке, в сумме вся информация является функцией возможностей, составляющих в совокупности реальность, и их вероятностей. И если мы можем

рассчитать количество передаваемой информации (складывая вероятности и получая статистически усредненное значение), то содержание сигнала – что сообщено – нет.

Необходимо подчеркнуть несколько важных свойств информации. Существует неопределимо большое число чувственных вхождений, не имеющих общих физических (не-относительных, сущностных) свойств, но «вызывающих» один и тот же когнитивный результат. Суть такая же, как у закона множественности оснований, разве что в его расширенной интерпретации.

Также отдельная единица информации не существует вне связи с другими, поскольку они все находятся в едином потоке информации и как бы уже содержатся друг в друге. Несмотря на это, информация является онтологически самостоятельной сущностью. Поэтому один источник информации с помощью единственного сигнала может передать несколько различных содержаний. Это в том числе зависит от R и обстоятельств, в контексте которых R оказывается воспринимающим сигнал, несущий информацию. Одним из таких обстоятельств является совокупность предварительных знаний об источнике информации. То, что процесс получения и итоговое содержание информации с необходимостью зависит от деятельности конкретного субъекта и контекста – безусловно, важное замечание, которое приведет нас к определенному рода проблемам и выводам.

Итак, элементы информации существуют в потоке и поэтому могут отсылать один к другому, но в то же время обладают полнотой и самостоятельностью – причина, по которой их можно анализировать отдельно друг от друга. Эта двойственность, на первый взгляд, смущает, но объясняется присутствием фигуры субъекта, принимающего информацию. Именно благодаря его когнитивной деятельности отдельные элементы информации связываются в собственно движущийся поток. Возможным это становится благодаря языку.

Однако, возможно, стоит задаться вопросом: не слишком ли существенная роль отводится здесь субъекту? Каким образом тогда возможно знание и, соответственно, точная наука, объективное познание? Не пришли ли мы, рассуждая таким образом, к релятивизму? Дрекке и сам задается этим вопросом. Знанием он называет подкрепленное информацией убеждение. Но некоторых может смутить данная формулировка, поскольку непонятно, в какой степени и каким родом информации должно сопровождаться то или иное убеждение.

Существует несколько разновидностей как контекстуализма, так и релятивизма. Каждый из них имеет свои особенности, но также общие моменты – как плюсы, так и минусы. Об этом пишет И.Е. Прись [Прись 2018]. Так, семантический контекстуализм постулирует, что «стандарты для знания, которым должен удовлетворять субъект S , зависят от контекста употребления субъектом-атрибутором выражения “ S знает, что p ”, приписывающего субъекту S знание, что p . Соответственно, от контекста атрибутора зависят содержание, истинностные условия выражения “ S знает, что p ” и смысл слова “знает”. При этом считается, что содержание предложения p не меняется» [Прись 2018, с. 2]. Релятивизм же видит основание различия интерпретаций в контексте оценки высказываний. Он пытается сочетать в себе преимущества как контекстуализма, так и инвариантизма, избавляясь от их недостатков. Однако автор расценивает данную попытку как неудачу и предлагает рассмотреть особый вид контекстуализма, видя проблему в интерпретационном различии знания вообще – витгенштейновский контекстуализм, приписывающий общность знания, основанную на семейном сходстве интерпретаций.

ЗаклЮчить мне бы хотелось следующим выводом. Замешательство, возникающее у нас при анализе эпистемических операторов, имеет источник в том, что их употребление происходит в рамках пропозициональной установки, в отличие от

сущностно близких к ним модальных операторов. Поэтому проблема интерпретации знания требует для собственного решения применения средств феноменологического анализа восприятия, а также теории информации (которая, мне кажется, жизнеспособна и крайне перспективна). Все это имеет огромное значение для философского осмысления существа науки, в особенности ее теоретической составляющей.

Список литературы

1. Прись 2018 – *Прись И.Е.* Витгенштейновский контекстуализм против эпистемического релятивизма // APRIORI. СЕРИЯ: Гуманитарные Науки, № 5. 7 с.
2. Chisholm 1963 – *Chisholm R.M.* “The Logic of Knowing”// The Journal of Philosophy. Vol. 60(25). Pp. 773-795.
3. Dretske 1970 – *Dretske Fr.I.* Epistemic operators. // Journal of Philosophy. Vol. 67(24). Pp. 1007-1023.
4. Dretske 1981 – *Dretske Fr.I.* Knowledge and the Flow of Information. // MIT Press.
5. Hintikka 1962 – *Hintikka, J.* Knowledge and Belief // Ithaca: Cornell University Press.

**Революция и эволюция:
модели развития в науке, культуре, социуме**

Сборник трудов III Всероссийской научной конференции

Под научной редакцией А.М. Фейгельмана

Компьютерная верстка: Т.М. Хусяинов

Тексты печатаются в литературной редакции авторов.

Подписано к использованию 06.12.2021

Формат: PDF/A. Усл. печ. л. 45.

Объем данных – 4,6 Мбайт.

Издательство «Русское общество истории и философии науки»

105062, Россия, Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2, комн. 2.

E-mail: info@rshps.ru

Официальный сайт издательства: www.rshps.ru

ISBN 978-5-6047228-3-1

9 785604 722831